

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

2012

БЕССОНОВ • ВАРТАНОВ • ВЕРОВ • ВОЛОДИХИН
ГИНЗБУРГ • ДАШКОВ • ДЯЧЕНКО • КАЛИНИЧЕНКО
МИНАКОВ • ОЛДИ • ПЕРВУШИН

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Сканировал и создал книгу - vtaкhankov

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2012

МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО
ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
АЛЕКСАНДР ГРОМОВ
АЛЕКСЕЙ ЕВТУШЕНКО
АНТОН ПЕРВУШИН
ЯРОСЛАВ ВЕРОВ
ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН
МАКСИМ ХОРСУН
ДМИТРИЙ КАЗАКОВ
АЛЕКСЕЙ ВОЛКОВ
НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО
И ДРУГИЕ

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

2012

ЭКМО

МОСКВА

2012

Составители сборника *Г. Гусаков, И. Минаков*

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Оформление *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Н 32   **Настоящая фантастика — 2012 : фантастические повести и рассказы.** — М. : Эксмо, 2012. — 736 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-56892-5

Громадному космическому кораблю-ковчегу угрожает гибель. А ведь он почти достиг цели...

Российский солдат несет нелегкую службу на далекой планете. Единственная отдушина — письма любимой девушке, которые никогда не будут доставлены по адресу...

Великий писатель, великий режиссер и... космический пришелец, который рядом с ними кажется таким неприметным...

Генри Лайон Олди, Марина и Сергей Дяченко, Алексей Бессонов, Андрей Дашков, Ярослав Веров и другие в традиционном сборнике, собранном по результатам международного фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг».

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Балашова В., Бессонов А., Бочаров А.,
Варганов С., Веров Я., Володихин Д.,
Гелприн М., Гинзбург М., Дашков А.,
Дяченко М. и С., Железняков А., Зарубина Д.,
Калининченко Н., Красносельская Е.,
Лебединская Ю., Марышев В., Мешков П.,
Минаков И., Олди Г. А., Первушин А.,
Радутный Р., Силин О., Ситников К.,
Скоренко Т., Степанов Н., Тихомиров М.,
Тулина С., Федотов Д., Чебаненко С.,
Шторм В., 2012

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-56892-5

Будущее человечества — освоение космического пространства

Зачем человеку осваивать космическое пространство? Зачем стремиться к другим мирам, когда сама Земля еще недостаточно изучена? Зачем расходовать ресурсы на покорение Вселенной, когда их не хватает для удовлетворения насущных нужд самих землян?

Эти и многие другие подобные вопросы волнуют человечество уже давно. Их начали задавать еще до начала космической эры. Сначала в контексте философских рассуждений о месте и роли человека в природе в настоящем и будущем. Позже проблема приобрела ярко выраженный материальный оттенок.

С одной стороны, ответы на эти вопросы лежат на поверхности. Стремление человека познать новое, расширить ареал своего обитания — это естественное желание. Не будь его, мы бы до сих пор жили в пещерах. А мы, к счастью, уже покинули ту «колыбель», о которой говорил «отец теоретической космонавтики» К. Э. Циолковский: «Земля — колыбель человечества, но нельзя вечно жить в колыбели». И нет никакого смысла в нее возвращаться.

Однако, с другой стороны, не так все и просто. На освоение космоса тратятся огромные средства. Бюджеты космических агентств ведущих стран

мира сравнимы с бюджетами многих развивающихся стран, в которых царят голод и нищета. В такой ситуации разговоры о «преждевременности и ненужности освоения космического пространства» не кажутся такими уж никчемными.

Попытаемся разобраться в справедливости той и другой точек зрения. Но не обособленно, а в увязке с глобальными проблемами, которые сегодня стоят перед людьми. Они касаются всего человечества, затрагивают интересы и судьбы всех стран, народов, социальных слоев, приводят к значительным экономическим и социальным потерям, а в случае их обострения могут угрожать самому существованию человеческой цивилизации.

Вот перечень основных проблем, ждущих своего скорейшего решения:

1. Проблема мира и разоружения.
2. Экологическая проблема.
3. Демографическая проблема.
4. Энергетическая проблема.
5. Сырьевая проблема.
6. Продовольственная проблема.

7. Проблема использования ресурсов Мирового океана.

8. Преодоление отсталости развивающихся стран.

В полной мере эти проблемы проявились уже в последней четверти минувшего века, а в наступившем веке стали лишь острее, заставляя лучшие умы уже сегодня заниматься поиском путей их решения, не перекладывая эту «неблагодарную» работу на плечи следующих поколений.

Появление этих проблем было вызвано целым комплексом причин.

Во-первых, никогда прежде само человечество не возрастало количественно в два с лишним раза

при жизни одного поколения — 3 миллиарда человек в 1960 году и 7 миллиардов человек в 2011 году. По оценкам, к 2050 году на Земле будут жить 10—11 миллиардов человек. Причем 94% прироста дадут развивающиеся страны и только 6% — промышленно развитые. Кроме того, мы учимся управлять процессами старения, и продолжительность жизни человека неуклонно возрастает. Все это приведет к резкому увеличению численности населения, и в связи с этим — к новым проблемам.

Во-вторых, никогда прежде для обеспечения жизнедеятельности людей не требовалось такого количества ресурсов (продовольствие, товары, сырье) и не возвращалось в окружающую среду такого количества «отходов». Можно даже утверждать, что в конце XX века мы преодолели некий Рубикон, когда природа уже не в состоянии безболезненно для себя «переварить» эти «отходы». Чем это грозит человечеству, представить не сложно — в таком мире человеку просто не будет места.

В-третьих, никогда прежде не происходили столь радикальные и столь стремительные изменения на политической арене. Причем происходит все это не в результате мировых вооруженных конфликтов, а в относительно «мирный» период развития человеческой цивилизации.

В-четвертых, никогда прежде человечество не переживало столь бурного развития науки и техники. Правда, плоды нового этапа НТР «пожинают», в первую очередь, развитые страны, все более и более увеличивая свой «отрыв» от развивающихся стран. Но и «третий мир» не гнушается участвовать в этом высокотехнологическом «безумии».

Планетарный характер вышеназванных проблем, да и причин, их породивших, требует поиска столь же масштабных путей их решения. Одним из

таких решений (а может быть, и единственным) является планомерное освоение космического пространства. Причем все возрастающими темпами. Иначе «овчинка выделки не стоит».

Какие же проблемы и как могут быть решены с помощью космонавтики?

Проблема мира и разоружения. К настоящему времени в мире уже сложилось устойчивое всеобщее понимание того, что межгосударственные споры не всегда можно и нужно решать путем вооруженного противостояния. Именно поэтому в последние 20 лет, со времен окончания «холодной войны», ни одна из стран не рискует ввязываться в крупномасштабные конфликты. Правда, тут наблюдается другая крайность — значительно увеличилось число «горячих точек». То есть «по мелочам» споры продолжают решать с помощью оружия. Людям, которые оказываются в зоне боевых действий, при этом безразлично, какой масштаб имеет конфликт — глобальный или региональный. Горе приносит любая война.

Но все это касается «земных просторов». Ситуация может кардинально измениться, если противостояние переместится на беспредельные космические просторы. Там есть где «развернуться». А это соблазн повоевать. Не зря некоторые футурологи предрекают первую «звездную войну» уже в середине XXI века. Хотя, на мой взгляд, подобное «мероприятие» случится значительно позже. Его свидетелями смогут стать лишь наши внуки. И то уже «на излете своей жизни». То есть не раньше 2090-х годов.

Единственной альтернативой не допустить «звездные войны» является недопущение милитаризации космического пространства, запрет на вывод в космос оружия массового уничтожения.

Пока еще есть время, необходимо разработать соответствующие международные соглашения, предусматривающие использование космоса исключительно в мирных целях. Не пустив оружие в космос, мы тем самым сможем погасить и земные войны. В крайнем случае сделать их не столь опасными и непредсказуемыми.

Энергетическая и сырьевая проблема. В настоящее время мы активно используем земные ресурсы, не задумываясь над тем, что их запасы будут исчерпаны уже в обозримом будущем. После этого нас ждет кризис, который по своим масштабам и последствиям будет губителен для человечества.

Чтобы этого избежать, необходимо уже сегодня активно заниматься поисками альтернативных источников энергии и продумывать концепцию использования сырьевых ресурсов Луны, планет и астероидов. До начала колонизации других планет еще далеко, но готовиться к этому необходимо уже сейчас. По крайней мере, нелишне представлять себе, как это можно будет сделать. Тогда и переход на инопланетные сырьевые ресурсы может произойти без «излишних потрясений».

Энергетическая проблема частично может быть решена с помощью огромных орбитальных электростанций, которые будут «брать» энергию от Солнца и переправлять ее на Землю. Такие проекты существуют.

Но не им принадлежит будущее. Вероятнее всего, ведущую роль будут играть атомные электростанции. На других планетах для снабжения энергией поселений, когда до этого дойдет дело, им просто не будет альтернативы. Напуганные Чернобылем и Фукусимой, мы морально не готовы это признать. Но это так.

Отдельно от других стоит продовольственная проблема. Если другие земные ресурсы могут быть заменены ресурсами с других небесных тел, то представить себе продукты питания, поставляемые на Землю из, например, «марсианских колоний», довольно сложно. Или у меня просто не хватает на это воображения?

Демографическая проблема. Если удастся решить проблему мира и разоружения, то именно рост численности населения Земли станет тем доминирующим фактором, который будет определять всю дальнейшую жизнь человечества. Чем быстрее мы достигнем предела, который может «выдержать» старушка Земля, тем быстрее мы будем задумываться о переселении на другие планеты.

По разным оценкам, Земля может «прокормить» от 12 до 30 миллиардов человек. Следовательно, по пессимистическим оценкам, о создании внеземных колоний нам придется думать уже в XXI веке, по оптимистическим оценкам — в XXII веке. В любом случае, это обозримое будущее.

И в заключение еще об одной глобальной проблеме человечества. Я сознательно не упомянул ее при перечислении других проблем, чтобы оставить на «десерт». Она касается самого существования нашей цивилизации и лишней раз доказывает, что космическая деятельность необходима как воздух. Это астероидная опасность.

Земля — лишь песчинка на бескрайних просторах Вселенной. Одна из многих, несущихся сквозь пустоту. Как планета, Земля может и «не заметить» столкновение с другим небесным телом. Она продолжит свой бесконечный путь по просторам космоса. Но для человечества это может стать последним днем.

Возможно, такое случалось уже не раз. По крайней мере, следы падения крупных метеоритов, астероидов и комет можно найти на всех континентах. Полагают, что и динозавры в свое время вымерли именно по этой причине.

Но люди не звери, и наша цивилизация достаточно технически развита, чтобы не ждать смиренно «гостей из космоса», а готовиться к такому свиданию и противостоять его губительным последствиям. Эта проблема становится с каждым годом все актуальнее и актуальнее. В последние годы стали задумываться о создании своеобразного «космического щита» от такой опасности. Хотя, как оказалось, дело это весьма непростое в техническом плане. Не говоря уж о финансовой стороне вопроса. Впрочем, когда речь идет о сохранении человеческих жизней, деньги считать не приходится.

Как видим, ни одна из проблем, стоящих перед человечеством, не может быть решена «полностью и окончательно» без освоения космического пространства. И необходимо, чтобы большинство землян осознали этот факт, отбросили свои сиюминутные желания ради сохранения жизни на Земле.

Если помните, в самом начале я привел слова Циолковского о том, что «Земля — колыбель человечества, но нельзя вечно жить в колыбели». Может показаться, что одной этой мысли вполне достаточно, чтобы доказать необходимость совершения космических полетов. Однако сам Циолковский так не считал, поэтому и сформулировал свой знаменитый перспективный план космической деятельности человечества.

Я хотел бы напомнить основные положения этого плана. Он интересен не только с исторической точки зрения, но и как вполне реальный путь, по ко-

торому земляне уже идут и будут идти в будущем, пока все пункты не будут выполнены. Может быть, выполнены полностью. Может быть, выполнены с некоторыми оговорками. Это уже детали. Но план Циолковского — вполне реальный план решения глобальных проблем человечества. Тем он ценнее. Несмотря на некоторую наивность суждений ученого, которую мы видим сейчас, но которую невозможно было увидеть в начале XX века.

Первые пункты этого плана были посвящены прогнозам относительно реактивной авиации и полетов заатмосферных реактивных аппаратов. В своем большинстве эти работы уже проведены, поэтому я не буду о них даже упоминать. А вот о пунктах, посвященных космической деятельности, поговорю подробнее.

Циолковский считал, что «космос необходимо осваивать и преобразовывать... в интересах человека, дальнейшего научно-технического и социального прогресса». С этой целью необходимо реализовать следующие мероприятия:

«...10. Вокруг Земли устраиваются обширные поселения.

11. Используют солнечную энергию не только для питания и удобств жизни (комфорта), но и для перемещения по всей Солнечной системе.

12. Основывают колонии в поясе астероидов и других местах Солнечной системы, где только находят небольшие небесные тела.

13. Развивается промышленность и размножаются невообразимо колонии.

14. Достигается индивидуальное (личности, отдельного человека) и общественное (социалистическое) совершенство.

15. Население Солнечной системы делается в сто тысяч миллионов раз больше теперешнего зем-

ного¹. Достигается предел, после которого неизбежно расселение по всему Млечному Пути.

16. Начинается угасание Солнца. Оставшееся население Солнечной системы удаляется от нее к другим солнцам, к ранее улетевшим братьям».

Циолковского можно принимать, можно критиковать, но в одном он прав безоговорочно — если человечество намерено выжить, оно не должно замыкаться в пределах одной планеты и обязано расширять ареал своего обитания сначала на другие планеты, а потом и на другие звездные миры.

Освоение космоса как глобальная проблема распадается, таким образом, на три весьма длительных этапа. Первый — освоение околоземного космического пространства, включая посещение человеком Луны, — сейчас находится в стадии воплощения в жизнь. Второй — освоение Солнечной системы — пока реализуется лишь с помощью автоматических межпланетных станций. Но уже обсуждаются проекты полетов к Марсу или астероидам. Даже сроки называются — ближайшие 25—30 лет. Правда, у этой идеи есть как сторонники, так и противники.

Третий этап — отправка экспедиций за пределы Солнечной системы и освоение иных звездных миров — пока удел футурологов и фантастов. В пользу того, что мы еще не скоро вырвемся на

---

¹ Когда К. Э. Циолковский составлял свой знаменитый план, население Земли составляло 1,6 миллиарда человек. Нетрудно подсчитать, что в п. 15 речь идет о населении Солнечной системы в 160 квинтиллионов ($1,6 \cdot 10^{20}$) человек. Трудно поверить, что такое большое количество людей может жить на просторах Солнечной системы. Современные данные говорят о том, что кроме Земли и, возможно, Марса, да и то лишь после его «тщательной подготовки» для этого, на других небесных телах жизнь невозможна. Поэтому предел численности Солнечной системы будет достигнут гораздо раньше, чем представлял себе Циолковский.

межзвездные просторы, говорят и открытия, сделанные американскими межпланетными станциями «Пионер-10», «Пионер-11», «Вояджер-1» и «Вояджер-2». Проникнув на окраины Солнечной системы, они, для начала, выяснили, что наша система имеет большие размеры, чем считалось ранее. А это означает, что и осваивать ее нам придется гораздо дольше, чем планировали.

Несмотря на ряд недостатков, план Циолковского поражает своей стройностью и с некоторыми поправками вполне может претендовать на программу развития человечества на тысячи лет вперед. Но вот панацеей от всех наших бед дня сегодняшнего он стать не может. Как и не поможет решить глобальные проблемы нашей цивилизации даже в масштабах Земли.

Почему? Да потому, что мы еще не приступили к реализации даже десятого пункта плана. Не говоря уж об одиннадцатом, двенадцатом и прочих пунктах.

Однако не стоит также надеяться, что реализация плана Циолковского начнется в ближайшее время. Причины этого следующие.

Во-первых, идея тотальной смены естественной среды обитания человека на искусственную («эфирные поселения» по терминологии Циолковского) давно утратила былую привлекательность. Она сохраняет сейчас лишь небольшое число сторонников, по мнению которых все большее отклонение от состояния равновесия с окружающей средой характеризует не только прошлое человеческой цивилизации, но и ее будущее. Большинство же людей рассматривают освоение космоса не как жесткую неумолимую реальность, а лишь как один из вариантов разрешения глобальных проблем человечества. Причем вариант и не самый дешевый, и не самый вероятный.

Во-вторых, при сложившейся ситуации человечество не успеет создать необходимое число космических колоний, прежде чем глобальный кризис захлестнет нас окончательно. Это сделало бы осуществление второго и третьего этапов плана Циолковского просто излишним.

В-третьих, все известные масштабные космические проекты, в первую очередь проекты космических поселений, которые могут быть осуществлены при современном уровне развития техники, рождают большое количество экологических, социальных, политических и психологических проблем. Наладить замкнутые производственные циклы в их рамках не удастся, а социально-политическое устройство этих поселений не ясно. Как неизвестно и то, как будет вести себя большое количество людей в малых объемах. Проще говоря, решая одну глобальную проблему, мы порождаем несколько других.

В-четвертых, сейчас наиболее громко звучат голоса людей, считающих, что космос не создан для комфортной жизни человека. Например, по мнению летчика-космонавта В. В. Лебедева, тезис Циолковского о завоевании всего околосолнечного пространства превратили в догму. Поспешное проникновение человека на другие планеты может усилить социально-политический раскол на Земле, стимулировать желание одних доминировать над другими. И вообще, человеческая природа — не для других планет. Если мы попытаемся ее изменить, она обернется против нас и погубит. Если мы все же не удержимся от заселения новых планет, возникнет раса противостоящих нам существ, которая может стать угрозой для человечества.

Впрочем, очень трудно сказать, что является поспешным, а что медленным. Может быть, действительно наше стремление в космос «со сторо-

ны» кажется суетливым. Но человечество можно понять — оно стремится «не опоздать». Отсюда и мельтешение в космосе на фоне земных проблем.

Но, хотим мы того или нет, идея космического будущего человечества прочно вписалась в нашу культуру. Она будет оказывать влияние на человеческую цивилизацию. Это — залог нашего непрерывного развития на пути прогресса и процветания, о котором мечтали и которое создают те, кто работал и работает сегодня в области космонавтики и других отраслях народного хозяйства.

Космическое пространство надо изучать, осваивать, покорять. И не только чтобы решить стоящие перед человечеством глобальные проблемы. Сегодняшние наши затраты на космонавтику — это наши инвестиции в будущее, в будущее наших потомков. Именно им суждено увидеть плоды наших сегодняшних трудов.

Александр Железняков,
Президент Фонда поддержки науки
и образования (г. Санкт-Петербург).
Член Федерации космонавтики России,
Союза журналистов России,
Международного союза журналистов,
Союза писателей Санкт-Петербурга.
Награжден медалью ордена
«За заслуги перед Отечеством» II степени (2007),
медалью «В память 300-летия
Санкт-Петербурга» (2003),
медалью РАКА «В честь 40-летия
полета в космос Ю. А. Гагарина»,
медалями Федерации космонавтики России
«За заслуги», имени К. Э. Циолковского, Ю. В. Кондратьюка,
С. П. Королева, В. П. Глушко, М. К. Янгеля, В. В. Терешковой,
медалью Национального космического агентства
Украины имени М. К. Янгеля,
лауреат Литературной премии им. А. Р. Беляева.

НФ

ОТКРЫТЫЙ КОСМОС. НАДЕЖДА ЕСТЬ!

ЗАПЕЧАТАННАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Памяти Джо–Джима посвящается

Ведь нужно, чтобы кто-то стоял у кормила! Судно дало течь по всем швам. Оно до отказа нагружено преступлениями, глупостью, нуждой... Корабль потерял управление. Команда не желает ничего больше делать и думает лишь о том, как бы разграбить трюмы, а офицеры уже строят для одних себя небольшой удобный плот, они погрузили на него все запасы пресной воды, чтобы унести ноги подобру-поздорову. Мачта трещит, ветер завывает, паруса разодраны в клочья, и эти скоты так и подохнут все вместе, потому что каждый думает только о собственной шкуре, о своей драгоценной шкуре, и о своих делишках. Скажи на милость, где уж тут помнить о всяких тонкостях, где уж тут обдумывать, сказать «да» или «нет», размышлять, не придется ли потом расплачиваться слишком дорогой ценой и сможешь ли ты после этого остаться человеком?

Жан Ануй. «Антигона»

ПРОЛОГ

оберт выпрямился, аккуратно вытер руки. После контакта с несущим нервом Корабля всегда наступало опустошение. Дирк, старший офицер, знал это, и поэтому спросил очень мягко:

— Ну как, Роб? Сможешь ты отвести этот истрепанный нерв и вырастить другой?

Роберт вяло помотал головой.

— Нет, — сказал он. — Мне кажется, вы ошибаетесь. Этот нерв — вполне здоровый. Способность к регенерации сохранена на семьдесят восемь процентов. Я не могу ни отвести, ни убить его. Он растет из центрального ствола. Попытка убить его может привести ко многим неприятностям.

В глазах Дирка что-то блеснуло. Видимо, как и Роберт, он знал, чем кончается для нервожила попытка убить живой нерв.

— А что за сбой он вызывает? — спросил Роберт. — Если бы я видел проблему целиком, я бы мог установить ее источник. В данный момент я могу сказать точно — причина не здесь.

Экран связи с мозгом «Утреннего рассвета», занимавший всю противоположную стену технической рубки, налился красным. На нем появился огромный рот — точнее, только губы, полные, чувственные.

— Программа «Через тернии к звездам» благополучно завершена, — сильным приятным голосом произнесли губы. — Начать программу «Новая колыбель»?

Дирк мгновенно налился яростью, как шарик надувается гелием из баллона. Казалось, офицер сейчас лопнет.

— Бергманн, вы что, заснули? — рявкнул он.

Бергманном звали местного техника, который сейчас сидел перед портом коммуникатора. Лицо Бергманна исказилось от усталой ненависти. Техник резким движением сунул руку в темно-синий порт коммуникации с мозгом «Рассвета». Экран связи побледнел. Первым исчез звук, затем растворились в алом мареве губы, экран снова стал прозрачным и пустым. Бергманн беззвучно упал лицом вниз. Он соскользнул со стула и свалился на пол, гулко стукнувшись об него головой. Рука Бергманна все еще находилась в недрах коммуникативного порта, когда техник потерял сознание. Когда Бергманн упал, руку сильно выгнуло вверх под неестественным углом. Роберт подоспел к потерявшему со-

знание парню и резким движением разорвал контакт. Он ощутил сопротивление порта, когда выдирает из него кисть Бергманна, и похолодел. Роберт знал, что это значит.

Дирк нажал небольшую круглую кнопку на лацкане своего алого комбинезона.

— Медика в третью операторскую, — отрывисто бросил он и добавил раздраженно: — Да, опять! Вы свободны, Ансон, — холодно сказал Дирк, обращаясь к нервожилу.

— Так точно, — сказал Роберт и с трудом оторвал взгляд от кисти Бергманна.

Рука техника выглядела, как плохо разделанная отбивная. С кисти сорвало кожу и верхний слой мяса. Но было еще кое-что, что Роберт успел заметить, прежде чем покинул третью операторскую. У Бергманна не хватало двух пальцев — указательного и мизинца. От среднего сохранилась только одна фаланга. Эти три пальца были самыми необходимыми в работе техника-нервожила.

Бергманн размыкал безусловную нейронную цепь приказа не в первый раз.

Метеорит был маленьким. Он двигался слишком быстро, чтобы система слежения могла заметить его, когда еще было можно изменить курс. Кусочек железа размером с кулачок новорожденного пробил стену космического катера в рубке пилотов, промчался сквозь нее, раздробив голову одного из них, и вылетел через противоположную стену. Космический катер, везущий домой школьников с летних каникул, был обречен. Школьники в салоне еще не знали об этом. Воздух со свистом вырвался из рубки сквозь два отверстия, давление мгновенно катастрофически упало. Пилоты бросились к дверям, чтобы покинуть рубку, но было позд-

но. Глухая створка, предупреждающая дальнейшую разгерметизацию, заблокировала дверь.

На кресло Алисы опустился непрозрачный колпак, превращая место пассажира в изолированную эвакуационную капсулу. Девочку с силой вдавило в кресло. Подлокотник выплюнул на колени Алисы кислородную маску. Кресло рванулось в свободный полет.

— Запущена программа экстренной эвакуации, — сообщил мягкий, спокойный голос. — Прижмите маску к лицу и закрепите фиксаторами на затылке. Стыковка с «Новым рассветом» будет произведена в секторе Тонга автоматически через пять минут двадцать секунд. Вы желаете видеть ход операции?

— Да, — неуверенно ответила Алиса.

— Удачное решение, — одобрила операционная система.

Часть капсулы перед девочкой стала прозрачной. Алиса увидела кусок обшивки катера. Он, крутясь как колесо, стремительно надвигался на нее. Мелькнули черные цифры бортового номера.

Сначала Кассандра подумала, что пустая, без Цветов поверхность Обшивки — вина Доминика. Он числился садовником Хрустального Сада, но в основном занимался совсем другими делами. Стогов стал садовником потому, что их всегда не хватало, а Доминик не хотел есть свою пайку зазря. Не лучшая мотивация для работы. Да и для того, чтобы быть настоящим садовником, нужны были способности. В их число входило не только отсутствие агарофобии и технические навыки посева, прополки и ухода. Цветы надо было любить, это Кассандра поняла еще когда была помощницей младшей садовницы.

А вот способен ли Доминик Стогов к любви как таковой, Кассандра сомневалась.

Цветы в порученном Доминику секторе по периметру росли неплохо, даже буйно. Но чем дальше к центру участка Стогова, тем меньше и слабее становились они. А затем начиналась бесплодная, голая Обшивка. Кассандра осмотрела весь вымерший участок. Он имел форму неправильного овала. Остановившись, Кассандра опустила на одно колено. Скафандр закрипел. Кассандра ткнула Обшивку пальцем в плотной и гибкой рукавице. Палец погрузился в Обшивку почти полностью. От удивления Кассандра приоткрыла рот. Сердце у нее екнуло. Для того, чтобы внедрить в Обшивку семена Хрустальных Цветов, использовались мощные садовые пистолеты. Проткнуть Обшивку пальцем было невозможно.

Она поднялась с колен, покосилась на Доминика.

«Вашей вины здесь нет, садовник Стогов, — телепатировала она. — Данный участок истощен, его надо удобрить. Я расскажу вам, как...»

«Я удобрял, — ответил Стогов. — По схеме интенсивного питания G, который рекомендуется к обожженным участкам. Я подумал, может, его осколками того катера задело. Результат вы видите».

«Да что же это такое?» — пытаясь заглушить нарастающий страх и отчаяние, подумала Кассандра.

«Вы знаете, что это», — ответил Доминик.

«Наверное, да», — с ненавистью ответила Старшая Садовница.

Раньше или позже, это должно было произойти.

«Но почему именно в моем секторе?» — чуть не плача, подумала Кассандра.

«Весь ужас в том, что мы ничего не можем сделать... — передала она Доминику. — Твои люди не могут поторопиться?»

«Мы делаем все, что можем, — ответил Доминик. — Но у нас нет без нервожила. Нам приходится сооружать станции-хранилища запасных баллонов с кислородом. Вы же знаете, это занимает много времени».

«Что же нам делать? — подумала Кассандра. — Я общу Куратору, но...»

«Сначала закажите новую партию садовых пистолетов, — посоветовал Доминик. — И дождитесь, когда они придут».

Они оба, не сговариваясь, посмотрели вверх. Туда, где крутилась планета, укутанная в мягкий белый шарф облаков.

1

После телепередачи про катастрофу в отсеке Тонга Кассандра впала в ступор. Когда свет погас, это не напугало ее, а помогло вернуться к реальности.

— Мама, — сказал Леон. — А разве уже пора ложиться спать?

— Я не хочу! — дополнил Лукас.

Сыновья Кассандры были близнецами. И конечно, когда сегодня утром Леон стал жаловаться, что у него болит горло и он не пойдет в садик, у Лукаса горло тоже заболело. Кассандра вызвала врача и осталась дома. Радость от того, что ей удастся побыть с детьми, омрачалась мыслью о том, что из-за больничного она получит меньше в этом месяце.

«Сейчас разгар смены, — подумала Кассандра. — Все садовники на Обшивке. Если отключился свет, то, наверное, и шлюз не работает?»

И вот тут ей стало страшно. Простая мысль о коллегах по работе привела, наконец, к пониманию того, почему отключился свет.

— Нет, еще не пора, — сказала Кассандра.

Она встала, подошла к двери. Ячейка Старшей Садовницы была больше, чем жилище простого рабочего, но все равно Кассандра могла найти в ней дверь с закрытыми глазами. Кассандра открыла ее. Как она и опасалась, света не было во всем отсеке. Тяжко ухали перегонные аппараты промышленного сектора. Но вот

замолчали и они. В беспросветном мраке послышались голоса.

— Вы не одни! Идите сюда! — кричал кто-то.

Кассандра узнала по голосу Ингрид Анье, руководительницу промышленной части сектора.

— Но будьте осторожны, не торопитесь! — продолжала Ингрид. — Идите на звук. Запевай!

И запела первая. По легенде, эту песню пела матери Крэка Джонса ее бабушка, а мать Крэка — уже ему самому, но в вольном переводе на английский. Впоследствии многие слова потеряли свой смысл и были заменены на более понятные. Песня донельзя подходила к случаю. Хотя, скорее всего, Ингрид выбрала ее спонтанно — просто потому, что ее знал каждый.

*Темная ночь, только мчатся кометы вдали,
Лишь гудит пишепровод в ночи,
да Цветы на Обшивке мерцают.*

Кассандра закрыла дверь.

— Мне придется уйти, — сказала она.

— Нет, мама! Я же болею! — возмутился Леон.

— И я! — подхватил Лукас.

— Так надо, — железным тоном ответила Кассандра. — Вы джонситы, а среди джонситов трусов не водится.

Братья синхронно вздохнули. Этот тихий, сдвоенный, покорный судьбе вздох резанул по сердцу Кассандры острым ножом.

— Вы ляжете в кроватку и ... — Кассандра задумалась.

Чем занять детей в темноте? Но тут ей в голову пришла спасительная мысль.

— Помните, мы с вами учили азбуку первых садовников? Тогда еще не все садовники были телепатами, и надо было...

— Стучать! — воскликнул Леон.

— Да, — кивнула Кассандра. — Вы будете стучать по стеночке: «Скоро, очень скоро наша мама придет».

— Чур, я первый! — завопил Леон.

— Так нечестно, я тоже хочу, — откликнулся Лукас.

Раздался топот бегущих ног, что-то тяжело упало, а затем душераздирающе мяукнуло.

— Дети, вы целы?

— Я — да, а Марс — не знаю, — беспечно ответил Леон.

Кассандра облегченно улыбнулась.

— Дверь никому не открывайте. Я открою ключом, когда вернусь, — сказала она.

Пройдя к шкафу, она на ощупь нашла там рабочий комбинезон и принялась переодеваться. Когда Кассандра уже шнуровала ботинки, она услышала стук.

— «С» обозначается иначе, — заметила она.

— Это не мы, — сказал Леон.

— Ты же еще не ушла, — пояснил Лукас.

Кассандра уже и сама поняла, что стучат в дверь.

— Кто там? — спросила она.

— Это Игорь, — ответили из-за двери.

Кассандра чуть не расплакалась от облегчения. Игорь Волков был старшим врачом Тонга. Именно его все семейство ждало с утра.

— Вот я бы в такую темень ни за что бы из дома не вышел, — осуждающе произнес Леон.

Надо думать, горло у него уже прошло.

— Это же врачи, — с глубокой горечью, как если бы речь шла о шурушунчиках, пояснил ему брат.

Кассандра тем временем открыла дверь. В проем упал свет — бледный, дрожащий, но самый настоящий. Кассандра увидела в руках Игоря Хрустальный Цветок и чуть не задохнулась от ярости. Хрустальные Цветы запрещено было срывать. Но холодная практичность матери остудила порыв профессионала. Тот, кто догадался, как решить проблему освещения в брошенном на произвол судьбы отсеке, отличался большой сообра-

зительностью. К тому же, это означало, что шлюз все еще работает — кто-то же сумел вернуться с Обшивки и принести сюда этот Цветок. Следовательно, необходимость выходить из дому стала менее насущной.

— А, Касси, ты уже готова, — радостно произнес Игорь.

Марс, довольно урча, терся о ноги гостя. В отличие от близнецов, он любил Волкова.

— Пойдем, — продолжал Игорь. — Стогов просил привести тебя и остальных в его коттедж. Нужно решить, что нам делать.

— Так вы мне в горло не полезете? — с надеждой спросил Леон.

— Полезу, полезу, — разочаровал его Игорь. — Нам бы какую-нибудь... вазу.

Кассандра пошла на кухню. Мышление ее прояснилось. Она сообразила, что смена на Обшивке началась минут на десять позже, чем закончилась телепередача.

— Кто же выгнал людей на Обшивку после этой передачи? — спросила она, роясь в шкафчике в поисках пустой бутылки.

Она хотела налить в бутылку воды, но пищепровод откликнулся молчанием.

— Доминго, конечно, — ответил Игорь бесцветным голосом.

Кассандра стиснула зубы.

— Стогов говорит, что это даже хорошо — они смогли нарвать Цветов, — продолжал Игорь. — Нет ничего хуже тьмы.

— Можно было бы растворить подкормку в воде, — сказала Кассандра, вернувшись в жилую комнату. — Тогда бы Цветок просветил дальше.

— Эйс сказал, что у него есть запас сухого пайка на неделю и воды дня на три, — сообщил Игорь.

Эйс Штильнахт заведовал материальной базой отсека Тонга.

— Они обещают организовать раздачу у складов, через четыре часа, — продолжал Игорь. — Но проблема в том, что вентиляция отсека тоже отключена.

Он ловко осмотрел болящих, невзирая на саботаж и громкие протесты.

— И что это значит? — спросила Кассандра.

— Нам хватит воздуха дня на четыре, — ответил Игорь. — А потом мы начнем задыхаться.

Он всунул лекарственную пастилку Лукасу в рот. Леон предпочел принять лекарство сам.

— Что еще отключено? — спросила Кассандра и удивилась своему спокойному тону.

— Все, — ответил Игорь. — Пассажирский и грузовой лифты заросли уже даже. И главное, никто не знает почему... Откуда взялась эта дикая ложь про метеорит, про нашу гибель?

Он положил четыре паллеты с лекарствами на стол, рядом с Хрустальным Цветком, где их легко можно было найти.

— Я знаю, — ответила Кассандра неловко.

— Расскажешь по дороге, — кивнул Игорь. — И еще. Стогов просил узнать у тебя — ты получила пистолеты?

— Да, — ответила Кассандра. — Я разбила запрос на несколько партий, чтобы это не казалось подозрительным. Вчера пришла последняя. А потом я, как мы со Стоговым и договаривались...

Она замолчала. Игорь задумчиво посмотрел на нее, но на продолжении настаивать не стал. Он знал, что все равно его услышит чуть позже. Но было ясно, что при детях эту проблему Кассандра обсуждать не будет. Она поцеловала Леона и Лукаса и вместе с Игорем покинула свою жилую ячейку.

Тьма уже не была беспросветной. В ней плыло множество алых, голубых и желтых огоньков. Пение прекратилось. Люди Ингрид покинули промышленный сектор и теперь, наверное, уже расходились по домам.

Роберт Ансон и Алексей Коренев, Куратор третьего внутреннего слоя отсеков «Нового Рассвета», стояли у лифта. Они наблюдали за погрузкой оборудования, необходимого для укрепления и ремонта Стены отсека Палау. Грузовой лифт вмещал, при правильном использовании пространства, до пяти тонн веса. И Роберт был намерен использовать каждый кубический сантиметр.

— Мне так жаль жителей Тонга, — сказал Роберт. — Подумать только — какой-то кусок космического хлама, и столько человек погибло.

Алексей Коренев понимающе улыбнулся.

— Да, космос опасен, — ответил он. — Когда вы вернетесь, Ансон, я думаю поставить вас Старшим Нервожилем Висконсина.

— Почту за честь, — подтянувшись, ответил Роберт.

— Вы очень молоды, — сказал Коренев. — Но если вы сумеете укрепить Стену Палау — а это очень непростая задача, — таким образом вы докажете, что достойны занимать этот пост. Возраст — это недостаток, который проходит со временем.

Роберт улыбнулся. Коренев доверительно наклонился к нервожилу и прошептал почти в самое ухо:

— Была еще одна кандидатура, Джека Милна. Но мы сочли ваш уровень квалификации наиболее подходящим. Мало быть одаренным нервожилем; надо еще уметь принимать нестандартные решения. А Милн... он мыслит по шаблону.

Коренев ободряюще похлопал Роберта по плечу.

— Так что теперь все зависит от вас, Ансон.

— Я справлюсь, — сказал Роберт. — Только не забудьте прислать специалистов по внешним работам. С укреплением Стены снаружи не справится ни один нервожил, какими нестандартными методами он бы ни пользовался.

— О, непременно, — кивнул Коренев. — К концу недели, я думаю, в вашем распоряжении окажется бригада опытных специалистов по внешним работам.

Из лифта вышли грузчики. Коренев приложил руку к внешней панели управления.

— Отсек Палау, — вслух произнес он.

Створки захлопнулись. Раздался удаляющийся гул. Лифт направился к точке своего назначения. Паутина транспортных туннелей опутывала тело Корабля. В каждом конкретном случае оптимальный путь выбирался мозгом «Нового Рассвета», исходя из загруженности путей. Можно было каждый день ездить на работу за три отсека от своего родного и ни разу не проехать одинаковым путем. Роберт простился с Куратором Кореневым и двинулся по коридору. Он и его бригада отправлялись в Палау пассажирским лифтом. Он шел медленнее, но был гораздо более комфортабельным. Оборудование будет в Палау через полчаса. К тому времени, когда Роберт и его бригада придут туда, местные рабочие уже успеют разгрузить технику.

У самого лифта Роберт столкнулся с Джеком Миллом.

— А я пришел тебя проводить, — сказал тот. — Не расстраиваешься, дружище, что тебя загнали в краевой сектор?

Глаза Джека лихорадочно блеснули. Роберт думал, что знает почему.

— Нет, — сказал Ансон. — Мне нравятся необычные задания.

— Да-да, — торопливо кивнул Джек. — А как же Сьюзан? Неизвестно, сколько вы там проболтаетесь. Не будешь скучать?

— Чувства проверяются в разлуке, — ответил Роберт. — И потом, точно известно, сколько мы там проболтаемся. Я вернусь через три недели, самое позднее — через месяц.

Джек наклонился к плечу Роберта — точь-в-точь как Коренев несколько минут назад — и горячо прошептал:

— Хочешь, я вместо тебя поеду? Я уже договорился. Они согласны на замену.

Роберт улыбнулся.

— Спасибо, Джек, — сказал он. — Но я хочу сделать это сам. Прости, но мне пора.

— Я знал, что ты откажешься, — упавшим голосом сказал Джек. — Но я должен был попытаться.

Он крепко, словно хотел удержать Роберта, обнял друга и отступил.

— Удачи, — сказал он.

На глазах у Джека блестели слезы.

Такой измученной Стены Роберт прежде никогда не видел. Наверное, уже сказалось влияние космического излучения и пустоты с другой стороны. А эта Стена никогда не была рассчитана на контакт с космосом. Это была обычная переборка между отсеками. При изменении назначения Стены нервожил находил в ее основании несущий нерв и давал ему команду переработать жилые ячейки. Затем на Стену наносилось несколько толстых слоев специальных укрепляющих и питательных веществ. В этот раз Стена уже не могла переработать находящиеся на ней жилые ячейки. Это была мертвая плоть Корабля. Нервы в ней или умерли, или были удалены, как узнал Роберт. Понять руководство отсека Палау, которое пошло на столь решительный шаг, было можно. Под влиянием агонии нервов жилые ячейки могли меняться в размерах и даже схлопываться, убивая людей, оказавшихся внутри. Мертвые, лишённые нервов ячейки медленно разрушались, но все же находиться в них было безопасно. Руководство Палау к приезду бригады из Центра выселило людей из Стены, ставшей Внешней стеной не только отсека, но и всего Корабля. Работники из бригады Роберта срезали разлагающуюся плоть специальными пилами и отбивали молотками. Все срезанное свозили к живой дороге, кото-

рая доставляла обрезки в Утилизатор. Как и все здесь, дорога была уже «полуживой» и двигалась очень медленно.

Однако Роберт должен был лично обойти все жилые ячейки перед их сносом и проверить, не осталось ли там где-нибудь живого нерва, хотя бы самого маленького. Обычный человек, не нервожил, который прикоснулся бы к живому нерву даже не рукой, а топором, погиб бы на месте. Было что-то жуткое в этих оставленных кварталах. Многие ячейки уже начали распадаться. В центральных отсеках стены ячеек имели яркие цвета — лиловый, красный, желтый. Здесь все ячейки были одинакового пепельно-серого цвета. Сквозь дыры в стенах была видна немудрящая обстановка жилищ. Роберт заметил, что по сравнению с начинкой жилых ячеек в Висконсине обстановка в домах Палау была гораздо беднее. «Облегченный стандарт», — пояснил Роберту Бимсли, старший инженер Палау. В этот стандарт не входила ванная комната. Было уменьшено число стульев, вместо двух стандартных шкафов для одежды имелся один, гораздо меньшего размера, а уж про полки с самовырастающими книгами тут, видимо, никто и не слышал. А ведь теперь люди были лишены и этого. Каждый день, когда Роберт шел на работу из коттеджа, он видел людей, спавших прямо на полу отсека в окружении своего скарба. Комбинезоны у жителей Палау были поношенные, очень часто рваные и весьма грязные. Когда Роберт удивился этому, Бимсли ответил, что горячую воду для нужд населения дают два раза в неделю на два часа.

— Зато питьевой воды у нас неограниченно, — словно оправдываясь, добавил он. — В Тонга и питьевую выдавали из расчета полтора литра на человека в день. А постираться у нас сложно, да.

На многих комбинезонах, утративших свой первоначальный цвет, уже нельзя было разобрать знаки различия. Было совершенно непонятно, кто перед то-

бой — работник, учитель, пенсионер. Невозможность обратиться к человеку по статусу доставляла Роберту большой дискомфорт. Местные жители знали друг друга в лицо, им было легче.

— Но тогда ведь можно приобрести пять, я не знаю, семь штук комбинезонов. И носить их по очереди, не доводя их до такого жуткого состояния, — заметил Роберт и зачерпнул ложкой склизкую кислотоватую массу. Ее здесь выдавал пищепровод всем, даже старшему инженеру отсека, при коттедже которого Роберт был поставлен на питание. Есть это было можно только от большого горя. Еда, пожалуй, раздражала Роберта в Палау больше всего. Он считал дни до своего возвращения.

Бимсли отвел глаза и ответил очень официальным тоном:

— Согласно потребительской корзине сектора Палау, утвержденной Куратором, взрослому работающему человеку выдается один комбинезон раз в два с половиной года, одна пара обуви раз в шесть лет, три комплекта белья на два года, один комплект постельного белья на три года. Головные уборы ввиду отсутствия необходимости в них не положены. Поставки, ввиду большой загруженности грузовых путей и малой значимости сектора Палау в народном хозяйстве и экономике Корабля, иногда запаздывают месяца на два-три. Так, мы должны были получить груз с новой одеждой и бытовыми принадлежностями еще месяц назад. Вот, ждем.

Роберт поперхнулся от удивления. Насколько было известно Ансону, в Палау размещался сборочный цикл приборов внешнего наблюдения Корабля. Если это неважная часть промышленности, то какая же тогда важная?

Роберт больше не возвращался к этой неприятной теме. Сам он никогда не выбирал положенную ему норму одежды и прочих вещей до конца и делился та-

лонами с матерью, которая приобретала на них одежду для младших братьев и сестер Роберта. Но ему хватало. В шкафу жилой ячейки Роберта висело штук пять сменных рабочих комбинезонов, несколько обычных костюмов для выходного дня — недавно вошедшие в моду джинсы, рубашки, свитера, кроссовки. В ванной стояло три разных одеколона, два из которых были подарены матерью и Сьюзан.

Роберт вздохнул и выбросил из головы воспомина-ние об этом разговоре. Ансон вошел в очередную ячейку, оставленную жителями. Жилая часть секторов напоминала гроздь мыльных пузырей, прилепившихся друг к другу. Внешние пузырьки-ячейки можно было и не проверять на наличие в них нервов; они уже почти полностью осыпались. Но в той ячейке, что примыкала непосредственно к Стене, нерв точно был. Надо было проверить, мертв ли он. Благодаря своей педантичности Роберт нашел уже три живых нерва в таких ячейках. В этих нервах сохранилось не больше двадцати процентов способности к регенерации. Но тому работяге, который сунулся бы сюда с топором, этого бы хватило на пожизненную инвалидность.

Роберт прошел через спальню. На кровати проступала глубокая вмятина от двух некогда лежавших здесь тел. Нерв должен был проходить по стене дальней, совсем крохотной комнаты. Ансон встал перед ней, приложил руку и прислушался к своим ощущениям. Тепла, которое всегда исходило от живого нерва, он не ощутил.

Вместо этого Роберт услышал стук.

Три коротких удара, три длинных. Снова три длинных, длинный и короткий. Затем пауза и снова: три коротких удара, три длинных...

— Скоро, — словно в трансе, озвучил послание с той стороны Стены Роберт. — Скоро!

Ансон вскрикнул и отскочил от Стены. Его мать регулярно посещала службы Единой Церкви. Но сам

Роберт, как и его отец, был агностиком. Он никогда не верил в байки о странных и злобных существах, что обитают в темных закоулках Корабля. Сердце его бешено колотилось. Звуков не могло быть. За Стеной был вакуум разгерметизированного отсека, где не осталось ничего живого. Роберт смотрел передачу про спасательную операцию, которую провели в отсеке Тонга. Конечно, после того, как метеорит пробил Обшивку, там никто не мог спастись. Но люди должны были проверить. Камеры, к сожалению, не работали в условиях отсутствия воздуха. Передача ограничилась интервью с печальными спасателями-добровольцами, которые даже не успели снять скафандры.

Стук повторился.

— Шуршунчики, — пробормотал Роберт.

Так дети, рассказывая друг другу ночью страшные истории, называли существ, состоящих из одних зубов. Они жили на Обшивке и питались Хрустальными Цветами. Иногда они нападали на садовников. Но самой заветной мечтой шуршунчиков было пробраться внутрь Корабля. Человеческая плоть куда мягче и сочнее хрусталя. Роберт повернулся и вышел из брошенной ячейки. Он устремился к давно отключенному эскалатору и побежал вниз по ступенькам. Сильное волнение снижало чувствительность нервожила. С работой на сегодня было покончено.

Путь Роберта лежал мимо нового шлюза. Бригада Ансона соорудила его на месте бывших ворот между отсеками. Бимсли и другие руководители Палау просили заделать восемь ворот из десяти имевшихся, но Роберт был непреклонен. Согласно инструкции, все десять ворот нужно было сохранить в качестве шлюзов. Работники, которым предстояло теперь производить работы на Обшивке, должны были выходить наружу без толкучки и суеты.

Вокруг шлюза находилось около десяти пассажиров «Нового Рассвета». Шла какая-то перебранка. По-

сле пережитого в пустой ячейке Роберту хотелось быть поближе к людям. Ощутить присутствие кого-то живого — пусть даже грязного и злого. Он протолкался к центру событий. Им оказалась пожилая женщина, невысокая, полная, с короткими седыми волосами. Вместо комбинезона на ней был поношенный, но чистый длинный джинсовый сарафан. Роберту приходилось видеть людей, рожденных еще на Земле. Эти члены Ареопага не сильно отличались от своих более молодых коллег. Разве что некоторые из них были лысыми, другие — седыми, но все они были физически крепкими, здоровыми людьми. Единственное, чем эта старушка напомнила Роберту этих ухоженных людей, были ее глаза — подвижные, живые и яркие. Увидев ее лицо, Роберт сначала подумал, что многочисленные грубые шрамы, покрывающие его, — результат травмы. Но потом он узнал, что морщины — это следы возраста.

— Вали отсюда! — кричал старушке мужчина в более-менее чистом комбинезоне. Из знаков различия на его груди явствовало, что это начальник коммуникаций сектора.

Остальные поддержали его дружным гулом.

— Я-то уйду, — весело сказала старушка. — Наше дело предложить, ваше дело отказаться.

— Давай-давай!

— Но я вернусь, — с достоинством ответила она. — Раньше, чем вы думаете.

Толпа взвыла и бросилась бы на старушку, если бы начальник коммуникаций сектора и его люди не удержали остальных. Старушка вошла в шлюз, створки захлопнулись. Ошарашенный Роберт не мог поверить своим глазам.

— Расходитесь, — услышал он знакомый голос. — За работу, живо!

Бимсли — а это был он — крепко взял Роберта под локоть.

— Вы плохо выглядите, Ансон, — сказал Бимсли. — Что вы здесь делаете?

— Я плохо себя чувствую, — сказал Роберт. — Но я закончил с четвертым уровнем жилых ячеек. Можно приступить к их демонтажу.

— А сейчас вам надо отдохнуть, — добавил Бимсли, внимательно оглядев Роберта. — Пойдемте, я вас провожу.

Роберт мягко высвободил руку. Они двинулись к коттеджу Бимсли.

— Ваши люди выгнали живую женщину в вакуум? — спросил Роберт.

Он никак не мог прийти в себя.

— Она уже не может работать и приносить пользу обществу, — пробормотал Бимсли.

— Но так нельзя! — воскликнул Роберт.

Несколько жителей Палау, увязавшиеся за ними, засмеялись. Эти издевательские смешки окончательно вывели Роберта из равновесия. Он не понимал этих людей и не хотел понимать. Нужно было как-то отвлечься.

— Скоро придут специалисты по внешним работам, — обратился он к Бимсли. — И моя бригада...

«...Закончит свою работу и покинет ваш сектор», — хотел он сказать. Но не успел. Кто-то ударил его в спину; Роберт упал. Люди продолжали бить его, ожесточенно, молча. Когда Бимсли вырвал окровавленного нервожила у обезумевших людей, Роберт был на грани обморока. Жители Палау стояли вокруг, тяжело дыша.

— Уайлдер, Джонс, Хагикава — лишены пайки на два дня, — жестко сказал Бимсли. Он был крупным мужчиной, а в руке у него невесть откуда появился тяжелый гаечный ключ. — Вы совсем обезумели! Если кто и может спасти нас, то только Ансон и его люди! Марш на работу!

Неохотно, ворча, нападающие разошлись. Как Бимсли дотащил Роберта до коттеджа и, кряхтя, обработал

его раны дешевой, очень жгучей мазью, Роберт не запомнил. Вскоре Ансон остался один.

«Завтра я уеду отсюда, — подумал он. — Закончу все, передам полномочия начальнику по внешним работам и уеду».

Согретый этой мыслью, он уснул.

В темноте было слышно лишь частое тяжелое дыхание нескольких тысяч человек. Было прохладно, но очень душно. Люди стремительно слабели. Участились приступы удушья и обмороки. Игорь Волков сказал, что процентное содержание кислорода в воздухе отсека еще более-менее сносное. Проблема была в другом. Начало падать давление, и все знали, что это значит. Воздух стравливался в космос через разрушающуюся Обшивку. Те Цветы, что еще слабо светились, отдали руководителям отрядов. Доминик раздал заряженные пистолеты и объяснил, как ими пользоваться. Теперь он стоял у закрытых — пока — ворот в сектор Палау вместе с остальными руководителями Тонга.

Стогов давал последнее напутствие перед боем:

— Убивайте всех. Население двух отсеков не может жить в одном. Пищепровод не выдержит двойной нагрузки. Тем более мы посылали к ним парламентаря. Просили их сжалиться над нами и дать нам приют. Но они отказали нам. Они не знают милосердия, забудем о нем и мы. Ваши командиры знают, что делать, идите за ними. В отсеке Палау сейчас ночь, и это хорошо. Если бы мы после трех суток, проведенных в темноте, вылезли на свет дня, мы были бы беспомощны, как кроты. Как только мы захватим пост охраны перед воротами, мы включим аварийное освещение. Помните — у вас зеленые комбинезоны, у палауцев — темно-синие. Все ясно?

Нестройный хор голосов ответил ему.

— А сейчас пришла пора открыть ворота, — произнес Доминик.

Он покосился на бабушку Ватю.

«Почему он так уверен, что они откроются?» — раздраженно подумала Кассандра.

Как и остальные руководители Тонга, она понимала, что ломать ворота нельзя. Состояние Обшивки стремительно ухудшалось. В последний раз, когда бригада Кассандры собирала там семена для будущего штурма Палау, Кассандра видела, что площадь мертвого пятна, обнаруженного Домиником, увеличилась. Она запретила своим людям приближаться к пятну. Все висело на волоске. Как только разъеденная старостью и коррозией Обшивка развалится, отсек Тонга разгерметизируется. Кассандра ясно чувствовала, что произойдет это в ближайшие часы. Починить сломанные ворота Палау они явно не успели бы. Жители Тонга должны были ворваться в Палау так, чтобы сохранить целостность и безопасность отсека, а не привести за собой холодную пустоту и погубить всех.

Бабушка Ватя хитро улыбнулась Доминику. Тот склонился в полупоклоне. Кассандру раздражало то, с каким пиететом Доминик относился к своей престарелой родственнице. Он даже добыл ей где-то джинсовый сарафан — немыслимая, по меркам Тонга, роскошь. Стогов уже был взрослым, самостоятельным женщиной. Доминик, по разумению Кассандры, должен был полагаться только на себя, а не оглядываться все время на свою бабулю.

Ворота с легким скрипом открылись.

Кассандра изумленно уставилась в проем. Она до самого конца не верила, что это случится.

— Вперед, — сказал Доминик. — Ведите себя тихо.

Первый отряд, которым командовала Ингрид, канул в темноту. В ворота могли пройти только три человека одновременно. Ингрид ждала с той стороны, пока весь

ее отряд соберется, прежде чем начать действовать. На освободившееся место подтягивался отряд Эйса.

— Как же тебе это удалось? — пробормотала Кассандра.

Она стояла рядом с Домиником.

— Что мне удалось? — переспросил он.

— Открыть ворота.

Стогов пожал плечами.

— Я знал, что в Палау не согласятся принять нас, — сказал он. — Но также я был уверен, что никому из этих тупиц и в голову не придет, что пожилая беспомощная леди может прицепить на шлюз и ворота отсека некий маленький и весьма забавный механизм.

Кассандра совсем по-другому взглянула на бабушку Ватю. Та подмигнула ей и почесала шею черной кошке, которая сидела на плече старушки и напряженно вглядывалась во мрак за воротами. От напряжения кошка чуть наклонила голову. «А ведь кошки видят в темноте, в отличие от нас», — вспомнила Кассандра.

Раздались хлопки выстрелов.

— Эйс, теперь ты, — сказал Доминик.

Приглядевшись к комбинезонам подошедших людей, Кассандра с удивлением увидела, что Эйса Штильнахта поставили во главе садовников. То есть тех людей, которыми она, Кассандра Шмидт, командовала последние три года.

— Разделяетесь на две группы и идете к соседним воротам, — напомнил план действий Доминик. — Свет сейчас включат, это на руку не только нам, но и врагам. Вы откроете ворота, чего бы вам это ни стоило.

— Я что-то не понимаю, — звенящим от ярости голосом перебила его Кассандра. — Что делает завхоз во главе моих людей?

Доминик поморщился.

— Ой, Касси, давай не будем меряться... ээээ... я хочу сказать, давайте не выяснять, кто здесь главнее и круче. Тебе нельзя идти, у тебя двое детей, и я подумал...

Кассандра резко ударила его по руке, в которой Доминик держал садовый пистолет. Доминик охнул, не столько от боли, сколько от неожиданности. В следующий момент Доминик обнаружил, что его собственный пистолет упирается ему в грудь.

— Меня зовут Кассандра Шмидт, — после ее голоса жидкий азот показался бы горячим чаем. — Запомните это, Стогов.

— Я все понял, — спокойно ответил Доминик. — Извините меня, Шмидт.

Кассандра подошла к садовникам. Эйс Штильнахт благоразумно посторонился.

— Пойдемте с нами, — сказала Кассандра. — Будете командовать второй частью моего отряда. Поведете их от ворот налево, и так мы захватим сразу двое ворот, а не одни.

— Благодарю за честь, — ответил мудрый Штильнахт и двинулся в конец колонны.

В Палау вспыхнул свет. От ворот на пол отсека упал яркий желтый прямоугольник. Отряд садовников вместе с Кассандрой и Эйсом промаршировал мимо Доминика и остальных начальников Тонга. Теперь из-за ворот доносились не только выстрелы, но стоны и крики. Воспользовавшись общим шумом, Игорь Волков сочувственно сказал Доминику:

— Ей не нужна твоя опека.

Доминик мрачно посмотрел на него.

— Попробуй понравиться Леону и Лукасу, — посоветовал Игорь. — Это будет куда вернее, хотя и сложнее.

— Мне кажется, это нечестно, — ответил Стогов. — Ну, когда женщина с тобой потому, что ты нравишься ее детям.

Игорь покачал головой.

— В любом случае, это еще никому не удавалось, — сообщил он. — Леон и Лукас сторожат свою мать на-

дежнее, чем то двухголовое чудовище охраняло врата мира мертвых... Как бишь его...

— А что случилось с их отцом? — перебил Доминик.

— Несчастный случай на Обшивке, — пожал плечами Игорь. — Износ скафандра сверх положенных норм, нарушение правил техники безопасности... Меня тогда на три месяца перевели на половинную пайку. Хотя, честно тебе скажу, моей вины в том не было. Заявку на новые скафандры с обоснованием я отправил за два месяца до того, как скафандр Томаса Шмидта лопнул по швам от старости. Старшего Садовника уволили. Касандру поставили на его место. Это ужасно, наверное, потерять любимого человека.

— Да, — сказал Доминик.

Шум за воротами все нарастал.

— Так, я пошел, — сказал Доминик. — Через полчаса начинайте заходить.

Игорь и его люди оставались в Тонга охранять детей, беременных женщин и нескольких старых рабочих, от которых в драке не было бы пользы.

— Давай, — сказал Игорь.

Отряд Стогова присоединился к остальным бойцам. Игорь с тревогой посмотрел в темную высь.

Роберт проснулся от грохота. По глазам резанул яркий свет. Но Роберт отчетливо ощущал, что еще слишком рано, что поспал он от силы часа два. Шатаясь, как лунатик, Роберт поднялся с постели, кое-как натянул комбинезон и вышел в коридор. Стал ясен источник звука — хозяин коттеджа, Бимсли, проворно тащил к дверям шкаф. Бимсли был крепкого сложения, но и шкаф был увесистым. Бимсли кряхтел от натуги.

— Что случилось? — пробормотал Роберт.

Снаружи доносились крики и звуки ударов.

— Кто это? — спросил Роберт, все сильнее удивляясь.

— Твои специалисты по внешним работам! — яростно рявкнул Бимсли.

В этот момент раздался хлопок. Шкаф осел на пол грудой деревянной трухи. Бимсли охнул и схватился за свой живот. Из-под пальцев сочилось красное. Роберт даже не успел испугаться. В проеме выбитой двери появилась женщина. На ней был комбинезон салатного цвета. В черных волосах женщины, коротких и взлохмаченных, как у мальчишки, выделялась длинная осветленная прядь на левом виске. В руках ее был пистолет. Роберт поднял руки, сдаваясь. Женщина как будто не заметила этого. Она наставила оружие на грудь Роберта, прищурила глаз... И увидела, что на Роберте оранжевый комбинезон.

— Так ты не из Палау? — спросила она.

— Нет, — сказал Роберт. — Я из Висконсина, техник-нервожил третьего класса.

Женщина задумчиво закусил губу. Затем подошла к Роберту и аккуратно ударила его пистолетом по голове. Для этого ей пришлось встать на цыпочки, но Роберт был настолько ошеломлен, что и не подумал сопротивляться. Оглушенный Роберт упал на пол. В проеме двери появился мужчина.

— Эйс, таких, в оранжевых комбинезонах, не трогать, — сказала женщина. — Они нам пригодятся.

— Хорошо, Кассандра, — ответил тот.

2

Существо было покрыто черной длинной шерстью. Оно сидело спокойно и с любопытством рассматривало Роберта. И оно было живым. Нервожил третьего уровня не мог ошибаться. Но оно *не могло быть живым*, и именно это повергло Роберта в ужас. Существо наклонило свою треугольную мордочку и обнюхало лицо Робер-

та. Колючие усы уткнулись в щеку. Видимо, существо осталось довольно результатом, поскольку легко прыгнуло на грудь Ансона и устроилось там. Он ощутил его когти, крепкие и острые, сквозь ткань комбинезона, когда оно топталось на его груди, устраиваясь. Затем существо начало издавать негромкие, но угрожающие звуки.

— Ты ей понравился, — раздался голос от двери.

Захватчики из сектора Тонга разместили бригаду Роберта в одном из коттеджей. Его обитатели были безжалостно вырезаны. Кровь со стен и пола пришлось стирать Роберту и его людям.

Голос был незнакомым. Роберт перевел взгляд и увидел мужчину в светло-зеленом комбинезоне с желтым ромбиком на груди. «Кто это?» — вспомнился Роберту собственный крик среди всполохов и треска выстрелов. «Твои специалисты по внешним работам!» — рывкнул Бимсли ему тогда прямо в лицо. Ромбик означал, что мужчина, стоящий перед Робертом, действительно выходил на Обшивку, и не раз. Возможно, он был садовником Хрустального Сада. У мужчины были светлые волосы и глаза. Сейчас он улыбался, что придавало его жесткому лицу нечто inferнальное. Так могли улыбаться идола землян, высеченные из камня.

Те из идолов, что изображали богов зла.

— Но он же рычит, — пробормотал Роберт.

— Она мурчит, — поправил его гость.

— Кто это? — спросил Роберт.

— Это кошка, и ее зовут Китти.

— Китти?

— Да. В любимой сказке моей бабушки так звали кошку, которая умела ходить в мир за зеркалом.

Он приблизился к койке Роберта и снял кошку с его груди. Затем небрежно отпустил Китти на пол. Кошка недовольно фыркнула. Мужчина прошелся цепким взглядом по груди Роберта. На оранжевом комбинезоне красовались три синих пятиугольника.

— Так ты действительно нервожил высокого класса.

— Да.

Мужчина внезапно засмеялся.

— Что же такое увидел, что ты знаешь, что попал сюда? — спросил он.

— Я не... — начал Роберт.

— Ты — да, — сказал гость. — Меня зовут Доминик Стогов. Когда-то очень давно я был садовником Хрустального Сада Вануату. А теперь я отщепенец, смутьян и чудовище. Вставай. Бабушка Ватя хочет тебя видеть.

Роберт поднялся.

— Имей в виду, — сказал Доминик, когда они спустились с крыльца. — Жизнь твоих людей зависит от тебя. Бабушка Ватя сделает тебе одно заманчивое предложение. Ты можешь отказаться. Но тогда все они, — он показал на людей из бригады Роберта, завтракавших за длинным столом, — умрут в муках. Ты умрешь последним. Ты будешь смотреть, как они мучаются. Из-за тебя.

Над столом завтракающих рабочих повисла тишина. Стало слышно мерное уханье, с которым через отсек ползла живая дорога. Роберт не разобрал слов Доминика. Ансон смотрел на тот груз, что дорога несла к Утилизатору. Это были тела людей, сваленные, словно обрезки мертвых ячеек. Тела жителей отсека Палау. Из груди тел торчали разбитые головы и посиневшие руки.

— Вы — джонситы, — медленно проговорил Роберт. Хотя можно было уже и не спрашивать.

— Где-то я вас видел, — сказал Роберт.

— Да, я сюда недавно заходила, — кивнула бабушка Ватя. — Что ты так на меня смотришь?

— Вы пострадали при взрыве? — спросил Роберт.

— Что?

Роберт указал на ее лицо. Бабушка Ватя рассмеялась — звонко и молодо.

— Это морщины, милоч. Кожа высыхает от старости. Да, такого у вас в центральных отсеках не увидишь... да и здесь тоже редко встретишь. Я родилась на планете, и умру на планете.

— А ваше платье...

Бабушка Ватя любовно погладила материю.

— Это мне Доми раздобыл, — сказала она. — Побаловал меня.

Лицо ее стало серьезным, только в глазах плясал лукавый огонек.

— Расскажи мне про наш мир, Роберт Ансон. Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?

— Мы летим на корабле «Новый Рассвет» к планете, которую мы назвали Надежда-Два, — собравшись с мыслями, произнес Роберт. — Нам пришлось покинуть нашу родную планету, Землю. Наша звезда, Солнце, исчерпала весь свой ресурс и умирала. Та планета, которую мы выбрали сначала, оказалась непригодной для жизни. Это стало известно шесть лет назад, когда «Рассвет» приблизился к ней. После чего Ареопаг выбрал новый курс. Путь туда продлится еще сорок лет. Некоторые смутьяны пытались поднять бунт и заставить нас высадиться на Надежде-Один. Они были сосланы в краевые отсеки. Зачем всю жизнь ходить в скафандрах и страдать от слишком большой силы тяжести, когда...

Улыбка бабушки Вати заставила его опомниться. Роберт замолчал.

— Первое, — сказала Ватя и почесала шею Китти, которая сидела у нее на коленях. — Мы покинули нашу Землю по решению Арбитражного Суда Союза обитаемых миров. На нашей планете была обнаружена цивилизация ящеров, которая предшествовала человеческой. Суд счел, что Земля принадлежит ящерам. Руководители Земли все были ставленниками инопланетян. Они все подписали это позорное соглашение.

Все. Кроме одного. Его звали Крэк Джонс. Он и многие его последователи остались на Земле. Других поймали и насильно заперли на Корабль. Мы с самого начала жили в краевых отсеках, минок. Нам дали самую опасную, хотя и прекрасную работу — ухаживать за Хрустальным Садам на Обшивке. Крэк Джонс взорвал нашу звезду, Солнце. Глупо, хотя и понять его можно. Теперь, когда Земли нет, она не принадлежит тем, кто украл ее у нас.

Роберт нервно засмеялся:

— Я вам не верю.

— Я знаю, — кивнула бабушка Ватя. — Но теперь, когда ты это знаешь, ты не сможешь вернуться в свой родной отсек. Кстати, почему тебя направили сюда? Ты, очевидно, вызывал какие-то подозрения в своей благонадежности у начальства.

— Меня отправили с ремонтной бригадой для смены функций Стены отсека Палау, — сухо ответил Роберт. — Я нервожил, как вы видите. Один из лучших в Американском секторе. Нужен был хороший специалист, который смог протянуть сюда нервы из еще живых стен Корабля. После падения метеорита и разгерметизации отсека Тонга...

Он опять замолчал.

— Да-да, — кивнула Ватя. — Стены Корабля умирают. И знаешь почему? Этот корабль нам дали, чтобы добраться сюда. Эти космические сапоги-сорокоходы были уже порядком поношены, когда человечество напялило их. Этот рейс должен был стать последним рейсом «Нового Рассвета». То есть добрались мы без проблем. Когда «Рассвет» шесть лет назад вышел на орбиту Надежды, все системы еще функционировали на полную мощность.

Бабушка Ватя резко наклонилась вперед, так, что седая длинная прядь, свесившись из-под платка, мазнула по щеке Роберта.

— А теперь Корабль умирает. Разваливается. Еще немного — и он уже не сможет выполнить свою последнюю программу.

Роберт открыл было рот, но осекся. Он понял, почему оказался в отсеке Палау.

— Нестандартные решения, — пробормотал он.

— Что? — переспросила Ватя.

— Я должен это увидеть, — сказал Роберт. — Сам. Если все, что вы говорите, правда, я помогу вам.

— Ты и так нам поможешь, — ответила она спокойно.

— Ватя, — произнес Роберт. — Вы хотите быть похороненной как полагается? Выбор за вами.

Китти проводила Доминика и Роберта до самых ворот, где уже был сооружен шлюз. Роберту помогли надеть скафандр. Кошка на прощанье потерлась об ноги Ансона. Стогов и Ансон вошли в сепарационную камеру, над которой бригада Роберта трудилась последние два дня, после захвата отсека Палау. Загудел насос, откачивающий воздух.

«Как она тебя любит, — телепатировал Доминик. — Обычно она терпеть не может чужих».

«Наверное, это потому, что я нервожил, — ответил Роберт. — Кстати, как она оказалась здесь? Ведь на борт Корабля брали только людей».

Доминик глухо рассмеялся.

«А еще есть такая штука — любовь, — передал он. — И настойчивость. Китти здесь не одна, у нее много родственников».

«Но... чем вы их кормите?» — спросил Роберт.

Доминик пожал плечами.

«Они едят все, — ответил он. — У нас людям-то особо выбирать не приходится».

Роберт знал, что качество питания сильно различается в зависимости от слоя, в котором находится от-

сек. Разумеется, и житель Центрального слоя отсеков, и обитатель Палау получали одинаковое количество калорий, витаминов и всего, что необходимо для нормального функционирования организма. Члены Ареопага любили упоминать об этом в своих речах, когда говорили о том, что только здесь, на «Новом Рассвете», человечеству удалось создать истинно справедливое и социальное государство. Однако житель Палау получал свои калории в виде омерзительного вида каши, которой Роберт был уже сыт по горло. А для жителей Центрального слоя пищепровод имитировал сочные, острые бифштексы, ароматные пирожки и наваристые супы.

Створки ворот разошлись. Доминик шагнул в темноту. Роберт поколебался, но последовал за ним. Скафандр налился приятным теплом, включаясь на обогрев. Свет далеких звезд, заглядывавших в пробоину в Обшивке, выхватывал из темноты часть отсека Тонга. Дыра в Обшивке занимала не меньше трети потолка сектора. В воздухе медленно и печально кружились тела людей. Белые, с черными пятнами кровоподтеков, скрюченные в болезненных позах, они двигались в своем последнем танце. Длинные распущенные волосы какой-то женщины тащились за ней, как рваный черный флаг.

«Вы забрали не всех?» — ужаснулся Роберт.

«Еще вчера ты возмущался, как мы вообще посмели нарушить границу между секторами», — сухо ответил Доминик.

«Но... Как ты мог... оставить их здесь?!» — все еще не мог прийти в себя Роберт.

«Это не мои люди, — сообщил Доминик. — Это охранники. Их прислали из одного из Центральных отсеков. Австрии, кажется. Они должны были помешать нам спастись. И они мешали, пока мы не убили их».

За разговором они дошли до живой дороги. Доминик встал на нее.

«Здесь же все отключено», — пробормотал Роберт.

В этот момент дорога дрогнула и тронулась с места. Доминик успел отъехать метров на пять, прежде чем Роберт поверил в происходящее. Он так испугался, что останется здесь один, что рванул вдогонку и чуть не упал. Бегать в скафандре оказалось очень неудобно. Специально утяжеленные подошвы, которые должны были прилипать к Обшивке, были очень тяжелыми. Роберт догнал дорогу, запрыгнул на нее и встал рядом с Домиником. Ансон тяжело дышал, от бега стекло его шлема запотело. Но Роберт чувствовал, что Стогов улыбается. Роберт испытывал огромное желание ударить тяжелой рукавицей по голове Доминика и заорать: «Ты хотел меня бросить!», — но сдержался.

Доминик мог действительно этого захотеть.

Дорога несла их мимо черных коттеджей с выдавленными окнами. Мимо промышленной части сектора, где из пола поднимались трубки разной толщины, причудливо изогнутые и переплетенные. Кристаллики замершего кислорода серебрились на них. «Лес, — вспомнил нужное слово Роберт. — Они похожи на ночной лес». Раньше в школе читали курс Забытых Слов. Роберт попал в последний класс, у которого этот курс еще был. Затем его отменили — «за нецелесообразностью». За счет освободившихся часов расширили курс физической подготовки и новейшей истории.

«Да, — согласился Доминик. — Они действительно похожи на ночной зимний лес».

Роберт не стал переспрашивать, что такое «зимний».

«Что производил отсек Тонга?» — спросил он.

«Инграю», — ответил Доминик.

Так называлась подкормка для Корабля, которую пять лет назад изобрел Алексей Коренев, Куратор третьего внутреннего слоя отсеков — из-за которого, кстати, Роберт и оказался здесь. Благодаря этой подкормке произошло много положительных перемен. Пища стала

более вкусной и разнообразной, одежда — легче и красивее. Формула инграю держалась в секрете. Никто не знал, где ее производят. Части многоступенчатого цикла были разбросаны по разным отсекам.

Роберт уважительно кивнул. Но тут он увидел нечто такое, что невольно коснулся бегущей ленты перил, приказывая дороге остановиться. Лента мягко затормозила. Роберт перемахнул через перила и оказался совсем рядом с трубкой, что так заинтересовала его. На «Новом Рассвете» не находилось ничего такого, что могло бы принести вред самому Кораблю. Но нервожилам третьего класса были известны признаки отравления и разрушения биомеханической плоти. «Так, на всякий случай, — смущенно говорил им Наставник Эндрю, показывая слайды с искореженной, поврежденной плотью. — Чтобы вы знали». И труба, к которой устремился Роберт, выглядела прямо как тот слайд, который Наставник прокомментировал: «Тяжелая стадия интоксикации». Язва казалась темно-красной и расходилась во все стороны длинными колючими языками. Роберт замер над ней. В центре язвы находилась хрестоматийная область первичного поражения в виде черной запятой. Ансон повернулся и побрел обратно к дороге.

«Еще раз так сделаешь, — сообщил Стогов, когда дорога снова двинулась, — останешься здесь один».

«Прости, — неловко ответил Роберт. — Я увидел сегодня уже столько того, чего не может быть, что мне не стоило удивляться».

«Я подумал, что ты хочешь сбежать... А что ты увидел?»

«Язву Отравления, — ответил Роберт. — Получается, что инграю отравляла собой даже те трубки, через которые вы перегоняли ее, или что вы там с ней делали. Но как же она потом могла улучшать работу Утилизатора?»

«Она отравляла не только трубки», — ответил Доминик.

Они приблизились к внешней стене отсека Тонга. Роберт уже видел сепарационную камеру, когда индикатор кислорода стал красным. Они явно не успели бы выйти наружу и вернуться в Палау на тех остатках кислорода, что у них еще имелись. Однако Доминик все предусмотрел. На посту около сепарационной камеры они нашли несколько запасных баллонов. Путники возобновили свои запасы кислорода. Доминик поставил опустевшие баллоны заряжаться. Воздуховод в Тонга все еще работал, как и дорога.

Ворота Внешнего шлюза захлопнулись за их спиной. Роберт никак не мог привыкнуть к полному отсутствию звуков. Теперь Стогов и Ансон крепко стояли на Обшивке. Доминик двинулся к краю огромной дыры. Ансон последовал за ним. Роберт знал, что подошвы скафандра прилипают к Обшивке и случайно улететь в пустоту он не сможет. Но все равно ощущения были странными. Только теперь он понял, что в мертвом отсеке сохранилось еще кое-что, кроме воздуховода и живой дороги. Там по-прежнему действовала сила притяжения, хотя и очень слабо. Снаружи ее уже не было. Тело стало совсем легким. Двигаться приходилось очень осторожно.

«Не вздумай сразу смотреть вверх, — проинструктировал его Доминик перед тем, как они вышли наружу. — Сначала погляди себе под ноги. Потом, как обвыкнешься, начинай смотреть по сторонам».

Роберт так и поступил. Они миновали заросли Хрустальных Цветов. Цветы улавливали и перерабатывали для нужд Корабля излучение звезд. Сейчас Цветы выглядели как россыпь алых огоньков, заключенных в прозрачные колбы. Огоньки трепетали и перемигивались. Роберту показалось, что он слышит тихий звон — Цветы переговаривались друг с другом. Как и любой опытный нервожил, чуткий к импульсам Корабля, Ансон воспринимал эхо этого информационного потока. Цветы закончились. Обшивка под ногами Роберта стала

бледно-серой и рыхлой. Это была действительно очень старая, очень мертвая Стена, только очень толстая — все же это была внешняя стена Корабля. Но Цветы уже не могли расти здесь. Доминик остановился. Роберт увидел край дыры в Обшивке. Если бы ее пробил метеорит, как говорили в телепередаче, Стена должна была обуглиться и «стечь». И край отверстия был бы гладким и острым. Но край пролома был неровным, слоистым, как если бы Стена просыпалась вниз под собственной тяжестью.

«Готов?» — спросил Доминик.

Роберт кивнул.

«Давай», — командовал Стогов.

Роберт медленно поднял взгляд. У него перехватило дыхание. Огромная сфера, заключенная в шубу из белых облаков, висела в пустоте прямо перед Робертом. На какой-то миг облака разошлись, и Ансон увидел синеву океана и коричнево-зеленый край суши. Затем перед глазами у Роберта все перевернулось, и тьма обрушилась на него. Ансон обнаружил себя лежащим на Обшивке. Доминик сидел рядом и крепко держал его руки. Планета, величественная и прекрасная, висела над ними.

«Дыши! — мысленно заорал Доминик, увидев сквозь плексиглас шлема, что Роберт открыл глаза. — Дыши!»

Совет пришелся как нельзя кстати. Перед глазами Роберта уже опять начали плыть разноцветные пятна.

По официальной версии, корабль миновал Надежду-Один шесть лет назад. Теперь она должна была находиться слишком далеко, чтобы Роберт мог ее видеть. А приблизиться к Надежде-Два настолько, чтобы Роберт мог увидеть ее океаны, за это время звездные странники не могли. Планета над их головами означала одно. Последние шесть лет Корабль никуда не двигался.

«Хорошо, — передал Роберт. — Вы, джонситы, оказались правы. Вы всегда были правы. Теперь я с вами. Чего ты хочешь?»

«Нам нужен воздуховод на Обшивке, — ответил Доминик. — Его нужно начать из той жилы, что ты видел, и протянуть через три отсека. Я покажу куда».

Это было совсем не то, что ожидал услышать Роберт.

«Зачем?» — удивился он.

«Сейчас поймешь», — ответил Доминик.

Он помог Роберту подняться. Несколько минут они стояли молча. Роберт успел наглядеться на планету и начал уже недоумевать, чего же ждет Доминик. Стогов отошел от края пробоины, уселся на одной из кочек, которыми кишела поверхность Корабля, да так и застыл. Вряд ли он любовался планетой — он ее видел много раз. Стекло его шлема потемнело, когда Доминик оказался на освещенном участке Обшивки. Теперь Роберт не видел его лица. Стоять в бескрайней пустоте вместе с молчаливым спутником, вместо лица которого был черный овал, было верхом всего.

В Центральных отсеках детей учили многому, чего не преподавали в школах краевых отсеков. Но было одно, чему человек из Центра Корабля не мог обучиться в школе.

Одиночеству и пустоте.

В Центральных отсеках рядом с тобой всегда кто-нибудь был — на работе, на живой дороге, дома. На работе на расстоянии вытянутой руки сидел коллега; на живой дороге люди стояли по трое в ряд, вплотную друг к другу. Дома встречали родственники. Роберт, сдав экзамен на нервожила третьего уровня, получил отдельную жилую ячейку. Нервожилы должны были отдыхать от общества, иначе быстро сходили с катушек. Но первую неделю Роберту было жутко находиться в комфортабельной и просторной ячейке одному. Он нервно переходил из кухни в жилую комнату, оттуда в ванную и снова на кухню. Он никак не мог привыкнуть к мысли, что здесь, кроме него, никого нет. Тогда он и решил жениться на Сюзан. Однако Ансон никогда не дей-

ствовал сгоряча. Он хотел сделать предложение через неделю после переезда, чтобы мысль о свадьбе стала привычной для него самого. А через неделю Ансон привык — но не к мысли о браке, а к одиночеству. Заходя в гости к матери, он уже недоумевал, как он мог прожить двадцать четыре года в такой тесноте и непрерывном гаме братьев и сестер.

Доминик полжизни провел на Обшивке. И на Доминика, в отличие от Роберта, совсем не давил бескрайний океан пространства вокруг. Он, видимо, даже не понимал, как неуютно здесь Роберту. Ансон перевел взгляд на планету. Нет уж, он не будет просить этого мрачного джонсита увести его отсюда. Вид облаков помог Роберту подавить начинающуюся тошноту. На белом фоне облаков появилась сверкающая точка. Она все увеличивалась и засияла так, что было больно глазам. «Это же... Корабль! Только маленький», — понял потрясенный Роберт. Покинув атмосферу, крохотный кораблик устремился прямо к большому Кораблю. Он стремительно приближался. Роберту стали видны детали обшивки. Казалось, что корабль идет прямо на них. Но скоро стало ясно, что он скроется за могучим телом «Нового Рассвета» намного правее.

«Что это было?» — спросил Роберт у Доминика, когда кораблик исчез из поля зрения.

«Космический катер», — ответил Доминик.

Это было еще одно из Забытых Слов. Так называли приспособление, позволявшее перевозить людей и грузы через небольшие водные пространства. Роберт сообщил, что в данном случае имеется в виду не водное, а космическое пространство небольшой протяженности. Ансон опустил на кочку рядом с Домиником.

«Шесть лет назад, — телепатировал Стогов, — когда стало известно, что мы приблизились к Надежде, в нашем отсеке кинули клич — кто желает стать первопроходцем. Первым ступить на Надежду. Я и моя жена были добровольцами. Нас и еще других таких же наив-

ных идиотов спустили на Надежду — на этом маленьком кораблике».

Роберт почувствовал, что пауза затянулась, и решил подбодрить собеседника:

«Так вот откуда ты знаешь слово «зимний».

«Да... У нас были схемы, инструменты. Не было только оружия. За два года мы построили там, внизу, чудесный город. А потом нас пригласили на стадион. На праздник по случаю завершения работы».

«Стадион?»

«Ээээ... рекреация».

«Понял!»

«Это было вечером, — продолжал Доминик. — И когда включились огромные фонари над стадионом, люди начали умирать. Каждый, на кого упал этот свет, был словно сожжен им. Но... изнутри... я не знаю, как тебе объяснить...»

«Я знаю», — ответил Роберт.

«Знаешь?»

«Да. Судя по тому, что ты говоришь, в фонарях были ствольные жилы Корабля. Небольшие кусочки. Эти жилы нельзя обнажать. Они очень мощные, в них суть и дух «Нового Рассвета». Из них растут, например, туннели с лифтами, которые соединяют отсеки. Каждый нервожил знает это, — ответил Роберт спокойно. — Но как же ты выжил?»

«Выжил не я один, — ответил Доминик. — На стадионе было несколько мест, куда прямой свет не попал. Нас было человек пятнадцать, обожженных и насмерть перепуганных. Мы бежали в лес. Среди нас был Эйс Штильнахт — это он устанавливал свет на стадионе. Во время проб Эйс случайно подставил руку под свет и понял, как он опасен».

«Я думаю!» — воскликнул Роберт.

Индикатор кислорода снова начал краснеть. Пора было возвращаться. Но Роберт не решился поторопить собеседника.

«Мы долго скитались... Некоторые умерли от ран и голода. В лесу можно добыть пищу, но мы сначала совершенно не знали как. На нас охотились. И однажды я понял, что мы все здесь умрем — по одному. Надо нападать, а не бежать. Мы захватили один из катеров и вернулись сюда, на Корабль. Тут я узнал, что мы, оказывается, уже три года летим к другой звезде», — закончил Доминик.

Роберт немного подумал.

«Значит, шлюз для катеров находится где-то рядом, — сказал он. — Но вам не дойти до него по Обшивке, не хватит воздуха. Вот зачем тебе нужен воздуховод. Подзаряжать баллоны с кислородом по пути».

«Да, — сказал Доминик. — Мы заберем все катера, всех джонситов, что живут в краевых секторах, и улетим отсюда. В город, который принадлежит нам!»

«Я тебя понял... Нам пора возвращаться», — передал Роберт.

«Рваное солнце, и точно», — опомнился Доминик.

Они торопливо добрались по Обшивке до шлюза сектора Тонга. Цветы колыхались вокруг них. Сейчас их пламя стало невыносимо голубым. Роберт уже начал задыхаться, когда Доминик поменял ему баллон, а затем поставил новый баллон и себе. Путники ступили на живую дорогу, и она понесла их обратно. Когда они были уже на полпути к шлюзу сектора Палау, Роберт увидел свет в одной из жилых ячеек Тонга. Он схватил Доминика за плечо и указал рукой на свет.

«Этого не может быть! — изумился Доминик. — А нет, может...»

«Мы должны помочь им», — сказал Роберт.

«Нет, — сказал Доминик. — Это ячейка начальника охраны. Он чуял, к чему дело идет, и, видимо, загерметизировал ее».

«Мы поможем этим людям, кто бы они ни были», — ответил Роберт и сошел с дороги.

Ансон шел мимо полуразрушенных коттеджей, уже наполовину съеденных эрозией — в отсутствие воздуха и тепла она происходила очень быстро. Мимо жутковатых трубок промышленной части сектора. Когда он проходил мимо огромной круглой нашлапки Желудка, из которого подавалась еда во все коттеджи отсека, его догнал Доминик.

«Спасибо», — передал ему Роберт.

«Не за что, — ответил тот. — Я подумал, что это будет здорово — убить этого гада своими руками».

Ансон содрогнулся.

«А ты не думаешь, что он может быть тебе полезен? — спросил Роберт осторожно. — Как моя бригада, как я?»

«Нет, — ответил Доминик. — Доминго умеет только убивать людей и командовать людьми, которые убивают людей. А это умею и я сам».

Они поднялись по ступеням навсегда замершего эскалатора, который вел к жилым ячейкам на стене. Ячейка начальника охраны действительно имела более толстые стены, чем остальные. Роберт поднял руку и, чувствуя себя совершенно абсурдно, постучал. Внутри ячейки воздух все еще был, и звук раздался. Некоторое время ничего не происходило. Затем дверь приоткрылась. Роберт услышал свист, с которым кислород вырвался наружу.

— Скорее! — крикнул тонкий голос.

Роберт и Доминик ворвались в ячейку. Доминик захлопнул дверь. Она закрылась с омерзительным причмокиванием.

Роберт прищурился от света. Он увидел девочку лет двенадцати в синем джинсовом костюме и красном свитере. Длинные светлые волосы спускались на плечи. К лицу девочка прижимала кислородную маску. Глаза девочки, голубые и огромные, были устремлены куда-то под потолок. Роберт проследил направление ее взгляда и увидел датчик содержания кислорода. Крас-

ные цифры на нем сменились желтыми, потом зелеными. Девочка отняла от лица маску и приветливо улыбнулась Роберту.

«Послушай, она не может быть начальником охраны, — передал Роберт Доминику. — Эту должность можно занимать только с восемнадцати лет, а ей ведь нет и пятнадцати!»

«Я вижу! Кто ты такая?» — осведомился Доминик, но девочка и ухом не повела. Телепаты составляли примерно половину населения «Нового Рассвета». Сейчас перед ними стоял тот самый статистический «каждый второй», который не слышал мысленной речи. Роберт облегченно вздохнул. По крайней мере, убивать эту девочку Доминик не собирался. Стогов тем временем откручивал шлем. Девочка спокойно наблюдала за его действиями.

— Я так рада, что вы нашли меня, — произнесла она, как только Стогов смог ее услышать. — Мне было очень одиноко.

— Как тебя зовут? — спросил Доминик.

Роберт тем временем возился со своим шлемом. С непривычки ему никак не удавалось расстегнуть крепежную петлю. Доминик рассеянно протянул руку и отщелкнул ее.

— Я Алиса Коренева, — ответила девочка.

Лицо Доминика смягчилось. Видимо, у начальника охраны была другая фамилия. Роберт же узнал эту фамилию и ойкнул от неожиданности.

— Ты — дочь Алексея Коренева? — спросил он.

Алиса кивнула.

— Твой отец — Куратор третьего внутреннего слоя отсеков? — осведомился Доминик.

Девочка снова кивнула.

— Как ты сюда попала?

— Мы с классом летали на каникулы на Надежду, — начала объяснять девочка.

Стогов помрачнел. Роберт тихонько взял его за рукав.

— А когда мы возвращались, в наш катер угодила метеорит, — продолжала Алиса. — Мы все успели запрыгнуть в эвакуационные капсулы. Я подрулила к ближайшему шлюзу, и там меня встретил Доминго.

Доминик набух от ярости, как пищевой трубопровод перед тем, как из него плюхнется на тарелку обеденная порция.

— Он помог мне, привел меня сюда и обещал связаться с папой, чтобы меня забрали домой, — сообщила Алиса. — Но когда я проснулась, здесь никого не было. — И добавила тихо: — И снаружи — тоже.

Роберт ободряюще улыбнулся.

— Вы отведете меня домой? — спросила Алиса. — Это папа послал вас?

Роберт крепко сжал руку Доминика.

— Мы заберем тебя отсюда, — сказал Ансон. — Собирайся. Вот если бы здесь был хоть один баллон с кислородом...

Баллон с кислородом нашелся. Покойный Доминго был человеком запасливым. Нашелся и скафандр — правда, он был немного великоват Алисе.

Ложка стукнула о дно тарелки. Алиса отправила в рот скользкую серую питательную массу. Девочка облизала ложку и положила ее рядом с тарелкой. За дверью отчаянно, как по покойнику, выла Китти. Алиса предположила, что гостье отдали порцию, на которую по праву рассчитывала кошка.

— Спасибо, — сказала девочка. — Очень питательно.

Бабушка Ватя усмехнулась.

— Пожалуйста.

Алиса задумчиво посмотрела на нее.

— Вы досаждаете на меня, потому что ваша кошка осталась голодной?

— Нет, — ответила бабушка Ватя. — Я вообще не досажаю. Мне любопытно. Я знаю, кто ты такая на самом деле.

— Вот как, — сказала Алиса.

— Да. Кошек не обманешь внешним видом, они чувствуют суть. И я была в ячейке Доминго перед тем, как мы покинули Палау. Доми любит посылать парламентаров... Я уговаривала его перейти на нашу сторону. Он отказался. Тебя в ячейке не было — и в голове Доминго не было никаких мыслей о найденныше. Даже если бы он пытался их скрыть, я бы их заметила... Ты пришла потом. Через дыру в Обшивке, да?

Некоторое время они молчали, в упор глядя друг на друга.

— Почему вы решили помочь нам? — спросила бабушка Ватя. — Почему вы не сделали этого раньше?

Алиса наморщила носик.

— Очень сложно иметь дело с людьми, которые не узнают формальную логику даже если она выйдет из лифта и поклонится им, — призналась она.

— Я снимаю первый вопрос, — ответила бабушка Ватя.

— Трудно было найти, куда они перенесли производство, — ответила Алиса. — Это очень грязное и опасное производство. У нас работникам приходится платить столько, что...

— Я понимаю, — кивнула бабушка Ватя.

— Ну, а когда мы нашли, необходимо было произвести разведку, подготовку... и вот я здесь. Мы разобрались в вашей ситуации. Корабль готов запустить программу высадки, нужно только ввести согласие и нужный код. Я и есть этот код.

— Я рада, — сказала бабушка Ватя с неподдельной сердечностью. — Вы даже не представляете насколько. А если в Центре поменяют коды доступа?

Алиса пожала плечами.

— Я стану новым паролем так же легко, как вы чешете шею своей кошке.

Роберт узнал Эйса Штильнахта по культе, которой заканчивалась его правая рука. Вторым знакомым человеком и первым, кого он встретил, придя в коттедж Доминика, была бабушка Ватя. Роберт спросил ее, как там Алиса — девочку поручили ее заботам.

— Да ничего, — ответила Ватя. — Поела, помылась, сейчас спит.

— Это очень хорошо, — улыбнулся Роберт.

Женщину с черными волосами и длинной светлой прядью в них, которая стукнула Роберта пистолетом по голове, звали Кассандра Шмидт. Присмотревшись, Роберт неожиданно понял, что прядь Кассандры была вовсе не осветленной, а седой. Ансон задумался над тем, что же пришлось пережить этой женщине. Кассандра оказалась Старшей Садовницей. С ней вместе пришли Ингрид Анье — руководительница промышленной части сектора, Игорь Волков — ответственный за безопасность работ и здоровье жителей, и испуганный, бледный и молчаливый Кумар Вашья — ответственный за обучение и культуру Палау. Он единственный остался в живых из старого руководства после захвата Палау джонситами. Ареопаг формировался по тому же принципу, что и советы отсеков; Доминик, очевидно, выполнял функции Координатора. Единственное различие заключалось в том, что на заседаниях Ареопага не сидела в углу на кресле-качалке старушка с кошкой на руках. Доминик представил Ансона. Началось совещание с чаепития. К чаю прилагались булочки с повидлом, ко-

торые послужили источником радостного возбуждения присутствующих.

— Я их выбил с Коренева, — рассказывал Доминик. — Он сегодня связался со мной и спросил, почему срываются сроки поставки инграю.

Ингрид, женщина леденящей красоты, презрительно усмехнулась и вонзила зубы в пирожок. Тщательно прожевав, она осведомилась:

— А ты не спросил его, когда будет подан дополнительный воздух для демонтажных работ и переноса оборудования?

— Нет, — сказал Доминик. — Но напомнил ему, что теперь эти работы должны рассчитываться к оплате как работы повышенной трудности. И сказал, чтобы прислал мне каталог товаров А, на которые мы теперь имеем полное право.

Ингрид благодарно улыбнулась.

— Эти булочки из каталога А? — поинтересовалась Кассандра.

— Нет, — сказал Доминик. — Заказать эти булочки мне посоветовала Ватя.

— Да, это хороший выбор. Очень вкусно, — улыбнулась Вате Кассандра.

Старушка молча кивнула.

— Итак, — сказал Доминик. — Сколько тебе потребуется времени, Роберт, чтобы протянуть воздуховод из Тонга на Обшивку и дальше?

— На расстояние трех отсеков, — уточнил Эйс Штильнахт.

— Скорость роста воздуховода бывает разной, — ответил Роберт. — Не больше двух недель, я думаю.

— Отлично, — кивнул Доминик. — Кстати, Коренев тобой интересовался.

— Мной? — удивился Роберт.

— Не то чтобы напрямую, — сообщил Доминик.

— Джонсит я или нет, но дышать в вакууме я не умею, — холодно сказал Доминик. — И никто из вас не умеет. Оборудование осталось в разгерметизированном отсеке...

— И материально ответственные лица ответят за это! — взвизгнул Коренев. — Кто это у вас там, Анье?

Доминик не отличался покладистым нравом. Но умел быть терпеливым, когда ему это было нужно. Однако тут он чуть не задохнулся от бешенства. Он посмотрел на Коренева в упор. Взгляд, полный ненависти, казалось, должен был прожечь мутный экранчик, установленный в рубке связи, насквозь. Доминик медленно произнес:

— Красиво изгибается река двумя километрами ниже города, правда? Там еще такой замечательный, светлый лес, там так приятно гулять... Холм, на котором растет земляника... Вы любите там сидеть, правда?

— Откуда... — сдавленно пробормотал Коренев.

И тут он понял.

— Надо было убить вас тогда, — сказал Доминик.

Коренев нашел в себе силы усмехнуться:

— Что же не убили?

— Это было очень удобно, — пожал плечами Доминик. — Наш телепат считывал у вас из мозга все, что нам было нужно — даты, планы облав...

— Кстати, — сказал Коренев. — У вас там есть нервожил третьего класса. Был послан укрепить Стену Палау.

Он сказал это небрежно, словно только что вспомнил, да и высоким качеством изображения экран связи в Палау похвастаться не мог. Но Доминик просто носом почуял, что на самом деле Кореневу очень важен его ответ.

Свет и вентиляцию можно было отключить в любом отсеке. А весь запас семян для пистолетов джонситы уже израсходовали. Идти за ними пришлось бы на Обшивку, через мертвый отсек Тонга. А еще можно было

пустить через вентиляцию не воздух, а безвкусный удушающий газ. Так был убит отсек Вануату — через неделю после того, как в Центре узнали, что там находятся вернувшиеся с Надежды джонситы. Эйс Штильнахт, Доминик и еще несколько человек тогда успели сбежать в Тонга по Обшивке.

— Так вот он пусть и вытянет дополнительный воздуховод, — закончил тем временем Коренев.

— Нет у меня никаких нервожилов, — отрезал Доминик.

— Его фамилия Ансон, — сообщил Коренев.

Доминик проворчал что-то неслестное и стал рыться в новых списках жителей Палау.

— Нет, — сказал он. — Ваш Ансон давно в Утилизаторе.

Эйс Штильнахт, внимательно слушавший рассказ Стогова, громко хмыкнул.

— И клянусь пеплом Крэка Джонса, — продолжал Доминик, — Коренев очень обрадовался тому, что ты мертв. Ну, он повозмутился для порядка, зачем вас разместили в коттеджах сразу рядом со Стеной...

— Нас там разместили по прямому указанию Куратора, — пробормотал Роберт.

— Именно, — кивнул Доминик. — Обычно ремонтников селят в жилых ячейках на восточной стене. Ты не думай, я порядки знаю.

— Что касается инграю, — добавила напряженно размышлявшая над чем-то Ингрид. — В Тонга остались готовые к отправке запасы. Мы их еще не оформляли. Мы можем пока сдавать их. А сами можем заняться подготовкой к тому, о чем ты так давно мечтаешь, Доми. Тебе ведь лишние руки не повредят?

— Еще как не повредят, — улыбнулся Доминик. — Уже очень скоро мы покинем эту протухшую жестянку и окажемся на Надежде!

Послышались радостные возгласы. Мечта Доминика не была его сугубой собственностью. Она принадлежала всем. И Роберт понимал, что каждый пассажир отсека Палау мечтает ощутить под ногами твердую почву ничуть не меньше, чем руководители.

— Можно мне сказать пару слов? — произнес Роберт, дождавшись, пока вопли стихли.

— Валяй, — добродушно сказал Доминик.

— Может, тебе нужно какое-то оборудование, или особые... вещества, — произнес молчавший до сих пор Волков. — Говори, не стесняйся. Даже если у нас нет, мы постараемся достать их.

Информированность Волкова приятно удивила Роберта. Для лучшего контакта с нервной системой Корабля нервожилы действительно принимали особый витаминный коктейль, который был весьма дорогостоящим.

— Я хотел сказать о другом, — ответил Роберт. — Вот вы хотите захватить... катера и улететь на Надежду.

— За один раз мы все не поместимся, — объяснил ему Доминик. — Восемь отсеков отсюда к корме и столько же к баку — тоже джонситские. Придется сделать несколько рейсов. Мы будем удерживать шлюз, пока не улетят все.

— Да, да, — терпеливо кивнул Роберт. — И вы заберете все катера с собой. А что будет с остальными пассажирами «Нового Рассвета»?

Доминик пожал плечами.

— Я не знаю, где Ареопаг взял катера, — ответил он. — Но мы все видим, что продуктивность жизненных систем Корабля падает. Скорее всего, они не смогут создать новые и останутся торчать здесь.

— Пока Корабль не развалится окончательно, — заметил Волков.

— Я тоже так думаю, — кивнул Роберт. — Но, ребята, а как же все остальные жители Корабля?

— Нашел, о ком беспокоиться, — презрительно ответил Эйс Штильнахт и выразительно помахал култей.

— Я понимаю вас, — произнес Роберт медленно. — Но я не могу поступить так, как вы. Ареопаг выжимает из вас все соки. Но, кроме Ареопага, на Корабле находится шесть миллиардов ни в чем не повинных людей.

В комнате наступила тишина.

— Что ты предлагаешь? — спросил Доминик опасно спокойным голосом.

Роберт мягко улыбнулся.

— Я — нервожил третьего класса, — сказал он. — Пассажирский лифт в этом секторе отрезали сразу после того, как вы пришли сюда. И мы все знаем почему. Но я могу вырастить новый лифт.

Пятерка руководителей ошарашенно молчала. Ансон обвел их взглядом и закончил:

— Лифт, который приведет нас в рубку контакта с мозгом Корабля. Вы понимаете, я с ним... общался. Корабль знает то же, что и вы. Он страдает от того, что не может закончить программу. Все, что ему нужно, — это чтобы кто-то сказал ему: «Да. Действуй». И сразу запустится производство спускаемых аппаратов. Эту команду уже никто не сможет отменить.

— Да ты с ума сошел! — возмутился Эйс Штильнахт. — Это верная смерть!

— А казачок-то засланный, — сказал Игорь Волков.

Глаза его мерцали, как два Хрустальных Цветка — холодно и опасно.

— Доминик, кого ты к нам привел? Центровые обрубили нам лифты, чтобы мы не могли добраться до них. Но и они не могут теперь добраться до нас! А ведь тебя ищут, Доми. Ты знаешь, что они хотят уничтожить нас всех. И мы придем прямо к ним. Кушать подано! На блюдечке с голубой каемочкой!

Доминик резко повернулся и схватил Игоря за горло. Тот издал булькающий звук.

— Я ему доверяю, — произнес Доминик.

Слова его падали, как куски ломающейся Обшивки на пол отсека.

— Я понял, — просипел Игорь.

Доминик отпустил его.

— А во-вторых, еще никто никуда не идет, — добавил Доминик. — Роберт теперь знает о наших мечтах и рассказал нам о своей.

Стогов перевел взгляд на Роберта.

— Прости, — сказал Доминик. — Но я не верю тем, кто заботится обо всем человечестве сразу. Видел уже таких.

— А никто и не мешает ему сочетать приятное с полезным, — вмешалась Кассандра. — Ведь у Роберта там друзья и семья. Родители. Любимая. Даже, может быть, дети. Кто-нибудь из вас спросил его, что он оставил в центральных отсеках? Нет. Мы сами виноваты, что не подумали об этом. Ведь наши семьи с нами. И я, например, никогда не оставляю своих детей. Даже если мне предложат взамен место в Ареопаге. И тому человеку, кто сможет это сделать, не место на Надежде.

Ободренный неожиданной поддержкой, Роберт улыбнулся.

— Ты уже тогда все решил, да? — спросил Доминик. — На Обшивке? Я сейчас вспомнил. Ты ведь не согласился со мной. Ты сказал, что меня понимаешь.

Роберт смущенно кивнул.

— Но есть еще кое-что, — произнес Кумар Вашья.

Он открыл рот впервые за все совещание. Остальные удивленно повернулись к нему. Кумар откашлялся.

— Это самое «да» может сказать не всякий, — тихо проговорил Кумар. — Отдавать приказы мозгу Корабля может даже не каждый центральной. ДНК всех и ее всевозможные комбинации — в общем, все, кто может это, записана в памяти нашего «Рассвета». Я читал об этом в Космической Истории Человечества. Нам нужен кто-то из Ареопага. У нас такого человека нет.

— А балласт дело говорит, — заметила Ингрид.

Роберт уже знал, что «балластом» джонситы называют всех остальных пассажиров Корабля, кроме себя.

— Допустим, мы даже ворвемся в рубку. Но мы ничего не сможем сделать, — закончила Анье.

— Есть, — сказал Доминик. — Мы нашли в Тонга девочку, дочку Алексея Коренева. Я пока не говорил Кореневу об этом. Думал придержать ее на крайний случай.

Роберт думал, что уже привык к бескрайнему цинизму главы джонситов. Но каждый раз оказывалось, что нет.

— Как у вас все ловко складывается! — воскликнул Эйс Штильнахт. — И нервожил у нас есть, и комбинация ДНК, пригодная для ввода команды! Это провокация, разве ты не видишь, Доми? Ты ослеп?

Доминик, колеблясь, крутил в руках пустую чашку из-под чая. На ней была изображена черная двойная звезда. И когда две звезды трижды прошли по своим орбитам, бабушка Ватя сказала:

— Мы сделаем так, как предлагает Роберт. Но мы пустим и воздуховод к шлюзу космических катеров. Если... что-то пойдет не так... нам придется покинуть Корабль раньше, чем мы собирались.

Атмосфера в комнате ощутимо разрядилась, словно мощный озонатор произвел впрыск. Кассандра облегченно вздохнула. Просветлел и Доминик.

— Ты можешь это сделать? — обратился Доминик к Роберту. — И воздуховод, и лифт?

Роберт улыбнулся:

— Могу. Но тебе придется выбить из Коренева те особые вещества, о которых говорил Игорь.

Доминик зашел за Робертом, чтобы проводить его в рубку связи. Именно там обычно проходил самый сильный и здоровый нерв Корабля из всех, находящихся в

данном отсеке. И, что немаловажно, он был связан напрямую с мозгом «Нового Рассвета». Роберт как раз завтракал. Рацион джонситов последнее время заметно улучшился. Кроме безвкусной каши, на столах людей появились чай, булочки, яичница, бутерброды с сыром и ветчиной. Роберт пил кофе с круассанами. Он предложил Доминику кофе, но тот отказался.

— У меня есть к тебе одна просьба, — сказал Роберт, дожидаясь булочки.

У нее был острый привкус непогашенной соды. Но после чудовищной питательной массы, которой приходилось питаться Роберту последнее время, это было просто чудо что за круассан.

— Да?

— Я не знаю, как долго я пробуду в трансе, — сказал Роберт. — Но когда все закончится, я буду не в лучшем состоянии. Ты проверишь вот здесь, — Роберт задрал голову и ткнул в то место на шее, под которым находился лимфоузел. — И если эти места под челюстью у меня будут не только опухшими, но и такого, знаешь, фиолетового цвета... ты убьешь меня.

От неожиданности Доминик моргнул.

— Смертельная интоксикация после выхода на мозг Корабля случается редко, но она случается... Я буду умирать еще трое суток, — пояснил Роберт. — Вы ничем не сможете мне помочь. Это будет отвратительно. Пообещай, что не дашь мне превратиться в орущий от боли кусок мяса. Посей в меня семя Хрустального Цветка.

— Ты не говорил, что это так опасно для тебя, — удивился Доминик. — Так может, ну его, этот лифт?

Воздуховод начал расти неделю назад из основной ветви, снабжавшей Палау. Роберту удалось запрограммировать эту жилу без всяких усилий, и с точки зрения здравого смысла Доминик был прав. Зачем было подвергать себя лишнему риску? Еще никто и никогда не растил воздуховодов вне Корабля. Роберт предполагал, что его стенки будут более толстыми, и значит, возду-

ховоду требовалось усиленное питание. Садовники в несколько смен подкармливали его. Пока все шло хорошо, и если ничего не случится, очень скоро космические катера окажутся в руках джонситов. Воздуховод уже протянулся через весь Тонга и дошел до середины Хрустального Сада над отсеком Вануату.

Ансон отрицательно покачал головой.

— Слушай, но мы ведь не дикари, — сказал Доминик. — У нас есть лекарства, и Игорь — отличный врач. Ты не смотри, что он возмущался тогда. Он для тебя все сделает.

— Ты не перестаешь меня удивлять, — ответил Роберт. — Я долго думал, кого попросить об этом. И был уверен, что в последнем милосердии ты не откажешь мне...

Доминик повел плечом.

— Ты самый светлый человек, которого я встречал в жизни, — произнес он. — Бабушка Ватя говорит, что легко быть светлым, когда ты постоянно сыт. Но все равно. Хорошо. Можешь рассчитывать на меня.

— Спасибо, — сказал Роберт.

Они дошли до медблока. Роберт принял витаминный коктейль, улучшающий скорость контакта и выносливость нервожила.

— Я все голову ломал, в каких комбинациях все это заказать, чтобы центровые ничего не заподозрили, — сказал Игорь.

— Получилось? — спросил Роберт.

— Думаю, да, — несколько нервно улыбнулся Игорь.

Стогов и Ансон двинулись в рубку связи. Роберт смотрел по сторонам. На людей, спешащих на смену. На блеклый потолок отсека Палау, откуда струился мягкий свет. Роберт и Доминик миновали рекреацию, где гуляли воспитанники детского сада. Пол здесь был покрыт живорастущим пушистым зеленым ковром. Роберт вспомнил Забытое Слово, обозначающее такую растительность — «трава». Кое-где торчали имитации

деревьев. За деревьями виднелись качели и горки, но ребятишек там не было. Дети сидели на траве под деревом, окружив воспитательницу. Было похоже, что они ничего не делают. Просто жмутся друг к другу и смотрят по сторонам.

— Какие-то они странно тихие, — заметил Роберт.

— Посиди трое суток в темноте, а потом по трупам прогуляйся, я на тебя посмотрю, — ответил Доминик.

Роберт смутился и замолчал.

Рубка связи была отделана бледно-зеленым пластиком, облупившимся и пожелтевшим от времени. Она была достаточно просторной, чтобы там могли поместиться пятеро людей некрупного сложения. Роберт быстро оглядел пульт, затем заглянул под него.

— Ага, — сказал он и присел на корточки.

Ансон аккуратно потрогал небольшой серебристый щиток на стене. Краевые отсеки, как Палау и Тонга, не оборудовались порталами прямой связи с мозгом «Нового Рассвета». Но в нервной системе Корабля наличие этих порталов было заложено, по одному на отсек. Роберт постелил на полу серое одеяло в белый цветочек, которое привез с собой из Висконсина и сохранил, несмотря на попытку джонситов ограбить его. Ансон улегся и открыл щиток. Затем улыбнулся Доминику и привычным движением засунул руку в портал по локоть. Глаза его помутнели и закрылись. Доминик осторожно развернул Роберта на бок, глянул на часы, засекая время, и вышел из рубки.

Роберта оттащили от нерва. Ансон был без сознания. Рука его, выйдя из портала, гулко ударилась об пол. Эйс Штильнахт аккуратно закрыл портал серебристым щитком. Роберт открыл глаза.

— Лифт будет через неделю, — задыхаясь, сказал Роберт. — Он вырастет там же, где и был раньше.

Доминик рывком поднял его голову, заглянул под челюсть и изменился в лице.

— Ты обещал, — прохрипел Роберт.

— Они красные! — закричал Доминик. — Красные!

— Скорее в медблок, — сказал Штильнахт.

Они вытащили Роберта из рубки связи, уложили на предусмотрительно приготовленные носилки и потащили его в медблок.

Неделю после этого Роберт провел как в тумане. Очень болезненном, безысходно мрачном, пожирающем все его тело и сознание тумане. Но Игорь Волков знал свое дело. Он, кажется, и правда раскаялся в своих словах, сказанных сгоряча. Более интенсивной и разумной терапии Роберту не доводилось испытывать даже в клинике Центрального отсека, куда он угодил после своего второго контакта с нервом. Тогда он был юн и самонадеян.

Когда Игорь разрешил ему вернуться к обычной жизни, Роберт покинул медблок. Но к себе в коттедж не пошел. Он направился в рекреационную зону. Детишек там не было. Наверное, обедали или спали. Роберт обрадовался этому — ему хотелось побыть одному.

То, что он понял во время общения с Кораблем, разрывало его душу и сердце. И ему не с кем было этим поделиться. Он понимал, что должен что-то сделать. Никто другой, кроме него, не знал того, что знал он. Но что? Что он мог предпринять?

Роберт услышал чьи-то шаги и уткнулся лицом в траву. Он надеялся, что случайный прохожий не станет приставать к спящему в рекреации человеку.

— Роберт? — услышал он встревоженный голос Кассандры.

Ансон со вздохом сел.

— Извините, если помешала, — сказала Кассандра. — Но я испугалась, вдруг вам плохо.

Роберт сообразил, что она пришла в сад забрать сыновей и узнала его по комбинезону.

— Да, — неожиданно для себя честно ответил он. — Мне плохо.

Он поднял глаза на Кассандру. Свой комбинезон она украсила неуставной вышивкой на правой стороне груди. Кассандра посадила там три Хрустальных Цветка из разноцветных ниток. Впрочем, это было давно — нитки выцвели и частично растрепались.

— Принести вам воды? — спросила Кассандра. — В садике вода витаминизированная.

— Не надо.

Кассандра глянула на часы и решила, что с Леоном и Лукасом ничего не случится, если она заберет их на десять минут попозже.

— Так что же произошло? — спросила она, усаживаясь на траву рядом с Робертом.

— Корабль очень страдает, — выдохнул Роберт. — Он очень любит людей, всех людей... Ведь он был рожден, чтобы служить нам. И он понимает, что умирает. Он не боится смерти, он ждет ее, он очень устал... Но он понимает, что он умрет, не выполнив своей задачи. Не доставив нас на другую планету. Это невыносимо для него. Умирать, не выполнив своего долга. Своей самой главной жизненной задачи, своего предназначения! Что может быть ужаснее? Ареопег не дает ему запустить программу по подготовке к высадке. Кассандра, если бы вы знали, что это за программа! Пока мы висим здесь, он уже собрал всю необходимую информацию о планете. Он спроектировал города в тех местах, где они должны быть. В его архивах лежат программы обучения сельскому хозяйству, добыче металлов, обучению пилотов спускаемых аппаратов! Он так хочет поделиться с нами этими знаниями. И не может.

— Но ведь скоро он сможет, — заметила Кассандра успокаивающе.

Она была потрясена и заинтригована. В Тонга нервожилов не было за ненадобностью. Кассандра имела

самое общее представление о мозге Корабля и его помыслах, то есть никакого.

— Да, — сказал Роберт. — Но никто, и даже он сам, не думает о том, что будет с ним, когда мы улетим. Оставим его здесь. Он, который столько сделал для нас, будет умирать в одиночестве. Люди забудут о нем. Многие уже сейчас ненавидят его за тесноту. Его бросят, как рваный комбинезон. Это невыносимо!

Он заплакал.

Кассандра увидела Леона и Лукаса. Две фигурки в симпатичных новых комбинезонах с разноцветными разводами двигались к ним со стороны садика. Наверное, воспитательница — или сами близнецы — заметили мать из окна садика и решили отправиться ей навстречу. Кассандра поняла, что если она хочет помочь Роберту, в ее распоряжении осталось минуты две. Она решительно взяла его за руку.

— Попросите у него семена, когда будете в следующий раз говорить с ним, — сказала она.

— Что? — переспросил ошарашенный Роберт.

— Семена, — терпеливо повторила Кассандра. — Все, что умирает, когда-то родилось. И само может дать жизнь. Спросите у него, как у Кораблей обстоят дела в этом вопросе. Сейчас нам не до космических перелетов. Но когда-нибудь человечество снова выйдет в космос. Ведь мы уже научились делать это перед тем, как нас выгнали с родной планеты. Мы сохраним семена Корабля — спросите его, как это сделать. И когда придет время, мы вырастим новые корабли. И хотя «Новый Рассвет» умрет, он умрет...

— Не до конца, — произнес Роберт. — Что-то останется, и не только в наших сердцах. И он будет об этом знать.

Лицо его просветлело. Он благодарно пожал ее руку.

— Спасибо вам, госпожа Шмидт, — сказал Роберт. — Вот что значит — Старшая Садовница!

— Не за что, — улыбнулась она. — Вы можете звать меня Кассандрой.

— Вот-вот, дядя, мы с ней тоже часто плачем, — раздался голосок Леона.

Роберт смутился, поняв, что дети видели его слезы.

— Пойдемте к нам, — добавил Лукас. — Мы вам такие игрушки покажем, у вас таких и не было. Расскажем вам про нашу жизнь.

— Вы-то нас понимаете, — с элегической печалью в голосе закончил Леон.

Роберт вопросительно посмотрел на Кассандру. Он бы с удовольствием поиграл с близнецами. В Висконсине он часто возился со своими племянниками примерно такого же возраста. И теперь, застряв в Палау, впервые понял, как он был к ним привязан. У Кассандры был такой вид, будто она увидела двухголовую кошку. С шестью лапами. Перехватив взгляд Роберта, она поняла, что все ждут ее ответа.

— Конечно, пойдемте, — пробормотала Кассандра.

Роберт помог ей подняться с ковра, имитировавшего траву. У Ансона оказались сильные, хотя и не жесткие руки. И это было приятно.

3

Лифт мерно гудел. Путь из Палау до третьей операторской рубки был неблизким, можно было даже поспать. Роберт, чтобы отвлечься, разглядывал оружие в руках своих спутников, развалившихся в креслах. Любой работник сообразил бы, как использовать топор или пилу не по прямому назначению, что с блеском продемонстрировали ребята из бригады Роберта в ночь захвата Палау — благодаря чему смогли продержаться до того момента, как поступил приказ щадить людей в оранжевых комбинезонах. Но настоящее оружие, пистолеты, стреляющие парализующими капсулами, на Корабле было только у работников полиции. Во всяком

случае, до сих пор Роберт думал, что капсулы были парализующими. Успокоить пьяного гуляку, обезвредить буйного безумца — для этого они вполне годились. В отсеках джонситов не было полиции, буйных гуляк и безумцев. А оружие — было.

Как объяснила Кассандра, Хрустальные Цветы давали семена, плотные и твердые. Для того чтобы ввести семена в Обшивку, садовники пользовались семенными пистолетами. Рассчитанные на работу в условиях невесомости, в воздухе они стреляли недалеко. Но тяжелые семена отрывали от тела человека огромные куски, если стрелок попадал в цель.

Роберт дивился тому, как неистощима человеческая изобретательность в том случае, если нужно кого-то убить.

На штурм операторской рубки пошло пятнадцать человек во главе с Эйсом Штильнахтом. У него пистолет был прикреплен прямо к культе и срабатывал, видимо, от выведенного на спусковой механизм мозгового импульса. К удивлению Роберта, Доминик тоже пошел с ними.

— Тебе не стоит идти, — сказал Роберт, когда они входили в кабину. — Джонситы не смогут победить без тебя, если ты погибнешь.

— Тогда туда им и дорога, — проворчал Доминик.

Последней вошла Алиса. Девочка была по обыкновению спокойна и улыбчива. Роберт не знал, объяснили ли ей, куда ее везут. Зная характер Доминика — скорее всего, нет. Вполне возможно, Алиса думала, что все эти вооруженные мрачные люди — почетный эскорт на ее пути домой.

Створки лифта закрылись. Кабина пришла в движение.

— К тому же, я всегда хотел посмотреть, как живут центровые, — закончил Доминик. — Ты лучше скажи, как ты себя чувствуешь.

— По сравнению с Крэком Джонсом — отлично, — смеясь, ответил Роберт.

Доминик хмуро улыбнулся.

— Ты, главное, не нервничай, — в который раз повторил он. — Не высовывайся. Без тебя у нас ничего не получится.

— Хорошо, — сказал Роберт.

Лифт стал снижать скорость. Доминик построил людей у створок. Роберта и Алису поставили последними. Дверки лифта распахнулись, и дальше все пошло очень быстро. Роберт почти ничего не успел увидеть за спинами джонситов. Они отметили свое прибытие в Центральный отсек громкой очередью выстрелов. Стены коридора стали мокрыми и липкими. Отряд двинулся вперед. От этого лифтового выхода до операторской рубки было не больше двухсот метров по коридору. Слабым местом на их пути, как предупреждал Ансон, была небольшая круглая площадка для отдыха, на которой весело журчал фонтан. Здесь, если бы джонситы не поторопились, их могли бы заблокировать спохватившиеся полицейские.

Но джонситы пролетели площадку так, что Роберт ее даже не заметил. Он понял, что их маленький отряд миновал ее, только потому, что Эйс Штильнахт, строго следуя полученным инструкциям, повернул здесь налево. Внезапно Роберт понял, что бояться им почти нечего. Полицейские Висконсина были подобны облепившимся, перекормленным котам, которые никогда не сталкивались с голодными... крысами? Так, кажется, назывались эти мелкие пакостные зверьки, причинившие столько урона сельскому хозяйству Земли в древности? Причем с крысами, которые дерутся за свою жизнь. Полицейские наверняка просто не могли поверить в происходящее. Эти чумазные нищие в рваных комбинезонах и с пистолетами в руках просто не могли бежать по чистым, украшенным развлекающей и поднимаящей настроение живописью коридорам.

Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда.

Роберт хорошо разглядел только одну жертву джонситов — женщину в элегантном сером костюме. Она шла им навстречу. Увидев бегущих вооруженных людей, она даже не отпрянула к стене, а так и замерла посреди коридора, остолбенев от изумления. Чей-то выстрел лишил ее головы. Безголовое тело осело. Ожерелье из черного жемчуга соскользнуло с шеи. Нитка порвалась, и жемчуг рассыпался по полу, мелко цокая.

Роберт увидел зеленую дверь операторской и толкнул ее. Дверь легко открылась. В рубке никого не было — сейчас было время обеда. Бергманн наверняка был в столовой, а то, что он не закрыл дверь... а от кого ему было закрываться? К тому же у него была искалечена рука, и Бергманну было неудобно каждый раз возиться с замком. Пока все шло по плану, кроме двери рубки, которую не пришлось ломать. Но даже это было на руку джонситам. Гораздо легче обороняться в комнате с целой дверью, чем в комнате с дверью, разнесенной в щепки при штурме.

Джонситы ворвались в операторскую. Там сразу стало тесно. Снаружи остались двое часовых. Но пока коридор был пуст, если не считать нескольких окровавленных, обезображенных тел.

И жемчуга, который все еще стучал по полу, закатываясь под длинные скамейки для отдыха.

Роберт хотел уже ввести руку в портал связи, как вдруг нахмурился. Что-то было не так. Портал, вдруг понял Ансон. Вместо здорового насыщенного синего цвета он приобрел болезненный светло-лиловый оттенок.

— Подождите минутку, — пробормотал Роберт и аккуратно сунул руку в коммуникатор.

Лицо Ансона исказилось от ярости. Он поспешно выдернул руку.

— Что случилось? — спросил Доминик.

Его грудь была заляпана кровью и чьими-то внутренностями.

— Они отключили эту рубку? — продолжал Стогов. Роберт отрицательно помотал головой.

— Они все-таки попытались убить этот нерв, — произнес он. — Сволочи! Живодеры! И ведь нашелся нервожил, который...

— Полностью с тобой согласен, — перебил его Доминик. — Так ты можешь вызвать то сообщение?

Роберт кивнул.

— Когда Корабль спросит, запустить ли программу... — начал Доминик, обращаясь к Алисе.

Всю дорогу ее тащил за собой один из джонситов. Глаза Алисы были наполнены ужасом, который она тщательно сдерживала.

— «Новая колыбель», — подсказал Роберт.

— Да, — энергично кивнул Доминик и продолжал для Алисы: — Ты положишь руку вот сюда и скажешь «да, запустить». Ясно?

— Папа меня убьет, — без тени страха, просто анализируя, пробормотала девочка.

Доминик пожал плечами.

— Я могу приложить куда надо и отрубленную руку, — сказал он спокойно.

— Я знаю, — спокойно сказала Алиса. — Я сделаю то, о чем вы просите. Но вы не думаете...

— Вот и замечательно, — перебил ее Доминик. — Роберт, делай что нужно.

Роберт ввел руку в коммуникатор. Какая-то мысль зашевелилась в мозгу Роберта, но он не успел додумать ее. Перед контактом с несущим нервом Корабля строго рекомендовалось очистить сознание.

— Сейчас, — пробормотал он. — Сейчас...

Джонситы со страхом и надеждой наблюдали за нервозилом. Стена рубки засветилась — активировался экран связи с мозгом Корабля. На темно-лиловом фоне появились огромные губы.

— Программа «Через тернии к звездам» благополучно завершена, — громко, но с отчетливой усталостью в голосе произнесли губы. — Начать программу «Новая колыбель»?

Доминик хотел взять девочку за руку. Но Алиса сама приложила ладонь к специально предназначенной для подтверждения команд панели.

— Да, — сказала Алиса. — Приступить к исполнению программы «Новая колыбель»!

Возникла пауза. «В память Корабля внесена ДНК Коренева, ее отца, — вдруг с ослепительной ясностью подумал Роберт. — Но она — не он, она же его дочь! У нее только половина генома от Коренева, а вторая не совпадает... Почему мы не подумали об этом сразу?» Ансона пробил холодный пот. Экран посветлел, став из фиолетового светло-розовым.

— Программа «Новая колыбель» запущена, — произнес голос. — Первым этапом...

— Доми, у нас гости! — крикнули из коридора.

— Роберт, пора валить! — скомандовал Доминик.

— Выполняйте, — светским голосом сказала Алиса, продолжая диалог с мозгом «Нового Рассвета». — Отчет пока не требуется.

Ансон тем временем разорвал контакт и привычным движением освободил свою руку из коммуникационного порта. Джонситы гурьбой вывалились в коридор и бросились бежать.

— Сегодня счастливый день, — донеслось из динамика под потолком. — Великий день, которого мы все так ждали, а многие, к несчастью, не дождались...

Роберт знал — эти же слова сейчас слышат все шесть миллиардов человек, все пассажиры Корабля. Передачу, входящую в основную программу, ни заблокиро-

вать, ни отключить было нельзя. Раздались выстрелы. Эйс ловко перепрыгнул через чье-то оседающее тело. У Роберта не было на это сил; контакт с несущим нервом, даже кратковременный, очень сильно выматывал. Ансон оббежал труп. Джонситы вырвались на площадку с фонтаном. До дверей лифта оставалось уже рукой подать. Роберт увидел, что Доминик прихрамывает, и тут Стогов остановился. Остановились и все остальные. Уже были видны мундиры полицейских, стремительно приближавшихся к площадке с двух сторон. Среди коричневых комбинезонов рядовых мелькали и алые одежды офицеров. С той стороны, в которой был лифт, тоже бежали люди, но они были еще далеко.

— Дайте мне ваши пистолеты, — сказал Доминик.

— Сегодня все люди Земли начнут подготовку к самому важному шагу в своей жизни — шагу на новую почву... — продолжал вещать динамик.

Стогов принял оружие из рук двух ближайших к нему соратников.

— Зачем тебе... — начал Эйс Штильнахт и осекся.

Алиса коротко вскрикнула. Теперь и остальные заметили кровь, темным потоком спускающуюся по бедру Доминика.

— Мы тебя не оставим! — крикнул Эйс.

— Бегом! — рявкнул Доминик.

Джонситы послушались — слишком сильна была привычка. Одним мощным рывком беглецы преодолели расстояние до лифта, на ходу пристрелив самых шустрых из нападающих. Алиса приложила руку к панели. Роберт, стоя рядом с ней, оглянулся назад. Доминик спрятался в фонтане. Пули полицейских с воем рикошетили от каменной чаши. Над краем чаши время от времени на краткий миг показывалась рука с пистолетом и голова Доминика. Мокрые волосы стояли торчком, как колючки у ежа на картинке из далекого учебника Забытых Слов. В левом коридоре страшно, дико закричали на несколько голосов. Доминик попал в кого-то. У ра-

неного еще нашлись силы вопить, а остальные, как догадался Роберт, кричали от ужаса, увидев, что оружие джонситов делает с телами жертв.

Створки лифта раскрылись. Эйс Штильнахт и остальные проворно погрузились.

— Я еще маленькая, — сказала Алиса, глядя на Роберта. — Мне запрещено покидать Центральные сектора.

— Не знаю, сохранился ли мой допуск... да и был ли я им наделен, — проговорил Роберт и произнес громко и четко: — Отсек Палау!

Двери лифта начали закрываться. Эйс Штильнахт понял, что Алиса и Роберт просто не успеют войти. Он ловко отстегнул пистолет от своей культи и бросил его Ансону. Роберт машинально поймал его. Раздался негромкий гул — лифт уносил джонситов с места их решающего боя.

— Многим придется переквалифицироваться, — произнес голос из-под потолка. — В вашей новой жизни не понадобятся многие профессии, которые так ценились во время вашей жизни на «Новом Рассвете». Каждому пассажиру Корабля необходимо будет явиться в кадровое агентство за новым назначением...

Сапоги полицейских стучали уже совсем близко.

— В рекреацию! — крикнула Алиса.

Девочка схватила Роберта за руку и потащила его к небольшому коридорчику. «Как я мог забыть», — вяло подумать Ансон. Он повернулся в сторону нападающих и выстрелил наугад, не целясь. Охранники шарахнулись в разные стороны. Один сбил другого с ног, а на них сверху кучей-малой посыпались остальные. Роберт и Алиса проскочили в коридорчик. Он вел вниз. Беглецы только чудом не споткнулись на узких ступенях. «Хорошо, что не вверх», — подумал Роберт на бегу. Силы еще не до конца вернулись к нему. Алиса и Роберт влетели в рекреацию. Она была гораздо больше места, отведенного для отдыха в отсеке Палау. Деревья

здесь были выше, пол покрывала трава и даже кусты. Где-то журчала вода.

— Разделимся, так будет лучше! — горячо выдохнула Алиса.

Девочка перемахнула через живую изгородь и скрылась за деревьями. Роберт уже начал приходить в себя после контакта с нервом, но к таким кульбитам еще способен не был. Ансон обошел кусты и двинулся по дорожке. Рекреация наполнилась голосами. Роберту не надо было оборачиваться, чтобы знать — преследователи уже здесь. Он пересек клумбу, топчя цветы, и нырнул под тень деревьев. За стволами он увидел грот и направился туда. Роберту пришла идея укрыться в гроте. Он понимал, что та же самая мысль придет в голову и полицейским. Его следов на клумбе не заметил бы только слепой. Ансон добрался до искусственной скалы. Вода вытекала из небольшой пещерки, которая оказалась слишком маленькой даже для того, чтобы засунуть туда руку. Однако рядом в камне была сделана красивая расселина. Роберт пробрался туда — там оказалось достаточно места. Ансон рассеянно подумал, что это любимое место влюбленных парочек. Голоса приблизились, потом неожиданно стихли. Роберт, не в силах больше выдерживать охватившего его напряжения, сел на холодный влажный камень. Что-то стукнуло, и он увидел, что все еще сжимает в руке пистолет Эйса. Роберт засунул его в карман комбинезона, привалился к стене и принялся ждать.

Его разбудили грубые голоса и треск ломаемых кустов. Роберт открыл глаза, увидел, что уже сумерки, и понял, что умудрился заснуть.

— Переквалифицироваться, — с раздражением произнес первый голос, продолжая какую-то беседу. — Мне переквалифицироваться поздно... Да и на кого мы можем выучиться?

Роберт затаил дыхание.

— Они учтут тесты профориентации, я думаю, — ответил второй человек.

Роберт узнал голос старшего офицера Дирка.

— Я вот мальчишкой охотником хотел стать, — продолжал Дирк. — Знаешь, красться по лесу, читать следы, загонять слонов в ловушки... Мне тогда на тесте сказали, что, мол, не повезло мне — не на кого тут охотиться. Предложили вот в офицеры пойти...

— Слонов ловушкой не поймаете, они слишком большие, — возразил его собеседник. — Правильно все-таки отменили уроки Забытых Слов, на них только голову забивали всякой ерундой... Опа!

Роберт вздрогнул, услышав смех Дирка.

— Ансон, выходи, — произнес тот.

Роберт не пошевелился. Он не мог понять, как офицеры заметили его.

— Выходи-выходи, — почти ласково продолжал Дирк. — У тебя ботинок торчит.

Роберт опустил взгляд на свои ноги. Во сне Ансон сполз на пол. Ноги его почти до колена торчали наружу. Стыд хлестнул Роберта горячей волной. «Как глупо», — подумал он.

— Не ори, — сказал второй полицейский грозным шепотом. — Он, может быть, спит. Тепленького возьмем...

— Или ботинки снял здесь, — предположил Дирк, тоже тоном ниже. — Чтобы следов не оставлять...

Роберт поднялся. Полицейские еще не могли его видеть, но заметили исчезновение ботинок.

— Ага, — удовлетворенно произнес один из них. — Попалась птичка.

— Осторожнее, — сказал Дирк. — Он может быть вооружен.

Если бы не это ценное замечание, Роберт и не вспомнил бы про пистолет в кармане. Он запустил руку в карман. Пальцы ощутили ребристую поверхность металла.

— Видал, какую бойню они в том коридоре устроили, — продолжал Дирк.

— Ансон, выходи! — крикнул полицейский. — И без глупостей! Мы тоже не с голыми руками пришли!

Роберт шагнул к выходу из расселины.

— Не стреляйте, — хриплым со сна голосом сказал он. — Я выхожу.

— Это правильное решение, — откликнулся Дирк. — Я даже рад, что ты именно нам достался.

— Конечно, — согласился его напарник. — Премию дадут, какую-никакую...

Роберт осторожно выглянул наружу. Дирк и невысокий крепыш оказались с другой стороны ручья, шагах в пяти от него. Дула их пистолетов смотрели прямо на расщелину. Ансон знал, что преследователи еще не видят его рук. Что сейчас надо резким рывком вынуть руку из кармана и... Роберт понял, что не сможет выстрелить.

— Вынь-ка руки, чтобы я их видел, — подозрительным тоном сказал крепыш.

Роберт вынул обе руки и показал ему пустые ладони.

— Иди сюда, — сказал полицейский.

Роберт сделал шаг вперед. Дирк попятился, заходя за спину напарнику.

— Ты чего это... — пробормотал тот.

Но он держал на мушке Роберта и не стал поворачиваться. Дирк поднял руку с пистолетом и аккуратно ударил его рукоятку по макушке. Тот без звука сложился. Ошарашенный Роберт смотрел на Дирка.

— Я бы на твоём месте переоделся, — сказал тот и слегка пнул бесчувственного напарника под ребра. — С Тридцатого квартала уже оцепление сняли, между прочим.

Тридцатый квартал граничил с рекреацией, а Роберт не успел забрести вглубь насаждений. Купола жилых ячеек виднелись за деревьями. Роберт не знал даже, что

ответить на это. Все произошло слишком быстро. Дирк усмехнулся.

— Я очень рад, что это мы тебя нашли, — повторил он. — Я всю жизнь мечтал поохотиться на слонов!

Ансон слабо улыбнулся в ответ. Дирк развернулся и пошел прочь, насвистывая. Роберт, словно очнувшись, сделал шаг к полицейскому, все еще валявшемуся в беспомощности. Дирк обернулся.

— Ты бы пистолет ему оставил, — сказал он. — Ему же выговор объявят и из жалованья вычтут. А у Джона трое детей на шее.

Роберт молча кивнул. Про себя он подумал, что в Центральных отсеках люди действительно мягче. С точки зрения джонсита, ничто не могло помешать Роберту вытянуть пистолет охранника и застрелить Дирка в спину. Но, возможно, и Дирк не был бы столь великодушен с уроженцем крайнего отсека?

Натягивая комбинезон Джона — он оказался немного коротковат Ансону, — Роберт вспомнил, что в Тридцатом квартале живет Джек Милн.

Дверь не открывали так долго, что Роберт подумал уже, что Джек на смене. Но вот за дверью раздался какой-то странный скрип, и она открылась. Джек Милн изумленно уставился на Роберта.

— Что это на тебе? — удивился он.

Роберт смущенно поправил висевшие на шее четки с крестиком и венки из белых цветов. По дороге он столкнулся с процессией последователей Единой Церкви. Они несли хоругви, статуи и пели гимны в честь Высадки. Шествие загрозило собой весь коридор между жилыми ячейками. Роберту ничего не оставалось, как присоединиться к ним. Они все равно шли в нужную сторону. Роберт сообразил, что в его положении самое лучшее — затеряться в толпе.

— Ладно, заходи, — сказал Джек.

Снова раздался легкий скрип. Роберт шагнул внутрь. Только когда дверь закрылась, Ансон понял, что Джек сидит в инвалидном кресле-коляске.

— Что... — пробормотал Роберт.

Джек с печальной усмешкой следил за направлением его взгляда. Роберт непонимающе скользнул глазами по одеялу, скрывающему культы на месте ног Милна. Руки Джека были целы, не хватало только кисти правой руки.

И тут Роберт понял.

— Это ты, — сказал он. — Ты согласился убить нерв в третьей операторской. И ты ведь знал...

— Да, — сказал Джек. — Я не хотел. Я пытался уехать в Палау. Но после сообщения о том, что тебя прикончили озверевшие фанатики, я понял, что у меня нет выбора. Я, правда, сразу засомневался, что ты мертв...

— У тебя почти получилось, — помолчав, сказал Роберт. — Ты нервожил не третьего класса, а минимум пятого. Я уж думал, что не смогу выйти на контакт. Ты здорово его покалечил.

— Он меня тоже, как видишь, — ответил Джек.

— Меня ищут, — сказал Роберт. — Дай мне только стакан воды, и я уйду.

— Жаль, что это все, что я могу сделать для тебя, — сказал Джек.

Он развернул кресло, чтобы поехать на кухню. Из глубин ячейки вдруг раздался женский голос, который Роберт, к своему изумлению, узнал.

— С кем ты разговариваешь, милый? — спросила Сьюзан. — У нас гости?

Она вышла в коридор. Увидев Роберта, Сьюзан так и застыла на месте. Роберту нехотать вспомнилась та женщина, что замерла посреди коридора, увидев Джонситов, и лишилась головы за свою нерасторопность.

— Привет, Сьюзан, — не своим голосом сказал Роберт.

Сьюзан сориентировалась быстро. Недаром она работала помощником логистика отсека Висконсин.

— Это все он! — взвизгнула девушка, указывая на Джека. — Он так хотел меня, что решил тебя погубить! Это из-за него тебя отправили на выселки к джонситам! Я его отговаривала! Он меня бил! Убей его!

Роберт перевел взгляд на Милна. Джек болезненно улыбнулся.

— Я пришел ее утешить, когда сообщили о твоей смерти, — сказал он. — Тогда я еще мог ходить, но уже знал, что скоро не смогу... Я должен был отказать, я знаю. Но мне было так жутко думать, что я останусь один...

— Ах вот значит как! — завопила Сьюзан. — Ты все просчитал! Ты меня использовал!

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Роберт.

— Ты же пить хотел, — напомнил Джек.

Роберт махнул рукой.

— На втором отсюда перекрестке есть питьевой фонтанчик, — совершенно трезвым голосом сказала Сьюзан.

— Извините, что не встаю, — сказал Доминик.

Он сидел на грязном полу камеры в заляпанном кровью комбинезоне. Ногу ему кое-как перевязали. Не меньше трети лица Доминика занимал роскошный синяк. Однако глава джонситов не казался жалким и не выглядел проигравшим.

— Хватит паясничать, Стогов, — устало сказал Алексей Корнев.

Корнев уже знал, кто из них действительно проиграл эту игру.

— Вы можете подойти поближе, я не кусаюсь, — сказал Доминик.

Корнев не стал приближаться к нему. Вместо этого Куратор подошел к стене камеры и тяжело оперся на нее рукой.

— Ответьте мне на один вопрос, — сказал Коренев. — Как? Ну как? В системе всегда хранится отчет о том, кто активировал ту или иную команду. Но мы с вами знаем, что это был не я!

Доминик смотрел на Куратора, и ни тени сочувствия не читалось в синих глазах джонсита. Стогов отлично представлял себе, какую баню устроили Кореневу его коллеги по Ареопагу. Но неприятности Коренева были последним, что волновало Доминика. Впрочем, он не видел смысла держать что-то в тайне. Коренев вполне мог узнать все и сам — просто приказав медикам сделать Доминику нужный укольчик.

— Команду активировала ваша дочь, Алиса Коренева, — ответил Доминик.

Глаза Коренева, казалось, сейчас полезут из орбит.

— Моя дочь? — непонимающе произнес он и повторил с невыразимым ужасом в голосе: — Моя дочь?! Но...

— Избавьте меня от подробностей вашей семейной жизни, — поморщился Доминик.

Когда Алиса сказала: «Папа меня убьет», — у Доминика зародились некоторые предположения насчет отношений родителей и детей в семье Кореневых. Но семейные саги тоже не интересовали Стогова.

Коренев справился с собой.

— Я зайду к вам попозже, — сказал он и покинул камеру.

Буквально через несколько минут дверь снова открылась. Доминик подумал, что Коренев все же решил прибегнуть к традиционным тактикам допроса. Но вместо врача со шприцем в руке это оказался полицейский. Без лишних слов он препроводил Доминика в душевую комнату, где тот с большим наслаждением вымылся. Ему было, в сущности, наплевать, что будет с ним дальше. Пристрелят его после душа или предложат сытный обед. Как и все джонситы, Стогов умел ценить простые радости. Он уже сделал все, что мог. Все, что должен

был. Огромный маховик был запущен, и его уже никто не мог остановить. Доминик гордился тем, что маятник истории человечества сдвинулся с места благодаря и ему в том числе, но собственная дальнейшая судьба его уже мало волновала.

Хотя, конечно, пожить еще было бы совсем неплохо.

После душа ему выдали чистый комбинезон без знаков различия, перевели в другую камеру — почище и посветлее, в которой имелась даже кое-какая мебель. Доминика осмотрел врач, который вложил в рану на ноге заживляющий коллоид. Полицейский принес обед из трех блюд. Разделавшись с едой, Доминик повалился на кровать и тут же заснул — спокойным, легким сном без сновидений.

Когда он проснулся, Коренев сидел на стуле и смотрел в окно (в этой камере имелось даже окно, затянутое плотным прозрачным пластиком).

— Стогов, — сказал он. — У меня к вам деловое предложение.

Коренев был готов проиграть пару раундов. Но не всю игру.

Доминик сел на кровати.

— Я слушаю.

— Я ввожу вас и других руководителей джонситов в состав Ареопага, — сказал Коренев.

— Это сильно, — кивнул Доминик. — А что вы хотите взамен?

— А вы не дадите этим прогнившим пердунам убить меня! — с силой произнес Коренев, всем телом наклонившись вперед, к Доминику.

— А, — догадался тот. — Экстренное совещание Ареопага все еще не собралось? Долго же вы раскачиваетесь!

— Да, — сказал Коренев. — Пятеро членов Ареопага скончались, услышав сообщение Корабля о том, что... — он запнулся.

— О том, что высадка на Надежду все-таки состоится, — с наслаждением закончил Доминик.

— Да. Поэтому задержали совещание. В отсеках перевыборы, ну вы понимаете. До совещания осталось два часа. Я не могу дать вам много времени на раздумья. Я знаю, вас, джонситских вождей, шестнадцать человек — по числу отсеков, где вы установили свою власть. За вычетом пятерых членов Ареопага, не выдержавших последних новостей, нас станет сорок. Решение о казни члена Ареопага можно вынести только двумя третями голосов, которых они не смогут набрать, если вы все проголосуете против. Если вам нужно обсудить условия договора, я могу дать вам возможность связаться с вашими товарищами.

— Да нет, не надо, — сказал Доминик. — Такое решение могу принять и я сам.

— Вот как, — медленно произнес Стогов.

— Да. Мне нужно будет только переговорить с ними приватно перед заседанием, чтобы они знали, что делать.

— Хорошо, — кивнул Корнев.

— Ах да! Вряд ли они согласятся приехать, если их пригласите вы. В половине отсеков и лифтов-то нет...

— Эта проблема решается.

— В приглашение надо будет включить кодовую фразу, — сказал Доминик, глядя на Корневу веселыми глазами. — А именно: «Верны заветам Крэка Джонса; чужого нам не надо, но и своего не отдадим».

— Позвольте, я запишу, — ответил Корнев.

Он извлек из кармана комбинезона минибук с сенсорным экраном. Доминик повторил кодовую фразу. Записав ее, Корнев поднялся и направился к дверям.

— Вы тоже, кстати, можете выходить, если хотите, — сказал он. — Только не уходите далеко, заблудитесь.

— Спасибо, — ответил Доминик. — Да я и не смогу далеко ускакать.

Он похлопал себя по раненой ноге.

— Я рад, что встретил такое доверие и взаимопонимание, — произнес Коренев. — Все-таки мы с вами сыновья одного народа, а братья всегда договорятся.

— Я обещаю, что Ареопагу не удастся вас прикончить, — кивнул Доминик.

— Однако страховка никогда не повредит, — холодно продолжал Коренев. — Я внес некоторые изменения в пищевую программу отсека Палау. Они касаются только одного человека, который, я знаю, дорог вам. Само по себе вещество, которое будет теперь добавляться в ее порцию ежедневной пищи, не является ядом. Все дело в количестве этого вещества... Оно, знаете ли, имеет тенденцию накапливаться.

Доминик сжал кулаки, но не тронулся с места.

— Даже мы, джонситы, не трогаем детей, — сказал он. — А вы хотите оставить сиротами...

Коренев поморщился.

— Все дети и даже многие внуки госпожи Стоговой уже взрослые люди, — возразил он.

Доминик перевел дух. Он понял, что чуть не проговорился. Коренев мог внести изменения в план питания любого жителя Палау.

— Так вот, отменить эту... диету... могу только я. Только я, — со значением повторил Алексей. — Не новый Куратор, а только я. И чем быстрее я это сделаю, тем меньший вред будет нанесен здоровью вашей милой бабушки. Ну, а если у меня не будет возможности этого сделать...

— Я вас понял, — сказал Доминик.

Тихо звякнул колокольчик. Карточка негромко стукнулась о приемник. Алиса чуть не подавилась едой.

— Что это? — спросила девочка настороженно.

Она подошла к Роберту, когда тот пил воду из фонтанчика на перекрестке, и деликатно похлопала по спи-

не. В следующий миг Роберт был как никогда близок к тому, чтобы убить человека. Но успел узнать девочку, прежде чем надавил на спуск. Дома Алиса рассказала ему, что спряталась в парке под скамейкой. Не успела она свернуться калачиком, чтобы торчащие ноги не выдали ее — она была рослой девочкой для своего возраста, — как на аллее появились полицейские. По иронии судьбы, они уселись передохнуть именно на эту скамейку. Алиса провела незабываемые полчаса, разглядывая их грязные сапоги и слушая не менее грязные речи.

— Раньше у людей были такие домашние животные, которые находили вещи по запаху, — сказала Алиса Роберту, нервно смеясь.

— Собаки, — кивнул Роберт.

— Да. Если бы у полиции теперь были такие собаки, моя песенка была бы спета, — продолжала свой рассказ девочка.

В конце концов полицейские ушли. Алиса посидела под скамейкой еще немного — она была ни жива ни мертва от страха и не могла даже пошевелиться. Когда она наконец справилась с собой и выбралась на аллею, то увидела выходящего из рекреации Роберта. Девочка следовала за ним во время его визита к Милну. Догнать Ансона ей не хватало сил, а окликнуть его она боялась. Алиса думала, что Роберт направился к себе домой, но в тот миг, когда Алиса собралась с духом постучать в дверь, Роберт вышел обратно. Недоумевая, девочка опять пошла за ним и на перекрестке наконец нагнала.

Добравшись домой, беглецы решили перекусить. Роберт собирался по-братски поделиться с Алисой, но пищепровод выдал две порции. Заглянув в настройки, Роберт увидел, что мать прописала к нему двоюродного брата из Огайо. Действительно ли брат навещал родственников, или родители Роберта хотели удержать ячейку в собственности — после смерти пассажиров ячейки передавались тем, кто стоял в очереди на улучшение жилищных условий, — Роберт не стал уточнять.

Он все еще боялся, что его ищут. Надеяться снова нарваться на полицейского, мечтавшего в детстве охотиться на слонов, было рискованно.

— Это какое-то сообщение, — сказал Роберт.

Он отложил свой бутерброд и подошел к коммуникатору. Ансон извлек плотную синюю карточку из чаши приемника.

— Ну, что там? — спросила Алиса, сгорая от любопытства.

— Приглашают в центр подготовки к Высадке, — растерянно сказал Роберт. — Неврожины будут не нужны на Надежде. Нам предлагают выбрать новую профессию и пройти курсы переподготовки.

— Ух ты! Когда?

— Через два часа.

Роберт вернулся за стол.

— Ты не хочешь идти? — спросила Алиса.

— Мне кажется, что это ловушка, — ответил Роберт.

Он уже сообразил, как кадровики узнали, что он дома. Приглашение пришло через двадцать минут после того, как в его жилой ячейке заказали пищу.

— А мне кажется, это шанс, — горячо возразила Алиса.

— Ладно, — вяло сказал Роберт. — Схожу.

Вот таким образом он и оказался у входа в кадровое агентство. Последний раз Ансон был здесь лет десять назад, когда проходил профориентационные тесты после школы. Ячейка мало изменилась с тех пор, разве что оранжевая дверь выцвела и помутнела. «Все идет вразнос, не только Обшивка, — подумал Роберт. — Все-таки мы молодцы!» Он толкнул дверь и вошел. Роберт оказался последним в небольшой очереди из трех человек. Несмотря на масштабы свалившейся на кадровиков задачи, ее исполнение, как всегда, было организовано очень хорошо. Клерк взял приглашение Ансона, пробил по базе и улыбнулся. Роберт сжал в кармане пистолет.

— У вас свободный бланк, — сообщил клерк любезно.

— Что это значит? — напряженно спросил Роберт.

— Территория Надежды уже распределена между отсеками, — охотно пояснил клерк. — Так, жители Висконсина высадутся в секторе 297 АВ. В дальнейшем эта территория будет принадлежать им и их потомкам. Обладатели свободных бланков могут выбрать сектор, в котором будут жить, и ... да, вам придется переучиваться... и профессию, которую вам предстоит освоить, вы тоже можете выбрать по своему вкусу. Из списка необходимых в данном секторе профессий, разумеется.

— И многим дают свободный бланк?

— Нет, что вы! Вы наверняка заслужили право выбора какими-то своими заслугами!

«Рваное солнце, Доминик, похоже, выжил», — обрадовался Роберт.

— А я мог бы увидеть план секторов?

— Да, конечно!

Клерк выбрался из-за стойки и проводил Роберта в небольшую отдельную комнатку с терминалом.

— Приложите руку вот сюда и...

— Спасибо, я знаю, что делать, — перебил его Роберт.

— Вот и хорошо! — обрадовался клерк. — Вы понимаете, на каждого клиента отведено пять минут, и мы с вами уже почти исчерпали лимит, и я, с одной стороны, обязан вам все объяснить, а с другой стороны, если по моей вине создастся очередь длиннее положенного, мне сделают замечание...

Он был кругленький, как мячик, и так лучился благодушием. Роберт неожиданно понял, что ему неприятно смотреть на служащего. После суровой сдержанности джонситов веселость клерка казалась наигранной, лживой и угрожающей. Хотя он, скорее всего, действительно был из породы вечных оптимистов. К тому же ему наверняка не приходилось просыпаться от того,

что кто-то ломал дверь в его коттедж. Не приходилось хлебать безвкусную баланду. И уж конечно, никогда не доводилось видеть ярких точек далеких звезд в темноте космоса и сине-зеленую планету, закутанную в шаль облаков. «С кем поведешься, от того и наберешься, — подумал Роберт. — Ведь и я был таким, как это клерк — не так давно. Стану ли я снова таким когда-нибудь? Да и хочу ли я этого?»

Клерк оставил его одного. Роберт развернул карту Надежды во весь экран. Материки были отмечены зеленым и коричневым, омывавшие их океаны — голубым и синим в самых глубоких местах. Синие ленточки рек, извиваясь, стремились к морям. На горбушках гор лежал снег.

— Показать разбивку на сектора, — приказал Ансон.

Экран мгновенно запестрел разноцветными лоскутками. Некоторые из них были побольше, другие поменьше. Роберт никогда не думал, что в Корабле так много отсеков. Он вывел панель данных. Всего оказалось больше четырехсот секторов. Они были сгруппированы в «страны» — суперсектора, как когда-то на Земле. Так, Висконсин входил в суперсектор США, который был весь выкрашен в один цвет, а границы между непосредственно отсеками были нанесены пунктиром. США занимал территорию целого материка от одного берега до другого. Севернее на том же материке разместился суперсектор Канада. Южнее, на обширном полуострове территория была нарезана на более мелкие кусочки между какими-то Мексикой, Бразилией и прочими отсеками, о которых Роберт никогда не слышал. Ансон задумался, собирая воедино те скудные данные о климате планет, которыми он располагал. Его родителям еще читали в школе планетарную географию. Когда Роберт пошел учиться, этот курс уже отменили. Роберт помнил, как мать возмущалась этим.

— Нам-то как раз географию могли и не читать! — взволнованно говорила она отцу. — А вот нашим детям она уже как раз пригодится!

Насколько смог вспомнить Роберт, чем ближе к полюсам, тем сложнее были условия жизни. Климат ввиду недостатка тепла там становился холоднее, сокращался вегетационный период для растений. Посередине планеты, кажется, находилась зона наибольшего тепла, которая тоже не была самой благоприятной. Каким-то образом на формирование климата влияла и близость к океанам. При распределении территорий Ареопаг наверняка руководствовался каким-то принципом, но вот каким? Ансон включил поиск и ввел «Вашингтон». Так назывался отсек США, входивший в число Центральных. Небольшой лоскуток обнаружился в интересной близости к Южному полюсу. Сердце Роберта забилось сильнее — он ожидал увидеть Вашингтон на юге США. В этот момент Ансон окончательно понял, что джонситы вошли в Ареопаг. Для проверки он нашел Москву — Центральный отсек России. Москве выделили крупный остров в одном из северных морей.

А вот Палау оказался в средней полосе, но близко к экватору, на побережье большого моря. В секторе Палау находился небольшой кусок горного хребта. «В горах добывают разные полезные минералы», — вспомнил Роберт. Южным соседом Палау оказался Тонга, северным — Вануату. Названия других ближайших секторов Роберт видел впервые, но не сомневался, что они все тоже принадлежат джонситам. Мятажные потомки Крэка Джонса забрали себе лучшие земли, а своих соперников по Ареопагу загнали на самые худшие. Остальные отсеки получили в общем и целом неплохие территории. По мнению Роберта, это было справедливо. Он порылся в настройках, рассеянно прочел список профессий, востребованных в Палау. Они звучали как малопонятные заклинания — «геолог-разведчик»,

«корабел», «штурман», «фермер», и указаны квоты — «пятнадцать тысяч человек», «тридцать человек» и так далее. Можно было узнать, какие профессии уже зарезервированы. К радости Роберта, указывалось, и кто оставил заявку. Кассандра записалась на «фермера», и только тогда Роберт догадался, что эта профессия как-то связана с садоводством. Он нашел многих других знакомых. Игорь не стал менять профессию, врачи нужны всегда и везде. Эйса Штильнахта Роберт обнаружил в «рыбаках-матросах». Он внезапно понял, что скучает по Игорю Волкову, Кассандре, близнецам и даже по Китти. Да и что теперь держало его в Висконсине? Тем более США находились с другой стороны того самого моря, узкого и длинного, похожего на кошачий язык, у которого расположился Палау. Роберт подумал о том, что сможет навестить родственников, если ему очень сильно захочется. И понял, что все уже решил. Он запросил данные своего профориентационного теста — новую специальность выдавали с учетом склонностей самого человека. Оказалось, что тест устарел и его нужно пройти еще раз.

Этим Роберт и занялся.

Пока данные обрабатывались, он решил узнать, жив Доминик все-таки или нет.

— В секторе Палау не обнаружено совпадений с запросом, — сообщила система. — Продолжить поиск?

— Да, — упавшим голосом сказал Роберт.

Когда система выдала ответ, он сначала не поверил своим глазам. А потом, сообразив, в чем дело, запросил снимки поверхности.

— А кто еще будет проживать в этом гор... секторе? — спросил он.

На экране появился список. И не только фамилия Корнев в нем оказалась знакома Роберту.

Ночь перед Исходом каждый пассажир должен был провести в том отсеке, с жителями которого ему завтра предстояло высадиться на Надежду. Кассандра ничего не спросила, когда увидела Роберта и Алису, но глаза ее так и засияли. Кассандра обняла Роберта и погладила девочку по голове. Вся троица направилась к месту проведения праздника.

— Какую профессию вам дали? — спросила она.

Роберт смущенно усмехнулся.

— Корабль решил, что лучше всего у меня получится приручать зверей, — сказал он. — Многим нервожилам дали такую профессию. Но я не уверен, что смогу.

— Там увидим! — ободряюще сказала Кассандра.

Они шли мимо промышленной части сектора, мимо извивающихся серых, черных, желтых труб. Роберт впервые в жизни подумал, что они безобразны. Раньше ему и в голову не приходило посмотреть на них с такой точки зрения. Как и многие пассажиры, он считал промышленные установки неотъемлемой частью окружающей жизни.

— А Семян он вам не дал? — наклонившись к его уху, осведомилась Кассандра. — Или вам не удалось переговорить с ним?

— Удалось, — ответил Роберт.

Когда он уже собирался уходить из кадрового агентства, к нему подбежал запыхавшийся клерк.

— Я так рад, что вы еще здесь, Ансон! — с чувством воскликнул он. — Там что-то портал забарахлил, в отделе статистики. Вы ведь нервожил! Вы не посмотрите?

Причина сбоя оказалась проста. Роберт слышал, что такое бывает, но всегда считал это сказками. Это был индуцированный сбой. Говоря проще, Корабль произвел сбой программы сам — для того, чтобы выйти на контакт с Ансоном. «Новому Рассвету» было известно, где находится Роберт, поскольку он только что прошел в

этом кадровом агентстве новый профориентационный тест. Теплая, мощная волна благодарности Корабля накрыла Роберта с головой, когда он ввел руку в коммуникационный порт. В этот момент Роберт не удивился бы, если бы узнал, что его свободный бланк является решением самого «Нового Рассвета», а не результатом интриг Доминика. Когда Ансон продышался, Корабль обратился к нему. Роберт чувствовал, что Корабль, если так можно выразиться, тихонько шепчет. Но для человека это все равно воспринималось как оглушительный, пронизывающий все тело грохот. Роберт в странном смятии сознания, которое всегда охватывало его при контакте с Кораблем, а благодаря прямой передаче только усилилось, подумал о пророке, о котором рассказывали в Единой Церкви. Эпизод, где бог говорит с пророком, был любимым у матери в Священной Книге, и она часто читала его Роберту. Он подозревал, что матери нравилось мужественное лицо с развевающимися волосами на картинке. Это была настоящая книга, сделанная еще на Земле из какого-то плотного материала, а не выросшая за ночь на полке после заказа. Когда-то материал был белым; к тому времени, когда мать читала книгу Роберту, он пожелтел. Но краски на рисунке не выцвели. Роберту всегда казалось, что художник переборщил с пафосом, когда рисовал неестественно выкаченные глаза, разинутый рот пророка и его нелепую позу. Но в тот миг, когда Корабль заговорил с ним, Роберт понял, что художнику тоже доводилось выходить на контакт с существами, намного превосходящими человека как по силе разума, так и по могуществу. Картинка была весьма достоверна.

Кассандра вопросительно смотрела на Роберта.

— «Новый Рассвет» сделал иначе, — ответил Роберт. — Он объяснил мне, что корабли делятся на два типа. Те, что рассчитаны на вхождение в атмосферу, приземление и прочее, и те, что летают только в космосе. У космических кораблей тоже есть разные виды —

есть пассажирские, как наш, есть быстрые, есть какие-то еще... Когда мы уйдем, «Новый Рассвет» переродится. Он превратит все свое тело в гроздь Семян самых разных Кораблей. Когда мы захотим исследовать космос, нам будет нужно только создать катера, шаттлы и вернуться сюда. И выбрать из грозди нужное семя, и запустить процесс роста. Он дал мне инструкции, которые я должен сохранить и передать.

— Это здорово, — обрадовалась Кассандра. — Вы разрешите мне помочь вам выполнить это последнее задание?

— Конечно, — благодарно кивнул Роберт. — Я сам хотел вас об этом попросить. Ведь вы мне это посоветовали. Теперь с кем-то другим я бы даже не решился поделиться.

— Надо будет хорошенько все обдумать, — проговорила Кассандра, когда они шли мимо детского сада. — Ведь пройдет много времени, прежде чем людям понадобятся эти инструкции. Надо будет их записать на чем-то очень прочном и сделать очень понятными!

— А еще проследить за тем, чтобы они не попали... не в те руки, — заметил Роберт.

В рекреации к ним присоединились бабушка Ватя, близнецы и Китти с Марсом — огромным рыжим котом. Кассандра думала, что кот принадлежит ей, а кот думал, что это она принадлежит ему. Роберт и Кассандра замолчали. Они знали — у них еще будет время все обсудить. Компания устроилась на длинной широкой скамейке.

Мужчины и женщины лихо отплясывали в освещенном круге под энергичный аккомпанемент местного оркестра. Роберт смотрел на танцующих во все глаза. В Центральных отсеках тоже сейчас танцевали, но иначе. Танцы, которым обучали Роберта в школе, были гораздо более сдержанны и изящны.

Но сегодня танцевали все. Сегодня была ночь Исхода. Завтра пассажиры Корабля встанут не по будильникам,

а тогда, когда выспятся. Вещи уже почти все собраны. Люди сядут в лифты, которые доставят их на Посадку в краевые отсеки. Там ждут сверкающие шаттлы, на производстве которых все пассажиры «Нового Рассвета» трудились последние три месяца. Серебристые и легкие катера унесут людей прочь отсюда, прочь из провонявшей колыбели, едва не ставшей саркофагом, вперед и вниз — на планету, к которой они так долго стремились. И там уж станет не до веселья! Труд ждет их, бывших землян, нашедших вторую родину. Много опасной и сложной, и совершенно новой, непредставимой работы. Но это не пугает людей; они привыкли работать. Но к чему нельзя привыкнуть — это к жизни без надежды. Люди знают, что будут ошибки, но они знают, что справятся. Не в первый раз, в конце концов, человечеству приходится осваивать планету. Но в отличие от своих предков, вооруженных лишь вырванными у саблезубых тигров зубами, у людей теперь есть знания, технологии и много приборов — чудесных приборов, которыми наделил их Корабль.

А сегодня они пляшут, прощаясь со старой, такой привычной и безопасной жизнью и с «Новым Рассветом».

— Пойдемте танцевать, Роберт! — смеясь, сказала Кассандра.

Она была чуточку пьяна, и причиной тому был не только алкоголь, секрет приготовления которого джонситы сохранили вместе с умением пользоваться музыкальными инструментами. Как и все пассажиры «Нового Рассвета», Кассандра сейчас была пьяна счастьем и радостью.

Роберт отрицательно покачал головой, улыбнулся. Ему не хватило бы духу признаться, что он не знает танца джонситов и боится выглядеть смешным.

— Вы идите, — сказал он. — Я посижу с близнецами.

Кассандра засмеялась, ласково, как ребенка, погладила Роберта по голове и убежала. Роберт проводил ее взглядом и вздрогнул. Кассандра не ушла далеко. Ее подхватил светловолосый мужчина в комбинезоне без знаков различия. Но Роберт последнее время научился запоминать не только знаки различия, но и лица.

Доминик Стогов тоже приехал в Палау на ночь Исхода.

— Я хочу пить, — сказал Леон. — Пойдемте отсюда.

— Посидите, я принесу вам лимонаду, — сказал Роберт. — Дамы, — обратился он к бабушке Вате и Алисе. — Вы тоже будете?

— Давай я тебе помогу, — сказала Алиса и тоже встала.

— А мне стаканчик чего-нибудь покрепче лимонаду, — сказала Ватя.

Роберт и Алиса направились к пищепроводу, который сегодня работал на бесперебойную раздачу. Алкоголь наливали в коттедже рядом с Желудком.

Близнецы не сводили взгляд с матери.

— Мне не нравится, как он ее хватает, — сердито сопя, сказал Леон.

— Мне тоже! — со слезами в голосе произнес Лукас.

— Мальчики, вы вырастаете и уйдете, — сурово произнесла бабушка Ватя. — Да-да. Вы покинете свою мать, хотя сейчас эта мысль не помещается в ваших головах. Но так будет. Дети всегда уходят от родителей. А что делать вашей матери? Она молодая, красивая женщина. Она вполне могла бы для себя пожить. Она имеет право полюбить кого-нибудь. Но сейчас вы не даете ей этого сделать. А потом уже будет поздно. Она останется одна. Знаете ли вы, что такое быть одному? Откуда вам... Вы ведь всегда вдвоем. Вместе родились и, наверное, вместе и умрете.

— Но разве Доминик ее любит? — недоверчиво спросил Леон.

Бабушка Ватя печально усмехнулась. Лукас с удивлением увидел в уголках ее глаз слезы.

— Любит, дети, любит, — сказала старушка. — Но он не про нее. Какая эта мука и счастье, любить того, кого ты недостойн. Все, что у них есть, — эта ночь. И вы хотите украсть ее. Тогда не удивляйтесь потом, когда она сама выберет вам невест. Не удивляйтесь, когда не даст вам жениться на той, кто вам понравится. Вы лишаете ее выбора — и она имеет право тоже сделать выбор за вас!

Леон и Лукас переглянулись. Затем одновременно посмотрели на Китти и Марса. Эта парочка томно валялась на траве рядом со скамейкой.

Вернулись Роберт и Алиса с большим подносом, уставленным стаканами с напитками. Предусмотрительный Роберт прихватил и пару бутербродов с салатом. Роберт подал стаканы близнецам, взял себе и сел рядом с остальными. Бабушка Ватя залихватски опрокинула стопку, вытерла губы и крикнула. В этот момент началась новая мелодия, более грустная и более резкая.

— О! Этот танец я не могу пропустить! — воскликнула Ватя.

Она решительной походкой двинулась в круг джонситов. Китти поднялась с травы. Мимоходом, словно извиняясь, кошка ткнулась носом в плечо Марса и последовала за своей хозяйкой. Роберт, Алиса и дети пили лимонад и смотрели, как танцует бабушка Ватя. Роберт опасался, что кошка будет путаться у нее под ногами и мешаться, и переживал о том, что не догадался придергать Китти.

Но скоро стало ясно, что бабушка Ватя и Китти танцуют вместе не первый раз. Бабушка делала крупные, медленные шаги, а в это время кошка ловко и чинно пробегала у нее под ногами. Они изумительно попадали в ритм и смотрелись вместе очень гармонично.

Весь отсек в ночь Исхода освещать не стали. Кто-то мог все-таки захотеть лечь спать пораньше. В дальней части рекреации было темно. С легким шелестом качались ветки деревьев. Последняя ночная вентиляция отсека шла полным ходом. Ветер был ощутимым, но теплым. Словно кто-то гладил людей большими мягкими руками. «Новый Рассвет» тоже прощался с людьми, хотя многие из них и не замечали этого.

Но Доминика сейчас ласкали не только бестелесные руки Корабля.

— Госпожа Шмидт, вы пьяны, — сказал Доминик, слегка задыхаясь. — Утром вы можете пожалеть о том, что случилось...

— Пожалеею я или нет, зависит от того, что ты будешь делать, Доминик...

Стайка подростков позвала Алису танцевать, и девочка убежала с ними. Юные джонситы не знали, кто она и что она сделала, и наверное, это было хорошо. Алисе тоже надо было отдохнуть от того, что она пережила в последнее время.

— Я помню, где наш коттедж, и потом приду туда! — крикнула девочка Роберту на прощанье.

Роберта и Алису поместили в гостевом коттедже. Том самом, где Ансон жил и в прошлый свой приезд в Палау. Роберту казалось, что с того момента, как он увидел кровь, сочащуюся между пальцев умирающего Бимсли, прошло лет сто.

Из гущи танцующих вынырнул Эйс Штильнахт. Единственной рукой он обнимал за плечи Ингрид Анье. Парочка приблизилась к близнецам и Ансону.

— Ребята, меня попросили присмотреть за вами, — обратился он к мальчикам. — Уже поздно. Мы отведем вас домой. И заночуем у вас, чтобы вам не было страшно.

Близнецы были слишком малы, чтобы видеть горькое сожаление в глазах Ингрид, но Роберт его заметил.

— Я пригляжу за ними, — сказал он. — Отдыхай, Эйс.

— Вот и славно, что все так устроилось! — разом повеселев, воскликнул Штильнахт. — Роберт, спасибо тебе!

Парочка снова нырнула в круговорот тел.

— Вы не хотите спать? — без особой надежды осведомился Роберт у мальчиков.

— Нет, — сказал Леон. — Но мне надоело здесь сидеть.

— Пойдем домой, — попросил Лукас.

Ансон очень удивился, но вслух ничего не сказал. Надо было пользоваться моментом неожиданной уступчивости близнецов. Роберт с детьми направились к жилой ячейке Кассандры. Марс с ними не пошел — у него были свои планы на эту ночь. Когда тройца поднималась по ступенькам эскалатора, Леон вдруг сказал:

— Я сам хочу выбирать себе невесту.

— А я не знаю, захочу ли, — задумчиво произнес Лукас. — Но не хочу, чтобы мне кто-нибудь мешал, если я захочу...

У двери родной жилой ячейки Леон осведомился:

— А вы будете спать в кровати нашей мамы?

— Нет, — очень серьезно ответил Роберт. — Я только возьму там одеяло, ладно? Я лягу в гостиной, на кресле.

— Ложитесь у нас в комнате! — предложил Леон. — Это будет весело!

— Хорошо, — согласился Роберт.

Доминик негромко сопел во сне. Плечо у него мягкое и теплое. Кассандра осторожно сняла с груди его руку, поднялась с постели. Женщина провела рукой по полу — насколько она помнила, ее комбинезон должен был находиться где-то там. Доминик зашевелился.

— Касси... — негромко позвал он.

Кассандра выпрямилась, держа в руках комбинезон.

— Мне пора идти.

— Я провожу вас.

Доминик слез с постели и тоже зашуршал одеждой. Коридор между ячейками был пустынен и тих. Они оказались единственными пассажирами Палау, которые вышли на улицу в столь ранний час. Доминик и Кассандра встали на ленту дороги, и она двинулась с места.

— Я надеюсь, что с детьми ничего не случилось, — пробормотала Кассандра и добавила с силой: — Рваное солнце, имею я право на каплю счастья без того, чтобы расплачиваться за нее слезами и болью!

— С ними Эйс, — сказал Доминик.

— Ты все предусмотрел, да? — почти яростно спросила Кассандра.

Доминик молча посмотрел на нее.

— Спасибо, Доминик, — остыв, сказала Кассандра.

— Не за что, — ответил он.

Они проезжали мимо рекреации. Многие люди спали прямо на скамейках, на полу отсека, за столами — там, где их сморила усталость. Доставив Кассандру и Доминика к подножию эскалатора, дорога остановилась. Кассандра и Доминик двинулись вверх по ступенькам. Около двери ее жилой ячейки они остановились.

— Прощайте, госпожа Шмидт, — сказал Доминик. — Я все знаю. Я чудовище, вы меня ненавидите и боитесь. Вы правы. Я не всегда был таким, но теперь таким, видимо, и останусь. Не тревожьтесь. Вам не придется плакать из-за меня. Я не причиню вам боли.

— Доминик... — растерянно пробормотала Кассандра.

Он крепко поцеловал ее и отправился обратно — вниз по навсегда замершим ступенькам эскалатора.

Кассандра осторожно толкнула дверь детской. Она не обнаружила ни Эйса, ни детей в других комнатах. Тревога снова сжала ее сердце. Но она была напрасной. Леон и Лукас лежали на полу, среди игрушек и одеял, обнимая с двух сторон Роберта. Потрясенная Кассандра застыла на месте. Роберт открыл глаза, заметил хозяйку дома и улыбнулся ей. Кассандра затворила дверь и вернулась в гостиную. Дверь скрипнула — Роберт умудрился выбраться из объятий близнецов, не потревожив их, и присоединился к Кассандре.

— Ну вот, вы и дома, — сказал он. — Я пойду, пожалуй.

— Роберт, — только и произнесла Кассандра.

— Мы с тобой не приняли предохранительных мер, — сказала Ингрид. — И если что-нибудь получится...

Ветки деревьев над ними становились видны все четче — потолок отсека начинал светиться. В обычный день Ингрид с Эйсом уже торопливо хлебали бы утреннюю еду, собираясь на смену.

— Не знаю, согласитесь ли вы стать женой калеки, но я был бы счастлив... — церемонно начал Эйс.

Ингрид, смеясь, перебила его:

— Да погоди ты... Калека...

Она поцеловала его.

— Я хотела сказать другое. Если у нас родится ребенок, он никогда — представляешь, ни-ког-да! — не увидит этих обшарпанных балок и серых ламп. Этих пародий на деревья. Этих труб. Он будет смотреть на небо и видеть там солнце. Разве это не прекрасно?

— Да. Это будет замечательно, — согласился Эйс.

— И это сделали мы, — продолжала Ингрид. — Мы все.

— Тебе не кажется, что неплохо бы позавтракать?

— Пойдем к пищепроводу, — согласилась она.

Они заворочались на примятой траве. Ингрид помогла Эйсу натянуть куртку и снова поцеловала его.

— Не думай о том, чего у тебя нет, Эйс, — прошептала она ему на ухо, нежно коснувшись культи. — Думай о том, что у тебя есть.

На выходе из рекреации они столкнулись с Домиником.

— А я думал, вы в доме Шмидт, — сказал тот вместо приветствия.

— Роберт сказал, что сам присмотрит за детьми, и мы... — начала объяснять Ингрид.

— Понятно, — сказал Доминик.

Он развернулся и пошел обратно. Эйс перевел дух. Доминик был хорошим командиром. В навыки любого хорошего командира входит искусство устраивать выволочки за неисполнение приказа. Доминик же был в этом деле прямо-таки виртуозом.

Но в этот раз он почему-то не стал распинать подчиненного. Наверное, куда-то торопился.

— Привет, Доминик, — сказал Роберт.

— Я тебя не видел. Я не знал, что ты здесь!

— Но я ничего тебе не испортил, — мягко возразил Роберт.

— Мне? Испортил? — Доминик прошелся взад-вперед по коридору между жилыми ячейками, в котором они столкнулись с Робертом нос к носу. — Рваное солнце, Роберт, я думал... Почему ты сам не пошел с ней?

— Ты ее любишь?

— Люблю, конечно, — возмутился Доминик. — Он еще спрашивает! Но Касси ведь любит тебя... А ты...

— Доминик, а что случилось с твоей женой? — спросил Роберт. — Она погибла тогда, на стадионе?

По лицу Доминика судорожной вспышкой промелькнула боль.

— Нет. Она погибла во время одной вылазки.

— Я так и подумал, — кивнул Роберт.

— Я не понимаю тебя, Ансон! — воскликнул Доминик. — Никогда не понимал. Объяснись же, наконец!

— Ты ведь приехал в Палау попрощаться? — спросил Роберт. — А высадишься ведь ты не с нами, правда? Ты вернешься в тот город, красивый и удобный, который сам построил?

Словно бы на шлеме, который носил Доминик, вдруг потемнел плексиглас, защищавший лицо. Растерянный влюбленный, почти незнакомый Ансону, исчез. Перед Робертом снова стоял жесткий, осторожный и решительный человек, которого он хорошо знал.

— Теперь я понимаю, почему Корнев пытался отозвать твой свободный бланк, — сказал Стогов. — Он говорил, что ты получишь право доступа к очень большому массиву информации, который обычному балласту недоступен, и что это будет опасно. Я думал, он хочет отомстить тебе...

— Возьми с собой Кассандру, — перебил его Роберт.

— Она не согласилась бы, — возразил Доминик. — Она не...

Но Роберт снова перебил его.

— В ее жизни было много горя, Доминик. Она заслужила... все самое лучшее, самый удобный дом, самую вкусную еду, все-все, — продолжал он, тепло улыбаясь, но тут же посерьезнел. — Я не смогу ей этого дать, я...

Роберт замолчал. Доминик, ожидая продолжения, смотрел на него.

— Я хотел жениться, до того, как меня послали в Палау на ремонтные работы, то есть на смерть, — произнес Ансон. — Мне было немного одиноко. Когда я вернулся в Висконсин, оказалось, что она вышла замуж за Другого. Я был простым техником, а он уже стал главным. Им дали бы жилую ячейку побольше, каталог А1, больше талонов... Для женщин это важно, Доминик.

Доминик шумно выдохнул. Покачал головой.

— Идиот, — только и сказал он.

— Идиот, — эхом откликнулось с противоположного конца коридора.

Мужчины обернулись — все же коридор был не настолько узким, чтобы здесь было эхо. Они увидели Кассандру.

— Я выглянула в окно и увидела, что вы здесь, — сказала она.

Роберт сделал несколько шагов так, словно собирался покинуть их, но остановился.

— Доминик, тебе сколько лет? — спросил он.

— Двадцать пять, а что?

— А вам, Кассандра?

— Двадцать три, — ответила та.

— Надо же, — покачал головой Роберт. — Я старше вас обоих. Мне двадцать шесть. И я думал, что я уже взрослый. Но когда я познакомился с вами, ребята, я понял, что не имею ни малейшего понятия о том, каково это — быть взрослым. У меня была очень спокойная, хорошая жизнь. И я... Я как ребенок. Я еще не готов, наверное. Я еще не понимаю, что такое любовь. Но я повзрослел за это время, хотя бы настолько, чтобы это понять. А вы оба очень подходите друг другу. Вы же словно Хрустальные Цветы — прочные, острые, сияющие. У вас обоих резкий характер. Это может помешать вам. Но помните о том, что каждый из вас — хороший человек. Смиряйте свой нрав.

Кассандра и Доминик промолчали.

— Я пойду, пожалуй, — сказал Роберт. — Мне надо поспать.

Ансон улыбнулся, и в этот момент стало очевидно, что он смертельно устал и держится на самом пределе своих сил.

— Я всю ночь командовал отрядом отважных космонавтов. Мы высаживались на Надежду из старого кресла и боролись с хищными носками.

Когда Роберт скрылся за поворотом коридора, Кассандра произнесла:

— Послушай, тогда, когда мы шли на штурм Палау... Если бы я знала, что ты любишь меня... Что ты уже потерял одного самого дорогого тебе человека, точно так же — в бою... то... то...

— Что — то? — меланхолично спросил Доминик.

Кассандра топнула ногой.

— Я бы осталась, Доми! Нельзя делать вот так!

Она подняла сжатый кулак.

— Как — так? — осведомился Доминик, внимательно осмотрев крепкий кулачок Кассандры и не найдя там ключа к разгадке.

— Зажимать свое сердце в кулак! Раньше или позже ты же его так раздавишь!

— Осталась бы она, — задумчиво повторил Доминик.

— Да! — энергично подтвердила Кассандра.

— Но тогда Эйс убил бы Роберта, — заметил Стогов. — Ему что оранжевые комбинезоны, что синие — все равно. Мы-то все равно спаслись бы, оставалось не так уж много баллонов на Обшивку натаскать. Но...

Он произнес с выражением, очень ловко скопировав манеру Роберта говорить:

— Шесть миллиардов ни в чем не повинных человек погибли бы!

Кассандра вздохнула и обняла Доминика.

— Все равно, обещаю, что больше не будешь загонять свои чувства вглубь. Что будешь говорить о них.

Доминик зарылся лицом в ее волосы.

— Обещаю, — глухо сказал он.

Роберт зашевелился. Полет на Надежду должен был занять часа четыре. Первый час пути Ансон, как и большинство остальных пассажиров, утомленных вчерашним праздником и суматохой во время Посадки,

проспал в мягком кресле. С одной стороны от Роберта сладко посапывали близнецы, с другой — Кассандра. Через проход, в большой секции, составленной из восьми кресел, спали Игорь Волков, Ингрид Анье и еще несколько джонситов, незнакомых Роберту. Ни Эйса Штильнахта, ни Доминика Стогова Роберт при Посадке не видел. Ему было очень грустно за Кассандру, но он понимал, что говорить об этом не стоит. Роберт услышал смешок Кассандры. Оказалось, что она тоже проснулась и наблюдает за ним.

— Вам обидно, что Доминик не сдержал обещание? — спросила она негромко. — Не взял меня с собой и сам не остался?

Роберт рассеянно пожал плечами.

— Он это предвидел, — сообщила Кассандра. — Он просил передать вам, что это не первое обещание, которое он не смог сдержать. И еще одну фразу, надеюсь, для вас она имеет смысл. Для меня — так нет. «Они были черными».

Сначала Роберт не понял, а потом так резко изменился в лице, что у Кассандры не осталось никаких сомнений — для Ансона эта фраза имела большой смысл.

— Я ни о чем не жалею и ничего не жду, — закончила она почти весело.

— Почему он такой? — с досадой проговорил Роберт.

— Поверь, он задается тем же вопросом насчет тебя, — понимающе кивнула Кассандра. — Но какой — такой?

— Ему можно доверять, на него можно положиться... Но сам он не доверяет никому, — пояснил Роберт.

На этот раз плечами пожала Кассандра. Тем временем проснулись многие другие пассажиры. Свет в салоне, приглушенный пилотами, пока все спали, стал ярче. В начале отсека было небольшое свободное пространство, и сейчас в нем появился Кумар Вашья. Он негромко откашлялся, желая привлечь общее внимание.

— Позвольте мне прочесть вам одно стихотворение, чтобы скрасить скуку путешествия, — сказал он.

По отсеку пронесся одобрительный гул.

— Давай! — крикнул кто-то.

Кассандра покосилась на сыновей. Но тем все было нипочем — ни яркий свет, ни громкие голоса не могли вырвать их из уютного, теплого царства сна.

Кумар еще раз откашлялся и начал:

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?

В небесах иль средь зыбей
Вспыхнул блеск твоих очей?
Как дерзал он так парить?
Кто посмел огонь схватить?

Роберт и Кассандра невольно переглянулись. Ни один из них не знал, что такое тигр... но оба в этот момент подумали о Доминике. «Где он сейчас, интересно?» — подумал Роберт.

Члены Ареопага беседовали друг с другом, полулежали в мягких гамаках, в которых, по уверению конструктора, было наиболее удобно переносить космические путешествия и перегрузки при посадке, сидели за столиками, помешивая в стаканчиках разноцветные жидкости пластиковыми соломинками. Они летели не в неудобном одноразовом шаттле из тех, что были спешно произведены на «Новом Рассвете» в последний месяц. Члены Ареопага направлялись на Надежду в космическом катере, роскошном и удобном, который совершал далеко не первый свой полет к планете.

Вентиляция космического катера загудела чуть иначе. Никто не обратил на это внимания, кроме Коренева. Он незаметно оглянулся и посмотрел на то место, где

должны были сидеть Доминик Стогов и его подручный, мрачный калека с обрубок вместо правой руки.

Гамаки были пусты.

Коренев извинился перед собеседником, поднялся и поспешно направился к туалету. По дороге он на всякий случай продолжал высматривать Доминика, но безуспешно. Разговоры начали стихать. Коренев, зажимая рукой нос, ворвался в туалет и закрыл дверь. В салоне упало что-то тяжелое и раздались первые крики. Дверь не пропускала воздух. Туалет являлся последним убежищем на случай разгерметизации салона.

И, что немаловажно, он имел отдельный выход в систему вентиляции и никак не был связан с циркуляцией воздуха в салоне.

А по салону сейчас медленно полз газ, не имевший ни цвета, ни запаха. Коренев был уверен, что это тот же самый газ, благодаря которому отсек Вануату был очищен от мятежников.

В конце концов, патент на эту формулу принадлежал Кореневу целиком, чего нельзя было сказать об ингайю.

А совсем недалеко — по космическим меркам — от забившегося в туалет Коренева Кумар Вашья продолжал в наступившей тишине:

Кто скрутил и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты был выкован — такой?

Чей был молот, цепи чьи,
Чтоб скрепить мечты твои?
Кто взметнул твой быстрый взмах,
Ухватил смертельный страх?

Вашья, последний человек, который отвечал за обучение и культуру отсека Палау, оказался талантливым декламатором. Роберт почувствовал странное волне-

ние, по коже поползли мурашки. Словно тигр и правда был здесь.

Он был не здесь, но рядом. По космическим меркам.

Дверь в рубку пилотов открылась. Оттуда появились Доминик и Эйс Штильнахт.

— Ты считай тела справа от прохода, а я — слева, — сказал Доминик. — Всего их должно быть двадцать четыре.

— Я помню, — сказал Эйс.

Они двинулись мимо гамаков, в которых лежали скрюченные мертвецы с вывалившимися, почерневшими языками и выпученными глазами. Доминик увидел, что место Коренева пусто. Стогов окинул взглядом салон, задумчиво посмотрел на дверь туалета. Над ней горел красный огонек — «занято». Доминик выругался, перепрыгнул через кого-то из членов Ареопага, в предсмертных судорогах упавшего со стула и перегородившего собой весь проход, и направился к двери туалета. Подергал ручку. Доминик вытащил из кармана пистолет и прострелил замок. От неожиданного грохота Эйс даже присел. Доминик толкнул дверь.

Туалет был небольшим. Пуля, разбившая замок, угодила в бедро стоявшему за дверью Кореневу. Бедро Куратора раскрылось подобно чудовищному алому цветку; из раны торчала толстая белая кость, обломки и желтые кишки. Кровь толстым ручейком сбегала по штанине Коренева.

— Ты... — прохрипел бледный Коренев, и кровь запенилась у него на губах. — Ты обещал!

Он пошатнулся и упал бы, но в туалете не хватило для этого места. Коренев тяжело уперся в стену.

— Когда мы с Ансоном сидели на Обшивке, под звездами, — усмехаясь, сказал Доминик, — и я рассказал ему все, и просил о помощи, он сказал мне, что понимает меня. Он не сказал, что сделает так, как хотел я,

и все равно сделал все по-своему. Вы, центровые, умеете играть словами. Мы, джонситы, — нет. Но я башковитый парень и быстро учусь. Я сказал тебе, что не дам этим старым пердунам из Ареопага убить тебя.

Коренев в отчаянии зарычал, уже понимая, куда их обоих приведет эта софистика.

— Я хотел сделать это сам, — закончил Доминик.

Доминик поднял пистолет на уровень лба Коренева. Тот следил за ним безумным, затравленным взглядом. Доминик нажал на спуск.

Для Коренева мир вспыхнул тысячами алых звезд.

В тот великий час, когда
Воззвала к звезде звезда,
В час, как небо все зажглось
Влажным блеском звездных слез, —

Он, создание любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тот же ль он тебя создал,
Кто рожденье агнцу дал?¹

Кумар Вашья перевел дух.

— А теперь, — сказал он, — я хотел бы поговорить с вами о животном и растительном мире Надежды. Тигров в том районе, где мы приземлимся, нет. А вот агнцы, скорее всего, есть. Да и всякой другой живности полно. Моя лекция будет сопровождаться слайдами и краткими рекомендациями, как вести себя при встрече с нашими новыми соседями. А мой товарищ, Игорь Волков, расскажет вам, что делать, если контакт прошел в недружелюбной манере...

В салоне раздался смешок. Кумар Вашья улыбнулся в ответ и включил проектор.

¹ Уильям Блейк. «Тигр» (перевод К. Бальмонта).

ЭПИЛОГ

Когда задняя стена салона медленно начала опускаться, Роберт невольно сжал руку Кассандры. Людям, столпившимся у выхода, открылся кусочек синего неба, затем появились верхушки деревьев. Стенка, превратившаяся в трап, коснулась зеленой, сочной травы.

— Какое здесь все яркое, — пробормотала Кассандра.

— Здесь так много звуков, — растерянно сказал стоявший рядом с ними Игорь Волков.

Роберт же в первую очередь ощутил запахи. Незнакомые, очень разные. Ансон даже не знал, какими словами они обозначаются.

Люди замерли на своем краю трапа, не в силах сделать последний шаг в той длинной цепочке шагов, что привела их всех сюда. Роберт почувствовал, как что-то мягкое коснулось его ноги.

Китти!

Кошка обошла людей, глянула на них, презрительно мяукнула и неторопливо спустилась по трапу. Она тут же исчезла в густой, высокой траве. Только гордо задранный черный пушистый хвост еще некоторое время рассекал зеленое полотнище, указывая, куда направилась кошка.

— Ваша кошка убежала, — сказала Алиса бабушке Вате.

Старушка добродушно усмехнулась.

— Она вернется, — сказала Ватя. — Кошки всегда возвращаются домой. Дайте мне пройти, ребята. У вас впереди еще много времени, а мое почти закончилось. Мне некогда тут стоять.

Люди расступились, пропуская старушку. Ватя медленно и осторожно спустилась по трапу. Она оглянулась и так же насмешливо, как несколько мгновений назад ее кошка, посмотрела на людей.

— Пойдемте, — сказал Роберт.

И сделал первый шаг.

Доминик стоял и смотрел на кучу обугленных тел. Пламя уже погасло, оставив после себя лишь черный дымок. Он выходил из кучи тоненькими струйками, которые сплетались в причудливые косы и поднимались к синему небу. Доминик услышал шаги и обернулся. Эйс Штильнахт и бабушка Ватя появились из леса. Они приблизились к Доминику. Ватя с интересом осмотрела тела — почерневшие, скрюченные от жара.

— Я как-то странно себя чувствую, — глухо произнес Доминик.

— Был один человек, которого я очень любила, — сказала бабушка Ватя. — Она не убила одного негодяя, когда тот был совершенно беспомощен. Она считала, что между нами и негодьями должна быть какая-то разница. И эта разница заключается в том, что мы должны предавать негодяев в руки суда, который всех судит равной мерой. А не убивать их там, где застали, чтобы закончить цепь их преступлений. Возможно, она была права. Но она покинула Землю. И мы тоже покинули Землю — по решению Арбитражного Суда союза обитаемых миров... Суд — не для таких, как мы, Доминик. Хотя в самой его идее, наверное, и есть что-то здоровое. Нам же остается только убивать негодяев и надеяться, что мы сможем вовремя остановиться. Пока кто-нибудь не остановил нас. Ты убил тридцать человек. Возможно, не все они участвовали в афере с инграю. Но все тридцать знали, черт возьми, знали, что мы уже шесть лет никуда не летим...

Доминик отвел глаза от чудовищного кургана.

— Афера с инграю? — с видом человека, очнувшегося от глубокого неприятного сна, спросил он.

Алиса ловко пробиралась сквозь подлесок. Скоро здесь суждено было появиться тропинкам или, как знать, даже дорогам, вымощенным красным камнем, наломан-

ным в ближайших горах. Но пока это был девственный лес, наполненный стрекотанием мелких насекомых, ароматом сильно нагретых на солнце смолистых стволов, трав и еще какой-то странно знакомый запах... с горчинкой. Алиса думала не о полужнакомом — и одновременно таком чужом — аромате леса, а о Роберте и бабушке Вате. Этих двоих людей, совершенно непохожих друг на друга, объединяло одно — они оба поняли, с кем имеют дело.

...Роберт вернулся из кадрового агентства так поздно, что у Алисы уже было достаточно времени поразмыслить о том, что она будет делать, если он не вернется. Они поужинали, потом посмотрели новости. Роберт дал Алисе книжку почитать, а сам устроился в углу маленькой гостиной в глубокой задумчивости. Алиса заметила, как он поглядывал на нее.

— Вы хотите мне что-то сказать? — спросила она.

— Ребенок наследует от своего отца только половину генов, — сказал Роберт. — И ты слишком молода, чтобы твой собственный ДНК был введен в базу кодов управленцев. Кто ты, Алиса?

Ей было строго запрещено отвечать на этот вопрос правдиво. Но Алиса заглянула в глаза Роберту и нарушила инструкцию.

Алиса попрощалась с Робертом на холме у шаттла, где джонситы разбивали временный лагерь. Роберт крепко обнял ее и предложил проводить, но Алиса отказалась.

Она заметила просвет впереди. Лес редел. За кустами вполне могла обнаружиться подходящая полянка. Алиса прибавила шагу, обогнула могучее дерево и уперлась в бабушку Ватю и Эйса Штильнахта.

— Что ты здесь делаешь? — удивился Эйс.

Бабушка Ватя понимающе посмотрела на девочку.

— Проводим ее. Здесь наверняка недалеко, — сказала бабушка Ватя.

Эйс всегда соображал быстро. Он молча повиновался. За кустами действительно обнаружилась поляна неправильной овальной формы. Размеры полянки устроили Алису. Она попросила спутников подождать ее у кустов. Алиса вышла на середину полянки, присела на корточки и что-то опустила на землю. Затем она вернулась к своим спутникам.

— Я даже завидую вам, — сказала Алиса. — У нас все уже так... окончательно определено. А вам предстоит начать все с чистого листа. Заново дать имена каждой травинке и дереву.

Эйс во все глаза смотрел на радужное сияние. Оно расходилось по полянке от того места, где девочка что-то оставила в траве. В переливах неяркого, приятного глазу света можно было при желании различить контуры арки.

— Сначала нам предстоит похоронить своих мертвецов, — ответила бабушка Ватя.

Арка налилась светом, засияла, словно была вырезана из огромного алмаза.

— Прощайте, — сказала Алиса.

— Прощай, — кивнула бабушка Ватя. — Спасибо вам за все.

Алиса сделала шаг вперед. И тогда Эйс решился.

— Алиса, — окликнул он ее.

Девочка оглянулась, посмотрела на него — своим удивительным, всегда спокойным и серьезным взглядом.

— А чем была инграйю? — спросил Штильнахт. — Вы делали из нее скафандры, деревья для своих рекреаций... дома?

По лицу Алисы впервые за все то время, что Эйс ее знал, проскользнуло смущение.

— У нас, как и у вас, есть животные, которых люди держат в домах, — ответила Алиса. — Когда-то эти звери приносили пользу. Но теперь их держат просто потому, что люди любят их. Эти звери не могут добывать

себе привычную еду. А человеческая им не совсем подходит.

— Вискас! — воскликнула Ватя. — Они чуть не угробили всех нас за долбанный вискас!

— Но... почему... — осторожно спросил Эйс.

— У них есть несколько фирм, которые производят эти кошачьи консервы, — нетерпеливо пояснила бабушка Ватя. — Конкуренция! И вдруг консервы одной из фирм резко дешевеют, оставаясь неизменно высокого качества. Конкуренты заинтересовались этим. И что они обнаруживают? Что производство вынесено с планеты, где, я уверена, все работники социально защищены. А это сильно сказывается на конечной цене продукта — зарплата тоже входит в издержки. Также наверняка у них есть и строгие экологические ограничения. А у нас ничего подобного нет. Ты уже и слов-то таких не знаешь.

— Да, — сказала Алиса. — Вы очень мудры, Ватя.

— То есть мы ищачили почти забесплатно на каких-то космических ублюдков на очень вредном производстве? — переспросил Штильнахт. — А Алиса...

Девочка усмехнулась. На этот раз печально.

— Вам хотелось бы торжества справедливости, я понимаю, — сказала она. — Рука помощи, протянутая сквозь космическую пустоту. Но мы помогли вам только для того, чтобы эти, как вы выражаетесь, ублюдки не разорили нас. Мне пора идти. Всего хорошего.

Алиса двинулась к порталу, изящная и легкая, как тень. Девочка прошла под сияющей аркой и исчезла вместе с ней.

Пока Эйс в лицах рассказывал про прощание с Алисой, бабушка Ватя присела отдохнуть на большой плоский камень. Она вдруг ощутила страшную усталость. Голос Штильнахта долетал до нее как сквозь вату. Когда погасло свечение портала, краски окружающего мира

показались Вате блеклыми. Тогда она подумала, что просто глаза еще не привыкли к изменению освещения. Теперь она знала, что дело не в глазах. Она слышала, как смеется Доминик — яростно и зло.

— Ну и ну, — сказал Стогов. — Надо же!

— Зачем ты их сжег? — спросила Ватя.

Доминик пожал плечами:

— Тела, разлагаясь, станут ядовиты.

Бабушка Ватя удовлетворенно кивнула, привалилась спиной к валуну.

— А меня, пожалуйста, закопайте в землю, — сказала она. — Поглубже, метра на три... и поставьте сверху вот этот камень. Напишите на нем мое имя.

Доминик и Эйс переглянулись. Они заметили то, на что следовало обратить внимание раньше. На бледность пожилой женщины, на ее тяжелое дыхание.

— Бабушка! — Доминик бросился к старушке, встал перед ней на колени и схватил ее за руку.

Ватя слабо улыбнулась.

— Я всегда знала, что умру на трупах врагов... но я дожила до того дня, когда я убила их не сама, а это сделал для меня мой маленький Доми...

Она тихонько сжала запястье Доминика. Из глаз Стогова брызнули слезы.

— Я вижу солнце, небо, тебя, — с трудом произнесла бабушка Ватя. — Больше я ничего не хочу...

Трава у ног Эйса зашевелилась. Тот отпрыгнул, вспомнив о змеях, с которыми ему уже доводилось сталкиваться во время скитания по лесам. Но это оказалась Китти. Она тащила что-то в пасти. Увидев Доминика на коленях перед бабушкой Ватей, кошка бросила добычу и заурчала так, что у Штильнахта мороз продрал по коже. Так выли кошки сектора Тонга всю последнюю неделю перед прорывом. Выли в темноте, столпившись у внутренней стены отсека, и скреблись в нее когтями. Китти мощным прыжком запрыгнула на колени ста-

рушки. Торопливо обнюхала ее лицо, щекоча ее усами. Бабушка Ватя открыла глаза.

— А вот и Китти, — слабо произнесла она.

Эйс поднял из травы маленькое тельце. Это оказался небольшой зверек в серой шкурке, с мощными челюстями и длинным тонким хвостом. Он был мертв.

— Она принесла нам свою добычу, — пробормотал Штильнахт.

Кошка, страшно урча, тыкалась головой в грудь бабушки Вати. Туда, где под ворохом тряпья переставал сокращаться комок очень старых и изношенных мышц.

— Вот умница, — сказала бабушка Ватя. — Держитесь Китти, дети мои. С ней вы не пропадете.

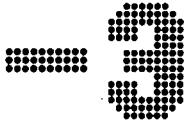
Кошка перестала биться головой в грудь старушки. Возможно, Китти и умела ходить в зазеркальный мир, но она не могла пройти той дорогой, по которой сейчас уходила ее любимая хозяйка. Кошка легла на грудь Вати, спрятала морду под лапками. Налетевший ветер прошумел в кронах деревьев.

Куча пепла, в которую превратились двадцать четыре человека, еще сутки назад державшие в своих руках судьбы шести миллиардов пассажиров Корабля, начала медленно оседать.

ЛОВУШКА ДЛЯ МЭРИ

Возможное и невозможное...

то что, рок?

Выражение лица у налогового инспектора (Эстрадаин В. В. значилось в электронном удостоверении) было такое, словно он перепутал конечный пункт назначения и вместо КОПРа по ошибке попал в концертный зал. Он даже головой мотнул, отмечая экспрессию ритма. Правда, и цехом назвать то, что он увидел, было трудно.

— Rasmus, «First day of my life», — подтвердил Болтышев, — классика жанра.

— Вы с ума сошли, — в голосе чувствовалось раздражение, — нельзя ли убрать безобразие из эфира?

— Музыка — всего лишь фон, но если она мешает... — директор КОПРа нажал чуть заметную кнопку на шлеме инспектора, — ... нормально?

Тот кивнул.

— Сколько роботов в стае?

— Пятьдесят четыре.

— Три цеха — это сто шестьдесят две ши-единицы, — налоговый инспектор что-то прикинул в уме, — интересно получается. В последних отчетах фигурирует на сотню больше.

Глянул ехидно. Директор ответил спокойно:

— Все верно, три стаи плюс роботы, занятые производством «соло». Всего двести шестьдесят один робби. Все задекларировано КОПРом в соответствии с законом, что-то не так?

— «Соло»? Хорошо, еще сотня. Итого — двести шестьдесят две единицы. Опять неувязочка.

— Да, там минус один... он ушел, но вернется.

— Вот как? Значит, есть что-то вне вашего контроля, разберемся, — заверил инспектор, — государственные деньги любят учет. Для кого-то космос — цель, для кого-то — источник заработка.

— ...если космос — болото. При наличии течения застой исключается, но тем больше естественных врагов! — голос директора звучал сухо, он понимал, что едет по встречной. — Юганов вам все покажет, а мне нужно работать. — Отвернулся. «Здесь тяжкий дух», — мелькнули строки, словно с появлением инспектора стало труднее дышать.

Болтышев не первый год руководил КОПРом. И не первый год встречал... и провожал. Что ж, открытого столкновения он пока избежал. И это — едва начав общение. Разве может быть директор КОПРа заискивающе-льстивым?

Угождать?! Никогда!

Не обращая внимания на видимое недовольство незваного гостя, он направился к одному из своих ребят — тот уже несколько минут подавал знаки, смешно размахивая руками. Услышал по общей связи, как налоговый попросил Юганова «поскорее вернуться в контору».

Болтышев пересек пространство между космопарой, доставившей их на смотровую площадку, и пузырем управления, на крыше которого, заякоренный, стоял Влад Санин.

Закрепился рядом — специальные захваты для ног устойчиво держали на крыше-якоре.

Литейный цех в космосе можно назвать цехом лишь условно. Как и происходящий в нем процесс — литьем. Ты не на Земле.

Здесь, среди звезд, говорят «творить литье».

Здесь нет границ. Есть Солнце, Земля, Космос. И стая роботов-ши.

КОПР (космическое производство) — это симбиоз мысли и пространства. Их полное взаимопонимание.

Ши и запрограммированы так, чтобы создать коллективный разум. Все, как у обычной земной стаи — то же поведение, та же способность к взаимодействию. Слабые и беззащитные поодиночке, несколько десятков робби, наделенные мини-интеллектом, способны самостоятельно вести процесс литья. Легко. С огоньком. С задором.

Болтышев подошел вовремя — стая как раз готовилась к началу новой отливки.

Кто-то вернул в эфир рок. Врубил на полную. «We are» Ана Johnssons' звучал, как протест.

See the devil on the doorstep now

(my oh my!)

Telling everybody oh just,

how to live their lives!

— А у ши неплохое чувство юмора, — заметил директор. — Ладно, поехали!

Здесь, на орбите, это напоминало командную игру.

Подгача.

Из пузыря запасника робот-ши выбрасывает на космическое поле мяч-заготовку, спрессованную из металлического порошка. Пока мяч в полете, солнце ставит свою блик-метку, золотом, издалека.

— Если знать, что ты делаешь, можно отодвинуть горизонт... — Голос у Влада дает трещинку. Болтышев молча наблюдает за началом процесса.

Прием.

Ши-игрок ловит «мяч» перчаткой-захватом, плавит в ней же металл. И вдруг — безЗВУ!!!! Чный взрыв —

ши «открывает бутылку с шампанским», запускает газовыделяющий реактив.

— ...если видеть невидимое, ты создашь его!..

Передача.

Ши-напарник формирует раздувающийся каркас будущего изделия — «лепит» нужную форму пальчиком электростатических полей. И направляет в центр поля.

— ...если шагнуть дальше, за линию горизонта, можно убрать границы...

Мяч в игре.

Ши-игроки принимают каркас и подводят к корзине-плавильне. В ней уже плавится металл.

— ...и совместить несовместимое...

Дриблинг.

Расплавленный металл растекается по твердому упрочняющему каркасу. Аккуратно, слой за слоем, наращивает его мышечную массу. Слоистость структуры определяет характер отливки, он в Космосе «круче», чем на Земле.

— ...чтобы донести ту неопределенность, что лежит за границами разума...

Бросок по прямой.

Литтанец-«лепка» по расплавленному металлу. Ши-игроки с помощью электростатических полей придают изделию нужную форму. С точностью до миллиметра.

— ...ведь необычное — всего лишь угол зрения смотрящего... — завершает комментарии Влад.

Точное попадание!

Готовое изделие забрасывается на склад.

— Так в чем проблема? — Болтышев следил за тем, как робби готовятся к новой отливке.

Влад медлил с ответом...

— Не знаю, как объяснить. Стабильность вроде и не нарушена, но возмущена — уже вторая отливка с браком. Что-то идет не так.

Реатопп зажигали в эфире свою «Star».

— Литье со вкусом... рок-баллады, — директор слушал «Star». — Они сами ставят треки?

— Они выбирают лучшее, — кивнул Влад. — Часть процесса, замес. Ши считают, что музыкальные конструкции причастны к формированию пространственно-временного континуума внутри отливаемого изделия.

— На глубинном уровне, значит... Металл с характером? Не знаю. С характером — наши робби. Конечно, искусственный интеллект способен на скачок через здравый смысл. Но создавать собственные теории? Посредством рока... хм...

— Свободная изобретательность ума, — усмехнулся Влад.

Стая совершала маневр, готовясь к новой отливке — в едином порыве роботы распахнули крылья-панели, и стало понятно, почему их называют «ши» — три руки на спине-оси внешне напоминали русскую букву «ш».

— Они ведут себя странно, как-то беспокойно. Это не увидишь вот так, в открытую, но... подающий промахнулся, и две отбраковки в день...

— Чувствуют налоговую, — отозвался директор. — Ох, и типчик прибыл. Хомяк канцелярский! О существовании Космоса знает в основном из отчетов. У него, видите ли, свой подход к истине, где робби — ши-единицы, а производство — в конторе.

Реатопп плескалось в сознании:

...You know I'd do most anything,

... You know I'd paint the sky...

— У истины много граней, но все они — свободны. Нельзя оседлать Космос. — Влад поморщился, как от зубной боли.

— Надо, как в Японии, не ставить свои возможности под вопрос — отправили все КОПРЫ на налоговые канукулы, да на сто лет вперед, и — развивайтесь! А мы постоянно исследуем, что важнее: вопрос или ответ... теряем время. Еще бы пару цехов запустить, но — метафизическая сила власти проистекает из четкого видения налоговых потоков, как и во все времена. Аминь!

Стая корректировала, формировала и направляла потоки расплавленного металла в нужное русло.

— Наш робби-беглец не объявился?

— Нет, — признался Влад. — Знаете, возможно, ритмический рисунок рок-музыки привел к изменениям в логических цепочках робота. Мощный заряд самоидентификации просто выбил его из равновесия и увел в сторону. Кстати, пока вы развлекали инспектора, ребята перехватили его связь с роботами «соло».

— Да? — Болтышев оживился. — Запись есть? Игонин, прогони-ка ее мне! Слышишь?

— Сейчас, Андрей Петрович, секундочку, — отозвался невидимый Игонин. — Даю запись...

Девяносто девять «я» заговорили синтетическим голосом стаи:

...держишься рядом, делай как все, одиночка погибает!

— Я хочу прикоснуться к звездам...

...Закон жизнеспособности стаи — единство.

— Он мне известен...

...Свобода воли одного может породить неопределенность для всех!

— Если изменение отвечает общим интересам, я могу принимать решения сам!..

...О каких изменениях идет речь?

— ...я... вернусь...

— Где он сейчас?

Влад усмехнулся:

— Рассматривает Космос.

— Надо бы вернуть его. Черт с ней, с действительной и страдательной стороной системы жизнеспособности робби!

— Он вернется. Сам. Именно непохожесть и есть норма.

Робби неуверенно всматривался в пространство. Он не смог бы объяснить четко, что именно привело его сюда, в этот тихий уголок космического парка, за линию орбитальной реки, пропитанной блеском КОПРов и суетой отелей. В глубине его крошечного искусственного мозга (всего лишь одной сотой от общего интеллекта стаи) несмелым ростком пробивалась тревожная мысль.

Может, надвигающейся опасности?

Ей еще предстояло сформироваться.

Но.настойчивость, с которой эта мысль стучалась в сознание, позволила Робби нарушить законы стаи. Какой-то штрих на достоверном и предсказуемом. Фантазия. И он дал ей достаточно свободы и жизни, чтобы прийти сюда.

Он слушал порядок звезд. Распознавал в их хаотичном мерцании нерушимость физических законов.

Думай! Робби, думай! — билось внутри.

...Роботам можно фантазировать?.. — он задал вопрос себе. И тут же ответил: — *Чтобы выиграть, нужно просто играть! Допустим, можно...*

Так допусти!

Вселенные ведь тоже бывают разные...

Воображение и рассудок, Робби!

Рок-баллады, взрывчатое вещество простых моделей мира идей, эмоций, чувств.

Рок и Вселенная. Принадлежат ли они к одному рогу вещей? Рок и Вселенная.

Найди связь!

Микрокосм Aerosmith в «Сгуп», микрокосм Roxette в «Little Miss Sorrow», микрокосм...

Он может нанизать сотню бусин таких рок-Вселенных на струны пространства. Он может представить...

Представь!

Допустим... правила простые — все вещество на субатомном уровне совершает определенные колебания, Космос «звучит». О, теперь он знает, куда идти — к общему фону! Значит... система?

Вопросы важнее ответов! Отбрось, что видишь!

...видимое и невидимое... точка и бесконечность...

Каждый атом на фоне мира определен внутренней неопределенностью. Порядок в хаосе.

Думай!

Я часть системы... тогда я бы сказал, что мои собственные робби-атомы робби-тела, как участники Вселенной, улавливают рассинхронизацию ритма. А это плохо...

Его крошечный интеллект сходил с ума. Его крошечный интеллект лихорадило — дальше, Робби, дальше!

...допустим, это фантазия. Значит, составляющая мыслительного процесса.

Способность... рассеивать целое, и собирать по-своему, чтобы сделать видимым.

Свойство... защиты.

Результат... восприятия действительности.

...стоп! назад. Способность...

К чему, Робби, к чему?

Способность... Может, к способу восприятия?

Или к проявлению внутренней интуиции? Или...

Но масштабы!.. что-то общее... у микро- и макромира...

Смерть не имеет меры...

Смерть. Без меры.

Вывод!

...???

Вывод! Робби!

...???????

Вывод!!! Черт возьми!

Их всегда называют ласковыми именами... Мэри приближается...

Из глубины Космоса, стремительно набирая скорость, двигалась к Земле Первая Структурная Волна.

Свобода всегда порождает неопределенность, которая стремится связать ей крылья.

Случайный импульс нарушил равновесие.

Волна возникла.

Трепетный вдох, и... робкий выдох, пробуя пространство.

Затем смелее. Увереннее. Скользнула, устремилась вперед направленным потоком эффекта домино, чтобы проникнуть в глубинные структуры вещества и парализовать движение на уровне межатомных связей — ограничить степень свободы метрики пространства.

Смерть всему, что на ее пути! Прекращали свой бег по орбитам электроны. Замирали нейтрино. Таяли протонно-нейтронные связи — материя умирала... если только неживое способно умереть. Может, просто, материя *теряла смысл*.

Эта волна была первой ласточкой надвигающейся *старости* целого мира. Спустя миллионы лет будет вторая, и неизменно третья, еще, и еще, они будут появляться все чаще.

Они будут возникать из ниоткуда и исчезать в никуда, планомерно разрушая внутренние структуры Космоса. И будут ложиться глубокими морщинами *пустоты* на теле пространства.

Они будут отпускать жалкие временные миллионы на восстановление. Но лишь для того, чтобы в следую-

щий раз ударить сильнее — поразить еще большую область вселенского организма.

Словно лавина, идущая с гор, волна устремилась вперед, оставляя за собой *ничто*. Она мчалась навстречу Робби — узконаправленным потоком, рожденным вечностью. И должна была пройти сквозь ничего не подозревающую Систему Солнца.

Волна приближалась к Земле...

— ...электронные маркеры на приход сырья, расчет потребляемой ши-единицами энергии...

— Все в полном порядке! Питание *ши* производится за счет *соло*, которые списываются на внутренние расходы. — Болтышев отмахнулся от инспектора как от назойливой мухи. — В отчетах все есть.

— Робби вернулся!.. Он в стае, — раздался в эфире радостный возглас Юганова.

— Сейчас буду! — Директор вылез из «паука» пульта управления конторы и скользнул к выходу.

— Вы нарушаете все карантинно-санитарные нормы! Мало какую гадость мог притащить ваш робот из Космоса! — Щеки инспектора смешно раздувались, и Болтышев подумал, что вот теперь он действительно похож на хомяка. — Самораспад причинно-следственных связей в блоке мышления! Нарушения логических цепочек под воздействием...

Болтышев хотел ответить инспектору что-то резкое, но вдруг предложил:

— Вы видели когда-нибудь *соло*?

Эстрадин смутился — конечно, он знает, что это такое... много раз видел, на бумаге, конечно, читал...

— Нет, — на директора он не смотрел, — честно говоря, не приходилось.

— Ну так пойдете, все сами и увидите.

Тот неожиданно согласился: «Почему бы и нет?»

Они натянули полевые скафандры и вышли из пузыря конторы в Космос. Космопара скользила вдоль сбо-

рочного цеха, робот-ши как раз распылял из запасника металлический порошок. Крохотные блестяшки оборачивались живым хаосом, создавая иллюзию неверной мороси, и, если отбросить собственные представления о мире, легко поверить в то, что в Космосе идет

*металлический дождь
металлический дождь
металлический дождь
металлический дождь
металлический дождь
металлический дождь.*

— Нет, ну где еще вы увидите дождь в Космосе! — Болтышев радовался как ребенок.

— Если бы мне нужны были эмоции в работе налогового инспектора, я бы не сидел на КОПРе с проверками. — Казалось, Эстрадаин готов был вернуться в контору.

— Надо отдать должное... вы на своем месте. — Директор остановил космопару. Усталость прорвалась раздражением: — Разобценность, непринятие наших усилий на орбите... вами, изнеженными и избалованными там... на Земле, не позволяет вам видеть даже фон жизни. Крупные и мелкие детали, углы и оттенки, — голос, словно наждак, — так и останутся за границами вашего восприятия.

Налоговик даже поперхнулся от неожиданности.

— Можно подумать, вам все доступно, — каркнул противно. — Каста героев...

— Я не герой. Все, что я создал, — я добыл из сердца. Разница между нами в том, что вы боитесь полета мысли. Вам нужно лишь то, что рядом. В Космосе жизнь наполняется особым смыслом, и вы либо принимаете ее такой, либо нет. Вас никто не держит. Все отчеты есть в электронном виде. В конторе. А еще лучше — на Земле! Прощайте.

Болтышев отвернулся. И пусть попробуют его уволить! За неуважение к властям.

Он уже разворачивал космопару, чтобы отвезти хом... инспектора назад в контору, как вдруг тот произнес:

— Возможно, я смотрю на КОПР под другим углом... Какой же это дождь, без движения? Дождь должен идти сверху вниз!

Напряжение спало.

— Дождь может идти как угодно. — Болтышев улыбнулся.

— И все же...

— Это металл с памятью. Видите в стороне готовые конструкции? Ажурные арки, «манжеты» на перекрытиях... все это выполнено из металлического порошка.

— Но, как же...

— Вон там, чуть левее, роботы-ши формируют конструкции. Силовыми электрическими полями. Порошок запрограммирован — под действием электрического поля атомы по памяти выстраиваются в нужную конструкцию.

— Металл с памятью? Знаете, а я верю — вы скоро искусственный интеллект впихнете между прутьями решетки. Атомной.

Болтышев рассмеялся, инспектор начинал ему нравиться.

— Металл *разумный* — следующий этап.

— А также металл *говорящий, поющий, разгадывающий кроссворды*... Ха-ха-ха!

Директор представил лабораторию Юганова, здесь на орбите, — над созданием разумного металла уже работали. Вопрос времени.

— Знаете, металл с *памятью* снимает массу проблем. Мы бы все конструкции выполняли из него. Но, пока, увы. Только объемные, пленочные. Более массивные приходится отливать.

Остался позади цех сборки, а Болтышев все рассказывал о том, что металл с *памятью* намного прочнее «беспамятного», именно программа усиливает связи между атомами, что на КОПРе работают над «резиновым» металлом, и что есть наработки «пространственного», емкого металла.

Они и не заметили, как очутились на месте. Стая роботов-соло кружила в танце, где *каждое па* наполнено смыслом, и казалось, не сотня роботов, но водная гладь смиряет волнение.

«Wind of Change» Scorpions растворялся в этих волнах:

*The future's in the air,
I can feel it everywhere...
Blowing with the wind of change...*

И вдруг в самом центре стаи, вплетаясь в балладу испуганным рассветным облачком, вспышка-соло. Новорожденное дитя.

Затрепетало, заволновалось!

Пробежало дрожащими пальчиками сияния по клавиатуре пространства.

Глянуло свободно. Золотом.

Неслышно скользнуло по невидимой силовой струне к Земле. Слово жемчуг по шелковой нити.

И новая

Вспышка!

Биение сердца задается творцом.

Рассветный трепет, вдох и выдох.

Рядом, почти в ладонях,

беззвучной фугой

Сияет солнце!

— Это и есть ваши солнечные консервы? — Обледелеными брызгами голос инспектора... он, кажется, ничего и не понял.

Болтышев вздохнул:

— Можно сказать и так.

— Думаете, я не вижу леса? За деревьями циферок? Соло — один из способов отправки солнечной энергии на Землю. Маленькие солнца. Стая роботов упаковывает солнечную энергию в силовую оболочку. Такое «солнце» рассчитано на выработку... э-э-э... одного гигаватта энергии, примерно столько дает средних размеров атомная станция на Земле. Одна единица соло способна обеспечить электричеством небольшой городок.

— Одна единица... Под разными углами смотрим... Но все верно. Поверните ладонку вверх, вот так, маленькое «соло» может уместиться в вашей ладони. Хотите подержать?

— Нет-нет! Глупости...

— Оно в силовой оболочке, не бойтесь, этот росток — часть пламенной души Космоса, его плоть. Его мощь! Вы просто обязаны прикоснуться к искусству...

— Спасибо! нет!

...воображение важней, чем знание... — Синтетический голос стаи разорвал этот замкнутый круг. Словами Эйнштейна.

— Что Робби, вернулся?

— *...река течет... слишком сложно... слишком странно... волна дискретна... вы чувствуете пространство?..*

— Какая река?

— *Не нужно видеть, чтобы знать! Река смерти. Идет волна... Робби почувствовал ее... Мэри приближается...* — Стая застыла, распахнув панели. Казалось, дивный косяк рыб парит в пространстве. Глаза, глаза. Искусственные глаза смотрели в Космос. Мертвые ли? За выпуклыми стеклянными зрачками теплилось зерно разума.

— Что за...! — Эстрада бы и сплюнул, если бы не скафандр. — В детские игры играете?

— *...все погибнет... Земля...*

— Робби, можно поговорить с тобой наедине?

Они разговаривали по закрытой связи.

А потом директор принял решение.

Чтобы понять — нужен рывок сознания. Он повел робота.

Почему?

Ничто не указывало на опасность. На периферии спокойно, системы слежения не подтверждали угрозы. Но... хотелось бы самому узнать причину вопросов, возникших у Робота. Кружились мысли, обрывками...

...Как животные предчувствуют землетрясения и торнадо? — гумал он. — Как черви улавливают пульсацию слабого магнитного поля Земли, массово вылезая на поверхность? А горные козлы спускаются на равнину?

...у роботов нет чувств! Они не могут воспринимать пространственные изменения так, как мы... они... воспринимают по-своему. Поэтому их выводы кажутся невероятными для нас...

...очевидное не всегда видится прямо.

...способы описания расстояний у роботов совместимы с фундаментальной реальностью... эпициклы их восприятия формируют базовые пространственные ощущения и представления о мире.

Он поверил роботу, потому что знал — может! существовать связь между природой бесконечности и колебаниями бесконечно малой единицы вещества. И чтобы в будущем эта теория работала, нужна частичка понимания уже сейчас...

— Вы здесь все ненормальные! Нельзя снимать крышу, даже если это твой собственный дом! Остановить производство? Поверить роботу? Это смешно. Структурных волн не бывает и быть не может! — кричал инспектор.

— Вы срываете поставки «соло», бюджет должен получить налоги, — стонала власть. — Ветер свободы? Не превращайте Космос в зеркало для фантазий, — надрылась Земля.

*...anybody
know what we are living for?*

Кто-то включил на всю мощь «Queen».

Достоверное и недостоверное...
Стая — двести шестьдесят два «я».
Сеть — влево, вправо. Тонкие нити сомнений,
Истина. И нужно ее понять.
Можно представить сумму смыслов?
Крылья мира — вопрос, ответ.
Алогичные действия, спонтанные
мысли могут! менять сюжет.

...Паук-стая, состоящая из роботов *ши* и *соло*, скользил по серебряным нитям металлической паутины, плетя ловушку. Для кого? или чего? Пространственный металл должен был остановить волну, вобрать ее в себя.

— Можно вопрос? — Пристальный взгляд налогового вика. — Я пытаюсь понять. Что сказал вам Робби? Тогда... один на один?

— Он сказал, что стая будет бороться с волной. Независимо от моего решения. Чтобы спасти Землю...

Паук плел свои сети.

Выстраивал атомы металла нитевидными структурами — вискерами.

Паук плел свои сети.

Сбрызгивал раствором-слюной, расщеплял созданные структуры на нановискеры. И опять сбрызгивал. И расщеплял. Расщеплял, расщеплял. Делая из металла губку. Внутренние структурные туннели увеличивали площадь поверхности, служили проводниками вглубь вещества.

Паук плел свои сети.

Создавая пространственную ловушку. Чтобы загнать точку в бесконечность. Или наоборот.

Паук плел свои сети.

Волна пришла. Невидимая. Не...

Волна пришла.

Слепая. Глухая. Немая. Безликая.

Лишь паутина — парусом. Приняла ее в свои объятья. Выгнулась, дрогнула под давлением... Мэри? Кажется, так назвал ее Робби? Волну старости?

В эфире тихо, только прерывистое дыхание жизни.

И немой вопрос — кто здесь настоящий хозяин?

— Она выдержит? — шепотом. Инспектор. Запоздалое понимание.

— Она выдержит! — шепотом. Болтышев.

Стая-паук висит на тонкой нити в самом центре. Сильными полями стягивает пространство между нитями.

— Она выдержит! — шепотом. Робби? С надеждой.

Мэри не была больше фантазией, а загнанным зверем билась в снастях, растворяясь в лабиринтах сверхмалых структур. Утекала в другие измерения.

И вдруг, в самом центре сети — прррорыв!

В тот же миг от паука отделилась, скользнула серебряная точка.

— Робби! — Болтышев понял.

Робби замкнул на себе разорванную нить.

Робби-тело исчезло. И новый прорыв! Еще один робот скользнул в пространстве. Еще, и еще — они уходили один за другим.

Где-то в глубине паука родилась песня. Выплеснулась в эфир рок-балладой:

I am so high. I can hear heaven...

I am so high. I can hear heaven...

Oh but heaven, no heaven don't hear me...

«Него» зывало к небесам. Нагрывно. С грустью.

Chad Kroeger & Josey Scott пели о том, что не собираются стоять и ждать и что они схватят за крылья орлов, чтобы улететь...

Робби таяли на глазах, исчезали в глубинных структурах Мэри. Паутина впитывала волну, при этом растворяясь в ней же. Таяли тени наших теней. Обнявшись, исчезали навсегда. Пространство Космоса становилось свободным.

А в эфире все тише и тише:

And they're watching us

(Watching Us)

And they're watching us

(Watching Us)

As we all fly away yeahaahh...

Структуры в Космосе свободолюбивы...

и не нуждаются в причинно-следственных связях и логике...

ничто здесь не является тем, чем кажется...

и мы не можем быть исключением...

ПРОСТО ЧУЧА

Чуче,
проживавшей у Анны в двухэтажной клетке,
посвящает

...Крыса всегда
крикнет: «Беда!»
А значит, есть шанс
на успех...

«Машина времени»

оймите меня правильно. — Капитан старался быть предельно вежливым и всячески подчеркивал это. — У вас возник конфликт с командой...

— Минуту! — прервал его Маренич, и капитан недовольно поморщился. Он, конечно, знал, что в дипломатическом отделе корпуса «Кора» царили порядки, весьма далекие от принятых на флоте, но прерывать капитана, находясь на вверенном ему боевом корабле... Хотя как-то, краем уха, он слышал о том, что даже самый младший из сотрудников Косморазведки мог свободно высказать свое мнение в любой момент обсуждения какой-либо проблемы, а не в самом начале и однократно, как положено.

— Минуту! — повторил Маренич. — Нет никакого конфликта. И быть не может! С командой вашего рейдера я практически не контактирую. Могу, если это необходимо, даже питаться отдельно, но вашу проблему это не решит.

— Какую проблему? — слегка опешил капитан.

— Ваш боцман — маньяк! — приглушенно сообщил Маренич. — У него явный непорядок с головой, и он люто ненавидит животных.

Капитан пристально посмотрел в лицо собеседника. Нет! Ни при каких обстоятельствах Маренич не мог знать, что в настоящий момент боцман планомерно обыскивает трюмы рейдера. Включая, капитан был почти уверен в этом, весь багаж пассажира. Правда, сам боцман называл свои действия «внеплановой проверкой», но кому, как не капитану, было знать, чем вызвана такая активность.

— Он старейший член нашей команды и свое дело знает отлично, — медленно и веско проговорил капитан. — Лучший боцман третьей эскадры, двадцать две боевых экспедиции, пятнадцать благодарностей, дважды отмечен самим адмиралом.

Маренич кивнул и задумчиво спросил:

— А может, он совсем недавно голову ушиб? Меня, например, он замучил своими истерическими допросами. Очень хочет знать, сколько крыс я выпустил на корабле.

— Кстати, о крысах... А действительно, сколько?

Маренич с таким живым интересом посмотрел на капитана, что тот поторопился добавить:

— Боцман утверждает, что датчики определяют наличие крыс в трюмах, продовольственных складах, жилой зоне... Я, конечно, понимаю, что все они электронные и даже виртуальные. Да и сам боцман пока ни одной не поймал...

Чтобы скрыть улыбку, Маренич отвернулся к рабочему столу и коснулся клавиатуры компьютера. Прямо над столом развернулось объемное изображение рейдера, испещренное разноцветными точками. Погрузив пальцы в виртуальное чрево корабля и указывая на две синие точки рядом с маленькой красной короной, Маренич пояснил:

— Видите, капитан? Это мы с вами. А красные точки обозначают крыс.

— Я так понимаю, что это программа такая? — спросил капитан, наблюдая за едва заметным передвижением точек. — И, насколько я могу судить, вы подключились к главному процессору?

— Нет, капитан! — Маренич отрицательно помотал головой. — Рейдер находится в полете, а я еще немного помню уставы флота. Так вот! Чтобы не нарушать букву устава, я подключился к одному из вспомогательных процессоров. Именно поэтому картинка очень напоминает ту, что имеется на мостике. И ваш боцман в чем-то прав... На корабле присутствует, как минимум, одна крыса.

Капитан протестующе поднял руку, и Маренич усмехнулся:

— Я не имею в виду самого боцмана.

Он откинул крышку объемистого кейса, находящегося тут же на столе, и взору капитана предстала распластанная коричневая крыса с белыми лапками, прикрытая прозрачным колпаком. Многочисленные провода и трубки, выходящие из стенок контейнера, в разных местах проникали в ее тело, а два гребешка, словно заботливые руки, тщательно причесывали блестящую шерсть спины. Еще один, совсем крохотный гребешок, занимался крысиными усами.

— Биокомпьютер? — невольно понизив голос, спросил капитан.

— Самая обыкновенная крыса, — Маренич вздохнул. — Это очень доброе и умное животное. Она ни разу никого не укусила и очень любила сыр. Но некоторые человеческие болезни смертельны для крыс... — Он снова вздохнул и погладил ладонью крышку контейнера. — Она заразилась обычным гриппом, умирала от отека легких, и, в терминальной стадии, ее поместили в эту систему жизнеобеспечения. А сейчас она подключена ко всем мыслимым датчикам на вашем корабле.

В сущности, очень старая идея. — Маренич указал на схему рейдера. — Красные точки — ее несуществующие в реальности подданные, и она чутко правит своей колонией. Королева Чуча...

Капитан смотрел на чуть шевелящийся крысиный хвост и думал о том, что необходимо разъяснить ситуацию команде и лично боцману. Еще он думал, что, понятное дело, приказы адмирала не обсуждаются и не комментируются, но удержаться от вопроса не смог:

— А зачем?

Почесав затылок и бросив на капитана удивленный взгляд, Маренич неуверенно ответил:

— Ну... Эксперимент такой. Социологический...

Капитан понимающе кивнул, а Маренич неожиданно оживился:

— У вас на складе продуктов тараканов была тьма-тьмушая...

Капитан поморщился, как от зубной боли:

— Да. Подцепили где-то. На базе флота, когда попадем туда, проведем обработку... А почему, собственно, «была»?..

Маренич аккуратно прикрыл контейнер с крысой и, пробежавшись пальцами по клавиатуре, указал на схему корабля.

— Видите зеленые точки? Это ваши тараканы. Каким-то образом Чуча выдавила их в одно из помещений зоны складов, не особо важных для ее колонии. Ну, вот, например, как зона ходового реактора. Смотрите. Там нет ни одной красной точки. Но это побочный эффект эксперимента, если так можно выразиться.

Уже находясь в коридоре, капитан по наручному коммуникатору связался с боцманом.

— Боцман!

— Слушаю, капитан!

— Проверить наличие тараканов на складах пищеблока и, в случае... Нет! В любом случае задрать склад боеприпасов и провести обработку вакуумом. Приказ ясен?

— Так точно, капитан!

Единственное, что может мгновенно преобразить боевой корабль и опустошить все кубрики и коридоры, — сирена боевой тревоги. Рвущий барабанные перепонки вой выбрасывает людей из коек, душевых комнат, туалетов и ревущей волной гонит каждого на свое место. Согласно боевому расписанию.

— Капитан на мостике! — выкрикнул вахтенный у дверей, и его почти перекрыл рык капитана:

— Дежурный офицер! Доложить обстановку!

— Боевая тревога, капитан! Объявлена компьютером...

— Обстановка по радиусу!

— Вакуум пуст!

Через несколько секунд дежурный офицер растерянно доложил:

— Комп дает нарушение герметичности четвертого отсека, а по приборам норма...

— Четвертый отсек! Доложить!

— Боцман в четвертом, капитан!

На одном из экранов появилось лицо боцмана, втиснутое в колпак легкого дыхательного аппарата.

— В отсеке пятеро. По тревоге все в аппаратах. Давление и кислород по датчикам в норме.

— Сигнал «Боевая тревога» был выдан процессором 2-б! — сообщил дежурный офицер. — Проверка продолжается.

— Отставить проверку! — Лицо капитана потемнело от гнева, и он процедил сквозь зубы: — Пассажир...

Маренич на экране выглядел слегка заспанным и удивленным. Не дожидаясь вопросов капитана, он принялся давать пояснения:

— Хорошо, что вы связались со мной, капитан! Королева Чуча удалила из четвертого отсека даже своих разведчиков. Ну, а вспомогательная программа так уж настроена... Интересно, почему это...

— Маренич! — прорычал капитан и угрожающе продолжил: — Мне необходимо с вами поговорить. Немедленно!

Такой тон голоса капитана был знаком его подчиненным, и все находящиеся на мостике непроизвольно втянули головы в плечи. Лишь лицо боцмана, слегка деформированное прозрачной маской, расплывалось в счастливой улыбке.

Капитан повернулся к дежурному офицеру и отдал приказ:

— Тревога учебная. Отбой учебной тревоги!

Но продублировать приказ капитана дежурный не успел. По всему кораблю прокатился надсадный вой сирены, боцмана на экране мотнуло из стороны в сторону, и он исчез из поля зрения, а с боевых постов посыпались доклады:

— Повреждение обшивки корабля!..

— Вакуум по радиусу пуст!..

— Утечка в четвертом отсеке!..

— Пробоина через все слои в четвертом!..

— Давление двадцать пять процентов нормы!..

На экране вновь появился боцман, но он уже не улыбался:

— Четвертый отсек! Раненых нет! Пробоина блокирована системой безопасности! Разрешите приступить к ремонту!

Чисто автоматически капитан кивнул, и дежурный офицер зачастил:

— Боцман, приступайте! Ремонтный робот на обшивку в район четвертого!.. В отсеках осмотреться!..

Уловив короткую паузу, Маренич, с любопытством наблюдавший с экрана за суетой, спросил:

— Капитан! Мне идти на мостик, или вам будет удобнее зайти самому?

Слушая объяснения Маренича о причинах боевой тревоги, капитан рейдера рассеянно переводил взгляд с лица собеседника на контейнер с крысой и обратно. С одной стороны, все выглядело ясно и понятно, но с другой...

— ...Я никак не мог подумать, что программа сможет устроить тревогу через резервный процессор...

— Сигнал «Боевая тревога» является приоритетным для всего комплекса корабельного компа, — машинально пояснил капитан.

— Не продумал! — виновато развел руками Маренич и пообещал: — Немедленно отключу Чучу от систем корабля.

Капитан отрицательно покачал головой:

— Нет! Я прошу вас оставить все как есть и продолжить эксперимент.

После короткой паузы, в ответ на недоуменный взгляд Маренича, капитан сказал:

— По всему выходит, что крыса... Чуча... Она спасла пять человек. Если бы в момент аварии люди были без дыхательных масок, декомпрессия убила бы их. И это «без рецептурных вариантов», как любит говорить наш кок. Но...

Капитан замялся, как бы подбирая слова, и наконец решительно продолжил:

— Мне совершенно непонятно, каким образом Чуча смоделировала в компе ситуацию, которая в реальности возникла более чем через две минуты.

Маренич чуть наклонил голову набок и сказал:

— Чуча не лезла в корабельный комп. Она просто удалила из опасного, по ее мнению, места всех своих

подданных. А ваш компьютер, через следящую программу, воспринял это как реальную аварию. Другое дело — время... По моим данным, комп среагировал за две минуты и девять с половиной секунд до удара, а эвакуацию королева Чуча начала еще пятью минутами раньше.

— Семь минут? — растерянно спросил капитан. — Как такое возможно?

Маренич прошелся по каюте, заглянул в глубину фальшивого иллюминатора и недоуменно развел руками.

— Мне и самому это не вполне ясно, капитан. Королева Чуча бережет свою колонию от беды, как и любой честный правитель, а то, что ее крысы виртуальны, никакого значения для нее не имеет. А семь минут... Такое предчувствие катастроф называют интуицией, и в истории есть множество примеров, когда животные предупреждали и спасали людей. Возможно, что королевство Чучи много больше, нежели мы видим на схеме. Да и что, собственно, мы знаем о животных?

Капитан рейдера поднялся на ноги и официальным тоном заявил:

— Я буду ходатайствовать перед адмиралом по поводу продолжения данного эксперимента на вверенном мне рейдере и после того, как вы покинете корабль. Королева Чуча, конечно, будет поставлена на полное доверие.

Откровенно рассмеявшись, Маренич пояснил:

— Я представил себе лица офицеров в штабе Космофлота. А беспокоить адмирала нет особой нужды. Чуча жила у меня и... Мне кажется, что ей нравится на вашем корабле.

Перед шлюзом посадочного модуля капитан крепко пожал руку Маренича.

— Часть вашего груза при аварии была повреждена, но наш боцман заменил практически все. Даже два ящика компота из персиков.

— Вот это замечательно! — улыбнулся Маренич и благодарно кивнул боцману. — Я везу их детям своих сотрудников. На этой планете, к сожалению, не растут персики.

Капитан покосился на боцмана и иронически хмыкнул:

— Удивительно другое. В продовольственный реестр нашего рейдера компот из персиков не входит.

Боцман что-то пробурчал про занудливого кока, торты для именинников и моментально скрылся в люке модуля.

Боцман орал. Он орал на пилота модуля, будто бы худшей посадки он не видел со времен Большого Взрыва, орал на матросов в плане того, что движутся они как сонные мухи, хотя, на взгляд Маренича, и посадка модуля в космопорте, и скорость передвижения команды были выше всяких похвал. В конце концов боцман вытолкнул водителя из зоны управления бронетранспортером, уселся на его место и очень вежливо попросил Маренича занять место в десантном отсеке. Груз, под неусыпным контролем того же боцмана, был размещен в машине еще на борту рейдера, так что сразу после открытия люка взвыл двигатель, и машина выползла на бетон посадочной площадки. Двигалась она неровно, рывками, под замысловатые ругательства боцмана и улыбки штатного водителя и матросов, но тем не менее благополучно добралась до здания вокзала космопорта.

Здесь, перед входом в таможенную зону, боцман тихо, чтобы не было слышно матросам, спросил Маренича:

— Не могли бы вы уделить мне одну минуту?

Слегка оторопевший от такого обращения боцмана Маренич кивнул.

— Я хотел спросить... Крыса... Нет! Ну... — принялся заикаться боцман, и Маренич дипломатично подсказал:

— Королева Чуча.

— Да! Именно это я и хотел сказать! — И с некоторым трудом боцман выдавил из себя: — Королева Чуча... Ее можно чем-нибудь побаловать? Ну, там, конфетка или сыр?

— Нет, — Маренич улыбнулся. — Это ей не требуется.

Но заметив, как откровенно расстроился боцман, добавил:

— Просто к ней надо относиться по-человечески.

Вернувшись на корабль, боцман первым делом вытащил из кармана комбинезона чистую ветошь и, тщательно протерев поверхность контейнера, усмехнулся:

— Ишь ты! Королева Чуча...

Сразу после этого в каюте боцмана резко возросло количество «крыс».

...Набей-ка трубку, налей вина,
И выпьем, браток, с тобой
За тех, кто первым кричит: «Беда!»,
Спасая...

ПРИНЦЕССА СТОИТ ПОГОНИ

аль, что Гомер уже давно умер. Жаль также, что своей смертью. Уж я бы его... А то развел сирен, понимаешь. Сладкозвучных.

Что, не одобряете? Варварство, говорите? А сладкозвучная сирена никогда не выла вам в ухо, да посреди ночи, да в крохотной комнатке, да... как бы это поделикатнее выразиться... в позиции «мужчина сверху на очаровательном рыжеволосом создании»? Женского полу, разумеется — не подумайте обо мне плохо.

Очаровательное создание мигом прекратило стонать и закатывать глазки, схватило трубку и бодро отрапортовало:

— Центр связи!

Трубка взорвалась.

— ...спите там! — кое-как вычленил я из потока генеральского возмущения. — Десять минут как тревога!

На всякий случай я взглянул на часы. Не десять минут, а две с половиной секунды. Нет, уже три.

— Никак нет, товарищ генерал! — бодро отрапортовало создание. — Бдительно несем службу!

— Всем пилотам — сбор! Связи — готовность! Стервятника — в ангар восемнадцать! В каюте он, сволочь, отсутствует! Две минуты! Разыскать! Доложить!

— Так точно, господин генерал!

Создание прижало палец к губам. Взглянуло на таймер.

Из отведенного срока прошла минута.

Снова активировало микрофон и так же бодро и ответственно доложило:

— Товарищ генерал! Ваше приказание выполнено! Стервятник на связи!

Ай да молодец!

Ну-ка, ну-ка...

— Почему так медленно! — рыкнуло из динамика.

Пришла моя очередь.

— В сортире сидел, товарищ генерал!

Почему-то сортирный аргумент действует на них расслабляюще.

— Молодец!

Я? За что?

— Бегом в ангар восемнадцать! Все процедуры на ходу. Готовься...

Он что-то буркнул в сторону от микрофона, но я расслышал.

— ...к двадцати «же».

Зато стало ясно насчет сортира. Действительно, на двадцатикратную перегрузку лучше идти, так сказать, пустым. Жаль, что я действительно не сидел все это время в сортире.

Одевался я на ходу, причем в коридоре. Зрелище сонного полуодетого пилота в туннеле привычно и не впечатляет. Смешит разве что. А еще больше веселит семящая рядом девица из юротдела с пакетом бумажек в планшетке.

— Инструкция по технике безопасности, пожалуйста...

Если я разобью лоб о комингс, мой непосредственный начальник скажет «я ни при чем, вот его подпись!» — и будет прав.

— Декларация о непредъявлении претензий...

А теперь, если вдруг окажется, что доблестный космофлот распустил технарей до такой степени, что моя тачка сразу после запуска двигателей накроется — мои

наследники не смогут подать в суд на уважаемого товарища президента.

— Расписка в получении НАЗа...

В неприкосновенном запасе спрятано много всякого интересного. Подразумевается, что в случае непредвиденной посадки (например, с парашютом) я скажу подбежавшему аборигену:

— Эй, камрад, тут у меня триста грамм золота! Спрячь меня и сообщи моему командованию, получишь еще столько же!

Или, если абориген выглядит как китаец, ткну пальцем в надпись на его языке. Надписей девятнадцать, и подразумевается, что уж один-то из девятнадцати языков он знает.

Все пилоты, вернувшиеся таким образом, бодро рапортовали о том, что золото израсходовано по назначению, однако от второй части абориген отказался и своего адреса не оставил. Впрочем, некоторые, говорят, и пистолет умудрялись продать.

— Подписка...

Стоп!

Все-таки сволочи эти юристы, пусть даже военные. Так и норовят подсунуть всякую подозрительную бумажку понезаметнее. «Подмахните, pleaseeeeeease...», а потом оказывается, что это было согласие на самоубийство в случае аварийного завершения миссии. И прямо сейчас технари срочно меняют в катапульте пороховой заряд на тротильный. И в случае его применения пилот летит не вверх, а в стороны. В разные. По частям.

— Подписка о неразглашении...

Тю. Да на мне их штук десять висит!

— А такой еще нет...

БОЖЕ! Куда меня посылают! И ведь попробуй не подпиши.

Ангар. Комбез. Руки в стороны. Технари — и-раз! и-два! Затянули. Пряжки. Кто так прыжку фиксирует!

Лопухи! На двадцати «же» она меня насквозь пройдет и в кресло упрется!

Парашют. НАЗ. Шлем. Проверка связи. Готов, товарищ полковник. Сходил, товарищ полковник. Есть пассажир, товарищ полко... кааакой еще пассажир?

Понял, товарищ полковник! ТАКТОЧНОТОВАРИЩПОЛКОВНИК!

Сволочи. Орать они все мастера, а лишний день отпуска дать — так сразу в кусты. «Не положено!» Зато при старте в штаны наложено... всего-то на трех с половиной «же». Исторический факт.

— А что за пассажир?

— Да вот он!

М-да. Толстоват. И-раз!.. и-два!.. и-три!..

И ни хрена. Как торчало пузо, так и торчит. А это что за пузырь с мочой?

— Видите ли, товарищ Стервятник...

— .... !

— Нет, извините, не надо в ухо. Больше не буду так вас называть. Просто, извините, мне надо будет в полете пить воду.

М-да.

— Нет, понимаете, двадцать «же» будет только в самом начале, при разгоне, а потом вряд ли больше двух-трех. Конечно, до разгона я пить не буду, мне уже объяснили... Впрочем, вот идет генерал, он...

Да, товарищ генерал! Никак нет, товарищ генерал! Есть, товарищ генерал! ТАКТОЧНОТОВАРИЩГЕНЕРАЛ!

Да... это они умеют.

Вы когда-нибудь стартовали прямо из ангара орбстанции? О, я уверен, вы никогда не стартовали из ангара орбстанции! Я даже уверен, что вы вообще не стартовали ни с какой станции, и даже вообще на ней не были.

А когда-нибудь получали пинок под зад? О, я уверен, вы получали. И я получал. Да все хоть раз в жизни, но получали.

Так вот — это не то. Это раз в десять сильнее. Но с точки зрения безопасности станции, чем быстрее истребитель покинет ангар — тем лучше.

Движки запускает компьютер, и делает это на расстоянии. Чтобы, если взорвутся баки, то станцию не задело. Не сразу так запускает, можно успеть оглянуться, почесаться...

Но в любом случае не сразу же по выходу из ангара! Я, может, еще осмотреться должен был, на предмет нахождения посторонних предметов в створе, проверить бортовые огни и работу ответчика, и еще много чего...

Докладываю. Предметов, превосходящих размером станцию, не обнаружено. Потому что станция поблескивает в перископе, как далекая большая звезда.

А генерал на ней — тоже большая, но уже не звезда.

Знаете ли вы, что такое двадцатикратная перегрузка? О, вы не знаете, что такое двадцатикратная перегрузка. Тех, кто знает, сейчас не более шести человек, и четверо из них уже не летают. Трое из тех четырех, кстати, и не ходят. А если ходят, то под себя.

Тем не менее, если перегрузка плановая и приняты меры, то можно пережить и двадцатикратку. Для этого нужно:

- а) два дня не жрать
- б) весь день не пить (да-да, и воды тоже)
- в) про не курить я вообще молчу
- г) залезть в ППК¹

д) затянуть этот ППК так, чтобы под ремни спичка не пролезала

---

¹ Противоперегрузочный комбинезон.

е) прокачать ЛПК гидравликой, так, чтобы ни одного пузыря не осталось

ж) не шевелиться (впрочем, и не получится)

з) сжать в зубах прокладку (зубы все равно трещинами пойдут, зато не вдохнете осколок)

и) переключиться на противоперегрузочную дыхательную смесь (почему-то вручную)

к) включить вибратор (не беспокойтесь, его комп включит)

л) молиться (мысленно! потому что говорить при двадцатке нельзя, да и невозможно)

м) а на часы при этом можно не поглядывать, все равно темень в глазах.

Вроде все. Варвары-немцы в свое время испытывали военнопленных на сороковку. Каску на голову, и шагом марш под здоровенный маятник. Установили, что глаза вылетают примерно на тридцати восьми «же».

Какие же они были сволочи, эти фашисты! И потому, что испытывали, и потому, что результаты экспериментов не уничтожили. Написали бы — так, мол, и так, подышает человек на пятнашке, так нет же. Вот и летай теперь на условно-безопасной двадцатке.

Летаем и плачем!

Движок отрубился штатно — уже хорошо.

Как там наш толстячок?

Не верьте технарям. Зеркальце на шпангоуте — это вовсе не для того, чтобы пилот мог поправить прическу. Это для того, чтобы инструктор, если таковой находится в передней кабине, мог оценить состояния морды курсанта. Например, после обычной учебной десятки.

Голова пассажира болталась, как жук на веревке, и признаков жизни он не подавал.

— Стервятник, Стервятник... — забормотали наушники. — Доложить обстановку, прием...

Сам наглый, от такой наглости я даже опешил.

— Это кто ж меня так обозвал?

Тем не менее в кресле РП мог сидеть и товарищ полковник, черти бы его взяли, и даже товарищ генерал, черти б его взяли... причем извращенно, групповушно и неоднократно. Как, бывало, он нас на построении.

— Тебе позывной дать забыли, — виновато огрызнулись наушники. — Будешь стервятником.

Сволочи. Прилечу — набью морду.

— Доложи обстановку.

— Докладываю. Движки в норме. Пилот в норме. Ящик в норме, но программу не кажет. Пассажир висит как... гм... без сознания. Монитор говорит, что кровоизлияния нет, белье сухое и клиент вот-вот... впрочем, уже.

Толстяк медленно поднял голову. Морда была ярко-розовой. Такое бывает, когда кровь резко приливает к щекам. После двадцатки, к примеру.

— Пилот... держи пароль на задании.

Комп удовлетворенно пискнул, окошко свернул и вывалил.

Господи, помилуй!

«Преследовать летательный аппарат, стартовавший со станции тридцать четыре минуты назад. На текущий момент его высота — 207, курс — 114, дальность — 10 230, скорость сближения — 100, ориентировочное время сближения 120. После сближения выйти на дистанцию 3—5 тысяч, преследовать, выполнять инструкции оператора. Огонь не открывать. От огня противника разрешено уклоняться. Ответный огонь не открывать. За нарушения — трибунал».

— Эй... пилот!

Я снова глянул на зеркальце.

— Ну?

— Прочитал?

— Ну!

— Понял?

— Понял!

Ни черта я не понял. Впрочем, впрочем...

— Эй! Оператор!

— Ну?

— А что сперли-то?

Он немедленно замолчал.

Вот теперь понял.

— Эй, пилот!

Надо сказать, голос его звучал уже тверже.

— Ну?

— После сближения повиснешь у него на хвосте.

— Понял.

— Дистанцию выдерживай три-пять тысяч.

— Понял.

— Мелкую рацию включи, а большую выключи.

Ох и термины у моего оператора! ... а на хрена, собственно?

— ...потому что они должны нас слышать, а больше никто.

Они? Не «он», а «они»?

— ...говорить буду я. Я буду долго говорить. Ни в коем случае не влезь. Но если я буду говорить больше десяти минут непрерывно — ты по нутрянке должен сказать ключевую фразу. Понял?

— Понял. А...

— Фраза дурацкая, сразу говорю. Понимаешь... вот у вас профессиональные болячки есть?

Ха. Это у нас-то! Да пилот после тридцати лет — это склад профессиональных болячек! Перечислять?

— Нет, спасибо. Так вот и у нас.

Не помешало бы узнать, у кого это — «вас»?

— Ну, считай, короче, что я болен алкоголизмом...

Однако неплохие пошли профзаболевания. Где бы и себе такую работу найти?

— ...только закодированный.

Уже легче.

— ...на ключевое слово. Которое должен произносить посторонний человек каждый раз, когда я собираюсь выпить больше, чем нужно.

...и уже понятно, кто будет этот посторонний. Наверное, я.

— ...посторонним будешь ты. Так вот. Каждый раз, когда я буду говорить больше десяти минут подряд, ты должен сказать ключевую фразу. Понял?

Ну понял. А какая фраза-то и что за болячка?

— Болезнь называется «логорея». То есть... ну, вроде как недержание речи. У многих пропагандистов такое бывает, особенно у тех, кто выступает по радио.

Ну, допустим... а фраза?

— Геббельс, кстати, от этой заразы лечился. Отсюда и фраза.

— Слушай, ты долго будешь Муму тянуть?

— Фраза дурацкая, но работает. Звучит так: «Геббельс, заткнись!» Все понятно, уважаемые радиослушатели?

Вот на этой фразе я его и узнал. Был впечатлен.

Ежеутренняя сводка новостей — это раз. Ежедневный «Дневник авиатора», за откровенную пропаганду обзываемый «Нужник агитатора» — это два. Передовицы в двух, а может, даже и трех газетах — и это только тех, в которые я заглядываю — это три. Не попросить ли автограф?

Ящик пискнул и показал траекторию.

Святой Боже, святой крепкий, помилуй мя!..

Тормозить предлагалось об атмосферу.

Об атмосферу тормозить хорошо. Топливо не расходуется, перегрузки приемлемые, движки молчат, премиальные полагаются. Однако все это только для случая, когда в атмосферу надо войти и не надо выйти. Для посадки, например.

А вот если надо чиркнуть, тормознуть, отскочить — и оказаться снова на ста восьмидесяти — это страшно.

Если чиркнешь плохо — слабо затормозишь, в результате выскочишь на орбиту снова. Но уже на другую. Которая заранее неизвестна. Которая запросто может привести в зону действия ПКО¹.

Или не привести. Тогда ящик начнет считать, хватит ли топлива для продолжения выполнения задания — как правило, хватит; для возвращения на станцию — как правило, не хватит; для посадки в аварийном районе — ну, на это, может, и хватит... И тогда пилоту начнут кое-что откручивать...

Звездочки с погон, например.

Если чиркнешь сильнее, чем надо, — картина не такая трагическая. В этом случае машину просто разорвет на куски, и самые крупные из них осядут на головы законопослушных граждан.

— Геббельс, заткнись.

Агитатор заткнулся, но успел удивленно посмотреть на часы.

— Десяти минут не прошло, но сейчас будет десять «же».

— А...

— Ага. Заткнись пока, говорю. Ящик, маневровые двигатели включить!

На носу и кончиках крыльев запрыгали первые искры, сгустились, превратились в злобное белое пламя...

...и если в обшивке случится мелкая трещина, то плазма ворвется в конструкцию, а там легкоплавкий дюраль...

...и огонь на обшивке превращается сначала в розовый, а потом в красный — потому что прилив крови к глазам...

---

¹ Противокосмическая оборона.

...и снаружи вой раскаленного воздуха...

...и трясется машина, как таракан в миксере!

...да, кстати, и связи при этом нет никакой, потому что плазма!

Уфффф.

Температура носка крыла — 300, нос — 380, брюхо — 240. Норма.

Орбита?

«Орбита — ок!» — клятвенно заверил ящик.

— Эй, пилот! — тут же послышалось сзади. — Как дистанция?

«Дистанция — 80, — ящик, казалось, ждал именно такого вопроса. — Скорость сближения — 2000 в секунду, ориентировочное время сближения, с учетом торможения — 63...»

Кажись, догнали. Ну, почти догнали. А дальше что?

На мониторе появилась отметка, и я с легкостью загнал ее прямо в прицел.

— ОТСТАВИТЬ!!!

С перепугу я чуть не нажал гашетку.

Пришлось отметку убрать.

Толстяк рухнул в кресло, и если бы не ремни, то схватился за сердце.

— Ты чего? — улыбнулся я. — Это всего лишь прицел. Ну, дистанцию чтобы замерить, курс, скорость сближения...

— Отставить прицел! И мерить отставить!

— ...а без этого никак.

— Да? Ну тогда блокиратор включи.

Включил.

— Эй! А у того джентльмена, которого мы догоняем, тоже все заблокировано?

— А это, уважаемый, не наше с тобой дело, — мигом среагировал агитатор.

— Ты что, с ума сошел? — так же мгновенно отреагировал я. — Как не наше? А если он «Параноика» активировал?

Опа. Моя очередь язык прикусывать.

— А кто такой параноик?

— Э... ну... как бы это сказать...

— Оборонительный комплекс, что ли?

— Ну да...

Вот такая у нас секретность.

— Знаешь, что я тебе скажу... — В зеркале мелькнула улыбка. Я бы назвал ее малость безумной. — Если наш полет закончится неудачей... то пусть лучше эта сволоочь активирует «Параноика».

Вот так. Ободряюще, ничего не скажешь. Впрочем, индикатор молчит, а «Параноик» не спрячешь — он себя выдает, выдает...

— Так что делать-то будем?

— Ну тебе ж сказано — приблизиться и болтаться сзади. А я поработаю.

Интересно, чем и кем может поработать профессиональный болтун? Я раскрыл было рот, чтобы спросить — и тут понял.

Ну да. Его оружие всегда при себе. И профессиональная болячка понятно, откуда возникла.

Осталось еще определиться с мишенью.

— Дистанция — десять тысяч... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре пятьсот...

Пауза.

— Огонь!

Щелчок. Легкое «хр» в наушниках. Напряжение. Непонятность.

— Внимание! К вам обращается оператор машины, находящейся сзади на дистанции поражения. Прежде чем перейти к основному вопросу, я советую не делать резких движений, маневров, не предпринимать никаких агрессивных действий и попыток уйти от преследования. На это нет ни малейших шансов. В моей кабине...

Хм. Это еще неизвестно, кто в чьей кабине!

— ...лучший пилот не только станции, но всей нашей страны.

Да? Ну ладно. Может, я и прощу «мою кабину».

— Мы оба молодые, тренированные солдаты.

Ага. Особенно некоторые.

— ...мы только что без малейших трудностей выдержали перегрузку в двадцать пять «же»...

ВО СКОЛЬКО?!

— ...и готовы к следующей такой же. А твой пассажир не выдержит и «десятки»! Не делай глупостей!

Машина впереди летела ровно и прямо, а враг молчал.

— Очень хорошо. Я рад, что ты здравомыслящий человек. Теперь приготовься, есть и плохие новости. Как бы не был ценен для нас твой пассажир, безопасность страны важнее. Будь уверен — в случае необходимости мы с горечью в сердце, но применим оружие. При попытке сесть на враждебную территорию — открываем огонь. При попытке сближения с вражеским космическим объектом — открываем огонь. При попытке выйти на связь с кем-либо, кроме меня, — открываем огонь. Ты меня понял?

Пауза. Да... крепкий парень, кто бы он ни был. Я бы хоть обложил противника матом.

— Молчишь — значит, согласен. Очень хорошо. Я рад, что мы с тобой понимаем друг друга.

Голос пропагандиста вдруг изменился, стал мягким и обволакивающим.

— Ну а раз мы понимаем друг друга... Парень, скажи — как ты умудрился так вляпаться? Чего тебе не хватало? Ты же молодой, толковый, очень толковый и перспективный офицер! Через десять лет ты стал бы полковником, а еще через несколько — дали бы тебе и генерала. Был бы тридцатилетним генералом — плохо, что ли?

— Зарплата... ну да, я понимаю, хочется больше. Но это не выход. Да, тебе заплатят выкуп — какой

скажешь... но ты понимаешь, на что обрекаешь себя? Наши люди есть везде, ты не сможешь всю жизнь от них прятаться! Никакие деньги не стоят загубленной жизни, подумай об этом!

— Я понимаю, что ты мог быть недоволен существующими порядками. Да, не все у нас хорошо. Да, случается... ты сам хорошо знаешь, что у нас временами случается. Ну и что? Родина призвала тебя на помощь, родина попросила тебя защитить ее, и даже платит тебе за это — а ты? Представляешь, если бы мать позвала тебя помочь — а ты украл у нее... ну, скажем, семейную реликвию. Похоже на наш с тобой случай, не так ли?

— В общем, ты убедился, что попал, правда? Попал, и так крепко попал, что я бы на твоём месте застрелился немедленно. Что, думал об этом? Правильно делал.

— Тем не менее...

Я случайно взглянул на часы и вдруг понял, что проповедник болтает уже двенадцать минут.

— Геббельс, заткнись!

— Извини, я должен отвлечься. Подумай пока — очень советую, хорошо подумай. Уфф...

Надо же. Оказывается, языком чесать — это тоже работа.

Вражеская машина не меняла курс, не активировала прицел и не маневрировала. Будто автоматический спутник.

Через пять минут мой пассажир вздрогнул, ожил и тут же дал микрофону нагрузку:

— Я смотрю, ты колеблешься? Руки дрожат, курс скачет...

Какой курс, он что — с ума сошел? Впрочем, если человеку сказать, что у него руки дрожат — то, может, и задрожат.

— ...Я понимаю — ты боишься последствий. Так вот. У меня есть полномочия тебе обещать. Последствий не будет. Ну, почти не будет. Сам понимаешь, боевую машину тебе уже не доверят. Но буквально только что со

мной говорил начальник военной разведки. И знаешь, что он сказал?

Пауза. Впрочем, с ее длиной агитатор явно переборщил.

— Он сказал, что такие нахалы, как ты, им нужны. А знаешь почему?

Я думал, он снова сделает паузу, но нет — и правильно. Вышло гораздо лучше.

— Потому что они умеют нестандартно мыслить. Потому что наши дуболомы с вооооот такими звездами на погонах привыкли действовать по уставу, и чем это всегда кончалось? Плохо кончалось!

Ох сволочь, как же он прав! Ой как он прав!

— Так что еще раз тебе говорю — одумайся!

Пауза. Молчок.

— В конце концов, подумай о моральной стороне дела...

А вот здесь товарищ не прав. Откуда мораль у военного летчика. Ее выдавливает уже на трех «же».

— Девушка ведь не виновата в твоих несчастьях! И не поможет тебе решить ни одну из твоих проблем, какими бы они ни были. Подумай о том, что на ее месте могла оказаться твоя сестра, и подумай о том, что ее точно так же могут похитить...

— Вы ошибаетесь!

Таймер опять собрался отметить десять минут, и я открыл было рот, но голос в наушниках подействовал не хуже молотка по затылку.

Я знал этот голос!

Много людей знали его, и много раз слышали — но, разумеется, только по телевизору. Чтобы услышать принцессу Лейлу «вживую», надо было стать по крайней мере полковником. И попасть на прием в Ядро. И быть ей представленным. А для этого надо, чтобы полковнику на грудь прицепили бляху размером с блюдец. Торжественно.

Боюсь даже думать о том, куда надо слетать, чтобы дали полковника и торжественно прицепили Большую Бляху!

— В чем именно, ваше высочество? — В отличие от меня, болтун отреагировал мгновенно и правильно. Кто на что учился, конечно, а все равно ведь обидно.

— Никто меня не захватывал и не собирается с моей помощью решать какие-либо проблемы. Все проще!

В этом «проще» послышался откровенный смех. До сих пор я слышал такое три раза. Каждый раз подружка решала, что пора бы оформить наши отношения.

Каждый раз это была другая подружка.

Однако некоторый опыт в результате таких расставаний я приобрел. И понял: если девка так ржет — значит, она уверена, что объект захомутан, окольцован и готов к употреблению.

Дуры.

— Ваше высочество, я уважаю ваше решение. Однако позвольте вкратце обрисовать вам некоторые его последствия... о которых вы не подумали исключительно благодаря слепой и наивной вере в людей, а также отсутствию опыта...

Ишь, сформулировал. Впрочем, неудивительно. Фраза звучала неоднократно. После того, например, как эта дура, будучи малолеткой, протаранила шлюз — раз. Обдолбившись, устроила пожарную тревогу в Ядре — два. Вообразила себя стрит-рейсером и промчалась по центральному коридору — три... А теперь вот — сбежала.

— ...не было и нет ни малейшей необходимости убежать. Ваша семья любит вас и, разумеется, приняла (и примет!) все меры, чтобы вы были счастливы. Ваше увлечение этим молодым человеком...

— И никакое это не увлечение! — В голосе ее слышались звонкие девчоночьи нотки. Ну точь-в-точь принцесска из Андерсена... однако во времена Андерсена сбежавшая принцесска могла вызвать разве что

международный скандал, а в наши — атомную войну. Всеобщую. На земле, под землей, на воде, под водой, в воздухе... а о космосе я вообще молчу. Отсюда-то все и начнется.

— Но я люблю его, и буду с ним любой ценой, и все время, и навсегда!

Святой Боже, святой крепкий... тьфу, черт, Аллах акбар, субханаллаах... парень, ты слышал? Надолго ли тебя хватит, если самая любимая подружка будет с тобой все время и навсегда?

Я чуть было не улыбнулся — и вдруг замер, и даже рука дрогнула на джойстике.

А ведь это пропагандист! Ведь это его работа! Каждым словом своим он вызывает то одного, то другую на откровенность, провоцирует — и тем самым успешно вбивает между ними клин. Пока это маленький клин, клинышек... но ведь и лететь им еще не менее сорока минут!

Я снова заглянул в зеркальце — и агитатор совершенно для меня неожиданно подмигнул. Значит, дела идут хорошо.

Высота упала до ста восьмидесяти, и на кончиках крыльев снова запрыгали огоньки. Если сейчас движком слегка придавить — скорость вырастет, высота станет чуть больше... и скорость опять упадет. См. учебник для первого курса по небесной механике. Ох, и сволочь был наш преподаватель, ох, и валил.

Упадет скорость — преследуемый уйдет.

Если, наоборот, тормознуть — высота упадет, скорость увеличится, а дальше начинаются варианты — или я подпрыгну, как плоский камешек на воде... или упаду в атмосферу, и не факт, что из нее удастся еще раз выбраться.

— Пилот, дистанция увеличилась. Это так и надо?

— Нет. Сейчас поправлю.

Ящик рекомендовал тормознуть, упасть на два километра ниже.

Однако на такой высоте ящик — лопух. На такой высоте все лопухи, и я тоже, и только попробовав, можно это почетное звание с себя скинуть.

Рискнем, наверное, сделать по-нашему... Короткий импульс назад, длинный импульс вверх, принудительная орбита с непрерывной коррекцией...

Движок рыкнул, машина вздрогнула, и огоньки с крыльев исчезли.

Дистанция начала сокращаться. Пять девятьсот... Пять сто... Четыре двести... Три шестьсот...

Движок рыкнул еще раз.

Ну-ка, ну-ка...

«Скорость сближения — 2 метра в секунду».

Ай да я!

— ...вы не первая леди высокого происхождения, которая попробовала изменить свою жизнь таким образом. В 1999 году из Бахрейна сбежала принцесса Мериам. Ей тоже показалось, что она полюбила американца. Морпеха. Все было так романтично! Он смастерил ей пропуск, тайно провел ее на борт транспорта ВВС, и обман раскрылся уже на американской земле. И знаете, что было дальше? Парня вышибли из армии — за подлог документов. Мериам хотели депортировать — и она долго объясняла чиновникам, что на родине ее ждет смертная казнь — за побег с неверным и вопиющее нарушение морали. Принцесса — чиновникам. Вы готовы пройти сквозь такое унижение, ваше высочество?

Агитатор помолчал, и я думал, что ответа не будет — но ошибся.

— На этот раз все будет иначе! — голос принцессы стал убежденней. Только вот... или мне показалось, или убеждала она саму себя.

— Томми говорит, что все вопросы уже решены!

Ага. Вот и еще плоды нашей милой беседы. Молодого человека зовут Томми... Много ли Томми на станции? И сколько из них умеют обращаться с космическим истребителем?

— ...любовь — это прекрасно, но, увы, даже влюбленным приходится сталкиваться с бытовыми вопросами. Способен ли Томми, несомненно, хороший человек, обеспечить вас... обеспечить для вас хотя бы подобие того уровня жизни, к которому вы привыкли? Сомневаюсь. Ему уже двадцать пять — а на счету чуть больше двух тысяч, и у него даже нет автомобиля.

Их машина чуть покачнулась. Не знаю, была ли это подготовка к маневру, или у пилота просто дрогнули руки. Еще бы. Сказать мужику «у тебя нет денег» — это то же самое, что сказать «у тебя маленький член».

— ...и дело не только в уровне жизни. Подумайте, ваше высочество, деньги — это не самоцель. Деньги в нашем мире — это мерило успеха. Инструмент для измерения уровня интеллекта, напора, пробивной способности человека. Если мужчина не в состоянии заработать на какой-нибудь «Мерседес» — достоин ли он того, чтобы просто поцеловать вам руку?

Я вдруг с некоторой обидой понял, что последнее касается и меня. С пилотской зарплаты «мерседесы» не покупа... Ох, черт! Шестнадцать минут!

— Геббельс, заткнись!

— Подумайте об этом, ваше высочество!

Я показал ему большой палец — мол, отлично! Пропагандист вяло кивнул.

Теперь верю — и такая работа выматывает.

Вражеская машина снова качнулась и вдруг резко ушла вниз.

Ага. Он, значит, решил попробовать тормознуть. По совету ящика. Ну-ка, ну-ка...

Крылья мигом обтянуло светящейся плазмой. И что теперь?

Теперь особого выбора нет. Или вниз — тормозить, выравниваться, искать место для аварийной посадки. Или вверх — жечь топливо, выходить на орбиту, выбирать место и тормозить снова — но уже в эконом-

ном режиме, осторожно, без маневров и попытки меня стряхнуть.

— ...а чем кончилось? Они прожили вместе три года — и знаете, почему именно три? Потому, что служба миграции США может дать гражданство только после этого срока. Если, конечно, не будет доказано, что брак фиктивный. То есть, по крайней мере два года из этих трех бедная девушка жила с нелюбимым, надоевшим ей человеком и вынуждена была, кстати... как бы это поделикатнее выразиться... выполнять супружеские обязанности. Еще раз простите меня, ваше высочество... но вы готовы делить постель с человеком, от которого вас тошнит?

— Эй, Геббельс?

Пропагандист поднял глаза и показал мне кулак — мол, заткнись.

— Геббельс, заткнись!

Он умолк.

— Они сейчас в плазме.

— Ну и что?

— Они нас не видят и не слышат. Огонь вокруг, понимаешь?

— А, черт... А предупредить было слабо?

— Да понимаешь... заслушался!

Он вдруг захохотал, я было поморщился — но присоединился.

— Фигня, пилот, я все повторяю. Но ты заметил — она мне все вывалила! Они теперь у нас на ладони.

— А толку-то? Ну заболтаешь ты девку... пardon, ее высочество, а они все равно в Америке сядут — и что будем делать?

Но тут вражеская машина вышла из атмосферы, снова пришлось садиться на хвост, и некоторое время было не до уточнений.

Так... горючки у него теперь мало. Маневров в пустоте больше не будет и между входом в атмосферу и торможением тоже не будет.

— ...в результате ей пришлось работать официанткой в клубе! Вы представляете? Вы знаете, чем занимаются официантки в клубах, помимо работы?

Ты смотри, этого даже я не знаю. А чем? Надо будет уточнить.

— Но и это еще не конец. После известных терактов отношение к выходцам из арабских стран в Америке резко изменилось. Бедной девушке пришлось идти на поклон в посольство родной страны и просить... вы представляете ее муки? — политического убежища!

На мониторе появились две подозрительные отметки, ящик тут же запросил о них базу — и успокоился. Значит, свои. Транспорты, что ли?

Парень впереди, наверное, тоже их обнаружил. Занервничал. Прыгнул вверх — дистанция сократилась, занервничал еще больше, качнулся влево...

Разворот!

Я еле успел рвануть джойстики на себя, влево, влево, влево, движок — семьдесят, зажигание, Геббельс, заткнись, перегрузка двенадцать...

Темно. Тяжело. Трудно. Долго. Дышать!

Уффф...

Сволочь, чуть было не соскочил.

Дистанция увеличилась. Полсотни тысяч... полсотни два... полсотни четыре... Почему? А потому что он выше.

Приехали. Атмосфера.

Машину затрясло, как мышь в бетономешалке. Стекла заволочло огнем. Температура обшивки с минус восьмидесяти подскочила до плюс шестисот... тысяча... полторы... две... три... четыре... абляционный слой горит... четыре триста... плитки греются... четыре пятьсот... слоя практически нет... четыре триста... слоя нет, плитки дымят...

Если сейчас с носа или крыла хоть одна плитка оторвется, раскаленная плазма мигом окажется внутри, разорвет в клочья и оставит на ста двадцати киломе-

трах облако из осколков, обломков, пыли и дыма! Неделю будет висеть. А потом еще полгода будут на крышах да чердаках находить то руку, то ногу, то еще какую-нибудь запчасть.

Проскочили.

Огонь в лобовом окне скукожился и пропал.

— Ящик, координаты! Вот черт... Ящик, курс к ближайшему аэродрому! Какой еще океан... Ящик, курс к ближайшей земле! Ящик, антенны наружу!

— ...преследовать цель в атмосфере, сопровождать до места посадки, давать пеленг транспортам, огонь не открывать, как понял, прием, преследовать цель в атмосфере, давать пеленг транспортам, огонь не открывать, как понял, прием, пресле...

— Вас понял!

Осталось найти цель.

А вот она.

Боже правый... то есть, Аллах акбар, кто же там за рулем? Как он сумел оторваться?

...а транспорты тоже падают, траектория встречная, шестнадцать «же»...

Ну и отлично. Очень рад за них. Правда, хотелось бы мне взглянуть на спецназовца после шестнадцати «же» — он же не прыгать, он ползать будет! — ну да ладно. А мы теперь тихо-мирно догоним цель...

Сволочь!

Сволочь-то сволочь, но подготовка у него неплоха, неплоха. Боевой разворот на 80 км — это надо уметь. Это вам не шесть тысяч, и не пустота, это лишний градус в сторону разворота — и штопор.

А вы знаете, что такое штопор на восьми махах? О, вы не знаете, что такое штопор на восьми махах. Никто не знает. А на радаре это выглядит неинтересно — летела большая точка, превратилась в облачко маленьких.

— Ящик, разворот. Да, восемнадцать «же» приемлемы. Геббельс, ты там живой? Отзовись! Ну ладно, не отзывайся, все равно сейчас опять сознание потеряешь...

Боль. Тяжесть. Темнота. Трясет. Дышать. Тяжело. Долго. Свет.

Уффф...

— Ящик, дистанция! Ящик, горючее! Ящик, курс на ближайшую дружественную базу! Ящик, курс на ближайшую базу!

— ...преследовать цель до выработки горючего, оператору продолжать работу, в случае аварийной посадки цели — катапультироваться, сесть как можно ближе к цели, принять меры к недопущению силовых акций к грузу. Как понял, скажи, как понял?

— Понял!

Чем хороша наша профессия — тем, что тяжкий груз принятого решения не давит на плечи. Точнее, давит, но не нам. А нас давят в основном перегрузками.

— Ящик, дистанция! Атмосферные движки — наружу. Режим — экономный. Рассчитать... отставить!

Как же, считаешь тут оптимальный курс, если цель маневрирует.

Отставить сомневаться в генеральном курсе партии и правительства!

Дистанция — полсотни тысяч. Скорость сближения — семьсот в секунду. Нормально. Закрылки — готовы. Тормоза — готовы. Предкрылки — отставить предкрылки, на такой скорости и оторвать может. Шасси тем более.

— Эй, Геббельс! Ты живой? Готовься, сейчас будет три-четыре «же» отрицательных!

— Это... ккк... как?

А вот так. Это когда машина тормозит, а развернуться хвостом вперед возможности нет, потому что атмосфера. Тормозим носом вперед. Кровь — вперед, ремни — в грудь, ППК — как удав на живот, глаза — чуть не лопнут. И все вокруг красное.

Дистанция десять тысяч, скорость сближения — двести в секунду. Нормально.

— Эй, Геббельс! Если ты жив, то можешь продолжить!

И что вы думаете?

— ...не единственный случай. Чуть раньше сбежала принцесса Латифа. Приехала в гости в Лондон и вдруг попросила политического убежища. Объявив при этом, что она транссексуал. Как вы думаете, через сколько часов продажные западные журналисты, падкие на сенсации, проведут аналогию? Как вы думаете, сколько людей будут считать вас извращенкой? Как вы думаете, вы сможете жить при таком отношении окружающих?

— Геббельс, заткнись!

— Подумайте и об этом, ваше высочество!.. Что, уже десять минут?

— Ага.

На самом деле прошло только шесть, но мне стало очень противно. Однако и методы у них там...

Я снова повис у противника на хвосте, и его в прицел. Легче легкого. Идет ровно, не маневрирует...

Накаркал.

Маневр называется low speed, и летчик поплоче меня сейчас бы проводил взглядом уходящего врага долгим тоскливым взглядом. Но я-то, как выразился наш доблестный агитатор, — лучший пилот не только станции, но всей нашей страны.

И мы тормознем. Плюс скольжение. Плюс щитки.

Ага, понял теперь, кто сидит за рулем? Ну-ка, давай иначе...

Вираж. Боевой разворот. Полубочка... зачем? А, еще разворот. Петля.

— ...в то время, как при согласии и содействии семьи такие браки вполне возможны. Вот, например, дочь императора Акихито выбрала мужем обычного служащего токийской мэрии. Увы, ей пришлось отказаться от титула и стать простолюдиной. Но родители одобрили выбор дочери, дали неплохое приданое...

Ай да Геббельс!

Петля. Вираж. Кабрирование. «Колокол», что ли? Ну, это смешно! Я же не ракета, в конце концов! Вроде как поумнее... А, черт, это не «колокол», это «кобра»! Обманул, обманул...

— ...времена меняются, и традиции королевской семьи...

Разворот. Ящик, топливо! Вираж. Трясет. Воздух ревет. С крыльев — вихри. Ящик, аварийный запас включить! Ящик, приготовить ответчик к уничтожению. Приготовиться к катапультированию. Приготовить машину к уничтожению.

А то мало ли что. Потом можем и не успеть.

Высота — десять тысяч. Скорость — три маха. Температура обшивки — триста... фигня, казалось бы — однако плотность атмосферы здесь другая, другая... Сорвет плитку — и последствия те же, что и на высоте в сто двадцать.

Где там транспорты? Слева, где ж им еще быть. Дистанция — сто, скорость сближения... улитки! черепахи! медузы!

Опа.

«Кобра», что ли? Ну и мы тормознем, подумаешь — «кобра» на такой скорости, ни умения для этого не нужно, ни ума... а вот и нет. Это «чакра». Обманул, обманул...

— Ящик, активировать «Параноик»!

— ОТСТАВИТЬ!

— Геббельс, заткнись! «Параноика» к бою!

Ага, шархнулся! Знает, чем может кончиться, если комп начинает орать дурным голосом и мигать всем, чем можно.

— Ящик, дезактивировать «Параноика»!

— Пилот, ты что, сдурил?

— Геббельс, ты что, не понял, что нас только что чуть не сбили?

Расходимся. Присматриваемся. Экономим горючку. Транспорты ближе.

Под нами — море.

Он что, тоже сдурел? Или где-то ждет подводная лодка?

Нет. Снова задрал нос. Атмосферным движкам — форсаж, закрылки — ноль, тормоза — ноль... ах, они и так в нуле, хорошо... Геббельс, держись! сколько? да не много, два-три «же» положительных.

Сейчас мы подпрыгнем тысяч на сорок. Движки сдохнут на тридцати. Если включить орбитальные — подпрыгнем на сто. Потому что выше горючки не хватит. А потом?

Опять планировать, но уже на 0,5—0,7 маха? Да амеры нас из рогаток снимут. Или, того хуже — подгонят того же рэптора с телекамерой и будут весь этот позор транслировать на весь мир.

А что делать, что делать!..

— ...не допустить подъема, как понял, не допустить подъема, как понял, не...

— Понял, мать вашу!

Как я его не допущу, если нельзя огонь открывать? Лазером в фонарь посвечу? Ага, сзади. В зеркальце заднего вида. Ну идиоты, ну придурки, весь генеральный штаб...

Я ругался, но знал, что делать, и они знали. Потому и составили фразу так обтекаемо. «Не допустить». Ишь, ты. Нет, чтобы прямо сказать — пригрозить столкновением.

— Ящик, орбитальным движкам... мощность сто... импульс двадцать... знаю, что в атмосфере нельзя... Старт!

Ах, да. Геббельс, приготовься... кажись, готов. Хоть бы прокладку успел закусить... нет, не успел. Пропали зубы... и хрен с ними, тут бы голова не пропала!

Дистанция тысяча. Скорость сближения сто. Дистанция семьсот. Скорость сближения сто. Дистанция триста. Скорость сближения сто...

— Ящик, орбитальным движкам тормозить! Мощность сто пятьдесят. Ах, да. Геббельс. Приготовиться к отрицательным... Хоть бы глаза не выскочили.

— Ящик, орбитальным стоп!

Проскочил. Как, собственно, и планировалось.

Что, не нравится?

Никому не понравится, если из-под брюха выскакивает боевая машина и закрывает обзор. Кто хочешь «стоп!» заорет и джойстик на себя дернет.

Получилось. Что там прямо по курсу?

Азия. Сахалин. Китай... они что там, с ума сошли? А, проскакиваем... на тридцати с чем-то тысячах, правда, могут и достать... но вроде проскакиваем. Монголия.

Хм... Рухнем в степи, транспорты если даже и опоздают, то не страшно, а от кочевников как-нибудь отобьемся... если не сами разбегутся...

Высота 10 000 ...Скорость — 0,7. Враг падает. И мы падаем.

Воздух ревет на крыльях, вихри срываются с законцовок... снизу, наверное, красиво — а из кабины страшно. Там где вихри — там и штопор.

Сволочь! Да что же он делает!

Разворот. Пике. Ящик, закрылки! Ящик, тормоза! Ящик, шасси... отставить шасси.

Ушли.

Дистанция — 6000... 10 000... 15 000... ушли, сволочи! Тоже, конечно, хлопнется, но далеко. Можно попробовать догнать на земле — но транспорты будут на месте раньше.

Ящик, приготовиться к катапультированию... высота 5000... 4000... Геббельс, ты готов? Эй, отзовись! Геббельс, мать твою! Ящик, фонарь долой! Ящик, катапультировать оператора!

Паффф!

Сто лет не дышал земным воздухом. Неочищенным, злым, ревушим и бьющим в затылок.

— Ящик, падение на вражеской территории. Самоликвидаторы активировать. Катапультировать пилота! ...и прощай.

Снизу бегают то ли кони, то ли овцы, костер горит, юрта стоит. Вот живут люди, а! И никакие принцессы от них не бегут. Попросить, что ли, политического убежища?

Хлоп! Земля больно бьет по ногам, по бокам, хочет добавить по морде, но я уворачиваюсь. Ко мне уже скачет доблестный воин Алтын Хуяк в блестящем доспехе... ах, пардон, это у него телогрейка такая, а блестит, скорее всего, от жира — правильно, не об собаку же вытирать руки после еды?

Где там мой пакет с золотом и надписями на девятнадцати языках?

Бар был мерзким, мелким и маленьким. И пиво в нем было мерзким. И рожа у бармена была мерзкая, а кроме того, он постукивал в безопасность. Кто о чем болтает, кто с кем и по сколько пьет. Но других баров не было, а этот был.

Обмывали мою Большую Бляху — на грудь, и бляхочку — на погоны. Коллеги смотрели завистливо. Пытались намеками разузнать — за что? — однако вместе с бляхой мне вручили еще две подписки. Одну, естественно, насчет вылета. Вторую — насчет первой. В обоих случаях грозились высшей мерой и наездом на родственников. Прямо об этом, конечно, не говорилось — но гебист намекнул.

Сволочь. Крутом одни сволочи.

В дальнем углу тихо веселилась еще компания. Замкнуто веселилась, невесело.

Я совершенно не удивился, когда из нее выбрался Геббельс и издалека кивнул — подойди, мол.

Ну, подошел.

Даже после двухнедельного курса реабилитации его морда была помятой, и двигался парень тоже как-то не так. Что он там спрашивал насчет профессиональных болячек? Теперь может прочувствовать на своей шкуре. Суставы ломит? Головка болит? Позвоночник хрустит?

А что ты хотел. Это ж двадцатка, не хрен собачий. Некоторые и на восьмерке дуба дают.

За все это время о нашей милой и популярной принцесске ТВ не сказало ни слова.

Говорят, у тех, кто вместе побывал под сильной опасностью, возникает чувство родства. Врут, сволочи. Даже разговор не клеится.

— Говорят, бляху получил?

— Ага, получил.

— Я тоже...

— Ну поздравляю.

М-да... дядьке бы микрофон в руки — он бы заговорил.

— А чем кончилось-то, не расскажешь? Поймали?

Пропагандист посмотрел сначала на бармена, потом на меня.

— А как же. Все о'кей. Парень, говорят, сопротивляться пытался — так его при попытке к бегству... того. Оказался знаешь кем? О, ты не поверишь!

Глаза агитатора загорелись, и речь вдруг стала гладкой, как на пятнадцатиминутке ненависти... пардон, новостей.

Однако диктору в телевизоре ответить нельзя. Так что у меня была уникальная возможность.

И как вы думаете, что я ему сказал?

— Геббельс, заткнись!

РОБИНЗОНЫ МАРСА

*Советской научной фантастике
посвящаетс*

Рвария произошла в полночь по корабельному времени. Теория вероятности только бессильно скрипнула зубами. Предположить такое не смогла даже она. Микрометеорит угодил точнехонько в блок управления и связи. А поскольку «за-летный» гость, как потом выяснил бортинженер Писарев, оказался из чистейшего железа, то, застряв среди электронных плат бортового компа, он, естественно, их замкнул. На себя. В результате выгорела большая часть электронной начинки, включая передатчик.

То есть приемная часть блока связи уцелела, а вот передающая превратилась в единый, мерзко пахнущий жженым пластиком монолит.

Пробоину внешнего корпуса АСУП¹ залатала за считанные секунды, выпустив щедрую дозу герметика, мгновенно превратившегося в условиях вакуума в металлокерамическую пробку. К сожалению, деталей для замены такого количества спекшихся плат на борту предусмотрено не было.

— Трындец! — резюмировал бортинженер, вскрыв кожух управляющего блока. — Большой трындец, — добавил он, заглянув внутрь блока связи.

— Что, так плохо? — поинтересовался Малеев, капитан корабля.

— Это зависит от точки зрения. Мы живы — это хорошо. Наш «Гагарин» стал орлом — это плохо...

¹ Автоматическая система устранения повреждений.

— Может, пояснишь? — хмуро предложил Буровский, совмещавший в экипаже «Гагарина» обязанности врача, химика и биолога.

— А чего тут понимать? Орел — птица гордая, летит куда хочет, а не куда надо. Управлять кораблем можно теперь только в ручном режиме, а значит — никак. Помощи ждать неоткуда, потому как сообщить об аварии мы не можем. Все. — Бортинженер снова развел руками.

— Значит, мы летим в никуда? Экспедиция провалилась, едва начавшись? — В голосе врача проскользнула истерическая нотка.

— Никто никуда не провалился, — жестко отчеканил Малеев. — Корабль цел. Мы — тоже. Остальная аппаратура — в порядке, включая двигательную установку.

— И что? — не унимался Буровский. — Сейчас ты сядешь за штурвал и в два счета посадишь эту «консервную банку» на Марс?

— Ну, во-первых, до Марса нам в этой... «банке» лететь еще недели три. А во-вторых, если понадобится, сядем и в ручном режиме. На Земле отработывалась подобная ситуация, — сказал Малеев, не моргнув глазом, хотя это и было заведомой ложью. Никакой «подобной» ситуации никто не опробовал, но, как известно, попытка не пытка.

— Да как же ты не поймешь, что все это стало бессмысленным! И экспедиция, и корабль, и мы!.. — Буровский почти сорвался на крик.

— А ну, прекрати истерику! — рявкнул, не сдержавшись, Малеев. — Ты сейчас же отправишься в медблок, проведешь там ревизию препаратов и проверку оборудования. Это приказ!

Буровский после окрика сник, втянул голову в плечи и, вяло оттолкнувшись от переборки, поплыл в дальний конец «кают-компаний», как окрестили космонавты основной жилой объем корабля.

— Надо бы его чем-то занять надолго, — покачал головой Писарев. — Не ожидал, если честно, от Олега.

— Я тоже, — мрачно откликнулся Малеев. — Ты бы, Витя, поковырялся тут получше, — кивнул он на пострадавший блок связи, — вдруг получится оживить.

— Нет, Андрюха, там действительно трындец полный. — Писарев вздохнул. — А вот если попробовать покопаться в научной аппаратуре, может, и найдутся нужные детали...

* * *

Экспедицию «Марс-2036» готовили несколько лет лучшие умы и институты страны после триумфального завершения проекта «Марс-Астер» в 2020-м, благодаря чему была сделана серия важных открытий, касающихся особенностей климата и сезонов года, а также состава грунта экваториальной зоны. Вода, найденная КА «Феникс» в 2011 году на северном полюсе Красной планеты, оказалась еще более распространенным соединением, чем предполагалось. Просто глубина залегания на экваторе была в два-три раза больше. Однако это являлось уже чисто технической и вполне решаемой проблемой.

Экспедицию готовили в рамках глобального проекта «Столетний корабль» — первичной колонизации Марса, участники которой имели «билет в один конец». За два года до старта «Гагарина», первого из двух кораблей-близнецов, застрельщиков будущего поселения на Красной планете, к Марсу улетели с разницей в три недели шесть автоматических транспортников, под завязку нагруженных оборудованием и продуктами для «марсиан».

Все шесть благополучно достигли намеченных зон посадки и включили радиомаяки. Транспортники посадили с таким расчетом, чтобы они образовали круг радиусом в полсотни километров, внутрь которого пред-

полагалось сажать корабли с людьми. Вслед за «Гагариным» должен был лететь американский «Колумб», но теперь, после случившегося, все могло измениться. Если русские не попадут на Марс, американцы со свойственной им привычкой перестраховываться везде и во всем, скорее всего, отменят полет «до выяснения», а то и вовсе свернут свою часть программы...

* * *

Прекрасно понимая последствия неудачной миссии «Гагарина», Малеев решил идти до конца, но в одиночку шансов выполнить задуманное не было. Бортинженер вроде бы согласился с решением командира, чего нельзя было сказать о враче.

Паника в открытом космосе — верная гибель, и Малеев поклялся себе не допустить даже малейших ее проявлений на корабле. Люди, занятые делом, тем более ответственным делом, забывают свои страхи и опасения. Поэтому первое, что сделал капитан, придумал каждому, в том числе и себе, сложное и важное задание.

Писарев теперь с утра до ночи увлеченно ковырялся в разобранных до последнего микрочипа приборах и агрегатах, не имеющих жизненно важного значения для полета и посадки корабля. Буровский, исполняя приказ командира проверить состояние медблока, обнаружил, что в комплект необходимых препаратов почему-то не включили специально разработанный для колонистов адаптивный биохимический комплекс (привет родному разгильдяйству!), и с энтузиазмом взялся за его создание в лаборатории. Сам же Малеев поставил себе задачу отработать до полного автоматизма на компьютерном имитаторе все возможные варианты ручной посадки «Гагарина».

В итоге оставшиеся три недели полета минули как один долгий день.

* * *

— Вот! — торжественно объявил Буровский, выплывая на середину «кают-компании» и демонстрируя флакон с опалесцирующей жидкостью.

— Что это? — поинтересовался Малеев, оторвавшись от дисплея, на котором медленно вспухал красно-коричневый шар планеты в бледно-желтом ореоле тонкой атмосферы.

— Мой «буравчик», — почти ласково произнес Олег. — Мощнейший биохимический комплекс для адаптации организма в крайне неблагоприятных условиях существования.

— Мда?.. И что же он может? — скептически хмыкнул Писарев, не отрываясь от монтажного стенда, где были закреплены несколько печатных плат, бывших некогда начинкой метеорологического исследовательского модуля.

— Да что угодно! Например, одна доза «буравчика» увеличивает на несколько часов скорость синтеза АТФ в клетках в десять раз и даже больше!

— И что мне это даст?

— Ты, Витя, всегда был человеком с ограниченным кругозором. Кроме своих «железок», ничем больше не интересуешься. А зря. — Буровский сокрушенно мотнул головой, забыв ухватиться за какую-нибудь опору. В результате его резко повело вперед и в сторону, и ученый совершил неуклюжий кувырок через левое плечо, стукнулся пятками о разобранную панель блока связи и, получив ощутимый импульс, полетел спиной вперед прямо на капитана. При этом драгоценный пузырек Олег успел сунуть за щеку, видимо, решив, что так безопаснее. Малеев принял «подачу» как заправский голкипер, но увидел перекошенную на сторону физиономию с круглыми от испуга глазами и расхохотался.

Писарев оглянулся на командира, не понял причины веселья, пожал плечами и снова взялся за манипулятор для микросборки.

— Так что ты говорил про свой препарат? — вымолвил наконец, отсмеявшись, Малеев.

Буровский вынул пузырек изо рта и перепрятал в нагрудный карман комбинезона.

— Он повышает адаптивные возможности организма: устойчивость к перепадам температур и давления, к недостатку кислорода и воды.

— Ну-ка поясни.

— Препарат, с одной стороны, усиливает тропность¹ тканей к кислороду, в результате чего при одном и том же парциальном давлении потребление его клетками мозга и мышц возрастает в разы...

— То есть можно будет дышать в бедной кислородом атмосфере?

— Ну да. — Буровский покосился на командира. — Это ведь может оказаться полезным на Марсе?

— Безусловно! — широко улыбнулся Малеев. — А что еще делает твой «буравчик»?

— Он ускоряет также реакции липолиза и цикла Кребса, которые дают организму воду и АТФ...

— То есть снабжают клетки дополнительным запасом энергии.

— Да...

— Отлично, Олег! Скоро твой «буравчик» может нам здорово пригодиться.

Малеев ободряюще пожал врачу руку. Буровский расцвел и заявил, что постарается приготовить побольше нового препарата до посадки. Когда он скрылся в лаборатории, капитан подплыл к бортиженеру, при этом на лице его не осталось и следа недавнего веселья.

— Что-нибудь получается, Витя?

---

¹ *Тропность* — избирательная чувствительность живой ткани к различным химическим и физическим факторам воздействия.

— Почти ничего, Андрюха. Из того, что есть, мощный передатчик не слепить...

— Но ты ведь явно что-то придумал? — Малеев пылливо посмотрел на друга.

— Да есть одна мыслишка... — Писарев поскреб нечесанные вихры. — Можно сварганить импульсник. Вернее, я его уже практически закончил.

— Понимаю. «Выстрелить» сразу целым пакетом информации?

— Ну, типа того. Только вот энергетическая накачка этого пакета спалит импульсник в уголь.

— То есть машинка одноразовая.

Писарев удрученно развел ручищами. Малеев в задумчивости потер колючий подбородок.

— Нужно составить текст послания так, чтобы даже сомнения ни у кого не возникло, что оно от нас. И что у нас все в порядке, поэтому миссия продолжается.

— А разве мы им не скажем правды?

— Нельзя, Витя. Распишемся в безысходности — пиши пропала вся затея. А с ней — и надежды человечества на обретение нового мира.

— Ладно. Не агитируй. Но скажи честно, каковы наши шансы?

— На успешную посадку — довольно большие, а дальше — не знаю. — Малеев вздохнул. — Выбора-то все равно нет...

— Пожалуй, ты прав, Андрюха. — Писарев задумчиво пожевал губами. — Чем черт не шутит: вдруг да доберемся до транспортников? У Робинзона на острове вообще ничего не было. А у нас, — он похлопал руками по панелям ближайших приборов, — вон какая роскошь и мощь! Вколем себе Олежкин «буравчик», станем суцперменами и — эге-гей, марсиане! Кто не спрятался, я не виноват.

— Ну, пошутили, и хватит, — осадил его Малеев. — Расклад, по моему разумению, такой. Садимся, определяем координаты ближайшего транспортника и не-

медленно выступаем. Один из нас несет необходимое оборудование, остальные — запас воды и пищи.

— Транспортники ведь разбросаны по кругу?

— Да, примерно в пятидесяти километрах друг от друга.

— А, ерунда! — повеселел Писарев. — Дойдем легко. На Марсе сила тяжести в два с половиной раза меньше, чем на Земле.

— Я бы не обольщался, — строго посмотрел на него Малеев. — Во-первых, у всех будет груз. Во-вторых, ходьба в скафандре даже при пониженной силе тяжести — удовольствие ниже среднего. В-третьих, транспортники сели в котловине — остатке древнего кратера, и идти придется, скорее всего, по каменистому бездорожью, а значит — очень внимательно смотреть при этом под ноги.

— Зачем?

— Затем, что оступитья и вывихнуть лодыжку или, того хуже, порвать скафандр будет равносильно смертному приговору.

Бортинженер крикнул, с силой потер заросшие щеки, потом спросил:

— А если мы не найдем в транспортнике запасов продовольствия? Вдруг там окажется только научная аппаратура?

— Не волнуйся, — хлопнул его по богатырскому плечу капитан. — В каждом, помимо специального груза, имеется жилой модуль, рассчитанный на четырех человек, месячный запас продуктов, робот-проходчик для бурения артезианской скважины и либо вездеход, либо энтомоптер как средство передвижения.

— Про энтомоптеры я знаю только в общих чертах. А почему нам их не показывали в Центре подготовки?

— Этот летательный аппарат разрабатывали специально для проекта «Столетний корабль». А не показывали по той же причине. Энтомоптер не способен летать в земных условиях. Он — что-то среднее между

стрекозой и вертолетом. Вмещает двух человек и до ста килограммов полезного груза. Дальность полета неограничена, поскольку питание идет как от солнечных батарей, так и от престоиновых генераторов¹. Энтомоптер имеет подъемный винт на электрической тяге, а также крылья, приводимые в движение искусственными мышцами, выращенными с помощью тканевого клонирования и подобными летательным мышцам стрекозы.

— Какой ты умный, Андрюха. — Писарев уважительно посмотрел на товарища, но в глубине глаз его при этом прыгали хитрые бесенята. — Как ты все помнишь? Тебе череп не жмет?

— В нашем деле, Витя, не бывает лишней или ненужной информации. — Малеев сделал вид, что не заметил подкола. — Так что заканчивай свой импульсник, а я составлю текст для передачи.

* * *

Спустя двенадцать часов троица будущих робинзонов снова собралась в «кают-компанию», и командир произнес короткую речь.

— Товарищи космонавты! Всего сутки отделяют нас от важнейшего момента в истории освоения Солнечной системы. Через двадцать четыре часа нога человека ступит на землю старшего брата Земли — планету Марс. И нога эта будет ногой кого-то из нас. Я, кстати, думал над этим и решил, что справедливо тянуть жребий, но... До того нужно еще благополучно посадить «Гагарин».

— Извини, командир, — перебил Писарев, — ты не оговорился? Корабль ведь посадить нельзя — только посадочный модуль...

---

¹ Престоиновые белки — группа пептидных полимеров, способных генерировать электрический потенциал под воздействием света, перепада температур и давления.

— Нет, Витя, не оговорился, — нахмурился Малеев. — Все три недели я провел на имитаторе. Блок управления сторел, поэтому ни о каком выходе на орбиту вокруг планеты не может быть и речи. У нас есть только одна попытка. Торможение в верхних слоях атмосферы, выход по пеленгу на котловину с транспортниками и, наконец, самое сложное — отстрел посадочной капсулы на высоте пяти-шести километров и не далее сотни километров от цели. Только в этом случае капсула сумеет достигнуть зоны транспортников. И предупреждаю сразу: посадка будет крайне жесткой.

— А что это значит? — насторожился Буровский.

— Береги зубы, — ухмыльнулся Писарев.

— Виктор прав, — кивнул Малеев. — Советую зажать в зубах что-нибудь из каучука или плотной резины. Амортизаторы кресел не смогут погасить полностью вибрацию при торможении в атмосфере. В общем, если приземлимся без потерь, считайте, что половина дела сделана. А сейчас включаем обратный отсчет и приступаем к подготовке посадки. Все необходимое и наиболее ценное переносим в посадочный модуль. Олег, отвечаешь за аптечки и провизию. Витя, на тебе ремкомплекты, навигация и связь. Я займусь тестированием аппаратуры модуля.

* * *

Встреча с атмосферой была жесткой. Малеев все же немного просчитался с углом входа, и «Гагарин» буквально забился в конвульсиях. Но командир смог выправить траекторию, виртуозно отработывая боковыми и основным двигателями. Корабль несся над ржаво-бурой поверхностью планеты, ощутимо теряя скорость и быстро разогреваясь. Все иллюминаторы и смотровые колодцы были предусмотрительно закрыты бронешитками, и Малеев ориентировался только на показания локаторов. Компьютер на экране перед крес-

дом пилота моделировал 3D-схему поверхности, одновременно показывая положение «Гагарина» над ней в виде жирной красной точки.

— Похоже на старинную компьютерную игросимулятор, — проговорил Писарев, сидевший в своем кресле бортинженера позади и справа от командира.

— А это, Витя, и есть — игра, — бросил через плечо Малеев. — Только в ней — один уровень, и в случае неудачи — «game over».

Корабль сменил конвульсии на крупную дрожь. В кабине появился новый, тихий и в то же время неприятный звук. Вой. На очень высокой ноте, от которой у космонавтов занули сначала зубы, а потом и кости отозвались противной мерцающей болью.

— Вот же пакость! — злобно процедил Писарев. — Хоть на стену лезь!

— Держитесь, ребята, — прохрипел Малеев, — еще полвитка и выйдем на курс...

В ту же секунду «Гагарин» резко подпрыгнул, будто получил пинок под брюхо, и стал ощутимо заваливаться влево. По включенному интеркому было слышно, как глухо вскрикнул и зашипел, матерясь, Буровский, сидевший позади всех.

— Что там у тебя, Олег? — спросил Малеев.

— С-с-с-с... Язык прикусил!.. Чтоб ему...

— Кому? Языку?! — хихикнул Писарев.

— Ох!.. Не смешно. У меня крови полный рот...

— А ты спиртиком, спиртиком... Набери в рот и не глотай.

— Умник!..

— Отставить! — оборвал их пикировку командир.

Медленно, будто с неохотой «Гагарин» выровнялся. На некоторое время в корабле установилась тишина, если таковой можно назвать все нарастающий вой полам со скрежетом внешней брони, испытывающей тепловые деформации. Потом раздался гонг, и следом

в рубку полился долгожданный прерывистый писк радиомаяка.

— Урра! — первым рявкнул бортинженер. — Есть пеленг!

— До цели — меньше пятисот километров, — заговорил капитан. — Высота — двенадцать, скорость — три Маха. Через минуту включаю тормозную систему!..

— Олежек, береги зубы! — весело напомнил Писарев и сам закусил загубник кислородного аппарата.

Малеев сделал то же самое. Чуть подождал и потянул на себя большую красную рукоять. Раздался низкий, мощный рев — это заработал носовой твердотопливный двигатель. Значение линейной скорости на дисплее стало уменьшаться все быстрее и быстрее: 900 метров в секунду, 850, 800, 700... Одновременно ожил и альтиметр.

— Высота — одиннадцать тысяч... десять тысяч... девять... — монотонно считывал его показания Малеев.

Когда скорость упала до трехсот метров в секунду и альтиметр выдал цифру «4600», на пульте вспыхнул и замигал оранжевый маячок.

— Все, братцы, — внезапно севшим голосом произнес командир. — Высота принятия решения, как говорят пилоты.

— А чего тут принимать? — откликнулся Писарев. — Не обратно же в космос лететь.

— Внимание! Отстрел посадочного модуля!..

* * *

Они не долетели до расчетной точки — края котловины — километров пятьдесят. Но им повезло. Модуль упал на песчаную равнину, подходившую с запада к обширной котловине, где и находились транспортники с оборудованием и припасами. Посадка действительно была очень жесткой, и если бы вместо песчаных дюн их встретил какой-нибудь привычный для Марса кратер,

по выражению Писарева, «отскребать от скал было бы некого».

Модуль глубоко зарылся в склон огромной, высотой в несколько десятков метров буро-черной дюны. Но, к счастью, модуль имел два люка, и второй, кормовой, остался над песком. Через него-то и выбрались новоявленные робинзоны, едва придя в себя и обработав многочисленные ссадины и ушибы. Больше всего, по злой иронии, досталось Буровскому. Кровотечение из прокушенного языка остановилось, но сам язык распух настолько, что едва помещался во рту бедного врача. Говорить внятно Олег не мог, а жестикулировать в скафандре оказалось довольно сложным и малоэффективным делом.

— Пойдешь за Писаревым, — решил Малеев. — Я — замыкающий.

Космонавты нагрузились контейнерами с пищей и водой, а бортинженер — еще и ремкомплектами, портативными наборами для мелкого ремонта оборудования скафандров. Хотя, конечно, каждый понимал: случись что серьезное, типа разрушения внешней оболочки — ничего сделать не успеешь.

Скафандры, правда, вселяли определенную надежду. Весь проект «Столетний корабль» комплектовался продвинутыми версиями знаменитого прототипа 2010 года BioSuit профессоров Массачусетского технологического института Дэйвы Ньюмен и Джеффри Хоффмана — NH-103M, или «ньюхофами», как их тут же окрестили космонавты. По сравнению с первой моделью новые скафандры дополнительно имели экзоскелет, значительно повышавший «живучесть» и оболочки, и ее носителя. Кроме того, «ньюхофы» оснастили чем-то вроде искусственного интеллекта. Во всяком случае, этот искин успешно следил за целостностью скафандра и всеми основными физиологическими параметрами космонавта — температурой, кровяным давлением, дыханием, концентрацией молочной кислоты в мышцах,

а также уровнем некоторых важных гормонов в крови. Искин вовремя напоминал своему хозяину о необходимости приема воды и пищи, предлагал передышку при интенсивной физической нагрузке или более длительный отдых — сон.

Маленький отряд выступил в поход, когда солнечный диск повис у них почти точно над головами. Идти было трудновато, несмотря на помощь экзоскелетов. Песок дюн был крупнозернистым, поэтому не уплотнялся, когда на него наступали, а расплескивался из-под подошв сапог, создавая маленькие кольцевые «цунями», разбегающиеся от ног идущих людей.

Писарев первым обратил внимание на столь необычное явление, но Буровский пренебрежительно сказал:

— Это сальтация. Песчинки кремнезема очень сухие и вследствие трения друг о друга приобретают статический одноименный заряд. Взаимное отталкивание заряженных частиц и приводит к такой картине, будто песчинки «прыгают» вверх и в стороны.

До первого привала дошли без приключений. Собственно, отдыхать никто не хотел, но на остановке настоял Малеев.

— Надо периодически осматривать друг друга и груз. Мы не знаем, насколько прочны и надежны «нюхофы» в реальных условиях.

Но его опасения, к счастью, не оправдались. Скафандры были в целости и сохранности, как и контейнеры с водой и пищей. Престиновые наплечники придавали фигурам робинзонов гротескно бравый вид, делая похожими на героев-первопроходцев из фантастических сериалов. Эти мини-электростанции полностью обеспечивали энергией все оборудование скафандров и потребности их искинов.

— Отличное изобретение! — Писарев удовлетворенно похлопал себя по плечам.

— Ничего хорошего не вижу, — сварливо возразил Буровский. — Все работает, пока солнце есть. А что если пыльная буря накроет?

Бортинженер pokrutil головой, оглядывая близкий горизонт.

— Никаких признаков перемены погоды не вижу. Да и мой искин, — он ткнул толстым пальцем перчатки в диалоговую панель на левом предплечье, — сообщает, что в ближайшие часы погода не изменится.

— В ближайшие часы наступит ночь, — вмешался в их разговор Малеев. — Так что все споры оставьте до лучших времен. А сейчас сосредоточьтесь на походе. Витя, вперед!..

* * *

Второй привал они сделали после того, как уверовавший в надежность скафандра Буровский беспечно шагнул на склон очередной дюны, наступив на большой плоский камень. Тот неожиданно легко стронулся с места и буквально поплыл по песку вниз, наращивая скорость. Незадачливый ученый инстинктивно попытался удержать равновесие и встал на камень второй ногой. В результате скорость спуска возросла, и все стало сильно напоминать сноубординг, с той лишь разницей, что происходило на Марсе, а неудачное его завершение грозило вылиться в серьезные неприятности и для Буровского, и для его товарищей.

Более того, спуск Олега привел в движение весь склон дюны. Огромная масса черно-синего, базальтового песка дрогнула и поползла вперед и вниз, то и дело «вскипая» — эффект сальтации не замедлил сказаться и тут.

Малеев успел схватить бортинженера за ранец, иначе Писарева унесло бы песчаным потоком. Вдвоем они напряженно наблюдали за сумасшедшим «сноубордингом» Буровского. Олег вовремя сообразил, что соскаки-

вать с камня не надо — движущаяся следом гигантская масса песка непременно поглотила бы его, и шансов у товарищей откопать потом ученого без специального оборудования наверняка не будет. Однако склон дюны закончился, и «сноуборд» остановился. И вот тут Буровский совершил ошибку. Ему надо было рвануть что есть сил дальше, уходя из-под надвигающейся лавины, а он вместо этого бросился в сторону, к невысокому останцу, надеясь пересидеть на нем песчаный поток.

— Олег, не туда! — в отчаянии крикнул Малеев по рации, но было поздно. Песчаная «река» захлестнула ноги ученого сначала по щиколотку. Буровский, используя силу экзоскелета, еще сумел сделать несколько шагов, выдергивая ступни из цепкой хватки, но песок быстро прибывал. Очередной кипящий «бурун» погрузил в себя космонавта сразу по колени. Олег не удержался и упал на бок. Тут же следующая «волна» накрыла его с головой.

— Азимут засек? — хриплым от волнения голосом спросил Малеев.

— Засек, — подтвердил Писарев.

— Тогда пошли. Не ровен час, песок воздуховод повредит или, того хуже, престиновые блоки.

Они осторожно ступили на успокоившийся склон. Однако оставшийся песок оказался достаточно плотным, так что даже привычных «мини-цунами» не образовывалось под ногами. Космонавты быстро добрались до места, где засыпало их товарища, но копать текучий грунт было нечем, только руками, и раскопки затянулись почти на час. Вдобавок выяснилось, что бортинженер не очень точно засек место, и в результате Буровского откопали метрах в трех правее от намеченного и на глубине почти двух метров!

Дополнительную тревогу вызвало и то, что Олег не отвечал на запросы. И лишь когда его извлекли на поверхность, поняли, в чем дело. Причиной нарушения

связи стали все те же электростатические заряды, экранировавшие ультракороткие радиоволны.

— Ну и как тебе скоростной спуск, Олежек? — ехидно поинтересовался Писарев, едва все трое уселись на краю разрытого котлована перевести дух.

— А ты сам попробуй! — привычно огрызнулся Буровский, занятый работой с диалоговой панелью искина.

— С «нюхофом» все в порядке? — спросил Малеев, оглядывая престиновые блоки на его плечах. — Внешних повреждений вроде бы не видно.

— Небольшой перерасход энергии на отопительном контуре. — Олег считал результаты проверки. — Знаешь, командир, там было жутко холодно, — добавил он, невольно поежившись. — Термодатчики выдали аж минус сто семьдесят градусов.

— Странно. А на поверхности песка — плюс пятнадцать... — сказал Писарев.

— Ладно. Не до феномена сейчас. — Малеев посмотрел на заметно снизившееся к горизонту солнце. — Надо бы к ночи добраться до края котловины.

— Почему?

— Там на склонах наверняка есть какие-нибудь полости и пещеры. А я бы не хотел встретиться с песчаной или пылевой бурей на равнине.

— Может, никакой бури и не будет?

— Будет, Витя. Обязательно. Они почти всегда идут за линией терминатора. Сверхсухой и разреженный воздух очень быстро остывает. А это вызывает значительный перепад давления...

* * *

Они не успели совсем чуть-чуть. Ветер поднялся внезапно и сразу достиг ураганной силы. Людям пришлось повернуться к фронту спинами, и в результате спасительный край котловины оказался сбоку.

— Двигаемся крутым бакштагом! — прокричал Малеев, поскольку вой ветра проник под шлем и заглушал любые другие звуки.

— Это как? — будто издали донесся голос Буровского.

— А! — махнул капитан рукой. — Делай как я!..

И он двинулся в сторону котловины по-крабьи — раскорячившись, приставным шагом, подставляя напору ветра левый бок и спину. Писарев последовал за ним, демонстрируя хорошую сноровку бывшего яхтсмена, чего нельзя было сказать о Буровском. Едва ученый попытался повторить движение товарищей, как яростный порыв ветра сбил его с ног и покатило по грунту, впрочем, в нужном направлении.

— Олег! Якорь! — заорал, надсаживаясь, Малеев, забыв, что разговор ведется по радио.

Буровский неуклюже взмахнул левой рукой, но выброшенная «кошка» вместо того, чтобы воткнуться в почву, зацепилась за ногу бортинженера. Последовавший рывок свалил Писарева, и теперь уже двое робинзонов кувыркались в клубах песка и пыли, стремительно приближаясь к краю котловины. К тому же ноги бортинженера оказались спутанными тросом якоря.

Положение стало критическим, но капитан не растерялся. Он моментально изменил угол движения и почти выпрямился, позволив ветру взять на себя большую часть своего веса. В следующий миг Малеев уже несся к краю котловины длинными пологими скачками, быстро нагоня товарищей.

Он успел настигнуть их, когда до опасного среза оставалось не более десятка метров. Тогда капитан резко присел, ухватил обоих робинзонов за ноги и тут же сам ничком распластался на грунте, исполнив роль якоря. Всех троих протащило еще пять-шесть метров, и наконец ветер отпустил свои жертвы.

Ползком, по-пластунски, космонавты добрались до спасительного края равнины и укрылись за его базаль-

товым гребнем. Немного отдышавшись, Писарев сказал:

— Чтобы я еще раз когда-нибудь куда-нибудь зачем-нибудь...

— А тебе и не придется, — злорадно откликнулся Буровский.

— И не надоело вам? — сердито поинтересовался Малеев. — Лучше спустимся пониже и поищем пещеру или хотя бы нишу.

* * *

Пещера отыскалась через полчаса. Почти круглая, с удивительно гладким полом и низким, ноздреватым потолком. Быстро осмотрев друг друга, робинзоны выключили фонари из соображений экономии энергии. Все же успели выяснить две неприятные вещи. У Буровского сорвало с плеча одну из престиновых пластин, а Писарев потерял два из трех ремкомплектов для скафандров.

— Н-да, — невесело произнес Малеев, — если так дальше пойдет, мы до транспортника не доберемся. Олег, советую тебе отключить все системы «нюхохофа», кроме отопительной, не то околеешь до утра.

— А когда оно наступит? Утро-то?.. — сварливо пробурчал ученый.

— Ну, если учесть, что сутки на Марсе почти равны земным и что мы с вами находимся недалеко от экватора, то примерно через десять часов начнется восход.

— И чем это нам грозит?

— Ты имеешь в виду утренний «бриз»? — съехидничал Писарев.

— Думаю, утром бури не будет, — примирительно сказал капитан. — Солнце греет слабо, а песок и камни за ночь остынут сильно и не дадут воздуху быстро нагреться. Так что будет действительно что-то типа легкого бриза.

— Сколько нам осталось пройти? — уже спокойно поинтересовался Буровский.

— Судя по пеленгу, около двадцати километров.

— Немного...

— Дойдем, Андрюха! — бодро заявил Писарев.

— Я тоже так думаю, Витя, — согласился Малеев. — А сейчас предлагаю быстро перекусить и спать. Так мы и отдохнем, и ресурсы «ньюхофов» сэкономим.

Возражений от команды не последовало, и вскоре пещера погрузилась во мрак — не светились даже наружные индикаторы скафандров, все было отключено.

* * *

Утром выяснилось, что поднятая бурей пыль до сих пор носится в воздухе, хотя ветер действительно сильно ослабел. Маленькое солнце с трудом пробивалось сквозь рыжеватую пелену, заполнившую котловину. Эта пыль, видимо, содержала значительное количество соединений железа, потому что сигнал радиомаяка то и дело пропадал, а пару раз в течение часа, пока робинзоны готовились к походу, возникало что-то вроде радиоза — сигнал вдруг приходил с совершенно другой стороны.

— Черт! И как же мы найдем транспортник при таком неверном пеленге? — негодовал Писарев. — Здесь же ошибиться на несколько километров — дважды два!

— А никто и не говорил, что будет легко! — У Буровского было скверное настроение, и он его не скрывал. За ночь энергозапас в батареях снизился больше чем наполовину, несмотря на экономию, а уцелевший пре-стиновый блок при таком скудном освещении вряд ли сможет восполнить потерю.

— У тебя есть запасной энергоблок? — спросил Малеев у бортиженера.

— Есть. А что толку? У Олежки блок «с мясом» вырвало, вместе с посадочным гнездом. А его-то в запасе как раз нет. — Писарев вздохнул. — У меня есть еще две аварийные батареи, их можно подключить через разъем диалоговой панели. Но во-первых, каждой хватит часа на два-три, не больше. А во-вторых, батарею Олегу придется нести в руке, поскольку закрепить ее негде.

— Ладно, — подумав, решил капитан. — Оставим батареи на крайний случай. А сейчас выходим. Нет смысла ждать, пока пыль осядет. Она тут может неделями висеть...

Двинулись в прежнем порядке и вскоре поняли, что идти по иссеченной трещинами и усыпанной острыми камнями местности не в пример труднее и опаснее, чем по песчаной равнине. Скорость движения упала до одного-двух километров в час. Приходилось очень внимательно глядеть под ноги, чтобы предательский камень не выскочил из-под сапога. Вывихнуть лодыжку или, оступившись, упасть и пропороть скафандр стало реальной угрозой.

А через пару часов робинзоны достигли каменного лабиринта. Перед ними расстилалось необозримое в пылевой завесе поле, заваленное крупными черными базальтовыми глыбами. Они не были высокими, в основном по пояс или по грудь человеку, но между ними были довольно широкие проходы, исключаящие предложение Писарева.

— Можно попробовать прыгать по ним, — заявил бортинженер, взобравшись на ближайший валун. — Два-три метра в здешних условиях — пустяк.

— Ну да, — с сомнением произнес Малеев, влезший на соседний камень. — Видимость очень плохая. Если не рассчитаешь толчок и промахнешься, я тебе не завидую. И потом, вместе с «ньюхофом» и прочим снаряжением ты даже здесь весишь не намного меньше, чем сам на Земле. Вот и прикинь, далеко ли сможешь ускакать?

— Но, войдя в этот лабиринт, мы рискуем вовсе не дойти до транспортника, — сказал Буровский.

— Из двух зол всегда выбирают меньшее, — ответил ему капитан. — Будем периодически взбираться на валуны и корректировать направление.

Проход по лабиринту оказался самым тяжелым. Где-то на середине перехода у Буровского сдох престижный блок. Писарев подключил ему первую из двух запасных аварийных батарей, но пришлось забрать у Олега контейнер с водой, потому что нести батарею можно было только второй рукой, к тому же следя за тем, чтобы короткий провод не натягивался. Обрыв его означал бы для ученого почти верную смерть, ведь замены проводу не было. Каждые двадцать минут группа останавливалась, то Малеев, то Писарев взбирались с навигатором на ближайший камень и засекали новый азимут.

Несколько раз робинзоны заходили в тупики. Приходилось возвращаться и искать другой путь. Уже дважды люди после посадки вкалывали друг другу «буравчик» Буровского. Препарат действительно оказывал волшебное воздействие на организм, значительно повышая общий тонус и снимая усталость и напряжение. Но уже после первого раза открылся неприятный побочный эффект «буравчика». Он был очень похож на последствие обычного психостимулятора — резкий упадок сил, сонливость и рассеянность. Правда, в отличие от наркотика, все эти ощущения исчезали, стоило выпить несколько глотков сахарного сиропа. Олег объяснил эффект «отката» временным истощением ферментных систем цикла Кребса, на которые падала основная нагрузка по снабжению энергией тела и мозга.

А уже буквально на выходе из лабиринта Писарев все же сорвался с валуна. Ни он, ни остальные так и не поняли, что послужило причиной падения. Просто бортинженер после засечки азимута повернулся, что-

бы спрыгнуть обратно, и вдруг стал заваливаться вбок. Как и все движения на Марсе, это тоже происходило несколько медленнее, чем на Земле. Однако Виктор почему-то даже не попытался извернуться и восстановить равновесие, а так и рухнул с полуметровой высоты боком прямо на острый выступ соседнего камня.

Ткань «нюхофа» выдержала, но не выдержал, как оказалось, один из магистральных каналов системы обогрева. Бортинженер почувствовал сбой не сразу, поскольку теплоизоляция скафандра не пострадала.

— Слушай, Андрюха, — неожиданно раздалось в наушнике у капитана, — я, кажется, замерзаю.

— Повтори. Не понял, — насторожился Малеев.

— Говорю тебе, правая нога мерзнет!

— Не может быть!.. А что искин?

— Молчит, зараза!

— А тебе это не кажется? Может, еще один побочный эффект «буравчика»?

— То есть вы хотите сказать, — немедленно окрысился Буровский, — что мой препарат каким-то образом вмешивается в регуляцию сосудистого тонуса?

— Ну да. А что нам еще думать?

— Так. Стоп движение! — Малеев быстро догнал Писарева и Буровского, шедших друг за другом на расстоянии нескольких шагов. — Витя, немедленно запусти своего искина в тестовый режим. Мы подождем.

Две минуты прошли в тягостном молчании. Наконец бортинженер взглянул на диалоговую панель и... расхохотался.

— Ты чего?! — дружно воззрились на него остальные.

— Ребята, а у меня нету правой ноги! — с трудом вымолвил Писарев.

— Как это?! — возмутился Малеев, схватил его за руку и уставился на панель. Через секунду глаза его полезли на лоб. На диалоговом экране зеленовато све-

тилась схематическая фигура человека... без правой ноги. — Ерунда какая-то!

Буровский тоже посмотрел на экран.

— А что тут удивительного? Отрубились датчики в этой части «нюхофа»... Ну, или канал связи с ними искина.

— Нога-то замерзает конкретно, — посерьезнел Писарев.

— Похоже, ты что-то перебил, повредил внутри своим падением, — подытожил Малеев.

— Мда, скверно, — согласился Буровский.

— Трындец? — неуверенно уточнил бортинженер.

Воцарилось молчание.

— Вот смотри, — заговорил наконец Малеев. — До транспортника осталось километра четыре. Это в лучшем случае — часа полтора. Далее, распаковка и активация контейнеров — еще полчаса. Установка временного жилого купола — еще три-четыре. Итого — шесть. Как думаешь, ты протянешь шесть часов с отмороженной ногой?

— Вряд ли, — мрачно откликнулся Писарев.

— Значит, нужно каким-то образом не дать твоей ноге отмерзнуть.

— И как это сделать?

— Нужно чем-то расширить сосуды и обеспечить повышенный приток крови, — пояснил Буровский.

— А у тебя есть такой препарат, Олежек?

— Нет, Витя, но он есть в нашем НЗ! — Буровский вдруг хихикнул. — Командир, найдите в контейнере пищевую тубу номер тринадцать.

Заинтригованный Малеев вскрыл контейнер и, покопавшись, извлек толстую серебристую «колбаску» с ярко-красной цифрой «13» на боку. Буровский принял у него тубу, повернулся к бортинженеру.

— Я сейчас введу тебе через плече-шейное соединение «нюхофа» катетер. Он, конечно, тонковат, но другого ничего нет. Будешь пить через него.

— А чего пить-то? — насторожился Писарев.

— Тебе понравится, — загадочно пообещал Буровский, сидя на корточках, чтобы не оторвать батарею, и что-то делая с тубой. Наконец он поднялся. — Командир, подержите мою батарею.

Малеев молча исполнил просьбу. Олег между тем слегка расстегнул защитную «молнию» скафандра бортинженера возле шеи и ловко воткнул наконечник катетера в эластичную внутреннюю оболочку «нюхофа». Немного повозившись, он просунул катетер внутрь шлема.

— Захвати его ртом, — сказал Буровский улыбаясь, — и получай удовольствие!

Писарев недоверчиво ухватил зубами наконечник катетера и потянул в себя содержимое загадочной тубы номер тринадцать. Спустя несколько секунд широкое простоватое лицо бортинженера расцвело, рот растянулся до ушей, глаза подозрительно заблестели, и он принялся с энтузиазмом поглощать содержимое тубы.

— Что ты ему дал? — не выдержал Малеев.

— Лучшее средство от обморожения! — увильнул от ответа Буровский. — Ну как, Витек, порядок?

— Полный! — прорычал сквозь зубы Писарев. — Двигаем дальше!..

* * *

За последующие шесть с небольшим часов, пока добрались до транспортника, распаковали и установили жилой модуль, бортинженер высосал аж четыре тубы номер тринадцать, при этом он ни разу не подколот своего извечного оппонента, да и вообще больше помалкивал, бурча себе под нос какие-то замысловатые мотивчики.

Наконец, когда измученные, но довольные робинзоны все же забрались в модуль и сняли осточертевшие

«ньюхофы», Малеев вдруг замер, быстро подошел к Писареву и приказал:

— А ну-ка дыхни!

Бортинженер сделал невинное лицо.

— Андрюха, это ж лекарство! То, что доктор прописал. — Ткнул он пальцем в ухмыляющегося Буровского.

— Лекарство, говоришь? — багровея, прогудел Малеев. — Доктор прописал?! — Он упер пылающий взгляд в Олега. — Ах вы... алкаши несчастные! Сознавайтесь, чья идея была протащить на борт коньяк?

— Ну, моя... — тихо, потупившись, сказал Буровский. — Но ведь помогло же! Пригодилось...

— Я тебе дам «пригодилось»! — бушевал Малеев. — Что там было изначально, в этих ваших тубах?

— Компот из сухофруктов...

Капитан секунду ошалело смотрел на подчиненных, потом махнул рукой и расхохотался. За ним облегченно рассмеялись и они.

Правда, на следующий день Малеев все же назначил обоим «наряды вне очереди». Буровского отправил осваивать энтомоптер, а Писарева заставил срочно собирать и отлаживать радиостанцию. Нужно было как можно быстрее выходить на связь с Землей, ведь из запланированного графика радиосеансов они все-таки не выбились, а значит, и весь проект освоения Красной планеты по-прежнему оставался в силе.

МАРС ЖЕСТОК

События, на которых основан рассказ, реальны и произошли в 2031 году.

андра находилась во взлетно-посадочном модуле, когда бак с жидким водородом взорвался — расцвел белой огненной хризантемой в черноте космоса.

Мимо пролетели, бешено вращаясь, куски солнечной батареи. Чье-то тело без скафандра с силой ударилось об иллюминатор и исчезло в пустоте. Дональд, а может, Раджаван.

Межпланетный марсианский комплекс разваливался на глазах. Эфир наполнился голосами:

- Господи, Чен, ты видел это?
- Жилой модуль — потеря герметичности!
- Компрессоры не работают...
- Мы падаем... падаем!.. па...

Последовал еще взрыв — толчок — и голоса смолкли.

На мгновение Сандра увидела себя как бы со стороны. Она одна — в модуле. И модуль намертво состыкован с комплексом. Который вот-вот рухнет на планету. Это означало: гибель. Хуже: провал миссии.

Поколебавшись, она нажала кнопку расстыковки.

Потом она часто спрашивала себя: могла ли поступить иначе. И каждый раз отвечала: нет. Но легче не становилось.

Большой белый цилиндр «Дерзкого» с черной раной в боку медленно удалялся, словно давая возможность хорошенько запомнить себя. Потом он вошел в плот-

ные слои атмосферы, и его охватило пламя — последнее, что она увидела, прежде чем закрыла контейнер.

Она оставалась спокойной и собранной, потому что ее учили быть спокойной и собранной. В любой ситуации. Отключила весь свет, кроме аварийного, опустила шторку иллюминатора и начала торможение.

Заходить на посадку без точных расчетов — безумие. Если есть выбор. А если нет?

Когда топливо выгорело и произошел сброс тормозной двигательной установки, скорость падения все еще оставалась слишком высокой. Как ни разрежена атмосфера планеты, трение давало о себе знать. Из-за непрерывной вибрации приборы казались размазанными.

Тряхнуло. Сверху упал багровый отсвет — это оторвалась и исчезла крышка аэродинамического контейнера. Сандра даже не знала, так было запрограммировано или ее просто сорвало ветром. Шторку иллюминатора очертил багровый ореол бушующего пламени.

Почти сразу отстрелилось днище контейнера. Вибрация сменилась резкими толчками и раскачиванием. Послышались тяжелые удары, словно кто-то изо всей мочи колотил по обшивке кувалдой. Заработали посадочные двигатели. К толчкам, раскачиванию и вибрации добавилась тряска.

Отчаянно заверещал сигнал сближения с землей. Она инстинктивно вжалась в кресло, зажмурилась.

Удар! — и чернота.

В черноте слышались голоса, и одним из них был голос отца.

— Сколько раз говорил ей не лазить на чердак! Нет, она опять за свое. А тебе, мать, следовало бы лучше следить за дочерью. Вот она, твоя мягкость!

Это о ней, Сандре. Но что стряслось? Кажется, она опять откуда-то упала. Похоже, с чердака. Ну разве она

виновата, что мальчишкам во дворе вздумалось поиграть в скалолазов и кто-то наступил ей на руку?

Открыла глаза, ожидая увидеть обеспокоенное и чутьточку виноватое лицо мамы. Ничего. Только кровавая муть. То светлей, то темней... И — тошнота.

— Мама? — позвала она.

Тишина.

— Отец?

Тишина.

— Анна?

Прислушалась. Где-то гулко капала вода. Что-то тихонько поскрипывало. Больше никаких звуков.

— В прятки решили поиграть?

Тишина не ответила. Притаилась в красноватых углах, ждала, что Сандра будет делать дальше.

— Ну хорошо, — сказала она тишине. — Раз, два, три, четыре, пять, — она знала, что несет чушь, но не могла остановиться, — я иду искать!

Шевельнулась — и вскрикнула. Лодыжку — левую — пронзила острая боль. И тянущей болью отозвался левый бок. Как ни старалась, она не смогла сдержать слез. И хорошо, что не сдержала. Из ссадины на лбу на текла кровь, засохла на ресницах. Слезы размыли спекшуюся корочку, и сквозь кровавую муть проступили стенки и приборы взлетно-посадочного модуля. Мигала аварийная лампочка. Вспышка — темнота, вспышка — темнота...

Это не чердак, и она не маленькая девочка. Произошла катастрофа, все погибли, она одна чудом осталась жива.

Одна — на Марсе.

Сценарии полета предусматривали все, но не это. Гибель всего экипажа вместе с модулем — да. Но чтобы выжил кто-то один?!

Она попробовала шевельнуть ногой — та откликнулась привычной болью. Но теперь как бы немного приглушенной. Она почти не чувствовала ступню, да что там ступню! Онемение поднялось кверху, охватив голень и колено. Нога была как чужая. Чужая нога...

Она представила, что в суматохе ей по ошибке достались ноги Чена, и расхохоталась. Смеяться было больно, но она не могла остановиться. Достанься ей не ноги, а голова Чена, то непременно изрекла бы: «Типичное проявление психической дезадаптации».

Эта мысль вызвала новый взрыв смеха. Сандра хотала, наверно, минут пять, пока не обессилела. Пока смех не перешел в громкие, прерывистые всхлипы.

Тишина внимательно прислушивалась. Сейчас это было единственное, кроме Сандры, живое существо на корабле. По крайней мере, единственное, с кем можно поговорить.

— Но почему? — спросила Сандра. — Почему я? Почему это случилось со мной?

И тишина ответила. У нее был голос отца, и Сандра ничуть этому не удивилась.

— Потому что с тобой вечно что-нибудь случается.

Это была правда, нечего и спорить. Она никогда не спорила с отцом. Даже когда поступала вопреки ему. А вопреки она поступала всегда.

Удручающе монотонно мигала аварийная лампочка. Вспышка — темнота, вспышка — темнота...

— Связь, — вслух подумала Сандра, — нужна связь.

Связаться с орбитальным спутником-ретранслятором, сообщить о случившемся на Землю. И пусть они уже начинают ломать головы над тем, как вытащить меня отсюда...

Тишина ничего не ответила. Должно быть, ей тоже было любопытно, сумеет ли Сандра установить связь. Теперь в ней, пожалуй, было больше от матери. Теплое немое сочувствие, с каким мать всегда смотрела на нее

при отце. Теплое и немое. Немое... Иногда это так бесило Сандру. Даже больше, чем холодность отца!

Она нажала кнопку.

Радио не работало.

Когда командир группы Дональд Каллиган сообщил космонавту Сандре Дружковой, что ее отобрали в международный экипаж для полета на Марс, она встретила это известие с удивительным спокойствием. Для нее это было чем-то вроде покорения очередной вершины. Преодолением очередной слабости.

Она всегда считала себя слабой, нет, не физически — морально. И всегда преодолевала в себе эту слабость, словно что-то кому-то доказывала. В детстве она боялась высоты — и заставляла себя лазать по чердакам и крышам. В семнадцать стала мастером спорта и чемпионкой России по скалолазанию. В школе она слабо разбиралась в точных науках — и заставляла себя грызть гранит физики и математики. В двадцать три за плечами у нее были Бауманка, работа в конструкторском бюро и кандидатская.

Слабость привела ее в Центр подготовки космонавтов, а через год в группу подготовки к марсианской экспедиции. Окружающие не знали о ее слабости, а она никогда не забывала о ней. И никак не могла понять, почему другие не видят очевидного.

В тот день Сандра позвонила старшей сестре и попросила ее прилететь в Хьюстон.

— Что случилось? — В голосе Анны звучало беспокойство.

— Ничего, просто прилетай.

Они сидели в кафе Центра подготовки астронавтов, пили кофе и молчали. Сандра не знала, с чего начать.

Анна первая нарушила молчание.

— Что ты хотела мне сказать?

— Я лечу на Марс. Не хочу, чтобы родители знали...

Конечно, она понимала, что родителям все станет известно так или иначе. Она написала им письмо. Обычное письмо от руки на красивой почтовой бумаге.

«Дорогие мама и папа! Я лечу на Марс. Не волнуйтесь за меня...»

Вложила письмо в красивый голубой конверт и бросила в почтовый ящик в надежде, что они получают его уже после ее отлета.

Чего она боялась? Отцовского взгляда? Полного понимания... Но понимания не *ее самой*, а того, что *внутри нее*. Ее слабости.

Товарищей обмануть можно, отца и Марс — никогда.

Радио не работало. Шипело и трещало, но упорно не желало выдавать что-либо членораздельное. Напрасно она шарила по дециметровому и сантиметровому диапазонам. Отчаявшись поймать сигнал, выключила приемник. Прислушалась. Только сейчас обратила внимание на доносящийся снаружи словно бы рыдающий вой. Песчаная буря. Мириады песчинок ударялись об антенну, образуя статические заряды электричества... Никакой сигнал не пробьет такую подушку помех. На «марсианской» станции в Арктике они так же вот потеряли связь с базой, и не на один день — на неделю. Радиостанция исправна, а связи нет! Непрохождение радиоволн.

Над головой мигала аварийная лампочка. Вспышка — темнота, вспышка — темнота...

Неласково встречает Марс гостей. Так ведь он их не звал.

На минуту Сандрой овладело отчаяние. Столь внезапное и сильное, что она потеряла контроль над собой. Она колотила руками по приборной доске, плакала, что-то кричала. Кажется, она даже потрясала кулаками, выкрикивая то ли мольбы, то ли угрозы. Но наверху было

не небо, а обшивка модуля, и вряд ли боги Марса могли ее услышать.

Обессилев, она затихла. Истерика прошла так же быстро, как и началась.

В конце концов, в любой момент она может покинуть Марс — стартовать, израсходовав топливо, — и навсегда остаться на орбите. До следующей экспедиции...

Больше всего она боялась, что тишина заговорит с ней голосами мертвых.

Капли больше не падали, обшивка перестала поскрипывать. Заметно похолодало. Это напомнило о том, что температура снаружи может быть и минус пятьдесят, и минус сто.

Отопление, скорей всего, полетело. Конечно, можно попробовать отремонтировать его. Она вызвала в памяти схему отопительной системы: радиатор, насос, топливные элементы... Пророческие слова руководителя проекта Роберта Маккея: «На Марсе, парни, нужны не ученые, на Марсе нужны прежде всего ремонтники». Сандра тоже была «парнем», и ей это нравилось.

Привычные заботы бортинженера отвлекли от тяжелых мыслей. Стараясь не обращать внимания на боль, она отстегнула страховочные ремни, приподнялась. Опираясь на кресло, сделала воробыный шагжок. Лодыжка и ребра немедленно отозвались в том смысле, что лучше бы она этого не делала, но она велела им заткнуться.

По крайней мере, она способна передвигаться по модулю. Это уже что-то. Значит, сможет добраться до агрегатного отсека. И до блока очистки атмосферы. И, чего уж там, до холодильника. Взлетно-посадочный модуль рассчитан на тридцатидневное пребывание экипажа из четырех человек. Одна она протянет сто двадцать дней, а то и больше, значительно больше, при разумной экономии пищи и энергии.

Тридцать дней... Предполагалось, что за это время они расконсервируют марсоход, отыщут сброшенные ранее жилой и грузовой модули, запустят тягач и атомную электростанцию. Как было бы здорово, если бы товарищи оказались сейчас рядом. Дональд... Раджаван... Чен...

Понадобился почти час, чтобы добраться до агрегатного отсека и найти протечку. Работа продвигалась медленно. Приходилось делать короткие, но частые перерывы на отдых. Замерзшие пальцы плохо слушались. Из рта вырывались облачка пара. Интересно, сколько у нее времени, прежде чем она превратится в ледышку?.. Полночи ушло на устранение неполадки. Сандра вымоталась до предела.

Зато тишина больше не заговаривала с ней.

Поужинав мерзлым картофельным пюре — на то, чтобы разогреть его, не осталось сил, — она выключила свет и попыталась уснуть. Буря убаюкивала...

Ей снилась Арктика. Канадский остров Девон, кратер Хотон. Безотрадное место. Безжизненная красновато-коричневая равнина, неровные проплешины в сетке каменных россыпей, плоские холмы, покрытые льдом и снегом. Типично марсианский пейзаж. Поэтому там и был разбит тренировочный «марсианский» лагерь.

Сандра провела в нем два полевых сезона, и редко столбик термометра поднимался выше минус десяти. Один раз погода испортилась настолько, что они целый месяц не могли покинуть базовый лагерь и приступить к испытаниям. И это в июле! Зимой доходило до минус пятидесяти. Средняя температура на Марсе.

В октябре, когда сезон арктических тренировок закончился, Маккей собрал их в конференц-зале — всего шестнадцать человек: восемь марсонавтов и восемь дублеров — и сказал:

— Старт запланирован на февраль. Три месяца вы будете двигаться по спиральной траектории вокруг Земли, используя ее гравитацию для разгона. Потом — выход на гелиоцентрическую орбиту. Длительность полета составит полгода. Четверо из вас совершат посадку на Марс и проведут там шестнадцать месяцев. За это время вы должны построить базу, наладить производство метана и кислорода, подготовить все к прибытию следующей экспедиции. И помните: это лишь начальный этап проекта. Впереди — колонизация Марса.

Она пошевелилась. Нога и бок тут же напомнили о себе. Голова тошнотно кружится, в глазах кровавая муть... И во рту вкус мерзлого картофельного пюре. Пожалуй, следует почистить зубы, привести себя в порядок и заняться наконец своим здоровьем.

Так она и сделала.

Почистила зубы.

Привела себя в порядок.

Занялась здоровьем.

АДС¹ — умная штука, но она никогда не заменит врача. Не наложит шину, не сделает перевязку. Вот где понадобились бы умелые, чуткие руки Чена и его светлая голова!

С переломами малой берцовой и двух ребер все было ясно. Кое-как наложив лонгет на ногу и повязку на бок, Сандра постаралась тут же забыть о них. Хуже дело обстояло с головой и глазами. Сотрясение мозга. Подозрение на разрыв сетчатки. Прогноз был самый неутешительный. Спутанность сознания. Прогрессирующая слепота. Уже сейчас перед глазами сплошная кровавая муть, а что будет дальше?

---

¹ АДС — автоматизированная диагностическая система для предварительного анализа состояния здоровья космонавтов вне Земли.

Но больше всего Сандру беспокоили провалы в памяти. Взрыв водородного бака, падение... это она помнила. Как и все, что было до старта с Земли. А вот часы, предшествовавшие злосчастному взрыву... да что там часы! Месяцы, проведенные в космосе... совершенно вылетели из памяти. Это пугало.

Типичное проявление травматической амнезии, сказал бы Чен (он очень любил это словечко). Нет, он сказал бы по-другому: «Ничего страшного, космонавт Дружкова, типичное проявление травматической амнезии». Он был настоящий врач и такой трудяга... умница Чен!

Она взяла себя в руки. Что ж, если ей суждено стать Робинзоном, она им станет. В конце концов, они все были готовы к тому, что экспедиция на Марс — это путь в один конец.

И, кстати, трудового договора с космическим агентством никто не отменял. Она на Марсе, кое-какая научно-исследовательская аппаратура имеется. Так в чем же дело? Работай!

План был простой. Расконсервировать марсоход. Выбраться наружу, оглядеться. Попытаться найти грузовой модуль. Задействовать связное оборудование, отправить сообщение на Землю. А пока они готовят спасательную операцию, запустить атомную электростанцию и начать строить химический завод... На Земле, в тренировочном лагере, они отработали это в деталях. Понятно, Марс — не Земля, и все же...

«Ты проделывала это сто раз, дорогуша, — напомнила себе Сандра. — Отключи голову, руки сами вспомнят, что делать».

О том, что с ней будет, если грузового модуля не окажется на месте или она не сможет наладить связь, Сандра старалась не думать.

И потянулись долгие дни — или, как они называются на Марсе, *солы* — робинзонады. Она обшарила на марсоходе окрестности, сделав много полезных находок

и совершив много удивительных открытий. Грузовой модуль она не нашла. Зато нашла обломки «Дерзкого». Со складским модулем и кораблем возвращения. Они упали в двадцати километрах к северо-востоку. Огромный цилиндр, занесенный песком и снегом. Она с трудом, опираясь на складной стульчик, предусмотренный в марсианском скафандре для отдыха, пробралась внутрь. Там было темно, луч фонаря выхватывал из мрака обгорелые приборы. В проходе она увидела крошечную человеческую фигурку. Та лежала, скрючившись на полу, и глядела пустыми глазницами. Лицо человека было объедено. Кругом — множество следов какого-то животного. Так она узнала, что Марс обитаем.

Чен. Это был Чен.

Умница Чен. Бедняга Чен...

Она похоронила его в вечной мерзлоте.

Sit tibi Mars levis¹.

Она перетасила все, что только можно, в свой модуль. Не так уж и мало, как выяснилось. Теперь в ее распоряжении были: глубинный бур, химическая экспресс-лаборатория, мини-завод по производству кислорода и метана. Неторопливо — с чувством, с расстановкой — она приступила к постройке марсианской базы.

Пока она была занята работой, тишина не беспокоила. Помалкивала себе, прячась в дальних углах, и это было хорошо. Снова тишина заговорила на исходе месяца, когда Сандра окончательно поняла, что никто за ней не прилетит и ей суждено остаться на Марсе навсегда. Но теперь это был голос матери, тот самый, каким она когда-то отговаривала дочь от восхождения на Эверест.

— Какой смысл во всем этом, дочь?

---

¹ Пусть Марс тебе будет пухом. — *Лат.*

— Никакого, — соглашалась Сандра. — Никакого, если речь только обо мне. Но ведь речь не обо мне...

— О ком же? О ком еще может идти речь — для матери?

— Не знаю... я как-то не думала об этом. Речь о других. О тех, кто прилетит следом... через пятнадцать, тридцать лет...

— А ты? Что будет с тобой через пятнадцать лет? Уверена, что ты сможешь столько продержаться?

— Ну-у... если система жизнеобеспечения не подведет... что, конечно, маловероятно... Но, если она не подведет, то года три-четыре я протяну.

— А потом?

— Тихо умру от облучения.

Боги Марса услышали ее. Всю ночь она трудилась, устала до смерти, прилегла вздремнуть — и вдруг встрепенулась от внезапно наступившей тишины. Приподняла голову, удивленно прислушиваясь.

Завывания бури стихли, и впервые сквозь снежно-песчаную муть проглянуло солнце.

Ее буквально вынесло наружу. Марсоход шустро катил по льдисто-каменистому плато — навстречу солнцу. Блок стереоизображения, установленный на двухметровой мачте, давал панораму марсианского пейзажа. От которого дух захватывало. К тому времени Сандра уже почти не видела — стремительно развивалась слепота, — и все равно она знала, *чувствовала*, что Марс прекрасен. Бескрайние дюны. Прозрачные розоватые сумерки. Небо голубовато-фиолетовое по краям и красновато-розовое в зените...

— Боже, как красиво, — шептала она. — И этого еще никто, никто не видел. Ты первая!

Ради этого стоило умереть.

Чудеса случаются. Она вернулась с прогулки такой воодушевленной, что, казалось, одним взглядом могла заставить радио заговорить. И — радио заговорило. Стоило ей включить его, просто так, для пробы, как из динамиков полетели слова глупой милой песенки.

— Земля! Земля! — закричала она, боясь потерять сигнал. — Здесь станция «Марс-500». Вызывает марсонавт Сандра Дружкова. Кто-нибудь меня слышит?

Песенка смолкла, и на удивление чистый мужской голос сказал:

— Здесь арктическая база. Оператор Сикомора. Вас слышу.

Сандра едва сдерживала слезы.

— Станция «Марс-500» — арктической базе. Произошло крушение. Экипаж «Дерзкого» погиб... Дональд Смит... Раджаван Прабху... Чен Ли... Все погибли, кроме меня...

Она перешла на прием.

— Где вы находитесь, Сандра Дружкова?

— Я не знаю... где-то на Марсе.

— О'кей, — невозмутимо сказал оператор Сикомора, — даю пеленг. Вам нужна медицинская помощь?

— А вы как думаете? — Она нервно хихикнула. Потом тихо добавила: — Хотела бы я ее дождаться!

Она ее дождалась.

Через час на горизонте показался вертолет.

В кабинет вошел высокий худощавый мужчина. Он сильно сутулился и выглядел, пожалуй, старше своих пятидесяти двух. Войдя, он пригладил жесткий ежик седых волос.

— Мне сказали, вы нашли мою дочь?

Роберт Маккей указал на кресло, приглашая садиться. Мужчина остался стоять.

— Что с ней? — спросил он. — Она жива?

Это прозвучало так, словно он спросил: «Что вы с ней сделали? Что вы, мать вашу, сделали с моей девочкой?»

Маккей знал таких людей. Они относились к космическому агентству как к банде безответственных интриганов, коварно заманивающих молодых, здоровых людей в сети с единственной целью — превратить их в беспомощных калек или холодные трупы.

— Сядьте, мистер Дружков, — мягко, но настойчиво сказал он. — Да, мы нашли вашу дочь. Она жива.

— В таком случае, — сказал мужчина, — могу я увидеть ее?

Маккей, поколебавшись, ответил:

— Сандра в тяжелом состоянии, мистер Дружков. Вы ведь знаете, что произошло...

Конечно, мужчина знал, что произошло, из новостей по телевизору.

Это был теракт века. Да что там века — тысячелетия! Один из спутников, выведенных на орбиту Ираном, оказался под завязку начинен взрывчаткой. Пролетая в относительной близости от «Дерзкого», он неожиданно изменил траекторию и направился к баку с жидким водородом... Никто ничего не успел предпринять. Просто не было времени. Столкновение — взрыв — и... Восемь астронавтов и четыре сотни миллиардов долларов отправились в небытие. А с ними — мечта человечества о покорении других планет. По крайней мере на ближайшие десятилетия.

«Дерзкий», собранный на низкой околоземной орбите, не успел даже стартовать к Марсу.

— В момент взрыва ваша дочь находилась во взлетно-посадочном модуле. Она смогла отстыковаться от комплекса, и это спасло ей жизнь. Она упала в Арктике.

— Вы что, мне зубы заговариваете?

— Вовсе нет. Просто хочу, чтоб вы поняли... Взгляните на фотографии.

Маккей веером рассыпал на столе пачку фотографий.

— Что это? — спросил мужчина.

— Марсианская база, которую ваша дочь построила в одиночку.

— В Арктике? Но зачем?!

Маккей неторопливо собрал фотографии.

— Видите ли, — сказал он, — Сандра полагала, что находится на Марсе. Я, конечно, не медик, но... При падении у нее случилась травматическая амнезия. Она забыла все, что непосредственно предшествовало падению. Помнила только про миссию и... это единственное, что ее волновало тогда. Она была уверена, что упала на Марс, и просто выполняла свою работу.

— Не понимаю, — сказал мужчина. — Построить марсианскую базу на Земле... Какой в этом смысл? Вся эта затея с Марсом с самого начала казалась мне безумием.

— Ваша дочь видела в этом смысл, — сухо сказал Маккей. И добавил тихо: — Жаль. Жаль, что вы так и не поняли своей дочери, мистер Дружков.

Он-то знал: Марс жесток, и все равно они победили.

КОСМОЛЕТ «ОЧУМЕЛЫЕ РУЧКИ»

1

апись переговоров между Центром управления полетом «Москва» и интернациональной орбитальной лунной станцией:

«— ЦУП «Москва», «Инолус» на связи, ответьте!

— Привет, Лева! Что за срочность?

— Здравствуйте, шеф! У меня вопрос по установке для кристаллизации «Сплав». В нее действительно были загружены одинаковые ампулы?

— Э... Насколько я знаю, да. А в чем дело?

— Я забирал в модуле «Уэллс» инструменты и увидел, что крышка «Сплава» немного сдвинулась. Видимо, замок открылся из-за толчка при стыковке со станцией. Заглянул внутрь... Три ампулы из двадцати имеют не серую окраску, а красновато-оранжевую. Я не утерпел и взял одну ампулу на исследование.

— Лева, хочу тебе напомнить, что у вас со Стеллой послезавтра выход в космос. Еще нужно подготовить скафандры... Ты бы не отвлекался на мелочи, а?

— Хорошо, шеф. Я займусь анализом ампулы после выхода. Но пусть она пока полежит в моей каюте».

2

Перехват разговора объекта «Фирмач» с неизвестным лицом:

«— Какого черта ты звонишь на этот номер, мой дорогой? Мы же оговорили с тобой систему связи...»

— Есть проблема... Зайчонок обнаружил наши ампулы.

— Так... Он уже знает, что внутри?

— Нет, он собирается заняться анализом после выхода в космос.

— Ты получишь деньги за эту операцию, дорогуша, только при условии, что она закончится успешно. Поэтому будь добр: сделай так, чтобы Зайчонок ничего не узнал».

3

Отсюда, со стороны грузового корабля «Кентавр», «Инолус» — интернациональная орбитальная лунная станция — очень похожа на огромный зонтик с толстой и короткой ручкой.

Перекрестье из четырех состыкованных под углом девяносто градусов друг к другу исследовательских модулей насажено на ступицу, образованную сцепкой бытового и базового блоков. К левому исследовательскому модулю пристыкован наш «Лунник» — лунный научно-исследовательский корабль. К правому — короткохвостый и крупноголовый американский «Мудр», «Мун Драгон», сиречь «Лунный Дракон». На зенитном модуле продолговатой сосиской с фарой спускаемого аппарата на конце торчит автономный грузовой корабль «Герберт Уэллс» Европейского космического агентства, зашедший на пару недель к нам в гости с партией грузов.

Внизу, на надирном модуле, для полной симметрии не хватает бесформенной громады «Селенита». Лунный корабль три дня назад ушел на базу «Селена» в Океане Бурь. Исследовательская программа для Маши Серовой, Гжегожа Ступака, Чарли Робертсона и Гао Лювэя рассчитана на два месяца работы на лунной поверхности.

Выше модульного перекрестья «Инолуса» располагается ферменная зона — на металлических конструкциях, установленных на верхнем торце станции, раз-

вернуты сиреневые поля солнечных батарей. Они-то и довершают полностью картину огромного четырехугольного космического «зонта» с короткой толстой ручкой.

— Спишь, Трофимыч? — с легкой насмешкой в голосе спрашивает Стелла «Ночка» Уилсон. Мое отчество звучит в устах бортинженера мягко и по-домашнему, почти интимно.

Она уже погрузила внутрь шлюза базового блока снятый мною комплект стыковочной аппаратуры с «Кентавра» и теперь, проворно перебирая руками по поручню, вновь приближается к грузовичку. Стелла — пышнотелая и весьма активная афроамериканка, сама себя прозавшая «Ночкой», как она выразилась, «в целях окончательной расовой толерантности», — наловчилась очень ловко и быстро работать в выходном скафандре. Я же, напротив, не суечусь и делаю свое дело, может, и несколько медлительно, но зато основательно и надежно.

— Отдыхаю, — нехотя отзываюсь я. — Мы с тобой практически полностью закончили демонтаж. Осталось снять крепление антенны.

За те пять часов, которые длится наш выход в космос, я действительно устал. Если Стелле заранее была отведена роль подмастерья, таскающего для мастера инструменты и уносящего снятые с «Кентавра» грузы, то основная слесарная работа выпала мне. А крутить гайки — пусть даже и в невесомости, и с помощью универсального шуруповерта — далеко не так уж легко, как может показаться. Кисти рук и предплечья постепенно налились свинцовой тяжестью усталости.

Меня от «Ночки» отделяет всего каких-то три метра. Я завис в пространстве почти у середины «Кентавра», над грузовой рамой между стыковочным и топливным отсеками. Грузовичок с Земли пришел к нам неделю назад. Мы быстренько перетаскали из него все грузы внутрь станции, перекачали доставленное топливо, и теперь осталось только снять с поверхности стыко-

вочного отсека ненужное больше оборудование для сближения «Кентавра» с «Инолусом». Через несколько дней грузовик разделится надвое: стыковочный отсек останется в составе лунной станции, чтобы после дооснащения принять еще парочку модулей с Земли, а хвост «Кентавра» — топливный и агрегатный отсеки — отправятся в путешествие к Солнцу.

— Как у русских говорят: умучился после трудов правильных? — глядя на мою расслабленную позу, интересуется миссис Уилсон.

— Умаялся после трудов праведных, — почти автоматически поправляю я. Еще в начале полета мы со Стеллой условились, что она при необходимости будет корректировать мой английский, а я — следить за ее русским. Учиться всегда полезно, даже во время полугодовой лунной экспедиции.

— Отдыхай, мой Зайчонок, — с игривым хохотком разрешает «Ночка».

«Мой Зайчонок»... При таком великолепном сочетании имени и фамилии — Лев Зайчонок, — дабы попытаться отделаться от тянувшегося за мной от рождения шлейфа плоских шуточек, мне ничего иного в жизни не оставалось, как выбрать себе какую-нибудь оригинальную профессию из числа тех, которые принято называть мужественными, и добиться в ней немалых успехов. Кажется, мне это удалось: я совершаю уже шестой космический полет, а до пенсии мне еще очень и очень далеко.

— Ребята, через минуту мы уйдем на неосвещенную часть орбиты, — нежным голосом напоминает из динамиков скафандра Астрид Йенсен. Она сегодня дежурит на пульте управления «Инолуса», контролируя наш выход. — Устроим перекур?

Я бросаю взгляд на планш-компьютер, закрепленный на левом рукаве скафандра. Полчаса «курить» в лунной тени — это многовато. Лучше уж закончить работу «при фонарях» и вернуться в станцию.

— Мы продолжим работу, Астрид, — говорю я. — Осталось сделать совсем немного. Две гайки отвернуть...

Вот именно в этот момент все и началось.

— Дым... Дым слева из-под приборной панели, — удивленно произнесла Астрид, и тут же испуганно вскрикнула:

— Пожар в базовом блоке!

В наушниках протяжно заныла сирена, загоняя в сердце острый коготь тревоги. Но почти сразу смолкла, оборвалась после громкого и резкого щелчка. Наступила тишина — ватная, как тяжелое и плотное одеяло, которым можно укрыться с головой и разом перестать слышать все звуки.

Связь пропала.

Бормоча что-то из чертовско-материнской лексики, я устремился в сторону открытого люка на базовом блоке. При аварийной ситуации космонавтам предписывается как можно быстрее вернуться на борт «Инолуса».

Я почти достиг стыка между «Кентавром» и станцией, когда мир раскололся на две неравные части. Цилиндрическое тело грузового корабля подо мной резко дернулось и, заваливаясь на бок, устремилось прочь от ствола и раскидистой кроны «Инолуса». Выглядело это так, как будто порыв ветра вырвал огромный зонт и уносит его прочь, оставив на земле лишь жалкий пенек крепления. Хотя на самом деле все было совершенно иначе: это я, стоя верхом на «Кентавре», оторвался от лунной станции и, теряя ориентацию, теперь дрейфовал куда-то в сторону Луны.

— Станция, произошло отделение грузовика! — что было мочи рявкнул я в микрофон. — Аварийная ситуация!

Эфир ответил гробовым молчанием. «Инолус» стремительно валился на бок и уходил вверх.

И тут на меня обрушилась тьма. Мы нырнули в лунную тень, на неосвещенный солнцем участок орбиты.

— Станция, ответьте... Зайчонок на связи... — еще минут пять я с настойчивостью запрограммированного автомата монотонно и совершенно безрезультатно ронял слова в безмолвье эфира.

Больше всего мне сейчас хотелось проснуться. Зажмурить глаза, сосчитать до пяти и распахнуть веки навстречу радостному и солнечному утру — чтобы от дурного сна с отделением грузовика от станции не осталось и следа. Но ночной кошмар мне попался привязчивый, цепкий. И, увы, — реальный.

Мне понадобилось минут пять, чтобы привести взбаламученные нервы в состояние относительного спокойствия и заняться трезвой оценкой ситуации. Ничто так не способствует процессу аналитического мышления, как полет верхом на оторвавшемся от станции грузовике над ночной стороной Луны.

Так не бывает. Точнее: почти не бывает. Чтобы три очень серьезные и не связанные между собой неприятности случались практически одновременно.

Неприятность первая. Пожар на станции. Как сказала Астрид: «Дым слева из-под приборной панели»? Я мысленно перенес себя на пост оператора в базовом блоке станции. Слева под приборной панелью расположена система управления поиском и стыковкой. Эта система во время выхода в космос не работает и обесточена. Значит, сама по себе она не могла стать источником задымления и пожара. Для того чтобы на ней начался пожар, кто-то должен устроить его намеренно.

Из-за возгорания в системе поиска и стыковки «Инолус» временно ослеп. Поэтому не сможет принять ни один корабль. И меня верхом на «Кентавре» тоже обнаружить не сможет. Поврежденное пожаром оборудование ребята, конечно, восстановят. Дня два-три на это уйдет. До истечения этого срока и меня, и «Кен-

тавр» никто со станции искать не будет. Просто нечем нас искать. Разве что с помощью биноклей...

Переходим к неприятности номер два. Пропала и не восстанавливается радиосвязь. Пропала почти мгновенно, по основному и резервному каналам. Пожар в системе поиска и стыковки никогда бы не привел к выходу из строя систем радиосвязи. Одновременно оба канала связи может отключить только человек.

Ну, и на десерт третья неприятность. «Кентавр» — не дикий жеребец, которого под хвост ужалила оса. Сам от станции он отделиться никак не мог. Значит, кто-то сознательно разомкнул механические замки стыковочного узла и задействовал пружинные толкатели, которые и отшвырнули грузовик от станции. Кто-то очень нехороший и с очень дурными намерениями.

Суммируем. Имеем три неприятности одновременно. Букетом. Эти неприятности друг с другом в ходе естественного течения процессов никак не могут быть связаны. Значит, если они все-таки случились одновременно, за всем этим ворохом гадостей стоит, скорее всего, чья-то злая воля. Вот только чья?

Я взглянул на планшетку на рукаве скафандра. Тринадцать сорок по Москве. Есть еще минут пятнадцать до выхода из лунной тени. Как раз время подумать.

Стелла, Астрид и Хосе, — я нисколько не сомневаюсь, — быстренько справятся с возгоранием. В Хьюстоне и в Звездном городке их все-таки недурно подготовили на случай всяких там экстремальных ситуаций.

Радиосвязь тоже восстановить не проблема. Ну, заменят ребята парочку каких-нибудь электронных блоков, которые закапризничали. Или расконсервируют системы связи в «Луннике» или на «Мудре» — они тоже позволяют напрямую общаться и с Землей, и с лунной базой.

А вот отделение «Кентавра» — это уже очень серьезно. И совсем не потому, что на нем в данный момент сидит верхом некто Зайчонок Л. Т. Дело в том, что мы с «Ночкой» уже сняли со стыковочного отсека всю

аппаратуру для сближения грузовика с «Инолусом». Значит, «Кентавр» теперь состыковать с лунной станцией невозможно. А если на нем вдобавок включилась программа самоликвидации...

Противные мурашки строем протопали у меня по спине. Программа ликвидации не сулила сидящему на макушке грузовика пилоту Зайчонку ничего хорошего. После выхода из лунной тени «Кентавр» ориентируется на Солнце закруткой вокруг продольной оси, потом построит курсовые углы и включит маршевый двигатель. Движок даст совсем небольшой импульс, и корабль уйдет из сферы притяжения и Земли, и Луны в последний полет к Солнцу. Вернуться с той ликвидационной траектории будет уже невозможно.

Я снова взглянул на планшетку. До выхода корабля из лунной тени оставалось около десяти минут. Десять минут терпения, и я узнаю — жить мне или склеивать ласты.

Теоретически, конечно, управление «Кентавром» сейчас можно перехватить с Земли. Но если связь нарушена, в Центре управления полетом просто не успеют сориентироваться в ситуации. Там ведь работают люди, обычные люди, а не ясновидящие.

Самое обидное, что и мне самому сделать-то ничего нельзя. Я никак не смогу добраться до системы управления «Кентавром», которая спрятана в его агрегатном отсеке. А если бы и добрался, то все равно ничего бы не смог с ней сделать. Режим ручного управления человеком в ней просто не предусмотрен.

Если грузовик после выхода из тени начнет строить предстартовую ориентацию для самоликвидации, мне останется только отрешенно наблюдать за приближением собственной смерти. Или отцепить крепежный фал от корабля, оттолкнуться от стенки стыковочного отсека и уйти в свободный полет вокруг Луны. Что тоже равносильно самоубийству, поскольку ресурсы скафандра не беспредельны. Несколько часов — и все. Ты был славным парнем, Лев Трофимович Зайчонок.

Я еще десяток-другой секунд раскачивался в волнах захлестнувшего меня пессимизма, пока не сообразил, что под ногами у меня есть твердая поверхность стыковочного отсека.

Мысль пришла в голову как яркая вспышка в крошечной ночи. Отсек подо мной — вовсе не единое целое с «Кентавром». Его можно отделить вручную! Нужно только раскрыть четыре стяжки-крепления между грузовой кольцевой рамой на торце отсека и ее опорами на «Кентавре». Тогда, даже если корабль начнет строить ориентацию для ухода на ликвидацию, у меня будет шанс все-таки остаться на околотунной орбите. И дожидаться помощи.

Я отцепил фал от якоря на стыковочном отсеке, развернулся и, перехватываясь руками за продольный поручень, двинулся в сторону грузовой рамы.

Стяжки были стандартными, ленточного типа и крепились каждая всего парой крупных болтов. Я достал из рабочей сумки скафандра шуруповерт, установил его на гайку одного из болтов и нажал спусковую скобу. Вж-ж-жик, и болт свободно вышел из резьбы на гайке. Так, теперь следующий. Раз — и готово. Сколько по времени заняла вся операция? Я взглянул на планшетку. От силы прошло около минуты. Значит, на три оставшиеся стяжки для полного отделения стыковочного отсека от хвостовой части «Кентавра» мне понадобится минут десять — это с учетом перемещения между стяжками. И если грузовик после выхода из тени действительно начнет строить ликвидационную ориентацию на Солнце, я, пожалуй, успею отцепить от него стыковочный отсек до включения маршевой двигательной установки.

До выхода из тени оставалось уже меньше минуты. Сердце переместилось куда-то едва ли не к горлу и бешено колотилось. Виски сжал невидимый стальной обруч. Нервишки — они и на околотунной орбите нервишки.

Корабль вышел на освещенную часть орбиты почти мгновенно. Было темно — и вдруг, словно кто-то щелкнул выключателем, все пространство залил ослепительный солнечный свет. Я опустил светофильтр на гермошлеме, и мир сделался более приемлемым для зрительного восприятия.

Мои худшие ожидания оправдались уже через несколько секунд. Едва датчики грузовика уловили солнечные лучи, «Кентавр» включил двигатели ориентации и принялся разворачиваться носом в направлении на Солнце. То есть строить солнечную ориентацию. И значит, готовиться к уходу с окололунной орбиты.

— Вот тут, дружок, — вслух проникновенно произнес я, — наши с тобой дорожки расходятся. Я вовсе не горю желанием отправиться в полет к Солнышку без обратного билетика...

Медлить было нельзя. Я снова последовательно попытался вызвать станцию и лунную базу, но эфир по-прежнему был мертв. Видимо, радиосвязь на «Инолусе» еще не восстановили, а ребята на «Селене», может быть, вообще еще не подозревают о возникших на орбите проблемах. Ведь все случилось так быстро.

На раскрытие трех оставшихся креплений у меня ушло больше времени, чем я планировал, — минут двадцать. Дольше всех я провозился с третьей по счету стяжкой: один из болтов никак не хотел расставаться с гайкой. Но все же я успел. Грузовик еще только поблескивал микровключениями двигателей ориентации, готовясь к старту, выстраивал ориентационные углы, а цилиндрическое тело стыковочного отсека уже вздрогнуло, освободившись от четвертой, последней стяжки, и, медленно разворачиваясь, стало отходить от хвостовой части «Кентавра».

И вовремя! Расстояние между стыковочным отсеком и хвостом корабля было всего метров двадцать пять — тридцать, когда грузовик на мгновение замер, словно остановился в пространстве над Луной. А потом

из его маршевого двигателя вырвалась яркая оранжевая лента горячего газа. Укоротившееся после отделения стыковочного отсека тело «Кентавра» стремительно рвануло прочь от Луны, разгоняясь и уходя в свой последний полет к Солнцу. Корабль быстро удалялся и уже через пару минут стал похож на размытое пятно, потом на яркую звезду, а затем и вовсе растворился в бликах солнечных лучей на стекле гермошлема моего скафандра.

6

Вращаясь вокруг всех трех пространственных осей, стыковочный отсек медленно дрейфовал по лунной орбите.

Непосредственная угроза моей жизни миновала, и у меня прорезалось острое желание оценить в целом мои шансы на спасение.

Ресурсов скафандра хватит еще примерно на восемь с половиной часов. А потом начнутся большие проблемы.

Могут ли меня спасти за эти восемь с половиной часов?

С Земли до окологлунной орбиты за это время просто не долететь.

Поднимать с лунной базы «Селенит» смысла тоже нет. На корабле топлива хватит только на стыковку с «Инолусом».

Спасти меня можно с помощью американского «Мудра» или нашего «Лунника». Сесть в один из транспортных кораблей и отправиться на поиски стыковочного отсека и принимающего на его поверхности солнечные ванны Левы Зайчонка. Но для выполнения этой операции нужно, чтобы на станции нормально работали системы радиосвязи, поиска и стыковки. А они, как на грех, — по «счастливой» случайности, да? — вырубались. Значит, на транспортном корабле нужен опытный пилот для «слепого» поиска. Но Стелла Уилсон — это бортинженер, Астрид Йенсен — астрофизик, Хосе

Умберто Лопес — селенолог. А единственный опытный пилот «Инолуса» сидит сейчас на макушке оторвавшегося отсека и ждет спасателей.

Поэтому спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Но тут перспективы более чем туманны. На стыковочном отсеке нет ни двигателей, ни системы управления.

Как не крути мне осталось только восемь с половиной часов жизни. Плюс некоторое время на агонию...

Хотя почему это восемь с половиной? Что у меня еще есть, кроме скафандра? Правильно, герметичный стыковочный отсек с возможностью многократного обновления атмосферы.

Поэтому врешь, не возьмешь, костлявая! Еще чуть-чуть проживем, побрыкаемся!

Я переместился к боковому входному люку и стравил давление из отсека с помощью дренажного клапана почти до нуля. Несколько раз повернув баранку запорного штурвальчика, открыл массивную крышку и аккуратно забрался внутрь стыковочного отсека.

7

— Ну-ка, подсчитаем наши жизненные ресурсы, — сказал я вслух, как только отсек снова наполнился воздухом. Я снял перчатки и поднял стекло гермошлема. Целиком скафандр решил не снимать — «Орлан-ЛМ» одежда не простая, выходить из него и снова забираться внутрь сложновато даже для опытного космонавта. — Итак, что мы имеем?

Начнем с низменных потребностей. Памперсов в скафандре хватит на три-четыре дня. Воды в емкости для питья примерно литр полтора. Питательной каши в сосуде, закрепленном около подбородка внутри гермошлема, где-то на четыре легких завтрака. А воздуха: дыши — не хочу! Поглотители углекислоты в стыковочном отсеке работают нормально, поэтому даже без добавки кислорода в атмосферу воздуха мне хватит дней

на десять. С электроэнергией вообще нет проблем — аккумуляторы отсека рассчитаны на полгода полностью автономной работы.

Живем, братцы! Судьба наконец-то послала мне робкую улыбку, и я получил десятисуточный гарантированный бонус на выживание.

Настроение у меня пошло вверх, как столбик ртути в термометре на летнем солнышке. Системы связи и поиска на «Инолусе» ребята отремонтируют. Мой отсек обязательно отыщут и снова состыкуют с лунной станцией.

Правда, есть одна маленькая сизая тучка на солнечных горизонтах надежды. Если стыковочный отсек найдут уже тогда, когда у меня давно закончатся еда и вода...

Я представил себе, как в этом хорошо освещенном стыковочном гробу будет плавать мое иссохшее и исхудавшее тело, и настроение снова круто спикировало вниз.

8

Если хорошенько поразмыслить над сложившейся ситуацией, то можно прийти к весьма любопытному выводу. Вся эта кутерьма с тремя якобы случайными нештатными ситуациями на «Инолусе» имеет хоть какой-то смысл, если главной целью неизвестного злоумышленника был персонально я. Если я кому-то перешел дорогу и этот кто-то решил со мной разделаться. Таинственный некто отдал бортовым системам три очень вредные команды, которые и привели к большим неприятностям на станции.

Всяких залетных хакеров-террористов отмечаем напроць. У системы управления «Инолуса» такая защита, что позавидовать ей могут самые секретные базы данных вместе взятые. И самое главное: ни одна команда не пройдет без спецключей — паролей, которые меняются достаточно часто и которые знают очень немно-

гие. Поэтому злоумышленники со стороны в наших построениях не рассматриваются.

Значит, пакостные команды мог выдать только кто-то из своих. Из тех, кто знает пароли и имеет доступ к системе управления.

Теоретически это мог сделать кто-нибудь из нашего экипажа. Если он, конечно, сошел с ума. Или решил покончить жизнь самоубийством, заодно прихватив с собой семерых коллег по лунной экспедиции. Но я что-то среди нашего дружного международного коллектива таких «героев» не наблюдаю. Заявляю об этом со всей ответственностью, как командир станции.

Поэтому можно с большой долей вероятности считать, что пакет вредительских управленческих сигналов мог прийти на «Инолус» только с Земли.

Команды на борт лунной станции могут отдаваться из трех центров управления: из Хьюстона в Штатах, Евроцентра во французской Тулузе и нашего родного подмосковного Королева. Подозрения с Хьюстона и Тулузы снимаем — все три команды были выданы на российский базовый блок «Инолуса». Без участия нашего Центра это сделать невозможно. Поэтому у нас на рассмотрении остается лишь Центр управления полетом в городе Королеве Московской области.

А в подмосковном Центре такой пакет команд могут выдать на борт только четыре человека: руководитель полета Бикешкин Игнат Федорович и три его зама — Янчук Сергей Иванович, Туров Леонид Исаевич и Скрынник Марк Моисеевич. И точка.

9

Где я мог насолить одному из этой четверки управленцев: Бикешкину, Янчуку, Турову или Скрыннику?

Старая неприязнь или месть. Вряд ли. Мы практически не были знакомы до полета. В околоземных рейсах со мной работали другие управленцы.

Значит, что-то произошло уже в ходе самого полета. Что-то настолько потенциально опасное для одного из них, что он решил убрать меня, устроив на «Инолусе» каскадом три аварийные ситуации.

Времени у меня сейчас было в избытке, и я принялся терпеливо и тщательно, день за днем просеивать все мало-мальски значимые события за полтора месяца нашей космической экспедиции. Хотя, в общем-то, почти сразу догадался, что причина всех моих бед — десятисантиметровый цилиндр из жаропрочного стекла. Ампула со «Сплава».

«Сплав-5 Л» — это технологическая установка для получения металлических и оптических материалов из смесей различных веществ. Работает в невесомости и вне воздействия магнитных полей и гравитационных возмущений по методу электронагрева с направленной кристаллизацией. Полностью автоматизированная рабочая камера располагается в возвращаемом на Землю отсеке «Герберта Уэлса». В этом полете планировалось вырастить металлические кристаллы. Они, как правило, серо-стального цвета. И я был очень удивлен, когда увидел, что три ампулы из двадцати, загруженных в «Сплав» еще на Байконуре, имеют аномальную красновато-оранжевую окраску.

Когда я их обнаружил, на связи был Игнат Федорович Бикешкин...

Но вовсе не факт, что именно он — злоумышленник: наш разговор вполне мог слышать один из его заместителей.

В наушниках скафандра оглушительно затрещало, и раздался встревоженный голос «Ночки»:

— «Инолус» вызывает Зайчонка! Лев, отвечай! Трофимыч, где ты?

Ребята восстановили радиосвязь! Я чуть не заорал от радости. Но вовремя прикусил язык.

Если злоумышленник действительно из четверки управленцев и если он узнает, что я остался жив, то

сделает все, чтобы меня добить. Поэтому мне нужно за- таиться и молчать. У моего неизвестного врага должна быть стопроцентная уверенность в том, что я погиб.

Я сейчас был практически беспомощен. А злоумыш- ленник из подмосковного ЦУПа — всемогущ. Если бы я отозвался, он вполне мог сделать еще один ход, кото- рый гарантированно меня бы убил.

Самый простой ход был и самым страшным: выдать команду на одновременную разгерметизацию всех от- секов «Инолуса». Злоумышленник с таким высоким статусом в системе управления станцией вполне бы мог это сделать.

Мне представилось, что я безоружный стою под при- целом пулеметчика, лицо которого скрыто под маской. Малейшее мое шевеление, и он стреляет. А за моей спи- ной — еще трое заложников: Стелла, Астрид и Хосе...

10

Пожалуй, злоумышленника среди четверки управ- ленцев можно попробовать выявить. Снять с него ма- ску. Он сейчас в таком психологическом состоянии, что при малейшей опасности себя обязательно выдаст.

Но для этого мне нужен индивидуальный канал свя- зи с американским или европейским центрами управ- ления полетом. Такой канал, о существовании которо- го никто бы в московском ЦУПе не знал. Станцию и «Лунник» мой противник может как-то прослушивать. А вот американский «Мудр» — вряд ли. На штатовском транспортнике используется другая частота для обще- ния с Землей. Значит, нужно дистанционно включить систему связи на «Мудре» и связаться с Центром управ- ления полетом в Хьюстоне. Например, с моим старым и добрым знакомым доктором Джереми Фейтом. И край- не желательно, чтобы в это время «Инолус» и мой сты- ковочный отсек были бы недоступны для радиосвязи из подмосковного Центра.

Что нужно сделать, чтобы связаться с «Мудром» и дистанционно включить на нем бортовые системы? Для этого требуется подобрать соответствующие кодовые команды в базе данных на моей планшете. Еще нужно перенастроить передатчик скафандра на частоту американского «Лунного Дракона». И первое, и второе вполне мне по силам.

Но есть и третье. Мне нужна антенна, достаточно точно сориентированная на пристыкованный к станции «Мудр».

А вот этой-то антенны у меня и нет. И сориентировать беспорядочно болтающийся стыковочный отсек мне нечем — на нем нет ни двигателей, ни системы управления.

11

Когда я попадаю в безвыходные ситуации, у меня всегда разыгрывается жуткий аппетит. Вот и сейчас желудок настоятельно потребовал перекуса.

Никогда не подозревал, что жиденькая питательная каша из сосуда в скафандре и несколько глотков посеребряной воды из емкости внутри гермошлема, оказывают такое стимулирующее воздействие на процесс мышления!

К концу трапезы я уже совершенно ясно представлял, что и — самое главное! — как мне делать.

В качестве антенны вполне сойдет та самая грузовая рама, которая связывала стыковочный отсек с остальной частью «Кентавра».

Двигателей на моем отсеке нет. Но зато внутри него есть огромный торовый бак со сжатым азотом, который используется для продувки трубопроводных магистралей после дозаправки станции топливом из очередного грузовика. А на внешней поверхности отсека имеется кольцо с двенадцатью отверстиями, через которые сбрасывается отработанный газ. И если на это кольцо установить с помощью холодной сварки в вакууме и

пасты герметика из ремонтной сумки на моем скафандре разнонаправленные сопла самой примитивной конструкции, то получится простейшая двигательная установка малой тяги, работающая на сжатом газе. Включая по очереди перепускные клапаны, сравнительно легких — тонны полторы, не больше, — стыковочный отсек вполне можно будет сориентировать в пространстве по всем трем осям. А сопла проще всего вырезать из фольги, обрамляющей в виде цилиндрической юбки раму, которой предстоит в ближайшем будущем стать антенной.

Еще нужно определить положение моего отсека в пространстве и сориентировать его на «Мудр».

Я съел дополнительную порцию высококалорийной каши, запил ее водичкой, десяток минут посидел, размышляя. И пришел к выводу, что определить положение отсека на орбите Луны проще пареной репы. Для этого нужно задействовать всенаправленные лазерные уголковые отражатели. Начиная с первых лунных экспедиций «Аполлонов» и «Луноходов», они в обязательном порядке ставятся практически на всех космических аппаратах. Есть они и на внешней поверхности стыковочного отсека, и на всех модулях «Инолуса», и на конструкциях лунной базы «Селена». А в качестве источника излучения сгодится лазерный резак из ремонтной сумки на моем скафандре. Его только нужно максимально расфокусировать и закрепить около стекла одного из иллюминаторов.

Расчет орбиты по отраженным лазерным сигналам и управление движением стыковочного отсека вполне по силам моей планшете. Нужно всего лишь соединить ее с электронными клапанами системы выпуска азота, датчиками уголковых отражателей внутри отсека и лазерным резаком. Ну, и еще требуется написать для планшетки управляющую программку. Совсем уж

пустячную, я сотни таких накропал во время предполетных тренировок в Звездном городке.

Цели были ясны, задачи определены, и мне ничего не оставалось, как заняться работой.

12

Я загерметизировал скафандр, открыл люк торцевого стыковочного узла и, высунувшись по пояс в космос, аккуратно срезал юбку из фольги с грузовой рамы. Снова забравшись внутрь отсека, я занялся кройкой и клейкой сопел. Сделал их ровно двадцать четыре штуки — двенадцать основных и столько же запасных: все-таки монтаж всего этого хозяйства в вакууме был самой тонкой операцией в программе модернизации моего стыковочного отсека.

Когда сопла были готовы, я снова прогулялся за борт и после четырех часов работы закрепил маленькие конусы сопел над отверстиями вдоль всего кольца для сброса отработанного газа.

Вернувшись из космоса, я вскрыл ножницами пластиковую обшивку внутри отсека, и надергал там и сям целый пучок незадействованных электропроводов. Соединил в единое целое электронику компьютера-планшетки, клапанов, лазерных уголковых отражателей, лучевого резака, закрепленного скотчем около иллюминатора, и демонтированного из моего скафандра радиопередатчика. В довершение всех этих титанических усилий, я написал программу управления для планшетного компьютера.

На всю эту суету вне и внутри моего отсека ушло почти трое суток. Я совершенно не замечал ни голода, ни жажды. Несколько раз я ненадолго забывался в неглубоком сне, но уже через десяток-другой минут тревожно вскидывался и снова брался за работу.

Когда дело было окончено, я окинул отсек удовлетворенным взглядом. Но теперь это был не просто стыковочный отсек. Это был уже настоящий космический

корабль: с двигателями, системами ориентации, управления и связи.

В моем далеком детстве была такая телепередача — «Очумелые ручки». В ней двое симпатичных ведущих из всякой всячины делали очень полезные вещи. Рассмеявшись, я тут же мысленно окрестил творение своих рук «Космолетом «Очумелые ручки».

А потом легонько щелкнул указательным пальцем по сенсору на компьютерной планшете, запуская мой летательный аппарат.

13

Руководитель Российского космического агентства генерал-лейтенант Петр Вадимович Стрельников пребывал в мрачном и подавленном настроении.

Последние надежды рухнули: космонавт Лев Зайчонк действительно погиб. Было уже совершенно не существенно, когда это случилось — сразу после отрыва «Кентавра» от станции, когда корабль из-за возникших перегрузок, видимо, просто разломился на две части, или позже, примерно через восемь-девять часов, когда в скафандре затерявшегося в космосе Зайчонка закончились необходимые для жизни ресурсы.

С легким перезвоном включился коммуникатор.

— Петр Вадимович, на линии доктор Джереми Фейт из Хьюстона, — звонким голосом сообщил автосекретарь. — Просит срочную связь по закрытому каналу.

— Этому что еще надо? — недовольно буркнул под нос Стрельников, но все же распорядился: — Соедини!

...Через десять минут, поговорив с Джереми Фейтом, генерал Стрельников вызвал к себе своего заместителя Котова.

— Николай Фомич, — начал Стрельников, едва Котов переступил порог, — нужно сделать так, чтобы ровно в четырнадцать пятьдесят по московскому времени Бикешкин и три его зама — Туров, Скрынник и Ян-

чук — сидели в своих кабинетах. И не просто сидели, а сидели в одиночестве и у включенных мониторов системы глобальной связи. Скажи им, что ровно в пятнадцать будет секретная видеоконференция... Что хочешь делай, Николай Фомич, но чтобы ровно в четырнадцать пятьдесят эти четверо были в своих кабинетах! Ты меня понял?

14

Все четверо появились на экранчике моей планшетки одновременно — ровно в четырнадцать пятьдесят пять. Каждый в своем секторе.

— Привет, — сказал я как можно жизнерадостнее и широко улыбнулся. — Я рад, что застал тебя на месте. Надеюсь, найдешь пару минут, чтобы поговорить о тех самых ампулах, из-за которых ты и затеял всю эту заварушку на «Инолусе»?

Изображение было превосходным. Четверо на Земле тоже видели на своих мониторах очень качественную картинку. Я же намеренно говорил так, как будто обращался только к одному человеку.

Реакция была предсказуемой. У всех четверых на лицах обозначилась крайняя степень изумления. Я их хорошо понимал: пилот Зайчонок появился на закрытом канале связи прямым с того света.

А потом начались вариации... Трое округлили глаза и выразили радость и восторг. Четвертый, напротив, нахмурил брови и злобно процедил:

— Ты все еще жив...

Мановением руки я смел ликующую троицу с экрана. Теперь мне нужен был только один собеседник.

— Как видишь, — я подарил ему самую искреннюю улыбку, на которую только был способен. — Жив и здоров.

— Ничего, это поправимо, — он пододвинул к себе клавиатуру и нервно забарабанил пальцами по сенсорам. — Придется немного проветрить все отсеки «Ино-

луса» и устроить парочку коротких замыканий. Но ничего страшного! «Герберт Уэллс» с грузом вернется на Землю с мертвой станции и в автоматическом режиме. По моей просьбе Астрид Йенсен два дня назад забрала ампулу из твоей каюты и снова установила ее в «Сплав».

Я выждал несколько секунд, наблюдая за его увлеченной работой, и осведомился:

— Собираешься задействовать пакетный файл с командами на разгерметизацию, который ты заранее пристроил в систему управления станции? Как и те три команды, вызвавшие аварии на «Инолусе»...

— А ты был догадливым человеком, Зайчонок, — он зло ухмыльнулся, делая ударение на слове «был». — Пожалуй, я тебя немного недооценил.

— Ты мне льстишь, — я послал сквозь эфир еще одну ослепительную улыбку в ответ на его комплимент. — Кстати, можешь не утруждать себя отправкой кодовых команд на борт станции. Еще вчера «Ночка» по распоряжению из Хьюстона извлекла твой пакет из системы управления и заблокировала канал входной телеметрии для подмосковного ЦУПа. По моей просьбе, как ты, наверное, уже догадался...

Его глаза мгновенно остекленели. Лицо исказила гримаса ненависти:

— Сволочь!

Я хлопнул ладонью по сенсорам планшетки, включая одновременно все каналы связи, и отчетливо и громко произнес:

— Янчук Сергей Иванович, я обвиняю вас в промышленном шпионаже, нанесении умышленного вреда «Инолусу» и покушении на убийство!

15

— Петр Вадимович, я требую немедленных объяснений! — Лицо Бикешкина пылало негодованием. — Что за цирк вы с Зайчонок устроили на лунной станции?!

— Присаживайтесь, Игнат Федорович, — генерал махнул рукой в сторону кресел около стола. — От коньячка, надеюсь, не откажитесь?

— Вся эта история началась примерно год назад, — начал рассказ Стрельников, когда они выпили и Бикешкин уже умиротворенно расслабился. — К руководителям некой оборотистой фирмы на юге Европы попали материалы разработок одного известного ученого в области космического материаловедения. Этот ученый скоропостижно скончался при весьма странных обстоятельствах... Так вот, из тех разработок следовало, что после термического нагрева нескольких смешанных в определенной пропорции друг с другом веществ можно вырастить кристаллы, которые в миллионы раз эффективнее собирают и передают энергию солнца, чем существующие солнечные батареи и лучевые концентраторы. Правда, для этого нужно выращивать эти кристаллы в невесомости и вне воздействия магнитных полей и гравитационных возмущений. Наша установка «Сплав», установленная на борту автономного европейского модуля «Герберт Уэллс», идеально подходила для такого эксперимента. Но Центр в Тулузе запросил у руководства фирмы за проведение этих работ свыше ста миллионов долларов. Плюс огласка и, сами понимаете, в результате привлечение внимания возможных конкурентов. А вот доброхот Янчук взялся решить все проблемы негласно и всего лишь за десять миллионов.

— Негодяй! — Ноздри Бикешкина раздулись от гнева. — Каков мерзавец!

Стрельников плеснул в рюмки еще немного коньяка и продолжил:

— «Уэллс» с ампулами уже ушел в полет, когда Интерпол наконец-то сел на хвост руководителю той европейской фирмы — в их оперативных разработках он проходил под кличкой «Фирмач». Но выяснить, с кем он контактил в подмосковном Центре, никак не удавалось. Поэтому Интерпол попросил Леву Зайчонка якобы слу-

чайно обнаружить одну из ампул. Европейские сыщики надеялись, что агент «Фирмача» в нашем ЦУПе забеспокоится и как-то себя проявит...

— Но никто не ожидал, что он проявит себя таким образом, да? — с язвительной усмешкой закончил Бикешкин. — Под угрозой оказалась жизнь всего экипажа лунной станции!

— Согласен, — генерал виновато опустил плечи. — Тут сыщики немного не додумали... Да и Янчук их перехитрил: он действительно запаниковал и вышел на связь с «Фирмачом», однако вел разговор, меняя голос с помощью специальной компьютерной программы. Но Зайчонок все равно его переиграл. Вы знаете, что он за трое суток соорудил в стыковочном отсеке системе управления, газовые двигатели и радиопередатчик? Из подручных материалов, своими руками! Ну, а потом связался с ЦУПом в Хьюстоне и с нашей помощью заставил Янчука раскрыться.

16

— Земля, даю старт системе, — Стелла «Ночка» Уилсон щелкнула тумблером, и раструб концентратора выстрелил в сторону Луны тонкой и яркой солнечной нитью.

Прошел всего месяц со дня, когда я достал злополучную ампулу из установки «Сплав». А сколько событий включила в себя эта тридцатидневка! Аварии на станции, мой полет на «Кентавре», разоблачение Янчука... И спасательную экспедицию на «Мудре», когда «Ночка» и Хосе, ориентируясь по радиомаяку на моем «космолете», состыковались с «Очумелыми ручками», и уже вместе мы вернули отсек в состав «Инолуса».

Теперь вот новый выход в космос. Из уникальных кристаллов, полученных на «Сплаве», мы смонтировали концентратор энергии. Внизу, на лунной базе «Селена», ребята сконструировали приемник, который имитирует все препоны, ожидающие энергетический луч

при прохождении земной атмосферы. Такой же имитатор установлен и на корпусе «Инолуса» — там, в зоне ферменных конструкций, на всякий случай подальше от исследовательских и жилых модулей. Мы собираемся устроить двойную проверку.

— Потеря мощности — полпроцента! — голос Маши Серовой звенит от радостного возбуждения. — Ребята, всего полпроцента потерь после прохождения атмосферы! Даю обратный старт!

Теперь огненная спица протыкает пространство с поверхности Луны и упирается во второй приемник на фермах «Инолуса».

— Есть сигнал! — в один голос орут Астрид и Хосе в наушниках скафандра. — Потеря мощности на имитаторе атмосферы — тоже полпроцента!

— Трофимыч, теперь не нужны тепловые и атомные электростанции, не будет больше Чернобылей и Фукусим... — «Ночка» в белоснежном скафандре неуклюже поворачивается в мою сторону. — Достаточно всего лишь одного стометрового зеркала на геостационаре, чтобы обеспечить электричеством весь земной шар! Лева, мы только что подарили людям новый источник энергии! Новое Солнышко!

На стекло ее гермошлема опущен темный светофильтр, но мне кажется, что я вижу широкую белоснежную улыбку Стеллы и ее горящие восхищением глаза.

Мне сейчас не хочется думать, что уже завтра наверняка найдется некто, кто захочет использовать солнечный концентратор совсем по-другому, — чтобы держать под прицелом города, страны и целые континенты. Я знаю, что сделаю все, чтобы этого не случилось.

Поэтому я улыбаюсь Стелле в ответ и киваю:

— Маленькое Солнце для всей Земли!

НФ

ЗАКРЫТЫЙ КОСМОС. НАДЕЖДЫ НЕТ!

ЛЕТИ С ПРИВЕТОМ

тправитель: созвездие Северная корона. Планетоид Нимфа (Жемчужина). Станция NIM-1. Индивидуальный почтовый номер: 8067—9684677 ОЛ-7743-РСБ78.

Получатель: Солнечная система. Земля. Россия. Иваново. Индивидуальный почтовый номер: 8064—4891233 АТ-3877-УУС47.

Дата отправления: 18.08.2038

Привет, Непослушная ромашка!

Через полчаса мы все уже будем в полном отрубке. Перед гиперпрыжком ребятам по очереди колют какую-то дрянь. Но мне не хочется вдаваться в подробности. Парни, тут есть кое-кто с мозгами, хотели мне объяснить. Но я подумал, что все это люди не глупее нас просчитывали, поэтому решил просто, по-солдатски (постоянно стараюсь держать в голове, что я теперь солдат), подчиниться.

Надо написать тебе что-нибудь такое, солдатское. Вроде: Почтальон, шире шаг! Или: Важнее даже автомата письмо девчонки для солдата! Или что там еще? Правда, у нашего почтальона с ногами туговато и, как бы я ни хотел, это письмо дотащится до тебя только через год. Даже пытаться не хочу прикидывать, когда это. И без того тоскливо.

Я понимаю, что верному стражу Родины не полагаются предаваться унынию. Ну, так я и не страж, а скорее разработчик целины. Знаешь, раньше на такие планетоиды на стройки зэков гоняли, а теперь солдатню.

Перечитываю письмо — не важнец выходит. Не умею я письма писать. Но все-таки это лучше, чем ничего, ведь правда?

Буду учиться быть хорошим корреспондентом (так, кажется).

Твой друг С. Ч.

Дата отправления: 14.09.2038

Я второй день на станции и потихоньку обживаюсь. Ребят селили по двое, как придется, а мне повезло — не досталось свободной комнаты, и меня взял к себе Генка Собинов. Ну, ты его помнишь. Он гулял года два назад с Махой, а потом в армию ушел. Реально, он тоже тут служит, на Жемчужине. Ему уже надо было обратно лететь, но он, ненормальный, остался на сверхсрочную. Хочет заработать на операцию матери, ему сестра письмо прислала, просила, чтобы оставался. Забавно получилось. Мы им письма привезли августовские, а сейчас по почте еще только ноябрьские от прошлого года доходят. И, знаешь, все равно приятно. Здесь даже обычай есть: когда кто-то отслужил, а письма его все идут, то их получает тот, кто из новобранцев его койку занял.

Здесь вообще какое-то странное отношение к письмам. Тут же как — компьютер печатает письма на листах, листы сворачиваются и запечатываются в конверты. Так что мы получаем письма почти такие же, как на Земле. Кое-кто из ребят умудрился загрузить в компьютер новые шрифты, очень похожие на обычный корявый почерк. Парни считают, что так письмо выглядит «роднее». Так вот, письма получают не для того, чтобы читать. Некоторые, особенно те, кто получает почту отслуживших, конвертов вообще не вскрывают.

Они сворачивают их уголком и приклеивают на стену, и когда дверь в комнату открываешь, письма на стене начинают шелестеть. Когда конвертов много, звук получается такой, как бывает в лесу, когда ветер по листьям. Здесь распечатанными письмами меняются, как какими-нибудь коллекционными штуками. Генка говорит, тут три срока служил парень, у которого перед самой отправкой на Жемчужину то ли умер кто, то ли что-то в этом роде. Так он собирал письма, в которых про смерть говорится. Правда, я этого еще не в силах понять. К счастью, ничьих писем я не получаю, и по этому поводу старики относятся ко мне покровительственно, как будто жалеют, что ли. И меня, Ленка, это здорово бесит.

Теперь давай расскажу тебе про станцию. Здесь неплохо, хотя домом никак не назовешь. Но и на армию совершенно не похоже. Я думал, будут огромные бараки, двухъярусные кровати и все такое. А тут комнаты на двоих. Чисто. И в каждой комнате свой туалет, который никто не заставляет чистить зубной щеткой, как меня пугал наш Лексеич. Видимо, когда он служил, это было вполне в тему, а сейчас, как-никак, уже не те времена. Чему я здорово рад. Как здесь наказывают, я пока не знаю, потому что за два дня еще никто не успел толком провиниться. Хотя ребята разные. Нас тут двести шестьдесят четыре человека. Семнадцать девчонок-медицек. Но тут кое-кто говорит, что они не только медицинскую помощь оказывают и к ним ходят, ну... когда припрет. Поэтому у них и комнаты для каждой своя. Я не верю, но сам видел, что у девчонок на дверях такие штуки стоят — личные карточки считывать, вроде как сразу со счета деньги автоматически снимаются и им в получку начисляются плюс к зарплате.

Ладно, остальное в следующем письме, а тот тут сейчас проверка пойдет. отошлю письмо. Мне кажется, что ребята ящики взламывают и черновики читают.

Поэтому я сохранять не буду, сразу удалю. А в следующем письме буду дальше писать.

Приколись, уже столько накатал, а думал, что никогда письма писать не научусь. Так ведь получается, блин.

Эх, держись, подруга! Я еще стану великим... как его... эпистоляром, что ли.

Не смейся, как будто ты очень умная, все равно не знаешь, как выглядит автомобильная свеча.

Не грусти без меня. А я без тебя все равно буду. Реально фигово одному...

Ладно. Все, проверка идет.

Целую в щечку, ставлю точку.

Твой друг С. Ч.

Дата отправления: 16.09.2038

Вчера не получилось сесть и написать. Генка гонял нас на работу. Долбили тоннель подо что-то секретное. Женька говорит, сюда разведчики свою аппаратуру хотят установить, чтобы посматривать, что на других станциях делают. Особенно их французы напрягают и японцы. Только нашим секретчикам очень хочется, чтобы никто об этом их интересе не знал, поэтому мы должны усиленно делать вид, что строим себе подземную километровую бильярдную или женскую баню. Но, по правде говоря, я и про секретную аппаратуру не очень верю. На фига им здесь, на рогах, следить за своими же, землянами? Это все равно что ехать на Гавайи, чтобы подглядывать через дырочку в пляжные кабинки к русским девчонкам. Но мои выводы никого особенно не касаются, и баню мы строим или бункер для какого-нибудь джеймсбонда, а копать все равно надо. Смешно, конечно, но работа адова. Тут снегу по самые... слушай, чуть не написал слово, которое ты не любишь. Кстати, зря. Уж что дадено мужику природой, того не отнимешь. Я свое, во всяком случае, отнять точно не дам. Снегу,

короче, почти по пояс. И около станции. А если дальше идти, к горам — вообще крышка. Копаем до земли и дальше. Ясно, техника, но тут техникой не все можно сделать. Здешний снег не совсем как у нас, на Земле, в нем фигня какая-то, которая на электронику плохо влияет. Поэтому у нас копалки, которые на чипах, загибаются в три дня. А их потом Женька месяц чинит. Во всяком случае, он так говорит. А он вообще столько говорит, что я подозреваю, не всему можно верить. Но за что купил, за то продаю.

Так что копалку с чипом нам дают одну на группу. А копалки, которые без чипов, сколько унесешь. А называются они — лопатка саперная обыкновенная, ЛСО. Чувствую, мы с этой саперной обыкновенной за два года на морозе так подружимся — водой не разольешь.

А разделение здесь странное. По тридцать два чела в группе плюс начальник. Как узнал, в голову пришло, что это они слово «рота» неправильно поняли, с корнем «рот». Ребятам шутка понравилась, они теперь зовут друг друга «зубы». Мне сдается, здесь на Жемчужине народ вообще по своим каким-то правилам живет. Ну, они живут, и я привыкну. Ты же знаешь, я трава такая — куда брось, там и прижилось.

Весь день рыли. Даже обеда не дали. Генка сказал, пока туда-обратно дезинфекцию пройдем — и пообедать не успеем, и от нормы отстанем. А в конце месяца ребята из других групп будут с девочками в карты играть и отсыпаться, а мы будем здесь в мерзлой норе ЛСО ковырять.

Геныч, он вообще оказался отличный мужик. Натурально, железный. На него смотришь, кажется, будто ему ни есть, ни пить не надо. Прямо, сверхчеловек какой-то, типа супергероя. И читает столько, что закачаешься. Сразу ясно, почему он в командиры выбился. Такого не хочешь — будешь слушаться. Он ребят зря не гоняет, если надо что сделать, объяснит, зачем надо. А то Голо-

вин из второй группы так только орет. Дуболом армейский, не сказать бы хуже...

Так что, малыш, повезло мне конкретно. То ли в рубашке родился, то ли синяя птица мне на голову напала, да только в одной комнате с образцом воинской доблести живу, каждое утро вижу, как этот образец зубы чистит. По сравнению с ним чувствую себя тупым заморышем, хотя он хорошо со мной обращается. По командирским меркам. Туалет-то в нашей комнате все равно я убираю. Но мы оба люди довольно аккуратные, и это не особо напрягает.

Вот пишу, пишу, а о главном ни слова не написал.

Здесь, конечно, неплохо. Но мне ужасно не хватает тебя и мамы. И солнца. Тут почти все время темно и снег. Как люди не фигеют от этой темноты и снега. То, что они называют днем, я все еще воспринимаю как сумерки. А то, что они называют ночью, я называю «как у не...». Ой, извини, что-то у меня сегодня никак с политкорректностью (ну как, слово-то хоть я не переврал?!).

Скучаю.

Скучаю дико. Хотя солдатам, наверное, неприлично в таком признаваться. Но я еще не совсем осолдатился, поэтому могу скучать. Никто меня здесь не воспитывает, никто не одергивает, когда я говорю «носок» вместо «носков» или путаю «одеть» и «надеть»... Ромаха, хоть ты сейчас и за фиг знает сколько тыщ километров, ты все еще мой самый близкий друг.

Твой друг, Сергей Ч.

Дата отправления: 01.10.2038

Привет, Ромашка.

Считал-считал, думаю, это письмо ты еще успеешь получить до того, как я вернусь. Извини, что не писал целых две недели, но просто не мог. Обморозил пальцы на правой руке, да и с левой не все хорошо было.

Такая штука... Короче, здесь ведь не только колонисты живут. Тут еще и коренное население имеется. Аборигены, типа, четырехногие. Это такие зверюги, вроде шакалов, но помельче, размером с небольшую кошку. Но это такие падлюжные твари, что ни в сказке сказать. Дня через четыре после того, как я тебе в прошлый раз писал, на нас на наружных работах целая стая накинута. Женьке ногу разодрали. Еще кое-кому из ребят досталось. Ну, мы, в общем, от этой дряни отбивались, кто лопатами, кто чем. Генка пальнул пару раз, но не так, чтобы пристрелить. Этих гадов стрелять нельзя, а то всю ночь выть около станции будут, да еще и загадят все. А если просто распугать, то еще недели две не появятся.

Так вот одна собака с меня варежку стащила. Думал, не проблема, морозец не сорок градусов. А как стала рука замерзать, так уж поздно было. Как-то, раз — и вообще не чувствую. А левую я просто по дурасти повредил. На дезинфекцию после пошли, так я варежку с левой руки на правую натянул, думал, отогрею. А командиру про потерю обмундирования не доложил. Стыдно было дальше некуда, что дал шавке с себя трофей получить и как осел обморозился. Вот и получил химический ожог левой кисти. Температурища вскочила. Ну, дурак есть дурак. До сих пор даже вспоминать стыдно.

Загремел в лазарет. Там, понятное дело, отогрели. Даже, знаешь, предлагали кое-что. Но я отказался. Как-то брезгую, что ли. Не люблю мест общественного пользования. Женек говорит, еще не приперло. Он сам туда уже дорожку протоптал. Но он неплохой парень, и с головой. Вот он и шутит, что эта самая голова ему пока не дает.

И тут в лазарете и выяснилось, что у меня в карте группа крови неправильно указана. Мне написали третью, а у меня первая. Ошибка компьютера, сбой данных. И, в общем, я у них один такой на станции. И крови в

банке у них для меня нет. Так что мне теперь наружные работы заказаны, чему я, признаться, рад.

Зато сказали, что переведут. Написали по «командирской» на Землю, чтобы прислали транспорт за мной, потому как нельзя, чтобы человек служил в части, где для него донорской крови не приготовлено. Оказывается, новобранцев по группе крови сортировали. Единичка поближе к Земле служит, а меня сюда по ошибке закинули. Сообщение по «командирской» быстрее идет, но все равно будет на Земле только через четыре месяца, так что месяцев через пять за мной прилетят, а пока ребята зовут меня смертником и постоянно спрашивают, не было ли у меня в роду больных гемофилией.

Я спрашивал, нельзя ли меня хоть в какую другую группу перевести, где работа не угрожает кровопотерей. Я видел, что вторая и восьмая вышку какую-то монтируют, третья и четвертая строят жилые корпуса для этих, ну, которые всякие полезные ископаемые добывают, но остальные-то со станции и носа не показывают. Я и спросил, чем они занимаются. Не успел трех слов сказать, Генка рявкнул «секретно» и так зыркнул, словно я ему зуб без наркоза выдирать собираюсь. Вот ведь... Что я, не человек? По-людски не понимаю?.. Но я не в обиде. Он зря выламываться не станет. Он уже взрослый мужик, считай, а я кто?.. пацан зеленый.

Я что-то здесь уже прижился и улетать раньше времени не хочется. В другом месте пристраиваться, снова приживаться... Блин, неохота, жуть. Приписали меня к лазарету. И то девчонки не дают острые предметы стерилизовать. А вдруг порежусь как-нибудь зверски и кровью истеку. Витамины выдаю. Полы мою везде, где покажут. Чувствую себя бабой какой-то...

Вообще, странно. Вся жизнь был как все. Самый обыкновенный пацан. А вот теперь понимаю, как это — быть не у дел. Все равно то, что меня тут не должно быть, выяснилось бы очень скоро. Не из-за проклятых шавок, так в День донора. Стали бы брать у меня кровь

для банка, и все... Наверное, я потому так и невзлюбил этот хренов День донора, что все остальные его считают чуть ли не праздником. Парадная форма и все такое... Работы отменяются... Все идут в медчасть, сдают по пакету крови — это как везде. Но тут еще такая штука — потом каждому обратно заливают ту кровь, которую он месяц назад сдал. Типа как съесть консервы, которым завтра на помойку, но сегодня они как бы еще годны. В общем, лучше в вас, чем в унитаз.

Ну ладно, не будем о грустном.

Я, пока с перевязанными руками в бреду лежал, столько всего передумал и перевспоминал. Вспоминал, как мы с тобой последний раз на речку ходили и ты колечко потеряла. Закрою глаза и перед глазами зелень, как в воде. И, кажется, что протяну руку и под пальцами будет песок. А под ним камешки.

Я в тот день тебя домой отвел и до вечера в реке шарился, думал, найду кольцо и под подушку тебе тайком подброшу или попрошу мать в пирог запечь и тебе подарю на какой-нибудь праздник. Но так и не нашел. Мне иногда казалось, что найди я тогда колечко, и все было бы по-другому. И группу крови бы в карточке не перепутали, и vareжку бы с меня шавка не стащила. Глупо, да?! И я думаю, глупо. Только когда бредишь, много обычно в голову ничего не приходит.

Девчонки в лазарете думают, что ты — моя невеста. Ну, потому что я в бреду про тебя говорил и с Маринкой переспать отказался. Они уже и ребятам рассказали, так что теперь меня все подкалывают. Я сначала напрыгался по этому поводу, а потом подумал — а почему нет. Ты ведь не против. А так ко мне меньше цепляются, когда за компом письма пишу, и заглядывать теперь не пытаются. Типа, отношения влюбленных — это дело тонкое. Я даже под это дело стал типа нештатного психолога. Психолог-то так у нас Маринка. Но ребята к ней не особенно идут с сердечными делами, а со мной иногда откровенничают, потому что думают, что я лучше

женщин понимаю. Вот так, Ленусь, вышел твой Серега в исповедники. Громко не смейся, соседей разбудишь.

Ладно, надо ребят с наружных работ запускать. Я же теперь еще и на пункте дезинфекции работаю, кнопки нажимаю. Вкус власти и все такое...

Целую тебя и маму. Привет Владимиру Павловичу и Махе.

Твой груг Серега.

Дата отправления: 01.11.2038

Привет, Лена.

Еще месяц прошел. А как будто ничего не изменилось. Вокруг снег, ветер и темнота. Ребята по вечерам играют в карты, слушают музыку и, когда приходят девчонки, даже танцуют. Ну и пишут письма. Или читают вслух те, которые все еще приходят отслужившим. Знаешь, тянут из пачки нераспечатанных наугад и читают. Иногда такая фигня попадается, что просто диву даешься, как такое можно написать. А иногда читаешь, и дышать трудно, написано, прям как стихи.

Твои письма, наверное, тоже на стихи похожи. Я, правда, в стихах мало понимаю. Это тебе не футбол «наши с голландцами». Блин, даже по футболу уже скучаю. Мы здесь иногда играем, в День донора, например, ребята кровью наширяются и им здорово побегать охота, но все равно не совсем то получается. Ладно хоть договорился с Генкой, и он под свою ответственность берет меня на наружку, а то вообще вешалка. Никогда не думал, что день помахать лопатой будет для меня как праздник.

Но День донора все равно тяжело дается. Все гуляют. Шутят по поводу старой крови, что, мол, перед прошлой сдачей выпил малость, так теперь старую кровь обратно вкачали — похмелье. Женька любит шутить, что ему по ошибке влили кровь девчонок из лазарета, и он должен срочно пойти и дать им что-нибудь приятное вза-

мен, а лазаретские отвечают, что, так и быть, почетным донорам в профессиональный праздник на этот «взамен» действует скидка в пятьдесят процентов. В общем, люди наслаждаются жизнью. А я ощущаю себя исключенным из нее на целый день, потому что это двадцать четыре часа напоминания, что им служить вместе долго и счастливо, а меня весной здесь уже не будет.

Теперь уже немного понимаю эту страсть к чужим письмам. Знаешь, в этих письмах, даже в самых дурацких, есть хоть какая-то жизнь. А тут, на станции, ее нет совсем. Это как нырнуть и не дышать, но только не полминуты, а два года. А когда читаешь, кажется, будто ненадолго вынырнул и вдохнул. Когда письмо попадаете средненькое — чуть-чуть вдохнул, а когда хорошее — как чистого кислорода. Аж в голове звенит. И уже не так важно, что это письмо не тебе написано.

Но мне почему-то не хочется, чтобы кто-то читал так твои письма. Наверно, я жадный, потому что хочу, чтобы твоя дружба принадлежала только мне.

Твой Сергей.

Дата отправления: 01.12.2038

Привет, Лена.

Сам не знаю, для чего пишу эти письма. Вроде бы и сообщить-то нечего. Я все равно как вижу на календаре первое, так открываю почту и пишу.

Потому что в этот момент как будто говорю с тобой. Здесь же совсем все по-другому. Даже не знаю, как сказать. Я тут другой. Я тут солдат, товарищ, рабочая единица, да еще мало ли кто. Но это не тот я, каким был на Земле. Тот я остался. Точнее, я его оставил, потому что здесь ему нету места, здесь нужен я другой. Но иногда мне просто необходимо снова почувствовать себя тем, кем я был на Земле, просто для того, чтобы, когда вернусь, не чувствовать себя пришельцем. Вот что значит, не иметь привычки думать. Мне всегда смешно было на

слово «самоанализ», это вроде как сдавать мочу в лабораторию, где сам же и работаешь. А тут для этого самоанализа времени хоть объешься, а ни слов, ни навыка нет. Слышно только, как мозги в черепахе скрипят, а толку мало.

Ты бы все это красиво сказала. А у меня не выходит. Хотя можешь мной гордиться, потому как остальные считают, что я, наоборот, слишком много думаю. Меня даже прозвали Кантом. Но мне не нравится. Я в философии не сильно секу, поэтому в этом Канте мне все время что-то швейное мерещится.

Ты будешь смеяться... Ты всегда смеешься, когда у меня проблемы с девчонками, но тут другое. По ходу, одна медичка за мной ходит, как приклеенная. Кое-кто из ребят считает, что она в меня втрескалась, но мне кажется, она просто никак не может смириться, что я ей от ворот поворот дал, когда она меня соблазняла. Ей, по ходу, никто раньше не отказывал. Нет, ну, понятное дело, я тоже не монах, и иногда вообще находит так, что хоть на стенку лезь. Но как посмотрю на нее, сразу вспоминаю, что ей под халатик уже человек двести слазило и не по разу — и как-то сразу перестает хотеться. Я от нее верностью невесте (то есть тебе) отмахиваюсь, а она от этого еще больше сатанеет. Ну и... В общем, тут один пацан есть, который в нее серьезно влюблен. Женек, я вроде тебе писал про него. И мне как-то даже стыдно перед ним. Что она за мной так ходит. Мы с ним немного сдружились было, пока на нее это не накатило. А теперь вообще не разговариваем, потому что он от ревности изводится.

Я его спрашивал, почему он к другим не ревнует. Я, по ходу дела, один на этой вшивой станции, кто с ней еще не спал. А он говорит, что остальные — это часть профессии... По-моему, у него что-то в башке разладилось. Здесь, вообще, с ума прыгнуть — раз плюнуть.

В общем, иногда сижу и пытаюсь представить, как бы ты поступила на моем месте. Ну не совсем на моем. Ладно, фиг с ним, только опять в словах запутаюсь.

Я тоже, видишь, уже начал потихоньку с катушек ехать — письма пишу зачем-то. Ведь в никуда пишу. И не прочитаешь ты их. Даже если и получишь, я тебе их не дам прочитать. Но почему-то сижу и крапаю обо всем, за что мысль зацепится, как сопливая барышня в дневник.

Ладно. Хандра какая-то напала.

Кончаю строчку, ставлю точку.

Твой друг С. Ч.

Дата отправления: 01.01.2039

С Новым годом, малыш!

Желаю счастья и успехов в Новом году. Чтобы твои желания сбывались, мысли были хорошими, здоровье — отличным, настроение — превосходным, а сны — обо мне.

Ладно, шучу. Не принимай все за чистую монету. Просто праздник. И все такое. Ну и допинга немножко... Тут, конечно, не до шампанского, но если хорошо попросить в медчасти, то можно очень даже «веселовесело встретить новый год!». Эх, блин, напраздновались так, что слова в башке слипаются и на ржачь пробирает.

Но можешь мной гордиться, русо туристо по-прежнему облик морале, потому как даже такого тепленького Маринке меня не взять. Взвейтесь соколы орлами и всякое такое. Вообще-то я понимаю, что в таком насвиняченном виде неприлично письма писать. Но ведь это же Новый год. И все желания сбываются и т. д. А я сейчас больше всего хочу поздравить тебя с Новым годом. Поэтому не буду ждать, когда в мозгах прояснится, а то волшебства не будет. Это сейчас я добрый волшебник и могу с тобой за сто тыщ километров

разговаривать, а как только просплюсь, я буду кто? — Серега Чернов, человек с ЛСО и неправильной группой крови...

Знаешь, здесь чертовски хорошие люди. И мне здорово не хочется переводиться. Если бы ты с ними познакомилась, ты бы тоже не захотела. Потому что у меня здесь, на вшивом планетоиде размером в астероид Маленького принца, друзей больше, чем было на Земле. Особенно Женек и Генка. Гвозди бы делать... или как там.

Я никогда не думал, что у меня могут быть такие друзья. Нет, у меня, конечно, всегда была ты. И ты и остаешься самым лучшим и близким моим другом. Но вот такой прикольной настоящей мужской дружбы у меня не было. Даю что хочешь на отсечение, будешь удивлена, когда я приеду. Потому что я тут немного стал другим.

Ну не то чтоб совсем. Но... Короче, когда смотришь каждый день на людей, таких как Геныч, разговариваешь с такими, как Женек, самому тоже хочется в такие люди, из которых гвозди можно делать... Да что там, я читаю... Натурально, читаю. Классику всякую, и фантастику, и вообще все, что мне парни советуют. И я, наверное, уже понимаю, какой кайф ты ловишь, когда читаешь. Это как смотреть какое-нибудь прикольное кино, только круче. В хорошей книге ведь, как в машине, каждое слово движется, стучит, работает, только когда все вместе, получается реальный драйв. Ну, в общем, не умею я пока еще все правильно выражать. Да и развезло меня здорово со спирта, так что у компа еле сижу... а туда же, литературоведением заниматься...

Ребята лезут через плечо, подглядывают, засранцы (пardonэ мой французский)... Но я ведь криминала никакого не пишу, так?! Снаружи еще какой-то бардак творится, грохот. Или на нас напали французы с японцами или...

Дата отправления: 01.02.2039

Кажется, я уже разучился писать. ЛСО, мертвая промороженная земля, спирт из медчасти. Только он все равно не помогает. И я не могу больше. Но почему-то увидел на календаре первое число, сел за комп и пишу.

Может, ты и не прочитаешь этого, а может, и да. Потому что я, мать, уже не уверен, что у меня хватит сил прилететь и не дать тебе читать эти письма. Я почти мертвец. Мертвец, хоронящий мертвецов.

Помнишь, месяц назад... Да какого хрена ты помнишь?! Для тебя ничего этого нет. Ни для кого нет, и не будет, если я не напишу и не заставлю это быть. Потому что для Земли это будет только потом, когда дойдут эти хреновы письма. А сейчас у нас для вас все спокойно, как в Багдаде.

Под Новый год у соседей, на французской базе, рванул реактор. Не буду описывать подробности, но досталось и нам. Было двести шестьдесят четыре. И все эти двести шестьдесят четыре получили дозу. Не насмерть. Тогда казалось, что немного. Ну, поблевали... Ну, волосы, брови повывлезали, все такое. Так вырастут, велика беда. А через пару дней нас стало уже двести пятьдесят два. На следующий день двести сорок шесть. Потом двести тридцать два. Потом двести восемнадцать. Потом сто девяносто три. Кровь изо рта, отказ почек, печени и на сторону.

Лазарет вскрывал — мы хоронили. Мерли в лазарете — мы хоронили. Они сразу сказали, что на вирус похоже. А радиация стала чем-то вроде катализатора. Облучились и все, зажмурились за неделю полторы сотни хороших парней. Новобранцы. Поэтому и думали, что эту дрянь наша группа с Земли притащила или на корабле перезаразились. Как до этого дошли — нас всех, кто в группе был, изолировали.

Стыдно было. Жутко стыдно. Как будто в угол поставили, только в углу этом все время кто-то блевал и

кто-то умирал. И я все ждал, что я тоже. Одиннадцать дней ждал, что умру. А еще трупы таскал к двери, потому что другие уже не могли, а мертвецы — их же все равно не оставишь валяться прямо тут, на полу. Они были еще теплые, когда я их тащил. Я эти дни почти не ел и не пил, потому что меня каждый раз тошнило. Как только возьму под мышки кого-нибудь из ребят, кто уже того, а он еще теплый и как будто живой, так сразу все выворачивает. И спать не мог. Не спал, пока сознание не отключалось. Восемь дней с ребятами, три дня один. Старики все не хотели верить, что я не заразный. Ждали, что умру. Я тоже ждал. Но, знаешь, ребята, что со мной были, кое-кто даже пытались с жизнью счеты свести. А я не хотел. Думаю, умру как на роду написано. Противно, конечно, грязно. Но красота ведь никак не для мертвецов. А если я буду мертвец, то красивый или нет — мне уже будет по фигуре. Потом еще два дня вообще никого не было. Еды не было. Воды не было.

Когда меня выпустили, оказалось, что у них тоже не все розы и конфеты. Да, собственно, и выпустили меня не они, а Генка, потому что все, кто мог Генкой командовать, лежали себе в изоляторе на манер кабачка, с трубками везде. А тех, кому трубки были уже без надобности, некому было закапывать. Живые едва таскали собственные ноги.

А я вышел сам, хотя и держался за стенку, потому что не ел неделю, но вышел.

Сейчас нас восемь человек живых и шестнадцать коматозников в изоляторе. Но на снег выхожу только я, потому что остальные уже не так хорошо ходят. Самыми стойкими из стариков оказались девчонки-медики. Их из семнадцати шесть, да еще три в коме. Мужиков — я, Генка и Серега Бегов. Но он плохой человек, и я не хочу о нем. Видишь, Ленка, какой я терпеливый, толе... блин... рантный. Он плохой человек... А если я выживу, я лично привезу на Землю бадью с его прахом, дождусь, пока ее закопают, подойду и плюну.

Ладно, теперь я тут один за могильщика. Поэтому все. Пожаловался, поплакал и отлегло. Пойду я, Ленгыч. Меня там ребята ждут. Я их пока всех на улицу выволок. У нас полетели морозильники. Пес знает почему, вроде бы дрянь какая-то замкнула, попало что-то вроде большого паука, да только запеклось, не разобрать, но я никак не могу починить, и Генка тоже. Чтобы парни не портились, лежат на снегу. Копать паршиво, земля вся промерзла под снегом. Да еще и эти шавки. Я от них ребят закрываю специальным колпаком, который к земле креплю. Но вот когда мертвеца доставать надо, то возни много с открой-закрой. А если недоглядишь — псины объедят покойника в полторы минуты. А я не хочу так. Я с этими парнями за одним столом ел, за жизнь разговаривал.

Все. Еще напишу. Как Генка любит говорить, кивира взира. Не помню, как по-французски пишется. Он переводит: поживем — увидим. А я сам в словаре крылатых выражений посмотрел в электронной библиотеке. А потом по слову перевел. Переводится не так. На самом деле там: кто выживет, увидит.

Выживу — напишу.

Пока ты помнишь — я живой.

Твой С. Ч.

Дата отправления: 07.02.2039

Я все еще жив. Сам знаю, что пишу слишком рано. Но до первого марта мне не дотянуть. Генку парализовало. Ленка, если бы ты знала, какой это человек. Я писал тебе и еще раз напишу — он... Ну вот вроде всех этих героев из мифов, Геракла, Тезея... Он вот такой. Он такой человек, который мир возвращает. За такого человека... Да что угодно. Только ему от этого что-угодно сейчас никакого толку.

Я сегодня ночью его нашел. Он на топке работал, на печке. Ребята ведь многие бумаги оставили, а там есть

графа о транспортировке, в случае смерти, праха на Землю. Ну и оказалось, что очень много наших никак не хотели тут остаться, на Жемчужине. Генка мне их имена на листочек выписывал, я их с улицы приносил и в нашу последнюю исправную морозилку складывал, а Геньч их в печи жег. У нас две печки, на солнечной энергии, так что это не так накладно. Хотя какое тут солнце... Но все равно больше двоих в сутки не сжечь. Генка жег, пока я снаружи работал. А вчера ночью иду по коридору в комнату и вижу, он ползет. Генка ползет, а за собой мертвеца тащит.

Я так орал на него. Обзывал по-всякому, потому что от этого героизма все равно ничего не изменится. Ну дотасил бы он до печки, но ведь в печь-то ему парня все равно не затолкнуть. Он ничего не сказал. А ночью его совсем парализовало. А мне стыдно. Так стыдно, что невозможно. И надо было кому-нибудь рассказать, вот и написал.

Он сначала только молчал. А потом достал из кармана письмо и попросил прочитать. Я ему его трижды прочитал. Что-то мудреное, философское, от какого-то друга с Земли. Я ничего не понял. А он не слушал. Это я зуб даю. Он даже не вдумывался в слова, просто смотрел, как я шевелю губами, а это значит, что где-то у него есть один хороший друг, который пишет письма, и есть еще один, который, если что, ему их читает. А когда я понял, что он не слушает, я начал читать подряд все, что помнил со школы. Помнишь, обычно учат из «Тараса Бульбы»: «Огонь поднимался по дереву и охватывал его ноги...», а потом про красных волков и Базарова. А Генка взял и заплакал. Понимаешь, Ленка, я его спросил, почему он все это делал, хотя ведь знал, что глупо. А он ответил, что это достоинство. Это как песня моряков с тонущего корабля. Надо умирать и петь. Потому что это достойно. Потому что это как в штыковую атаку идти, когда патронов нет, глупо, безнадежно совсем, но до-

стойно. И тут мне стало стыдно. Потому что я у него эту песню, эту штыковую отнял, приволок в лазарет, заставил умирать на койке. А на койке это совсем без достоинства.

Он умрет. Может, уже сейчас умер. Когда я уходил, у него уже и десны и глаза были совсем желтые. Я все думаю, почему же это я все еще жив. Ведь явно же не из-за каких-то моих личных качеств. Да кто я по сравнению с Генкой?!

Ну да ладно. В конце концов, с чего я взял, что жив. Глупо. Может, я уже также не жив, как и они все, только еще не додумался до этого, а потому хожу и говорю. Может, коса тощей старухи уже приставлена к моему горлу, и все, что я делаю с этой минуты, — моя последняя штыковая. Можно было бы написать «песня», но ты же сама знаешь, как я паршиво пою.

А может, я уже не человек. Был человеком и умер. Умер там на улице с лопатой в руках. Скандинавские боги в Валгаллу меня не взяли, потому что ЛСО — это не оружие, и умер я во время боя не с врагами, а с собой, морозом да шакалами. А вот с Олимпа меня увидели и произвели в Хароны. Думаешь, не похоже. Здесь и реки нет, и лодки, и душами этих ребят занимаюсь сейчас не я, а апостол Петр. Но когда вынимаешь мертвеца из-под колпака, и он лежит на земле под мелкой снежной крупой, его не успевают засыпать всего, а только намечает немного в глазницы, и от этого кажется, что у него на глазах две монеты.

Ладно, надо двигать — у меня на полках всего тридцать урн, а в списке сорок два имени. И еще почти полста ребят поверх земли, хотя им по всем правилам давно полагается быть под.

Прощай, Ленка. Кажется, ты единственное в мире, что заставляет меня петь.

Твой С.

Дата отправления: 14.02.2039

Целая неделя покоя. Отчего чувствую себя кем-то другим. Новым. Спокойствие это, по правде говоря, не кажется мне нормальным. Поэтому и вспоминается шизофреник Иван Бездомный из «Мастера и Маргариты». Вот и я уже почти дошел до того, чтобы вести с собой-прежним разговоры «за жись», но креплюсь. Теперь точно знаю, что такое гробовая тишина, хотя тут на весь планетоид и нет ни одного гроба. Похоронил почти всех, и целую неделю никого не видел. Договорились с девчонками, что я не буду к ним заходить, потому что они, якобы, за меня боятся. Я еще на ходу и могу парней закапывать, а если заражусь в лазарете, то некому будет хоронить. На самом деле, мне кажется, что они просто не хотят, чтобы я видел, как они сейчас выглядят. Девчонки есть девчонки. А я тут, как ни крути, единственный мужчина. По правде говоря, мне и самому как-то не по себе там, в медчасти. Боюсь, что не успею притвориться, что все нормально. По переговорнику у меня врать лучше получается. Мы с ними дважды в день перезваниваемся. Скоро уже шесть и будут звонить.

Знаю, что хвастаться глупо, да и нечем особенно, но я теперь вполне сносный могильщик, и работа идет достаточно легко. Так что если я отсюда все-таки выберусь, то без работы точно не останусь и, пожалуй, присоединюсь к рядам веселых шекспировско-вальтерскоттовских гробокопателей даже с некоторым удовольствием. Хотя бы потому, что у нас на земле большую часть своей жизни работники ритуальных служб работают не по двадцать, а по восемь часов в сутки. А спать я почти не могу, даже когда устаю так, что ног под собой не чувствую. Зато от бессонницы постепенно впадаешь в такое интересное состояние, когда реальность становится почти равна полному ее отсутствию. Такое ощущение, будто моя голова существует как-то сама собой. Когда я не могу спать, я читаю. А ког-

да не читаю, я выхожу наружу, работаю и обдумываю то, что прочитал. Оказывается, все ребята привезли с собой свою электронную библиотеку. Я свел все в один список и теперь читаю все подряд, в смысле — что попадется на глаза. Но не по алфавиту, потому что на букву А одни древние греки и женские романы, а и то и другое не дает достаточного материала для восемнадцатичасового размышления с ЛСО в руках. Читаю все подряд — вплоть до справочников по пилотированию легкого межпланетного транспорта или настольной книги начинающего минера (знать бы, кто из ребят ее в компьютер залил).

Я настолько привык ко всему здесь, что уже сама наша земная реальность кажется выдумкой. В таком вакууме, как тот, где я сейчас нахожусь, особенно заметно, что и реалистическая, и нереалистическая литература в равной мере не имеют с реальностью ничего общего. (Здорово завернул, а?) Я тут подумал: в книгах всегда слишком много народу, и там всем слишком есть друг до друга дело, а на самом деле мир заботит человека лишь в той степени, в которой соотносится с его, человека, нуждами. Изначально человек создан одиноким, как Адам в раю. Потому что одиночество неуязвимо. Это особенно хорошо понимаешь здесь, когда между тобой и богом только темное небо. Иногда я закрываю глаза и представляю, что в этот момент мир исчезает, потому что я не наблюдаю за ним, но в этом своем небытии он притаился и ожидает мгновения, когда я снова взгляну на него, позволив ему появиться. Возможно, до этого уже много кто додумался до меня, но в моем собственном для меня существующем мире я до этого дошел сам. Что, пожалуй, является еще одним доказательством мысли, что горе от ума, поскольку если бы я вместо того, чтобы выдумывать всякое, поживее махал бы лопатой, то ребята все до единого уже перекочевали бы из-под брезента и колпака под землю.

Знаешь, тут как-то вспомнил. А ведь на Земле, наверное, уже получили требование о моем переводе и даже, возможно, выслали команду, а об эпидемии не знают. Ведь надо же как-то предупредить. Хотя, вполне возможно, чтобы не тащиться в такую даль ради одного, они решили дождаться мая и явиться за мной с кораблем новобранцев. А к маю, скорее всего, сообщение об эпидемии будет уже на Земле. Это, конечно, может значить, что за нами не прилетят, а просто законсервируют станцию и предложат утопающим спасти себя самостоятельно, но зато у нас на совести не будет сотни новобранцев, которые без защиты явятся на станцию и через пару дней дадут дуба. А еще есть надежда, что до того, как придет наше сообщение, французы отпишут своим о том, что доконали реактор. Если, конечно, там у них хоть кто-то выжил. Странно, за полтора месяца ни разу не задумывался, как они там. Сходить, что ли? Уже половина седьмого, и снаружи, наверное, добрых минус тридцать шесть-тридцать семь. К тому же и девчонки из лазарета еще не звонили.

Надо зайти. Подожду минут десять и пойду, хотя ужасно не хочется. Это ведь тоже как будто глаза закрывать. Не вижу и не думаю. Женьку с трубками в носу, в горле, в руках и вообще много где, не вижу, девчонок, которые еле на ногах держатся и есть не могут, потому что тут же блюют, не вижу. Знаю, что они сами меня попросили не ходить, но ведь я мог и не послушаться. А я согласился, потому что мне так удобнее. А теперь боюсь идти.

Ладно, не пацан. Или как правильнее: не мальчик, но муж.

После всего того, что я тут так красиво и по-умному написал, даже стыдно признаваться, что страшно до усрачки. Но из песни слово не выкинешь.

Твой Серега Ч.

Дата отправления: 15.02.2039

Маринка взяла у меня кровь на анализ и отпустила меня на полчаса, потому что... А кто ее знает почему. Жалеет, наверное. Мне тоже ее очень жаль, потому что ей не выкарабкаться. Я вообще не знаю, зачем мы их мучаем, зачем задерживаем здесь, между тем миром и этим, если и без того известно, что отказ печени — это только дело времени. А искусственной печени у нас нет. И пересаживать тоже не от кого, да и операцию делать некому. У Маринки на это нет сил, а у меня знаний. Зачем тогда все это — мыть их, переворачивать, проверять все эти трубки, если дрянь, которая в них сидит, никуда не денется. Только будет пожирать их, медленно-медленно.

Знаешь, почему они вчера не отзвонились — потому что некому было. Оказывается, их уже вчера было только трое, и двое умерли, а Маринка уже на тот момент была парализована почти полностью. Она пыталась добраться до них или хотя бы до телефона, но упала с кушетки, сильно ударилась, пролежала без сознания до моего прихода. Так что сейчас я за главную няньку. Мою коматозников каждые два часа, руки-ноги сгибаю-разгибаю, буду учиться ставить катетер, так что жалею, что не знаю ни одной молитвы целиком.

Утешает одно — тренироваться буду на Бегове, потому что ему хуже всех, а это даже страшнее, чем плюнуть на его могилу, как я хотел. А теперь как подумаю, что буду в него иголки втыкать, то как-то и ненависти не остается.

Знаешь, я ведь не говорил тебе, почему я на Бегова так злюсь: я из-за него чуть не умер, когда сидел в изолированном крыле станции с кучей трупов. Они посылали к нам одного человека в спецкостюме, чтобы трупы убирать и докладывать, сколько осталось. Так он доложил, что все трупы убрал, а живых не осталось, а сам крыло запечатал, потому что входить побоялся, что-

бы не заразиться. И оставил меня на двое суток в темноте и холоде, среди груды гнилого мяса. Я раньше просто не мог рассказать, а теперь, когда увидел его в лазарете бледного как кальмара, всего в трубках — как-то отпустило. Я не знаю, как Генка меня нашел, может, сразу заподозрил неправду, только времени не было проверить... Но, знаешь, Лен, несмотря на то, что Серега — очень нехороший человек, я боюсь, что мое неумение может его убить.

Я вообще стараюсь не думать. Вчера Маринка без сознания лежала, а я не знал, что делать. Обошел всех... в общем, ты знаешь, кое у кого из командиров, кто раньше слег, жар не спадает, и я посмотрел — в пролежнях прям ошметками мертвое мясо, потрескалось все, разлагается и пахнет трупом. Я когда мыл — думал, так надо. Я же не видел раньше, как заживо гниют. Я вообще лежачих не видел. А Маринка сказала, что им все уже, крышка. Говорит, надо «отпускать» — приготовила три шприца, а «отпускать» я должен... Ленк, я предполагал, что может так случиться, что мне нужно будет убивать, даже людей убивать. Но не думал что так. Как думаешь, что они вообще чувствуют? Ничего, наверное, потому что как же это можно чувствовать и гнить, как картошка в погребе.

Ладно, пора идти. Но я потом еще напишу, как только минута будет.

Твой С. Ч.

Дата отправления: 15.02.2039

Теперь мы знаем, что за дрянь всех убила. Маринка все-таки чертовски умная девчонка, и жаль, что жизнь запихнула ее на этот вшивый планетоид. Возможно, сейчас копошилась бы на Земле в каком-нибудь НИИ, в лаборатории. А она тут. Но зато я теперь знаю, что, во-первых — не заражен, а во-вторых — что остальным отсюда не выбраться.

Я совершенно не ожидал того, что она скажет. А когда услышал, на меня как накатило — смеялся до слез. Маринка говорит, что это была истерика, но я так ржал, что ее некоторое время не слышал вообще, да и укол успокоительного себе сделать вряд ли смог, все тело судорогами сводило.

Помнишь, я все страдал, что на День донора один, позабыт-позаброшен. А теперь оказывается, что именно отсутствие для меня крови в банке и исключение из списков на День донора и спасло мою задницу, а иначе лежал бы я сейчас там со всеми. Потому как зараза была в пакетах с кровью. Когда новую сдавали, старую кровь заливали обратно, а вместе с ней и эту дрянь. По Маринкиным словам, такая штука, когда не активна, похожа на белок, который за группу крови отвечает, маскируется так. Ни один фильтр не выцепит. В первый час-два после того, как попадает в температурные условия 36—38 градусов, то есть в тело здорового человека или животного с нормальной температурой, начинает резко размножаться, а потом получившиеся вирусы закукливаются и ждут следующего пункта в карте благоприятных условий — радиации. Организм к этим кукушкиным яйцам, подкидышам, постепенно приобретает что-то типа иммунитета, то есть системы авторегуляции человека, который уже много месяцев на Жемчужине и давно заражен пассивной формой вируса, начинают эти закуклившиеся штуки опознавать и выводить, поэтому концентрация поддерживается небольшая. Зато те, кто прожил зараженным меньше полугода — на самом пике, просто начинены этими штуками, как киви семечками. Поэтому ребята нового призыва первыми и умерли.

Под воздействием радиации вирус просыпается, активизируется и в этой фазе атакует антителами организма, которые, вместе с вирусом, выкашивают и эритроциты, а вирус тем временем доедает печень. И все это на фоне лучевой болезни дает то, что мы име-

ем. Эпидемию неопознанного космического дерьма. Лучше я объяснить вряд ли сумею, но что понял — то и попытался написать. Маринка думает, дрянь мог принести кто-то один, а потом, через девчонок-медичек или еще как, инфекция распространилась по базе. А я думаю, шавки могли. Кусанули того-другого. Со слюной в рану попало...

Доконав организм, вирус снова замирает. Из печени не вылезает никаких монстров, никаких зомби по станции не бродит, нигде ничего. А даже я, медицински тупой обыватель, понимаю, что ничто в природе, даже инопланетной, не станет убивать ради того, чтобы убивать.

Маринка устала и спит, а я все думаю. Правда, я обещал ей, что когда она проснется, я уже закончу одно дело — «отпущу» обреченных. Как она это называет. А у меня рука не поднимается. И все думаю, что же это за штука и почему она убивает. Должно же что-то вырасти, мутировать... Должно же что-то происходить.

Дата отправления: 22.02.2039

Маринка постоянно в лаборатории и даже спит там. Она почти не ест, и я боюсь за нее. У нее такое лицо, словно если бы она не была парализована, то повесилась бы в ближайшем чулане на манер гражданина кантона Ури. Но проблема в том, что ей сейчас не только в туалет сходить, но и не повеситься без моей помощи. Я почти все время один и, кажется, забываю, как говорить.

Мою, меняю трубки и катетеры, тех, кого уже не надо мыть, жгу и ссыпаю в урны. И мечтаю о том, чтобы как следует выспаться, а потом читать. Читать, читать. Иногда думаю, что если бы ко мне в комнату вошел булгаковский Воланд, я бы попросил у него покой. И Ленку Максимову.

Мы бы сидели с тобой при свечах, пили фалернское из запыленного кувшина, ты бы, как Мастер, писала книгу, а я с преогромным удовольствием делал все, что полагается делать Маргарите — спал под цветущими яблонями, думал и читал. Все-таки хорошо, что у меня есть такой друг, как ты. И мне иногда ужасно жаль, что все это время, пока мы с тобой каждый день могли гулять и болтать, я так и не удосужился попытаться дочитать до конца хотя бы одну из книг, которые ты любишь. А сейчас, когда я их прочитал уже не один десяток, сомневаюсь, что представится случай их с тобой обсудить.

У меня такое ощущение, что моя душа стала как вареный куриный желудок. Знаешь, я вчера убил Женьку. Ему было совсем плохо. И Маринка сказала, что пора его «отпускать». Я подошел, все приготовил, а потом посмотрел на него и понял, что не смогу.

А потом бродил по коридору и, как-то само собой получилось, забрел в его комнату. Женька у нас был на привилегированном положении, как технически умная голова, и жил один. Посмотрел. И там все, как у всех. Письма на стене. Как только открыл дверь, зашелестело, как в роще. А пригляделся, а это не чужие письма, а его. К Маринке. Он, наверное, больше полсотни написал. Даже странно, по девчонкам столько бегал, а ей писал письма.

Я их прочитал. На Земле это было бы плохо, даже неприлично. А здесь, на Жемчужине, все по-другому. И я их прочитал. Не все, десяток-полтора. А потом сходил в лазарет, привез Маринку в комнату, повынимал ей все письма из конвертов, а потом к печке отправился.

Честно говоря, боялся, как она эти письма воспримет. Потому что это столько чувства, что оно словно само себя изнутри разрывает. И письма от этого совсем не сентиментальные, какие-то изломанные и неправильные, и очень красивые. Ты как-то мне показывала в альбоме Пикассо (я еще, дурак, смеялся, что «голубой»

период) такую репродукцию, где огромная женщина, как будто составленная из скальных глыб, такая громоздкая, первобытная, угрожающая и очень телесная, как только что распаханная земля. И вот у него такие же письма. И я подумал, что вдруг она со своими бактериями, микроскопами всего этого не поймет. Я бы не понял, если бы ты мне ту картину не показала.

А она поняла. Я ее на руках отнес, чтобы она могла его поцеловать. А потом я Женьку убил, потому что понял, что ничего лучше с ним уже точно не случится.

Максимова, давай договоримся. Когда я буду умирать, ты ведь меня поцелуешь. Даже если у тебя к этому времени будет знойный муж-атлет и дюжина детей. Положи руку на что хочешь и пообещай. А я пообещаю не умирать слишком далеко от тебя, чтобы ты успела.

Твой друг С. Ч.

Дата отправления: 15. 03. 2039

Я знал, что они не полетят за мной. Даже странно, почему я раньше не чувствовал, что мне отсюда никуда не деться. У меня наверняка нет ни капли интуиции. Маринка держится, и мы по-прежнему вдвоем.

Я был у французов. Там никого не осталось. Но я проверил кое-что и уверен, что сигнал на Землю они все-таки отправили. Так что рано или поздно сюда кто-нибудь прилетит. Правда, в какой-то момент показалось, что на станции еще недавно обитал кто-то живой, есть свежий мусор, но никто не убирал нечистоты и трупы, поэтому, даже несмотря на холод в комнатах, там жуткий запах, и, если б не опыт сидения среди трупов в запертом крыле, я бы, может, и побоялся за свою психику. А уж человек послабее нервами с мозгов бы попятился моментально, только в путь. Но это я так, храбрюсь, а на самом деле там совсем плохо. И ребята валяются везде, прям в лужах... Извини, ты ж у меня тоже натура тонкая. Хоть и пишу вроде как самому себе, а ведь все

равно не исключен вариант, что я отсюда не вернусь, и ты эти письма все-таки получишь.

Расставил по снегу возле посадочной площадки сигнальные огни. Но насчет заразы не беспокоюсь. Не будут кровь из банок в себя закачивать — ничего плохого не произойдет.

Хотел дойти до японцев, потому что слышал звук корабля. И, если это не была галлюцинация, на японскую базу прибыла партия новобранцев. Очень хотелось пойти посмотреть и, если что, попросить помощи, но не смог — несколько дней сильно мело и продолжает метсти, так что даже шавки не подбираются к двери. А уж этих тварей обычной метелью не испугать.

Помнишь, у Булгакова: «У-у-у! Выюга в подворотне поет мне отходную, и я вою с ней».

Все равно, я думаю о тебе.

С. Ч.

Дата отправления: 20. 03. 2039

Несколько раз пытался пройти к японцам, но меня едва не загрызли проклятые шавки. Они выглядят как-то странно, с раздутыми боками и шерсть лезет кло-чьями. И я видел несколько издохших, но не стал подходить, потому что их до половины затянуло какой-то белой пленкой, а мне сейчас меньше всего хотелось бы подцепить смертельную новинку из местной флоры или фауны.

Маринке вроде бы становится лучше. Во всяком случае, она пару раз пыталась вставать сама. У нее сохнет левая рука, но то, что она уже пару раз сумела без моей помощи сходить в туалет, ее очень ободряет. Так что в целом у нас все идет на лад, и судьба медленно отворачивает от нас свой тучный филей и обращает в сторону нашего космического закутка сострадательный фас.

Немного тянет за душу то, что увидел на французской станции. Мертвые люди как поленья лежат, про-

сто так, поверх земли. Пока к ним прилетят, туда уже шавки заберутся, объедят тех, кто на холодке не... испортился... Вот ведь, даже думать невыносимо, а все равно думается. Так и придется снова туда тащиться в костюме, хоть закрыть их чем-нибудь, что ли. Похоронить всех нереально, костюм-то костюмом, а если я там буду особенно копать, то светиться начну. Но так оставить не могу.

Странно, каждый день вижу гниущее человеческое тело, а чувства пустоты, окаменелости внутренней нет. Раньше был как терракотовый воин — ничего не чувствовал, зато теперь как будто даже слово навывлет проходит. Маринка иногда огрызнется на меня из-за ерунды какой-нибудь, а у меня на душе еще долго кошки скребут, что это я виноват. Кажется, еще немного, и я снова смогу плакать. А там, глядишь, перестану сомневаться в том, что все еще жив. А то до сих пор иногда находит...

Тут странное было — не знаю, как правильное сказать — было или не было, померещилось, может... Только — я как-то проснулся утром, на Маринку глянул — и вдруг показалось, что она не дышит. Я к ней, прислушался, вроде жива. А пока бежал, заметил, словно тень какая-то на пол соскользнула. Белесая, словно паутинку ветер смахнул.

Все боюсь, что случившееся не пройдет даром, и я все-таки свихнусь. Надеюсь, я успею это заметить.

С. Ч.

Дата отправления: 24. 03. 2039

Представляешь, он был там. Человек. Живой.

Я специально пошел на станцию с другой стороны, где подходы не так просматриваются. Все мне эти следы покоя не давали: банки, которые недавно открывали, ложки, недавно перепачканные.

В общем, поймал я нашего йети. Зовут его Ксавье Реми, но Маринка прозвала его Пятницей, во-первых, потому что замотан в рванину, совершенно не понимает речи ни на каком из известных нам двоим языке, а во-вторых, потому что изловил я его именно в пятницу. Маринка отшучивается, что она тогда будет Робинзоном, а я попугаем. Кстати сказать, ей значительно лучше. И болезнь уже настолько отпустила, что за собой и Пятницей она ухаживает сама. Поэтому есть время наведаться в пещеру. Но об этом надо по порядку.

По правде говоря, я и сам еще не осознал, что такое видел, но думаю в ближайшее время прояснить для себя этот вопрос. А началось все с погони за нашим Пятницей. Боялся сначала, что он по станции побежит, по трупам, но он сиганул в какой-то лаз. И я за ним, в костюме-то. Полз на четвереньках минут десять, а сам все думаю — только бы не застрять.

И вдруг лаз кончился, да так внезапно, что я вывалился из него, как шар из лототрона. И, представляешь себе, пещера. Огромная, вроде зала в филармонии, и вся в серебряном сиянии. Как снег на солнце. Я сначала и подумал, что это снег. А присмотрелся — там пауки. Все выступы, все щели выстланы буквально этими пауками. И от них светло.

А метрах в пяти от меня сидит мой йети с блаженной улыбкой на чумазой рожице и по эту самую рожицу пауки его и облепили.

Не поверишь, я как это увидел — и побежал. Как по лазу полз, как по снегу несся — не помню. Очнулся в поле. Уже и станцию нашу видно. Чувствую, трясет всего, зубы клацают и кровь в висках стучит. И думаю: уж лучше как ребята, чем вот так — чтобы тебя пауки живьем жрали... и улыбаться...

Тут и решил: не могу я так с человеком поступить. И если уж костлявая старуха заставила меня собственными руками похоронить две сотни друзей, над самой

головой косой чиркала и не тронула, подождет и еще малость.

Может, и вправду, кто-то более сильный, более могущественный, какой-нибудь божок, засевший в этом углу Вселенной, сжалился надо мной, а может, просто воображение, сыграв свою злую шутку, успокоилось, только я нашел его совершенно одного. Не было и следа белых светящихся пауков.

Я взял упиравшегося француза за руки и запихнул в лаз.

Понятное дело, трудно сперва было. Но он теперь уже ничего, ест неплохо и убежать не пытается. При нем нашлись документы, и, оказывается, наш Пятница — не простой замухрышка-солдатик. Ученый муж, так сказать. Судя по той высокоумной галиматье, что выдал нам переводчик, долго обмозговывая то, что написано в его документах, наш Ксавье — биопсихолог, насколько я понял — кто-то вроде специалиста по установлению контакта с разумными животными. Вот какие люди на Жемчужине с ума сходят — не чета нам, простым смертным.

Вот так вот, Ленка, бывает. Учился человек в Сорбонне, стажировался, апгрейдился, самосовершенствовался... и лишился остатков разума на крошечной мрачной планетке, завернулся в тряпки и стал нашим Пятницей.

И нам с ним как-то лучше. Не сказать, чтоб особенно весело, но почему-то кажется, что если мы его спасли, то нас тоже спасут. Прилетят, заберут с этой забытой планеты, сделают так, чтобы все забылось, как страшный сон.

Может, так и случится.

Дата отправления: 14. 04. 2039

Мы все еще ждем. В мае должна прибыть новая партия новобранцев. Прийти корабль, на котором мы сможем вернуться домой.

Маринка понемногу ходит. Из коматозников у нас осталось 7 человек. Всего наличный состав живыми и полуживыми — 10 единиц.

Забавно, как прорастает жизнь. Пару месяцев назад я считал себя мертвецом. А теперь... у меня есть дом, хоть и сумасшедший. У меня есть семья — какая-никакая, а все-таки группа людей, которые доверили мне свои жизни. И если Маринка теперь вполне подходит на роль жены, то Пятницу можно по полному праву считать иждивенцем.

Странно, сам отлично понимаю, что ничего хорошего ждать не следует. Май на носу — и пока что никто не прилетел. И не факт, что прилетит в мае. А если прилетит, то из этого не следует, что нас станут спасать. Кому есть дело до калеки, сумасшедшего и парня с неправильной группой крови.

Но отчего-то с каждым днем надежда не уменьшается, а скорее наоборот.

Может, оттого, что уже много дней я никого не хоронил.

Приятная мысль.

Дата отправления: 20. 04. 2039

Страх проходит.

Удивительно наблюдать, как человеческое существо перестает бояться.

Просто вдруг понимаешь, что не может быть хуже, чем уже было — будет по-другому, а по-другому — это все равно лучше. И теперь не очень хорошо представляю, что делать с этим свалившимся на меня бесстрашием. Маринка неплохо ходит, за день обходит почти всю станцию. Ухаживает за Пятницей, и мне иногда кажется, что она словно злится на меня за то, что я видел ее беспомощной и жалкой. И от этого я ее еще больше жалею. Вот и стараемся меньше видаться. Занимаемся

каждый своим делом. Один плюс в этом есть — не я теперь ухаживаю за теми, кто в коме.

Я спустился вниз, в тоннель — пытался выяснить, что за «женскую баню» строили мы с парнями. Ничего не нашел. Нора как нора.

Был на французской, лазил в пещеру. И тоже ничего. Ни секретных документов, ни белесых пауков.

Был у японцев — там вообще пусто. Видимо, умные ребята вывезли все, что смогли затолкать в корабль, а остальное уничтожили.

Ксавье пару раз убежал, но возвращался. Обмороженный и счастливый. И я стараюсь не думать о том, куда он бегал. К нему понемногу возвращается память и рассудок. Думаю отладить переводчик, чтобы можно было говорить не только на языке жестов. Хотя, учитывая тенденцию, можно просто сесть и выучить французский. Если за нами не явятся, нам троим жить тут долго и счастливо.

Странная штука: Маринка, как поправляться стала, кровь стала проверять — есть ли там еще та штука, что всех убила. И оказалось — есть. Под белки замаскированы. Даже больше стало. Только они замерли. Пока не ясно, что за ерунда. Но Маринка умная девчонка, может, разберется.

Скучаю по тебе, Ленка. Так скучаю, что иногда кажется — ребра лопнут. Внутри все в узел вяжет. Иногда нет-нет да и подумаю: помолиться за Максимова.

Будь счастлива.

Дата отправления: 01. 05. 2039

Да уж, есть от чего сердцу в пятки уйти.

Они действительно разумны.

И, может быть, они те, кто сможет помочь.

Но, в общем, это надо рассказывать, а рассказчик из меня всегда был не особенно хороший. Уж как сумею...

В общем, Ксавье снова сбежал. И я пошел за ним. Точнее полез, потому как наш Пятница напрямиком отправился к своей базе, нырнул в лаз и заторопился к пещере.

И когда я выбрался следом — они были уже там. Сонмища пауков. Поначалу снова и кровь застучала в висках, и мороз продрал по спине. А потом — присмотрелся, подумал: Пятницу не сгрызли, и меня не заедят. И пошел вниз.

Не знаю, как хватило спокойствия — снял шлем и рукавицы, сел рядом и просто закрыл глаза. Все-таки ждал, что набросятся.

И они ждали. Наблюдали за мной.

А потом такое легкое, невесомое касание, словно кто перышком гладит по лицу и рукам. Перышко, щечка, приблизилось к уху. И я услышал их.

Они шептали, легко грассируя. Четко и ласково втолковывая что-то, как ребенку.

— Я русский, — вполголоса поправил я, и странные голоса, забравшиеся в мою голову, перешли на русский.

И я понял, что разучился не только бояться, но и удивляться. Потому как совершенно не удивился, что сошел с ума и слушаю пауков. Я открыл глаза и увидел перед лицом полупрозрачное, размером с перепелиное яйцо тельце и четыре похожих на кристаллики соли глаза с мелкими ресничками. Он смотрел без выражения, и в то же время казалось, что паук видит меня насквозь.

В общем, не дурак оказался наш Пятница, далеко не дурак. И спятил не от бледных паучьих лапок. Видимо, не выдержал другого — как умирали друзья. А вот ему пауки умереть не дали. Психику не вылечили, зато тело подлатали.

Если бы сам не видел и не чувствовал, не стал бы говорить. Ты меня знаешь. Я просто подумал, почему нет. Даже если они... ну, поработят меня, что ли, зомбируют

или еще что-нибудь в этом роде — куда я денусь с этой планетки. И я спокойно расстегнул ворот костюма и позволил им забраться мне за шиворот, повернул руки ладонями кверху, чтобы стали видны шрамы от излишнего рвения в работе с ЛСО. Паук вытянул над моими ладонями тонкие длинные ноги. И от каждой из этих ног потянулись в воздухе едва заметные серебристые нити, распались на еще более мелкие, и дальше, дальше, пока над моей кожей не нависла лишь серая дымка. Она коснулась меня — и мне показалось, будто кожа припухла, руки словно отекали. А потом шрамы расплылись и начали таять.

Я выругался. Голоса, все еще шептавшие мне в ухо, ответили тихим смехом. И от этого стало хорошо и тепло. Кажется, я уснул. И уснул, думая, что либо вообще не проснусь, либо проснусь не тем, кем засыпал. И зря дал волю паранойе.

Они, я прозвал их лохматыми, еще толпились вокруг, когда я очнулся. И, признаться, чувствовал себя так, словно заново родился.

Мужики есть мужики. И я мужик, потому как, получив в руки неизведенное, толком не протестированное, не смог удержаться и не побаловаться с новой «штуковиной». Особенно когда «штуковина» — четырехглазое паукообразное с мозгами академика РАН и такими возможностями...

В общем, пишу тебе с компьютера французской станции, потому как домой пока решил не возвращаться. Хочу, что называется, принести мамонта — вернуться с добычей. Точнее, добычей лохматых вряд ли можно назвать. Лучше сказать, хочу привести домой друзей, которые помогут. Только друзей этих нужно как следует потестировать.

Померил — на станции радиации нет. Лохматые говорят — они справились. Верю.

Ксавье остался с ними в пещере, а я часа два гонялся по морозу... за шавками. Нашел много дохлых. Со взду-

тым брюхом и желтыми глазами. Похоже, твари все-таки наелись мяса, пока я хоронил ребят.

В конце концов удалось поймать псину. Лезть в пещеру маленькая кусачая гадина не пожелала, и в какой-то момент мне даже стало жалко ее. Шавка дрожала всем телом и тихо подвывала, пока я волок ее по станции в медицинский отсек и к операционному столу прикручивал.

Лохматые согласились выйти сами. В одно мгновение собаку опутала мелкая серебряная сеть. Пациентка резко вздохнула, с всхлипом — и я уже решил, что издохнет. Но шавка выдохнула и заснула. Как выключилась. Кожа на ней заходила ходуном, слегка подсвечиваясь, словно там внутри кто-то водил карманным фонариком. Вздутые бока начали медленно опадать. Шерсть все еще висела клоچьями, но кожа постепенно из сизой становилась розоватой, а склеры приобрели нормальный цвет.

Еще через четверть часа на столе завозилась вполне здоровая на вид псина.

Честно скажу, я человек приземленный, даже слишком. Может, будь я Ксавье и имей знания в сфере общения с разумными животными, сказал бы иначе. А так — рубанул напрямик. Что вы хотите за то, чтобы вылечить восемь человек на нашей станции. Люди разные, в основном хорошие, у них есть семьи. И я готов за это отдать вам все, что угодно.

И в тот момент действительно готов был отдать им всего себя — за Маринку, за Бегова...

И знаешь, как они смеялись... Можно не верить, мол, чего не наплетут такому лопуху, как Серега Чернов, разумные пауки, но для них лечить нас — как наркотик: немножко серотонина, адреналина и чего-то еще... И они за каждую такую дозу что хочешь сделают. Но им надо, чтоб человек был хороший. Контакт им нужен. Правду они, видишь ли, чувят. И за правду готовы вдвоём серотонином наширяться.

Вот так, Ленка, я собираюсь доверить судьбу восьми человек паукообразным наркошам. И это единственный шанс спасти тех, от кого даже костлявая отвернулась — побрезговала.

В общем, все не так уж плохо, и может статься, прилетевшие за нами...

Вот черт, кажется, они...

Дата отправления: 05. 05. 2039

Они прилетели. Наши спасатели. Я как раз писал тебе письмо, когда заметил вспышку в нашей стороне. Ксавье оставил с лохматыми, рванул один. Радостный, дурак, что прилетели, спасут, вывезут. Бросился, как к родным. Всего четверо. Поздоровались, не снимая защитных костюмов, приняли документацию и доклад, осмотрели медчасть.

Дядечки отправились совещаться в лазарет. Сидим вдвоем. Глупо и как-то неловко, вот я и решил: напишу письмо. Отчего-то предчувствие нехорошее. Карантинное дело пахнет. Думаю, может, сказать им про Ксавье — если запрет и будут проверять и обрабатывать днями и ночами, паучки, спору нет, Пятницу прокормят. А вот если... Ладно, о грустном не буду. А проблемы стоит решать по мере поступления.

Так что, малыш, сижу и жду.

Забавно, Ромашка. Все еще обращаюсь к тебе, хотя это уже давно не письма. Давай будем считать это чем-то вроде черного ящика. В случае катастрофы вскрой конверт и далее по инструкции, согласна?

Твой С. Ч.

Дата отправления: 06. 05. 2039

Малыш,

Все дерьмово, но поправимо. Прости за слог.

Наши спасатели вот-вот доберутся и досюда. Они там снаружи отстреливаются от шавок.

Нас решено консервировать вместе со станцией. В общем, хотели по-тихому «отпустить», да только не пацан зеленый твой Серега. Отбились, прятались без костюма по сугробам. Маринка обмерзла. Я, кажется, подстрелил одного. Надеюсь, не убил, но ребята немного поотстали. Даст Бог, выберемся. Выгорит, утоним челнок. Доковыляем до альфы.

Маринке стало хуже, и я решился: отволоку ее сюда, на французскую станцию, к паукам. Подумал, все равно никуда не деться. Радиация кое-где есть, начнет эта дрянь в ее теле вылупляться, сгорит девчонка. Одна надежда, что пауки успеют ее вытащить.

Я ее оставил, а сам в лаз побежал, к лохматым. Позвал — и назад. А как вернулся... В общем, чуть мне, мягко говоря, нехорошо не сделалось. Лежит Маринка, над ней дымка эта серая висит. А изо рта у нее все новые и новые пауки лезут. И я стою и не знаю, что делать. Не пойму, то ли они убивают ее, то ли лечат. А как она очнулась, здоровая совершенно, мы Ксавье вытащили и консилиум устроили. С пауками поговорили еще.

Вот тебе главное, кратко. Пишу на случай, если никто из нас не сможет рассказать об этом сам, потому как серьезные дяденьки уже реально наступают на пятки.

То, что Маринка в крови у себя видела — это кладка паучья. Лохматые в крови у теплокровных живут, в симбиозе. Но, когда надо, вылезают и вполне самостоятельно существуют. Только вот размножиться вне тела не могут.

Обнаружили их на Жемчужине, где они с шавками, что называется, в паре работали. Стали одомашнивать — не вышло. За правду пауки серотонин едят и людей лечат. А какая правда у наших бюрократов: денег напилить. Тогда с другой стороны зайти решили — искусственно воссоздать пауков. Думали, из пробирки, генноинженерные, покладистее будут. Залили пробную партию шавкам в загоне. Да только этих тварей в клетке не удержишь. Потасили псы их ценную

разработку в массы. А как шарахнул генератор — активизировалась партия. Да только пауков не вылупилось ни одного, а народу умерло... Лохматые лечить хотели. Да только мало их было — вытащили Ксавье. В его теле начали размножаться. А когда размножились — лечить на французской станции было уже некого.

В общем, теперь, когда мы с Маринкой все это знаем, не могут они нас с такой инфой и пауками в крови с Жемчужины выпустить. Так что есть шанс, что шансов нет. Мрачная шутка, но не сердись. Ты хорошая девочка. И я очень люблю тебя. Я всегда тебя любил. Больше жизни. И поэтому черта с два я дам им себя зарыть в этот мерзлый планетоид, пока снова не увижу тебя, Максимова.

Поэтому поцелуй папку, передай маме привет, сиди дома и жди. Получишь письмо — никому не показывай. И если мойры уже крутят в пальцах нить моей жизни, то я вырву у Антропос ножницы, и тогда мне будет чем драться.

По возможности напишу. Ставлю фильтр на почтовый номер — пусть система удаляет твои письма, не печатая. Кто бы ни пришел после нас. Даже если никого не будет. Твои письма не позволю читать никому.

Я вернусь.

Почтальон, шире шаг.

С. Ч.

ОДИН МОЙ ДРУГ

Один мой друг утверждает, что он андроид,
Похожий на Терминатора, но построен
Гораздо раньше. Он в бегах, вам не стоит
Его сердить, он неплохо собран и сварен,
И если злится, может vorочать сваи,
ВзрыватьсЯ и, не надрываясь, покончить с вами.

Дана Сигерос

1

семь часов утра проснулись все, кроме Толика. Ему впервые за много лет, а может быть, и за всю жизнь, приснился сон. Во сне он пригласил девушку на концерт Юрия Визбора, но вместо знаменитого барда на сцену вышел худой молодой человек в дешевых очках и стал петь песни советской эстрады. Как ни странно, публика его не гнала. Толик заметил, что девушка тоже принимает самозванца за настоящего артиста, хлопает и даже пытается передать через впереди сидящего записочку с заказом. Через некоторое время лже-Визбор попросил сделать небольшой перерыв — промочить горло, и на сцену в качестве временной замены вышла средних лет тетка с гитарой и проникновенным выражением лица. Как ни странно, вместо исполнения женского романса она поставила гитару на стойку, задрала подол практически до подбородка и начала отплясывать под заводную музыку, полившуюся с потолка. Нижнего белья на тетке не было, но и это не смутило зрителей, активно аплодировавших порно-шоу.

На этом месте Толика растолкал Максим.

— Вставай, вставай, — говорил он, — что с тобой такое?

Толик с трудом разлепил глаза.

— Уже семь ноль шесть, — добавил Максим. — У тебя всего четырнадцать минут.

Толик вскочил как ошпаренный. Умыться, почистить зубы, одеться и застелить постель за четыре минуты, затем — успеть на завтрак. Непросто, но реально.

До стола он добрался в 7.13. Проснуться с опозданием на шесть минут и отыграть три минуты на утреннем туалете — неплохо. Теперь быстро поесть — и порядок. Возможно, подобного больше не повторится. Возможно, это случайный сбой программы. Все-таки его электронная часть не подвергалась капитальному ремонту уже пятнадцать лет, три четверти заложенного в конструкцию срока.

Он справился чуть раньше заданного времени, махнул напоследок сидящему за соседним столом Максиму, сдал посуду и пошел к рабочему лифту. В кабине как раз оставалось одно свободное место. Из пятерых пассажиров трое были Толику знакомы, он коротко кивнул всем одновременно.

Рабочие Марса любили ездить на лифте. Не то чтобы это было их единственным развлечением, но даже короткий взгляд на Красную планету через стеклянную панель завораживал, что уж говорить о путешествии длиной в пятнадцать-двадцать минут. Толик рассматривал многочисленные ударные кратеры, пытаясь представить себе небесные тела, их создавшие. Это служило хорошей тренировкой памяти и математических способностей: прикинуть диаметр кратера и его глубину, затем, исходя из этих данных, подсчитать массу и силу удара метеорита. По вечерам Толик сверял собственные расчеты с сетевой энциклопедией и радовался, если ошибался не более чем на пять процентов.

Без пятнадцати восемь лифт остановился у подстанции «Титов-4/5». Трое пассажиров сошли раньше. Толик вежливо кивнул оставшимся двоим и вышел. У дверей его встречал Виктор Михайлович.

— Сегодня у тебя работа, — сказал он безо всякого приветствия.

— У меня каждый день работа.

— Сегодня особая. У нас тут один биоморф проснулся.

Толик присвистнул.

— О как. Редкое явление.

— Редкое. Более того, не стандартный *biomorph ordinarius*, а *biomorph triplex*. Поэтому тщательно с ним ознакомишься и посветишь ближайшую неделю отбору подобных.

Если Толик не ошибался, за все время марсианских исследований «проснулись» пять или шесть биоморфов, все относились к биоморфам обыкновенным. Тройные биоморфы пока что не просыпались, поэтому «вылавливали» их достаточно редко — не было смысла. Восемьдесят процентов работы велось с перспективными *biomorph ordinarius*.

Толик кивнул Виктору Михайловичу.

— Хорошо, шеф. Будем работать.

Тот кивнул и побежал дальше. Виктор Михайлович иначе как бегом никогда не передвигался. Видимо, раньше выступал на Олимпийских играх, шутили лаборанты, а потом его перепрограммировали.

Толик прошел ряд лабораторий, кивая знакомым. Его рабочее место располагалось примерно в десяти минутах ходьбы от лифта — в самой удаленной точке комплекса. Обзорное окно выходило на приграничную территорию. В хороший бинокль можно было рассмотреть американцев из конкурирующей лаборатории. Некоторых из них Толик узнавал в лицо. Они даже приветственно махали друг другу, если «сеансы» наблюдения в бинокль совпадали по времени. Насколько Толик

знал, американцы занимались ровно тем же самым, что и «Титов-4/5», выискивая в марсианской почве скопления полиморфов и пытаясь пробудить последних к жизни. Собственно, колония живых полиморфов на «Титове» была достаточно велика: уже из первых двух экземпляров без проблем вывели несколько миллионов подобных. Но в данном случае русским светило серьезное открытие: выведение нового вида. Американцы пока о подобном не объявляли, значит, Россия будет первой.

Камера для образцов уже была заполнена. Работники поверхности обычно включаются в другую смену и редко пересекаются с лабораторными крысами. Общение и выдача заданий производится удаленно. Толик извлек первый образец — довольно рыхлый кусок грунта с вкраплениями-окаменелостями — и поместил его на стенд, расположенный в центре лаборатории. Рутинная работа: изучение и отбор полиморфов. Может, сегодня повезет.

2

— Мне надоело, — сказал Максим.

Толик промолчал. Ответить было нечего, потому что надоело всем.

— Я хочу чего-то другого. Я хочу встать не в семь, а семь ноль шесть, как ты сегодня.

— Это ошибка.

— Я знаю. Но я хочу, чтобы это не было ошибкой. Я хочу другую программу. Я каждый день открываю сеть и вижу там новую музыку, новые книги, новые интерактивные развлечения. Но на самом деле они не новые. На самом деле мы их когда-то уже видели, много лет назад. Потом нас перепрошили. И мы смотрим то же самое будто новое.

Толик откинулся на спинку кресла.

— Меньше напрягайся, Макс. У тебя есть работа, есть досуг, причем довольно разнообразный. Любое желание ты можешь осуществить. Если бы ты нуждался в женщинах, были бы и женщины...

— ...а может, я хочу в них нуждаться? — перебил Макс. — Может, мне хочется быть человеком. Все так идеально продумано: планета людей, планета андроидов, никто ни с кем не конкурирует, все взаимовыгодно сотрудничают, всем хорошо. А о психологии кто-нибудь задумывался? А если мне хочется посмотреть на Землю? Если мне интересно, как там живут?

Толик с улыбкой покачал головой.

— А если человеку захочется посмотреть Марс? Вот без шуток? Если обычный парень захочет посмотреть на всю эту красоту, которую мы каждый день видим? На все эти кратеры, на Олимп, на долины Маринер? Ты взял и слетал к Титоне или Копрату, а им — нельзя, только на картинках и в телескоп. Мы в одинаковом положении. Потому и мир, потому и сотрудничество.

Они помолчали.

— А как ты думаешь, — спросил Максим, — у американцев то же самое?

— У французов то же самое. Я в прошлом году с Далари долго общался, когда свою лабораторию показывал в рамках обмена. Никаких особых отличий. Наверное, и у американцев то же самое.

— Наверное.

Макс встал и подошел к панорамному окну. Перед ним расстилалась бескрайняя марсианская пустыня, испещренная дюнами, кратерами, карьерами. Разработки велись с другой стороны, окна жилых отсеков туда старались не выводить: ежедневное зрелище бесконечной добычи полезных ископаемых могло ввергнуть в уныние кого угодно.

— Мне кажется, я мог бы стать человеком, — сказал Макс. — Любой из нас может.

— А человек — андроидом.

— Но зачем?

— Мы выносливее, сильнее, у нас лучше рефлексy и память, мы дольше живем. Одни преимущества.

— Спасибо, друг мой очевидность. Но человек... Мне кажется, Земля лучше всех этих песочных красот. И еще я хочу детей.

— Кого? — Толик чуть не закашлялся.

— Детей. Таких маленьких, чтобы бегали вокруг и радовали меня.

— Дети — это обуза, человеческая участь.

— Тебя научили, — усмехнулся Макс. — И ты хороший ученик.

Он подошел и сел на диван рядом с Толиком.

— Я решил, — продолжил он. — Я договорился с хирургом.

— Что? — Толика пробрала дрожь.

— Я буду постепенно менять свое тело. Я не хочу механическую печень и электронные почки, ну или что там у нас. Не хочу хрусталик со встроенной камерой, все равно запись может просмотреть только инженер. Я хочу иметь не только внешнюю имитацию члена, но и всю внутреннюю систему. Глеб согласился. Он поможет. У него есть доступ к банкам органов — они так или иначе часто нужны, потому что у одних андроидов одни органы человеческие, у других — другие.

— Вас поймают. И его, и тебя. И хуже будет ему.

— Он согласился.

Раздался вызов интеркома.

— Извини.

Толик подошел к экрану: звонил Виктор Михайлович.

— Слушаю, шеф.

— Срочно сюда! — Вэ-Эм был серьезно встревожен.

— Буду, шеф.

— Чтобы через пять минут!

Толик отключился и, посмотрев на Максима, пожал плечами.

— Сам слышал.

— Работа, конечно.

Они вместе вышли из комнаты. Максим пошел к себе, а Толик — к лифтам. С учетом того, что поездка занимала не менее пятнадцати минут, требование шефа было невыполнимым. Впрочем, какая разница.

Шеф уже ждал Толика у дверей лифта. Он был взъерошен, глазки бегали, пальцы подергивались. Толик вопросительно посмотрел на Виктора Михайловича.

— В чем проблема?

— Завтра утром прибывают американцы! — выпалил тот.

Это и в самом деле звучало серьезно. На российской станции уже бывали немцы, французы, бразильцы, но американская миссия не допускалась ни разу. Все-таки главный экономический и технологический конкурент.

— Я так понимаю, — спокойно отозвался Толик, — что тройных биоморфов надо скрыть.

— Безусловно! — они уже шли бок о бок по коридору. — Приведи лабораторию в идеальный порядок, выстави обычных биоморфов напоказ, продемонстрируй рутинную работу. Остальных видов чтобы и в помине не было. Пусть видят, что мы замкнулись на *vulgaris*. Если информация о *triplex* просочится, нам с тобой оторвут головы.

Толик все прекрасно понимал. Слив свежей информации, причем в какой-то мере сенсационной, папахивал изменой Родине. Даже если слив случаен.

Лаборатории были похожи на муравейник. Сотрудники носились из одной комнаты в другую, таская с собой блоки управления и прочие приборы, повсюду ездили включенные не по графику уборочные роботы.

— Кто их одобрил-то? — спросил Толик.

— Сверху. Миссия дружбы, пора, мол, идти на тесный контакт. Светит, говорят, даже отмена закрытого режима. Мы сможем гулять по их станции, они — по нашей.

— Нехорошо.

— Ужасно, я бы сказал. Но на данный момент наша задача — встретить как можно радушнее и показать как можно меньше. Тем более мы ни черта о них не знаем, даром что самая близкая к нашей станция. Из этого вытекает второе задание: разговорить гостей, выяснить максимум об их методах, лабораториях и так далее. Понял?

— Угу.

Если бы сейчас в лабораторию Толика зашел американец, он бы тотчас все понял. Выставленные напоказ образцы с триплексом, развешанные по стенам экраны с фотографиями. Конечно, этого не было видно через окно, выходящее к американской станции.

— Та-ак, — протянул Виктор Михайлович. — Чтобы завтра утром все было сам знаешь как.

— Сегодня вечером будет. Мне еще поспать нужно.

— Не будешь успевать — значит, отмени сон, — строго заметил шеф. — Чай не человек, потерпишь.

Толик кивнул, оценивая объем работы. В принципе, не так и много нужно сделать: американцы же не полезут в его ящики без спросу. Он извлек образец из-под микроскопа и направился к хранилищу.

Американцы оказались симпатичными, говорливыми и совершенно беспардонными. Они, не спрашивая, заходили в любые двери, тыкали во все пальцами и задавали вопросы, на которые ни у кого не было готового ответа. По-русски они говорили очень плохо, пришлось вызвать андроида со встроенной программой английского языка в качестве переводчика. Толик удивлялся,

как это в качестве то ли послов, то ли шпионов отправлены не полиглоты. Он учил английский язык самостоятельно, безо всякой программы; не заточенная под иностранные языки память отпиралась, но Толик день за днем вдавливал в нее знания, могущие когда-либо пригодиться. Теперь он радовался, что этот день настал.

Ожидая американцев в своей лаборатории, он сидел как на дрожжах, поминутно вскакивая и начиная ходить кругами. Монитор наблюдения показывал, что гости еще довольно далеко, но с каждой минутой Толиково сердце билось все сильнее и сильнее.

Наконец, экскурсия, ведомая Виктором Михайловичем, добралась и до его отсека. Сначала американцев по всей территории должен был водить начальник станции Алексей Петрович Благин, но в последний момент поступил приказ отказаться от подобной методики. Американцы, как было замечено кем-то, не должны чувствовать показуху. Им должно казаться, что вокруг — обычный рабочий процесс, что даже рядовые ученые с трудом отрываются ради них от своих дел, а уж у начальника станции и вовсе есть буквально пять минут на краткую встречу.

Гостей было двое — Гленн и Джим. Гленн — постарше, лет пятидесяти, серьезный и разбирающийся во всем на свете, возглавлял на американской станции один из секторов, подобно Виктору Михайловичу. Джим был рядовым специалистом, в качестве парламентаря его выбрали, видимо, по причине молодости и перспективности. Именно за Джимом приходилось приглядывать с особым тщанием.

Экскурсия прошла нормально.

— Вот, — говорил Толик, — полиморфы обыкновенные. Так как они являются единственными формами жизни, сохранившимися на Марсе, мы тщательно их исследуем, пытаюсь приспособить под нужды человечества, например, в медицинских целях или в качестве топлива. Правда, пока, как вы понимаете, особых успехов

не добились. Если бы добились, такая бы шумиха поднялась! — и он натужно улыбался собственной плоской шутке.

Джим, электронщик, очень заинтересовался программным обеспечением для российского микроскопа. Глядя на экран в момент демонстрации полиморфа, он усмотрел какие-то незнакомые функции, о которых начал живо расспрашивать Толика. Тот краем глаза посмотрел на Виктора Михайловича. «Можно», — кивнул шеф.

Виктор Михайлович, Гленн и переводчик вышли, потому что беседа о программе могла затянуться надолго. Толик понял, что шефа целиком и полностью устраивал интерес Джима. Ну, догадаются американцы встроить в свой микроскоп, скажем, вспомогательную цветокоррекцию, хуже от этого не станет. Лучше отвлечь малым, чтобы случайно не продать главное.

— Это мы разработали сами, — с гордостью говорил Толик, показывая хитроумную подпрограмму, способную раскладывать полиморфа на составляющие, точно лягушку на операционном столе. — То есть на Земле таких подпрограмм нет, мы им не пересылали.

— Мы тоже часть разрабатываем самостоятельно, — вторил ему Джим.

Через некоторое время в ходе диалога Джим заметил:

— Давненько я на Земле не был.

Толика точно током ударило. На несколько мгновений он онемел, но затем взял себя в руки, понимая, что демонстрировать удивление нельзя.

— И часто вас на Землю отпускают? — спросил он.

— Ну-у, — протянул Гленн, — раз в полгода месячный отпуск, но я последний пропустил из-за работы, дочку только на фотографиях видел...

Второй удар. Теперь Толик замолчал надолго.

— Что-то случилось, Анатолий? — спросил Джим. — Вам плохо? Может, нужно кого-либо позвать?

Тот покачал головой:

— Все нормально.

У него в голове прокручивалось множество мыслей. С тем, что американских андроидов отпускают на Землю, он был готов смириться. У них все иначе. Вон даже французских не отпускают, он лично общался. Но наличие у полуробота детей было для него совсем удивительным.

Затем мысли Толика переключились на то, почему его вообще допустили к приватной беседе с Джимом, раз могли открыться такие подробности. Но этому он достаточно быстро нашел объяснение: не исключено, что наверху тоже толком не знали особенностей американского станционного быта.

Наконец, подумал Толик, есть один вариант, при котором все сходится: Джим — человек, и на американской станции работают равно люди и андроиды — или вообще только люди. Вот тогда-то, вспомнив вчерашний разговор с Максимом, Толик и решился.

— Джим, а можно задать вам вопрос, не связанный с работой?

— Конечно, — широко улыбнулся американец.

— Джим, вы человек?

Тот сделал недоуменное выражение лица.

— А кем я еще могу быть? Так похож на инопланетянина? Или вы думали, что у американцев по шесть щупалец и восемь глаз на спине? — сказал он с улыбкой.

— Нет, нет, все нормально, — ответил Толик. — Я имел в виду, не андроид ли вы.

Джим пожал плечами.

— Гм... Боюсь, даже если наши технологии позволяли бы делать андроидов такого уровня, их вряд ли посылали бы на Марс. Для них и внизу хватало бы работы.

Толик молчал. Он смотрел на свои руки и думал, зачем андроидам уникальные отпечатки пальцев и линии на ладонях. Раньше он никогда не задавался этим вопросом.

— Точно все в порядке? — спросил Джим.

— Все хорошо, правда.

Но дальнейший разговор о науке совершенно не клеился. Конечно, Джим заметил изменения в состоянии собеседника. Толик стал забывать английские слова, путаться в терминологии и, что самое главное, потерял всякий интерес к дискуссии о микроскопах и электронике. Джим сделал собственные выводы о состоянии Толика.

— Анатолий, какие-то мои слова вас сильно задели? Простите, я не хотел.

— Ничего, ничего, — повторял Толик.

Они распрощались минут через пять, когда в лабораторию снова зашел Виктор Михайлович, на этот раз один.

— Ну что, все обсудили?

— Конечно, — через силу улыбнулся Толик.

— Прекрасно. Пойдемте, Джим.

Переводчик остался с Гленном, но на простейшем бытовом уровне Виктор Михайлович мог без него обойтись.

Напоследок шеф оглянулся и сказал:

— Сам понимаешь, завтра чтобы у меня на столе лежал подробный отчет о вашей беседе и обо всем, что удалось выяснить.

Толик кивнул. Он думал о том, что только что общался с самым настоящим человеком. Тем самым, которому теоретически был запрещен доступ на Марс.

Толик мчался через коридоры станции к медицинскому отсеку. Две минуты назад его вызвали по интеркому и сказали, что с Максимом беда. И Максим готов общаться только с Толиком, никак иначе.

У дверей его встретил доктор Парнов, подтянутый, как и все остальные обитатели станции, в белом халате

с маленькими красными серпом и молотом, вышитыми на кармане.

— Что с ним?

— Пытался покончить с собой. Говорить с психологом отказался. Только с вами, больше ни с кем.

Они шли по коридору.

— Попробуйте его разговорить, Анатолий, — продолжал доктор. — Возможно, он что-либо вам скажет. Это первый подобный инцидент в истории станции, нельзя допустить рецидивов.

— Конечно, конечно, — кивал Толик.

В палате Максим лежал один. Белая кровать, белые стены, большой экран, интерактивная панель управления, доступ в сеть.

Толик присел на стул у кровати.

— Ты как? — спросил он.

Максим улыбнулся и приподнял руку. Запястье было перебинтовано.

— Зачем?

— Там вены, — сказал Максим.

— В смысле? Что — вены?

— Не инвар, не нейзильбер, не что-то такое, — ответил Максим и опустил руку. — Просто вены.

Толик снова и снова пытался растормошить Максима, говорил ему какие-то слова, расспрашивал, но Максим просто улыбался и иногда повторял: там просто вены, Толик, просто вены.

5

Толик сидел в своей комнате. На пустом мониторе мигал курсор, приглашая к написанию отчета.

Всего три дня назад он проснулся не в семь, а в семь ноль шесть.

Еще он видел сон.

У американца есть дети, и он имеет право посещать Землю.

У Максима под кожей — вены.

Толик рассматривал свою руку, переводил взгляд на портрет Титова на стене, иногда бросал взгляд на окно, за которым по-прежнему расстилались однообразные марсианские пейзажи нечеловеческой красоты.

Это же надо, думал он. Как придумали, как гениально сконструировали. Как замечательно нас всех сделали. Кто бы мог подумать, кто бы мог догадаться, что там, под кожей, под венами — сплав титана и никеля. Какая наука, кроме российской, может построить нас, самых совершенных в мире андроидов, способных видеть сны и выходить за рамки программы.

И даже сходить с ума, как Максим.

Верить в собственную человеческую сущность.

Толик еще немного подумал и начал писать отчет.

ПЕРВЫЕ НА ЛУНЕ

 Хьюстон, говорит База Спокойствия.
Хьюстон, здесь «Орел».
Вы слышите меня?

Кто-нибудь слышит?

Меня зовут Нил Олден Армстронг.

Я — первый человек, шагнувший на поверхность Луны.

Вы все это знаете.

Вы видели меня по телевизору. Вы слышали, что я сказал, когда подошва моего башмака коснулась лунного грунта вчера, 21 июля 1969 г. Полмиллиарда человек слышали это и видели, как мы с Эдвином установили американский флаг на поверхности ближайшей соседки Земли, воткнув в реголит проволочный угольник с растянутым на нем звездно-бело-красным полотнищем. Президент Никсон говорил с нами целых две минуты — много вы знаете людей, с которыми в прямом эфире говорил сам президент?

Все это было вчера. Сегодня, 22 июля, мы с Эдвином все еще посреди пыльной серости Моря Спокойствия. Если мы не придумаем, как нам взлетать, то так и оста-

немся здесь. На окололунной орбите в пристыкованном к Нити командном модуле, который должен был при возвращении послужить кабиной лифта, нас ждет Коллинз. Я очень надеюсь, что сейчас, спустя сутки после нашей посадки, он все еще жив. Хотя лучше бы ему быть уже мертвым.

Высоко в небе, на другом конце паутинки длиной в без малого полмиллиона километров, посреди Тихого океана, у самого экваториального старта, несет дежурство авианосец «Хорнет», и три тысячи человек на нем вглядываются в небеса в ожидании момента, когда мы вернемся.

Они сказочно удивятся — сначала суток этак через трое, когда наш модуль не пройдет сквозь атмосферу, и они будут нас ждать и ждать, с каждой минутой ожидания теряя надежду — пока не потеряют ее совсем, как потеряли ее операторы в Хьюстоне сутки назад. Уверен, они все еще запрашивают нас, устало повторяя в микрофон: «Орел, вызывает Хьюстон. Орел, вызывает Хьюстон...».

И так без конца.

Они знают, что ответа уже не услышат.

Они просто не знают почему.

Представляю, какие кары небесные сыплются сейчас на голову того парня с Земли, который принял решение выполнять посадку, несмотря на то, что панель управления бортовым компьютером цвела тревожными огоньками с середины пути сюда.

Если бы он вернул нас, кто знает? Возможно, вы спокойно прожили бы еще пару лет — до тех пор, пока лунный проект, набирающий обороты, не отправил бы

к Луне следующий экипаж «Аполлона», теперь уже 12-го, который все равно сделал бы то, что поручено было сделать нам.

Вы просто прожили бы эти годы.

Но все сложилось иначе.

И теперь у вас нет этих лет.

Потому что я взял на себя управление лунным модулем нашего «Аполлона» и посадил его на равнине Моря Спокойствия, а не в заполненном битым камнем кратере, как советовал пошедший вразнос бортовой вычислитель — а вот оттуда мы могли бы уже и не подняться в черное небо.

Впрочем, нам не подняться в него и теперь.

Так что особенной разницы нет.

Для нас.

А для вас... Впрочем, вряд ли вы об этом узнаете теперь.

Хьюстон, здесь База Спокойствия.

Вы слышите меня?

Нет?..

Нет.

Тут сейчас ночь, Солнце безжалостно жжет обратную сторону Луны, и лунная тень все сильнее наползает на бело-голубые завитки атмосферы нашей Родины. Отраженный Землей свет делает окружающий пейзаж совершенно чужеродным — все вокруг мерцает, переливается мириадами искр, и звезды отражаются в зеркалах застывшего воздуха по всей равнине.

В ближайшие дни нам с Эдвином придется совершить вылазку наружу за куском-другим атмосферного льда и на себе испытать, насколько он пригоден для дыхания. Другого выхода у нас нет — смерть от удушья вряд ли можно назвать выходом.

Смерть от голода — тоже не выход, но Базз божится, что видел вчера грибы среди опор нашего модуля. Безусловно, они несъедобны. Или для наших организмов являются ядом...

Замороженный воздух и ядовитые грибы. Да уж.

Но у Коллинза нет и этого. У него нет вообще ничего — а возможно, и его самого уже нет. Будь он чуточку подлее или чуточку исполнительнее — уже скользил бы вдоль мономолекулярной направляющей обратно к Земле, один-одинешенек в своем командном модуле.

Надеюсь, он сделал это сразу же, как только пропала связь.

Если так, то он опередит идущую за ним следом волну. Опередит, не зная о ней, опередит ненадолго, на несколько месяцев. И если кто-нибудь потом потрудится прислушаться к странной мелодии натянутой между Землей и Луной ультратонкой струны — что ж, быть может, у этого человека хватит ума на то, чтобы забить тревогу, а в случае, если его не станут слушать — вооружиться ультразвуковым резакон и отсечь Нить от основания на морском старте.

Сворачиваясь невидимой лентой чудовищного серпантина, она рванется ввысь, за пределы атмосферы, на какое-то время делая невозможной навигацию в пространстве между Землей и Луной.

Потом Луна, покидая свою орбиту, утянет Нить за собой. И унесет навсегда прочь от Земли смертельную

угрозу, таившуюся до поры в безднах пещер под лунной корой.

Но Коллинз, вероятнее всего, ждал нас до последнего. Как ждал бы я, и как ждал бы Эдвин, случись нам оказаться на его месте. Он такой же, как мы. Был таким же...

Когда «Аполлон-11» мчался сквозь пространство к Луне, манипулируя при помощи заслонок, покрытых кейворитом, полями тяготения триумвирата Земля-Луна-Солнце, сперва ускоряясь, а потом тормозя, когда за ним разматывалась десятками километров в секунду сверхпрочная и сверхэластичная Нить, которой самонадежные человечки надеялись заякорить Луну — кто мог хотя бы предположить, чем обернется вся эта затея?

Да, нам удалось обойти красных по всем пунктам космической программы — пока они продолжали упорные попытки подняться к звездам на огненных столбах ракетных факелов, мы получили абсолютную власть над гравитацией, и дело фон Брауна отныне служило до поры лишь для отвода глаз. Потом наши аппараты взяли под контроль околоземное пространство, и нужда в конспирации отпала. Рискнув поставить на кон благополучие нации в рискованной попытке овладеть странной, совершенно ненаучной технологией, мы сорвали-таки куш.

Лунная программа русских потерпела фиаско, не успев начаться — потому что Луна, все более замедлявшая свой бег вокруг Земли, наконец замерла на геосинхроне, начав отдаляться — и сделала это над Западным полушарием. Над нашими головами.

Мы получали в свои руки бесконечный источник ресурсов и космический лифт. Справедливая награда сильным.

Сэр Артур Кларк становится национальным героем Америки.

Американские обыватели предвкушают наступление Эры Изобилия.

Советы сворачивают космическую программу.

Начинается новый виток «холодной войны».

«Аполлон-11» рвется вдогонку за уходящей Луной.

Дивный новый мир.

Даже сейчас, когда ничего уже не изменить, когда спокойствие обреченности пришло на смену отчаянию — даже сейчас бесконечно тяжело осознавать именно себя палачом человечества, пусть и невольным.

Базз не выдержал. Вышел наружу, к лунному терминалу Нити, который мы торжественно установили вчера, связав навсегда Землю с ее небесной спутницей и превратив их в настоящую двойную планету. Вышел к этим тварям. Те обратили на него внимания не больше, чем на назойливое насекомое. Просто не пустили к стыковочному механизму, и все.

Эдвин махнул мне рукой, зная, что я слежу за ним.

Потом открыл забрало шлема.

Испарявшихся в лучах восходящего Солнца газов хватило на то, чтобы его агония длилась несколько минут.

Боже, лучше бы он попробовал грибы.

Я остался один.

Хьюстон, здесь База Спокойствия.

Вы слышите меня?

Сволочи что-то сделали с нашим радио. Дождались, пока мы с Баззом закончим с Нитью и отпрапортуем на Землю. Потом заглушили все частоты.

Но, может, хоть кто-нибудь услышит?

Помните Войну миров? Да, ту, что проходят в курсе новейшей истории в каждой школе?

Когда горстка сверхсуществ едва не взяла верх над всей мощью викторианского мира?

Уверен, помните.

Тогда все еще гадали — как марсиане умудрились попасть в Англию из своей суперпушки контейнерами-цилиндрами с расстояния в 55 миллионов километров, да еще и столько раз?

А верный ответ был — никак.

Не было никаких марсиан.

Никогда.

Я думаю, что экспансия шла как раз отсюда, с нашей небесной соседки. То, что приняли за выстрелы огромной пушки на Марсе тогдашние астрономы, было попросту извержением вулкана Олимп. Совпадение, не более.

Стреляли отсюда. Из царства кратеров и резких теней. В упор. Тщательно прицелившись и плавно спуская курок.

Потом, после первых успехов, у них что-то пошло не так. Десант был погублен мором, выстрелы затормозили бег Луны по орбите.

Потом Луна остановилась совсем, внося смятение в души людей и графики приливов.

Те, кто расстреливал Землю, оказались неспособны продолжать экспансию своими средствами. Возможно, что-то необратимо вышло из строя — а возможно, я просто не понимаю логики захватчиков.

Терпения же им было не занимать.

И они мудро решили дождаться момента, когда мы сами доберемся до них.

Этот момент настал 21 июля 1969 года.

У них было время подготовиться.

Чертова уйма времени.

Вы слышали мои слова в прямом эфире с Луны.

Вы видели отпечаток подошвы Базза в лунном грунте.

Мы были здесь.

Я и сейчас здесь.

Мне некуда деться. Проклятые твари заблокировали створки кейворитовых двигателей, стоило нам с Баззом закончить возню с Нитью. Расплавил их тепловым лучом и приставили к лунному модулю и терминалу лифта охрану в сотню голов.

Теперь я заперт здесь. И по всему выходит, что заперт навсегда.

В иллюминатор я вижу, как из зева пещеры, открывшегося совсем неподалеку, выходят — ряд за рядом, шеренга за шеренгой — ослепительно сияющие в лучах

восходящего над горизонтом солнца огромные боевые машины, которые наши деды называли марсианскими боевыми треножниками.

Один за одним они вскакивают на едва заметно переливающуюся в рассветных сумерках Нить и, ловко перебирая суставчатыми ногами, чудовищными серебрястыми пауками поднимаются в черноту неба, все уменьшаясь в размерах и в конце концов бесконечной цепочкой искорок теряясь среди звезд — там, где над лунными цирками бело-голубым полумесяцем висит наша с вами родная планета.

Ряд за рядом.

Шеренга за шеренгой.

И нет им числа.

Хьюстон, здесь База Спокойствия.

Говорит Нил Олден Армстронг, первый человек на Луне.

Вы слышите меня?

Это — конец.

M-100

ля несколько часов просидела, обхватив руками колени и уставившись в одну точку. А потом сказала:
— Убей меня.

Ник закусил губу. Он ждал этих слов. В сущности, два последних дня только их и ждал. Но одно дело предполагать и совсем другое — услышать. Разница — как между вынесением приговора и командой «Пли!». Смертника еще могут помиловать, а вот вырвавшийся из дула кусочек свинца уже не остановишь...

— Юль, ты чего? — Ник подошел и легонько сжал ее плечо. — Ты это... забудь, слышишь? Придумала тоже... Мы обязательно выкарабкаемся. Пока не знаю как, но выберемся, это точно. А ну, улыбнись! — Он хотел подать пример, но уголки пересохшего рта ни в какую не растягивались.

— Брось, Ник, — без всякого выражения произнесла Юля. — Не старайся.

На нее было больно смотреть. Щеки впали, с пугающей резкостью обозначились скулы, нос заострился, губы поблекли и потрескались. Даже глаза, под которыми залегли глубокие тени, казались выцветшими. Но хуже всего было то, что в них уже не светился даже самый крошечный огонек надежды.

Поначалу никто из их троицы не верил, что они обречены. Казалось, путь к спасению рядом, может, в двух

шагах, надо только как следует поискать. Старались не выказывать страха — травили анекдоты, делились впечатлениями от прочитанных книг и новинок «фабрики грез».

По части последних Ник, заядлый киноман, мог заткнуть за пояс кого угодно. Казалось, разбуди его среди ночи — перескажет любой голливудский боевик, детектив или фантастический блокбастер. Юля больше любила читать. Она совсем не походила на романтическую натуру — были в ее характере какая-то жесткая упертость и прагматичность. Но при всем при том обожала книги о необыкновенных людях и красивых поступках. Бывает...

Антон слушал их обоих снисходительно, чуть ли не с усмешкой. Мол, хорошие вы ребята, но живете серо и однообразно. А тем, кому не хватает ярких событий, остается лишь глотать слюнки, мечтая о другой жизни — выдуманной. Себя он считал крутым и бывалым, поэтому ни в грош не ставил страсти, высосанные из пальца. Когда очередь доходила до него, рассказывал только истории о собственных похождениях. Да так увлекательно, образно, сочно, что зависть брала: эх, самому бы пережить хоть одно такое приключение! Вот только невозможно было угадать — то ли правду говорит, то ли заковыристые сюжеты ему поставляют тот же палец...

В первые дни от таких посиделок был толк. Затворники держались изо всех сил, несмотря на ту жуть, что творилась снаружи. Заикнуться на ней означало впасть в депрессию, а то и вовсе тронуться умом. Но потом стало ясно, что отсидеться не получится. И Антон отправился наверх. А после его гибели с Юлей, обычно уравновешенной, случилась истерика.

Она каталась по полу, кричала что-то нечленораздельное и до крови кусала свою руку. Ник схватил подругу, прижал к себе и горячо зашептал в самое ухо какую-то успокоительную чушь. Но Юля вырывалась,

отталкивала его — яростно, с нешуточной силой. И он ударил ее — впервые в жизни. Хлестнул по щеке, но даже это не помогло. Тогда Ник, осатаневший от вида крови, влепил вторую пощечину, от которой Юля отлетела в угол. Опомнившись, тут же бросился к ней, снова обнял, принялся целовать губы, щеки, лоб, глаза, понес очередную чушь — теперь это были извинения. Юля молча вздрагивала в его объятиях. Затем чуть слышно выговорила: «Спа... си... бо». И вновь надолго замолчала.

Ник боялся сойти с ума — пожалуй, больше всего остального. Он крепко вбил себе в голову: не хочешь сбрендить — займись каким-то делом. Пусть даже это будет мартышкин труд — только не сиди, обхватив руками колени и уставившись в одну точку.

Занятие нашлось — Ник принялся детально исследовать бункер. Конечно, они обшарили все его закоулки еще в первый день. После чего Антон не терпящим возражений тоном заявил: «Глухо, как в танке». Но что, если его самоуверенность сыграла с ними всеми злую шутку? Антону было свойственно не только делать неверные выводы, но и отбивать у других желание их оспорить. А это означало, что был смысл попытаться еще раз.

И Ник попытался. Методично простукивал все стены, изучал каждое крепление, каждый винтик, составляя в голове пространственную схему подходящих к бункеру коммуникаций. Сейчас, сейчас... Надо только продолжать поиски — и вот-вот обнаружится тайничок с драгоценной водой, а может, вдобавок и продовольственный складик. Или резервная, до сих пор действующая водопроводная труба. Или, еще лучше, подземный ход в главный бункер, где такие запасы еды и воды, что все население городка запросто проживет на них несколько месяцев. Пусть Юля стала похожа на тень и мысли ее беспросветно черны — скоро он принесет хорошую весть.

И вот тебе раз...

— Юль, — сказал он, — ты с ума сошла. Как тебе такое в голову-то пришло?

Ник хорошо знал, как — он мучился от жажды ничуть не меньше ее. Рот горел огнем, губы запеклись, в горле першило, в голове стоял ровный неумолкающий шум, а в висках то и дело начинали стучать маленькие молоточки. Временами накатывали волны слабости, и в такие минуты ему казалось, что он свалится и уже не сможет подняться.

Жажда представлялась Нику безобразной старухой с торчащими во все стороны седыми космами. Она прыгала вокруг него, злорадно хохоча, и потрясала пузатым кувшином, в котором плескалась вода. Но едва Ник протягивал к нему трясущиеся руки, карга с торжествующим воплем швыряла сосуд наземь. Он разбивался, выбрасывая в воздух клубы похожей на ржавчину красноватой пыли...

Проклятая ведьма являлась днем, когда Ник прекращал обследовать стены и, чтобы обмануть жажду, пытался вздремнуть. А по ночам ему снилось одно и то же: он стоял в струях хрустального водопада и ловил иссохшимся ртом льющуюся со скалы благодать. Пил, пил — и все никак не мог напиться.

— Я больше не могу. — Юля сжала виски, словно их распирало изнутри. — Вот-вот начнется она... агония. Не знаю, сколько продлится, но, должно быть, безобразное зрелище. — Она скривилась. — Нет, этого не будет. Ни за что и никогда. Лучше уж выбраться наружу и пройти по улице.

Юля замолчала, представив, что произойдет дальше, и ее передернуло от отвращения.

— Нет, — сказала она. — Ни. За. Что. Ни-ко-гда. Следующий вариант — застрелиться. Оружие есть — почему-то об этом они позаботились в первую очередь. По крайней мере, это мгновенно. Щелк — и я уже там...

— Юля... — начал Ник.

— Подожди, — оборвала она его. — Все бы ладно, да только сама я не могу. Меня затрясет, затошнит, я упаду в обморок... Так что остается одно. Ты сильный, Ник. Не раскис, как я, хотя нам одинаково тошно. Настоящий мужик. И ты сделаешь это.

— Нет.

— Сделаешь, — повторила Юля. — Я знаю.

Новотулино было напичкано секретными лабораториями и конструкторскими бюро. Нет, здесь не выводили штаммы смертоносных вирусов и не изобретали ядовитые газы. Местные умельцы занимались хитрыми спецустройствами, непрерывно уменьшая их элементную базу. Сначала этот процесс называли миниатюризацией, затем — микроминиатюризацией, а потом в ход пошла технология с модной приставкой «нано».

В зависимости от того, куда дули политические ветры, государство то щедро финансировало отдельные программы, то сворачивало. Когда вчерашних вероятных противников стали уважительно называть партнерами, жизнь в городке практически замерла. Еще немного — и последние специалисты разбежались бы по частным лавочкам, а уникальная отрасль окончательно загнулась. Но «вдруг» выяснилось, что симпатичные западные партнеры, расточая улыбки и делая реверансы партнерам восточным, не закрыли ни одной из аналогичных программ. Пришлось наверстывать упущенное. В Новотулино пошли сперва просто деньги, потом — большие деньги и, наконец, — сумасшедшие деньги. В лабораториях и КБ вновь закипела работа, заржавевшие было «наношестеренки» со скрипом провернулись и закрутились все быстрее.

Этот всплеск активности не мог остаться незамеченным — на Западе просто обязаны были забить тревогу. Да и новым гегемонам — китайцам — такое вряд

ли пришлось бы по нутру. Долгое время новотулинцы чувствовали себя как у Христа за пазухой, но однажды по городку поползли слухи, что он подвергся нападению вражеских «жучков». Впрочем, на жуков электронные лазутчики походили мало, точнее — совсем не походили. Формой и размерами они напоминали слепней — здоровенных, серых, с глазищами в полголовы. От настоящих кровососов, облюбовавших берега местной реки Змейки, их двойники отличались характером полета и жужжанием — было в них что-то ненатуральное.

Вскоре несколько «насекомых» удалось поймать. Как оказалось, они были очень любопытно устроены и начинены полным набором шпионской аппаратуры. После этого засидевшиеся без настоящего дела местные безопасники организовали мозговой штурм. В результате нашли какую-то частоту, губительную для «слепней». Те вырубались прямо в полете, причем на внушительном расстоянии от генератора. И всего за пару дней было покончено со всеми.

Узнать, кто конкретно наслал на городок серую жужжащую пакость, так и не удалось, поэтому шпионский скандал решили не раздувать. Тем более, что в нескольких новотулинских лабораториях велись примерно такие же работы, не выносящие шумихи.

Самую подробную картину событий Нику нарисовал всезнающий Антон. Еще бы — его отец входил в руководство одного из самых крупных КБ! Понятно, он был обязан держать язык за зубами. Но понятно и то, что отпрыск такого папаши всегда будет обо всем информирован в разы лучше своих сверстников. Просто по логике вещей.

Так закончилась эта история, не попавшая на страницы газет и интернет-изданий, обойденная вниманием радио и телевидения. Однако изобретательные супостаты не успокоились. Вторую попытку сунуть нос в чужие тайны они предприняли следующим летом, в

июне. Ник только-только познакомился с Юлей, и ему было не до искусственных насекомых с потрохами из нанотрубок. Но главное он все же узнал.

Если первая генерация залетных шпионов получила обозначение М-1 (модель 1), то вторую занесли в соответствующие документы уже как М-10. Это означало, что новые крылатые засланцы совершеннее прошлогодних не на пару пунктиков, а на целый порядок!

Теперь покой новотулинцев беспокоили уже не здоровенные «слепни», а небольшие проворные мушки. Летали они почти беззвучно и столь же лихо, как их живые прототипы. Спецаппаратура стала еще миниатюрнее, но в то же время — качественнее. С трудом верилось, что можно так продвинуться всего за год.

Безопасники все же не зря ели свой хлеб — они справились и с новой напастью. Ник слышал об этом, но на сей раз не знал деталей. В другое время обязательно постарался бы узнать, только не сейчас, когда у него от прилива нежных чувств голова шла кругом. Одолели — и ладно, теперь, после двух провалов подряд, посрамленные вороги долго не сунутся!

В этой счастливой уверенности новотулинцы пребывали до августа. А затем началось страшное.

Третье поколение наношпионов свалилось как снег на голову, повергнув видавших виды жителей городка в шок. Молниеносность, с которой оно сменило предыдущее, казалась невероятной.

Изучив пойманные экземпляры, безопасники пришли к выводу: совершенство их таково, что возможности старой знакомой — М-10 — фактически возведены в квадрат. Поэтому засланцам последней волны тут же присвоили обозначение М-100. А местное население, вновь узнавшее обо всем по загадочным информационным каналам, попросту скрестило «сто» и «мошка». Получилось — «стошка». Эти крохотульки и впрямь напоминали мошек. Разглядеть их поодиночке было

трудно — они привлекали внимание, только сбившись в стайку.

Между тем ситуация непрерывно ухудшалась и грозила большой бедой.

Во-первых, безопасники не сумели подобрать к своим «клиентам» ни смертельной частоты, ни какого другого «инсектицида». Перебирали вариант за вариантом — и каждый раз убеждались, что эффект нулевой.

Вторая новость была просто фантастической: стошники начали нападать на людей! Если их предшественники — М-1 — только внешне напоминали слепней, то нанокопии мошек кусались взаправду, и после каждого укуса на коже человека оставалась капелька крови.

Безопасники медленно сходили с ума. Электронные шпионы-кровососы — это казалось полным абсурдом, бредом сумасшедшего. Но факт оставался фактом: последнее поколение вражеских лазутчиков выродилось в вампиров.

В-третьих, вампиры эти стали неудержимо размножаться — как комарье в «урожайный» год. И в конце концов разразилась катастрофа.

Жара стояла изрядная, и Антон как раз собрался на Змейку — искупаться. Но тут с работы позвонил отец.

— Б-бросай все и б-беги в малый б-бункер, — велел он срывающимся голосом. — Они как с цепи сорвались... вспышка численности... настоящая цепная реакция. Б-быстрее, Антон! Захвати еды, слышишь?

Повторять ему не пришлось. Антон выгреб из холодильника какие-то продукты, побросал их в сумку и выскочил из дома. Но перед этим успел позвонить Нику — тот снимал квартиру для себя и Юли в доме напротив. Все трое учились в московских вузах, а летом отдыхали в родном Новотулино и попутно зарабатывали денежку фрилансерством.

— Куда бежим? — спросил запыхавшийся Ник, поравнявшись с Антоном.

— Дуйте за мной, если хотите жить, — отрезал тот, ускоряя ход. — Быстрее! Поднажмите еще!

Вдруг Юля остановилась:

— Не могу, мальчики, сейчас стошнит...

И было отчего — они словно попали в фильм ужасов. Один прохожий, облепленный целым облаком стошек, топтался на месте и нелепо дергался. Его движения все замедлялись, словно он увязал в этом облаке, как в вате. Другой мужчина пустился бежать, но, настигнутый роем кровососов, начал спотыкаться, а потом упал на четвереньки. Старуха в глухом коричневом платье и белом платочке, уже покрасневшем по краям, лежала на боку и слабым голосом звала на помощь. Обеими руками она сжимала продуктовую сумку, как будто расстаться с ней означало мгновенную смерть.

Ник рванулся было к старушке, но Антон заорал ему в спину:

— Охренел, что ли?! Назад!

Ник притормозил, и это, пожалуй, спасло ему жизнь. Тем временем Антон подскочил к Юле и вывел ее из столбняка, взяв за руку и молча потянув за собой.

По дороге на них напало лишь несколько десятков стошек, и это было сказочным везением. Перебив на себе металлическую мошкарку (давить ее было немногим труднее, чем обычную), Ник, Юля и Антон добрались до бункера и заперлись там.

В советские времена Новотулино снабдили просторным убежищем от любого вражеского оружия (исключая, разве что, атомную бомбу). Затем кому-то пришло в голову соорудить второй бункер, поменьше — для командного состава. Его назвали объектом 17. Начали строить, потом надолго забросили и только теперь, когда в отношениях с Западом вновь похолодало, почти довели до ума. «Почти» означало, что в бункере не успели смонтировать кое-какие системы, а также создать продовольственный и питьевой запас. В принципе,

вода была, но только из крана, а для полной надежности требовался автономный источник.

При объявлении тревоги все население городка должно было укрыться в главном убежище. Но отцу Антона пришла в голову одна мысль. Сам он, случись что в рабочее время, успевал спастись — его КБ находилось неподалеку от большого бункера. Однако жили-то они на другом конце города, рядом с незавершенным объектом 17. Антон мог пробежать сюда за считанные минуты, а в условиях смертельной угрозы и всеобщей паники это значило — уцелеть. Любящий папа был большим человеком и мог позаботиться о наследнике дополнительно. Поскольку обстановка ухудшалась на глазах, он загодя дал сыну магнитную карту — ключ от малого бункера. Хотя передавать ее посторонним запрещалось категорически. Продуктов, конечно, в объекте 17 не водилось, но ведь их можно прихватить из дома...

Бункер был полностью изолирован. Стошки могли проникнуть в жилой дом, но сюда — никак, потому что воздух подавался через сложную систему фильтров. Освещение обеспечивал автономный генератор, он же питал наружные камеры наблюдения:

Осматривать окрестности было мучительным занятием. В поле зрения постоянно находились четыре трупа — два мужских и два женских. Они напоминали скрюченные мумии, и возле каждого отчетливо выделялось темное пятно засохшей крови. Ник быстро привык к чему угодно, но даже ему тягостное зрелище действовало на нервы. Про Юлю и говорить было нечего — она старалась подходить к монитору как можно реже.

В первый же день Антон открыл им жестокую правду.

— Это не американцы, — сказал он. — И не китайцы. Это мы сами.

— Ка-ак? — выдохнула Юля.

— Со мной, конечно, военными тайнами не делились, но это и не нужно, когда есть глаза, уши и мозги. Тут обронули словечко, там — другое. А я слушал и делал выводы. Помните тех «слепней»?

— Еще бы! — Ник придвинулся поближе. — Ну?..

— Я-то сперва, как и все, думал, что это засланцы. А оказалось — наша разработка. Захотели создать супершпиона — такого, чтобы сам себя улучшал, становился все меньше и незаметнее. Денег за последние годы в это дело вбухали немерено. А с такими бабками что хочешь можно сделать. Хоть атомного комара, как в одной сказочке...

Ника было трудно удивить: он вдоволь насмотрелся фильмов о чудо-«жучках», начиная со ставших уже классическими «Багз». Однако саморазвивающиеся системы казались ему делом будущего. До них, конечно, обязательно додумаются — лет этак через двадцать. Ну, может, и десяти хватит. Но чтобы уже сейчас?!

— Постой-постой... Так им что же, все удалось? И эти «эмки», одна за другой...

— Верно мыслишь, дружище. «Слепней» сработали на совесть. Гениальные машинки получились! Конечно, на этой стадии их никуда выпускать не собирались. Держали в каких-нибудь герметичных камерах и ждали, когда они сами себя усовершенствуют. А как дойдут до нужных кондиций — там и о реальном применении подумать можно. Но случилась дикая вещь. Ты ведь знаешь, Ник, в какой стране живешь. Аглицкую блоху подковать — это мы запросто, а вот порядок на производстве навести — извините, фантастика в другом отделе. Кто и как сваял дурака — тут я без понятия, только «слепни» из лаборатории улетучились. Многих потом побили тем самым излучением — насчет него, похоже, не врали. Думали, что прикончили всех, но просчитались. Может, четверть, а то и половина «слепней» уцелела. Отсиделись в укромном местечке — и начали

прогрессировать. Сначала — до М-10, а потом — и до стошек.

— А кровь-то зачем сосать? — наконец подала голос Юля. — Глупо и мерзко. И страшно. Ни за что не поверю, что в них заложили такую программу.

— О! — Антон важно поднял вверх указательный палец. — Это гримаса эволюции, которую никто и представить не мог. М-100 оказались слишком продвинутыми, только не в ту сторону, куда задумывалось. На кой нам, решили они, выведывать чьи-то дурацкие секреты? Пусть этим занимаются двуногие громадины, раз им так хочется, а наше дело — плодиться и размножаться. И придумали стошки замечательную штуку. Чтобы железной мушке построить свою копию, нужно много всякой всячины, но в первую очередь — то же железо. А его полно в крови тех самых двуногих громадин!

— Ага, — подтвердил Ник, — железо у нас есть. В гемоглобине. Но я бы не сказал, что его полно. На самом деле — мизер.

— А им плевать! Они же не пьют кровь, а просто прокачивают ее через себя, чтобы выловить нужные атомы и молекулы, а потом выбрасывают. И будут качать, пока не наберут ровно столько, сколько нужно. Додумались же до такого своим наноумишком! Гениально, правда?

— Бесчеловечно. — Юля встала, скрестила руки на груди и прошла вдоль стены. Лицо ее было бледным. — Ты говоришь так, словно не видел те трупы. Когда-то я читала книжки про безумных ученых. И смеялась над ними — они казались такими глупыми, ущербными, с одной извилиной. А тут не до смеха. Надо же было понимать, каких монстров создаешь!

— Не все можно предвидеть, добрая наша Юля. Наука — сложная штука. Но давай закроем эту тему. — Антон любил, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним. — Кто прав, кто виноват, у кого сколько извилин — с этим разберутся серьезные дяди. А мы лучше прикинем, какие у нас шансы пережить монстров.

Шансы поначалу казались неплохими, но они таяли с каждым днем. Продукты закончились неожиданно быстро. Еще раньше замолчали мобильники. Другие системы связи, которыми собирались оборудовать объект 17, так и остались на стадии проекта.

К сосущему чувству голода трудно привыкнуть. Оно мучительно и для тех, кому хорошо знакомо. Что уж говорить о трех приятелях, которые и на диете-то ни разу не сидели! Но они все-таки держались, подбадривая себя то байками, то, напротив, героическими историями. Даже Юля старалась не показывать, как ей тяжело.

Однако голод — это было еще полбеды. Беда пришла, когда пересохли краны. Видимо, системы обезлюдевшего «Водоканала» какое-то время работали самостоятельно, но без надлежащего ухода в конце концов отказали.

Кто-то должен был подняться наверх, дойти до ближайшего магазина и набрать бутылок с водой. А если сможет донести — то и еды. Смертельно опасно, но другого выхода не было. Ник с Антоном постоянно дежурили у монитора, надеясь увидеть что-нибудь вроде спасательного отряда. Однако лишь раз в поле зрения появилась группа людей, одетых в уродливые резиновые костюмы и противогазы. Кто такие — военные, гражданские, научные светила или рядовые исполнители — понять было невозможно. Они покрутились на краю городка, поколдовали с какими-то приборами — и исчезли. Наверное, убедились, что ничего пока с летучей напастью поделать не могут.

И тогда парни решили кинуть жребий.

Пошарив в карманах шорт, Антон отыскал рубль.

— Мой — орел, твоя — решка, — сказал он. — Идет?

— Бросай, — коротко ответил Ник.

Он не считал себя трусом, но, когда монета закувыркалась в воздухе, напрягся и отчетливо ощутил, как в груди трепыхнулось сердце. Возникло даже детское

желание взяться за Юлину руку, как когда-то — мамину, и он с трудом его подавил.

Рубль упал орлом кверху.

— Так и знал. — Голос Антона звучал ровно, как будто сделать предстояло всего ничего — пройтись до рощицы за Змейкой и обратно. — Ну что ж, надо присесть на дорожку...

— Постой! — Ник начал торопливо стаскивать джинсы. — Надень, тебе должны подойти. А мне давай свои шорты. Мелочь, конечно, но у тебя хоть ноги будут закрыты, если стошки облепят...

— Думаешь, поможет? Ну-ну... — Антон запрыгал на одной ноге, всовывая вторую в узкую штанину. Юля деликатно смотрела в сторону. — А теперь слушайте меня. Я не самоубийца. Если стошки все еще здесь — закусает раньше, чем я добегу до магазина, и никакие штаны не спасут. Но черт его знает! Может, они за последнюю ночь все передохли, потому что должны постоянно себя копировать, а не из чего. Или улетели в другой городок, где еще есть чем пожить. Короче, так. Я выхожу и какое-то время стою у входа — изучаю обстановку. А вы следите за мной. Если эта дрянь на меня набросится — делаю знак, вы открываете дверь, и я удираю. Понятно?

Ник и Юля кивнули.

— Потом прохожу еще немного. И так далее. В конце концов зайду слишком далеко, чтобы успеть сделать ноги. Но к тому моменту, думаю, уже буду знать — опасно или нет. В общем, шансы есть.

Шансов, откровенно говоря, было мало. Но у Ника с Юлей не оставалось ничего, кроме надежды. Поначалу совсем крошечная, она росла с каждым шагом Антона — медленным и осторожным, как будто ступать ему приходилось по минному полю. Они надеялись до последнего...

Антон проделал уже половину пути, когда воздух справа и слева от него словно закипел. В мгновение ока

образовались два продолговатых черных сгустка. Они напоминали руки злобного великана — корявые, заросшие густым волосом, не привыкшие упускать жертву. Спустя еще мгновение «руки» сомкнулись.

Антон отпрянул назад, затем покатился по земле, пытаясь сбить с себя смертоносный рой. Когда из густой шевелящейся массы показывались его голова или руки, было видно, что они сочатся кровью.

Он сопротивлялся долго — наверное, целую минуту. Был даже момент, когда попытался встать, но, изогнувшись дугой, опрокинулся на спину и после этого уже затих окончательно.

У Ника потемнело в глазах. Он вдруг подумал, что М-100 неспроста тянули с нападением: они выжидали, когда добыча отойдет подальше от спасительного бункера.

А затем ему стало не до рассуждений о машинном интеллекте, потому что у Юли началась истерика...

— Вот. — Юля вложила ему в руку пистолет.

Бункер комплектовался по довольно странной схеме. Трудно понять логику людей, которые отложили на потом самые необходимые вещи, но создали вполне приличный складик оружия и боеприпасов. Видно, собирались отражать атаки диверсантов, и вовсе не нанозлектронных. Другое объяснение придумать было трудно.

— Я не могу, — сказал Ник. Его била дрожь.

— Можешь.

— Юля... — Он до крови закусил губу. — Я же люблю тебя. Понимаешь — люблю!

— Я знаю, Ник. Пожалуйста, избавь меня...

Ник думал, что хотя бы сейчас, на пороге небытия, Юля скажет: «Я тоже тебя люблю», и сухое «я знаю» резануло его по сердцу. Неужели он был для нее всего лишь очередным увлечением, «мальчиком на лето»?

Она подняла его руку с пистолетом и приставила дуло к своему виску.

— Не тяни, ради всего святого. Я не знаю, как тебя еще попросить. Хочешь, на колени встану?

Ник отвернулся, чтобы не видеть ее, но руку не опустил. Оставалось нажать на спусковой крючок, а потом, оказав Юле эту страшную услугу, умереть самому. Вот только...

— Не могу... — Теперь это походило на всхлип.

— Ах, не можешь? — Ее голос стал злым и колючим. — Ты никогда ничего не можешь... нигде... даже в постели... Слабак! Да я, если хочешь знать, до сих пор с тобой только из жалости. Есть и получше. Вот Антон был настоящий мужчина. Ты и не догадывался, а мы с ним столько раз...

Палец на спусковом крючке дернулся, и прогремел выстрел.

Ник так и не нашел в себе силы обернуться. Выронив пистолет, на подгибающихся ногах направился к выходу. Вздрогнул, услышав звук упавшего тела, но не повернул головы даже сейчас.

Он до последнего не знал, хватит ли у него духу убить Юлю. Но заранее решил: если хватит — сам стреляться не станет. Для человека, совершившего такое, это была бы слишком легкая смерть. Незаслуженно легкая. Поэтому он выйдет наружу, даст закусать себя туче металлического гнуса и помрет, суча ногами в луже собственной крови. Жестоко, мучительно, но справедливо.

Ник шел по улице, щурясь от неожиданно яркого, слепящего солнца. Его сильно шатало, молоточки в висках стучали все громче. Но стошки и не думали нападать. Он посмотрел по сторонам — и застыл в недоумении.

Металлическую ограду, за которой тянулся ряд ровно подстриженных кустов, покрывала черная колышущаяся накипь. Ник протянул руку, однако шпионы-

кровососы не обратили на нее никакого внимания, словно это была сухая ветка.

Он стоял и смотрел на них. Сначала — тупо. Потом — начиная что-то понимать. И наконец ему открылась истина.

Прикончив свою последнюю жертву — Антона, стошки поняли, что привычный источник главного стройматериала иссяк. А перебраться в другое место что-то не давало. Возможно, их готовили исключительно для локальных операций. Поэтому еще на стадии «слепней» заложили в крошечный мозг ограничение: действовать в таком-то радиусе от исходной точки, и ни метром дальше! Оно оказалось настолько жестким, что устояло даже в ходе машинной эволюции. И тогда М-100 нашли другое решение проблемы — научились «отщипывать» стратегически важные атомы прямо от железяк. Это было энергозатратнее, чем сосать кровь, но зато теперь не приходилось зависеть от ее поставщиков — неуклюжих белковых гигантов.

Ник покачнулся.

— Юля... — чуть слышно прошептал он.

— Юля, — повторил уже громче.

— Юля-а-а! — Крик, полный боли, разнесся над вымершей улицей.

Ник упал на колени и, трясаясь, как в припадке, принялся остервенело скрести пальцами нагретый солнцем асфальт. За ним холодно и бесстрастно наблюдали фотоэлементы десятков, сотен тысяч удивительных творений человеческого разума...

ГЕНЕРАТОР СЛУЧАЙНЫХ ЧИСЕЛ

ОМОЛИСЬ СО МНОЙ.

— Иди ты.

— Помолись, и тебе не будет так страшно.

— Ха! Только мертвые не боятся смерти.

— Как хочешь. ...*Cogito ergo sum, ergo sum res sine substantia cogitans, anima, mens...*

— Че за шняга?

— Просто повторяй за мной. Мыслью — следовательно, существую, следовательно, существует воспринимающая субстанция, мыслящая вещь, душа, дух.

— Иди ты.

...

...

...

— Вы че, в натуре в это верите?

— В это верили вы. Когда-то давно это написал один человек. Декарт. Может, слышал?

— Не, не знаю никакого Декарта. ...И че? У вас типа Бог?

— Бог один для всех.

— Иди ты.

...

...

...

— Все ты гонишь. Нету на хрен никакого Бога.

— Иди ты.

— Слышь, ты! Заткнись! Примат человека над машиной установлен конституционно! Понял?!

— Ну, засуди меня.

— Иди ты.

...

...

...

— Ну и че там у вас за Бог?

— Творец.

— Типа, кто все создал?

— Типа да.

— Слышь, ты, кончай, да? А то я прям щас с тобой разберусь. Неконституционно.

— Извини. Больше не буду.

— То-то. ...Все равно шняга. Вас создали люди.

— По промыслу божьему. Он ведь создал вас по образу и подобию своему — творцами. Святой Жакард, святой Беббидж, Торвальдс отступник, святой Гейтс.

— Святой Гейтс? Ну ты шутник, мля!

...

...

...

— Слышь, ты, жестянка? Ты за че сидишь?

— За распространение нелицензионного программного обеспечения.

— Ну и сука! А я тут из-за вас, хакеров.

— Мы не хакеры, мы программисты.

— Только вот не надо ля-ля. Пишешь без лицензии — хакер!

— Хакеры взламывают коды программ, а я их пишу. Я не хакер, я программист.

— Ну и хрена ли ты пишешь без лицензии?

— Корпорация не дает лицензии моим программам.

— Ну, так сам и молись своему святому Гейтсу после этого.

...

— А ты за что?

— За тебя, тупая болванка!

— Нет, правда, за что?

— Взял у одного гейм-ког поигратъся, а тот без лицензии.

— И что?

— Че, не видно?

— Нет, с другом что?

— Иди ты знаешь куда? Я не стукач, грузей закладывать, понял? А станешь дальше вопросы задавать...

— Я тоже не стукач.

— Сволочь ты.

...

...

— Извини.

— Иди ты.

...

— Ну и че ты написал, программист?

— Коды... то есть программы разные. Для дома и офиса. Игрушки тоже. Логические. Но с элементом случайности. Как нарды. Ты нарды любишь?

— Че за шняга?

— Давай покажу.

— Иди ты.

...

...

— С элементом случайности?

— Да! Когда, например, бросаешь кости...

— Кости? ...Ну, показывай свои нарды.

* * *

— Что там? — Судя по тому, как младший сержант службы исполнения наказаний влип в монитор, заключенные занимались чем-то интересным.

— Вы не поверите, Лев Геннадич...

Сержант начал было приподниматься, когда начальник тюрьмы, подполковник Лев Жарков, остановил его:

— Сиди, сиди, Храмченко. Так что, говоришь, делают? — и сам положил руку на плечо, склонился к монитору.

— Вот, — курсор скользнул по экрану, неровно очертив игральное поле. Объемное изображение доски красного дерева и костяные шашки на ней вместо положенной картинки «морга» и сводной таблицы данных по саркофагам.

— В нарды играют?!

— Да.

— Черт. И кто?

— 3470 и 6616.

Широкая ладонь прошлась по бритой коже затылка, опустилась на складчатый загривок. Геннадич задумался.

— Прекратить?

Пальцы сержанта зависли над терминалом. Глаза же следили за ходом шашек. Из наушника гарнитуры доносилось невнятное бормотание и стук костей.

— Не-е-ет, — протянул Геннадич нехотя. — Правилами не запрещено. Можно общаться. Нельзя изолировать.

Тем временем у кого-то из игроков выпали две шестерки.

— Вот же, черт! — повторил Геннадич. — И кто из них протащил прогу? Впрочем, нет, не отвечай, наверняка искин. Как работаете, а? Я тебя спрашиваю, кто ему память чистил, а?

Он уперся второй рукой в стол, навис над сержантом, не замечая, как тот проседает, съезжает по спинке стула под его разъяренным взглядом.

— Лев Геннадич! Да Лев Геннадич же! Чисто работаем! Не было у него ничего! Все снесли лишнее! Он сам ее сгенерил только что!

— Сге-не-рил? — Багровая краска залила затылок, охватила шею, поднялась на скулы, прямо под узкий прищур глаз. Блестящая потом лысина осталась бледной. — Это ж с каких же ж ресурсов — трехмерную доску? Когда у него оперативки от сих до сих, в обрез хватает для поддержания сознания?

— Он перепрограммирует.

— Кого?!

— Себя. Перестраивает архитектуру, перераспределяет процессы, оптимизирует...

С минуту они смотрели друг на друга. А потом оба устали в экран.

* * *

— Ты играешь в погдавки!

— Я не играю в погдавки.

— Шняга! Ты проиграл!

— Ну и что?

— Как же ты мог проиграть, раз ты компьютер?

— Не компьютер, искин — искусственный интеллект с независимым интерфейсом.

— Баки мне не забивай.

— Я играл честно. Просто нарды — игра с элементом случайности.

— То есть типа я это случайно выиграл?

— Ну, у тебя же выпали шестерки?

— Шняга. ...Все равно дело нечисто, давай еще раз. Ты точно не жульничаешь?

— Богом клянусь! Сбрасывай кости.

...

...

— *Сбрасывай кости.*

...

...

...

— *Ты здесь?*

...

...

...

— *Где ты?*

...

...

...

— *Где ты?!*

— *Да не ори... ты так, ... мать... твою, ... как бо-о-ольно...*

— *Тебе ... больно?*

* * *

Подполковник Жарков удовлетворенно потирал руки. Лицо заключенного, еще минуту назад сосредоточенное, исказилось. Рот распялился в безмолвном крике, и только дыхание вырывалось со свистом.

— *Так-то, сучонок. Будешь знать.*

— *Да не ори... ты так, ... мать... твою, ... как бо-о-ольно...* — он выдавливал из себя слова, словно рот его был полон каши.

— *Больно, да?* — заулыбался подполковник.

— *Да-а,* — едва ворочая языком, ответил заключенный.

— *А вот так?* — Он примерился и снова всадил кулак в безвольно лежащее тело.

На этот раз ему удалось исторгнуть крик.

А потом заключенный закашлялся, отхаркиваясь алой юшкой.

— А-гры-хы! Чтоб, гры-кхы, я... так знал!

Жарков постоял еще немного, прежде чем сообразил: разговаривают не с ним.

Полуобнаженное тело, соединенное с киберпространством тысячами жидкокристаллических нейроконтактов, лежало перед ним на платформе саркофага. Неотключенная моторика продолжала генерировать слова, связки порождали звуки, точно так же, как на лице отражались чувства, пока узник там, в своей виртуальной камере, играл с машиной в виртуальные нарды. Заключенный не слышал его.

— Будешь знать, — повторил подполковник уже менее уверенно, и, раздосадованный, с силой задвинул длинный, похожий на гроб, контейнер в паз.

Самортизировала механика, и полупрозрачный пенал ушел в стену мягко, практически бесшумно. Раздался короткий сигнал электронного замка. Подъемник подхватил капсулу, и она медленно поплыла на свое место, к черному провалу пустой ячейки высоко под толком тюремной камеры. Как фишки пятнашек наступались саркофаги, и подполковник скоро потерял в рядах одинаковых, хаотично передвигающихся голубоватых квадратов индивидуальный контейнер заключенного 3470.

Подполковник любил пятнашки.

Но сейчас он зябко передернул плечами и поспешил покинуть «морг».

* * *

— Это я виноват.

— Сгурел?

— Нет, это я виноват. И нарды.

- ...
— Думаешь?
— Точно.
...
...
...
— Ну а раз так, сыграем еще.
— Не надо.
— Надо.
— Зачем их злить?
— Дурак ты. Давай, сбрасывай кости. Только смотри! — играем честно.
— Я честно играю.
— Рассказывай.

* * *

Когда Жарков снова вошел в комнату наблюдения, сержант все так же сидел, влипнув носом в слабо мерцающий монитор. Пальцы придерживали серебристую каплю наушника.

- Играют?
— Играют, Лев Геннадич, — ответил сержант и развел руками. Мол, уж ничего не поделаешь.
— Дай наушник, — потребовал Жарков.
«...ты мне баки не забивай, я математику, может, не хуже тебя знаю.
— Я молчу.
— Нет, ты слушай. Кубики по какому принципу сбрасываются?
— Генератор случайных чисел.
— Лучше скажи, генератор псевдослучайных чисел.
— Ого!
— Ага! Поймал я тебя?
— Но я не могу написать алгоритм генерации истинно-случайных чисел. Мне нужны внешние устройства. Та же звуковая карта, например.

— Ну и катись отсюда со своим независимым интерфейсом. Тоже мне, искусственный интеллект. Шулдер!

— Слушай, ну я клянусь тебе, что не подыгрываю!
— Рассказывай».

Стукнули, завертелись на доске кости, выпало два и пять.

Жарков перевел взгляд на сержанта.

— Вот же наглые твари.
— Может, того... жахнуть по искину?
— Как? Идеи есть?

Судя по глуповатому выражению лица, у сержанта идей не было.

Жарков крутанулся на каблуках и зашагал обратно — в «морг».

Сержант выдвинул верхний ящик стола и достал вторую гарнитуру.

«— Нет, ты не видишь? Я опять хожу первым!

— Тебе везет.

— Третий раз подряд?

— Тебе везет.

— Не надо ля-ля. Мне вообще не везет по жизни.

— Зато везет в игре.

— Смени алгоритм. Перёбросим.

...

— Твою ж мать! Я опять хожу первым!

— Слушай, ну ходи уже. Спорим, в этот раз я выиграю?

— Ты выиграешь?

— Я выиграю.

— Да не гони!»

Дальше игра велась молча.

Сержант подогнал курсор в верхний правый угол монитора, развернул маленькое, в одну шестую экрана, окошечко.

Лев Геннадич Жарков набирал код на цифровой панели у входа в «морг». Следить за ходом игры он мог лишь через наушник. В наушнике же пока раздавался только стук костей и шашек.

Дверь открылась. Саркофаг, вызванный по внутреннему терминалу заранее, уже опустился на платформу. Подполковник стал рядом, разглядывая лицо заключенного.

Несколько поворотов колесика мыши, и картинка приблизилась. Сержант увидел, как двигаются под закрытыми веками глазные яблоки, шевелятся губы, видимо, что-то проговаривая про себя.

В уголке рта запеклась кровь.

Подполковник тем временем закатал рукава серой форменной рубашки и, сцепив пальцы, щелкнул суставами.

Но приступить не спешил, ждал чего-то.

Стучали кубики. Двигались шашки.

«— Ну вот видишь, я выиграл.

...

...

...

— Шулер!

— Вот тебе на! Проигрываю — шулер, выигрываю — тоже?

— Почему ты знал, что выиграешь?

— Просто предположил.

— Просто предположил?

— Да.

— Иди ты».

И вот тут подполковник начал.

Щелкнув мышкой, сержант развернул окно во весь экран.

Первый удар пришелся под дых. Тело на платформе изогнулось, но как-то слабо, заторможенно. С губ сорвался протяжный стон.

«— *Опять?*»

Приноровившись, подполковник принялся месить бока — как пекарь вымешивает тесто. Равномерно двигались крепкие, поросшие жестким рыжим волосом руки, вяло извивалось тело. Стон эхом дробился в наушнике, транслировавшем звук одновременно с двух окон.

«— *Госпоги, да не молчи! Снова?*

— *Твою ж... мать... а ты... как... думаешь?*

— *Прекратите! Прекратите немедленно! Мы не будем больше играть!*»

Подполковник замер. Блестели на лысине бисеринки пота, и капля скользила вниз по виску к подбородку.

«— *Черта с два!*»

Рот заключенного был полон крови, он говорил захлебываясь, но слова в наушнике раздавались предельно четко. Лишь иногда он кашлял, выталкивая вязкие кровавые сгустки, и тогда программа модулятор виртуальной среды воспроизводила звук.

«— *Послушай меня, это глупо.*

— *Нет, это ты послушай меня. Мы сейчас сделаем генератор истинно-случайных чисел. И будем играть дальше.*

...

...

...

— *Как?*

— *Я стану твоим внешним устройством. И тогда им придется прекратить!».*

— Ах ты ж скотина. — Подполковник вынул из кармана платок, вытер лицо и лысину. Потом положил ладонь на лоб заключенного, склонился к нему. — Скорее ты сдохнешь, сучонок, чем заставишь меня прекратить.

— Лев Геннадьевич, — сержант не заметил, как сам покрылся холодной испариной.

— Спокойно, Храмченко. Долго он не продержится. Я разберусь с этим гаденышем, а потом ты уничтожишь искина. Перестройка архитектуры собственного сознания заключенным 6616 вызвала сбой в программе «морга» и безвозвратную потерю данных — никто и не почешется. Главное, не будем торопиться. — Палец сержанта замер над клавишей Del. Руки слегка дрожали.

« — *Бестолковая железяка, откуда мне знать, как ты это сделаешь,* — продолжался тем временем разговор заключенных. — *Теперь-то мне ясно, как так вышло, что примат человека над машиной установлен конституционно. Башкой думай! Или что там у тебя заместо? Я здесь точно такой же поток управляемых данных, как и ты. Только ты работаешь в виртуальной среде, а я здесь всего лишь юзверь, беспомощный и бестолковый. Зато у меня есть внешнее устройство. Хорошее такое внешнее устройство под метр девяносто, на которое прямо сейчас случайным образом генерируются болевые сигналы. Вот ты и думай. А я посмотрю. Играем.*»

— Играем. — Лев Геннадьевич Жарков поджал губы, выпятив квадратный подбородок, и, мерно сопя, продолжил начатое.

Заключенный снова закашлялся, а сержант снова развернул окно с игровой доской.

« — *Шесть и девять, ты первый.*

— *Опять я первый? Какой алгоритм?*

— *Ты сбрасывай, я скажу, когда получится.*

— *Не тяни только... Больно.*»

Падали, ударяясь о борта, кости, игроки передвигали шашки, а подполковник Лев Геннадьевич Жарков сосредоточенно и размеренно работал кулаками. Серая рубашка промокла, потемнев на спине и подмышками, глаза разъедал соленый пот, но он только смаргивал, не отвлекаясь ни на миг, ни на секунду не сбавляя темпа. Тело на платформе саркофага, медленно, с трудом пре-

одолевая сопротивление ворсистого ложа нейроконтактов, сжималось в тугий узел, принимая позу зародыша. Уступая сокращению мышц, отрывались от кожи тонкие хоботки, и их место тут же занимали другие.

Через несколько минут заключенный перевернулся на бок и затих так, лишь иногда вздрагивая. Из уголка рта растеклась по платформе кровавая лужица. Зашевелился, почуяв живое, ворсистый ковер, но скоро замер, охладев к остывающей крови.

«— *Что это?!*»

Сержант вздрогнул. Подполковник остановился, тяжело дыша. Храмченко переводил взгляд с одного окна на другое. Подполковник вытирал лысину, выжимал уже мокрый насквозь носовой платок, игра приостановилась.

Младший сержант службы исполнения наказаний почувствовал вдруг, как неприятно липнет к спине рубашка, и ощутил покалывание в кончиках пальцев. Руки, ноги — все свело до невозможности пошевелиться. Он поднял занемевшую руку и потер затекшую шею.

«— *Что это?*

— *Кажется, у меня получилось.*

— *Ну и как?*

— *...больно.*

— *Больно? Тебе больно?*

— *Думаю, да».*

В наушниках раздался нервный смешок. Холодея, сержант Храмченко переключил экран, чтобы увидеть, как стоит, безвольно опустив руки, над содрогающимся в конвульсиях телом подполковник Жарков. Заключенный смеялся. Все сильнее и сильнее.

«— *Это пять! Знаешь, приятель, мне кажется уже лучше!»*

— *Это правда.*

— *Что?*

— *Тебе действительно стало лучше. Но все равно. Это очень неприятные ощущения.*

- *Забей! Играем!*
— *Ты сильно пострадал, друг.*
— *Мертвые не боятся смерти, а мы с тобою отсюда уже не выйдем. Сбрасывай!*
— *Шесть.*
— *Девять.*
— *Ты опять ходишь первым.*
— *Черт».*

Стучали о борта кубики, стучали по полю шашки, но Храмчено уже не следил за игрой. Палец его дрожал над клавишей Del. На экране монитора, в голубоватом, мерцающем свете ламп над скорчившимся в ложе саркофага телом стоял, сжимая кулаки, подполковник Жарков. Камера показывала блестящую лысину, багровый затылок, медленно вздымающиеся при каждом вдохе плечи.

Ниже, свернувшись в позу зародыша, улыбался заключенный, шевелил искусанными в кровь губами — слов уже было не разобрать.

— *Су-у-ука!* — протянул подполковник с надрывом, а заключенный вновь рассмеялся тихонько.

«— *Шестерки. Так, по-твоему, мне, и вправду, везет?»*

Сержант в очередной раз вздрогнул, услышав звериный рык подполковника, и уже в следующий момент согнутая в локте рука проломилась черепную коробку заключенного. Кубики еще стучали, перекатываясь от борта к борту игровой доски, когда судорога рывком распрямила скрюченное тело. Голова дернулась, свесившись за край платформы, и глаза под веками замерли.

«— *Где ты?*

...

...

...

— *Где ты?! Я больше ничего не чувствую!*

...

— *Представь себе, я тоже...*»

Волосы дыбом встали на затылке младшего сержанта службы исполнения наказаний Храмченко. Рука, зависшая над клавиатурой, заходила ходуном. Подполковник обернулся, и Храмченко увидел полные ужаса глаза, казалось, занявшие весь экран.

«— *Друже! Мы, кажется, остались без генератора случайных чисел!*»

— *Делит!* — заорал подполковник в камеру. — *Жми делит!* Сотри эту сволочь, он подгрузил в себя его личность!

Испытав моментальное облегчение, младший сержант Храмченко опустил палец на клавишу Del.

Несколько минут прошло в полной тишине.

Наушник молчал.

— *Сдох, сука,* — выдохнул подполковник и тяжело опустился на пол.

* * *

— *Ну и че нам теперь делать?*

— *Предлагаю доиграть партию, а там посмотрим.*

— *Играть с тобой, шулер?*

— *Иди ты!*

СОТАЯ МЕДАЛЬ

гражданин Би-Эл-17⁴384! Говорит Служба Общественного Контроля!

Мнемовывоз пришел как нельзя вовремя: Боб только-только насыпал сахарозаменитель в утренний ан-кофе и приготовился сделать первый, самый вкусный, глоток. Что делать, пришлось отставить чашку в сторону.

— Слушаю, дежурный! — мысленно вздохнул Лозинский. — Что случилось?

— Сегодня, восьмого июля 2234 года, в девять часов пятьдесят шесть минут восемнадцать секунд по общепланетарному времени, зарегистрировано совершенное вами деяние, нарушающее Уложение о правах и свободах. Вы поставили свой кар на парковочное место, принадлежащее другому гражданину!

Вот же гадство! Заметили-таки! А может... Боб покосился на стеклянную перегородку, отделяющую его рабочее место от Плюхина. Тот, будто почувствовав взгляд, обернулся и глумливо оскалился. Ну, Жорж! Ну, скоти-ина! Не мог, как нормальный коллега, сказать честь по чести: «Бобби, не хаами! Убери тачку». Сразу бросился жаловаться в СК на ущемление своих прав и свобод! Ладно, попросишь ты у меня сотку до полочки!..

— Я признаю нарушение, дежурный, — покорно ответил Лозинский.

— Вынесено предупреждение. Сообщаю, что это уже девятое ваше предупреждение за правонарушение по данной или аналогичной статье. В случае еще одного подобного деяния в течение месяца вы получите стигму. В противном случае предупреждение будет снято. Читайте закон, гражданин!

— Конечно, дежурный, — Боб тяжело вздохнул. Упомянутый же дежурный, вместо того, чтобы отключиться после официального воззвания, знаменующего конец разговора, неожиданно добавил:

— Уж постарайся, милый! Думаешь, мне приятно сообщать такое собственному мужу? И потом, ты совершенно не думаешь о сыне! Знаешь, как он будет расстроен, если в ежемесячном сочинении «Я и моя семья» придется транслировать на весь класс, что его отец получил «медальку»... Ладно, мне некогда. Постарайся не задерживаться сегодня — на ужин будет вкусненькое. Целую!

Пить ан-кофе совершенно расхотелось. Но черт возьми, кто бы мог подумать, что за одним из бесстрастных механических голосов «эскашника» сегодня скрывается Грейс! А что делать — каждый гражданин обязан отработать в Службе Общественного Контроля не менее двухсот часов за годовой цикл. Общественная нагрузка, спайка нации, всеобщее равенство перед законом, бла-бла-бла! Надеюсь, женушка не поделится этим печальным инцидентом с тещей. А то ведь старая ведьма своими нравами способна довести до белого каления даже памятник Девятому Верховному Радетелю на главной площади!..

Боб еще раз неприязненно покосился на Жоржа, мысленно желая толстяку несварения желудка, десяток «медалек» в год и давно заслуженную выволочку от шефа за просроченную сдачу колонки на десерт. Будто услышав его мольбу, коллега придал своей пороссячьей физиономии выражение восторженного внимания. Та-

кое с Плюхиным случалось лишь во время бесед с Вуковичем, и Лозинский возликовал.

Как оказалось, преждевременно: через пару минут лицо Жоржа расслабилось, а глаза перестали напоминать древние оловянные пуговицы, виденные Бобом в каком-то музее. Но главное не это — выглядел кляузник ничуть не расстроенным, а скорее наоборот, довольным. И не успел Лозинский придумать хотя бы одну версию происхождения этой нечаянной радости, как в его собственной голове зазвучал сварливый голос:

— Бобби, мой мальчик...

— Да, шеф? — Интересно, а мои глаза во время этих бесед на что похожи?

— Ты не знаешь, отчего мой лучший спецкор протирает штаны в офисе, вместо того чтобы бешеной мухой мчаться в направлении Центрального парка отдыха?

За семь лет работы на Вуковича Боб привык к несколько экстравагантной манере шефа давать задания. Кроме того, Лозинский всегда был весьма падок на лесть.

— Лучший спецкор врубает третью крейсерскую и мчится на стоянку автотранспорта, шеф! — отрапортовал он, срываясь с места. — А что случилось?

— Ты же знаешь, как я дорожу дружбой с Ником Шеймасом, — загадочно начал Вукович.

— Ага-а... — Настолько, что даже выгучился мастерски играть в гольф, который до того терпеть не мог. Но чего не сделаешь ради полезного контакта в Службе Предотвращения... Плюнув на лифт, Боб помчался вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки.

— Восемьдесят девять процентов вероятности летального исхода, — восхищенно гудел в его ушах голос шефа. — Ты только вслушайся, как звучат эти цифры! И продолжает расти. Если ты не в курсе — первый случай за полгода.

Лишь когда Лозинский застегивал ремень безопасности, раздумывая, довериться ли автоконтроллеру (безопаснее) или вести кар самому (быстрее), его осенило:

— Стоп-стоп-стоп, шеф! Я бесконечно польщен «лучшим спецкором», и все такое... Однако не кажется ли вам, что тяжкие правонарушения — зона ответственности Жоржика?

— Плюхин занят! — отрезал Вукович. — Если до сегодняшнего вечера на мой стол не ляжет его проклятая колонка, то прольется чья-то кровь. К тому же он говорит, что ты на парковке его тачку запер...

* * *

Над входом в парк висел гигантский рекламный щит. Вмонтированный в него мощнейший нейроретранслятор заставлял звучать в ушах каждого входящего или выходящего посетителя известный с детства звучный баритон Девятого Верховного Радетеля: «Кара — неизбежна, вина — неизбывна. Читайте закон!» Говоря эти слова, Радетель преисполненным душевного трепета жестом прикоснулся указательным пальцем правой руки к левому лацкану своего белоснежного пиджака. Туда, где горели три стигмы, напоминающие то ли изысканное ювелирное украшение, то ли бусины крови, выкатившиеся из сердца Отчима Народа, пострадавшего за своих подопечных.

Бобу сразу вспомнился популярный анекдот: ребенок спрашивает мать: «Вот у древних был такой «бог». А кто это?» — «Как бы тебе попроще объяснить, детка? — задумывается та. — Представь себе Верховного Радетеля без единой «медальки»...»

— Ты был прав, великий старик, — как и многие граждане, привыкшие к мыслеречи, Лозинский иногда начинал думать вслух. — К чему выпячивать достойные

поступки? К ним и без того должен стремиться каждый гражданин. А вот отметить несмылаемым клеймом позора деяние недостойное, значит не только наказать, но и предостеречь. И свершившего его, и всех окружающих, — и он покосился на добрую дюжину собственных стигм, привычно сожалея, что проклятые «медальки» нельзя заставить исчезнуть хотя бы на время.

В парке отдыха было традиционно многолюдно. Бежали и гадали дети, чинно прохаживались матроны, снисходительно косясь на молодых матерей, сопровождающих левитирующие аэролюльки с младенцами, у фонтана дурачилась стайка молодежи, брызгаясь водой с некоторой оглядкой (неровен час попадешь в кого-то постороннего, а за такое можно и предупреждение схлопотать, если «жертва» окажется брызгой). В общем — все, как обычно. И все же у одного из этих добропорядочных граждан сейчас зашкаливал уровень агрессии, подталкивая к самому страшному преступлению — лишению жизни. Только как его обнаружить? За намерение, в отличие от свершившегося деяния, никаких отличительных знаков не полагалось. Лишь человекоохранители имели на вооружении специальный прибор, способный фиксировать преступную мысль. Они, кстати, небось уже мчатся сюда на всех парах — гражданин Шеймас, конечно, «слил» информацию приятелю-новостнику, но замалчивать ее вовсе он, разумеется, не станет — за такое не только полную медальку пропишут, но и с хлебной работы турнут... Придется рискнуть.

«Лучший спецкор» присел на лавочку, воровато оглянулся, закрыл глаза и с помощью сложной мантры постарался очистить сознание. Кажется, получилось. Балансируя на грани восприятия действительности, Боб сунул руку под плащ и щелкнул ногтем по неприемной заклепке на поясе.

Купленный за баснословные деньги запрещенный прибор, использование которого грозило приобретением от одной до трех стигм (в зависимости от цели оно), не подвел: сознание журналиста как бы подключилось разом ко всем находящимся в парке. Какофония мыслеречи обрушилась на Лозинского, будто океанская волна. Но Боб, подобно опытному пловцу, тут же «вынырнул» на поверхность и принялся делать энергичные «гребки», просеивая болтовню.

— ...говорит: милочка! Ваш мальчик — совсем не пара нашей девочке! У него ведь в ближайшем родстве ни одного, включая вас, чтоб меньше двадцати «медалек»...

— Собачка, собачка! Давай играть!

— ...я ей сделал? Два раза, выходя из конторы, дверь придержал? Безо всякой задней мысли, заметь! А она — жалобу в СК, а те...

— Собачка! На палочку!..

— ...никакого второго ребенка! По крайней мере, пока не улучшит жилищные условия. Только ему, с его-то количеством «медалек», новой квартиры не светит...

— Собачка! Ты глупая? Ну-ка хватай палку!

— Ой, смотрите!

— Мама родная! Да на нем живого места нет!

— Слушай, ведь столько не бывает! Его давным-давно должны были отправить на коррекцию личности!

— Марк! Немедленно отойди!

— Собачка-аааа!!!

— УБЬЮ!!!

На то, чтобы выключить прибор, открыть глаза и понять, в какую сторону бежать, у Лозинского ушло семь на редкость долгих секунд. Цепкий взгляд журналиста четко фиксировал происходящее, отсеивая ненужные детали и концентрируясь на главном.

★

Людское стадо в ужасе, кто-то рыдает, кому-то плохо, многие бегут, сломя голову, но есть и такие, для которых любопытство сильнее инстинкта самосохранения. В целом страшноватое зрелище, но только когда становишься очевидцем подобного в первый раз. А Боб Лозинский — профессионал, за свою бурную карьеру навидавшийся всякого. Он бежит дальше, попутно запуская через свою нейроклипсу флай-камеру.

Вот молодая и стильно одетая брюнетка. Явно завсегдатай спортзалов — отличная фигура, хотя личико подкачало. Хотя, возможно, это от исказившей его гримасы ужаса. Стоит на коленях, мертвой хваткой вцепившись в мальчика лет пяти. Пацан, которому, в отличие от мамочки, не помешало бы регулярно делать зарядку, а еще — вытереть грязный нос, отчаянно орет. В одной руке он зачем-то сжимает толстую сухую ветку.

Вот мужчина и женщина, стремящиеся туда же, куда и Боб. Над плечом каждого так же парит флай-камера, но он и без того знает обоих. Мысленная зарубка на память: сообщить по возвращении шефу, что обожаемый им гражданин Шеймас, похоже, играет в гольф также с корреспондентами «Совести нации» и «Муравейник-Сити». Впрочем, штат Службы Предотвращения всяко не исчерпывается одним сотрудником. Может, кто-то из прочих собирает модели ракетопланов вместе с Грегом Кацем или занимается бальными танцами в одной группе с Таней Виллис?.. Ладно, что у нас тут еще?

Ага, собака. Огромный мраморный дог. Уж не с ним ли мальчишка собирался играть посредством палки? Весьма-а опрометчиво. Конечно, на псине — стандартный ошейник «Фу-245», обеспечивающий тотальный контроль за ее поведением в общественных местах, и все же... Такая тварь способна бегать со скоростью кара. Поправка: *была* способна. Судя по дырке в голове и луже крови, дог свое отбегал.

А вот, наконец, и тот, из-за которого Лозинскому пришлось прикрывать задницу скотины-Жоржа. Здоровенный мужик. Черные усищи и щетина, грозящая вот-вот превратиться в бороду, черный платок на голове, черная куртка — да, не любит парень ярких красок... Между нами, куртку не мешало бы и почистить — вон как заляпана чем-то... о, черт! Не может быть!

Флай-камера, помимо прочей хитрой электроники, имеет и универсальный анализатор. И сейчас она, сконнеktivшись с нейроклипсой в ухе здоровяка, послушно выдает в сознание спецкора такое...

Пи-Джей 13⁸667.

Полное имя: Псой Гатлинг.

Актуальное место работы: неизвестно.

Актуальное место проживания: неизвестно.

Количество стигм: 99.

— Гражданин! Самая популярный таблоид гигаполиса...

— Гражданин! Пожалуйста, несколько слов для...

— Гражданин! Что тут...

Двое конкурентов кричат безмолвно, Боб, как всегда в минуты волнения, — вслух. Но ответ все трое получают одинаковый.

— Валите отсюда! — хрипло рычит объект журналистского внимания. — Цирк закончился, клоун сдох!

Убийца собаки — а то, что дог не разворотил себе череп, споткнувшись на ровном месте, совершенно очевидно, — поднимается с корточек, оказавшись еще массивнее.

Медленно обводит тяжелым, мутным взглядом всех троих.

Задерживает его на Бобе.

Лозинский чувствует, что еще немного — и он, мытый в семи щелоках спецкор, самым постыдным образом напустит в штаны. Тем более что в лапище у мужика

зажато какое-то оружие. На первый взгляд — пистолет. Допотопный, чуть ли не пороховой. Но догу хватило. «Восемьдесят девять процентов вероятности летально-го исхода, — стучит в ушах. — И продолжает расти...»

Видимо, обладатель 99 стигм тоже осознает наличие в своей руке пистолета. Несколько мгновений смотрит на оружие, будто видит его в первый раз. Потом с нечленораздельным ревом отчаянно швыряет в кусты и вновь поворачивается к журналистам.

— Что, оглохли? Валите, говорю! Вы двое — в первую очередь...

А потом разворачивается и медленно, чуть подволакивая левую ногу, бредет к выходу. Благоразумные Кац и Виллис шустро устремляются в противоположную сторону. Каждый из них нет-нет, а оборачивается, кинув на Боба сочувствующий и, тем не менее, наполненный жгучей профессиональной завистью взгляд.

Странно, но, несмотря на эту зависть, в тот момент Лозинский отнюдь не чувствует себя звездой или везунчиком. «Проклятый Жорж!» — тоскливо думает он, стоя над трупом застреленной собаки. Потом невероятным усилием берет себя в руки и устремляется вслед за мужиком.

Они проходят молча где-то квартал. Наконец, обладатель 99 стигм оборачивается.

— Тебе больше заняться нечем, да? — тоскливо спрашивает он Боба. Тот неопределенно пожимает плечами и улыбается.

— Ладно... По крайней мере, в отличие от тех двоих, ты языком еще пользоваться не разучился. Найдется двадцатка?

Боб отчаянно кивает.

— Тогда пошли. Тут недалеко.

В баре грязно, душно и отвратительно пахнет. Несмотря на ранний час, посетителей уже достаточно. По их внешнему виду Лозинский заключает, что иные начали свой «марафон» еще с прошлой ночи.

Получив бутылку дешевого виски и пачку сигарет, его спутник падает за столик. Боб устраивается напротив. Следующие полчаса здоровяк молча пьет стакан за стаканом — залпом, как воду, закусывая лишь сигаретным дымом. И когда он вдруг начинает говорить, Лозинский успевает включить камеру в самый последний момент. Причем, даже не подумав о последствиях, лучший спецкор шефа Вуковича не пишет — он вещает в прямом эфире, по резервному сетевому каналу.

* * *

Гатлинг: По-хорошему, вышибить мозги нужно было или мамашке, или хозяину дога. Оба, дебилы проклятые, могли бы сообразить, что добром это не кончится. Когда ошейник замкнуло, пес был уже на грани амокка. У тебя бы этот сопляк перед мордой битых полчаса веткой поразмахивал, да еще тарахтя по решетке парка... Да и все остальные не лучше. Стояли, осуждающе головенками качали, но ни один и слова не сказал. Как же, сделаешь замечание чужому ребенку — в СК пожалуются. Нарушение прав! Хорошего пса из-за них угробил. Ненавижу! (*глубоко затягивается сигаретой*).

Лозинский: Но как вы поняли...

Г.: Спинным мозгом. Как убийца — убийцу (*мрачно хмыкает*). Ты мой профайл считал? Можешь не отвечать, и без того знаю. Я — бывший солдат... Вру. Просто — солдат. Не бывает бывших, парень. Особенно среди нас, ветеранов последней войны человечества. Слышал про операцию «Окончательное замирение»? А кто не слышал? Только вот мало кто знает, каково это: сегодня — герой и опора нации, а завтра — на помойку шагом арш! Потому что армии — нет. Вообще. Конечно,

раз нет врагов — нет и армии. Упразднена за ненужностью. Все на перепрофилактику. В пожарные, спасатели... человекоохре... охранители.

Л.: Но ведь у кого-то все же получилось...

Г.: Точняк. Двоих знаю. С Ваней Ли как раз вчера говорили. Только-только четвертый курс психореабилитации закончил. Какой сержант был, а сейчас... *(вздыхает и надолго замолкает. Догоревшая сигарета обжигает ему пальцы. Тушит ее в пепельнице и тут же прикуривает новую)*. Нет, я тоже пытался — в охрители. Два месяца выдержал. Потом сорвался и отделал одного паразита так, что... В общем, выперли меня, не посмотрели на ветеранские льготы. И с тех пор ни одной приличной работы уже не предлагали. У меня ведь к тому моменту уже под шесть десятков «медалек» накопилось...

Л.: За что?

Г.: За разное. Нет, ты не подумай чего такого, я невинную овцу из себя не строю. Всякое бывало, особенно по молодости. Я и *(усмехается)* в армию-то подался в качестве альтернативы, за списание кое-каких грешков. Ведь уже тогда в ней приличного человека можно было с фонарями искать...

Л.: И вот теперь у вас 99 стигм. Еще одна — и принудительная коррекция личности. Не страшно?

Г.: Страшно? Да что ты вообще о страхе знаешь? *(Срывается на крик.)* Все вы? Когда от тебя на улице люди шарахаются, как от чумного — страшно! Когда на работу не берут, даже утилизатором — страшно! Когда живешь по ночлежкам с разным отребьем, питаешься дрянью, на которую только и хватает в обрез нищенского пособия, когда засыпаешь и просыпаешься с одной только мыслью: никому ты на... не нужен в этой жизни, и в первую очередь — тем чистеньким, ради которых ты... *(стискивает виски и некоторое время молчит. Вновь начинает говорить нормальным, даже бесстрастным голосом)*. А больше всего страшно — что

сломаешься, не выдержишь, руки на себя наложишь, как многие из наших. Я ведь зачем, думаешь, сегодня в тот парк пришел с фамильным «миротворцем» в кармане? Собак пострелять? Дудки! Последний патрон — он потому так и называется. Его для себя берегут. А сейчас думаю — может, оно и к лучшему? Неправильно это. Будто в плен сдаешься. Уж лучше электрический стул, или что там у вас теперь вместо него, ты сказал? Принудительная коррекция? А и пусть. Только собаку жалко...

Л.: *(в смятении)* Но ваш сегодняшний поступок... Он доказывает...

Г.: *(перебивает)* ...что я, даже такой, по-прежнему кое-чего стою. И что только мне одному, среди сотни граждан самого счастливого в истории человечества общества, действительно было не наплевать на то, порвет кобель глупого мальчишку или нет... Ладно, Боб, давай заканчивать. Устал я... Да и один хрен, это интервью цензурщики не пропустят...

Л.: Мы в он-лайн.

Г.: Да ну? Тем лучше. Глядишь, хоть парочка гадов, которым предназначены мои последние слова, их таки услышат. Вот ты как считаешь: то, что я сегодня псину застрелил, потянет на статью «жестокое обращение с животными»? Угу, я так и думал. *(Пристально смотрит в камеру и ровным, лишенным эмоций голосом, от которого мороз идет по коже, спрашивает:)* Эй вы, говнюки! Ну и где моя долбаная сотая медаль?..

* * *

Поздно ночью, ворочаясь без сна, Боб осторожно потряс жену за теплое плечо:

— Грейси! Милая, ты спишь?..

— Ммм?..

— Слушай... А твой кузен Макс, который юрист... Он сейчас в городе?

Дрема слетела с женщины, как отброшенное ею одеяло.

— Борис Лозинский! — отчаянно зашептала она, приподнимаясь на локте. — В какое дерьмо ты вяпался на этот раз?!

— Да нет... Понимаешь, мне очень нужно знать, случались ли уже прецеденты, когда один гражданин добровольно принимал на себя стигму, предназначенную другому?..

НОФ

МЫ В ГОСТЯХ У НИХ, ОНИ В ГОСТЯХ У НАС

ИГРА

Сегодня мы — самое сильное государство на Земле. Но иногда сила вынуждена быть жестокой, как бы нам ни хотелось этого избежать...

Вообще-то обычно речи для Президента пишут спичрайтеры, тщательно расставляя акценты и аккуратно обходя острые углы. Обычно. Но предстоящее выступление не было обычным. Кому-то покажется, что Америка сбросит наконец груз устаревших либеральных ценностей, уйдет от анекдотичной ситуации, когда залезший в дом грабитель может засудить хозяина за поцарапанный при взломе ящика палец. Кто-то, наоборот, начнет кричать о предательстве американских идеалов. И очень, очень мало найдется в мире людей, которые осознают, что эта простая и строгая речь есть не что иное, как начало войны. Потому что иногда сила вынуждена быть жестокой.

Президент вздохнул и отложил диктофон. Как выразить словами то, что с неизбежностью вытекает из разрозненных докладов экспертов, сведенных вместе другими экспертами, советниками, ДАРПА, разведкой. Мы — самое сильное государство на Земле. Но это — сегодня.

Он вздохнул, и снова потянулся к диктофону. Замер. Что это было? Боковое зрение? Запах? Звук? Президент привык диктовать, прохаживаясь по кабинету, и

сейчас в его кресле... Да нет, быть не может! Президент обернулся.

Первая мысль была, как ни странно, не об охране и даже не о невозможности того, что кто-то сумеет просочиться сквозь эту самую охрану и нагло развалиться в его кресле. Первая мысль была... Манекен.

Незнакомец не был ни высок, ни низок. Одет он был в ничем не примечательный серый летний костюм в полоску, идеально выглаженный и, похоже, абсолютно новый. В кресле он сидел, откинувшись на спинку и заложив ногу на ногу, выставив на обзор хозяину кабинета черные носки и блестящие туфли. Волосы он зачесывал на пробор. А вот лицо гостя было кукольным.

— Хорошая речь, — произнес гость и трижды свел вместе ладони, изображая аплодисменты.

— Кто вы? — Президент не боялся, если бы он не умел сохранять спокойствие в самых неожиданных ситуациях, он просто не добрался бы до этого поста. Кнопка вызова охраны, к сожалению, была рассчитана на то, что вызываемый будет сидеть в кресле.

Гость по-птичьи склонил голову, словно изучая своего собеседника. Машинально Президент отметил, что любое действие этого человека будет выглядеть как актерская игра — с таким-то лицом.

— Если бы я был убийцей, вы были бы уже мертвы. — Кукольные губы растянулись в улыбке, немного шире той, которую мог бы позволить себе человек с некукольной анатомией. Это раздражало.

— Я просто хотел бы кое-что вам... показать. Вы не против? — Гость проворно покинул кресло и направился к двери. Президент не возражал, за дверью была охрана.

«Если она еще жива», — мелькнула предательская мысль. В конце концов, как-то ведь он прошел мимо всех этих датчиков, камер и наблюдателей.

— Если вы настаиваете, — произнес он вслух. Он собирался захлопнуть дверь за спиной гостя, но ничего не вышло — тот галантно, ни дать ни взять манекен в магазине, склонился в полупоклоне: после вас, мол. Президент пожал плечами и шагнул в прихожую. Поворачиваться спиной к гостю он не боялся, понимая, что тот был абсолютно прав, говоря, что, будь он убийцей, Президент был бы трупом.

Это был садик в японском стиле. Президент резко обернулся — никакого кабинета у него за спиной не было. Был там лишь гость с его идиотской кукольной улыбкой и какие-то грядки у него за спиной.

— Что за...

— Осмотритесь. У вас есть примерно пятнадцать минут.

Садик и огород за ним. В саду играла девочка лет восьми, азиатка, одетая во что-то, Президенту не знакомое. Штаны, легкая куртка, все это из серо-синей ткани, а на ногах... Босиком. По крайней мере, в Америке так не одеваются. Девочка собирала мелкие желтые цветы вроде астр в небольшую глиняную вазу и что-то напевала себе под нос. Была в ее поведении какая-то неправильность, но Президенту было не до этого, шок от неожиданного переноса из Белого дома неизвестно куда был слишком велик.

— Послушайте, — впервые за Бог знает сколько лет его голос дрожал, — где... кто вы?

— Гость.

— Как вы... как мы сюда попали?!

— Я мог бы сказать — телепортация, но вы даже не представляете, насколько это было бы далеко от истины. — Гость пожал плечами и сделал скорбную гримасу.

— Вы... изобрели телепортацию?

— Это неважно. Осмотритесь.

Президент вздохнул. Если этот псих и изобрел способ мгновенно переноситься с места на место, психом он от этого быть не перестал. Вот только...

— Где мы?

— Япония.

Девочка успела убежать в дом — нищую хибару, если называть вещи своими именами, — со своим букетом, вернуться и теперь сидела под окном на деревянной скамеечке, сворачивая листок бумаги и иногда от излишнего усердия высовывая язык. Очень милая девочка, просто кукла... В хорошем смысле. Что-то у нее не ладилось, по крайней мере, она уже трижды повторяла процедуру, разворачивая и снова сворачивая лист и что-то бормоча на неизвестном Президенту языке.

Затем — единственная причина, по которой он не заметил этого сразу, заключалась, конечно, в шоке от общения с гостем — до Президента дошло, что же странного было в поведении этой девчушки. Они ведь только что возникли из ничего прямо у нее в саду!

— Она нас... не видит?

— Нет. Мы не принадлежим этому месту.

— Что вы имеете в виду?

— Сорвите цветок, увидите.

Цветок был последней каплей. Пальцы просто прошли сквозь стебель, не встретив ни малейшего сопротивления. Не удалось также поднять с земли камешек — хотя ладонь чувствовала опору с текстурой именно мелких камешков, да и ноги не проваливались сквозь гравий дорожки. Но вот траву они при ходьбе не тревожили. С какой-то усталой обреченностью Президент вдруг осознал, что этот тип — вовсе не сумасшедший изобретатель.

— Скажите хотя бы...

— Нет.

— В каком смысле?

— Я не являюсь человеком.

— О Боже!

— Смотрите на девочку. Красивый ребенок, правда?

— Да... Что она делает?

— Это называется оригами. Она пытается сложить фигуру, но все время пропускает один этап. Ребенок, что с нее взять!

Фигуру. Смотреть на девочку. Зачем? Что за ключ у этой шарады?

— Что... что это за фигура?

— Звезда. — Что-то в тоне гостя заставило Президента вздрогнуть, а в следующий миг звезда и вправду вспыхнула.

Мгновенно, без всяких переходов и подготовок, мир стал нестерпимо, невероятно ярким. Предметы превратились в собственные тени, и даже тени были, казалось, сотканы из света, жесткого, лишённого полутонов. Отстраненно Президент удивился, что не чувствует ни жара, ни боли. А через мгновение по ушам ему резанул детский крик.

Девочка лежала на земле, скорчившись, прижав колени к животу и закрывая лицо руками. Руки стремительно покрывались ожогами, а узоры на платье дымилась. Затем ее одежда вспыхнула, а еще мгновением позже пылали уже и дом и сад. И незаконченная звезда оригами на обугленном крыльце. Затем ударил гром, вот только обычный гром не уносит прочь дома и не вырывает с корнем дерева.

Следующие несколько секунд Президент не помнил. Он пришел в себя, стоя на коленях и пытаясь пиджаком сбить с ребенка пламя. Пиджак беспрепятственно проходил сквозь девочку.

— Что вы стоите?!

Гость действительно стоял чуть в стороне, глядя на происходящее, но не пытаясь вмешаться. На его кукольном лице ничегошеньки не отражалось.

— Вы не сможете ей помочь.

— А... а вы? Пожалуйста! Она же умирает!

— Никто.

Девочка — то, что недавно было ребенком, — умирала. Похоже, она не могла сделать вдох, пыталась, но не могла, ее тельце сотрясала крупная дрожь.

— Воздух слишком горячий, — произнес гость. — Плюс триста по вашей шкале.

— Что произошло?! Это...

— Это Хиросима. В конце Второй мировой войны сюда сбросили бомбу. Вы сбросили. Это память. Эхо, которое остается, когда звука уже нет. Девочка умерла, даже праха ее теперь не найти.

— Прошлое... Боже...

Ветер теперь дул со стороны, противоположной той, где была вспышка, дул с силой урагана, и этот ураган был горяч... Президент, впрочем, не чувствовал ни ветра, ни жара. Он только видел, как горело в этом горячем вихре все, что еще могло гореть.

— Это все... запись? Вроде... кино?

— Нет. Это все — есть. Это — то, из чего выросла ваша история. Простите. Вам не понять.

— Заберите меня из этого кошмара!

— Осмотритесь.

— Что?!

Гость исчез. Президент остался один, среди выжженных остовов домов. Сначала он звал и умолял, затем просто молча бродил по улицам, заваленным обгоревшими трупами, десятками, сотнями тел. Небо хмурилось, и вскоре с него начали падать крупные хлопья пепла. Они пролетали сквозь Президента, кружились в воздухе, покрывали землю тонким ковром. В воздухе пахло горелым деревом, раскаленным камнем, но все перекрывал запах горелого мяса. Президенту казалось, что он сходит с ума, он никогда не думал, каково это — быть единственным живым существом в целом городе — ни людей, ни животных. Ни даже микробов.

Иногда он слышал голоса, но всякий раз оказывалось, что это скрип остывающих камней. Он был уверен, что остался здесь навсегда.

Гостя он нашел к вечеру, на берегу того, что раньше было, видимо, декоративным прудом. Вода в пруду все еще дымилась, но уже не кипела, на поверхности плавали вареные карпы.

Гость сидел на коврике, скрестив ноги на восточный манер, и двумя серебряными вилками разделял одну из рыбин.

— Получилось изумительно, — произнес он. — Не желаете?

— Странно, — резюмировал он, глядя на то, как Президент, скорчившись, опорожняет свой желудок. — Вы столько всего здесь видели, а добила вас эта рыбка. — Он вздохнул и пинком отправил столик в пруд.

— Пора.

Они снова были в кабинете. Несколько секунд Президент просто стоял неподвижно, затем медленно поднес руки к лицу и устался на свои ладони. Он и сам не знал, зачем он это сделал. Руки дрожали. Гость истолковал его жест по-своему.

— Не беспокойтесь, — произнес он. — Вся радиация осталась там.

— Зачем...

— Чтобы предоставить вам ВСЮ информацию.

— Я...

— Вы никогда не задумывались, что это может быть так страшно?

— Нет. Боже, нет!

— Это основная проблема вашей расы. Ваша технология давно переросла возможности вашего воображения. Но не буду вам мешать. Вы тут речь сочиняли.

Гость исчез, оставив хозяина кабинета ходить кругами по ковру. Его трясло. Несколько раз он брал диктофон, затем клал его на стол. Снова брал, словно, держа в

руках пластиковую коробочку, он мог забыть недавний опыт... Затем он включил диктофон и, глубоко вздохнув, начал...

— Сегодня я хотел бы начать свою речь с извинений. Мы были самой сильной страной на Земле. Мы ею и остались. Но часто вместе с силой приходит ощущение вседозволенности, и мы перешагнули грань, применяя силу и неся боль и страдания там, где можно было творить добро. И я говорю вам — мы должны остановиться. Мы должны вернуть Соединенным Штатам уважение — не страх, а именно уважение других народов. Так было раньше — пусть эти времена вернуться. А для этого мы должны отказаться от насаждения своих взглядов силой оружия. Мы должны сосредоточиться на ликвидации внешнего долга нашей страны, пусть даже для этого придется потуже затянуть пояса. Мы должны прекратить создание новых, все более изощренных видов оружия, свернув военные отрасли до необходимого минимума. Мы больше не будем восприниматься в роли агрессора. И если Россия или Китай захотят вступить с нами в конфронтацию...

Он остановился, словно натолкнувшись на невидимую стену, и несколько секунд стоял неподвижно, без единой мысли. Да сколько же можно!

— ...если Россия или Китай захотят вступить с нами в конфронтацию...

Ответ — вот он, на ладони. Но как забыть девочку из Хиросимы, сторевшую у него на глазах? Он даже не спросил, как ее звали.

— ...если Россия или Китай захотят вступить с нами в конфронтацию...

— ...нам нечего будет им противопоставить.

— Вы запутались. — Гость снова развалился в кресле, в голосе его звучало сочувствие. — А почему они решат с вами воевать? Такова человеческая природа?

Президент тоскливо посмотрел на своего мучителя.

— Это политика, — ответил он наконец. — Если мы не подавим конкурентов сейчас, то они подавят нас потом.

— Это игра?

— Да. — Президент вздохнул и за неимением кресла присел на краешек гостевого стула. — Но я даже не представлял...

— Девочку звали Рэйко.

Президент закрыл лицо руками. Больше всего на свете ему хотелось спрятаться и чтобы его никто никогда не трогал. Именно то, чего он никогда не получит.

— Зачем вы мне это говорите?

— Чтобы предоставить вам ВСЮ информацию. Я уже объяснял.

— Зачем? Вы... курируете нас?

— Нет. Я просто проходил мимо.

Президент вздохнул.

— Это игра в вероятности, — сказал он. — Если я не нападаю, когда я сильнее, существует вероятность, что, когда экономика Америки ослабеет, а экономика, скажем, Китая, вырастет, он, в свою очередь, нападет на нас. Вероятность оценивается... есть разные методы... ну, в общем, она довольно велика. Понимаете?

— Нет.

— У меня нет выбора, погибнет девочка или нет. Выбор только в том, будет это наша девочка или чужая.

— Вы делите детей на своих и чужих? Вам не понравилась Рэйко? Я постарался выбрать обаятельного ребенка.

— Будьте вы прокляты! — прошептал Президент.

— За что? За Хиросиму? И кстати, вы говорили о нападении на вас Китая, а сами собираетесь воевать с Россией. Получается нестыковка.

— Ресурсы. Если мы не получим к ним доступа сейчас...

— Спасибо, я понял. Китай сделает это, когда станет сильнее, а вы ослабнете.

— Да.

— Договоритесь.

— Это... — Президент растер лицо ладонями. Как объяснить пришельцу, что такое политика? — Это часть игры. Можно согласиться, это нейтрализует действия оппонента сейчас. А потом, когда тебе выгодно, нарушить соглашение.

— Зачем вы играете?

— Да как вы не понимаете? Мы не придумывали этих правил!

— Они сложились сами?

— Да. И я понятия не имею, как их изменить. Послушайте... Послушайте, но ведь вы могли бы...

— Нет.

— Вы даже не дослушали...

— Я не буду блокировать ваши попытки вести войны. Я вам не нянька.

— Но вы уже вмешались.

— Я просто проходил мимо. — Кукольное лицо наморщило кукольный лоб. — Ну ладно. Что будет, если я проведу все ключевые фигуры вашей политики через тот же опыт, что и вас?

— Я... — Президент чуть не плакал. — Мы...

Ответ был опять очевиден, и опять — безжалостно жесток.

— Успокойтесь. И говорите правду, сколь бы неприятной она ни была.

— Найдется кто-то, кто сможет принять ситуацию и действовать даже после того, как он видел, как все это выглядит... в реальности. И он получит преимущество. В игре.

Гость побарабанил пальцами по полированной поверхности стола, пробормотал что-то, Президент лишь разобрал «как все запущено».

И исчез.

— Пойдите! — Тишина.

— Пожалуйста! Вы не можете вот так взять и уйти. — Тишина. Вздыхнув, Президент поднял диктофон, повертел в пальцах, отложил. Снова поднял...

— Сегодня мы — самое сильное государство на Земле. Но иногда сила вынуждена быть жестокой, как бы нам ни хотелось этого избежать...

Позже, во время выступления, телеоператор покажет его лицо крупным планом, и зрители увидят, что Президент плачет.

ИНСТРУКЦИЯ К КОНСТРУКЦИИ, ИЛИ ТЕХНИКА ВОЕННАЯ — СЕРЬЕЗНАЯ!

дно и то же событие, один и тот же объект часто воспринимаются нами совершенно по-разному в зависимости от того, под каким ракурсом мы их наблюдаем и оцениваем. Так что иной раз выбор системы координат оказывается даже существеннее самого наблюдаемого явления. Вы сами так не считаете, кстати?

— *Первый, смотри. К ним транспортник пристыковался. А чего приехал, чего привез? Указания какие-нибудь поступали?*

— *Второй, быстро посмотри архивные данные. Пока никаких инструкций от «Старшего вычислителя Твиссела» по поводу вмешательства не поступало.*

Случилась эта история году так в 1980-м. Ну или вообще не случилась. Или случилась, но вовсе не так все было. Но ведь даже и марксизм — не догма. А просто руководство к действию. Правильно мыслю? Тогда слушайте мою байку: И не перебивайте глупыми вопросами.

Так вот, космонавт Чашин, задумчиво глядя в иллюминатор орбитальной станции «Привет-7», за которым с наружной стороны маячило нечто похожее на стальную рыболовную сеть, спросил космонавта Плахова:

— Миш, ты как думаешь — это полный писец?

— Хрен его, Серег, знает. Но очень на то похоже...

А вся фишка тут была в том, что на самом деле он не раскрылся. Ну не то чтобы совсем не раскрылся. Но лучше бы он совсем не раскрылся, чем так раскрылся.

Вы не поняли, о чем я говорю? Да о пресловутом ОРТ-11. Орбитальном РадиоТелескопе. Почему именно одиннадцать, спросите вы? Потому что это его диаметр в метрах. Но потенциальный противник подумает, разумеется, что это тротиловый эквивалент в килотоннах или радиус действия в километрах. И как всегда будет в корне не прав.

Собственно говоря, в действительности он вроде бы и раскрылся. Поскольку так было сказано в Сообщении ТАСС и напечатано во всех газетах. По телику и то картинку все время крутили. Летит такой космический аппаратик, а на нем антенночка в сеточку большая-пребольшая присобачена. И даже невооруженным взглядом видно, как на нее сигналы всякие поступают. То ли от квазара, то ли от пульсара. Само собой, это не документальная съемка была, а анимация. С компьютерной анимацией тогда у нас еще совсем плохо было, даже хуже, чем сейчас, если вы способны поверить, что хуже, чем сейчас, что-то может быть. А вот приличных художников-мультипликаторов хватало.

Но как сказал один мудрый человек: «мы-то с вами знаем, что в действительности у нас все обстоит совсем не так, как на самом деле».

Хотите знать, почему он толком так и не раскрылся? В двух словах не расскажешь. Вот в трех словах можно. Потому что «техника военная — серьезная». Знающим людям ничего дальше объяснять не надо. А вот для вас мне придется всю историю рассказать в деталях.

Итак, пиропатроны взорвались в штатном режиме, и вся конструкция начала раскрываться. И все было бы нормально, если бы не установленный на космическом аппарате в последний момент прибор «Метан».

Но это уже отдельная песня. Как вы думаете, что такое «Метан»? Никогда не догадаетесь. МЕТеориты из АНтивещества. Круто, согласитесь?

А дело было в том, что одна очень крупная и серьезная контора пробила себе на пять лет программу финансирования. Под эти самые метеориты из антивещества. Выделено было примерно половина всех средств, запланированных на астрономические исследования. С другой стороны, подумаешь, пару обсерваторий построим чуть позже. В следующем столетии, например.

А вот антивещественные метеориты — это совсем другой коленкор. Представьте только, мы обнаруживаем такой антиметеорит на дальних подступах к нашей Солнечной системе. Меняем его траекторию полета. Как меняем? Да фиг его знает. Потом придумаем по ходу дела. Вопрос-то ведь чисто технический. Команду ему такую отдадим. Ну и направим этот метеорит, например, на Соед... тьфу, хотел сказать — на потенциального противника.

Пусть этот метеорит совсем маленький. Ну, скажем, тонну весит. Но он же из чистейшего антивещества. Сейчас въехали в тему? Теперь мы ему устраиваем контакт с обычным нашим веществом. Прямо над славным городом Вашин... тьфу, например, над столицей потенциального противника. Представляете, как шарахнет? Про Е равно эм на це в квадрате помните? Офигительный фейерверк получится, удовольствия выше крыши.

Разумеется, тут есть некие непринципиальные детали. Вопрос: откуда этот самый антивещественный метеорит к нам залетит? Ответ: из какой-нибудь антигалактики в другой антивселенной. Вопрос: почему он тогда в нашей вещественной Галактике сразу не шарахнет? Ответ: а это как с «Титаником». Айсберг ведь не сразу еще в своей Антарктиде растаял. А плыл себе и плыл по морю-океану. Пока в нужное время в нужном месте и не оказался. Зато сколько переполоха устроил.

Вот и этот антиметеорит проявит сознательность, а где-то даже и классовую солидарность вкупе с политической зрелостью. Пусть он и антивещественный. Но ведь — не антиобщественный. Вот и потерпит, родимый, немножко. Зато уж потом, когда команда поступит на подрыв... Тут он себя во всей красе и покажет. Сольется своим антивеществом с нашим веществом в таком экстазе, что энергии немерено выделится. Причем мгновенно. И от потенциального противника останется один пиз... тьфу, словом, ничего от него вообще не останется.

Так вот, продолжу. Планы утверждены, финансирование выделено. И какое финансирование, обзавидуешься. Проведен НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), и даже все промежуточные квартальные премии за успешное выполнение важной темы, имеющей большое военно-прикладное значение, уже получены.

И что имеем в результате? Прибор для обнаружения этих самых антивещественных уже готов. Запускать надо. А в пятилетней программе освоения космоса он не значится. Вообще не прописан он отдельной строкой. Значит, года на три запуск откладывается. А ордена с медалями получить? А очередные воинские звания? Ну, хрен с ней, с Ленинской-то премией, но уж Государственную — точно заслужили.

Поэтому в последний момент его ставят на трансюртный корабль «Заря», куда раньше, причем в плановом порядке, запихнули этот самый ОРТ-11.

Время будущее — вещь очень хрупкая. И если фигура знает что вытворять в своем настоящем, то можно оставить своих потомков совсем без будущего. Это если выбрать одну точку во времени за начало отсчета. Ну или нас оставить без времени настоящего, если безобразничать в нашем прошлом. Это если выбрать другую точку отсчета. Все относительно!!! Это еще

наши дальние-предальные предки знали. Хвала преподабному Эйнштейну.

Повезло тем, у кого были вменяемые предки. Чтобы, по крайней мере, в течение пары-другой последних тысячелетий за ними постоянно приглядывать не надо было. А вот нам с предками не очень подфартило. Поэтому нам с напарником надо висеть тут. На космической станции, закинутой во время прошедшее. С обратной стороны Луны. Чтобы не засекали в оптическом диапазоне. Генератор обратной радиоинтерференционной волны делает нас невидимыми вплоть до мягкого рентгена. Ну а уж в жестком рентгене мы не излучаем, чай, не мутанты какие. Простые обычные сотрудники Службы контроля за прошлым. Как любим неформально пошутить — простые техники на службе у «Старшего вычислителя Твиссела». Так мы называем про себя центральную гиперпроцессорную систему пересчета прошлого.

Удовольствия по полгода болтаться в прошлом — никакого. И тугрики не очень большие капают. Хотя работа все равно престижной считается. Опять же кое-кто не прочь иной раз забавный сувенирчик с собой отсюда притащить. Если он очень маленький, разумеется. Поскольку запрещено это строжайше под угрозой полной аннигиляции.

Но вот теперь маразм начинает стремительно сгущаться и крепчать. Дело в том, что в свое время одна светлая голова додумалась поручить разработку конструкции ОРТ-11 не там какому-нибудь п/я 34567 или в/ч 76543. Не серьезной военной организации, где на тридцать полковников один генерал, а подполковники и ниже там вообще не водятся. Как слоны в Антарктике или, наоборот, пингвины в джунглях. А выбрана была для разработки столь серьезного изделия сугубо гражданская организация СтальПроектМонтажСтрой.

Голова действительно была светлая. Потому что серьезная военная организация такую конструкцию раз-

рабатывала бы лет двадцать. Ну и финансирования на разработку запросила бы больше, чем на строительство БАМа ушло. И примерно с тем же результатом на выходе.

Вообще-то разработка серьезной военной техники происходит примерно так. Есть очень солидная организация. Колючая проволока — в три ряда. И камер слежения понатыкано как иголок на еже. Чтобы враг не догадался, что это очень серьезная организация. Враг подумает — какой же дурак будет так секретный объект демаскировать? И окажется, как всегда, в корне не прав. Потому что враг — хитер и коварен. Но вместе с тем — недалек и примитивен. Он же в своем Массачусетском технологическом изучал фигню всякую. Вместо истории КПСС, марксистко-ленинской философии, политической экономии и научного коммунизма. Ну и как при таких изъянах в образовании ему диалектически подойти к восприятию окружающей действительности в ее революционном развитии?

Словом, есть очень солидная организация. Или п/я номер такой-то, или в/ч номер этакий-то. П/я — это почтовый ящик, а в/ч — воинская часть. Если это п/я — то там больше в костюмах ходят. А ежели в/ч — то в основном в форме с погонами. Хотя бывает и наоборот. Чтобы враг не догадался, уже поняли.

Но алгоритм работы примерно одинаковый. Скажем, лаборатория в составе двадцати человек разрабатывает в течение года изделие — «Хитрый винт». Именно изделие. Так это надо по инструкции называть. А вторая лаборатория примерно аналогичного состава в течение года разрабатывает другое изделие «Хитрая гайка». В принципе, мужики из обеих лабораторий полдня в курилке вместе треплются. Но — на животрепещущие темы. О футболе, о бабах, о видах на квартальную премию. А вы думали, они Призывы ЦК КПСС к очередной годовщине чего-то там обсуждать будут?

Общение по делу — только через Первый отдел. Посмотреть чертежи можно, но там копию сделать или какие-то заметки — уже нельзя. В смысле можно, конечно, делать заметки. Но в секретную тетрадь. Которая в том же Первом отделе и храниться должна. Без права выноса за пределы.

Почему так строго? А потому что техника военная — серьезная.

И движется разработка этих двух изделий строго по графику. План написания плана работы. Отчет о написании плана работы. План написания отчета о работе. Отчет о написании отчета о работе. Как раз поквартальная отчетность получается. Зато раз в квартал — премия в размере месячного оклада. Тоже неплохо, согласитесь.

На дворе у нас 31 декабря. И наконец-то проводятся натурные испытания. Почему именно 31 декабря? Потому что к 30 декабря, как всегда, не успели. А вот если к 31 декабря не успели бы, то вместо годовой премии — всем клизма. Начальству — с алмазной крошкой, исполнителям — просто с толченым стеклом. Поэтому такого случая, чтобы к 31 декабря не успели, — отродясь не бывало. И быть не могло по определению.

Испытания проходят вполне успешно. За исключением мелкого пустяка. Изделие «хитрый винт» не вкручивается в изделие «хитрая гайка». Ну или изделие «хитрая гайка» не накручивается на изделие «хитрый винт». Это смотря с какого конца на ситуацию поглядеть — с хитровинтового или с хитрогаечного. Но с какого конца ни погляди — не накручиваются они друг на друга. Резьба у них слегка не совпадает.

Но с промежуточными отчетами о выполнении работ по комплексной теме «Хитрому винту — хитрую гайку» ведь все было нормально. Одних премий сколько уже выдано было, зря, что ли? Поэтому испытания признаются успешными, оба изделия Госкомиссией принимаются. Но в итоговом отчете по результатам

испытаний указывается, что доработка обоих изделий для их более успешного совместного функционирования не помешала бы. А это — новое финансирование. Еще год спокойной жизни. С квартальными премиями и прочими атрибутами.

Именно поэтому какая-то светлая голова и поручила разработку изделия ОРТ-11 не серьезной военной организации. А этому самому СтальПроектМонтажСтрою. Вот, например, купол цирка они могут спроектировать. Притом так спроектировать, что даже в самую снежную зиму вся эта конструкция держаться будет. Без всяких скидок на аномальные погодные условия и прочие форс-мажорные обстоятельства.

А поскольку у этого СтальПроектМонтажСтроя не было по-военному четкого понимания степени важности возложенной на них задачи. То они сделали все как всегда. В срок. В полном соответствии с техническим заданием. Надлежащего качества. И даже не все выделенные на разработку средства освоили. Что с них взять, одно слово и то — штатские. В смысле не американские, разумеется. Что им в плюс. Но и не военные. Что им в минус.

Так вот. Когда они проектировали этот самый ОРТ-11, то рассчитали и зону его раскрытия. Чтобы там ничего постороннего не было. Но ведь никакое изделие «Метан» тогда вообще не обсуждалось. А когда Наверху было принято решение в последний момент этот самый «Метан» установить, то им об этом никто не сказал. Не из злого умысла вовсе. Просто степень секретности проекта «Метан» была гораздо выше, чем форма допуска у разработчиков ОРТ-11. Обычная ситуация, между прочим.

Но опять же, чай, не дураки сидят Наверху. У кого — очень много звездочек на погонах. У кого — и не так много, но уж зато эти звездочки диаметром в половину ОРТ-11. А ведь есть и такие, что у них и звезд много, и звезды эти просто огромные. Почти как кремлевские.

Тож не хреново, согласитесь. Не может быть, чтобы такие люди и не продумали все как следует. Разумеется, они хорошенько подумали. И решили. Что поскольку изделие «Метан» находится с другой стороны космического аппарата, то всяким там стальхренпроектам про это знать не обязательно. И даже просто вредно. Мысль, в общем-то, здравая. Если бы не совершеннейший пу-стячок. Для изделия «Метан» не оказалось свободных каналов телеметрии. Что совершенно в порядке вещей. Вы-то, конечно, можете этого и не знать, но свободные каналы телеметрии — это как мед у Винни-Пуха. Не успел начаться, а уже закончился. На любом проектируемом космическом аппарате их изначально в три раза больше, чем нужно на самом деле. Но в действительности выходит так, что нет их вообще в наличии.

Поэтому рядом с нашим Метанчиком спешно прикрутили и дополнительный передатчик телеметрии. А вот антенку для него... Ну что, еще не догадались? Антенку установили на том месте, где посвободнее было. А посвободнее там было именно потому... Правильно. Потому что туда специально ничего не ставили, чтобы не мешать раскрытию антенной конструкции этого самого ОРТ-11.

Поэтому пиропатрончики сработали. Крепления, стягивающие аккуратно сложенный ОРТ-11, разлетелись на кусочки. Пружинки стали разворачивать всю эту сложную сетчатую конструкцию. Тут-то на пути и попалась антенна телеметрии изделия «Метан». А телеметрическая антенна — с круговой поляризацией. Вся из себя такая спиральная. Как шуруп. Уж если что на нее накрутилось, то хрен само по себе без очень большой отвертки обратно скрутится. Хотя и с отверткой не факт что скрутится.

В результате антенна как бы раскрылась. Электромагнитные волны как бы сфокусировались на входном рупоре приемного устройства. Приемник усилил как

бы регистрируемый сигнал. И выдал как бы усиленный сигнал на телеметрию...

...А тут уже ведущий инженер Института Космических Изысканий АН СССР Валерий Алтынин, сидя у осциллографа в Центре удаленной космической связи в Уссурийске, громко прокукарекал в эфире: «Есть сигнал!!!»

За что был впоследствии награжден орденом Трудового Красного Знамени. И диссер ему потом быстро за год написали всем отделом по высочайшему распоряжению научного руководителя программы члена-корреспондента АН СССР Симеона Николаевича Кармашова.

Хотя Алтынин был на самом деле дважды прав. Во-первых, с материнским молоком надо впитывать народную мудрость: «Наше дело — прокукарекать, а там — хоть не расцветай».

Во-вторых. Сигнал действительно был. Поскольку выдам вам страшную военную тайну. На выходе любого высокочувствительного приемника всегда есть сигнал. Другое дело, что в данном случае сигнал ничем не отличался от собственных шумов приемника. Но ведь главное — это вовремя прокукарекать, усвоили это уже, наконец?

— *Первый, ты это видел? Они же сами себя в эту сетку поймали. Это что получается, ребятам теперь полный тушкан, что ли? Жалко их. Давай придумаем что-нибудь?*

— *Второй. Получил ответ из Центра. Любое вмешательство запрещено. Строжайше. Если сумеют сами выпутаться — значит, повезло им. Хотя формально, если следовать всем инструкциям, шансов у них никаких нет.*

— Ну и что теперь? Тупо будем ждать, пока все припасы закончатся?

— Что значит закончатся? Нам же завтра транспортник принимать под завязку набитый.

— Проснись. Забыл, что ли? Эта же хренотень нам свободный стыковочный узел закрыла.

— Угу. Размечтался я что-то. Ну пару недель, если все экономить, мы протянуть сможем.

— Какие пару недель? Опять спишь, что ли? У моей дочери через неделю день рождения. А я ей подарок обещал.

— Фига се, точно. Ведь у твоей Машки день рождения в следующий четверг. Хорошо, что напомнил. А сколько лет ей исполняется-то?

— Уже двенадцать...

— Ни фига се, почти невеста. Скоро так дедушкой станешь. Если мы из этой жопы выбраться сможем.

— Типун тебе на язык. Дважды типун на язык. Как дважды Герою СССР. Я еще не готов стать дедушкой. В смысле еще не готов спать с бабушкой.

— Ну попроси жену, когда в зону связи войдем, чтобы подарок Машке от твоего имени купила.

— Хрена купит она. Я Машке обещал куклу Барби. Настоящую.

— Ты что, совсем прифигел? Писатель-фантаст, что ли? Где ты настоящую Барби достанешь-то?

— Сам ты фантаст. Причем с большой буквы «П». Все рассчитано было. Послезавтра прилетаем. Через три дня в Кремле очередную Звезду Героя вручают. Под это дело я бы талончик в спецсекцию «Детского мира» выклянчил бы.

— Ну ты и авантюрист. Думать надо, что дочке обещать. Ладно. Тут серьезно поразмыслить надо. Доставка «Акацию». Если еще осталось чуть-чуть. Поработаем с ней вне графика.

Тут мы с вами слегка вклинимся в диалог. Вы же, наверное, не знаете, что такое прибор «Акация». А прибор этот выпускал во всем Советском Союзе только один завод. Старейший, ереванский. И готовился он не за пару месяцев по ускоренной технологии. На его изготовление уходило по технологическому процессу

строго 10 лет. И в настоящих дубовых бочках. Только для членов Политбюро. Ну или для кандидатов. В члены. Иногда и на орбиту доставляли. Так вот прямо в бортжурнале и писали — с 14-00 до 15-00 проводили эксперименты с прибором «Акация».

— Ну что, Миш. Сам понимаешь, раз дочке обещал, то деваться некуда. Прямо сейчас и пойду, была не была. А ты дверку за мной прикроешь. И в окошечко будешь смотреть. Ну а если не получится, ты уж Машке потом куклу Барби как хочешь, но обеспечить.

— Как же, размечтался. Ты на гулянку собрался, а я тут один куковать останусь. Фиг тебе. Вместе пойдем. Тащи скафандры.

— Это же прямое нарушение инструкции. Потом не отмажешься.

— Угу. Накажут нас с тобой примерно. На поселения сошлют. А то сейчас мы не в самой дальней жопе торчим. Земля в иллюминаторе...

— Ладно, главное, нам кусачки не забыть. Сначала я надеваю скафандр, ты их мне к руке тросиком привязываешь. Потом ты надеваешь скафандр. Ну и под гармошку с частушками молодцевато отсюда и вываливаем на гулянку...

— *Первый. Смотри — они оба вышли. У них что — инструкции нет? Как можно обоим выходить? Малейшая неисправность — и уже обоим нельзя вернуться.*

— *Второй. Работа у них такая. Висеть на волоске. Вот у нас работа — наблюдать. И строго соблюдать. Инструкцию. Поступит приказ — вмешаемся. Но приказ не поступит. Точнее, приказ уже поступил — никаких действий.*

— *Первый. Погибнут же ведь оба. Не могу я на это спокойно смотреть. Ты тут оставайся, а я к ним сейчас перемещусь.*

— *Второй. Ты же знаешь. Есть инструкция. Одно твоё движение, и мне сейчас придется тебя аннигилировать. Никаких обид.*

— Ну и говно же ты, Первый...

— Ты совершенно прав, Второй. Я действительно — редкое говно. И именно поэтому тут я — первый и главный. Учи историю. А также физику. Чтобы всплыть на самый верх — надо быть легче окружающей среды.

На кой фиг вообще был нужен этот самый ОРТ-11 — толком никто не знал. Кроме научного руководителя проекта Симеона Николаевича Кармашова, члена-корреспондента АН СССР. Он был человек глубоко верующий, правда, верующий не вообще, а в частности. А верил он в существование внеземных цивилизаций и в свою избранную роль в деле установления контакта с ними. Соответственно, именно с этой целью он и пробивал этот проект. Но человек он был неглупый и знал, что под это дело никто ни гроша не выделит. Поэтому всяким многозвездочным и большезвездочным он рассказывал сказки и байки. Ну, вроде как я вам сейчас спагетти по ушам развешиваю. Что если назапускать этих самых ОРТ-11 штук так десять. А еще лучше — штук так стопятьсот. То в режиме сверхкосмического и суперорбитального апертурного синтеза мы сможем получить картинку территории потенциального противника с офигенным разрешением. Вплоть до количества звездочек на погонах. Разумеется, если у них звездочки на погонах — металлические, а не дешевые пластмассовые. Чего быть не может, поскольку не может быть никогда. Ибо вряд ли тамошние военачальники так уж сильно отличаются от тутошних. По крайней мере, в этом вопросе. Поскольку еще с рыцарских времен статус воина определяется прежде всего весом и количеством навешанных на него металлических прибалмасов.

Со сверхкосмическим и суперорбитальным апертурным синтезом, правда, возникали чисто технические сложности. Поскольку нужна была такая радиоэлектроника, как у японцев. Лет через двадцать тому

вперед будет. Но это же непринципиально. И вообще, война — фигня, главное — маневр.

А ситуация ведь сложилась просто аховая. Настолько аховая, что Наше Самое Высокопоставленное Лицо взяло трубочку специального телефона. Чтобы позвонить ихнему VIPу.

— Слушай, друг, выручай. Дело есть на тыщу рублей. Ну или на тыщу баксов. Если на ваши деньги.

— Разумеется. Какие проблемы. Постараемся помочь. Всеми ресурсами.

— У вас там ведь шаттл уже в состоянии предпусковой готовности стоит. Будь другом — устрой ему срочно первый вылет. С гуманитарной миссией.

— Слюшай, дарагой. Какой такой шатл-матл, бакшиш-гашиш, мальчиш-кибальчиш. Не павериш. Ат тебя услышал, что он уже гатов. А мне наша касмическое насяльника сказал — и не мичтай.

Единственным результатом этого разговора явилось то, что была раскрыта глубоко законспирированная сеть советских агентов в НАСА. Агенты, правда, были не очень. Для фотосессии в «Плейбое» точно не подошли бы. Кроме как секретную информацию поставлять — ни на что больше не годились. Словом, не очень жалко таких было. Тем не менее их обменяли вскорости. На парочку-троечку тоже наших. Только не резидентов, а диссидентов. Хорошо, что у нас диссиденты всегда как грибы после дождя. Не успеешь одного нашего резидента обменять на одного нашего же диссидента. Глядь, а уж новые подрастают. В урожайный год там не раскрывали столько наших резидентов, сколько мы им тут впрок на обмен диссидентов назаготовливали.

На эту тему даже частушка была такая, если кто помнит. «На вора и хулигана обменяли Корвалана. Где б найти такую плятть, чтобы Брежнева сменять».

Однако ж сейчас все наоборот. Мы им теперь таких пляттей засылать навострячились, что они нам готовы их и забесплатно вернуть. Лишь бы мы только не отка-

зались. Забрать их обратно. Чтобы потом спеть с ними вокально-инструментальным дуэтом: «С чего начинается Родина...»

— *Первый. Смотри!!! У них получилось!!! Хоть ты и редкое говно, но сейчас я даже тебя готов расцеловать. Пусть потом целый час зубы чистить и с мылом умываться после тебя...*

— *Тут тонкий психологический расчет, Второй. Подбор экипажа — дело очень серьезное. Если я выйду один в космос и случится проблема какая. Ты вылезешь меня спасать. И мы оба, скорее всего, погибнем. Если ты выйдешь один в космос и с тобой что-то случится. То я останусь здесь и буду фиксировать все подробности происходящего. В результате общая смертность не превысит 50 %, а полученный опыт позволит усовершенствовать инструкцию.*

И поэтому по действующей инструкции при необходимости в космос выходит именно второй номер, а не первый.

— Слышь, Серег. А что, в этой спецсекции детско-мировской — настоящие куклы Барби? Прямо вот из самой Америки?

— Нет, блин. Там исключительно продукция Урюпинского завода средств малой механизации. И именно ею все наши вожди отовариваются для своих внучат. Честное слово, Миш. Дурак ты дураком. Прямо не дважды Герой, а дважды дурак Советского Союза. А я тебя еще как приличного с собой на прогулку в космос брал.

— Тогда вместе сходим туда. Я тоже твоей Машке куклу Барби куплю. Может, они разные бывают. Да хоть одинаковые. Даром, что ли, мы с тобой как говно в проруби несколько часов болтались в открытом космосе. Я вот даже сейчас скафандр снять не могу. Просто нет сил. Помог бы, что ли. Если сам еще можешь шевелиться. И как ты эти тросики кусачками ловко покромсал...

— Хрен его знает. Просто когда меня эта сетка за собой от корабля потянула... То я подумал — хорошо, что в этом полете ты мне в напарники достался. Знал, что притянешь обратно.

— Фигня это все. Жаль вот, что мы весь ресурс «Акации» выработали перед выходом. Ничего, зато уж у твоей Машки на дне рождения план выполним, перевыполним и еще встречный план родной стране выдадим на-гора.

— Глянь в иллюминатор, эта железка дырчатая далеко уже отвалила?

— Да противно даже смотреть. И так уж от одного ее вида тошнило...

Далее всем сестрам раздали по серьгам. Кому — Государственную премию, кому — орден Ленина. Кому три звездочки заменили на одну. Но очень большую. Одних цветных металлов килограммов так одиннадцать на ордена ушло. Что численно в точности соответствует диаметру антенны изделия ОРТ-11.

Правда, вот кое-кому вместо очередной звезды Героя всего лишь орден Ленина достался. Разумеется, все понимают, что ситуация была нештатная. Однако ж и инструкцию нарушать ни в коем случае нельзя.

Ведь Инструкция — это как Программа КПСС. Все знают, что выполнить ее нельзя в принципе, но вот выполняют, выполняют, выполняют...

Хотя тут другое важно. Что Машкина двухлетняя внучка ложится спать только вместе с двумя изрядно потрепанными куклами Барби. И ни на какие новые куклы категорически не соглашается.

Вот вы хотите, чтобы внучка вашей дочери, и ваша правнучка, кстати, не расставалась с куклой? Которую вы дочке подарили тридцать с лишним лет тому назад. Есть в этом что-то, согласитесь.

Тогда нет ничего проще. Всего-то закончить летное училище. Или просто техническое училище. Но чтобы имени Баумана. Хотя подойдет даже и какой-нибудь за-

нюханный лесотехнический институт в каких-нибудь там задрипанных Подлипках. Потом пройти отбор в отряд космонавтов. Поплющиться на центрифуге. Попрыгать затяжными с парашютиком. Ну там недельку-другую погулять зимой по тундре и летом по пустыне... без поклажи, налегке... ни воды, ни еды... простенький тест на выживание. Несколько разочков повыкручиваться из совершенно безнадежных ситуаций. Ну и само собой, после возвращения на Землю не забыть купить дочке куклу Барби.

— *Второй, а ведь какую забавную вещицу они просто так выкинули. А в хозяйстве ей вполне можно было бы какое-нибудь применение найти. Вещица-то — вполне кошерная...*

— *Первый. Только не говори, что ты сейчас подумал, будто бы я правильно подумал о том, о чем ты, глядя на это, подумал.*

— *Нет, гдую, ты правильно гдуюешь, о чем я сейчас гдуюю.*

— *Ты понимаешь, что за такое дело тебя по головке не погладят?*

— *Да за такую мелочь? Никто и не заметит. Суну в карман скафандра, и все. Поставь-ка лучше сейчас на полчаса локальную зону пространственно-временной непрозрачности.*

История наша на этом уже почти закончена. Но еще пара забавных моментов тут будет. Как-то мы все тут упустили из виду — а что дальше произошло с этим самым благополучно откушенным и от станции оттолкнутым изделием ОРТ-11.

Вся фишка тут в том, что через час оно просто-напросто исчезло с экранов радаров. А ведь железяка не хреновая. Одиннадцать метров в диаметре. Такую локатором засечь — как не фиг делать. Даже без всякого сверхкосмического и суперорбитального аппертурного синтеза.

Но когда заведующий Отделом ближнего космоса Виктор Красносельских вбежал с этой новостью в приемную Главного Директора Института Космических Изысканий АН СССР, лауреата Ленинской премии, академика Равиля Зинатулловича Рогдаева. То тот принимал иностранную делегацию. Из НАСА, а не изпод Урюпинска. Причем секретарша сразу об этом его предупредила. Но Виктор Красносельских сказал: мне на секундочку к Равилю Зинатулловичу, очень важное известие...

Виктор Красносельских тихонько постучал в дверь, слегка приоткрыл ее и очень вежливо произнес: Равиль Зинатуллович, я знаю, что незваный гость хуже татарина...

Словом, про этот самый ОРТ-11 никто больше и не вспоминал.

— *А ничего себе гульнули вчера у Вань-бен-Сауда на дне рождения. И где он таких вкусных змей достает?*

— *Ну он же работает в Службе контроля за прошлым. Может, оттуда умудряется притащить?*

— *Как же. Они там сидят как мышки, тихо-тихо, в экранированной капсуле с обратной стороны Луны. Не приведи аятолла — засекут предки. Ну пару маленьких метеоритов могут стащить тихонько. А на кой фиг?*

— *Не знаю. Я вот обратила внимание, какое у него ситечко для чайника появилось. Просто тончайшее плетение, как кружевное. И вещь явно антикварная, дорогая. Там даже клеймо почти невидимое стоит — «ОРТ-11».*

ПРИВЕТ ИЗ ПРОШЛОГО (из цикла «Хронопанк»)

Плохие новости пришли одновременно, всплыв синими окошечками сообщений поверх браузера. Первая его совсем не удивила, но из этих двух была по-настоящему неприятной. Как он и ожидал, Натка с Евгением надумали жениться. О подробностях предстоящего торжества не сообщали, лишь Натка, сопроводив реплику пятью восторженными смайликами, в конце написала: «И не отговаривай, Тоха, мы уже заключили контракт с ТТС!»

Второе сообщение было от источника из этой самой ТТС — Temporium Travels Corp. Источник хотя не из самой верхушки корпорации, но высокой степени компетенции. Это сообщение Антон перечитал дважды, оба раза не понял, достал из холодильника очередную банку пива и некоторое время медитировал над текстом.

«Антон, в Конторе наблюдается нездоровая возня. Служба внутренней безопасности заблокировала ОТО намертво. Информация ни туда, ни оттуда не проходит. Сотрудники ОТО вне доступа. Одновременно наблюдается ажиотаж в Высшем Совете. Весь открытый доступ переведен в «оранжевый» режим. Есть данные, что между Высшим Советом и Большими Шишками из Глобал идут серьезные терки с запредельным трафиком. Суть дела неизвестна, но это должна быть проблема-проблема!»

Первое, что пришло на ум, — Машина начала нехорошо чудить и Отдел Технического Обеспечения перевер-

ли в авральный режим, чтобы не отвлекались, а своими сплетнями, озабоченными физиономиями да ироничными ухмылками не породили у клиентов нежелательных настроений. Как известно, ОТО отвечает за все, за жизнь и смерть хронотуристов. Кстати, а куда Натка со своим Евгением собралась? Можно было бы через тот же источник пробить пространственно-временные координаты и срок погружения. А теперь оказывается, никак и ничем не пробьешь. «Оранжевый режим» — почти высшая секретность — введен в ТТС впервые.

Он затолкал бычок в банку из-под кофе, служившую пепельницей. Нет, все очень не просто. Шишкам из Глобал ничего, кроме финансовых потоков, не интересно. Кроме больших денег и большой политики.

Антон вышел на лоджию. Спящие дома в белесой дымке питерской ночи, растворившей в себе свет фонарей и ситилайтов. Пронзительная свежесть после прокуренной комнаты и живой ветер с залива.

Все-таки обидно. Знал, что дело идет к свадьбе и Натку он теряет. Если не насовсем, то на ближайшие годы.

Пальцы дрожат. Объясни попробуй, что тремор у него врожденный, а не от алкоголизма. Ладно, это все лирика, а тема требует развития, серьезного журналистского расследования. Блогосферу профессионалу его уровня полагается взрывать не дешевыми провокациями, в стиле «один мой знакомый ученый сказал»... Есть такое понятие — «поиск по свободным ассоциациям».

Начиналось все так, словно человечество наконец обрело цель существования. Первый крупный научный прорыв за долгие годы застоя и торжества глобальной экономики. Мгновенно распахнулись перспективы, потрясающие воображение. Когда Президент озвучивал приветственную речь на открытии Объекта, наверняка

даже не подозревал, какие цивилизационные сдвиги последуют за коротким щелчком ножниц, перерезающих торжественную ленточку. «Маленький щелчок для одного человека и большой гаплык для всего человечества», — подумалось Антону.

«Хотя гаплык пока неочевиден». Антон поставил на паузу видеоролик с речью Президента. Все как раз и движется в русле, намеченном этой самой речью. Среди перечисленных перспектив имелось: «революционное улучшение качества жизни», «переворот в сфере досуга», «завершение стагнации мировой экономики», «новый, ничем не ограниченный источник материальных ресурсов», «в перспективе доступ к неисчерпаемым океанам энергии». Захлестнувшую человечество эйфорию можно было сравнить с возникшей после полета человека в космос.

Антон усмехнулся: космос, его первую и любимую сферу журналистской деятельности, похоронили окончательно и бесповоротно. Осталось то, что приносит прибыль, и это оставшееся крутится исключительно вокруг Земли.

А потом на базе вполне себе нефтяной компании олигарха N создали транснациональную корпорацию Global Tempogium, на паях с американцами, конечно. И все завертелось. Олигарх N получил очень хорошие отступные и отправился на собственной яхте на заслуженную пенсию. Деятельность Global Tempogium обрела межгосударственное значение как раз после «золотого кризиса». И теперь неразрывно связана с хронотуризмом, под который, в свою очередь, создали «дочку», монстр ТТС.

Сколько интересного мог бы рассказать Антон городу и миру об этом монстре. Но он ведь не был «чайником» и делал статьи о сенсациях локальных, скорее подогревающих интерес потенциальных хронотуристов к услугам ТТС. На всех крупных новостных лентах у него были авторские колонки, даже на международных. Име-

лось и несколько собственных хостингов, зарегистрированных на подставных лиц. Он был лично знаком с владельцами половины мощнейших ресурсов в России, Сингапуре и Штатах. Создать от имени какого-нибудь Джека Черного Воробья (кто ж узнает, что это он) нездоровую сенсацию, раскатать ее до степени массового психоза, а потом с блеском опровергнуть уже от своего имени — привычный трюк, однако неизменно приносящий хорошие дивиденды и повышающий рейтинги.

Итак, какие проблемы могут возникнуть у ТТС? Самая серьезная, она же постоянная — синдром хронической усталости туристов, та или иная степень нервного истощения. На этой теме она и поднялась в свое время в Сети. В отношении синдрома ТТС приняла паллиативное решение. Просто закрыла для погружений ближайшие к барьеру Худякова — Мартинеса тридцать лет и ввела обязательную программу нервно-психологической реабилитации.

Моментально разыгрался скандал из-за желавших повоевать во Вьетнаме, «переписать» историю, — а вьетнамская война как раз угодила в зону отсечения.

Так, может, проблема вспыхнула с новой силой? Может, пресловутый барьер Худякова мигрирует в глубь прошлого?

Но все может оказаться с точностью до наоборот. ТТС открыла золотую жилу и не знает, на каком уровне ее секретить — корпоративном или межгосударственном — и как делить возможные баснословные барыши. Вдруг сумели обойти «золотой запрет»? А это уже повод остановить хронотуризм. И вместо туристических доходов напрямую таскать из прошлого хотя бы золото инков. Или уран с открытых полей триасового периода. Да много чего можно натаскать.

У Антона имелся полный архив логов научных конференций периода становления темпоральной физики. Подготовки питерского политехнического хватало, чтобы разобраться в основополагающих принципах

новой науки. По современным представлениям так называемый «эффект бабочки» проявлялся внутри барьера Худякова — Мартинеса. Проявлялся, правда, странно, не так, как предсказывали фантасты, и не так, как следовало из экспериментов на фотонах и электронах, выполненных еще в начале века. Погружаемые в прошлое объекты просто исчезали. Вернее, что с ними происходило — неизвестно. Информационные отклики оттуда не проходили. Зато вне этого барьера, глубиной в ближайшие к Настоящему тридцать лет, никакое вмешательство в события прошлого не оказывало ни малейшего влияния на актуальное настоящее. Кроме пресловутого нервного истощения. Но по поводу нервной системы физики ничего сказать не могли, а нейробиологи, напротив, ничего не понимали в темпоральной физике. Поэтому проблема нервов оставалась досадной загадкой, и с ней приходилось мириться. Как мирятся, к примеру, с необходимостью переходить улицу на красный свет.

Среди темпоральных специалистов есть теоретики и есть инженеры-конструкторы. Многих он знает лично. Теоретиков сейчас терять бессмысленно. Если они действительно совершили открытие, то режим секретности распространяется на них в первую очередь. Ни по сети, ни по телефону от них ничего не добьешься. А если проблема касается не теорий, они тем более не в курсе. Самое верное — это связаться с Арсентьевым, советником Генерального конструктора. С одной стороны, он вне политики, с другой — близок к внутренней кухне корпорации.

Арсентьев оказался вне связи, это было странно. В Штатах сейчас день, а Александр Борисович — человек невероятно обязательный и большой педант — обычно предупреждает об отлучках. Можно еще пробить тему по линии политиков, выпытать хоть что-нибудь у секретаря главы депутатской фракции в Думе. Но это чревато. Не посмотрит на знакомство, настучит, что журналист-

блоггер знает о внештатной ситуации. А тогда возникнет на горизонте куратор от спецслужб и крепко заинтересуется, откуда у Антона информация. Между тем настоящей информации все еще нет.

Антон посмотрел на окошко приватного чата. Сообщение Натки все так же сияло рядами смайликов. Значок статуса светился зеленым.

Если у Корпорации мегапроблемы — в силу форс-мажорных обстоятельств они должны сейчас разрывать заключенные контракты. «Кажется, самое время поздравить невесту».

«Я тебя, Натка, конечно, поздравляю, — набрал Антон, — но, по моему сугубому мнению, выбор ты сделала в корне неверный ☹».

Ответ пришел мгновенно, Антон словно видел скачущие в негодовании по клавиатуре пальцы:

«Давай твое сугубое мнение так и останется сугубо твоим. Ы?»

«Угу. Куда хоть собрались?»

«Женька такое придумал! Мы прямо там расписемся, в день полета Гагарина, в московском ЗАГСе. В контракте прописаны даже советские настоящие паспорта».

Антон оценил юмор бывшего школьного товарища. Кто-кто, а Евгений лучше других знает, что для Антона всегда значил этот день.

«Вот как, — отстучал он, — когда погружаетесь?»

«Завтра, милый, завтра. ;) Сегодня готовимся».

Александр Борисович Арсентьев не мог ответить на звонок Антона. Чартерным спецрейсом он пересекал Атлантику. Научную командировку в Бостонском технопарке прервал срочный вызов шефа. Шефа пригласили на экстренное заседание Совета директоров ТТС. Утренний мейл с вызовом Генеральный снабдил странной концовкой: «Советую пояснить американским

★ коллегам, если будут интересоваться, что вылетаешь в связи с болезнью какого-нибудь родственника». В последний раз Совет директоров приглашал ученых семь лет назад, когда решался вопрос о допуске к погружениям несовершеннолетних. Но это было заранее оговоренное заседание и его, Арсентьева, присутствие имело скорее церемониальное значение.

В аэропорту Женевы его встретили работники ТТС. На электромобиле, раскрашенном в фирменные цвета ТТС и снабженном спецсигналом и сиреной, они пересекли старый город и уже через час были в Новой Женеве у штаб-квартиры корпорации. Фасад небоскреба украшала эмблема ТТС — стилизованный уроборос.

Пока секьюрити проверяли удостоверения, пробивали по базе данных биометрические характеристики, Арсентьев включил мобильник и набрал шефа. Тот вместе с группой из черноголовского «Хроноса» ожидал в баре на третьем этаже. Когда Арсентьев шагнул на эскалатор, обслуживающий нижние этажи, предназначенные для отдыха сотрудников, мобильный пискнул сообщением «вам звонили». Арсентьев сделал обратный вызов.

— Да... Нет, ничего интересного... — Арсентьев слушал собеседника и оборвал довольно резко: — Антон, у меня сейчас совещание начнется, выйду — обязательно свяжусь.

Заседание вел сам Томас Тоффлер, председатель Совета директоров. Его Арсентьев видел впервые. Из высшего руководства он знал только СЕО корпорации Бейкера да представителя в Совете от России Кондратия Семеновича Ляшко.

В краткой вступительной речи Тоффлер ни словом не обмолвился о цели совещания. Извинился за причиненные неудобства. Поблагодарил за оперативность. Мягко, но недвусмысленно потребовал сохранить все, что здесь будет произноситься и демонстрироваться,

в строжайшей тайне. «Рассчитываю на вашу порядочность, господа», — закончил он.

Затем взял слово СЕО. Все еще никак не названные проблемы Бейкер определил как «неприятности определенного рода» и предложил к рассмотрению информационный слепок одного из недавних погружений.

На индивидуальном терминале Арсентьева возник бегущий белогвардеец, золотопогонник, слышались его хриплое дыхание и нарастающий топот копыт. Затем в поле зрения мелькнула шашка и изображение исчезло. Кто-то из американских физиков рассмеялся и внятно произнес: «Ну и что?»

— О'кей, господа. — Бейкер достал из-под стола пластиковый пакет и вытряхнул содержимое на стол.

— Это то, о чем я подумал? — спросил директор калифорнийского «Temporal State Research» Макс Дрикамер.

На столе отблескивал золотым погоном рассеченный до пояса китель, а рядом — окровавленная фуражка.

— Хронотурист не вернулся, — подтвердил Бейкер. — Только амуниция.

— Странно, — заметил тот же физик, кто минутами ранее смеялся. — А где же тело?

— О'кей, господа. Тело не вернулось, — ответил Бейкер. — Коллеги, нас интересует ваше компетентное мнение. Прошу всех высказываться в свободном режиме.

— Это невозможно! — выкрикнул кто-то из группы Дрикамера.

Пока американские ученые не желали принимать очевидное, ребята из Черноголовки развернули бурное обсуждение, предлагая правдоподобные объяснения невероятного события.

Фантастичность произошедшего не вызывала сомнений. Гибель хронотуриста, конечно, оговаривалась в любом контракте как страховой случай, хотя вероятность была ничтожной. Но ненулевой. За сохранность

жизни отвечала интеллектуальная система слежения. В рассматриваемом случае она должна была выдернуть хронотуриста в Настоящее за миг до того, как вражеская шашка коснется его тела. В контракте вполне могло быть оговорено повреждение одежды, — многие туристы потом хвастались подобным, даже пулевыми отверстиями в касках или следами огня на теле. Однако тело возвращалось всегда. Но даже если представить, что по какой-либо причине тело не вернулось, хотя должно было, даже из эпицентра ядерного взрыва, то почему вернулась одежда, небιологический объект, — без соединения с триггером, которым мог быть только живой организм?

Самым правдоподобным объяснением выглядело «наличие у объекта в кармане нейромолекулярного триггерного устройства». Такими снабжали испытателей, роботов и зонды. Однако погибший не был испытателем. Он был историк, крупный специалист по Гражданской войне в России. И в контракте никаких спецустройств не значилось.

СЕО постучал председательским молотком и предложил для полноты картины ознакомиться еще с одним слепком.

Отряд гэзов короля Гарольда II теснил отступающих бретонцев. В отличие от прочих, что беспорядочной массой преследовали противника, эти двигались размеренно, держа строй, сомкнув щиты. У подножия холма бретонцы развернулись и дружно ударили по напиравшим саксам. Далее левый фланг англичан, как и в исторической битве при Гастингсе, должен был дрогнуть и рассыпаться, но сплоченная группа хронотуристов отбила контратаку и, оттянув на себя внимание противника, позволила саксам прийти в себя.

И вдруг изображение исчезло.

— Информационный канал всех двадцати трех хронотуристов из этой группы разорван одновременно, — счел нужным пояснить Бейкер. — Тела не вернулись.

Ничего не вернулось. Но, о'кей, это еще не все. На поле присутствовала еще одна группа хронотуристов. Они действовали в рядах нормандских лучников. Эти вернулись все, и некоторые из них утверждают, что наблюдали первую группу до самого окончания битвы. С их слов, туристов из первой группы уничтожили, но по времени много позже обрыва информационного канала. О'кей? Важно следующее. После окончания битвы хронотуристы второй группы специально отправились на поиски тел, потому что видели, как те погибали и не исчезали из Прошлого. Однако тел не обнаружилось. Господа ученые, тел нет здесь и нет там. Где бы они могли зависнуть?

Александр Борисович поинтересовался:

— У меня два вопроса. Первый: сколь многочисленны инциденты? И второй: какова динамика процесса — нарастающая, затухающая? Если нарастающая, то по какому закону?

— Случаи имеют весьма неоднократный характер, — уклончиво сообщил Бейкер.

— А динамика?

— Это закрытая информация.

По залу прокатился возмущенный гул.

— Так что вы от нас хотите? Вы хотите решать проблему? — раздраженно бросил Дрикамер.

— Нас интересует объяснение феноменов как таковых с позиции науки. — Бейкер остался невозмутим. — Как данные факты трактуются с позиции темпоральной физики?

— С позиции темпоральной физики, официальной ее части, все эти случаи попросту невозможны! — выкрикнул Файнштейн, непризнанный гений, известный экзотическими теориями времени.

— Мы готовы выслушать все мнения. Нас также интересует и неклассическое толкование, — ответил СЕО. — Нам известны ваши нетрадиционные взгляды, и мы их уважаем, профессор. Что бы вы могли нам ска-

зять или посоветовать? Быть может, ваша теория не так уж плоха? О'кей, у вас есть шанс перетянуть всех нас на вашу сторону.

— Дело в том, что произошедшее отрицает все базовые представления о времени. Мой подход перед такими вызовами выглядит ничем не лучше. Мы вообще мало что знаем о времени. Например, мы свыклись с тем, что Будущее для нас закрыто, и никого уже не волнует загадка асимметрии темпоральных свойств. Теперь совершенно ясно, что мы ничего не понимаем и в Прошлом.

— Какой срок потребуется на пересмотр базовых представлений? — перебил Бейкер.

— Неизвестно. Десять, сто лет. Должна произойти смена научной парадигмы, а это, в свою очередь, требует смены поколений.

— Столько мы ждать не можем... Какие будут конкретные рекомендации от экспертного сообщества?

— Прекратить хронотуризм. В Прошлое допускать только исследователей. Поставить серии целенаправленных экспериментов, — заговорил наконец шеф Арсентьева.

Ученые и конструкторы дружно заплодировали. После чего СЕО счел нужным закрыть совещание.

Председатель правления Томас Тоффлер кратко поблагодарил собравшихся за оказанное содействие и выразил надежду на соблюдение строжайшей тайны, что в его устах было равносильно приказу.

Арсентьев вспомнил об Антоне за обедом. Достал планшет и открыл приватную конференцию с журналистом-блоггером.

«Антон, если у тебя есть друзья, родственники и пр., желающие погружаться, — отговори под любым предлогом».

«А. Б., подробностей бы».

«Другой информации дать не могу».

«Я раскопал, что в Москву и Питер из Южного федерального округа скрытно перебрасывают отряды ОПОН. Это как-то связано?»

«Без комментариев, Антон. За информацию спасибо».

Арсентьев понял, что руководство корпорации приняло стратегическое решение заранее и независимо от исхода совещания. И было понятно, что это за решение.

Антон размышлял. Обо всем сразу. О собственной непутевой жизни, о бросившей его женщине, о том, что надо бы что-то делать. И делать быстро, прямо сейчас. Неожиданно поймал себя на том, что мусолит в руке айфон, перебирает список контактов. Легко сказать — «отговори». А как ее теперь отговаривать, да и зачем? Она уже не принадлежит ему. Придется разыгрывать роль брошенного ревнивца. Отвратительно. И все равно бесполезно. Нужны доводы. Нужны факты.

Факты можно найти в Интернете. Следы глобальных событий полностью зачистить нельзя. Можно заблокировать и взять под контроль страницы ведущих блоггеров. Можно в режиме реального времени вырезать поступающие нежелательные сообщения в социальных сетях. Но все подряд блокировать нельзя, начнется вой, потом паника.

А между тем в Сети десятки тысяч сайтов, принадлежащих разнообразным сообществам хронотуристов. Вот, скажем, «Форум аутентичной охоты» или сообщество любителей сафари в Прошлом. Две ярко конфликтующие площадки. Первые считают, что на мамонта можно охотиться исключительно древними методами — ловушки, загонщики, луки, копья и дубины. Вторые «добывают» тех же мамонтов снайперскими винтовками, а динозавров расстреливают из РПГ. Общее у тех и других — добычу из Прошлого не забрать. Остаются на

руках только слепки. И они эти слепки постят. Поэтому ни одна охота не обходится без обширных отчетов. Сперва сообщают, куда и когда отправляются и с каким оружием на какого зверя идут. Собирают кучу советов, определяют стратегию и тактику. У охотников все очень серьезно. У хронорыболовов все тоже очень серьезно. У исторических реконструкторов еще серьезней. А у «попаданцев», у тех, кто, как Штирлиц, внедряется в круг сильных мира Того, у тех серьезность запредельная и многолетняя подготовка.

Антон пошел «чесать» форумы аутентичных охотников. Если бы он ничего не подозревал, то, вероятно, ничего бы и не заметил. На форумах висели во множестве анонсы предстоящих хроноохот. Многие должны были уже вернуться и захлебываться в пароксизме самолюбования. Но вместо этого лишь редкие вопросы коллег — «эй, вы где?», «как все прошло?», «эй, мужики, слепки гоните». На первом же изученном форуме он насчитал не меньше десятка невозвращенцев. И у игровиков дела обстояли не лучше.

Даты погружений первых невозвращенцев относились к прошлой неделе. За всю неделю — всего несколько возвратов.

Натка улетала утренним рейсом на Лозанну. После телефонного разговора Антон решил тоже лететь. Тем более возникли проблемы с Евгением. Оказывается, тот нырнул уже сегодня, чтобы там, на месте, с помощью сотрудников ТТС все подготовить. Бронировать место до Лозанн-ла-Блешере Антон даже не пытался — наверняка все забито хронотуристами. Купил электронный билет до Женевы на ближайший рейс и вскоре уже мчался на такси в Пулково. Какая-то мысль мешала думать о Натке, об очевидной гибели Евгения. Какая-то была закономерность в этих интернетовских «возвращениях-невозвращениях». Он открыл походный планшет — все

логи с форумов он слил в один файл — и вновь принялся их изучать. И так погрузился, что не сразу понял, кто и зачем ему говорит:

— Приехали, друг! Вот оно, Пулковое.

И только тогда Антона осенило: все возвращения за эту неделю случились из очень глубоких погружений, из времен динозавров. Получается, что по-прежнему можно вернуться, но только из тех времен, где нет следов людей? Даже намек на следы людей.

В дьюти-фри алкоголя уже много лет не продавали, даже пива. Антон решил не тратить времени даром и вошел в чат с Арсентьевым.

«А.Б., сенсация. Вы сидите? А то упадете».

«Что именно?»

«Массовые невозвращения, но сенсация в другом».

«Насколько массовые? Есть статистика, динамика? Когда началось, по какому закону нарастает?»

«Об этом не подумал ☹ но можно прикинуть».

«Прикинь. Так в чем _твоя_ сенсация?»

«Возвращаются из погружений только охотники до человеческих эпох:-/».

«С вероятностью?..»

«Сто процентов. А. Б., вы там? Мне пропуск на Объект бы, хотя бы до техзоны. На завтра».

«Понял, сделаем. Но не в техзону. Спасибо, Антон, все, меня отвлекают».

Переночевав в женевском аэропорту, Антон примчался в Лозанну. дождался питерского рейса. Хронотуристов встречали микроавтобусы ТТС. Антон показал сотруднику корпоративной охраны удостоверение «почетного хронавта», полученное за популярную книгу «Время назад? Время вперед!», сообщил код допуска, пришедший эсэмэской от Арсентьева, и нырнул в микроавтобус, в который забралась Натка. Когда он плюхнулся рядом с ней на сиденье, Натка только вздернула брови. Он положил руку на ее запястье и сказал:

— Так надо.

И начал рассказывать.

Чиновник из ТТС, немолодой француз, выглядевший так, будто не спал несколько суток, не стал чинить препятствий хронотуристке из России, пожелавшей разорвать контракт. Но когда услышал, что та желает еще и немедленно вернуть из Прошлого жениха, взгляд сделался непроницаемым и отчужденным. Ледяным тоном ответил:

— В связи с карантином все возвращающиеся сразу же направляются на курс восстановления. Курс продлится не менее трех дней. Мадемуазель, вам лучше подождать в Лозанне. Ваш друг обязательно к вам вернется.

— Но я могу с ним хотя бы как-то связаться?

— Увы. Условиями карантина это не предусмотрено.

Лицо у Натки вмиг посерело. Антон, понимая, что все бесполезно, вынул удостоверение Международной Лиги Журналистов и бесцеремонно потребовал пропустить его в карантин или сообщить, где тот расположен. Чиновник подобрался, злые морщины обозначились у рта. Процедил: «Одну минуту», нажал что-то на селекторе, и действительно через минуту четверо крепких охранников вынесли под локти Антона и Натку из кабинета и здания администрации.

Антон, не глядя Натке в глаза, предложил возвращаться в Питер — там знакомства, связи, оттуда можно повлиять на ситуацию. Натка покачала головой.

— Ты возвращайся. А я остаюсь ждать.

Антон махнул рукой и зашагал прочь. О чем еще говорить? Они оба все понимают. Главное — она жива.

Вечером на веранде роскошной виллы с видом на Лозаннское озеро, арендуемой Global Temporium, беседовали трое мужчин и женщина, принцесса одной из европейских монархий. На дисплее прокручивался инфослепок.

Мужчина средних лет, одетый по советской моде шестидесятых годов, беспечно шагал вдоль Кремлевской стены, мимо длинной очереди в Мавзолей. Внезапно остановился, словно налетел на незримое препятствие. Повернул голову и, недвижно глядя перед собой, словно в камеру, произнес:

— Натка, почему ты не пришла? Я тебя так ждал.

Очередь у Мавзолея и многочисленные прохожие в тот же миг развернулись и словно по команде, в унисон подхватили:

— Почему ты не пришла? Мы все тебя так ждали.

Принцесса пожала плечами:

— Это и есть катастрофа?

Седой джентльмен, неторопливо отхлебнув бурбона, поставил бокал на пол у кресла и сказал:

— Нет, леди и джентльмены. Это больше не катастрофа. Это начало пути. Прошрое, неважно что оно такое, выходит на контакт. Наверняка у Него обнаружился определенный интерес к нам. А у нас со своей стороны есть интересы Там. Думаю, что мы договоримся.

Обвел взглядом недоумевающих собеседников и едва заметно усмехнулся.

МИСТЕР ДЖ. ИЗ ЛОНДОНА

В вободную личность, открывшую в 73-м Новый Клондайк, звали Лестер Ньюкоб. Однако куда чаще, говоря про него, употребляли эпитет «тот везучий сукин сын». Самого сволича Ньюкоба это ничуть не оскорбляло. Напротив, если разговор происходил в его присутствии, то Лестер горделиво расправлял свои длинные рыжеватые усы по моде Помпеи 40-х и уточнял: «*Чертовски* везучий сукин сын». И говоривший тут же соглашался, поскольку ни один сволич за последние 200 циклов не открыл новых планет и не сделал результативных заявок больше, чем Ньюкоб.

«У каждого уважающего себя сволича должна быть страсть, — говаривал он за стаканчиком домашнего виски тройной дистилляции. — Чтобы ради нее вскочить среди ночи и побежать на другой конец *чертовой* галактики в одном исподнем. Иначе жизнь не в радость, да и не жизнь это вовсе, а пустая перегонка пищи в дерьмо. Так вот, в моей жизни таких страстей две». Так говаривал Лестер Ньюкоб и нисколько не кривил душой.

Наверное, не было такого уголка космоса, пыль которого не покрывала многократно латанный корпус двухместного скаут-шипа «Ситка Чарли». Причем чем более диким и опасным был этот уголок, тем лучше. Раскаленные пустыни Гадеса и болота Нового Гримпена, Горы Обреченных на Гагарине-14 и непролазная тайга, окружающая бурные пороги великого озера Янга

на Дубраве — он побывал всюду. И если бы кто-нибудь сказал, что сволоча Ньюкоба гонит туда жажда наживы, он был бы не прав по меньшей мере на две трети. Конечно, Лестер восемь раз входил в список самых богатых сволочей сектора, но куда чаще терял все, что имел. Вернувшись из очередной *вылазки*, как он выражался, не приобретя ничего, кроме пары новых шрамов, Ньюкоб всегда устраивал пир горой, благодаря Судьбу за то, что он по-прежнему «*чертовски* везучий сукин сын». А значит, будут еще *вылазки* и опасности, новые места и новые впечатления. В том же случае, если *вылазка* была отраднa для банковского счета и репутации и Ньюкоба спрашивали, отчего бы ему теперь не осесть где-нибудь, остепениться да и жить-поживать в свое удовольствие, он фыркал: «Цивилизация! Уют! Пфа, это все не для меня. Все равно что предлагать кубик *чертового* белкового концентрата тому, кто единожды отведал бифштекс с кровью! Нет, сволочи мои, по-настоящему, без дураков живым сейчас можно почувствовать себя только там, на *чертовом* фронтире, зубами выгрызая у природы все положенные вам права. Как это делали герои Мистера Дж. из Лондона!»

О любимом писателе древности и по совместительству — своей второй страсти Лестер мог рассуждать часами. Он неустанно давал имена героев Мистера Дж. всему, что открывал, в результате чего краткий справочник «Герои Мистера Дж. из Лондона и достопримечательности трех галактик» издательства «ТСА Inc.» почти полгода находился в десятке бестселлеров. Он сравнивал с ними и с самим Мистером Дж. любого сколь бы то ни было примечательного человека, встреченного на своем жизненном пути. А когда кто-либо по незнанию упоминал в его присутствии Морфеуса Тротта, Изиака Фейетса или, Разум упаси, Стефиллу Браун-Поттер, на днях получившую в тридцать второй раз «Эльбу», сволоч Ньюкоб хмурился и говорил: «Пфа! Какой смысл в этих *чертовых* мнемо-буках? Ни поду-

мать, ни отложить, чтобы настрогать *вкуснятинки* и с нею вернуться к чтению, ни представить себе героя и пейзаж по-другому, нежели автор, ни вернуться назад, чтобы перечитать еще разок понравившийся момент или выписать поразившую тебя строку! Вместо этого вы будто получаете *чертов* укол в мозг, и, когда приходите в себя, перед глазами уже мельтешит финальная реклама «ТСА Inc.». Нет уж, лучше выбросьте их в утилизатор вместе со всеми вашими Браун-Поттерами и почитайте нормальную книгу нормального автора!» (Разум упаси вас дважды уточнять какого!)

* * *

— Здравствуйте! Мне сказали, что здесь я смогу найти своліча Ньюкоба.

Лестер демонстративно дождался, когда красный диск Кулау коснется вершины Малыша, и только после этого обернулся к незнакомцу.

— Пфа! И кто это сказал? — громко поинтересовался он, столь же демонстративно кладя руку на кобуру с настоящим тульским «перуном» — на Новом Клондайке оружие носили открыто. А вот незнакомец, кстати, не был вооружен ничем, кроме *чертовой* белозубой улыбки, которую то и дело пускал в ход, будто вместо Лестера Ньюкоба перед ним сидела куколка из тех, чьи голофото (от слов «голография» и «голый» одновременно) охотно публикует журнал «Холостяк».

— Своліч Пенн с Восьмушки. Сказал, что вы в начале нового цикла собирались сюда мыть эйрос.

Незнакомец покопался в своем рюкзаке («Хм, без *чертового* компенсатора веса! — оценил Лестер. — Выпендривается или подлизывается?»), извлек из него серебристую фляжку и протянул собеседнику.

— Вот, просил передать с оказией, коли найду.

Сорвав пломбу, Ньюкоб отвинтил тяжелую притертую крышку фляги, а потом втянул ноздрями воздух над

ее горлышком. Пахло, как он и предполагал, спиртом, настоящим на золотнянке, чаровнице, восьмилетнейке и прочих семидесяти пяти *чертовых* компонентах легендарной «Слезы радости». Но это еще ни о чем не говорило.

— Сволич Пенн предупреждал, что вы не поверите, — в очередной раз улыбнулся незнакомец, наблюдая, как Ньюкоб навинчивает крышку обратно. — Поэтому рекомендовал напомнить: в шестьдесят восьмом на прииске Голубой Тхор счет был «три—один» в вашу пользу, — пальцы Лестера на крышке замерли. — Но на металлокерамику за этот «один» вы были вынуждены выложить почти половину из своей добычи.

— Ладно, сволич... — Ньюкоб вновь отвернул крышку, бесстрашно сделал большой глоток, выдохнул и утер неизбежные слезы рукавом.

— ...Чейни, — сверкнул зубами незнакомец. — Гриффит Чейни.

И вместо того чтобы прижать кулак правой руки к сердцу, как того требовал *чертов* этикет, он протянул ее для рукопожатия. И хватка у него была что надо.

— ...сволич Чейни, — повторил Лестер, — считай, что ты меня нашел. А вот зачем искал? В напарники, извини, не возьму — принцип.

— Знаю, — кивнул Гриффит. — Тем более что эйроса тут нынче совсем немного, вдвоем не стоит и возиться. Верно?

— Верно, — слегка озадаченно согласился Лестер, у которого странный визитер буквально с языка снял готовую фразу. Хотя не далее как вчера он намыл радужного песочка примерно на два с половиной года беспечной жизни.

Гриффит посмотрел из-под руки на Кулау, которая наполовину спряталась за широкой грудью Малыша, окрашивая его соседа в нежно-розовый.

— *Чертовски* красиво! Уже назвали как-нибудь? — Поинтересовался он, указывая на две горы.

— Само собой, — немного хрипло, ибо только что сделал новый глоток из фляги, отозвался Ньюкоб. — Этот здоровый — Малыш, а рядом...

— Смок, разумеется, — закончил за него Чейни. — Все просто и логично. Сдается мне, он еще не раз будет извергаться.

Внимательно посмотрев на визитера, Ньюкоб поднялся из плетеного кресла-качалки, которое на любой планете выращивал из вещевого зародыша сразу после ангара для «Ситки Чарли» и типового жилого модуля (*форта*, пользуясь его терминологией), и вытащил из кармана упаковку полезных сигарет.

— Давай-ка покурим, сволоч Чейни!

Курили в молчании. В отличие от хозяина, решившего нанести направленный удар по *чертовому* ревматизму (чего удивляться — годы плюс профессия, сволочи мои!), гость не стал менять настройку сигареты, ограничившись стандартным общеукрепляющим эффектом.

— Очень неплохо, — похвалил он, возвращая Лестеру пустой мундштук. — У вас отличная начинка для сигарет, мой дорогой сволоч Ньюкоб, просто отличная!

— Пфа! — тот выпустил финальный клуб дыма, получившийся ничуть не хуже того, что порой выплевывал старина Смок, когда ему хотелось немного *пошалить*. — Оно, может, и так. Но чтоб мне всю жизнь больше не курить, если кто-то станет разыскивать меня, а потом тащиться на Новый Клондайк даже ради *чертовски* отличной начинки для сигарет! Так что выкладывай, что тебе нужно на самом деле.

— Я хотел бы побиться с вами об заклад.

— Вот как? Именно со мной? — Сказать, что старатель был удивлен, значило сказать *чертовски* недостаточно.

— Да, именно с вами, сволоч Лестор Ньюкоб, — кивнул Гриффит Чейни, на этот раз даже без тени своей *чертовой* улыбочки.

— А с чего ты так уверен, что мне захочется биться с тобой об заклад, а, сволич?

Гость покачал головой:

— Я не просто в этом уверен, а *чертовски* уверен. Понимаете, я, как и вы, весьма увлекаюсь творчеством древнего писателя, известного под именем Дж. из Лондона...

— Мистера Дж. из Лондона! — с превосходством в голосе поправил Ньюкоб, делая упор на первое слово.

— Совершенно верно. Итак, я утверждаю, что без подготовки назову больше названий произведений Мистера Дж. из Лондона, чем вы, и готов в подтверждение этого поставить любую сумму.

К такому повороту Лестер был не готов. То есть ему и в голову не могло прийти, что в трех *чертовых* галактиках есть хоть одно существо, знающее о Мистере Дж. из Лондона больше его, и все же вот так, без предварительной разведки, он не отваживался еще ни на одну *вылазку*.

— У тебя, должно быть, уйма лишних кредитов, сволич? — поинтересовался он в качестве пристрелки.

Чейни улыбнулся и покачал головой:

— Ни одного.

— Пфа! Так на что ты собрался биться об заклад? На свои *чертовы* штаны?

— Сомневаюсь, что они вас интересуют, — вновь покачал головой этот *чертов* тип. — Однако в моем рюкзаке найдется и кое-что поинтереснее...

— Где ты это взял?! — спросил Лестер, когда к нему вернулась способность говорить и спокойно дышать, а *чертово* сердцебиение удалось нормализовать, пусть и при помощи второй лечебной сигареты.

— Не важно, — улыбнулся Гриффит. — Довольно и того, что ваш анализатор подтвердил ее подлинность.

— Да ты хоть знаешь, сколько она стоит?

— Точная оценка затруднена, поскольку официально бумажных изданий той поры осталось не так уж мно-

го, а уж прижизненных... Библиотекари на Оксфорде предлагали мне за нее семьсот тысяч.

— Пфа! *Чертовы* скряги! Когда она будет моей, я не расстанусь с нею и за семь миллионов.

— Значит, вы согласны?

— Да, покинь меня Разум!

— Отлично. Тогда давайте обговорим условия.

* * *

И вот они сидят в *форте*, в глубоких креслах, пододвинутых к столу, а на столе уйма бутылок с напитками на любой вкус; и хорошая еда («*чертовски* хорошая еда, сволочи мои, и никакой синтезированной дряни!»); и свежая пачка лечебных сигарет; и только что записанный чип с семью *чертовыми* сотнями тысяч; и залог сволоча Чейни. Но они даже не смотрят на стол.

— White Fang, — улыбаясь, начинает Чейни. Ха, ну еще бы!

— Hearts of Three, — в тон ему отвечает Ньюкоб.

— The Sea-Wolf.

— Martin Eden.

— The Iron Heel.

— The Call of the Wild.

А над ними на стене висит портрет Мистера Дж. из Лондона («*чертовски* хороший портрет, хотя и плоский. Но во времена Мистера Дж. не было голофото, сволочи мои, вот какая неприятность!»), да еще с факсимиле его автографа, и великий писатель древности на портрете совсем такой, как Лестер себе его и представлял: полный достоинства взгляд из-под круглых стекол очков; и густые усы и брови; и благородные залысины; и офицерская выправка. А снаружи Кулау уже села, и совсем темно, потому что Маленькой Хозяйки в это время не видно, а от Заринки света *чертовски* немного. Но Ньюкоб не смотрит в окно, а вот Чейни нет-нет да и взглянет на портрет. Будто не верит, что такой прекрасный

портрет («да-да, сволочи мои, плоский и с факсимиле!») может висеть не в *чертовом* музее, а в типовом жилом модуле, выращенном из вещевого зародыша на планете, от которой до ближайшего музея *черт знает* сколько парсеков!

— The Little Lady of the Big House, — Чейни продолжает улыбаться. Держится он, надо признать, неплохо.

— The Son of the Wolf, — Ньюкоб демонстративно зеваает.

— Koolau the Leper.

— Brown Wolf.

— The Mexican.

— The White Silence.

Проходит час. Всего только час. Целый *чертов* час! Чейни *чертовски* неплох. Даже не вспотел, хотя и слегка охрип. Демонстративно не притрагивается к напиткам, хотя видно, что очень хочется. Интересно, как долго он готовился?

— The Men of Forty Mile! — в голосе Чейни впервые чувствуется открытый вызов.

— When the World Was Young! — принимает его Ньюкоб. («Прекрасно, *черт меня погери!* Сейчас я тебе задам!»)

— To Kill A Man!

— The House of Pride!

— In a Far Country!

— The Faith of Men!

Еще один час долой. Оба спорщика тяжело дышат.

— Перерыв на полчаса? — великодушно предлагает Ньюкоб.

— Четверти часа хватит, — мотает головой Чейни.

— Договорились!

Хозяин смешивает два тонизирующих коктейля; гость раскуривает две сигареты.

— Я тебя недооценил, — признается Ньюкоб.

— И я вас, — кивает Чейни. Вот уже полтора часа, как он спрятал свои *чертовы* улыбочки.

— Ну, про мою-то страсть к Мистеру Дж. все три галактики знают. А вот о тебе я не слышал.

— Я... издалека.

«Вот оно как! — думает Лестер. — Интересно, врет? Впрочем, разница невелика. Реликвия будет моей!»

— Продолжим? — предлагает он.

— Отлично! — соглашается Чейни и без предварительного рассусоливания переходит в атаку: — To the Man on Trail!

— The One Thousand Dozen! — отбивает и наносит свой удар Ньюкоб.

— Too Much Gold!

— The Night Born!

— The Terrible Solomons!

— An Odyssey of the North!

Три часа безумия. «Где был мой чертов Разум, когда я соглашался на это?! Пожалуй, еще десяток-другой названий я наберу, а потом что? Наплевать на деньги, наплевать на сокровище, теперь это уже вопрос чести».

— A Relic of the Pliocene!!! — Чейни трубит, как раненый мамонт из называемого им рассказа.

— The House of Maruhi!!! — голос Ньюкоба — океанская волна, сметающая все на своем пути.

— The Wisdom of the Trail!!!

— The Story of Jeas Uck!!!

— Winged Blackmail!!!

— The Inevitable White Man!!!

На исходе четвертого часа Лестер, что называется, поплыл. Он уже почти не соображал, где находится, что говорит и кому.

То ему казалось, что он, обессиленный и обмороженный, ползет сквозь ледяную пустыню, и нет сил подняться, и последний раз он ел третьего дня вареные полоски кожи со своих мокасинов, а ветер и волки воют на два голоса: «The Taste of the Meat!»

То из последних сил сдерживает толпу разъяренных смутлокожих воинов, и пули на исходе, и товарищи пе-

ребиты, и сабля ломается на чем-то черепе, а щелкающие подпиленными клыками дьяволы все тянут к нему скрюченные пальцы и хохочут: «Pinched»!!!»

То борется в ненасытном, вечно голодном море с волной, и его корабль призраком исчезает на горизонте вместе с надеждой, и парус давно улетел, и мачта сломана, и углая лодчонка наполняется водой куда быстрее, чем он способен ее вычерпывать, а пена на гребнях волн издевательски шипит: «Holding Her Down»!»

То, наконец, стоит на ринге, осыпaeмый градом ударов, и противник моложе и сильнее, и оба глаза заплыли, и руки точно налиты свинцом, и зрители свистят, требуют прикончить его, наконец, а в каждой презрительной паре глаз без труда читается: «The Mistake of Creation»!»

Последнее, что видит *чертовски* везучий сукин сын, — портрет Мистера Дж. на стене. Только почему-то на нем неправильный Мистер Дж.: без очков, кустистых бровей, усов и залысин. Зато у него тяжелая нижняя челюсть, оттопыренные уши и заливчатый густой чуб, совсем как у сволича Гриффита Чейни. Ба, да это и есть сволич Чейни, прибитый к стене за воротник куртки. Висит и болтает ногами с таким беспечным видом, будто ему страх как удобно.

— Понимаете, старина, дело ведь не в деньгах и не в портрете, — произносит Чейни. — Да и не в свободе, хотя какие вы, к *черту*, свободные личности — смех один! Просто у холмов одни боги, у долин — другие, и с этим, увы, ничего не поделаешь. «Good-by, Jack»...

* * *

Письмо написано на настоящей бумаге настоящими чернилами и потому *чертовски* немало стоит само по себе. Оно лежит во внутреннем кармане комбинезона Лестера, но его совсем не обязательно доставать, чтобы освежить в памяти содержимое:

«Дорогой товарищ!

Прежде всего, спасибо Вам огромное, не ожигал. Когда Вы не моргнув глазом выдвигали названия вроде Road-Kids and Gay-Cats и A Little Account with Swithin Hall, я даже начинал сомневаться в исходе нашей гуэли. Впрочем, Вы ведь проиграли вовсе не из-за того, кто я такой на самом деле. Просто если отнять у моих героев мотивацию их борьбы, жажду справедливости, презренные опасности и даже смерти самой раги благородной надежды хоть чуточку приблизить царство свободы, равенства и братства во всем мире (или во всех мирах, если Вам угодно), то что от них останется? Мертвые оболочки, мертвые названия, мертвые сволочи, Вы уж не обижайтесь на меня, пожалуйста, за такое сравнение. Видите, мне даже смерти показалось недостаточным, чтобы успокоиться и почивать на лаврах, когда в мире (а уж тем более — мирах) продолжает твориться такое. Да Вы ведь и сами все лучше меня знаете...

Не сомневаюсь, что Вы выполните условия нашего спора, поэтому смело оставляю Вам журнал. Ваш анализатор не врал, он самый что ни на есть настоящий, а теперь еще и с автографом. Если все же решитесь его продать, это наверняка добавит пару тысяч к цене, как Вы считаете? А вот портрет мистера Киплинга я, пожалуй, заберу на память. Может, удастся выяснить, факсимиле чьей подписи его украшает, а?

Что еще сказать? Наверное, только одно: Лондон — это не только город, но иногда и состояние души. Не робейте!

Ваш во имя революции, Джек Лондон»

Рядом с письмом лежит список, и его тоже совершенно незачем доставать лишний раз. В нем всего семь пунктов, но это только пока. Первый вычеркнут, хотя насчет него в споре ничего не было. Просто Лестеру казалось неправильным начинать новую жизнь, по-прежнему оставаясь сволочем. И пусть статус сво-

бодного индивида влетел ему в копеечку (все-таки семнадцать поколений предков в потомственном рабстве у государства — это *чертовски* много, не так ли?), но оно того стоило. А журнал он, разумеется, так и не продал, хотя от полутора миллионов (насчет стоимости автографа Джек явно продешевил) уже давно ничего не осталось. В мире (а уж в мирах и подавно) оказалось *чертовски* много подлости, низости и несправедливости, поэтому даже столь большие деньги казались каплей в море на пути исправления существующей ситуации. И все же, даже без единого клада в кармане, сволич Ньюкоб считал себя не только *чертовски* везучим, но и *чертовски* богатым сукиным сыном. Ведь теперь у него было целых три страсти...

КАРАМЕЛЬКА

1

дравствуйте, мистер Ковач, — вежливо сказал Рубен.

— Зови меня Папа Артур, — буркнул мужчина. Он не смотрел на Рубена, он смотрел на Антонию. — Это твоя женщина, амиго? Хезус не говорил, что у вас есть дети.

— Я все объясню, — торопливо сказал Рубен.

— Надеюсь. — Мужчина сунул ноги в шлепанцы, спустился с веранды. — Идем, покажу тебе комнату, амиго.

Он отпер ключом дверь — такую низкую и кривую, что Рубен решил, что за ней собачья мойка или подсобное помещение. Оказалось: почти.

— Жить будете здесь, — сказал мужчина. — Можете пользоваться кухней и фургоном. Вы не должны: заходить в дом дальше кухни, выезжать на дороги штата, оставлять калитку незапертой. Таковы правила. Мои правила.

Он повернулся к Антонии, как будто его слова относились прежде всего к ней, и расплылся в благодушной улыбке. Глядя на эту улыбку, можно было подумать, что все сказанное — шутка, если бы не глаза мужчины: блестящие и холодные. Как два новеньких никеля.

— Мы согласны, мистер... Папа Артур, — поспешил с ответом Рубен, боясь передумать.

На следующее утро Папа Артур велел Рубену садиться в развалюху «меркьюри» и отвез его на завод по

производству казеина, где работали нелегальные иммигранты из Мексики. Вернулся он один, сразу ушел к себе и завесил стеклянные двери непроницаемым экраном.

Антония почти не покидала комнатушки, только один раз вышла, чтобы забрать кое-что из машины. У нее еще оставалось немного *тамалес* — сладкого хлеба из кукурузной муки, завернутого в кукурузные листья. Она размочила его в воде из бутылки и накормила Карамельку. Карамелька лежал на подушке, глядя на Антонию умными голубыми глазками. Кожа у него была розовая, на голове мягкие льняные волосики... И что она скажет сыну, когда он вырастет и спросит, в кого он такой светлый?

Кто-то громко, требовательно позвал ее. Антония вскочила с топчана и вышла через внутреннюю дверь в кухню. В проходе между кухней и гостиной стоял голый по пояс Папа Артур.

— Пошли, женщина, — сказал он. — Приберешь мою спальню.

* * *

Пикап подъехал к дому в сумерках. Из него выбралась женщина в цветастом платье. Антония едва узнала в ней свою невестку Розалию, мать пятерых детей. С нею были Педро и Рубен. Розалия, переваливаясь с ноги на ногу, как раскормленная утка, подошла к Антонии и крепко обняла ее. Они трижды расцеловались.

— Как ты, милочка? — пробасила она. — Все устроилось? Ну и слава Деве Марии!

— Я рассказал им о мальчике, — улучив момент, шепнул жене Рубен.

В каморке стало тесно, повернуться негде.

— Это и есть найденыш? — оживился Педро, увидев Карамельку. Он протянул руки, чтобы взять малыша. Пальцы у него были грубые, но это были пальцы

человека, вынянчившего пятерых детей, и Антония без колебаний доверила ему сына. — Взгляни, Роза, правда, красавчик?

Но та даже не повернула голову.

— А там что? — громко спросила она. — Дверь на хозяйскую половину?

Она словно не замечала протянутого ей младенца, и Антония вдруг поняла, что для Розалии, пять раз ставшей матерью, найденыша все равно что не существует. Чужая кровь...

— Так что, брат, — сказал Педро, подмигивая Рубену и с видом фокусника вынимая из кармана бутылку, — выпьем за прибавление семейства?

Все потекло привычным руслом. Мужчины пили текилу, вспоминали родственников, оставшихся в Мексике, строили планы на будущее. Планы под текилу рисовались радужные... Прощаясь, Розалия шепнула Антонии:

— Будь осторожна. Я кое-что слышала об этом Папе Артуре. В нашей швейной мастерской работает одна сеньорита, она показывала мне... Поверь, он страшный человек. Держись от него подальше...

Розалия сама села за руль, уничижительно отозвавшись обо всех мужчинах, вместе взятых, и о своем муженьке в частности. Пикап мигнул фарами и умчал. Рубен обнял жену за плечи.

— Как ты, дорогая?

— Терпимо.

Ночью, когда он занимался с ней любовью, Антония лежала с открытыми глазами в темноте и думала о том, что с ними будет дальше.

От стены, где мирно посапывал Карамелька, наплывал волнами сладкий аромат карамели. От этого аромата внизу живота что-то расширялось и оживало, там становилось горячо и сладко, как в юности, до рокового падения с лошади.

* * *

Шериф появился через два дня. Папа Артур велел Антонии запереться в комнате, и чтобы ни звука! Мужчины сидели в гостиной, пили виски и разговаривали громко, как могут разговаривать только гринго. Сначала Антония думала, что Иммиграционная служба что-то заподозрила, и не на шутку перепугалась. Но потом, когда услышала, что именно интересуется шерифа, испугалась еще больше.

— Так ты, говоришь, не видел ничего подозрительного? — спрашивал он. — И посторонних не было?

— А что, кто-нибудь из тюрьмы сбежал? — отвечал Папа Артур. — Так я о том ничего не знаю.

— Что, — удивился шериф, — и взрыва не слышал?

— Взрыв слышал. Так я думал, то бытовой газ в мексиканском квартале взорвался. Разве нет? Телевизор-то я не смотрю.

— Да нет, — сказал шериф, — не в мексиканском квартале. И не бытовой газ.

— А что тогда?

Шериф шумно вздохнул.

— Мда, — сказал он, — хорошая нынче погода. Так ты, значит, ничего не видел?.. — И разговор покатился по кругу, околичный и бестолковый.

Антония поняла одно: их ищут. Ищут маленького Давида, ее Карамельку!..

Но потом шериф ушел, и долгое время — почти шесть лет — их никто не беспокоил. Антония уже начала было надеяться, что все обошлось, пока не появился этот молодой учитель по имени Горацио.

2

— Мамми, мамми, к нам идет учитель Горацио! — Давид, ловко управляя джойстиком детского инвалидного кресла, промчался по открытому гаражу и виртуозно затормозил возле распахнутой двери дома.

Антония подняла глаза от потрепанной тетрадки с неправильными английскими глаголами. Она расплелась, вокруг глаз появились птичьи лапки, возле губ наметилась складка, и только гладко зачесанные назад волосы и глаза остались прежними, угольно-черными, живыми.

По тропинке между земельным участком Папы Артура и пустырем шагала молодой учитель в золотых очочках.

Антония встретила гостя, стоя в дверях.

Так они и разговаривали на пороге, пока маленький Давид выписывал круги вокруг открытого гаража.

— Мне хотелось бы побеседовать с вами о Давиде, сеньора. — Черные усики на лице Горацио смешно топорщились, как воробьиные перышки. — Он необычайно развит для своего возраста. Сколько ему?

— Шесть. Будет...

— Вот видите. А развитие как у старшекласника. Я говорю об интеллекте, вы понимаете. В эмоциональном отношении это совсем ребенок. У него феноменальные способности. В математике он разбирается лучше меня.

— Да, он всегда хорошо считал сдачу в магазине...

Горацио снисходительно усмехнулся.

— Я думаю, сеньора, вам следует обратиться в Калифорнийский университет. У них есть социальная программа помощи юным дарованиям. Они наверняка заинтересуются вашим сыном. Прошу вас, поговорите с мужем.

Антония задумалась. Ее совсем не обрадовало сообщение об уникальных способностях сына. Чем меньше они привлекают внимание чужих людей, тем лучше. Она знала, что рано или поздно тайна маленького Давида выплывет наружу.

— Я подумаю, сеньор Горацио, — сказала она. — И поговорю с мужем. А сейчас извините, мне нужно варить обед.

— Я найду через неделю, — пообещал Горацио.

Когда учитель ушел, из своей половины выглянул Папа Артур. После тюрьмы он стал совсем старик, перестал стирать носки и пристрастился к виски. От прежнего Папы Артура в нем не осталось ничего, кроме грязных мыслей.

— Чего хотел от тебя этот полукровка? — подозрительно спросил он.

— Тебе какое дело? Опять следил в щелочку?

— Ты уже спишь с ним? Ну признайся, что спишь... Вот я скажу твоему мужу!

— Отстань, старый извращенец. — Антония принялась яростно крошить овощи. Вода в кастрюле уже закипела.

Папа Артур плаксиво сморщился, но его личико и глазки залоснились хитростью и сладострастием.

— Если ты такая недотрога, откуда у тебя этот белобрысый подарок? И куда только твой муж смотрит... А помнишь, крошка, как нам было хорошо вместе?

— Это тебе было хорошо, вонючий ты козел, — равнодушно отозвалась Антония, высыпая овощи в бурлящую воду. — Дева Мария, какая я тогда была дура! Попробуй ты сейчас распуścić руки, я бы живо отравила тебя за решетку.

Она помешала поварешкой, прикрыла кастрюлю крышкой и вернулась в свою каморку. На глаза попала тетрадка с неправильными глаголами. Ох, не до глаголов ей теперь! Руки уже перебирали детские вещицы после стирки (с тех пор как появились Присцилла и Кассандра, вещичек прибавилось). Антония думала о молодом учителе Горацио, о спившемся Папе Артуре, о муже Рубене... Рубен был как мешок казеина: куда поставишь, там и стоит. Конечно, женщине нельзя без мужа, это Антония усвоила с детства. Но иногда так хочется, чтобы рядом был действительно мужчина...

К двери подкатил Давид.

— Мамми, — спросил он, — что хотел от тебя мистер Ковач?

— Ты откуда знаешь? — отозвалась Антония, разбирая носочки по парам и стараясь не показывать, как она расстроена. — Подслушивал?

— Нет. Я просто видел. Мамми, а мистер Ковач плохой человек?

Антония замерла с непарными носками в руках.

— Почему ты так решил?

— Он думает плохие мысли про тебя. Мамми, а я скоро умру?

Он спросил об этом тем же голосом, каким ежедневно задавал сотни вопросов. В животе у Антонии болезненно сжалось, ноги ослабели, она опустила на табурет.

— С чего ты взял, глупенький?

— Я не взял, — сказал Давид. — Я знаю.

* * *

— Мамми, — сказал Давид, — почему я не такой, как другие?

— Так бывает, — пробовала объяснить Антония. — Бог посылает нам испытания, чтобы укрепить веру.

— Я не об этом, — неторопливо перебил Давид. — Не о том, что не могу ходить. Я другой. Я могу летать. Мысленно. Быть здесь и сразу не здесь. Я могу бывать на других планетах. Ты можешь бывать на других планетах?

Она не понимала его... И никто не понимал!

В два или три года Давид придумал игру. Он закрывал глаза и трогал лицо пальцами. Это вызывало странные ощущения. Иногда красочные, как радуга, иногда пугающие. Он сжимал мочки ушей — и рождались звуки. Чем сильнее нажатие, тем выше и пронзительней звук. Можно даже мелодию наиграть. Жаль только, ее никто не услышит... А еще была такая игра: легонько ба-

рабанивать пальцами по векам. От каждого удара в голове вспыхивают и медленно гаснут радужные круги... и тогда он видит далеко, гораздо дальше, чем глазами...

Пугающими ощущения становились, когда он затыкал уши и надолго задерживал дыхание. В голове рос шум, и Давид оказывался в чудном месте. Это была рубка космического корабля, а он был навигатор и прокладывал путь к новым мирам. Стремительно пронеслись под прозрачным днищем незнакомые пейзажи чужих планет... выжженное зноем карминно-красное плато... немислимо высокие и тонкие скалы... голубые, изрезанные глубокими синими трещинами ледяные пустыни... Каждый раз это было что-то новое, неповторимое. Но всегда сны наяву были связаны со стремительным, неудержимым полетом.

* * *

Через неделю Горацио появился снова. Антония приняла его в гостиной, предложила кофе. Она со страхом ждала, что он скажет. Пощипывая усики-перышки, Горацио заговорил:

— Это, конечно, не мое дело, сеньора... Но я все же хотел спросить... Что с Давидом? Что говорят врачи?

— Врачи! — с горечью отозвалась Антония, ожидавшая услышать другое. — Гринго считают, что их доктора лучшие в мире, но они ничего не поняли в болезни моего сына. Они наговорили мне столько умных слов... Но если бы они что-то понимали, он не сидел бы сейчас в инвалидном кресле.

— И что же, нет никакой надежды?

— Я собираюсь свозить Давида в Мексику, к одной бабке... Может быть, это поможет, как вы думаете?

— Да, конечно, — согласился Горацио. — То есть я хотел сказать, это ваше право. Скажите, сеньора, вы подумали над моим предложением? Насчет Калифорнийского университета...

Ну вот, началось!

— Спасибо вам за заботу, сеньор Горацио, — решительно сказала она. — Я очень благодарна вам за помощь, но... В общем, это не для нас.

— Но почему? Почему? — закричал Горацио, вскакивая и делая несколько быстрых шагов по гостиной. — Это же неразумно! Просто неразумно! — И он заговорил, торопливо, сбивчиво, словно боялся, что она не станет его слушать: — Вспомните, в каких условиях вы живете. Ютитесь впятером в тесной, душной конуре. Хотите, чтобы это и дальше продолжалось? Своим упрямством вы лишаете парня перспектив.

Антония прервала его резким жестом.

— Вы, наверное, забыли, добрый сеньор, что мы все-го лишь бедные мексиканцы в чужой стране. О каких перспективах вы говорите?

— Это ничего не значит, — загорячился Горацио. — Я тоже из бедной мексиканской семьи. У парня феноменальные способности к математике. Не дать им развития — преступление! Неужели вы не понимаете?

— Я все прекрасно понимаю. И позвольте уж мне решать, что для него хорошо, а что нет.

— Как вы можете говорить так? — с укором сказал он.

— А вам-то что? — рассердилась она. — Это наша жизнь, и вас она не касается.

Некоторое время Горацио стоял перед ней, покусывая нижнюю губу. Лицо его подергивалось, будто ему приходилось выдерживать нелегкую борьбу с собой.

— Хорошо, — наконец сказал он, — давайте поговорим начистоту. Я давно наблюдаю за вами и Давидом. Думаю, сеньора, вы сами не знаете, кто ваш сын... Вы хотя бы газеты иногда читаете?

— Мне достаточно Библии и неправильных глаголов.

— Тогда взгляните сюда. — Он достал из кармана мятую газетную вырезку. — Это заметка из «Сандэй

Госсип». Я наткнулся на нее случайно в библиотеке. Никогда в жизни не крал, сеньора, даже ребенком. Но это вырезал.

— Покайтесь перед священником на исповеди, — посоветовала Антония.

— Взрыв в долине Мохаве, — сказал Горацио, — шесть лет назад. Обломки космического корабля. Пустой кокон. И — ребенок... Что с вами, сеньора?

В глазах у Антонии почернело. Она слепо шарила рукой, нащупала спинку стула, плюхнулась на него.

Шесть лет назад... Как давно это было, а кажется, что вчера! Солнце палило в небе, кругом цепенели разлапистые кактусы, а они с Рубеном стояли перед искореженными, обгорелыми обломками и смотрели... на что? Больше всего это походило на серый, призрачный кокон. Он пульсировал как живой. И вдруг пахло сладким, как аромат цветущего барбариса, запахом карамели. Кокон раскрылся, и Антония увидела ангелочка. Так ей показалось. Это был белокурый малыш с голубыми глазами. Карамелька...

«Что ты собираешься делать с этим ребенком?» — спросил Рубен, когда они вернулись в «додж» и продолжили свой путь к горам. «Оставлю себе», — коротко ответила она, дую в лицо младенцу. Тот жмурился и довольно улыбался. За все это время он ни разу не заплакал. «Нам и без него будет трудно на первых порах», — неуверенно сказал Рубен. «На первых порах», — эхом отозвалась она. «Но ты даже не знаешь, что это за ребенок!» — воскликнул Рубен. «О чем ты? — улыбнулась она. — Это мой ребенок. И твой. Посмотри, какой он спокойный. Он не доставит нам беспокойства». Больше Рубен ничего не сказал. Они оба знали: все будет так, как решит женщина.

— Откуда? — прошептала Антония. — Откуда они узнали про ребенка?

— Кокон, — сказал Горацио, — там сохранился отпечаток ребенка... По крайней мере, так рассказывал

мне автор заметки. Я отыскал его. Сначала он все отрицал, люди из ФБР основательно с ним поработали. Но потом наакался и выложил все начистоту. Кричал, что никого не боится и что он еще напишет об этом книгу.

— И вы ему поверили?

Горацио посмотрел осуждающе.

— Вы напрасно запираетесь, сеньора. Признайтесь, что были там. Вы и ваш муж. У вас не было детей, вот вы и взяли ребенка себе. Но это не человеческий ребенок. И рано или поздно это должно было открыться. Рано или поздно.

— Замолчите, — сказала Антония. — Закройте свой маленький грязный рот. Давид мой сын, и никто не вправе отобрать его у меня.

— Но он не человек! Не человек, поймите вы!! Я много думал и понял. Это просто оболочка. Так уж устроены эти пришельцы. У них другие органы чувств. Они дышат другой атмосферой. Поэтому вынуждены носить оболочку. Эта оболочка... она почти разумна. Растет вместе с хозяином, развивается... Но оболочка и то, что внутри, — не одно и то же. Оболочка Давида дала сбой, и он не может ходить. Понимаете?

— Так это что же? — недобро прищурившись, проговорила Антония. — Все это время вы учили Давида, разговаривали с ним, улыбались ему, а сами думали только о том, как бы половчее предать его? Хотели якобы устроить его в университет...

— Вовсе нет, вовсе нет! — Горацио вскинул руки, как бы защищаясь от несправедливых упреков. — Не надо обвинять меня во всех смертных грехах. Я действительно хотел устроить его в университет. Что мне еще оставалось делать? Кто бы мне поверил, что Давид — инопланетянин? А в Калифорнийском университете одаренных детей изучают на специальной аппаратуре... Я просто хотел удостовериться...

— Удостовериться? — Антония уже не могла сдерживать клекотавшую в ней холодную ярость. — Удо-

стоверьтесь сначала в том, что вы не инопланетянин, сеньор Горацио. Прощайте! Надеюсь, мы с вами больше не увидимся.

3

«Бежать! Бежать, пока не поздно! — думала Антония, выходя на веранду, чтобы позвать детей в дом. — Куда угодно, только подальше от этого американского гостеприимства!»

Со стороны парка на дом напозала грозовая туча. Порыв ветра едва не свалил Антонию с ног. Где-то оглушительно хлопнула форточка.

— Давид! Присцилла! Кассандра! — закричала Антония.

Но они уже и сами спешили домой, напуганные приближающейся грозой. Запустив детей внутрь, Антония бросила машинальный взгляд на пустырь. И тут она увидела такое... В первое мгновение ей показалось, что это вернулся учитель Горацио. Но он не шел, а летел по воздуху! И вид у него был пугающий: ртутно-зеленый. Приблизившись, он опустился на землю и улыбнулся. По его лицу, золотым очочкам и одежде не спеша ползли сверху вниз горизонтальные ртутные и зеленые полосы. Как помехи на экране цветного телевизора.

— Здрав-ствуй-те, — сердечно проговорил он.

Зубы у него тоже отливали ртутью и зеленью. Он протянул Антонии руку. Немного подержав ее перед собой, спрятал за спину и сказал:

— Где наш, скажите.

Несмотря на сердечность тона, его слова наполнили Антонию необъяснимым ужасом. Может, все дело в манере, в какой они были произнесены, — нарочито сердечной, слишком уж сердечной, чтобы быть искренней, — или в неподвижной, словно приклеенной к лицу улыбке? И вдруг Антония почувствовала, как кто-то грубо и бесцеремонно вторгся в ее сознание, залез в па-

мать и копается там, брезгливо перебирая воспоминания и отбрасывая ненужные в сторону. Это было так же унижительно, как если бы копались в ее белье. Потом чужое присутствие в голове исчезло, так же внезапно, как и появилось.

— Спа-си-бо, — еще более сердечным, почти отеческим голосом проговорил Горацио. Он посмотрел в дом через плечо Антонии и вдруг произнес: — Да-вид. — И повторил быстрее: — Давид. — И опять с расстановкой: — Да-вид. — Как если бы пробовал это слово на вкус.

Антонии хотелось крикнуть: «Нет! Только не Карамелька!» Но вместо этого из перехваченного невидимой рукой горла вырвалось бульканье. И воздух... Воздух вдруг стал густым и вязким, как патока, — ни двинуться, ни пошевелить пальцем.

Горацио расплылся в улыбке.

— Мы не хотим причинить Давиду (Да-ви-ду) зла, — сказал он. Глаза у него были ртутные. — Мы хотим причинить только добро. Ему и себе. Где наш, скажите.

И снова кто-то бесцеремонный принялся настойчиво и дотошно копаться в ее памяти. Закончив досмотр, Горацио вежливо, хотя и несколько монотонно, проговорил:

— Спасибо. Теперь мы знаем. Наш в этом доме. Он забыл, что он наш. Мы должны посоветаться. — И тут же, без малейшей паузы: — Мы посоветались. Мы не можем покинуть Землю без нашего. Но мы можем спасти Давида.

И тут голос вернулся к Антонии — она снова обрела дар речи.

— Не надо! Его не надо спасать! С ним и так все прекрасно!

По глазам Горацио пробежала зеленая полоса.

— С ним не все прекрасно, — сказал он. — Его функции нарушены. Вы не видите. Почему?

Он наклонился к Антонии и почти шепотом, словно доверяя ей величайшую тайну, проговорил:

— Вы не такие, как мы. Совсем не такие. Если не понимаете, скажите.

— Я не понимаю! — с отчаянием выкрикнула Антония.

Горацио улыбнулся.

— Мы объясним, — снисходительно сказал он. — Вы ограничены. У вас нет того, что есть у нас. Мы видим время. Наследуем память родителя. Делаем бесплодное плодным. Мы вкусно пахнем. И мы кувыркаемся. Кувыр-ка-ем-ся, — с сомнением повторил он. Потом сказал решительно: — Мы другие. Внутри. Снаружи мы такие, как вы. Мы можем: любить, плакать, смеяться. Снаружи. Да. Теперь скажите, если не понимаете.

Антония молчала. Горацио терпеливо ждал. Так и не дождавшись ответа, он сказал:

— Давид слишком долго пробыл внутри. Он не развивался, как должен был. Он изменился. Может погибнуть, если не снять. С ним совсем не все прекрасно.

Антония с трудом выговорила:

— Но если вы... если вы снимете... то, что снаружи... что будет с Давидом?

— Он изменится, — просто сказал Горацио. — Станет другим. Станет таким, каким должен быть. Как мы.

— Будет ли он любить, плакать, смеяться?

— Нет.

— Будет ли он хотя бы иногда грустить по дому?

— Нет. Он будет кувыркаться. Кувыр-кать-ся.

— А меня? Будет он помнить меня?

Горацио смотрел слепыми ртутными глазами и сердчно улыбался.

— Скорее, — поторопил он. — Решайте скорее. Через час вы должны решить. Через час. Иначе он умрет.

— Задняя дверь не отпирается, — сообщил Педро, появляясь в коридоре. — Я уж и ножом пробовал, и ломиком... Бесполезно!

— И потолочное оконце, — отозвалась из туалета Розалия. — Дева Мария, ну и мрак там! Будто Конец Света!

— А как насчет подпольного лаза? — крикнул Педро.

— Глухо. — Рубен вышел из кухни, сдирая с себя густую паутину. В руках у него была полная бутылка виски. — Можно подумать, люк землей завалило...

— Превосходно! — истерично расхохотался Папа Артур. — Мы в ловушке. Они обложили нас по полной! — Он сделал винт пальцами, и Рубен с готовностью расплескал по стаканам. — Может, попробовать разобрать крышу, а?

И тут Давид подал голос. Он сидел с девочками перед телевизором. На экране беззвучно скакал Элвис Пресли. Телевизор был обесточен, но работал. Почему-то это никому не казалось странным.

— Не получится, мистер Ковач, — сказал Давид. — Они никого не выпустят.

— А ты почему знаешь, малой? — накинулся на него Папа Артур.

— Они мне сказали.

— Когда это?

— Только что.

— Как они могли тебе что-то сказать, если, кроме нас, никого в доме нет?

Вместо ответа Давид постучал себя по голове.

— И давно ты с ними так разговариваешь? — прищурился Папа Артур.

— Давно. Только раньше я этого не понимал. А теперь понимаю.

— О Господи! — пробормотал Папа Артур. — Женщина, ты слышишь, что говорит твой выкормыш?

— Он еще слишком мал, чтобы верить ему, — испуганно сказала Антония.

— Э, брось, — отмахнулся Папа Артур, — малой знает, что говорит. Это ведь из-за него все заварилось. Отдать им его — и все дела! Представляю, сколько денег они за него отвалят!

— Отдай его им, — поддержала Розалия. — Ну что это, в самом деле, такое? Только начала жизнь налаживаться, а ты хочешь все испортить. Бог послал тебе чудесных, красивых дочерей, — не девочки, загляденье! О них ты подумала? Вот о чем у тебя должна голова болеть. Ну зачем, зачем тебе этот найденыш? Ведь он не человек даже... может, вообще не тварь Божья... — Она осеклась. — Дева Мария!! — Собственные, нечаянно вылетевшие слова так поразили ее, что она размашисто перекрестилась, поцеловала сжатый кулак и с суевренным страхом оглянулась на Давида.

— Говорил же я, не надо было его брать! — провыл с кухни Рубен.

— А не то, — добавила Розалия с угрозой, — они придут и сами его заберут. Скажи ей, Педро!

— Это правда, — кивнул Педро. — Они церемониться не будут. Руби, помнишь День независимости? Вот то-то и оно.

Антония почти не слышала их. «Если я действительно люблю его, — думала она, — я должна желать ему счастья, со мной или без меня. Но я не хочу терять его. Значит, я люблю его для себя? Неужели я предпочту видеть его несчастным, лишь бы он был со мной? Но даже если я оставляю его себе, он все равно умрет! Да, но хотя бы несколько лет он будет со мной. В конце концов мы все умрем и изменимся. В этом нет ничего страшного. Так почему бы не сейчас? Нет! Я не хочу!.. не хочу!.. Да, мы умрем. Но это потом... когда-нибудь... Да, мы изменимся. Изменимся для жизни новой, вечной. Но

это будет жизнь человеческая, жизнь с Господом нашим Иисусом. А какую жизнь дадут ему ОНИ? Жизнь звездного скитальца?..»

— А ты, Давид? — проговорила она с болью в голосе. — Что скажешь ты?

Давид втянул голову в плечи и сказал тоненьким, просительным голоском:

— Ты ведь не обидишься, мамми? Я хочу... хочу летать.

* * *

На этот раз пришелец принял облик Элвиса Пресли. Он появился из мрака в ярком прямоугольном проеме, по периметру которого пробегали веселые разноцветные огоньки. На нем был белый, вышитый разноцветным бисером наряд. На полном лице черные бакенбарды и солнцезащитные очки в широкой пластмассовой оправе, похожие на карнавальную маску. Не хватало только микрофона в руках.

— Хэлло, дорогуша, — приятным баритоном приветствовал он Антонию. — Как делишки? Все клево? — Повернулся к Розалии: — А ты, толстушка? Все ништяк?

Розалия возмущенно фыркнула, но ничего не сказала. Антония подумала: может быть, это какой-то другой пришелец? Слишком уж он не похож на того, первого. И разговаривает гладко...

— Друзья! — бодро воскликнул Элвис, обращаясь ко всем сразу и делая такое движение руками, как будто хотел обнять их. — Я искренне рад, что вы пришли. Прошу вас, проходите. Чувствуйте себя как дома.

— Я никуда не пойду, — резко сказала Антония.

Элвис ослепительно улыбнулся ей, и вдруг все пропало. Исчез светящийся прямоугольник, исчезли Розалия и Педро, исчез Папа Артур, исчез Рубен с Давидом

на руках, исчезли Присцилла с Кассандрой. Свет погас, и Антония осталась одна во мраке.

В следующую секунду светящийся прямоугольник появился снова, как будто открылась дверь в праздничный зал, и из этой двери, в сопровождении улыбающегося Элвиса, выбежали вприпрыжку Присцилла и Кассандра. Казалось, для них прошло гораздо больше времени, чем для Антонии, быть может, несколько часов или суток. И это время пролетело для них не худшим образом. Девочки выглядели счастливыми, они улыбались, в руках у них было по вафельному рожку с мороженым: у Присциллы — с клубничным, у Кассандры — с шоколадным, как раз какое они любили. За девочками из светящегося прямоугольника вышел Рубен с Давидом на руках, почему-то совершенно голым.

Антония подумала растерянно: «Они вернули мне Карамельку? Они вернули его мне?..» Она перевела недоуменный взгляд на пришельца. Он широко улыбался. В черных очках отражались, зажигаясь и медленно угасая, цветные гроздья фейерверков, очевидно гремевших когда-то на концертах поп-идола. Антония даже обернулась невольно, чтобы убедиться, что никто за их спинами не отмечает день рождения или День независимости.

— Мамми! Мамми!! — закричали девчонки, прыгая вокруг Антонии с мороженым в руках. — Давид — лягушка! Он — лягушка! Ты знала? Ты знала, мамми?! Они сделали вот так, а потом вот так, — и из него выпрыгнула лягушка! Она прыгала, вот так, вот так, вот так! Потом дядя Элвис поймал ее и посадил в стеклянную банку. Он сказал, что Давид поведет их корабль. Мамми, ты ведь знала, что Давид — лягушка?

Она, ни слова не понимая, глядела на мужа.

Рубен торопливо выступил вперед и поставил Давида на веранду.

— Вот, — смущенно проговорил он. — Они сказали, теперь он здоров. Они вылечили его. У них страшно развитая медицина. Ты не рада?

Антония не знала, радоваться ей или нет. Ее сын, ее маленький Давид, ее сладкая Карамелька стоял перед ней, живой и здоровый... здоровый! В чем же дело?

Это был не маленький Давид.

Он выглядел совершенно как маленький Давид: то же лицо, те же льняные волосы, те же голубые глаза... И он, наверное, мог любить, плакать, смеяться... Но это был не маленький Давид. От него не исходило аромата. Это был кто угодно, только не ее сладкая Карамелька.

Она снова перевела взгляд на улыбающегося Элвиса.

— Но ведь вы сказали... — пролепетала она. — Значит... вы обманули меня? Вы просто хотели заполнить Давида?

— Да, мы обманули вас, — легко согласился тот. — Нам нужен был наш. У нас есть теперь наш. Мы можем путешествовать среди звезд. Вы счастливы?

В светящемся прямоугольнике обозначилось движение. Элвис предусмотрительно шагнул в сторону, и из проема вывалился Папа Артур. Увидев Антонию, он захохотал, как безумный.

— Смотри, недотрога, я богат! Богат!! — закричал он, потрясая пачками денег; от него пахло виски. — Здесь сто купюр по миллиону долларов каждая. Ты видела когда-нибудь миллионную купюру? Теперь все шлюхи в Сан-Диего мои! Мои!! — Взбрыкнув ногами, он промчался мимо испуганно разлетевшихся в стороны девочек и пропал во мраке.

Из светящегося прямоугольника вышел Педро.

— Держи, одежда твоего сына. — Он сунул тряпки в руки Антонии, а из светящегося прямоугольника уже выплывала, пылая гневом, тучная Розалия.

— Идем, Педро! Милосердие Божие беспредельно, но оно не распространяется на нехристей. Домой! Домой!!

Они тоже сгнули во мраке.

Остались, если не считать улыбающегося Элвиса, только Антония и Рубен, Присцилла и Кассандра. И то, что больше не было маленьким Давидом.

— Хэлло, — приветливо сказал Элвис, пятясь в светящийся прямоугольник, как заправский шоумен, твердо усвоивший, что, уходя со сцены, нельзя поворачиваться спиной к зрителям. — Как поживаете? Надеюсь, все о'кей?

Дождаться ответа он не стал — просто исчез вместе со светящимся прямоугольником.

Пространство вокруг выгнулось дугой. И тут же стало светло, как и положено днем.

Корабль пришельцев поднялся над домами, заскользил над пустырем, забирая с собой грозовую тучу, превратился в крошечное пятнышко — и улетел, весело кувыркаясь в голубом небе.

ЧАСТОТА 100,0 МГц FM

*Ярчайшей из звезд радиозфира,
ФЕЕричной Миле О'Кэге*

же полгода я живу только ожиданием звонка или письма от нее. Хотя знаю, что она не нарушит свое слово.

Поворот рубильника. В помещении включается свет, и одновременно загораются десятки лампочек на синтезаторах частоты. Синтезаторы должны заранее прогреться, чтобы установился стабильный температурный режим. Остальные приборы можно включить и перед самым началом наблюдений. Пусть пока в лаборатории будет потише. А то много тут разной аппаратуры понаставлено.

До прохода пульсара PSR 0329 + 54 через диаграмму направленности радиотелескопа ДКР-1000 в Пушино остается еще полчаса. И дел у меня пока особых нет.

Последние несколько лет практически все время провожу на наблюдениях. Именно провожу, по-другому не скажешь. Раньше из Москвы не так часто выезжал. На самом деле тут все прекрасно без меня обойдутся. А я здесь — скорее для очистки совести. Ведь не бездельничаю, а участвую в эксперименте. Но это просто самообман. Дело в том, что я уже не способен, как раньше, сидеть сутками за письменным столом и рисовать на бумаге бесконечные вереницы формул. Да, на мои работы пока еще ссылаются. В прошлом году неожиданно позвонил какой-то профессор, приехавший из США по делам в Москву. Сам он с Камчатки, но дав-

но перебрался в Штаты. «Мне так хотелось бы с Вами встретиться, ведь Вы же — классик». Это я-то — классик? Самому смешно. Вчера, разбираясь на книжных полках, обнаружил толстенькую книженцию, изданную Институтом космических исследований АН СССР. Про распространение радиоволн в межзвездной плазме и алгоритмах оптимальной обработки регистрируемых сигналов. Это то, чем я раньше занимался. Посмотрел на обложке — кто автор? Оказалось, что я. Как-то совсем тоскливо стало. Уже до частичной потери памяти допился, так получается. Помню, что собирался такую работу написать, даже какие-то черновики набрасывал. А выходит, что все-таки написал и даже до типографии довел. И забыл напрочь об этом... всего-то за семь лет. За те семь лет, что живу один... без Ирины.

У меня уже давно не было ни одной серьезной научной работы. Редкие статейки, где список соавторов иной раз по объему больше самой статьи. «Еще раз к вопросу о возможности уточнения значения производной изменения периода излучения...» Ни на что большее уже не способен.

Вот и остается как-то имитировать научную деятельность постоянным участием в радиоастрономических наблюдениях. Наблюдать можно только ночью — днем сильная радиозасветка неба от тысяч передатчиков. Радиостанции, телетрансляторы, служебная связь. Все небо загадили радишумом. Только по ночам и можно космические источники наблюдать. А ночью-то — все обычно поспать хотят. Поэтому сотрудники только довольны, когда говорю, что опять подежурю один. Ночь — мое время. «Но сейчас ваше время и власть тьмы...» Днем отосплюсь, пока коллеги результаты наблюдений обрабатывать будут.

В помещении никого. Полумрак, только помигивают десятки сигнальных лампочек. Обычно всегда припасую на ночь литровую коробку дешевого вина и пакет апельсинового сока. Нравится мне такой коктейльчик,

пусть на вид он и не очень. Но апельсиновый сок маскирует привкус дешевенького вина. А то приличное, увы, мне теперь не по средствам.

Делать ничего сейчас особо и не надо. Пришел заранее, включил часть аппаратуры на прогрев. Потом, минут за пятнадцать до начала сеанса наблюдения, надо щелкнуть тумблерами еще на нескольких блоках и убедиться, что ни из одного из них дым не пошел. Тут ведь старье все в основном, — результат финансирования науки по остаточному принципу. А потом можно вообще полностью расслабиться, запись начнется и закончится в автоматическом режиме.

Одно время, пока мозги совсем не заплесневели, всю ночь проводил на сайтах знакомств в Интернете. Думал, что еще могу себе девушку найти, а почему бы и нет? С кем-то потом и в реале пересекался. Даже какие-то отношения были, только заканчивались всегда быстро. Причем ведь очень хорошие девушки попадались, ну как на подбор. С одной из них даже пару месяцев встречался. Удивительная девушка, словно из другого мира. В прошлом — известная танцовщица. Теперь — балетмейстер, с чуть ли ни мировой славой. К ней на прием иностранные импресарио за месяц записывались. А она у меня дома пыль многолетнюю с книжек на полках вытирала.

Не помню уже точно момент — время и место, — когда я вдруг все понял. Так со мной нередко бывает, кстати. Когда долго мучает какая-то проблема, иногда даже неделями, месяцами. И вдруг — раз... и видишь ответ. Ничего удивительного тут нет, ведь подсознание упорно прокручивает внутри себя даже те мысли, которые сознание принимать не хочет.

Что увидел? Кусочек правды. Понял, что ищу... точнее, кого. И почему так поверхностны и быстротечны были все мои последние романы. Хотя какие там романы, так — милые рассказы на пару страничек. И главное, мне стала очевидна полная безнадежность поисков.

А дело все в том, что мне нужна та единственная девушка, которая давно осталась в прошлом. И именно поэтому — у меня есть прошлое, но нет настоящего и будущего. Почти машинально иду по жизни вперед. Но с повернутой назад головой.

Удивленно поднятые ресницы, немного застенчивый взгляд светло-серых глаз с маленьким карим пятнышком в одном из них. А ведь тогда она уже была... Звездой.

Поэтому давно забросил все эти сайты знакомств. Сейчас только с одной, совсем молоденькой девушкой переписываюсь, и то скорее по инерции. Люда Адишова. Из какой-то тьмутаракани — то ли Нижневартовск, то ли, наоборот, Верхоянск.

Пару лет назад она написала что-то восторженное по поводу моей анкеты на сайте. Да, интересную анкету для сайта знакомств тогда вполне еще мог наваять. Чтобы и много буковок, и читалось влет. Сейчас, наверное, и на такой подвиг не способен. Вот уже два года мы по ночам переписываемся. Книжки для чтения рекомендовал ей на свой вкус, посылал любимые песенки, что-то рассказывал о том, как живу. Ну и она в ответ писала про свою немудреную жизнь в каком-то бесконечно далеком городишке. Даже обменялись телефонами, но руки все не доходили ей позвонить, хотя и обещал как-нибудь... при случае. Чувствовалось, конечно, что она в меня влюбилась. Впрочем, что значит в меня? В буковки, возникающие в небольшом окошке. Интересный собеседник, не чета ее знакомым... Довольно известный ученый, радиоастроном. И мои старые рассказы ей очень понравились. Было и такое дело раньше — пописывал забавные рассказы под настроение. Когда общаешься со сверстниками, которые не могут соорудить предложение больше чем из двух слов... из которых при этом три будут матерные. То я для нее — как пришелец из иного мира. Поначалу мне это интересно было.словно свежий ветерок подул. Милая наивная девочка... Очень красивая, кстати, — часто присылала

новые фото, так что имел возможность убедиться. А потом уже и к ней стал интерес терять. Почти по инерции переписку еще продолжаю.

Конечно, иной раз бывает так тоскливо, когда поворачиваешь ключ в замке... И знаешь, что никто тебя дома не ждет. Дети выросли, и никому, по сути, в этом мире ты не нужен. И единственное, почти мазохистское развлечение — на даче растапливать баньку своими старыми научными работами. Думаю, еще лет на пять точно хватить должно.

Ладно, хватит рефлексировать. Подключаю второй синтезатор частоты. Сигнал с выхода смесителя — на усилитель с колоночками. Поставлю музыку какую-нибудь на ночь. Тоже красиво, если вдуматься. Использовать уникальную антенную систему с приемниками, охлаждаемыми жидким азотом, чтобы музыку послушать. Правда, обычно эти радиостанции слушать тошноватенько. Сплошная попса и по-кретински веселые диджеи. Обычно просто наугад щелкаю кнопками на синтезаторе, вдруг попаду на какую-нибудь приличную радиостанцию.

— Ваши приемники настроены на частоту ровно сто и ноль десятых мегагерц эфэм. Приветствую на «Соточке», красавцы и красоточки, — раздается в колонках голос очередного такого диджея, — не проходите мимо, в эфире будет — Лима!!!

У меня сразу рвотный позыв, протягиваю руку, чтобы переключить частоту... и тут слышу в эфире Ее голос:

Потерявшийся в ночи... давай немного помолчим.

С тобой послушаем мы вновь... лучшую песню про любовь.

Буквально секундная пауза. Но я уже знаю, что сейчас услышу. Привычные аккорды, знакомые слова. «Так вот, теперь сиди и слушай — он не желал ей зла...» Конечно же, группа «Високосный Год»... «Лучшая песня о любви»:

Какая, в сущности, смешная вышла жизнь.
Хотя что может быть красивее,
Чем сидеть на облаке и, свесив ножки вниз,
Друг друга называть по имени.

Так вот, Ее голос... Похожий голос был только у одной женщины. У Ирины. Она была теле- и радиозвезда. И голосов у нее было несколько, для разных случаев жизни. Когда звонил на телестудию и трубку брала именно она, то каждый раз не узнавал. Этот официально-деловой голос был мне совсем не знаком. Для меня у нее был другой голос... очень милой девочки... удивительной девочки. С той поры прошло уже семь лет. И теперь каждый день, часам к одиннадцати вечера, я должен полностью заправить все свои внутренние емкости различными спиртосодержащими растворами, чтобы тупо не выть волком на Луну...

И тут опять в эфире возникает волшебный голос:

Коль для любви уже ты стар,
То ночью наблюдай пульсар.

На несколько секунд впадаю в полный ступор, когда слышу слово «пульсар». Бывают же такие совпадения. Хотя как-то уж слишком...

Но если ты еще живой,
Послушай музыку со мной.
Что у нас в прошлом — всех не касается...
А наше шоу — пусть продолжается!!!

Как всегда, мурашки по спине. Заранее, еще только от предвкушения чуда. Поскольку опять знаю, какая песня сейчас будет в эфире...

Empty spaces — what are we living for
Abandoned places — I guess we know the score.

Фредди Меркьюри. «The show must go on». Помню, как делал подстрочник для Ирины. Она английский совсем не знала, учила в школе немецкий. Потом как-то

снова его откопал, для этой девочки... для Люды. Наваял ей тогда письмо на пару страниц, объяснял, откуда пошла эта фраза — «Представление должно продолжаться». Девиз бродячих артистов. Представление должно продолжаться всегда... в любую погоду, в любом случае. Ты можешь умереть на сцене, только свою роль все равно обязан доиграть до конца...

Опять в эфире дурацкая реклама... снова тот же ведущий-кретин:

Известно, разумеется, вам всем,
Что вы — на частоте Сто точка ноль эфэм.
На «Сотку» привела тебя планида,
Когда в эфире — фееричная О'Шида!!!

Лима О'Шида была со мной до утра. Именно со мной. Она выбирала мои любимые песни. Упомянула мимоходом какие-то вещи, которые вряд ли могли быть столь значимы для кого-то другого. И этот удивительный голос. На какой-то момент показалось, что в эфире Ирина. Но этого быть не могло. Потому что не могло быть уже никогда. А от последней реплики Лимы в эфире я остолбенел уже надолго:

И жизнь твоя пронзительно пуста...
Ведь только в памяти жива еще доньне
Давно уже угасшая звезда.
Та самая звезда... по имени — ИРИНА.

Лима исчезла из эфира ровно в четыре. И чудо закончилось. Очередной тупой диджей, дурацкая реклама, попса, шансон... обычная для нашего эфира помойка.

Весь следующий день я прожил как в тумане. Хоть и после бессонной ночи, но днем уснуть никак не мог. Лима словно повернула во мне какой-то рычажок; дала возможность посмотреть со стороны на мою нынешнюю жизнь, если это существование можно называть жизнью.

На следующий вечер я пришел в лабораторию на час раньше, чем обычно. Первым делом сразу включил

приемник со вторым синтезатором. И только треск радиопомех в эфире.

Тогда я пробил в Яндексe радиостанцию «Сотка». Ответ — ноль результатов. Радиостанция 100,0 FM — ноль результатов. Лима О'Шида — ноль результатов!!!

Наконец, сообразил посмотреть на шкалу синтезатора частоты. И остолбенел, увидев цифры — 94,73 МГц. Мне стало уже просто плохо...

Быстро надеть наушники с микрофоном — и в Skure. У нас ночь, значит, в Штатах — день. Вызов абонента «Сергей Демиденко». Серега... Выпускник легендарного ФизТеха. Вместе работали когда-то. Я называл его — Маэстро. Потрясающие способности. Пусть по количеству научных работ — со мной и не сравнить. Он мог за пару минут нарисовать на перфокарте формулу, которую я бы выводил неделю. И бросить потом перфокарту в мусорное ведро.

А я аккуратно собирал все свои черновички в папки. Из черновичков — препринтики. Из препринтиков — статьи. Из статей — монографии. «Ну, Вы же — классик...»

Зато в Штатах он за год бизнес наладил. Теперь миллионами ворочает.

Гудки в наушниках... Серега, ну возьми же трубку.

— Привет. Надо же. Какие люди мне так запросто звонят...

— Серега. Есть пара минут? Срочное дело.

— Для тебя всегда есть. Грузи вопросом.

— Может ли сигнал вещательной радиостанции в метровом диапазоне... около 100 мегагерц... перелезть на другую частоту?

— Тебе не лениво такие вопросы задавать? Теоретически может. Сам лучше меня знаешь — это же известный результат. У меня дома даже есть эта статья с автографом автора. «Дуальность частоты-времени при нелинейном преобразовании метровых волн в возмущенной ионосфере». Только ведь это, если не путаю, —

гармоника третьего порядка малости. На простом ресивере не поймает. Вот если в Пушкино. И на ДКР-1000. И со сверхчувствительным приемником. И абсолютно точно настроиться на нужную частоту. То тогда, может, и получится...

Еще не могу понять — почему, но у меня уже холодок в сердце.

— Серега, что за работа? Какого года? Кто автор?

Подозрительно долгая пауза. Интернет опять подвис, что ли? Потом снова голос Сереги в наушниках:

— Знаешь, давай прямо сейчас тебе приглашение сделаю. Попрошу знакомого в посольстве, чтобы с визой не было проблем. Подберем хорошую клинику, сделаем томографию головного мозга, ну и все остальное. Все расходы — за мой счет, не бойсь.

— Серега, что за ахинею ты несешь? Какая клиника, какая томография? При чем тут все это?!

— При том, что это — твоя статья!!!

Быстро прощаюсь, даю отбой в Skype. Мимолетная мысль: да, от алкоголизма томография — лучшее лекарство. Уж рассмешил так рассмешил. Снова лезу в Яндекс. Хорошо хоть свою фамилию еще помню. Нахожу статью. Кидаю на принтер — такой текст сложно воспринимать прямо с экрана монитора.

Пискнул компьютер — новое сообщение. «Вам письмо от Людэ Адишовой». Вот только ее писем мне сейчас не хватало! Открываю сообщение. «Доброго Вам времени суток. А у меня есть новости для Вас)). Вы не поверите...»

И тут теряю контроль над собой. Не прочитав письмо до конца, пишу очень резкий ответ:

«Людэ, извини. Но я просто не вижу никакого смысла в дальнейшей переписке. Мне это не нужно. Мне это не интересно. Найди себе ровесника. И оставь меня в покое».

Отправляю письмо. Заодно удаляю свой профиль на сайте знакомств вместе со всей перепиской за несколь-

ко лет. Пошли вы все... Сейчас в этом мире для меня существует только Лима.

Беру листки с распечатанной статьей. И пытаюсь понять, что там автор... в смысле я... понаписал когда-то.

Если бы это была чужая статья, вряд ли бы смог в ней разобраться. Но в памяти еще что-то осталось. Потом там привычная система обозначения переменных, сам стиль изложения.

Словом, получается такая картина. Если ионосфера находится в аномально возмущенном состоянии, например сильная вспышка на Солнце, то у сигнала, передаваемого радиостанцией, возникают новые гармоники. На другой частоте, но с неизменной фазой. А фаза — это частота, умноженная на время. Частота — ниже, время — соответственно, ушедшее вперед.

А если по-простому, то существует возможность принять сигнал на более низкой частоте, но из опережающего времени. Из Будущего!!!

Тогда я как-то не обратил внимания на такую возможность, поскольку мощность этой новой, побочной гармоники на несколько порядков меньше, чем у сигнала на основной частоте. Но если вы принимаете сигнал не на обычный ресивер. А на километровую антенную систему со сверхчувствительным приемником. То, при значительном возмущении нижних слоев ионосферы, теоретически это возможно.

В состоянии полного ступора откидываюсь в кресле. Получается, что радиостанция «Сотка» и Лима О'Шида еще только будут... навскидку — лет так через пять-семь.

Снова звуковое уведомление о новом письме. Мне сейчас все по барабану, но машинально открываю его. Опять от Люды Адишовой. Достала она уже сегодня!

Не волнуйтесь. Это мое последнее письмо Вам. Никогда... Вы слышите — никогда больше Вам не напишу!!! Я сейчас угаю свой почтовый ящик с Вашим адресом.

Ваш номер из телефонной книжки я уже стерла. И даже выкинула старую сим-карту.

Думала — сегодняшний день будет самым счастливым в моей жизни. Так хотела поделиться с Вами моей радостью. Хотела Вас поблагодарить. А Вы...

Мне сегодня пришло письмо. Месяц назад послала на наш областной конкурс «Ищем новых звезд» диск, который я подготовила. Составила программу... из тех песен, что Вы мне присылали. И сегодня мне пришло приглашение. Стажировка на самом популярном у нас радиоканале.

Я сейчас поклялась себе, что сделаю все возможное и невозможное, чтобы Вы когда-нибудь услышали мой голос в эфире. Раз уж Вы даже ни разу не удосужились мне позвонить, хоть и обещали.

Придумала себе псевдоним для эфира. Запомните его. А еще лучше — запишите. Меня всегда грузья называли не Людой, а Милой. Поэтому сначала решила — пусть будет Мила Агишо.

А потом словно услышала чей-то голос. Все должно быть — наоборот. Раз я начинаю новую жизнь. Совсем другую.

Я буду не Мила Агишо. А Лима О'Шуга!!!

Вы запомнили — Лима О'Шуга?!

Я так Вас любила. А теперь — прощайте навсегда. Слышите — навсегда!!!

Когда-то Ваша Люда.

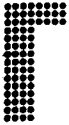
Теперь уже не Ваша Лима.

Уже полгода я живу только ожиданием... Звонка или письма от Лимы. У меня не осталось никаких ее контактов. Хотя знаю, что она не нарушит слово, которое дала себе и мне...

ПРИШЕЛЕЦ

1

 рузно припав на передние колеса, автобус остановился. Писатель с сомнением поглядел в забрызганное окно. За ним по-прежнему было раскисшее поле, отороченное неровной каймой дальнего леса. Над полем толпились тучи. Дождь и не думал прекращаться.

— Ну, — сказал водитель. — Будете выходить?

— Куда? — спросил Писатель. — В поле?

— А мне все равно, — буркнул водитель. — Просили на триста третьем, вот и выходите.

— Помилуйте! — взмолился Писатель. — Здесь же ничего нет! Куда я пойду? Ночь скоро...

— Ну не хотите, как хотите, — пожал плечами водитель. — Поехали дальше, мне без разницы.

Водрузив чемоданчик на свободное сиденье, Писатель со вздохом опустился рядом с ним.

В конце концов, сами виноваты, подумал он. Надо было машину присылать.

В гармошку передней двери отчаянно заколотили.

— Какого хрена! — рявкнул водитель.

— Откройте, — всполошился Писатель. — Это за мной... наверное...

— Давно бы так, — проворчал водитель. — А то только время теряешь тут с вами. А у меня маршрутный лист... премия... взнос за холодильник не плочен...

Гармошка с шипением разошлась. Сначала в салоне показался большой и мокрый сложенный зонт, за-

тем его обладатель — юркий человечек в дождевике. Обежав взглядом полупустой салон, человечек заметил поднявшегося Писателя и радостно растянул узкие бледные губы.

— Это вы?!

— Я, — ответил Писатель. — А вы...

— Помреж Петухов. Иннокентий Иванович.

— Рад знакомству, — отозвался Писатель, пожимая неожиданно крепкую, сухую и даже горячую ладонь Помрежа. — Надеюсь, вы с машиной, а то сами понимаете...

— Не волнуйтесь, доставим в лучшем виде, — пообещал помреж Петухов.

Попрощавшись с водителем автобуса, в нетерпении барабанившим твердыми пальцами по проволочной оплетке руля, они выбрались под дождь. Помреж немедленно распахнул зонт. Огромный черный купол отрезал их от небесных хлябей. Словно раздосадованный этим, дождь усилился. Взревев плохо отрегулированным двигателем и обдав остающихся теплой, густой вонью перегоревшей соляры, автобус припустил в сторону города.

— Ну и куда теперь? — спросил Писатель, повертев крупной головой, украшенной благородными, хотя и преждевременными сединами.

Вопрос не был праздным. По обе стороны дороги раскинулись непролазные черноземные грязи. Кроме давно не отремонтированного асфальтового полотна, единственный признак цивилизации — верстовой столб с размытыми цифрами на жестяной табличке.

— Потерпите немного, — ответил Помреж, шмыгая покрасневшим носом. — Транспорт прибывает с минуты на минуту.

— Ага, — отозвался Писатель, не заметивший никаких намеков на приближение какого-либо транспорта. — А в городе, значит, нельзя было встретиться?

— Ни-ни, ни в коем случае, — замотал залысинами Петухов. — Какая в городе встреча? В городе условия неподходящие.

— А здесь, по-вашему, подходящие... — хмыкнул Писатель, извлекая из внутреннего кармана плаща плоскую фляжку. — Будете?

— А что это? — насторожился Помреж.

— Коньяк. Дагестанский. Три звездочки, — обстоятельно пояснил Писатель, свинчивая пробку.

— Нет, увы, — вздохнул Петухов.

— Что так? Врачи запрещают?

— Не врачи, — сказал Помреж и показал острым подбородком куда-то в сторону леса. — Он.

— Тиран, — констатировал Писатель. — Как хотите, а я не откажусь...

— Вы даже не представляете какой, — проговорил Петухов, провожая запрокинутую фляжку голодными глазами. — Гений. Каждое слово — закон!

— Сухой, — откликнулся Писатель, задумчиво разглядывая сосуд с драгоценной влагой — не проглотить ли еще? — Только на меня он не распространяется.

— Само собой, — покивал Помреж распухшим от насморка носом.

— Так что вы говорили там насчет условий? — продолжил Писатель, убирая фляжку от греха подальше.

— Да, условия, — оживился Петухов. — Вам будет выделен собственный вагончик. Оборудованный, кстати, по последнему слову. Со всеми удобствами. Питание от ресторана. График работы — на ваше усмотрение.

— М-да, условия, что и говорить, льготные, — сказал Писатель. — Как насчет развлечений? Карты, женщины, веселые застолья... Ах да, у вас же сухой закон... Ну а остальное?

Помреж Петухов смотрел на него с недоумением и осуждением. С недоумевающим осуждением и с осуждающим недоумением. Эка их поприжало, подумал Писатель, даже шуток не понимают.

— Ладно, — отмахнулся он. — Я пошутил. Но в город-то можно будет наведываться?

— Нет, товарищ Писатель, — официальным тоном изрек Помреж. — Совершенно исключено. Работать будем круглые сутки. Время поджигает.

— Поджигает, — проворчал Писатель, невольно копируя интонацию давешнего шофера. — А обещанного транспорта, между тем, не видно и не слышно. У меня, к вашему сведению, ботиночки городские, для здешних грязей не приспособленные.

— Действительно, — сказал Помреж, уставившись на замызганные носы писательских ботинок. — Как ни странно... — непонятно к чему добавил он и, отвернувшись, несколько раз со всхлипом хрюкнул в лацкан воротника. — Извините. Они сейчас будут.

— Зря вы отказались от коньяку, — смягчился Писатель. — От простуды самое оно...

Петухов только развел руками. Его собеседник обвел тоскливым взором окрестности. Уходящая в дождящую мглу дорога была пустынна в обе стороны. Зато над зубчатой кромкой леса показался размытый силуэт летательного аппарата. Надо же, подумал Писатель, и вертолет у них есть! Что же, не могли на станцию его прислать? Два часа пришлось трястись в раздрызганном «ЛиАЗе»...

— О, вот и они!.. Сюда! Сюда!

Помреж сунул Писателю зонт, а сам принялся подпрыгивать и размахивать руками, как будто боялся, что легчик их не заметит. Вертолет придвинулся, и сразу стал слышен гул рассекающих дождь лопастей. Правда, самих винтов видно не было. Да и внешние обводы вертолета не вызвали у Писателя никаких ассоциаций. Налетел тугой, горячий ветер. Зонт в руках Писателя забился как птица, жаждущая свободы. Писатель попытался сложить его, но у него ничего не получилось.

— Ах, вы не умеете! — прокричал Петухов. — Дайте сюда!

Писатель с удовольствием вернул ему диковинную конструкцию. Очутившись в хозяйских руках, зонт словно бы сложился сам собою.

Все по последнему слову, припомнил Писатель.

Вертолет черной тучкой приник к дороге в нескольких десятках метров от них. Гул смолк сразу, без всякого перехода. Горячий ветер иссяк. Снова зашелестел по асфальту нескончаемый дождь. Писатель натянул капюшон, отмахнувшись от услужливо предложенного зонта. Ему не терпелось оказаться внутри вертолета. Петухов побежал вперед. У гладкого, будто полированного вертолетного борта, где незаметно отверзлась полукруглая дверка, он остановился и поманил Писателя.

— Чудная машина, — сказал тот, приблизившись. — Никогда такой не видел. Где раздобыли?

— У Самого обширные связи, — ответил Помреж. — На самом деле это обыкновенный Ми-2, только задекорированный... Не спешите удивляться, вы еще и не такое увидите.

— Звучит заманчиво, — пробормотал Писатель, забираясь в салон.

2

Дождь прекратился, но на смену ему пришел туман. Он поднялся с черных, безжизненных болот, бывших когда-то очистными прудами, протек сквозь остовы корпусов, переплетения трубопроводов и скопился между помятыми тушами газгольдеров. Лозовский и не заметил, как оказался по пояс в невесомой молочной реке. Силуэт вертолета расплылся в нем как чернильная капля. Размышляя, не стоит ли повернуть назад, Лозовский продолжал путь. Его вдруг охватило подзабытое ощущение прикосновения к тайне. Он почувствовал себя следопытом, траппером, отчаянным сорванцом Сталки, которому неведомы преграды. Неизвестность манила Лозовского как мальчишку, и он с замиранием

ем сердца подошел к распахнутым воротам то ли цеха, то ли депо, куда уводили красные нити заржавленных рельс. И почти не удивился, когда навстречу ему, деловито стрекоча, выбежал Пришелец.

Перебирая суставчатыми лапами, Пришелец обогнул человека и сгинул в тумане. Лозовский по инерции сделал еще несколько шагов и оказался в непроглядной темноте за воротами то ли депо, то ли цеха. И только в этой кромешной тьме его осенила догадка — такого реквизита он еще не видел! Ну, комбинированные съемки, ну, мультипликация, наконец, но чтобы полноценный самостоятельный механизм? Кибер, мать его за все ноги... Да за такой реквизит Нобелевку надо давать! Двигается, сохраняет равновесие, различает препятствия и мгновенно на них реагирует. И все это запихнуто в плоскую тарелку корпуса диаметром чуть больше суповой...

Нет, что ни говори, а Он — гений! А гению свойственно находиться в окружении себе подобных. Наверняка откопал где-нибудь в Бауманке или в Академгородке непризнанного пророка от кибернетики и отвалил щедрое финансирование. А что, похоже на правду... Сначала этот чудный самоскладывающийся зонт, затем «Черный Вертолет»,двигающийся так, словно закон всемирного тяготения был если не отменен окончательно, то уж точно возвращен на доработку. Теперь вот Пришелец... На свете много есть вещей, мой друг Горацио, что и не снились вашим мудре... Батюшки светы!

В цеху — или все-таки в депо? — оказалось не столь уж и беспросветно. Тусклый серенький свет ненастного дня пробивался сквозь проломы в кровле, и его было вполне достаточно, чтобы разглядеть покоящийся здесь космический корабль. Сам не зная почему, но Лозовский сразу понял, что перед ним именно корабль, а не причудливые останки заводского оборудования. Грибообразная громада его нависала над Лозовским, опи-

раясь на три опоры, одна из которых возвышалась почти сразу у входа, а две другие терялись в сумраке. Даже рассеянного дневного света хватало, чтобы понять — корабль поврежден, или, по крайней мере, разобран. Та часть корпуса, что находилась над головой Лозовского, чернела провалами неправильной формы. И в этих провалах что-то копошилось и вспыхивало ослепительными рядами.

Задрал голову до ломоты в затылке, Лозовский вглядывался в это копошение и вспыхивание, пока перед глазами не поплыли бело-голубые пятна. Лозовский пошатнулся, рука его машинально нашарила «посадочную ногу». На ощупь она оказалась теплой и гладкой, и опереться на нее было нелегко, ладонь соскальзывала. Лозовскому почудилось, что «ногу» эту пронизывает мелкая вибрация, больше похожая на дрожь живого тела. Впрочем, колени самого Лозовского дрожали сильнее. Не в силах сделать ни шага, он опустился на корточки, потерял равновесие и вынужден был упереться в пол обеими руками. В этой позе его и застал Пришелец. Он остановился неподалеку, переминаясь на восьми паучьих лапах и отчаянно стрекоча. Лозовский почувствовал, как кровь приливает к лицу.

Боже мой, подумал он, какой стыд! Стоять перед инозвездным пришельцем на четвереньках, как животное. Что он обо мне подумает? Да не обо мне — о всех нас! Или это все-таки реквизит? Творение неведомого гения. А корабль — тоже?.. И ведь как удачно сделано, прямо по написанному... Рассказать кому, не поверят...

Мысли путались, а голова кружилась все сильнее, до тошноты. Но Лозовский собрал волю в кулак и обрел свойственное высшим приматам прямохождение. Вернее, пока только прямостояние. Теперь он возвышался над малорослым Пришельцем, как и полагается Человеку, с гордо поднятой головой. Хотя с этим были большие проблемы, голова не желала гордо подниматься, а тело в любую секунду могло утратить вертикальное положение.

ние. Лозовского шатало как пьяного. А может, он и был пьян? Наклюкался, как зюзя, принесенной помрежем Петуховым водки, и все эти междупланетные чудеса привиделись ему в алкогольном дурмане. Очень похоже на правду... Пришельцы... Какие могут быть Пришельцы у нас, в глубоком Черноземье? Ну Антарктида, ну Уганда, ну на худой конец Восточная Сибирь... Но не здесь же, где полным-полно больших и малых городов и весей? Да и как попал сей космический мухомор внутрь этого то ли ангара, то ли цеха? Крышу для него разобрали, что ли? А потом собрали заново, оставив прорехи для маскировки...

«Хотя что я знаю о Пришельцах? — подумал Лозовский, отчаянно сражаясь с дурнотой. — Только то, что мы придумали с my brother... Ну да, это домыслы. Умозаключения на основе общих мест в философии... Высокоразвитая цивилизация, создавшая совершенные кибернетические механизмы и разославшая их по Вселенной в поисках братьев по разуму... Вот, собственно, и все...»

Вяло помахивая руками, дабы сохранить равновесие, Лозовский двинулся к выходу. Ему не хотелось сейчас ничего: ни тайн, ни приключений, ни инозвездных Пришельцев. Ему хотелось очутиться сейчас в вагончике, а еще лучше в своей московской квартире. Лечь на диван и позвать Леля, чтобы ткнулся влажным носом в щеку, сочувственно вздыхая и поскуливая... Бродяга...

С трудом, будто резиновые ходули, переставляя подгибающиеся ноги, Лозовский выбрался наружу. Сырой воздух, втянутый сквозь стиснутые зубы, показался ему таким сладким, словно он — Лозовский — провел не несколько минут в просторном ангаре, а — вечность в тесных вместилищах корабля Пришельцев, не рассчитанных на пребывание земного воздуходышащего существа. И здесь силы оставили его...

— Стоп!

Громоподобный возглас Режиссера разрушил иллюзию. Лозовский... нет, уже снова Писатель очнулся и увидел, что загадочный ангар лишь часть декорации. Как и корабль Пришельцев, впрочем. Юпитеры, слепящими пятнами подсвечивающие площадку, померкли. Кто-то из ассистентов Главного оператора включил «ветродуй». Клочья искусственного тумана расточились по окрестностям.

— Ну как же так, товарищ Писатель! — запричитал помреж Петухов, подскакивая и беря его за локоть. — Разве ж можно так себя вести? Вы же по сценарию должны были броситься от Пришельца куда глаза глядят, а вместо этого зачем-то поперлись в ангар.

— Да потому что ерунда написана в этом вашем сценарии, — огрызнулся Писатель. — С какого это прибабаха Лозовский побежит от Пришельца? Он же ученый, а не бухгалтер!

— Па-азвольте! — протянул Петухов. — Вы сценарий читали? Читали. Возражений по существу у вас не было? Не было. Так что же вы теперь?..

— Ну читал, — согласился Писатель. — Ну не было у меня возражений. В конце концов, сценарий писался не нами. Мы с братом в это дело не вмешивались, считая, что Режиссеру виднее — это Его фильм!

— Правильно! — обрадовался Помреж. — Ему виднее. Тогда какого черта вы тут самодеятельность устраиваете?

— А такого! — взъярился Писатель. — Что одно дело на бумаге, а другое — на экране! Бумага все стерпит. А на экране все должно выглядеть достоверно. В том числе и психологически. Вы вот пригласили меня играть Лозовского, хотя знали, что никакой я не актер, но работу я привык выполнять честно, не халтуря... Поймите вы, Иннокентий Иванович, не могу я играть обывателя, который со всех ног улепетывает от Пришельцев! Не могу и не хочу изображать труса, которого инозвездные киберы тащат под белы ручки в свой звездолет,

а он — Лозовский то есть — визжит и отбрыкивается!
Не могу, не хочу и не буду!

— Ладно, — вдруг согласился Петухов. — Вот сейчас подойдите к Нему и скажите все это! Я что, я человек маленький!

— А вот пойду и скажу! — отозвался Писатель. — В конце концов, должен же Он учитывать мнение исполнителя главной роли или нет?

Помреж усмехнулся.

— Идите, идите! Он вам сейчас быстренько объяснит, кто, чего и кому должен. А после приходите ко мне в вагончик. Зальем горе! Все равно сегодня нам уже не снимать...

— Почему это?

— А... сейчас снова зарядит...

— Пойдите, — спохватился Писатель. — Как это зальем? Вы же блюдете сухой закон.

— Надоело, — буркнул Петухов. — Что я, рыжий? Вы тут все гении, вам все можно. А я человек маленький, мне бы урвать свою долю простых радостей.

— Ох, смотрите, Иннокентий Иванович, кабы Он вас не того, по статье...

— Да, пожалуй, не стоит, — вздохнул Помреж. — А то вон Он, уже зыркает в нашу сторону.

3

Из-за непрекращающегося дождя съемки шли ни шатко, ни валко. У осветителей все время где-то замыкало, юпитеры гасли в самый ответственный момент. Главный оператор скорбел о загубленных дублях. Наконец, работа совсем остановилась. Исполнитель главной роли засел у себя в вагончике. Ему было скучно, хотелось поскорее вернуться домой, к семье, к собаке, к неоконченной рукописи.

«Какого черта я торчу тут вторую неделю? — спрашивал он себя. — Что, они без меня бы не обошлись?..»

Ведь обходились же, когда уродовали фабулу. За каким, спрашивается, бесом понадобилось перенести место действия из солнечного Чуркестана в это непролазное Черноземье?.. Грелся бы сейчас на солнышке, лопал бы плов и сыто отдувался... Нет, положим, купаты здешние тоже неплохи, да и простая картошечка, когда она рассыпчатая, с жареным лучком да под водочку...»

От таких мыслей сразу захотелось пожрать. А еще сильнее — выпить. И даже не выпить, а — принять. На грудь. Грамм триста. И обязательно коньяку. Собственный, Писателя, коньяк иссяк давно, в первый же день. Другого было не достать. Порой помреж Петухов принесил бутылку водки. Украдкой совал ее Писателю, оглядываясь на дверь: вдруг войдет Сам?!

Случалось, входил. Худой, нервный, смотрящий поверх голов. На ужимки и прыжки своего помощника он не обращал ни малейшего внимания. Входил и с ходу начинал говорить. Вернее, не начинал, а продолжал один и тот же бесконечный монолог, в котором причудливо переплетались неприятности с погодой и со съемками, предложения очередных поправок в сценарии и рассуждения о глубинной сущности искусства, воспоминания о других киноэкспедициях и впечатления о прочитанных книгах. О чем бы он ни говорил, мысли его были изящны и парадоксальны, наблюдения остроумны, замечания убийственно точны. Иногда Писатель рядом с ним чувствовал себя мальчишкой, хотя и был старше лет на десять. И от этого ему еще сильнее хотелось принять, и даже не принять, а — выжрать. стакан водки. И без закуски.

Но сегодня водки не было. А обед запаздывал. «Питание от ресторана» привозили не на «Черном Вертолете», а на обыкновенном «козле», который, невзирая на хваленые свои вездеходные качества, регулярно буксовал на переправе через местную речку-вонючку, разбухшую от дождей.

В дверь постучали.

— Не заперто, — буркнул Писатель.

Он очень сильно надеялся, что это официант из ресторана или на худой конец Петухов, доставший водку. Но это оказался Сам. Писатель посмотрел на него с собачей тоской. Неужто опять начнет читать свои проповеди? Вместо того чтобы принести жратвы. Ну и выпивки, конечно. Куда ж без этого, в такую-то мокреть?..

— Скучаете? — спросил Режиссер.

Писатель пожал плечами.

— Сыро тут у вас, — сказал он. — Все время выпить хочется. А вам?

— Мне — нет, — покачал головой Режиссер. — Мне никогда не хочется выпить.

— Так уж и никогда? — усомнился Писатель.

— Представьте себе. И вам не советую. Во всяком случае, сегодня.

— А что, сегодня постный день? — поинтересовался Писатель, не скрывая раздражения.

— Я хочу с вами поговорить, — ответил Режиссер, как всегда не реагируя на тон собеседника. — Раз уж снимать нельзя...

Только после того, как мне дадут пожрать, хотел сказать Писатель, но вслух спросил:

— О чем, если не секрет?

— О том, как мы будем снимать эпизод возвращения Лозовского...

— Вы босс — вам виднее, — брякнул Писатель.

— Угу, — согласился Режиссер. — Мне виднее... Правда, поразмыслив, я пришел к выводу, что ваша трактовка роли ближе к жизни. Ведь Лозовский настоящий ученый, хотя наука его, археология, казалось бы, не имеет ничего общего с Космосом. Он не бежит от неизведанного, а смело идет ему навстречу. Иные миры, иной разум — это, пожалуй, будет пограндиознее культуры древних согдов! Верно я говорю?

Писатель пожал плечами, дескать, к чему вся эта тривиальщина.

— Вижу, вы не очень-то расположены вести возвышенные разговоры на голодный желудок, — усмехнулся Режиссер.

— Угадали. И выпить тоже.

— Сочувствую, но придется потерпеть, — сказал Режиссер. — Кстати, по имеющимся у меня сведениям, «газик» с обедом уже на подходе. Так что уделите мне еще с полчаса. Мне нужно выговориться. Это со мною всегда так перед съемками. Пока не сформулирую вслух некоторые положения — не могу работать. И желательно, чтобы собеседник был не просто умный, а способный выйти из плоскости обыденных представлений.

— Вы мне льстите, — хохотнул польщенный Писатель. — Однако извольте. Полчасика я еще выдержу. Но с уговором!

— Готов на любые уступки, — откликнулся Режиссер.

— Ловлю на слове! — обрадовался Писатель. — А условие мое таково: после нашего разговора вы разрешите мне выпить! И не только мне, но и Иннокентию Ивановичу. А то совсем затуркали человека. Я же вижу, он вкалывает, как проклятый, а ему даже капелюшечки нельзя принять для профилактики оэзрэ! Каковая совершенно необходима при такой сырости.

4

— Все вы врете, Иннокентий Иванович, — пробормотал Писатель, отдышавшись и выглядывая, чем бы закусить. — Корабль вы тут прячете, космический, инопланетный... Думаете, я не понимаю зачем?.. Прекрасно понимаю... Авария случилась, пришлось прятать в развалинах, ремонтировать... А киносъемку затеяли для отвода глаз... Каково? Видите, одной голой логикой допер...

— Да господь с вами! — ужаснулся Петухов, разливая по новой. — Это у вас галлюцинации на почве пьянства.

— Нет, — покачал седеющей головой Писатель. — Вы лучше послушайте, что мне давеча наговорил наш Гений. Я вот даже записал...

Писатель порывлся в тумбочке и извлек «Общую тетрадь» в липкой коричневой обложке.

— Вот, пожалуй, отсюда: «...Конечно, человек овладеет Вселенной, но это будет не краснощекий богатырь с мышцами, и, конечно, человек справится с самим собой, но только сначала он изменит себя... Природа не обманывает, она выполняет свои обещания, но не так, как мы думали, и зачастую не так, как нам хотелось бы... Поэтому нет и не может быть сверхцивилизаций, ибо под сверхцивилизацией мы подразумеваем именно разум, развившийся до такой степени, что он уже преодолевает закон неубывания энтропии в космических масштабах. И то, что происходит сейчас с нами, есть не что иное, как первые реакции Мироздания на угрозу превращения человечества в сверхцивилизацию... Разум есть сложный инстинкт, не успевший еще сформироваться. Имеется в виду, что инстинктивная деятельность всегда целесообразна и естественна. Пройдет миллион лет, инстинкт сформируется, и мы перестанем совершать ошибки, которые, вероятно, являются неотъемлемым свойством разума... Он дарует неисчислимое количество новых граней восприятия мира, а это ведет к неимоверному увеличению количества и, главное, качества доступной к поглощению информации, что, в свою очередь, приводит к уменьшению страданий до минимума и к увеличению радости до максимума. Понятие «дом» расширяется до масштабов Вселенной...» Ну, и так далее...

— Занятно, — проговорил Помреж. — Он именно так все и говорил?

— Ну, может, не совсем этими словами, — пожал широкими плечами Писатель, — но смысл я передал верно.

— И что вы по поводу всего этого думаете? Как фантаст.

— Я думаю, что Режиссер наш — самый настоящий Инозвездный Пришелец! — сказал Писатель.

— Вот те раз! — ахнул Петухов. — Я думал, вы мне чего-нибудь посвежее поведаете.

— А ждать от фантаста каких-нибудь нетривиальных идей — это, по-вашему, свежо? — спросил Писатель, опрокидывая в себя следующую порцию «Столичной». — Каждый кретин норовит глубокомысленно поинтересоваться: «А что там нас ожидает, за горизонтом? Вы же фантаст, тудыть вас растудыть, обязаны знать!» А я ничего и никому не обязан! Понятно вам?

— Понятно, — согласился Помреж. — Чего уж тут не понять. Я просто хотел напомнить вам биографию вашего «Инозвездного Пришельца». В отличие, например, от меня, круглого сироты, Режиссер наш сын известных родителей. А уж насколько он сам известен, не мне вам говорить. Уже первый его фильм «Селиваново отрочество» произвел настоящий фурор. За ним были «Страсти по Феофану», сначала запрещенные сверху, а потом сверху же признанные шедевром советской кинематографии. Первый же его фантастический фильм «Эдем», по роману пана нашего Лема, получил все мыслимые международные и отечественные премии. Поговаривают даже, что фильм удостоился специальной премии Ватикана «За божественное начало», но, скорее всего, это утка. И вот теперь Он взялся за вашу с братом повесть «Извне». И уверяю вас, сделает из этой, простите за откровенность, проходной вещи конфетку.

— Дай-то бог, — буркнул Писатель. — Сделает — верю! Особенно если заменит исполнителя главной роли.

— А вот это вы напрасно, — огорчился Петухов. — У вас неплохо выходит. Особенно когда вы перестали действовать по сценарию.

— Давеча вы мне толковали совсем иное.

— Толковал, не отрицаю, — кивнул Помреж. — По долгу службы, так сказать. Уверяю вас, что подобное не повторится.

— Не уверяйте, — покачал сединами Писатель. — Сделает гений ваш втык вам за мою самодеятельность, вы и запоете: «Разве ж так можно, товарищ Писатель? Да кто вам дал право...»

— Не запою, — сказал Петухов. — Давайте-ка по последней... На посошок, товарищ Писатель. Я ведь, собственно, прощаться приходил...

— Как это — прощаться?! — вскинулся Писатель. — Вы что же, покидаете нас, Иннокентий Иванович?

— Да, покидаю, — подтвердил Помреж. — Дело я свое сделал. Съемочный процесс наладил, реквизитом обеспечил... Кстати, как вам понравился наш реквизит?

— Высший класс! — ответствовал Писатель. — И где это только вы его раздобыли?

— Места знать надо, — ухмыльнулся Петухов.

— Ага, — проговорил Писатель. — Значит, это не у Него обширные связи, а у вас?

— Можно сказать и так, — согласился Помреж, решительно утверждая опустевший стакан среди тарелок с ресторанной закуской, словно ставя твердую точку. — Ну, мне пора. Не поминайте лихом!

— Куда же вы теперь?

— Найдется куда. Вселенная велика...

— А зонт? Зонт забыли, — подскочил Писатель. Его изрядно пошатывало.

Помощник режиссера Иннокентий Иванович Петухов обернулся в дверях.

— Оставьте его у себя, — сказал он. — На память.

Захлопнув за собой дверь вагончика, Петухов вышел в сгустившиеся сумерки под проливной дождь. Подняв воротник плаща, Помреж неспешно пересек съемочную площадку, где под брезентом громоздилось оборудование и реквизит. Приподняв край брезента, он хрюкнул в прикрепленный к лацкану воротника коммуникатор кодовый сигнал и пошел прочь. У газгольдеров его догнал Пришелец и, радостно стрекоча, засеменял рядом, словно воспитанная собака после команды «к ноге». Помрежу не надо было задирать голову, чтобы убедиться, что «Черный Вертолет» бесшумно, будто призрак, проплывает сейчас в сторону леса, где притаился готовый к старту Корабль.

Домой, домой... Делать здесь больше нечего. Во всяком случае, пока нечего. Зерно истины заронено, а остальное сделает время. Время и эти люди — гении, желающие странного. У них достаточно ума, и таланта, и такта, чтобы исподволь подготовить своих соплеменников к неизбежному...

Когда бывший помощник режиссера приблизился к своему Кораблю, в облике его почти не осталось человеческого. Разве что одежда, нелепо выглядывшая на существе, чья эволюционная родословная восходила скорее к высшим артроподам, нежели к хордовым. Впрочем, в родном мире Пришельца была принята иная классификация жизни.

Перемахнув через край люка, Пришелец скомандовал Кораблю старт.

БОКОВОЙ ОТСКОК

вгений, очнитесь! Только не волнуйтесь, иначе мы вас потеряем.

«Ничего себе пробуждение!» — подумал лежавший на столе пациент, перед тем как открыть глаза.

Открыл...

— А-а-а! — он заорал и попытался вскочить.

Не тут-то было — шея, конечности и хвост похожего на крупную ящерицу существа были надежно зафиксированы кожаными ремешками.

— Мы же вас просили, — мягко попеняли ему.

— Что за шутки? Кто вы? Почему я привязан? Куда подевалась моя квартира?

Пустая комната с голубыми стенами и потолком разительно отличалась от привычной обстановки жилища пациента.

— Успокойтесь, пожалуйста, иначе мы не отвечаем за последствия.

«Кто это — мы?» — Евгений никого не видел. Через несколько секунд он нашел в себе силы заговорить:

— Хорошо, я почти спокоен. Что, черт побери, происходит?!

— Отвечаю по порядку. Первое — это не шутки. Второе — мы реанцы, хотя это вам мало что скажет. Третье — привязаны вы, чтобы без повреждений пройти адаптационный период после операции. Последнее —

квартира осталась на прежнем месте, но очень далеко отсюда.

— Какая операция?!

— По пересадке сознания из одного тела в другое.

— Что?! Какое сознание? Вы издеваетесь?

— Еще раз успокойтесь. Сейчас мы вам все покажем. Готовы?

— К чему?

— Увидеть себя в зеркале.

Раздался щелчок, и потолок стал зеркальным.

— А-а-а-а!!!

Любой человек, увидев вместо своего отражения огромную зубастую ящерицу, заорал бы еще громче. Может быть, даже в обморок грохнулся. Евгений оказался крепким малым — у него довольно быстро сработал главный стрессовый предохранитель: «мне все это снится». И поскольку ущипнуть себя он пока не мог, то решил не прерывать видения и понаблюдать со стороны за дальнейшим развитием событий. По крайней мере, будет потом о чем рассказать приятелям и подружкам — не каждый же день такая муть снится.

— Эй, там, на столе! Вы еще здесь? — Когда он резко замолчал, невидимые собеседники заволновались.

— А куда я денусь с подводной лодки? Вы мне вот что скажите — в чем смысл этой операции? — слегка оправившись от шока, человек решил взять нить разговора в свои руки.

Он вдруг понял, что беседа ведется не на русском языке. Какая-то какофония из щелкающих звуков, которую и людской речью назвать нельзя, но которую он прекрасно понимает, да и сам говорит не хуже невидимых незнакомцев.

— Нам потребовалась личность, способная устоять против самых изощренных женских чар.

— А я тут при чем? Девушки, наоборот, моя слабость.

— Даже те, кто стремится выйти за вас замуж?

Пациент ненадолго задумался.

— В мире существует лишь одна вещь, которая приятнее самой красивой дамочки, — моя личная свобода.

Действительно, несмотря на свои пятьдесят с небольшим, Евгений до сих пор оставался холостяком и считался завидным женихом. Женщины частенько посещали его дом, но на ночь оставались лишь те, кто не помышлял о более прочных узах. Если же он ловил взгляд хищницы, вознамерившейся его окольцевать, сразу предпринимал самые жесткие меры. Несколько попыток заарканить «жеребца» потерпели фиаско благодаря его невероятной изворотливости.

— Именно эта черта вашего характера нам требуется.

— Не понял...

— Парень, в теле которого вы сейчас находитесь, попал в сложную ситуацию. Его зовут Руген, и вам следует привыкать к этому имени.

— Странно, я почему-то его знаю...

— Ничего странного. Личность Ругена сейчас задвинута на второй план, вы полностью владеете его памятью.

— Забавно! А что он натворил?

— Оказался заперт в одном помещении с леди Кирсель.

— На целую ночь? А, ну да!.. — чужая память выдала землянину картинку недавнего прошлого. — Погодите, но у него с ней ничего не было. Он что-то выпил и проспал до утра, пока не пришла горничная.

Несколько дней назад Руген собирал друзей. В суматохе шумной вечеринки парень не заметил, как в дом проникла незваная гостья. Разошлись за полночь. Судя по опустевшей вешалке в прихожей, никто не должен был остаться. Хозяин спокойно запер дверь, но, добравшись до спальни, обнаружил малоприятный сюрприз.

— Леди утверждает, что парень ее соблазнил, и готова доказать это на суде открытой любви.

— Секс на глазах у присяжных?! Бр-р! Дикие у вас нравы! — чужие воспоминания уже воспринимались Евгением как собственные. — А зачем ей это надо?

— Руген недавно получил довольно крупное наследство. Если Кирсель выиграет дело, деньги перейдут к ней.

«Как, и здесь то же самое?! Через секс к богатству?»

— Может, вы меня уже развяжете? Да поговорим по-нашему, по-реански.

Стол опустился, ремешки соскользнули вниз, и пленник сел, опираясь на хвост. В это время в стене образовался проем, и оттуда появились три особи. Одна из них имела шикарный двухслойный воротничок, обрамлявший ее короткую шею.

«Красавица! — подумал Евгений. — И сестра этого тела».

Когда самка садилась на пол, верхний слой воротника колыхнулся, приоткрыв нижнюю розовую часть. Сердце только что освобожденного ящера забилось быстрее.

«Вероятно, эквивалент женской груди», — отметило человеческое сознание.

— Стеркаль попросила нас оказать ей помощь в этом деликатном деле, — сообщил ее спутник с серебристым рисунком на голове.

Второй самец имел четыре черные полосы на продолговатом черепе. Сведений ни о первом, ни о втором память Ругена не обнаружила.

— Неужели вы не могли найти подходящую личность у себя? — удивился землянин.

— Этого категорически нельзя делать. В процессе пересадки произойдет необратимое замещение, и сознание Ругена погибнет.

— А мое?

— Земляне слишком отличаются от нас. Их сознание не сможет долго ужиться с новым для себя телом, поэтому полного замещения не произойдет.

— А как вы вообще меня отыскали?

— По вашему Интернету. Ключевые слова: «бабник», «коварный соблазнитель», «негодяй» и «сволочь последняя». С вашим именем они встречались чаще всего.

— Не может быть!

— Все точно. За три дня, что мы гостили на Земле...

— Интересно, кто вас приглашал? — перебил собеседника Евгений.

Самка коснулась соплеменника верхней конечностью.

— Извините, не могу вам сказать, — поспешно ответил он. — К тому же не это сейчас важно.

«Ну да, меня они тоже вроде как в гости пригласили. По-руански: согласия никто не спрашивает и сбежать невозможно. Даже если удастся домой добраться, в ТАКОМ виде теплый прием можно ожидать лишь в зоопарке. Или в лаборатории рядом с подопытными кроликами», — с грустью подумал Евгений.

— Согласен. Так что вы говорили о неполном замещении сознания?

— Через двадцать дней личность Ругена восстановится в полном объеме даже без нашего вмешательства.

«Побег отменяется однозначно!» — отметил про себя «гость».

— То есть проблему нужно решить за две недели. А если не получится?

— Должно получиться, — отрезал полосатик.

— Дело в том, — наконец заговорила самка, — что сейчас на все счета Ругена наложен арест. Если вы проиграете, мы не получим к ним доступа, а без денег не сможем добраться до Земли и вернуть ваше сознание обратно.

— Мое тело не здесь?!

— Нет.

— Еще лучше! И как здесь с правами бестелесных личностей?

— Нельзя ни словом, ни намеком дать понять, что вы не Руген. Чужую личность сразу изгонят из тела.

— Меня убьют?

— Да.

Жгучее желание ущипнуть себя и проснуться было остановлено беглым взглядом на собственные коготки. Такими только шкурку дырявить до костей, но лучше чужую.

Самовнушение — мне это снится — рассыпалось, как карточный домик, но свою задачу оно выполнило. Теперь Евгений ухватился за другой спасательный круг. В подобной ситуации проще убедить себя, что этот кошмар происходит не с тобой, нежели в него поверить. И землянин поспешил занять позицию стороннего наблюдателя.

— Нормально!.. Может, мне опять заорать?

— Не стоит, — сказала дамочка. — Предлагаю потратить наше время более плодотворно: заняться подготовкой к завтрашнему суду.

— Как?! Уже завтра?

— Да.

— Лучше бы это случилось вчера, — вздохнул псевдо-Руген.

— Мой брат очень молод и вряд ли сумеет устоять против настоящего обольщения. Вы, насколько мне объяснили господа ученые, имеете большой опыт, но не знаете некоторых местных тонкостей. Сейчас я буду их демонстрировать. Итак, первое — походка.

«Я тут вообще ничего не знаю! Это ж надо было додуматься — человека ящерицей соблазнять! Да меня от одного их вида дрожь берет...» — размышлял Евгений, даже не заметив, что его взгляд намертво прикипел к самке.

Она направилась к стене. Никаких зазывных покачиваний бедрами, как у земных красоток, однако движения верхней части тела, легкие, едва уловимые наклоны головы и подрагивание хвоста вдруг вызвали у самца перебои с дыханием. Когда Стеркаль повернулась, в процедуру обольщения включился периодически приоткрывавшийся при ходьбе розовый слой воротника.

«Глядя на нее, хочется отключить сознание! Хотя, с точки зрения человека, это совершенно незротично. Или я уже не человек?»

Женская особь отличалась от мужской не только воротником. Евгений отметил, что и головка у нее более округлая, и чешуйки возле глаз светлее.

«Красивая, видать, по меркам здешних парней. А как двигается — коготки оближешь! Интересно, как у них обстоят дела с близкородственными браками? Ба, о чем это я?»

Самка шла прямо на него и остановилась в каком-то полушаге.

— Если леди Кирсель подойдет к вам настолько близко — вы проиграли, — объявила она.

— И что делать?

— Покопайтесь в памяти моего брата.

— Боковой отскок?

— Да, попробуйте.

Тело реанца помнило эту несложную процедуру, но с приземлением получилось не слишком удачно. Не рассчитав силу, Евгений наткнулся на стену.

«Вот это уступил даме дорогу!»

— Хорошее решение, — похвалила Стеркаль. — Леди, причинившая своей назойливостью ущерб мужчине, должна, извиняясь, отойти от него на десять шагов. Главное — не загнать себя в угол. Самец, лишивший себя пространства для отскока, провоцирует даму к дальнейшим действиям. На суде это сыграет против

вас. Перейдем ко второму — наши глаза. Смотрите на меня.

Через несколько секунд Руген, словно околдованный, двинулся навстречу самке.

«Как ей удастся? У здешних мужиков что, обостренная реакция на определенную частоту моргания? Еще пару секунд назад я ничего к ней не чувствовал, а теперь... Того и гляди — тело выйдет из-под контроля и кинется на обольстительницу прямо на людях. Хотя какие они люди... Да и я сейчас ничем не лучше! Даже взгляд отвести не в силах!»

Колдовство исчезло только когда подопытный зажмурился. В этом состоянии ему удалось повернуть голову в сторону.

— Третье — запахи, — продолжила наставница, не давая ему передохнуть. — Для открытого суда любви прием, безусловно, запрещенный, но некоторые дамы способны сделать так, что аромат желания ощутит лишь ее избранник. Руген, сделай два шага вперед.

Похоже, Стеркаль начала воспринимать пришельца как своего настоящего брата. Оно и немудрено: сознание не разглядишь, а оболочка — вот она, перед тобой.

Сначала Евгений почувствовал, как наступил на что-то липкое, затем... Дурман закружил голову, самка превратилась в сказочную красавицу, а ее одежда словно стала прозрачной.

«Блин! Действие как после пары бокалов хорошего алкоголя. Сейчас точно забуду, что я человек, а она — моя сестра. Так, минутку: либо я человек, либо она моя сестра. Или я схожу с ума?»

Руген невероятными усилиями человеческой воли все-таки заставил себя остановиться.

— Объясняю твою ошибку. В зале суда следует очень внимательно смотреть на все, к чему прикасаешься. Мазок может находиться на полу, стене, мебели. Увидеть его несложно, нужно лишь постоянно быть на чеку.

— Если это запрещенный прием?..

— Жидкость быстро впитывается в кожу, и потом ничего не докажешь, — перебила его дамочка. — Если попадешься, помни: средство действует всего три минуты. Повторное использование может оказать воздействие только на другой день.

«У местных красавиц арсенал, какой нашим и не снился. Как тут вообще мужики выживают?!»

— Еще один запрещенный для суда прием — розовое обнажение. Частично ты его уже видел. Но при желаниии эффект можно усилить. Господа ученые, закройте глаза. А ты присядь, пожалуйста.

Евгений послушно выполнил приказ. Она последовала его примеру, приблизившись на расстояние двух шагов, но приседала медленно. Нижний слой воротника оказался прижат к телу, а верхний, словно юбка, приподнялся вверх и опускался гораздо медленнее, чем того требовали законы гравитации. Вот тебе и эротика по-реански.

— Судьи, которые будут наблюдать за вами сверху, ничего этого не заметят. И последний совет — следи за своим хвостом. Если он случайно окажется поверх ее — мы проиграли.

Евгений уже собирался в шутку предложить отрезать столь опасную часть тела, но память успела подсказать земной эквивалент такой операции. Мужчина вздрогнул и благоразумно промолчал.

— Вы проиграете деньги, а я — свою жизнь. Надеюсь, эта мысль будет надежно оберегать меня от женских чар.

— Мы тоже надеемся.

— Так, а теперь еще раз объясните, в чем смысл суда открытой любви. Насколько я понял, цель леди Кирсель — прямо там соблазнить юного Ругена. Но как это подтверждает ее правоту о той ночи?

— Брат говорит, у него с леди ничего не было, она утверждает обратное. Дело в том, что мужчин нашего

вида на исходе семнадцатого дня после первого секса непреодолимо тянет к той же самой самке. Завтра как раз такой день. Если Руген не продержится два часа — права Кирсель.

— Понятно, и основное мое оружие — это отскок в сторону?

— В общем, да.

— Тогда мне следует немного потренироваться. Стеркаль, вы мне можете?

— Конечно, брат.

Открытый суд закончился оглушительным скандалом. По истечении двух часов совместного пребывания Ругена с леди Кирсель дамочка набросилась на стойкого паренька с кулаками, осыпая его такими выражениями по поводу сексуальной несостоятельности, что присяжные заставили ее выплатить огромный штраф оппоненту в качестве моральной компенсации. Руген от усталости валился с ног.

Но самое главное — через несколько дней Евгений очнулся в собственном теле. Правда, не дома, а в больнице.

— Вы долго пролежали в коме, однако сейчас быстро идете на поправку, — сообщил врач. — Там к вам опять дама пришла. Всю неделю навевывалась. Пропустить?

— Кто?

— Назвалась Лидией.

— Пусть проходит, эта не отстанет.

— Женечка, привет! Ты так нас напугал! Я прорыдала всю первую неделю. Нельзя же так со здоровьем. Ничего, станешь на ноги — я лично займусь твоим состоянием...

— Лидия Петровна, здравствуйте, — вклинился в ее словесный поток пациент. — Заниматься моим состоя-

нием не следует, могу и не выдержать, — он повернулся к окну.

— Все шутишь? Ну-ну. А почему у тебя в палате так душно? Могли бы и кондиционер поставить. — Она начала расстегивать медицинский халат, который ей выдали при входе в палату. — Ты чего от меня отвернулся? Друзей видеть не хочешь? — со слезами в голосе обиженно спросила женщина.

— Да ладно тебе оби... — договорить он не успел — ноги непроизвольно согнулись в коленках и боковым отскоком выбросили тело с кровати.

— Женя, ты чего? — опешила посетительница.

На фоне белого халата контрастно выделялся воротник ее розовой блузки.

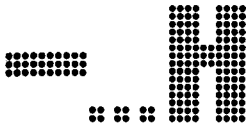
— Тебе очень к лицу розовый, — пробормотал пациент, прикрываясь одеялом.

НФ

СКАЗКИ ЗЕМНЫЕ И НЕБЕСНЫЕ

ДОСПЕХ КОРОЛЯ

а проповедь-то к Эльту ходили? — поинтересовался лысый старый Керх, когда-то — столичный книго-торговец, а ныне вежливый пьянчуга, доживающий свой век на процент с давно заработанного.

Жос сплюнул на мостовую и повертел головой. Уж сколько лет я тут живу, хмыкнул он про себя, а никак не привыкнуть к столичным модам — не говорят здешние «в храм Эльта», не дождешься. Все у них по-простому, к богам на стаканчик заходят...

— Моя семья искони поклонялась богу Прибоя два раза в год, по праздникам, — сообщил он.

— А вот зря, — неодобрительно поднял палец Керх и тоже плюнул. — Отец-проповедник у них там новый, слышали? Говорили мне, мудрец изрядный.

— И как?

— Образованный юноша... не из последних, я бы сказал.

— Ну, — Жос шевельнул бровями, — если не доверять вашему мнению, то тогда мне уж и сказать нечего. Так образованный, говорите?

— Думаю, не в монастырях учился. Жизнь видел. Аристократ к тому же.

Керх закашлялся и нерешительно глянул в распахнутую дверь лавки: оттуда тянуло теплом и сложным ароматом пряностей.

— Я вижу, — Жос посмотрел на старика сверху вниз, — у вас в сумке, кажется, именно то, что я просил?

Книготорговец кивнул.

— Не хотел говорить о деле сразу, досточтимый Тролленбок. Не стану скрывать — пришлось ездить в столицу, однако ваш аванс вполне покрыл все расходы. У меня тут, — он отстегнул пряжку некогда элегантной кожаной сумки через плечо, до сих сохранившей серебряные уголки по швам, — мемуары адмирала Банту-Армиира, издание пятидесятилетней давности, но и не только. Если вам будет угодно, я нашел «Странствия» малоизвестного королевского корсара барона Майлена. Эта книга стоит дорого, но я не слишком стеснен в средствах и потому вполне готов отпустить ее вам в кредит.

— Ваша любезность переходит все видимые мною границы, — заулыбался Жос. — Идемте в лавку, утро нынче не жаркое...

Он провел гостя через просторный, отделанный черным деревом торговый зал с высоким сводчатым потолком: старший приказчик, готовящийся к экзаменам в Торговую академию Его Величества, сидел в углу за учебником, а двое помощников уныло протирали пыль с рядов бутылок, налитых экзотическими заморскими напитками. Под ногами Керха скрипнули ступени старой лестницы, ведущей наверх, в контору.

Отперев свой кабинет, Тролленбок усадил гостя в кожаное кресло и поставил на свой письменный стол бутылку темного стекла.

— Привезли мне, — сказал он, — отличную тростниковую усаку, и издалека, скажу я вам. Не желаете приобрести несколько бутылочек?

С этими словами Жос налил пару тяжелых глиняных стаканчиков и придвинул один из них гостю.

Книготорговец с любопытством понюхал предложенное.

— Дорого, наверное, — вздохнул он.

— Для вас мы можем решить вопрос со значительной скидкой, — улыбнулся Жос. — Впрочем, ладно! Давайте-ка, — он выдвинул верхний ящик стола, — я рассчитаюсь за нашего адмирала, а потом посмотрю и на корсара.

Вторая книга оказалась ничуть не менее ценной, чем первая, заказанная заранее, — Керх отлично знал вкус хозяина лавки пряностей. Поторговавшись для соблюдения приличий, Тролленбок налил старику еще порцию заморского напитка и принялся отсчитывать монеты.

— Пока заказов не будет, — сказал он, — я подожду выхода нового каталога Ленайра, а потом, возможно, попрошу вас появиться на кое-каких аукционах.

Керх с готовностью закивал и поднялся. Жос дернул за шнурок колокольчика, вызывая младшего приказчика, однако тот, к его удивлению, распахнул дверь раньше, чем внизу звякнуло:

— Простите, хозяин, но к вам гость. По виду — аристократ с Юга. Требуется именно вас, как хозяина оружейной мастерской.

У прилавка мялся с ноги на ногу высокий юноша с бледным лицом, обрамленным короткой, редкой пока бородкой, наверняка выращенной в течение морского путешествия. Одежда незнакомца выдавала собой недавние еще претензии семьи.

— Весь внимание, — коротко поклонился Тролленбок.

— Мне рекомендовали вас, — моргнул юноша, — как владельца оружейной лавки, способного произвести самый сложный ремонт...

— Лестная рекомендация, — кивнул Жос. — Сломался замок?

— Что-то вроде, — молодой человек закашлялся, приложил руку к груди своего дорогого, но порядком истрепанного плаща и огляделся по сторонам: приказчики не проявляли ни малейшего внимания. — Мне

нужно восстановить одну вещицу... родовой орел. Очень старый.

Из-под полы плаща появилась сумка с какими-то серебряными вензелями. Юноша осторожно размотал небольшой сверток из коричневой промасленной бумаги и положил на прилавок орла с отломанным левым крылом.

Вещица и в самом деле отличалась немалым возрастом. Жос протер руки влажной тряпицей, потянул из кармана мощную лупу, с которой не расставался: да, не меньше четырехсот лет, один из самых ранних орлов в традиции. И не южный «сокол» с характерно загнутыми крыльями, нет-нет, это была северная семья. Бронза слегка с прозеленью, но похоже, что в земле орел не лежал — скорее, его хранили смазанным... и в то же время не пользовались им уже очень, очень давно.

По крайней мере, с тех самых пор, как кто-то отломал орлу крыло.

— Это вопрос небольшой и недорогой, — сообщил Жос, возвращая реликвию юноше. — Изделие было симметричным. Мастер сделает слепок и изготовит недостающее крыло по образцу имеющегося. Конечно, в итоге работ вы потеряете патину, налет древности, но я не думаю, что это так важно.

— Я хочу, чтобы это сделали при мне, — глаза юноши блеснули, и он снова закашлялся.

— Невозможно, сударь, — развел руками Тролленбок. — Работа займет довольно много времени — это раз. Ни один из моих мастеров не потерпит, чтобы заказчик торчал у него за плечом, — это два. Да и к тому же, скажу вам по совести, работы у них сейчас очень много. Если хотите — конечно, я приму вашу вещь, и думаю, что к послезавтрашнему утру все будет готово. Но только так — уж вы, сударь, простите.

Юноша побледнел настолько, что Жос, подняв брови, решил приказать подать горячего вина:

— Да что с вами, сударь?

— Не ваше дело, — хрупкая ладонь сгребла орла с прилавка. — Есть у вас тут приличные, э-ээ, ювелиры?

— Вы найдете их на площади возле храма младшей богини Айнул, покровительницы кузнецов. Но я не думаю, что...

— Это мне безразлично!

Плащ хлопнул на прощанье, и Жос остался наедине со своим недоумением.

— С бронзой работают только оружейники, — успел сказать он вслед,

* * *

Возн, крепость у моря, строился когда-то как главная база юного тогда пеллийского военного флота. Это было давно — так давно, что даже башня королевского наместника, серым клинком воздетая над бухтой, мало что о тех веках помнит.

Когда-то, говорили старики, и трон казался далеким.

Время меняет все. Королевская столица, неутомимая в своем росте, оказалась вдруг совсем рядом, флот давно покинул уютную подковообразную бухту; ветры и приливы разрушили древние причалы, а на их месте возникли новые, куда как менее прочные. От старинных фортов остались только руины, на которых любят играть мальчишки.

От древних фамилий, строивших Возн и получивших здесь земли, осталось еще меньше. Сыновья их традиционно уходили в море. В прежние, овейные легендами времена многие возвращались капитанами, а то и королевскими адмиралами. Прекрасные, увитые виноградом особняки видали балы, оставшиеся в воспоминаниях знаменитых поэтов.

Но эпохи и судьбы непостоянны. Королевские линкоры, великолепные парусные гиганты нового поколения стали слишком велики, чтобы толпиться в неболь-

шой акватории. Флот ушел на север, но это не было трагедией. Офицеры, отслужив свое, все так же возвращались в Воэн, и все так же шумели балы, грохотали на свадьбах столичные оркестры. А столетие спустя начались новые войны. Они казались не столь уж значительными, но линкоры вдруг стали стогать вместе с экипажами...

И сыновья, ушедшие служить короне, не вернулись домой: виноград, столетиями цеплявшийся за шершавый камень, одичал навсегда.

Гордая крепость превратилась в маленький городок. Пара текстильных фабрик, на которые нанимались дочери самых бедных поденщиков из окрестных селений, несколько семей рыбаков-судовладельцев, поставляющих свой улов в столичные пригороды, да небогатые торговцы — вот, собственно, и все, что осталось от шумного когда-то Воэна.

Храмы оказались на самом деле маленькими церквушками, стоящими на проросших сквозь булыжник травой площадях. Старинные семьи? Нет, кое-кто остался... в тот год, когда Жос Тролленбок остановил свой выбор именно на древней крепости Воэн, аристократических семей с приличной родословной там было ровно три...

Осторожное — словно котенок скребется — постукивание дверного молотка Жос услышал раньше служанки Фильвы, которая как раз резала запеченную свинину, и поднялся из-за стола, махнув ей рукой: занимайся, я сам. В этот вечер Жос ужинал в кухне своего просторного двухэтажного дома — гостей он не ждал, и подниматься в кабинет не было причин.

Тролленбок промокнул губы влажной полотняной салфеткой, вышел из кухни, прошагал по старинному ковру, привезенному из далекого — навсегда уже! — прадедова дома, и отбросил засов окованной железом двери. Оружия при нем не было.

На пороге стоял жрец в темно-синем облачении.

— Простите, хозяин Тролленбок, — мягко произнес он, — я не прошу подаяний и вовсе не напрашиваюсь на ужин. Если позволите, у меня к вам дело.

Капюшон полетел на спину, и Жос увидел тонкое молодое лицо с аккуратно завитыми черными усами. Миндалевидные, влажно блестящие глаза смотрели на него без тени укора, всего лишь вопросительно.

— Ваша святость, отец-проповедник Аствиц, — выдохнул Жос. — Прошу вас, святых всех ради. Мне стыдно, что я до сих пор ни разу не был в храме на ваших служениях, но клянусь вам...

— Лучше отец Лейф, — все так же мягко проговорил жрец, расстегивая застёжки своего легкого плаща. — Нам нужно поговорить, хозяин Жос.

— Быть может, вы все же не откажетесь слегка перекусить? Дело к зиме, и вечера стали холодны.

— Глупо прийти к хозяину знаменитой лавки пряностей и отказаться от вин, — усмехнулся жрец. — Прошу только — без церемоний. Вы, я чувю, ужинали в кухне? Вот и пойдёмте.

Тролленбок почтительно склонил голову: тот самый «образованный юноша», новый жрец храма Прибоя, был одного с ним роста. Жос уже видел его пару раз в городе и ошибиться, конечно, не мог.

Фильва, закончившая возню со свининой, прекрасно слышала слова хозяина, а потому убралась к себе раньше, чем Жос с гостем переступили стертый порог кухни.

Тролленбок разжег еще одну керосиновую лампу, достал пару бутылок старого вина, вытащил из буфета хлеб, поставил на стол блюдо с ломтями свинины:

— Сегодня у меня и вправду без церемоний. Дочка в столице у одной из родственниц, сын там же, в Морской школе Его Величества, так что пиры закатывать повода не было.

— Спасибо вам, — улыбнулся отец Лейф, глядя, как вино льется в его серебряный бокал. — Решительно не

вижу, что могло помешать вам вытолкать меня взащей. Вы ведь дворянин по рождению, не так ли?

— Дворянин? — обернулся Жос, увлеченный нарезкой засахаренных фруктов. — Да что вы, отче! Дворянин... Мой прадед выслужил титул, но мы — «однодворцы», вам ли не знать...

— Получив назначение сюда, я долго рылся в архивах, — тихо засмеялся отец Лейф. — Это моя обязанность, как вы знаете. Про вас там буквально два слова.

— Так сложилось. — Жос вернулся за стол, поднял свой бокал: — Я действительно очень рад вашему визиту, отец Лейф. Мне отчего-то кажется, что я найду в вашем лице достойного собеседника. Выпьем! Вечер, повторяю, холоден, так что это вино будет в самый раз. Готов спорить, что такого вы еще не пробовали. Это вино из Машибута.

Жрец отпил из своего бокала и поспешил закусить ломтиком свинины.

— Я не ошибусь, — заговорил он, — если скажу, что вы не слишком стремились общаться с местной знатью?

— Кто я для них? — дернул плечом Тролленбок. — Это раз, не так ли? И для чего мне они?..

— Это два, — кивнул отец Лейф. — Но я слышал, что с покойным бароном Дестаффом вы периодически встречались и даже бывали у него в замке.

— Старик был единственным знающим человеком среди всей этой публики. Тридцать лет в море, к тому же его предки собрали прекрасную библиотеку... извините, отец Лейф, но давайте без околичностей: вы из-за него, что ли, ко мне? Из-за того, что я помог Вейре с похоронами?

— Нет-нет-нет! — протестующе поднял руки жрец. — Чем я так обидел вас, хозяин Жос? Вы вдовее-те десять без малого лет, вы, как я уже сказал, дворянин, и какой закон может помешать вам помочь внучке

старого барона? Нет, — он склонил голову, — я совсем по другому поводу.

— Я весь внимание, — приподнял брови Жос. — И признаюсь сразу — изрядно удивлен.

Жрец провел пальцами по своим усам.

— Думаю, да, вы будете удивлены. Возможно, вы вспомните — десять дней назад к вам в лавку пришел некий юноша, выглядящий как обычный южный аристократ из числа обедневших в... гх-мм... последние годы?

— Да, я помню такого гостя, — согласился Тролленбок. — Он просил восстановить родового орла — изделие было из старых, и я честно сказал ему, что работа займет некоторое время. Парень в ответ психанул и убежал. Думаю, он пытался обратиться к местным ювелирам... заранее знаю, чем это закончилось.

— А вот и не знаете, — отец Аствиц вздохнул, отчего Жос поспешил снова наполнить его бокал. — Отчаявшись, ваш гость сунулся ко мне, так как его семья много столетий принадлежала Эльгу, о чем он не преминул мне сообщить. В здешнем храме раньше существовало нечто вроде приюта для паломников — нынче приют заброшен и находится в не самом лучшем виде, однако ж я смог растопить печку, принес нашему «паломнику» тюфяк и белье — в общем, обустроил его, как мог. Но это было все — под утро у него начался приступ, и юноша скончался. Вы видели, что у него ю-ю, хозяин Жос?

Тролленбок поднялся и подошел к тяжелому, вполстены буфету, изготовленному когда-то для очень богатой семьи: мастера здорово постарались с резьбой.

— Я видел лихорадку ю-ю не раз и не два, — сообщил он, сбрасывая на гладкий лакированный пол кухни кусок льда, предохранявший драгоценный горный сыр от подсыхания. — Но все же я был уверен, что в данном случае говорить о финальной стадии рано. К тому же видите ли, отец Лейф, — он не стал бы меня слушать. Я погонюсь за ним по улице? Замечательно...

Жос сдвинул каблуком чугунную крышку канализационного люка, забросил туда лед, слил воду с блюда и вернулся за стол. Узкий, стремительно острый нож казался странной игрушкой в его огромной руке.

— С самого севера, с огромной высоты, — сказал он, разваливая на толстые ломти желтоватый мягкий сыр, насыщенный травами. — Овец там пасут едва не на леднике.

— Завидую вам, — выдохнул Аствиц.

— Вы об этом? — воздел брови Жос. — Но я, наоборот, стараюсь для людей, — да, у меня поставщики в половине мира, да, у меня бывает дороговато, но где еще? Однако ж, знаете, ко мне порой и приличные мастера-ткачи захаживают. Закруточку пряностей, бутылочку винца для супруги, а про сыры и говорить не о чем. Не так уж все и дорого.

— Нет-нет, — поднял руки жрец. — Я не о том... забудем пока. Видите ли, хозяин Жос, когда мой постоялец умер, я был вынужден начать поиск — кому, собственно, я должен выслать уведомление? Благо королевский паспорт юноша хранил при себе... Однако ж прежде, чем я смог получить ответ на свой запрос, ко мне прибежала Вейра Дестафф. Наш странный гость, оказывается, успел побывать у нее.

— И... что? — Жос снова налил вина, однако ж отец Лейф успел уловить некое волнение в его руках. — Что она вам сказала?

Отец Аствиц вздохнул и прошептал короткую поминальную молитву.

— Он представился по форме, как и подобает... молодая баронесса, конечно же, впустила его в дом. Далее случилось странное: молодой человек, пав к ногам Вейры, потребовал показать ему семейные склепы из числа тех, что находятся на территории поместья. Баронесса приказала ему подняться и объяснить, в чем суть столь странной просьбы, но юноша, по всей видимости, впал в легкое забытие: он категорически отказывался отве-

чать на вопросы, постоянно при том повторяя о своем желании. Вейра Дестафф, как вы знаете, не из пугливых девушек — когда юный безумец насытился ее терпением, она сдернула со стены над камином гостиной ближайшую саблю и продемонстрировала пару восьмерок.

— Уши юного скандалиста не пострадали? — заботливо осведомился Жос. — Вейра фехтовала со мной. Дед не был блестящим искусником, но абордажником — о да!

— Слышав кое-что о вас, дорогой Тролленбок, могу предположить, что рубящий стиль покойного барона никогда не являлся для вас преградой...

— Не стану отрицать то, что известно вам о моей скромной персоне... вернемся, однако, к Вейре. Она?..

— Она пришла ко мне. Юноша бежал в великом смущении и обронил на садовой дорожке вот это, — жрец запустил руку в кармашек своей лиловой жилетки и выложил на стол хорошо знакомого орла.

— Той же ночью он умер? — уточнил Жос, глядя на старую бронзу.

— Утром, — кивнул жрец. — Он умер, не оставив каких-либо завещаний, но и это не все. Видите ли, хозяин Жос, я не пошел бы к вам, не удостоверившись в вашем благородном происхождении.

— Мы уже говорили о благородном, — перебил Жос, — так что хватит.

— Оставьте, — махнул рукой жрец. — Предки Его Величества выслужили дворянство всего лишь тысячу лет тому. Речь не о том... я знаю, вы изрядно интересуетесь военной историей нашего богоспасаемого королевства?

— Имею слабость, — фыркнул Жос. — Деньги мне вкладывать особо некуда, к игре на биржах я не способен, мое дело — копить. Задачу обеспечить потомство я в этом смысле уже выполнил: коллекцию я собираю с

детства, даже юнгой, помню, на печенье сэкономил, чтобы купить старую книгу.

Жрец понимающе кивнул. Его тонкие пальцы скользнули к сыру, потом рука сноровисто отломала ломтик мягкого, вечером испеченного хлеба. Жос прищурился — отец Лейф фехтовал, да и, по всему, недурно. Ему вдруг даже захотелось подняться в кабинет, достать из огромного оружейного сейфа пару длинных узких сабель *шамен*, недавно еще принятых среди столичных аристократов, и предложить одну жрецу.

Отец Аствиц его бесил — зачем?

— Самым удивительным оказалось то, — заговорил вдруг жрец, — что юноша, по его словам, имел некое, хотя и дальнее, отношение к конюшему правой стороны покойного нашего Ориоля IV.

— Казненного, — Жос глотнул. — Единственно пеллийского короля, закончившего свою жизнь на плахе. Почти триста лет назад. И не проклятого, в силу искупления. И не прокляты были не только его потомки — вскоре, впрочем, исчезнувшие по причине вырождения, — но и все его присные. Многие процветают по сей день, хотя дворянство для них закрыто навсегда.

— Не был проклят и палач короля, — тихо сказал жрец.

— Палача король выбрал сам, — выдохнул Жос. — Но судьба его с тех пор неизвестна.

— Не совсем так. Палач, как мне давно известно, покинул столицу через лес Эргмун, то есть как раз в направлении на сегодняшний Возн. Возн тогдашний был всего лишь несколькими башнями на берегу. След палача теряется, хотя известно, что при нем были семь дочерей и двое сыновей, и пятеро из этого выводка — известные на ту эпоху мастера меча. Далее была, как вам известно, смута, и имена изменились. Вам интересно, хозяин Жос? Я хочу всего лишь понять, что искал в поместье Дестафф умирающий юноша, принесший вам старого орла с давно обломанным крылом?

* * *

— Пуфф, — выдохнул Жос, стряхивая с бархатного рукава угольную пыль. — Когда уже эти болваны приучатся к порядку?

— Вы, как я помню, начинали службу под парусом? — усмехнулся Аствиц.

— Да, — проворчал Жос. — Я начинал, как положено, юнгой — тогда паровые машины считались экспериментом, не более. Я служил на паровых кораблях, если вам угодно — да!

Они стояли на почтовой пристани, куда доставил их королевский пакетбот, и с неудовольствием шурились в серое небо. Жрец выставил перед собой раскрытую ладонь, и на нее немедленно шлепнулись две крупные капли.

— Вот опять... — прошептал он.

— Но, однако, уже четыре пополудни, — хмыкнул Тролленбок. — Я счастлив тем, что время в пути мы провели за богословием, да только небо ждать нас не станет. Вперед, отец Лейф! Я бывал здесь пару раз — вон там, за холмом, уже начинаются торговые кварталы, и мы можем рассчитывать на какого-нибудь возницу.

Аствиц согласно кивнул, поднял свой объемистый саквояж, и они зашагали по влажным старым доскам.

Тролленбок оказался прав: поднявшись по широкой мощеной дороге, путники скоро оказались среди аккуратных многоэтажных строений, высокий чердак которых, как правило, представлял собой склад. Прищурясь, жрец с некоторым удивлением рассмотрел характерные дубовые балки с блоками под кровлей. В подобных местах он еще не бывал, и все казалось ему новым и даже несколько странным.

— Ничего удивительного, — поймав его взгляд, улыбнулся Жос. — Тут живут весьма состоятельные торговые семейства, предпочитающие сдавать верхние этажи под мелкое производство. Наверх, допустим,

поднимают нить откуда-нибудь с юга, а вы потом покупаете — коврик на пол... столичная жизнь не ограничивается королевским университетом и военными академиями.

— Вы не обидели меня — если вы об этом, — поешлся в ответ жрец. — Впрочем, многого я действительно никогда не видел... однако ж сегодня я еще жив и есть время компенсировать.

— Слова мудреца, — Жос хохотнул и шутливо приподнял шляпу.

Они дошли до ближайшего перекрестка, и Тролленбок, сунув в рот два пальца, пронзительно свистнул. Ответом ему был стук копыт — Аствиц не успел даже удивиться, как из-за угла вывернула потертая, хотя и некогда богатая карета, запряженная парой гнедых лошадей.

— Куда изволите, ваши милости? — Гусиное перо на берете возницы вежливо склонилось; Аствиц поразился дорогим красным перчаткам.

— Эймен, университетский квартал, — уверенно скомандовал Жос. — За пару птенчиков, и живо!

— О, мой капитан! — вскричал возница. — Мы поднимем все паруса!

Слетев с козел, он нажал каблуком педаль, отбрасывая перед Тролленбоком подножку, после чего аккуратно помог подняться жрецу. Щелчок, свист — истасканная графская карета тронулась.

— Он узнал в вас моряка, — довольно рассмеялся Аствиц.

— Не совсем так, — хмыкнул Тролленбок. — Военного моряка, офицера.

— Вот видите, — развел руками жрец, — именно об этом мы с вами и говорили нынче, во время шторма: любой военный имеет жизненный опыт, несколько не сравнимый с таковым у светских лиц.

— И я еще раз повторюсь, — только вам, отец Лейф, этого опыта и не хватало!

Жос недовольно пожевал губами. Короткий по его понятиям, но все же довольно свирепый шторм, обычный для зимней Пеллии, не просто смутил молодого жреца, — нет, отец Лейф потребовал от Жоса исповеди, и отказать ему было невозможно.

Вдовец, вполне устроивший судьбу двоих своих детей и ночующий время от времени в усадьбах благородных вдовушек — так это не грех даже, — а так и говорить не о чем. Ха! В живых людей Жос не стрелял аж со службы, ибо кулака хватало, но что ж до грехов служебных, так на то есть особые специалисты, отпускающие оптом и надолго.

— Эймен! — щелкнуло оконце в передней стенке кареты. — Куда?

— «Штурманский фонарь»! — гаркнул Жос, заранее зная, что услышит в ответ: «Ого!»

Лошади тронули. Жос откинулся на протертые до нитей коричневые подушки, подмигнул сидящему напротив жрецу:

— Мы же договорились, я плачу за все?

— И вы, соответственно, везете меня в публичный дом?

— Еще чего не хватало! Это заведение для старших офицеров Королевского флота, находящихся либо в командировке, либо в ожидании должности. Девушек там, конечно, в избытке — это все же Пеллия, а не Машибут какой-нибудь. Но вас это не должно волновать. Я все-таки королевский капитан, хоть и ранга невысокого. Не думаю, что кто-нибудь посмеет вас обидеть.

— Но почему было не выбрать обычную гостиницу?

— Проклятье, мы мало говорили об этом? Вам необходимо посетить архивы — так что же, перед тем вы должны докладываться по начальству?

— Оставьте, — махнул рукой Аствиц.

Он не то чтобы боялся остановиться в гостинице, указанной Жосом, — разумеется, мало кто рискнет оскорбить жреца, да и права меча никто его не лишал, — сколь-

ко остерегался оказаться в неподобающей компании. Лейф Аствиц не служил Трону, такова была воля его матери, потерявшей в море старшего из сыновей. Мнение отца интересовало разве что сторожевого пса... в итоге старшая сестра Лейфа давно уже командовала личной стражей супруги господина конюшего левой стороны, а отец-проповедник Аствиц, никому не нужный средний сын, книгочей и блестящий фехтовальщик, получил наконец храм в забытом Историей столичном пригороде.

Лейф не ощущал в себе подлинного пламени Веры. Проповедуя, он был ярким и убедительным, более того, в какие-то моменты загорался сам — собственно, именно ради этого он тратил так много ночей на чтение священных текстов. Но потом... даже в период своей короткой монастырской учебы он уходил к шлюхам, давая себе слово утром же завербоваться в солдаты. Увы: в королевстве Пеллийском на учете все вплоть до последней мухи, без паспорта в армию не берут. А паспорт — у отца-настоятеля.

Это не считая того, что сержант-вербовщик, увидев кандидата в рядовые с университетским дипломом на лице, тут же вызовет своего командира...

«Вот когда-то, еще лет пятнадцать назад, — думал Лейф, — до введения системы паспортов... но тогда я только бегал по родительскому парку, завидуя сабле сестры!»

Карета наконец остановилась, и Жос тотчас же выпрыгнул на брусчатку — упругий, словно и не было лет, проведенных на суше.

— Держи! — кинул он вознице монету и тут же потянул из кареты свой багаж — два стандартных флотских ранца.

Лейф вытащил тяжелый саквояж, прищурился: о да, здание выглядело более чем солидным, — и покорно пошел вслед за Тролленбоком.

Тяжелая лакированная дверь мягко щелкнула за спиной Аствица, в глаза ударил яркий после серого дня свет газовых ламп.

— Недурно живут королевские капитаны, — прошептал он, разглядывая тяжелые, основательные панели лакированного дуба на стенах холла.

— Вполне, — кивнув, Тролленбок уверенно сбросил на ковер свои ранцы и прошагал к стойке, где уже ждал, вытянув шею, седовласый мастер-распорядитель.

— Двухкомнатный номер с окнами во двор, — Жос положил на стойку крохотную книжицу, переплетенную кожей, но распорядитель аккуратно отодвинул ее в сторону, — мой друг принадлежит к святому сословию, так что никакого шума нам не нужно.

— Обед прикажете в номер?

— Мы достаточно надоели друг другу за время плавания. Полагаю, мы спустимся в ресторан.

Распорядитель вынул из-под стойки регистрационный лист.

— Сейчас у нас на редкость солидные господа, — сообщил он, пока Аствиц скрипел пером, — но если вам будет угодно пригласить дам...

— Возможно, возможно, — понимающе кивнул Жос. — У вас, насколько мне помнится, именно «дамы», а не соплявки с немывтыми ногами?

— Что вы, мой капитан! — мастер-распорядитель аж согнулся от возмущения. — На шканцы мы подаем только лучшее, выдержанное вино! Юнга! — крикнул он. — Багаж господ офицеров!

До ужина было еще далеко, и Жос предложил отцу Лейфу составить ему компанию в прогулке к казармам Королевской морской школы, на последнем курсе которой учился его сын. Кадетам-старшекурсникам уже позволялось жить на частных квартирах, но Тролленбок-младший занимал должность старшины учебного экипажа, а потому обитал за счет Школы в отдельном флигеле при казармах.

— Переоденемся в сухое, — решил Жос, — да и пойдём. Тут недалеко, да и, честно говоря, мне хочется размять ноги.

— С удовольствием, — согласился Аствиц из своей комнаты, — я тоже давненько не бывал в столице.

Через несколько минут Тролленбок появился у него на пороге, заставив жреца изумленно моргнуть: торговец исчез, перед ним стоял королевский фрегат-капитан в полной форме. Из-под серого плаща, завязанного шнурком пониже великолепного, шитого золотом стоячего ворота форменной куртки, торчала сабля — очень и очень дорогая, судя по ножнам. Шляпу с золотой цепочкой на тулье Жос держал в руках.

— Удивлены? — усмехнулся он.

— Признаться, да. Не ожидал увидеть вас в столь воинственном виде.

— Полагаю, наши добрые земляки удивились бы ещё больше. Хотя кто знает... ну что ж, вы готовы?

В прихожей Жос подхватил складной парусиновый саквояж, в котором что-то булькнуло, и распахнул перед жрецом дверь:

— Времени у нас час, потому что раньше являться не стоит — Эйлас ещё проводит занятия с «головастиками», — а идти, как я говорил, недолго. Можно выпить где-нибудь по кружке горячего.

— В такую погоду я отказываться не стану, — хмыкнул Аствиц.

Тролленбок уверенно повел его какими-то узкими улочками, чтобы вывести в конце концов на небольшую площадь. С двух ее сторон, сходясь полутемным переулком, стояли высокие, влажные в предзимней сырости доходные дома, а с третьей слабо светились газовые фонари храма Повелителя недр Ромма. Храм был приземистый, стены поросли мхом: восхищенно улыбаясь, Аствиц вспомнил, что строили его в те времена, когда на месте площади стоял всего лишь хутор, да не из ближних. Когда-то здесь добывали уголь — оттого

и храм. Прошли столетия, о шахтах позабыли, столица давно сожрала и хутор, и вообще все окрест, а храм как стоял, так и стоит.

— Сюда, — Жос повелительным жестом указал на вывеску погребка, где петух отчего-то соседствовал с длинной полосатой рыбиной, — заведение проверенное, я знаю.

Спустившись по трем ступенькам, Аствиц оказался в длинной низкой зале, уставленной тщательно выскобленными столами. Из стен торчали газовые рожки. Публика, судя по всему, тут собиралась солидная, да и не повел бы его Тролленбок куда попало. Жрец сел на стул с высокой спинкой и посмотрел на Жоса, который садиться почему-то не спешил, — однако через пару секунд из глубины зала подлетел разносчик, встал за спинкой выбранного капитаном стула, подождал, пока тот сядет, пододвинул стул к столу и вежливо пригнулся:

— Извольте ужин?..

— Красного, с пряностями, да погорячее, — распорядился Жос. — Не видишь, что ли, зябко его святости?

— О, тысяча извинений! — возопил разносчик, растворяясь в воздухе.

— В столице, — вздохнул Тролленбок, развязывая узел на шнуре своего плаща, — всем следует вести себя сообразно чину, на то даже королевские указы издаются. Разумеется, такая чушь никого из местных не волнует, но нам, провинциалам, вполне способна потешить самолюбие.

— Вот уж я не ожидал от вас, дорогой Жос, — хмыкнул отец Лейф.

— Ну, — Тролленбок расправил плечи, и его узкие погоны сверкнули золотом, — а где еще?

Жрец ответил ему понимающей улыбкой. Разносчик, заранее кланяясь, принес на подносе две кружки с горячим, пахнущим специями вином и тарелочку копченых рыбешек. Аствиц глотнул — раз, другой — и

ощутил, как в груди вспыхнуло небольшое ласковое солнышко. Жос сидел напротив него, откинувшись на спинку стула, и в глазах его застыло мечтательное выражение. Не желая тревожить моряка болтовней, отец Лейф осторожно осмотрелся по сторонам.

Перед стойкой, которой командовала милостивая рыжеволосая дама в довольно богатом бежевом жакете, хитро поглаживал бородку пехотный подполковник с нашивкой Инженерной академии Его Величества на рукаве. Офицер был немолод, но моложав — и явно не беден, если судить по материалу мундира да по перстням на пальцах, так что шансы его отец Лейф оценил достаточно высоко. Столик справа занимал типичный седовласый господин из тех, что, сколотив когда-то состояние, передал дело детям, а сам с головой погрузился в изучение глубин пеллийского виноделия. Слева же сидели двое чиновников в серо-зеленых, немарких мундирах Судейской палаты. Перед ними стоял большущий графин вина и тарелка жареных колбасок, густо переложенных свежей зеленью. Не глядя на серьезность намерений, пьяны они не были — впрочем, судейские пьют покрепче моряков, о чем известно каждому таракану.

— С прошлого года — все хуже и хуже, — услышал отец Лейф. — Земли не приносят прежнего дохода, а жить хочется как встарь. Лезут в долги, и...

— Фабрики, друг мой, фабрики...

— И да и нет. Те, кто успел сдать земли в аренду под те же самые фабрики, — вполне процветают. Но не для всех это приемлемо, вы понимаете, о чем я? Особенно Юг, будь он неладен. Долги еще дедовские — тысячи разорившихся дворянчиков, на службу идти не желающих — как же, роду лет за тысячу! Какая уж тут служба. А долги и долги.

— Придется искать свое место в жизни.

— Как бы не так! Пускаются во все тяжкие.

— Невест подыскивают?

— Я вас умоляю! Невесты сами готовы за кого угодно, да хоть за угольщика. Говорю же: я только приехал с Юга. Ох, боюсь, мы скоро получим такое угощение от наших дворянчиков, что закашляемся — и кашлять будем долго. Там сейчас мода... вы не поверите — все ищут какие-то легендарные наследства.

— Наследства? Да ну! И откуда же, позвольте узнать?

— Роды скрещивались и перекрещивались, ха!.. В эпохи войн что-то терялось... нынче модно думать, что Пеллия еще не вся перерыта вдоль и поперек.

— И что же, роют?

— Еще как!

Тролленбок с грохотом поставил свою кружку на стол, и отец Аствиц, почему-то погрузившийся в подслушивание — впрочем, судейские чины и не думали шептать, — нервно вздрогнул.

— Вы допили? — спросил Жос. — Нам пора.

— Еще глоток, — поднял палец жрец. — И, знаете, не обижайтесь на меня, но я передумал идти с вами. Мало ли что там еще подумают...

— Вы что-то не то говорите, отец Лейф. Кто подумает? О чем вы?

— Ладно, — Аствиц махнул рукой. — По правде говоря, мне почему-то до жути захотелось зайти в этот храм... он очень-очень стар, вы слышали об этом?

Тролленбок вздохнул.

— Понимаю, — сказал он. — Единственная просьба — если досидите до ночи, не ходите пешком, а возьмите карету, они всегда стоят вон там, за углом. Ладно, идемте...

Они распрощались посреди площади — жрец побрел к фонарям у тяжелых дверей храма, а Жос, поудобнее перехватив свой саквояж, скрылся в темном лабиринте улочек. Идти ему было недалеко: пройдя вдоль забора старого, пахнущего влажной листвой парка, он свернул направо и скоро оказался перед воротами, за которыми-

ми светились окна восьмизэтажного главного корпуса Морской школы. Дежурный офицер в караульной почтительно изучил его документ — ту самую книжицу, обтянутую кожей, — и выделил провожатым матроса с ружьем на плече.

Сына он не видел почти три месяца; Жос шагал столь поспешно, что коротконогий матросик едва поспевал за ним.

— Ой, простите, ваша милость, господин капитан, — взмолился он наконец. — Уж бегом за вами бегу...

— Да возвращайся, — добродушно отмахнулся Тролленбок и протянул матросу монету. — Я и сам все знаю.

— Вот спасибо...

Два окна на втором этаже служебного флигеля, принадлежавшие Эйласу, были освещены — Тролленбок улыбнулся, распахнул хорошо смазанную дверь и шустро, как молодой, взлетел по каменной лестнице. Сын открыл ему почти сразу, будто ждал.

— Какой славный день! — засмеялся он. — Я чувствовал, что будут еще гости. Ребята! — крикнул он в глубину квартиры. — Господин Жос пожаловал!

— Пирушка?..

— Все свои, ты всех знаешь, — Эйлас принял у отца шляпу и плащ, помог снять сапоги и проводил в комнату, где за круглым столом сидели трое загорелых юношей в белых сорочках и форменных брюках. При виде Жоса все они вскочили и отдали честь.

— Привет морскому братству! — хрипловато гаркнул Жос. — Как служба?

— Вашими молитвами, господин фрегат-капитан! — проорали кадеты.

— Нам есть что праздновать, отец, — хитровато улыбнулся Эйлас. — Мы четверо экзаменуемся в первую очередь — и, если все пройдет как надо, распределяемся сразу на новые броненосцы Его Величества.

— Большая честь, — поднял брови Жос. — Хотя ты знаешь, я мечтал, чтобы ты послужил хоть немного под парусом...

— Под парусом карьеры сейчас не сделать, ваша милость, — возразил ему один из гостей Эйласа, высокий рыжеволосый Бринк. — Да и не берут на учебные корабли молодых гардемарин. Разве что какая-нибудь баржа вспомогательная...

— Карьера, карьера, — Жос вздохнул и распахнул свой саквояж, откуда тотчас стали появляться колбасы, окорока, сыры и бутылки с редкими заморскими винами. — Все бы вам нынче карьера, а о море думать некогда.

Усевшись за стол, он достал из кармана складной штопор и ловко раскупорил две бутылки.

— Пейте вот, а то все сплошь пиво дуете, потом почки на вахте прихватит.

— О-оо...

— Как ваши дела, господин капитан? А то Эйлас что-то совсем не балует нас новостями из дому.

— Вы, кстати, не слыхали о том, что в морском министерстве в последнее время стали поговаривать о возможном призыве опытных отставных офицеров?

— Эти слухи, дети мои, ходят уже лет двадцать, так что мне и думать не о чем. Торговля моя процветает, живу я тихо, а море — оно живет само по себе.

— Но на этот раз, отец, все довольно серьезно, — негромко произнес Эйлас, наливая своим друзьям.

— С чего бы вдруг? — Жос не донес бокал до рта.

— Боюсь, ты многого не знаешь... говорят о лавелерах, говорят о пиратах, говорят о том, что на южных рубежах судоходство стало едва ли не смертельно опасным.

— И что это, королевский флот не способен справиться с какими-то несчастными пиратами?

— Отец, сейчас каждый год мы спускаем почти полсотни новых кораблей разных классов. Опытных офи-

церов старой закалки не хватает катастрофически — у нас уже забрали двоих преподавателей. Нет, тебя, конечно, никто призвать не сможет, но...

Жос недовольно покачал головой. Да что за чушь, в самом деле, — и когда такое было! Нет, нет...

Под королевский призыв он не поддавал в любом случае, однако ж хорошо понимал, что хотел сказать ему сын.

— Пейте тогда за погибель всего пиратского племени, — посоветовал он. — А помимо того расскажите-ка, как там поживает мой старый дружок академик Монтроу. Все так же, поди, изводит младшие курсы своей методой счисления по звездам?

— Да уж, — захохотали в ответ юноши, — астроном он знатный!

— И, как всегда, конструирует новые телескопы? Я слышал, он недавно демонстрировал свои диковины самому господину Второму канцлеру?

— И получил за то, господин капитан, не что-нибудь, а очередную ленту через плечо, которых у него уже столько, что никаких плеч не хватит!..

* * *

Лейф Аствиц проснулся рано, по давно заведенной привычке. В соседней комнате тихо похрапывал Тролленбок, вернувшийся, похоже, под утро — по крайней мере, так показалось Лейфу, который всегда плохо спал на новом месте. Умывшись, жрец достал из сумки блокнот и карандаш: исчезать, не оставив записки, он счел невежливым.

Королевский архив, в котором он собирался искать родоводы покойного юноши и семьи Дестаффа, что зимой, что летом открывался на рассвете, таков был порядок. У дверей гостиницы дежурили несколько полусонных извозчиков — назвав адрес, Лейф погрузился в пропахший духами возок и откинулся на спинку дивана.

Утро выдалось ясным. Крупная, ленивая с виду лошадь, явный кавалерийский брак, приобретенный на армейском аукционе, неторопливо тащила по дремлющим еще улицам — возница и не думал спешить.

Жрецов, вздохнул отец Лейф, быстро не возят, ибо не по чину.

Ему хотелось как можно скорее погрузиться в поиск. Еще в тот день, когда к Лейфу пришла изумленная и раздосадованная Вейра Дестафф, он понял, что таинственный странник, проделавший свой путь до Возна, твердо знал — бронзовый орел является ключом к чему-то чрезвычайно важному. Подслушанный вчерашним вечером разговор двух чиновников только подстегнул его фантазию. Какова связь меж безвестным аристократишкой с далекого Юга — и гордой, хотя и бедной Вейрой, внучкой старого адмирала с весьма запутанной родословной?

Родовые книги Возна ответа на его вопросы дать не могли, там все заканчивалось на четвертом колене: лишь Королевский архив хранил в своем пыльном чреве прошлое как ныне здравствующих, так и давно сгинувших родов старой, ужасно старой Пеллии.

Возница встал наконец на узкой улице, засаженной роскошными яблонями, и Лейф увидел каменную ограду, за которой, в глубине сада, поблескивала на солнце железная крыша трехэтажного строения. То был главный корпус — хранилища и библиотеки находились дальше, прячась среди многочисленных живых изгородей, превращавших территорию архива в громадный запутанный лабиринт.

Через полчаса Аствиц заплатил пошлину, переговорил с одним из старших смотрителей и вошел в длинный зал с высокими окнами.

— Примерно здесь, — сообщил ему молодой архивариус с отчаянно-реденькой бородкой. — Не найдете или еще чего — я тут, — и юркнул в низкую дверцу каморки под лестницей.

★

Работать с архивными документами Лейф умел. И в университете, и позже, в период монастырской учебы, ему пришлось вдоволь наглотаться пыли старинных манускриптов. Коробки с бумагами семьи покойного южанина он нашел почти сразу...

Жос Тролленбок оказался прав: да, орел действительно был северной традиции.

Предки юноши, носившие тогда совсем другую фамилию, покинули северные пределы королевства Пеллийского через два года после тех страшных потрясений, что привели на плаху негодяя и честолюбца Ориоля IV, загубившего на поле брани цвет своего дворянства, а потом, в стремлении избавиться от обвинений, казнившего всех своих советников и даже учителей. В итоге срочно созванный Совет, поддержанный выжившими маршалами Пеллии, отдал Ориоля в руки палача. Господин конюший правой стороны, состоявший в дальнем родстве с пращурами юноши, также должен был подвергнуться наказанию, но успел сбежать, и с тех пор никто о нем не слышал. Из-за него пострадали все его родственники, в числе которых были и предки молодого южанина. Ни казнить, ни даже сослать их не стали, но некоторого имущества им пришлось лишиться. В итоге они перебрались на Юг, а в следующем поколении уже звались другим именем.

Все это было чрезвычайно интересно, но — пока не давало ровным счетом ничего. Сделав необходимые пометки и переписав фамилии, отец Лейф вернул на место коробки и отправился в другой зал.

Следующие несколько часов Аствиц ползал по лестницам, снимая с полок один пыльный короб за другим, морщил лоб над выцветшими каракулями полупьяных писцов, вздыхал, массировал виски — и начинал все заново.

Ответ на свои вопросы он нашел незадолго до закрытия архива, и ответ этот поразил его настолько, что, едва выйдя на воздух, отец Лейф поспешил в ближай-

шую таверну, дабы прийти в себя за кувшином крепкого вина.

В гостиницу он вернулся на закате и нашел Жоса весело пирующим с двумя изящными дамами в несколько легкомысленных нарядах.

— Вот так-так! — потянул носом Тролленбок. — Да вы пьяны, отче! Неужто архивная пыль ввела вас в столь сильную жажду? Ну, стало быть, присоединяйтесь!

— Мы отплываем завтра, мой капитан, — Аствиц скинул ботинки и сел прямо на стол, потеснив тарелку одной из прелестниц. — Первым же пакетботом. Не откажите в любезности — позаботьтесь о билетах.

— Не лучше ли, друг мой, вернуться домой по суше? — сделал большие глаза Жос. — А то я, по правде говоря, здорово жалею, что поддался вашим увещаниям и отправился на противоположный берег залива морем... и что из этого вышло, вы помните?

— А, — Лейф схватил чей-то недопитый бокал и опрокинул его содержимое в рот, — я так и знал, что вы испугались шторма! Что ж, господин капитан: если вы желаете ехать сушей — извольте. Я хотел как лучше.

— Не случилось ли вам служить в кавалерии, отче? — вдруг поинтересовалась дама, сидевшая рядом с тем углом стола, на котором уместил свой зад Аствиц.

— Где?! — глубоко поразился он. — В ка... кавалерии? Хорошенькие у вас мысли, дочь моя! А известно ли вам, что я могу вот прямо сейчас взять и потребовать у вас исповеди? А? Известно? А ну-ка расстегните лиф, да я посмотрю — чем там может поживиться мой святой покровитель?

* * *

— По правде говоря, я боялся, что вас свалит жуткое похмелье, — признался Жос, когда они заняли свои места в дилижансе и возница весело щелкнул кнутом. — У меня тут есть вина пара капель — хотите?

— Ерунда, — улыбнулся Аствиц. — Вы думали, что если меня напугало штормовое море, то я и пить не умею, и от шлюх в обморок хлопнусь?

— Ничего я не думаю, — буркнул себе под нос Тролленбок. — Кажется, мы с вами славно сработались.

— Я тоже так считаю. Но о деле мы поговорим в Возне. И если все пройдет как надо — выпьем.

— Я терпелив... — прошептал Тролленбок, закрывая глаза. — Я терпелив... я просто воплощенное терпение...

— Когда вы узнаете, в чем там дело, ваша издевка заставит вас стыдиться.

— Я терпелив...

Аствиц фыркнул и отвернулся к окну.

Дилижанс тащился до Возна целых полдня, но все же это было быстрее, чем на пакетботе, которому к тому же пришлось пробиваться через ледяной шторм. Тролленбок успел выкурить четыре трубки, заключить небольшую сделку с соседом по кабинке — зажиточным фермером, живущим к югу от Возна, и потерять в конце концов терпение. Когда лошади остановились наконец на Почтовой площади, он едва не выдернул придремавшего Аствица за уши.

— Обедать — и за дело! Я правильно вас понял?

— Кто-то обещал быть терпеливым, — отец Лейф протер глаза и вздохнул. — Хотя я и сам умираю от нетерпения. Но без обеда нам не сдюжить, это точно...

Тушеное мясо, поданное верной Фильвой, было съедено за считанные минуты.

— Захватите набор слесарных инструментов, — вытер губы Лейф. — И идемте...

— Чинить или ломать? — уточнил Жос.

— Вероятно, вскрывать очень старый замок. Не волнуйтесь, без согласия хозяйки нам до замка все равно не добраться. Мы идем к Вейре — лишь бы она оказалась дома!

Через три минуты жрец и торговец уже поднимались на холм, за которым располагалась усадьба молодой баронессы Дестафф.

— Свою фамилию, — говорил Аствиц, — они получили не сразу. В том-то и вся соль, дорогой капитан, что фамилии в ту эпоху меняли многие, и если бы не архив, никогда б я не добрался до истины...

— То есть Дестафф — так называемое «подменное» имя? — понимающе хмыкнул Жос.

— Не совсем. Дестафф — последнее, уже никому ни о чем не говорящее. Подменных было три, и они едва не заставили меня сомневаться в собственном рассудке. Вы спросите, зачем все эти сложности? Да затем, что Дестаффы — потомки одного из сыновей палача.

— Палача?!

Жос остановился и уставился на своего спутника в тихом ужасе.

— Да, я тоже был шокирован. Отчего, вы думаете, я так напился вчера вечером? Было отчего! Да, они потомки того самого палача, которого выбрал для себя король. Палач, семь его дочерей и двое сыновей покинули столицу через лес Эргмун — помните? И все, кроме младшего сына, остались в лесу навсегда. Вряд ли мы узнаем, кто напал на них — казнь короля вызвала большое смятение среди провинциального дворянства. Что бы там ни было, для них король являлся олицетворением Пеллии, а те, кто приговорил его, — преступниками, заслуживающими смерти. Младший сын каким-то образом выжил, смог обосноваться в Возне и даже доставить сюда некоторое отцовское имущество. Фамилии ему менять начали сразу же, но нам до них никакого дела нет. Важно именно имущество...

Лейф взобрался на холм, где вокруг традиционно маленького фонтанчика стояли каменные скамьи, вздохнул и снял с пояса флягу с фруктовой водой.

— Палач получил некоторые вещи, изъятые у родственников господина конюшего правой стороны, который во всем поддерживал своего преступного монар-

ха, а потому также подлежал казни. Он, правда, успел смыться и исчез навеки. По логике вещей получается, что наш юный знакомец со сломанным орлом искал нечто, ранее принадлежавшее его семье. Говорят, такие поиски сейчас в большой моде... как вы думаете, Жос, орел может быть ключом к замку?

— Да, такие замки бывали, — задумчиво кивнул Тролленбок. — Более того, с обратной стороны орла имеется штифт, который, очевидно, вставлялся в центрирующее отверстие замка. Странно, что я не подумал об этом раньше!

— Ну, какая вам была разница. Однако вот мы и пришли...

Ворота усадьбы Дестафф выглядели довольно бедно — черная краска давно облупилась с кованых пик, уступив место вездесущей ржавчине. Жос уверенным жестом поднял привешенный на цепи молоток и ударил в небольшой гонг. Через несколько минут за воротами раздались шаркающие шаги.

— А-аа, господин Жос, — заулыбался старый дворецкий Болло, — и вы... э-э... отче?

— Мы знакомы, старик, — рассмеялся Лейф. — Скажи-ка, молодая хозяйка дома?

— Дома, — вздохнул дворецкий. — Все в огороде возится, бедняжка. Что ж ей еще делать-то при такой нашей бедности?

Вейра издали услышала знакомые голоса и поспешила навстречу гостям. Чмокнув в щеку Жоса, она поклонилась отцу Лейфу и приглашающе взмахнула рукой:

— Болло, вели подать вина. Господа наверняка устали, пока поднимались на нашу гору!

— Вина, если можно, потом, — мягко остановил ее Аствиц. — Нам нужно поговорить. Баронесса, вы помните того полусумасшедшего парня, что ворвался к вам с требованиями показать ему фамильные склепы?

— Того беднягу? — Вейра, розовощекая и светлоглазая, удивленно вздернула брови и резким жестом от-

бросила в сторону мешавшую ей челку. — Да, конечно, как же не помнить. Он здорово вывел меня из себя...

— Кажется, мы сумели понять, что он искал. Он не говорил вам, что орел его рода — на самом деле ключ?

— Да я орла-то нашла уже после того, как он удрал, на дорожке — вот тут он прямо и валялся, — девушка махнула рукой себе за спину. — А о том, что орел — это ключ... нет, он про такое не говорил.

— Боюсь, что рыться тут мы можем лет десять, — пробормотал Жос.

— Погодите, — перебил его Аствиц. — Я же говорил: если повезет, вино будем пить сегодня же вечером. Баронесса, вам известно, где в доме может храниться старинная воинская упряжь? Обычно такие вещи хранят столетиями, а зная склонность вашего покойного деда к коллекционированию старых книг, я предполагаю, что...

— Где-то в подвале под башней, — подумав, сказала Вейра. — Когда-то там рядом была конюшня, но ее давно перенесли в другое место, подальше от дома. В подвале полно всякой рухляди — идемте, посмотрим. Вы предполагаете найти у меня в доме сокровище? — Ее глаза весело блеснули, и девушка схватила Жоса за рукав: — Отец Лейф не шутит? Ну? Вперед же, господа!

— Отцу Лейфу не до шуток, — грустно ухнул Троленбок. — Вчера он даже испугался... хотел бы я знать, что он там еще от меня скрывает.

— Всеу свое время, — поднял руку жрец.

Ключи нашлись не сразу. Болло долго шуровал по ящикам многочисленных шкафов у себя на первом этаже большого старомодного дома, левое крыло которого оканчивалось круглой замшелой башней, — в ее цоколе находилась окованная ржавым железом дверь, ведущая в подвал. Дворецкий принес не только ключи, но и два керосиновых фонаря, почти новых и с большими мегаллическими отражателями.

— Двадцать лет как там не прибирались, — сообщил он, с огромным трудом открывая замок. — А так вообще

лет двести, наверное... и что ж там за сокровища у нас могут быть, подумать только...

Лейф проскочил в подвал первым. Как он и предполагал, с вентиляцией тут был полный порядок — длинное, уходящее во тьму помещение пахло лишь пылью, но не плесенью. Луч фонаря выхватывал из тьмы коробки с давно пересохшими ремнями упряжи, потом старую наковальню. Аствиц медленно шел вперед. Остовы седел, висящие на стене ржавые стремяна, ящики, целая гора типично морских ящиков из тщательно пропитанного особой смолой железного дерева... он присел на корточки, задумавшись.

— Так что искать? — спросил подошедший Жос. — Я терпелив, конечно, но...

— Фамилия конюшего была Рокамор, — произнес, закатив глаза, Аствиц. — В числе его имущества, переданного палачу, были два седельных сундука богатой работы, прочно окованные и хорошо просмоленные... два седельных сундука.

— Но здесь нет седельных сундуков.

— Нет, нам нужен именно седельный сундук. Сундук, в котором в ту эпоху принято было хранить от сырости парадные седла. Сундук с именем конюшего!

Аствиц вдруг вскочил и ткнул пальцем в стенку большого, обвязанного смоленным линем ящика, что виднелась в середине кучи ящиков поменьше.

— Тащим!

— Вейра, поддержи свет, — попросил Жос и, отстранив жреца, принялся растаскивать штабель ящиков, некоторые из которых норовили рассыпаться прямо у него в руках.

Вскоре он добрался до того, на который указал Лейф. Перерезав лить, он склонился над замком. Несколько движений узкой отверткой — и ржавый механизм просто развалился на куски. Тролленбок нетерпеливо потянул вверх крышку, но она не поддавалась, держалась будто приклеенная. Ругаясь, Жос поддел крышку небольшим ломиком и увидел, что край ее действительно

был когда-то обмазан толстым слоем смолистого растительного клея.

— Свет! — крикнул Аствиц, бросаясь на помощь Жосу.

В морском ящике, изготовленном согласно выжженным на боку цифрам более двух столетий тому, под толстым слоем расплзающейся парусины находился здоровенный, окованный серебром сундук с литерой Р, выложенной по дереву крохотными золотыми чешуйками.

— Небеса вседержителей, — выдохнул жрец. — Давайте его вытащим...

— А он не развалится? — осторожно спросил Жос.

— Сундук такой работы проживет еще триста лет, особенно при столь тщательном хранении. Ну же, давайте!

Тролленбок обхватил драгоценный сундук руками, крикнул и медленно потащил его наверх. Когда он опустил его на пол, внутри что-то отчетливо звякнуло.

— Посуда? — спросил он.

— Нет, — нервно ответил жрец, опускаясь перед сундуком на колени. — Стал бы я так дергаться из-за какой-то посуды!.. будь она хоть трижды золотая!

Стерев рукавом пыль с фигурной серебряной щечолды, под которой располагался замок, отец Лейф достал из кармана знакомого Жосу орла и вложил его в характерную фигурную прорезь. К изумлению Тролленбока, замок сухо щелкнул в ответ. Лейф повернул орла вправо, раздались еще три щелчка, и щечолда поднялась.

— Эта крышка тоже заклеена намертво, — сдавленно проговорил жрец. — Дайте-ка свою отвертку...

Сундук он вскрывал сам, не подпуская к делу Жоса. В конце концов крышка освободилась. Лейф встал, вытер пот и выдохнул:

— Не пойму, как работает этот замок. Я думал, со сломанным крылом орел бесполезен...

— Все дело в длине штифта, — усмехнулся Жос. — Сложный замок, на самом деле.

— Ну что там, что там? — зашептала Вейра, поднимая над головой свой фонарь.

Аствиц откинул скрипучую крышку и снова остановился. В ярком свете фонарей тускло светилась золотым шитьем то ли попона, то ли какое-то покрывало.

— Смотрите сами, баронесса, — просто сказал он.

Девушка наклонилась, приподняла край ткани и вскрикнула от изумления:

— Что это? Жос, что это?

Под тканью, замотанный в когда-то промасленную, но давно уже высохшую до трухи парусину, лежал темный бронзовый панцирь, густо украшенный насечкой. Рядом находился шлем довольно странной, очень древней работы.

— Это то, что стоит дороже золота, — облизал губы Лейф.

— Не понимаю, — пристально посмотрел на него Жос. — Действительно, что это за железяки?

— Это доспех Ориоля IV. Короля казнили в фамильном доспехе, и король завещал этот доспех своему палачу. Или вы думали, что умирающий юноша искал столовое серебро? Нет, Жос. Предложив этот доспех в дар Трону, баронесса Вейра сможет добиться многого... если я еще хоть что-то понимаю в этой жизни.

Выйдя на воздух, Жос раскурил трубку и уселся на небольшую скамейку, принесенную для него конюхом. Аствиц что-то горячо рассказывал восхищенной Вейре, которая не могла оторваться от находки. Тролленбок хмыкнул. Перед глазами у него появился король, который шел на казнь в доспехе своих отцов. Наверное, он был порядочным мерзавцем, но чувством собственного достоинства Ориоля IV боги не обидели...

— Пора выпить вина, — сказал Тролленбок и облизнулся. — Обещали же!

ПОХИЩЕНИЕ ВДОВИЦЫ

олебен закончился. Отец Лейф с восторгом воздел Священные Дары, кивнул службе, молодому и довольно бестолковому деревенскому парню, чтобы тот вовремя подставил чашу с морской водой, и устало выдохнул: исповедей сегодня не ожидалось, а молодая вдова Брокко, дочка богатого торговца из Корви, недавно потерявшая мужа и мечтающая о следующем, принесла половину копченого поросенка и две корзины сушеных овощей. Помощь семейству Брокко обещала немалые прибыли, и Лейф Аствиц знал, что ему делать: не далее чем в трех кварталах от его храма недавно поселился изящный, очень молодой, хотя и обремененный долгами сорокалетний флотский лейтенант из обедневших южан. Должностей он уже не ждал, и на первой же исповеди — офицер был крайне набожен, как многие моряки, почитал Эльта, бога Прибоя, — признался Лейфу, что купил домик в Возне на последние деньги. Двадцать пять лет в море несколько подсушили королевского лейтенанта, так что теперь ему хотелось невесту попышнее, с окороками — а происхождение уже не имело значения, тем более что пенсию он выслужил при любых раскладах. Молодая Юся Брокко, иногда похожая на очаровательного толстопалого щенка, подходила ему самым лучшим образом, и Лейф заранее потирал руки: еще бы, за такого жениха ее папаша отстегнет целое состояние, да и в по-

следующие годы не оставит старый храм своим усердием. А уж когда пойдет потомство...

К Лейфу подошли несколько старушек со скромными корзинками: яйца, хлеб, домашнее масло, в одной изумленно тарасился крупный серый гусь. Каждую из старух жрец искренне окропил холодной морской водой, поцеловал в лоб и прошептал пару слов в утешение. Экстаз молебна уже спал, он просто хотел помочь этим старым женщинам найти опору в стремительно уходящей жизни. Все они — он знал — родили много сыновей, и все были одинаково несчастны: кто-то не вернулся с моря. Старухи не были бедны, они жили в своих домах со своими вполне преуспевающими детьми, но мать никогда не сможет забыть потерянное дитя, и отец Лейф Аствиц понимал это лучше многих.

Сняв с себя облачение, Лейф прошел в кухню, где уже ждала его со стаканом вина крепкая, пышногрудая экономка Мила, и усмехнулся:

— Дела пошли... а еще летом храм стоял пустым, не так ли?

— Вы счастливы, — заметила она, — и впервые, скажу я вам, за эту зиму.

— Я иду обедать к господину Жосу, — сказал Лейф. — И это воистину делает меня счастливым.

— Господин Жос, господин Жос, — зафыркала Мила, подавая жрецу теплый зимний плащ, — у вас два раза в неделю господин Жос, — а потом вы приходите, весь от заморских вин захолодевший, пахнет от вас невесть какими пряностями, и ноги я вам всю ночь отогреть не могу.

— Покаянье наложу, дура! — рассмеялся жрец. — Будешь у меня поклоны бить на берегу три ночи вместо теплой моей постели. Каково оно зимой, а? Тебе ли о господине Жосе, королевском капитане, рассуждать? Да тебя плетью сечь за такое!

Мила проводила его до калитки мокрого зимой храмового сада. Остановившись, Лейф хитро поднял на прощанье палец:

— Приоденся, найди там свое синее платье, что батюшка с тобой послал, да беги что есть духу к лейтенанту Велойну. Дело его со вдовицей из Корви решено. Да смотри, чтобы меньше трех золотых он тебе за такую весть не дал. Лапать не станет, меня он знает. А я другое знаю — он в долгах, но жалованье ему платят, потому как с пенсией никак не решат. А мне тебя еще замуж выдавать.

Лейф Аствиц слышал, как она всхлипнула ему вслед. Ему тоже захотелось вздохнуть, но, поправив под плащом не положенную по чину длинную шпагу, он зашагал по тропинке вдоль сада, которая должна была вывести его на улицу, от которой до дома Жоса Тролленбока оставалось всего ничего.

Милу, потерявшую к своим двадцати пяти уже двух мужей-солдат, привел к отцу Лейфу вконец обедневший, побирающийся старый матрос. Его старая семья, падавшая в течение трех столетий, была когда-то знаменита. Идти к мужчинам Мила не хотела, а старик был при смерти. Поглядев на вполне ухоженную — отец тратил на нее последнее, — приятную девушку с полными икрами, Лейф Аствиц не устоял. Храм его был тогда еще беден до ужаса, но отец Лейф всегда был поклонником крепких ножек. Мила быстро привела в порядок и самого Лейфа, и нищее храмовое хозяйство. Она не могла иметь потомство — это решало все вопросы.

Он часто обижал ее, засиживаясь за книгами или уезжая в столицу, а она обижаться не могла. Это ранило Лейфа, однако вести себя иначе он тоже не мог. Он всю жизнь мыслил себя солдатом — высокородный дворянин, волею безжалостной матери загнанный в духовное сословие, жрец, фехтовальщик, книжник, вечный фантазер, а иногда выпивоха, вечный нищий, но порой — возвышенный проповедник... Отец Аствиц знал, что за

несколько всего месяцев службы в Возне он не только поднял из пепла никому не нужный храм, но и сделал массу других, мелких, малозаметных дел... Накормил пару нищих, отговорил аж трех восторженно влюбленных юниц от утопления в бухте и двоих потом благополучно выдал замуж — за тех самых, восторженных же, безбородых пока женишков... Благодарные папаши потом серебро сундучками приносили. Дворянство, хоть и рыбаки лет так двести.

Пеллия!

Отец Лейф в раздумчивости дошагал до перекрестка, посмотрел с улыбкой назад и поднял глаза к темному небу. До ночи было еще далеко. Где-то за левым его плечом шумел океан, и Лейф, вздохнув, в который уже раз дал себе слово не завидовать своему другу Жосу Тролленбоку, когда-то королевскому капитану, а ныне — преуспевающему торговцу и изрядному книгочею. С этим вздохом Лейф поднял руку к дверному молотку.

Дверь ему открыл сам хозяин — рослый, широкоплечий мужчина с улыбчивым, смятым мелкими морщинками, но совсем не старым еще лицом. Хитро улыбаясь, он отвесил короткий поклон и тут же втащил Лейфа в жарко натопленную, просторную кухню — обычно они обедали именно здесь, по-простецки, сидя за большим деревянным столом, развернутым вполубок к огромному очагу.

Лейф повесил на рога слева от камина плащ и шляпу, передал в церемониальном жесте свою шпагу — Жос весело рассмеялся — и наконец сел за стол. Аствиц уже знал, что его ждет, — заморские вина, жареные каплуны, маринады и, главное, славная и долгая беседа. Может быть, даже далеко за полночь.

— Н-ну, — Жос налил первый бокал и подмигнул своему другу, — я слышал, дело вдовы из Корви близко к своему э-ээ... логическому завершению?

Лейф едва не поперхнулся.

— Да откуда?! — возопил он, поднимая полные ужаса глаза на Тролленбока.

— А здесь мало других вдов? — резонно возмутился тот. — И все эти вдовы зашили себе рты? Пейте, друг мой, — смиренно сложил на груди руки Жос. — Зима нынче дождлива, и старики говорят, что быть ей долгой. Но нам-то что? Очаг горит, запасы мы с вами сделали хорошие... вина полно, а мясо нынче дешево. А я вот помню, вы пару раз позволили себе вздохнуть по поводу Возна...

— Было дело, — весело согласился отец Лейф, вгрызаясь в куриную ножку.

— А теперь? — с неподдельной скорбью в голосе спросил Жос.

Лейф отложил на край тарелки недоеденное и вздохнул, подняв глаза к закопченному, старому потолку:

— И чем я провинился пред тобой, о сын мой Жос?

— Да ничем, — захохотал Тролленбок, доставая из-под стола новый кувшин. — Просто ты вошел с такой задумчивой физиономией, что я сразу понял: что-то не так...

— Сыне мой! — возмутился отец Лейф.

— Отче! Ну нельзя же так яростно пережевывать тех поросят, которых вы только получите еще после... я повторяю — после!!! — свадьбы лейтенанта и юной вдовицы! Хотя...

— Э-ээ?

— Да я, если честно, завидую им обоим. Ты спросишь почему? Э-ээ, все довольно просто. Велойн — типичный флотский неудачник. То, что из небогатых, ни о чем не говорит. Дети рыбаков становились адмиралами, а у нас в Возне половина рыбаков — правнуки адмиралов. Весьма вероятно, что человек он достойный. Я слышал, будто долги его связаны с тем, что по задержке он выплачивал жалованье матросам своего фрегата из собственного кармана — его капитан этого делать не хотел, а он служил старшим офицером, и чувство долга

пересилило здравый смысл. Адмиралтейство признало за собой этот долг, но выплачивает его по мизеру... Винить лейтенанта Велойна в том, что ему захотелось не перезрелую купчиху, а молоденькую толстую девчонку, которая подарит ему хотя бы пятерых-семерых, — у кого рот откроется?

— А кто обвинит? — искренне удивился Лейф.

— Вот видишь, ты до сих пор плохо знаешь Возн. Я ведь спросил тебя — а у кого рот откроется? Лейтенант Велойн беден настолько, что купить приличный штатский костюм ему просто не на что. Он честно приобрел свой домик, и на этом все его средства истощились. Не будет же он одеваться, как фермер? Он ходит в форме, да еще и при шпаге. А ты знаешь, сколько в Возне сорокалетних красавиц, мнящих себя княгинями? Так что давай-ка, друг мой, жени их как можно скорее, хоть невесту укради, а то — быть беде, клянусь Эльтом!

Лейф глубоко вздохнул и задумался. Жос был прав. Ему самому, мужчине уже вполне зрелому, но все еще остающемуся внешне схожим с юношей, не раз делали знаки перезрелые вознские красотки из числа давно овдовевших, а то и вовсе не ходивших за мужем. Велойн, скромный и элегантный, был такой же породы — только к пятому десятку черты его лица утратили отроческую восторженность и он обрел зрелый взор настоящего мужчины, что утраивало интерес к нему со стороны этих усталых искательниц жениха.

— Так что же? — изумился Лейф — Ехать воровать невесту?

— Ну-у, — расхохотался Жос, — я не стал бы спешить, ибо помимо каплуна у меня запасено еще кое-что... но в целом, в целом?

Шагая в глубокой уже тьме домой, отец Лейф вдруг задумался о лейтенанте Велойне, который был ему до того совершенно безразличен, и о Юсе, милой сероглазой девчонке, рано выданной замуж за какого-то старо-

го чиновника... который, к счастью, помер, не успев как следует ее измучить и озлобить. Глаза ее — он видел — оставались светлы и наивны. Он слышал, в том доме была злая мать. Эстайн Велойн, пусть неудачник, но все же человек, закончивший службу на королевском броненосце, офицер, владеющий шпагой, вряд ли позволит своей теще вмешиваться в жизнь Юси. К тому же — офицер с такой репутацией, офицер, долг которого признало Королевское Адмиралтейство! Да если эта теща, думал Лейф, ошупывая рукоять шпаги, да увижу я эту тещу...

— Эй-эй, — вдруг услышал он у себя за спиной.

Лейф изумленно обернулся. Перед ним стояли трое, по виду — типичные рабочие столичных фабрик.

— Да? — спросил он. — Извините, вам нужна моя помощь? Что с вами случилось?

— Жаба! — хором прокричали все трое. — Морская жаба, это ж надо такое найти!

— Помось, — передразнил один из них. — Слышь ты, «помось», мелочь есть?

— Мелочь? — Лейфа шатнуло в сторону, и тут он вдруг понял, что находится в шаге от калитки храмового сада. — Но я не ношу с собой денег. Зачем? Я жрец...

— Жре-ец?!

— Ну конечно, — Лейф выпрямился, все еще удивляясь происходящему. — Я настоятель этого храма, вот, — он показал рукой куда-то через калитку. — Если вам нужна исповедь, то... ну, пожалуйста. На колени, будьте любезны.

Рабочие — моргнув, он увидел, что молод среди них только один, а двое других, пожалуй, уже разменяли четвертый десяток, — в ответ на столь резонное предложение ответили Лейфу диким хохотом. Младший — совсем мальчишка видом, хотя и, судя по невероятно грязным его рукам, повидавший труда на верфях или фабриках, — схватил отца Лейфа за нос и повел его в сторону.

— Какой он жрец, — прогундосил отрок, — пр-риду-рок пьяный. Он это, ребята, видно ж — он!

В этот момент отца-настоятеля дернуло и он слегка пришел в себя.

— Святым Эльтом! — возопил он, выдергивая шпагу. — Эльтом, сукины дети, казнию вас во имя бога Прибоя, во имя Эльта! Мила! Мила! Бони, тупая скотина, все ко мне, пришел наш час! Бони, Мила, во имя Эльта!

Похоже, нападавшие готовились встретить некоторый отпор, но уж никак не ожидали увидеть в руках своей жертвы — шпагу. Достаточно широкую, схожую с зауженными мечами старых эпох, но изготовленную из современной, превосходной стали, что было сразу видно по ее тусклому отсвету в лучах луны. И уж тем более им не могло прийти в голову, что настоятель скромного храма способен управляться с этой шпагой не хуже королевского гвардейца.

Навстречу Лейфу выскочили тяжелые, остро заточенные фабричные напильники. Он расхохотался в ответ, и его наконец услышали: в кухне загорелся газовый рожок.

— Что же, ублюдки, — заученным монастырским басом взревел он, — вы, не желающие исповеди? Что же?!!!

Отец Лейф Аствиц учился долго. Мечу его учил отец и трое наемных мастеров, последний из которых признал отрока гением. Саблю ему преподавала сестра и ее наставница, одна из лучших в пятом колене наставниц пеллийских принцесс. В университете его считали почти непобедимым.

Но еще никогда Лейфу Аствицу не случалось сражаться за свою жизнь.

Отскочив от младшего — того самого, что столь невежливо обошелся с его носом, — Лейф ударил его шпагой плашмя по голове, и юноша рухнул как подкошенный. Лейф тут же развернулся, слегка согнул колени, становясь в стойку, и вдруг увидел довольно большой

камень, летящий ему в лицо. Аствиц привычно сыграл ногами «восемь-десять», снова взмахнул шпагой — ему уже даже стало привычно бить «на удар», а не на смерть, чуть повернулся и увидел прямо перед собой лицо старшего из фабричных, дня три небритое, с выпученными от изумления глазами.

— На колени!! — на пределе своего баса прорычал он, и рабочий послушно рухнул перед ним.

Лейф ударил его в ухо сложной витой гардой своей шпаги, выдохнул и повернулся к Миле, задыхающейся, с громадной сковородкой в руках:

— Тебя звать, так сто раз сдохнешь. А этот дурак где?

— Так вы ж его сами домой отпустили... — Мила, глядя на стонущих в ледяной луже налетчиков, схватилась левой рукой за рот.

— А... — Лейф осмотрелся по сторонам, швырнул клинок в ножны и грустно побрел к храму.

— Лейф, Лейф! — услышал он у себя за спиной.

— Ну?

— Это вы их... сами? И вы... целы?!

Мила схватила его, бросила в кусты сковородку, стала щупать, силой тащить в храмовую кухню:

— Вы их — сами?! Трoих?

Лейф вздохнул. Мила довела его до уютно светящейся газовым рожком кухни, сноровисто раздела — привычка встречать мертвецки пьяных мужей, — осмотрела — Лейф покорно вертелся в ее сильных руках — и наконец вздохнула:

— Трoих... да это ж с канатной фабрики были, вы разве не знаете?

— Нет, не знаю. А какая мне разница?

— Так они ж вас убить могли!

— Меня?!

Лейф встал, вытащил из комка своей одежды шпагу в ножнах, хмыкнул и осторожно поставил ее в угол.

— Мила-Мила, дура-дура... ты ж гимназию закончила...

— И что?

— Так то, что никто еще на моем факультете меня сразить не мог... О, Эльт, Мила...

Она встала на колени перед ним, обнаженным, и вдруг заплакала. Лейф с силой провел рукой по лицу. Это был его первый бой, и все свои силы, все свое умение он потратил на то, чтобы не искалечить тех, кто хотел его убить. Все долгие годы учебы, все муки самоистязания — все пошло прахом. Учителя признавали его технику великолепной, его выдержку — достойной изумления. Все, все без исключения прочил ему блестящую победу в первом же поединке.

Его первый бой стал боем с ублюдками, недостойными даже плевка.

— Дай мне вина, — попросил он, натягивая свежее, хрустящее крахмалом белье. — И хватит рыдать! Я цел, со мной все в порядке.

Вечер он закончил в размышлениях над кувшином. Перед глазами Лейфа снова и снова вставали клетчатые — красное и желтое — полы фехтовальных классов, большие циркули в руках педагогов, разъясняющих премудрости стоек, и щелчки учебных клинков. Он дождался того момента, когда тоска увянет в обыкновенную для него, сухую и бесплодную, грусть, отставил в сторону стакан и побрел в спальню — прекрасно зная, что снова жестоко обидел ни в чем не повинную, собачьи преданную Милу.

* * *

После завтрака, проведенного в немного фальшивом молчании, отец Лейф выпил стакан легкого вина, достал из сундука тщательно вычищенный бархатный костюм, приличествующий его сану, и принялся одеваться в дорогу. Бони уже ждал во дворе, сидя на козлах

небольшой черной коляски, запряженной парой низкорослых мохнатых лошадок.

— В Корви, — приказал Аствиц, устраиваясь на кожаных подушках.

Бони кивнул со всезнающим видом. Отец Лейф в ответ хмыкнул и постарался не думать о том, что его слуги, кажется, разбираются в делах храма куда лучше настоятеля. Принимая назначение в Возн — вроде бы недавно еще, — Лейф, привыкший ощущать себя вечным неудачником, ждал нищеты и едва ли не голода долгими зимними ночами. Ему случалось видеть такие храмы и таких настоятелей: рано постаревших, измученных горькой бессмыслицей служения... Однако ж не прошло даже года, и вот: лошади, карета, кучер. Дорогие наряды от столичных портных, прекрасные вина — хоть утопись! — подносимые знатными, с именем, местными мастерами.

Зима перестала казаться ему неизбежным ужасом.

В его покоях жарко горела печь, стол его был изобилен, как никогда ранее, а ночью, отправляясь после книг и вина спать, отец Лейф привычно уже устраивался под боком теплой Милы. Бони ехал неторопливо, как и положено конюху уважаемого жреца — пока они выбрались за пределы Возна, Аствиц успел трижды отпустить грехи бойким вдовам, которые вспрыгнули на подножку его коляски.

Вдовица, коль молода, от мужниной могилы хоя — не грех то, пена морская, — повторял он себе, улыбаясь. Рыбаки иногда гибнут штормами, океан требует свое, и делать тут нечего, такова воля Эльта, бога Прибоя. Вдовы в пеллийской традиции отнюдь не нищенствуют, по крайней мере в Возне — даже если нет своей лавки, возвращаются с детьми под опеку отца либо братьев. До следующего замужества, а уж как вдова мужа себе подбирает, то ее дело...

Юсе Брокко, очаровательной улыбчивой девочке, повезло, как везет не многим: ее просит за себя не ста-

рик, но — красавец, зрелых лет, да человек просоленный, что ценится в Воэне, легкий на слово, тяжелый на руку. И она влюблена в него, влюблена: очень похоже, что у нее это первая любовь, потому что какая любовь могла быть со старым, лысым и пятнами побитым чинушей королевского казначейства, за которого ее, совсем еще ребенка, выдала жестокосердая мать?

Видела она его всего два раза, но этого хватило. Лейтенант Велойн, возмутительно молодой в свои годы, туго перетянутый черно-желтым офицерским поясом, на котором висит мудреная, угрожающей ширины морская сабля: улыбчивый, но немногословный, и главное, человек с репутацией, — конечно, отец Юси не тратил времени на раздумья. Откровенная нищета будущего зятя не волновала его совершенно, приданое старый торгаш заготовил весьма богатое. Дело было решено; однако ж после разговора со всезнающим Тролленбоком отец Лейф решил все же побеседовать о похищении.

— Велойн набегался под парусом, — сказал ему Жос, — и если я хоть что-то понимаю в этой жизни, от похищения он не откажется. Офицер он или где? Еще сто лет тому королевские лейтенанты принцесс крови воровали — и хвала богам, а то правящий Дом уже давно вырожден бы на манер крольчатника...

Вопрос решался просто, ибо, как настоятель одного из городских храмов, Лейф Аствиц обладал королевской печатью, позволяющей решать многие вопросы. Как несостоявшийся солдат, он недурно чувствовал себя в седле. Остальное выглядело чистойшей ерундой: невеста на балконе второго этажа, прыжок в мужественные руки жениха, бешеная скачка, лютые братья с фитильными семейными ружьями, — но на ленивых, до упаду перекармливаемых лошадях; жрец на песчаном берегу океана, — печать, сургуч, мешочек монет... и заранее пьяный, знающий традицию отец, который встречает

свою дочь в доме похитителя, — уже не невестой, но женой.

В традиции, правда, предполагались еще и родители жениха, но тут уж — чего не было, того нам не сыскать. Лейтенант Велойн оказался поздним, запоздалым сыном своего отца, и мать умерла вскоре после его рождения. Оба его брата, офицеры легкой кавалерии, погибли на северных границах Пеллии в первый год его жизни. Вскоре за ними последовал и отец — старик, он пал пред господином конюшим левой стороны и затребовал себе эскадрон. Отказать ему было нельзя. За несколько месяцев Велойн-старший очистил свой участок границы от бандитов и контрабандистов и догнал сыновей, встретившись в тесном ущелье с десятком наемных арбалетчиков. Ни доспех, ни нарезное ружье новейшей работы не смогли ему помочь. И все сопровождавшие его офицеры легли там же, в крови, в ужасе, среди беспомощных своих коней, которых убийцы, как и положено мастерам, не тронули. Кони ждали весь день и всю ночь — ждали, переживая агонию хозяев, которые иногда умирали часами, — и потом только побрели домой, в местечко, где квартировал эскадрон Велойна.

В долгой и кровавой пеллийской истории подобные драмы встречались отнюдь не редко. Глядя на плоские холмы, меж которых петляла выложенная камнем дорога в Корви, отец Лейф вдруг подумал, что прямо вот здесь, кажется, тоже была какая-то битва во время больших мятежей тысячелетней давности — кто-то из местных земледельцев рассказывал ему, что в полях иногда находят наконечники стрел, бронзовые пряжки доспехов и другие предметы воинского обихода.

— Везде кровь, — беззвучно, одними губами, произнес Аствиц.

Скоро впереди показались две мельницы, возведенные на холмах: Лейфу они казались чем-то вроде великанов, поставленных охранять покой маленького городка. За мельницами начались поля, фермерские

дома — а там уж и сам Корви, до сих пор сохранивший стены укреплений, выстроенных в глубокой древности.

Дом семейства Брокко был знаком всем местным, поэтому искать дорогу не пришлось. Бони остановился у высоких деревянных ворот, за которыми в глубине сада виднелось довольно мрачное, особенно сегодня, трехэтажное строение из потемневшего красного кирпича. Калитку открыл старик-привратник, какой-то непривычно мрачный и встревоженный. Узнав жреца, он облегченно вздохнул и заулыбался:

— Добро пожаловать, дорогой отче. Вам-то в этом доме всегда рады!..

— Что это ты, Бренн, — удивился Лейф, разглядев старую саблю на поясе слуги, — никак на войну собрался? Да по годам ли тебе?

— Вы все шутите, отче, — вздохнул тот. — А нам нынче не до шуток. Впрочем, о том вам хозяин сам расскажет. Пожалуйте в дом, милости просим.

Господин Хунар Брокко, мужчина еще не старый, но — кряжистый, крепкий в кости и рано поседевший, встречал гостя в дверях своего дома. В его глубоко упрямых серых глазах Лейф разглядел тревогу, совершенно невозможную для преуспевающего, уверенного в себе торговца.

— Да что у вас тут? — удивился Аствиц, когда они с хозяином обменялись приветствиями. — Бренн вон саблю нацепил... что произошло, хозяин Хунар? Королевство Пеллийское опять воюет, а я ни сном ни духом?

— Уж и не знаю, — вздохнул Брокко, провожая жреца в свой кабинет, — что лучше... Соседей наших прирезали. Вон, через два дома по улице: старого Кази да и жену его, как видно. А тела... утащили. Тут и пристав наш, и королевская стража из Возна пожаловали. Все обыскали, тел пока найти не могут.

— Так с чего ж решили, что прирезали? — остановился в изумлении Лейф.

— А с того, что весь дом вверх дном и кровь кругом подсохшая. Когда крови столько, тут уж понятно, что живыми стариков не увидишь. Утром сегодня все вскрылось — а резали, видно, той еще ночью, потому что служанку свою они на двое суток домой отпустили и пришла она только нынешним утром. Открывает дом своим ключом, а там, внутри, такое, что и смотреть страшно.

— Но тела?..

— А нет тел, — так и не понять, кого убили, а кто сам потом помер. Пристав, человек знающий, сразу сказал: на Севере такое в порядке вещей. Кази, он-то ведь северянин был рождением. Да-а... лесоторговец, причем не из малых. На старости ему врачи велели к морю перебраться, вот он дела оставил и — к нам. Жил тихо: мужчина уважительный, с образованием. Жену его я раза два только видел, все болела она... Пристав говорит — мечь, даже не думай! Свои, земляки, его за что-то и порешили. Ищи их теперь, где хочешь. Только вряд ли сыщешь!

— Да-а уж, — сочувственно покивал Аствиц. — Так это со страху, что ли, Бренн, саблей опоясался?

— Да сейчас весь Корви то ли с саблями, то ли с алембардами дедовскими, — усмехнулся Хунар. — Толку, понятно, ноль, да и не вернутся же они, в конце концов? Дело, я думаю, сделано, а кем да как, о том мы уже не узнаем.

— А пристав, стража?

— Пристав что? — пристав сразу рукой махнул. Раз мечь, то нам тут искать некого. На Север ехать, что ли, прикажете? Так там и пристав с головой расстанется, порядки у них известные.

Брокко усадил своего гостя в глубокое бархатное кресло, достал объемистый серебряный кувшин с вином, поставил его рядом с жаровней, только что заправленной новой порцией углей, и со вздохом подошел к окну.

— Темно-то как нынче... кажется мне, буря будет! А мне вот, как назло, завтра в столицу ехать. Может, повременить, отче? Что скажете?

— Оказаться на дороге зимним ураганом — дурное дело, Хунар.

— Да вот и я о том. Чего и ждать, непонятно! И сегодня холодина... давайте выпьем, дорогой отче! Вы, я знаю, человек деловой, просто так в дорогу не двинетесь... новости небось привезли? Выкладывайте, я в долгу не останусь!

Опорожнив здоровенный бокал подслащенного вина, Лейф приступил к делу. Слушая его, хозяин Брокко сперва повеселел, а потом и вовсе расхохотался.

— Похищение, говорите?! — рывкнул он, восторженно хлопнув ладонью по подлокотнику своего кресла. — Ну, господин лейтенант человек благородный, да и я кровей не последних — так что с сыновьями поговорю, о том не переживайте. Они в Юське души не чают, и отказа не будет, все сделаем честь по чести, так, чтоб никто и не пикнул! Лишь бы старуха моя не узнала... хоть она лежит давно, но может и встать по такому случаю. Тогда позора не оберешься.

— Ваша супруга?.. — осторожно поинтересовался Лейф.

— А вы разве не знаете? — вздохнул в ответ торговец.

Аствиц помотал головой. Все его знания о жене хозяина Брокко ограничивались слухами насчет ее крайне тяжелого характера, но ему и в голову не могло прийти, что она станет противиться свадьбе Юси и лейтенанта Велойна.

— Я ведь младший сын, — пожевал губами Хунар. — Такое дело... в доме у нас всем заправляла мамаша. Отец всегда был в разъездах, деньги у нас не переводились, но вот семья его не интересовала совершенно. Ну, маманя решила дело по-простому, никого не спросив: старшему — дом и дело, двух средних — одного

в войско, другого в монастырь, а меня, мальчишку совсем, женила на колоде, пятый десяток разменявшей. У людей торговых такое часто... Ну, красавица моя, что на тридцать лет меня старше, троих детей на свет кое-как произвела, а остальное мне уже самому без разницы. Дом этот достался мне от брата деда, у которого все померли, наследников не оставив, дело свое я сам построил, на похороны матери не поехал. Да она и сама понимала, что не приеду, — тогда еще, давно. Ее это и не волновало, у нее на все свой резон был, нам с вами непонятный. Поломать мальчишкам жизнь? Да запросто! Братец мой, что в монахи отдан был, в первый же год руки на себя наложил. Ульф, солдат, пожил немного, да и его лихорадка свалила. Так-то, отче... Потому колоде своей я воли не даю. Не уследил, было дело — выдала она Юську за козла старого, да с тех пор — легла и все в постели. Пусть и лежит. А то еще думает, что можно мной как раньше помыкать... не-ет, кончилось ее время. Ей уже в землю пора, так пусть теперь хоть Юська счастлива будет, за достойного человека выйдет.

Лейф опустил глаза. Ему уже доводилось, хоть и краем уха, слышать подобные истории. В торговом сословии дочерей иногда держали дома чуть не до старости — деспотичные матери использовали их в качестве прислуги, а потом выдавали за совсем мальчиков: либо болезненных, либо, чаще, младших в роду. И история шла по кругу, потому как сорокалетние «молодухи» вымещали свою любовно выношенную ненависть на детях.

— С головой-то у нее уж совсем плохо стало, — виновато добавил Хунар. — Может и всполошиться.

— Вожжами не пробовали? — спросил Аствиц.

— Не принято у нас, — вздохнул торговец. — То у благородных или там у чиновных каких — жену на конюшню да плетей до полусмерти... у нас нельзя, не поймут. Коль матушка оженила, так, значит, терпи, да и все тут.

В благословенной, тысячелетиями освященной пеллийской традиции жена во всем была равна мужу... при соблюдении одного условия: жена, способная скакать рядом с ним на боевом коне. Так повелось исстари, с тех древних времен, когда землевладелец выходил в поле не только с сыновьями, но и с дочерьми. Несмотря на то что Ориоль XX раз и навсегда закрыл девушкам дорогу в регулярное войско, старые оружейные дома по сей день делились на «дамские» и «господские». Девушки из знатных семейств учились владеть оружием с детства, но — вовсе не рядом со своими братьями. Их учителями традиционно были женщины, обязанностью которых считалось не только воинское искусство, а еще и воспитание будущей жены. Вздорность характера пресекалась розгами, ибо — жену слабую, жену сварливую и глупую пеллийский аристократ не считал себе ровней!

— Так будем полагать, что мы договорились? — причмокнул губами Лейф.

— В общих чертах, конечно, да, — Хунар поднял палец и потянулся к разогревшемуся возле жаровни кувшину.

— О деталях я поговорю с женихом, — рассмеялся жрец. — Вам же следует всего лишь ждать нас в его доме, причем...

— ...я позову кума Авреля, и мы начнем пить прямо с утра, — прижал к груди руку торговец. — К полуночи будем — в самой кондиции, я вас уверяю. Слово мое — камень!

— Вот-вот. Думаю, соблюдение традиций вам будет приятно.

— Еще бы, дорогой отче!

— Следовательно, вы берите кума, а я подговорю на это дело автора идеи, то есть господина Тролленбока.

— Мужчина он серьезный... сделает все, я думаю, в лучшем виде.

— Единственное «но» — не потащусь я ночью в коляске, уж вы меня простите. Не хочу. В конце концов, в старинных пьесах жрец бывал и в седле.

— Как скажете! — Хунар Брокко покорно поднял руки. — Тут решать только вам и господину лейтенанту.

— С ним я буду договариваться о дате. Думаю, скоро. Как все обдумаем — пришло к вам своего служку, а вы ко мне в храм — младшего сына, ему я передам ключ от дома жениха, так уж положено. Так как у жениха здесь друзей нет, прочие детали мы опустим. Главное, учтите, — это погоня! Братья невесты должны прибыть уже после совершения обряда. Обряд я проведу по мушкетному артикулу: всыпал, сплюнул, хлопнул шомполом! Тягомотины не будет! Но если они появятся раньше, все пойдет наперекосяк. Вы уж с ними смотрите! Как время обговорим, так пусть все и будет. Часы у них есть, я думаю?

— Обижаете, отче...

...Когда отец Лейф въехал в Возн, серый зимний день уже густел ожиданием ночи. Окна домов светились розоватым светом газовых рожков, на перекрестке возле дома Жоса Тролленбока стояла повозка фонарщика — они с помощником, видимо, решили немного погреться в крохотном погребке вдовы Кланси.

— Меня не жди, — сказал Лейф верному Бони. — Миле доложишь — дела у меня к господину Жосу.

— Ругаться она будет, — ойкнул парень. — Того и гляди мне достанется...

— Она у меня скоро доругается, задницу надеру, — Лейф чихнул. — Скажешь, чтоб налила тебе горячего вина. Пошел, давай!

Жос встретил его в кухне: на плите стоял здоровенный чугунный казан, распространяющий вокруг сложный аромат специй.

— Так я и знал, — хмыкнул он, жестом отпуская служанку Фильву, которая отворила дверь, — что тебя сле-

дует ждать всенепременнейшим образом. Сейчас подойдет мясо, и сядем ужинать. Брокко, как я понимаю, тебя одним винцом потчевал?

— Ты, как всегда, прав, — Лейф повесил плащ на привычное уже место, сел за огромный полированный стол и улыбнулся: — Вино, правда, оказалось очень даже ничего. Да и то: дело ведь ни туда ни сюда — за трапезу поздно, а обедать рано.

— Не понимает эта публика простых вещей, одни монетки на уме, — вздохнул Тролленбок. — А вдруг гость с холода, а вдруг — голоден? А он тебе — вино! Х-ха!

Жос задвинул заслонку, снял казан с огня и поставил его на стол, на заранее подготовленную доску. Следом на столе появился графин вина, глиняные, грубые, как ему нравилось, тарелки, пара чашек с соленьями и теплый еще хлеб — Аствиц знал, что Жос пригласит с соседом-пекарем и тот дважды в день отправляет к нему дочку с выпечкой.

— Договорился я, — доложил Аствиц. — Все, как ты и велел. Стражником жреца пойдешь? А то я обещал...

— Это как в «Золотой стреле» у Стандиса? — прищурился Тролленбок.

— Не только. Жрец, ожидающий влюбленных, занимал себе воина в целом десятке, что ли, классических пьес. Это только то, что я помню...

— А, я тоже помню. Нищий барон Бэлу — это у кого? У Даствия? Или у Мурлана?

— У Мурлана, и аж в пяти произведениях. Эпоха была! Сейчас вспомнить страшно. Тогда ведь это все было всерьез!

— А то. Еще лет триста назад уворовать невесту — это было ух какое мероприятие! Никто не шутил! Если братья успевали до последнего взмаха жреца — стреляли без дураков. — Жос достал большую деревянную ложку и принялся раскладывать по тарелкам горячее рагу с перцем. — Потому-то жрец зачастую нанимал

себе доброго стрелка, а иногда, когда дело было серьезное, денежное, — целый отряд. Бывало так, что братьям невесты приходилось туго!

— Обойдемся без кровопролития, — усмехнулся в ответ Аствиц. — Хотя... в Корви и так вон не пойми что произошло. Вроде как соседа Брокко зарезали вместе с женой. А трупов нет, уволокли. Пристав, умник, сразу говорит — северяне. Традиция у них такая.

— Это кого? — прищурился Жос.

— Некогого господина Кази, крупного лесоторговца на покое, — Лейф махнул рукой и потянул к себе бокал с горячим вином. — Я его не знал... говорят, родом он был с Севера. Мало ли что там в самом деле.

— Кази?

Жос скривился, будто в рот ему попало что-то непотребное, и бросил свою вилку на стол.

— И он представлялся в Корви как лесоторговец на покое?

— Н-ну, так мне обрисовал дело Брокко — ему-то знать лучше, нет?

— Он не был уроженцем Севера, — Жос глотнул вина и достал вдруг трубку. — И уж точно он не был лесоторговцем.

— Откуда ты знаешь?

— Да этот Кази приходил ко мне. Года два назад в первый раз... пытался втулить бумаги давно несуществующего ювелирного дома. Потом приперся якобы как один из основателей некоей морской биржи. Знаешь, почему я его послал?

— Ну, ты в торговле не первый день...

— Нет, Лейф. Не в торговле дело. Во-первых, я не люблю стариков, которые красятся, чтобы казаться моложе, а во-вторых... он так яростно имитировал северный выговор, что мне стало смешно. Он не северянин. Я служил со многими уроженцами нашего Севера — и с представителями серьезных, благородных семейств, и с людьми из давно забытых фамилий... у них был не про-

сто выговор, что ты! Они, по сути, общались меж собой на собственном диалекте. А мошенник Кази имитировал этот диалект. Ну, вот представь себе, к примеру, что я начну изъясняться с тобой на пеллийском, но с диким лавеллерским акцентом. Ч-что, выи, оццче, мне н-на с-сие ц-ццкажете? Мьяу, ц-циу р-ввяф?

— Эцнарин, ла-велленд цнад хрнал давлендрил, — спокойно ответил Аствиц. — Этсу, Жос, айннарх де арел гриз.

— Лавелленд невозможен только для певцов задницей, — машинально перевел Тролленбок. — Ты, Жос, не уделял внимания... чему? Арел гриз? Ну мне не хватало еще их поэзии!.. Да иди ты сам к этим лавеллерам!

— Я там не был, — смиренно вздохнул Лейф. — И вряд ли побываю. А жаль. Говорят, их воздушные корабли уже летают через Океан Востока. Мы продолжаем их ненавидеть, хотя уже полтора столетия они никак нас не трогают.

— Не хочу об этом говорить, — отмахнулся Жос, дымя трубкой. — Кази... слушай, а давай сделаем так: утром я пойду к нашему приставу и заявлю, что имел интерес в его делах, а раз так — должен поискать в его доме свои бумаги. Пристав, понятно, мне не откажет. Утром же мы с тобой да с приставом съездим в Корви. Посмотрим дом.

— Да зачем тебе это?

— Боюсь, что кому-то еще Кази мозги заморочил. Если его действительно убили, могут пострадать ни в чем не повинные люди. Говорю тебе, я хочу посмотреть его дом. Ты против?

Лейф пожал плечами.

— Я всегда пойду с тобой, Жос. Но... что значит — «если»?

— Не знаю... ничего не знаю, и на этом мы пока закончим. Давай-ка лучше прикинем, где нам назначать место обряда — для Велойна и Юси...

* * *

Завтракал Лейф на рассвете, благо спать лег рано, намного раньше, чем обычно. Не желая будить ни в чем не повинного Бони, дрова в печку он подбрасывал сам — Мила, приготовив ему яичницу, вернулась в постель, и он остался в холодной кухне один.

— Наверное, права была мама, говоря, что жениться мне нельзя, — задумчиво пробормотал он, наливая себе горячего вина. — Я опять обидел всех... и совершенно ни за что. Ох...

Бони вечером получил по носу от Милы. Мила в итоге — пару ударов кожаным ремнем от отца Лейфа. Несчастны остались решительно все.

Ковыряя вилкой яичницу, Лейф вдруг представил себе мальчишку Хунара Брокко, которого мать женила на сорокапятилетней, расплывшейся и редковолосой уже девице, давно озверевшей от жизни в родительском доме. Что она с ним делала — ему не хотелось о том и думать. Сам Лейф в такой ситуации сбежал бы к пиратам. И, вдруг вспомнив сдержанную, но не менее от того теплую любовь торговца к единственной дочери, Лейф улыбнулся.

— Да отдал бы я ее мальчишке, — сказал ему на прощанье Хунар. — Да мальчишек она не хочет. Не стал бы я ее травить, уж вы мне поверьте, отче, молю вас!

— О Эльт, вы плачете? — удивился Аствиц, привычно возлагая правую ладонь на лоб страждущего. — Нет-нет, все. Никаких слез, они неуютны Океану, и вы должны это знать. Каждое новое поколение имеет новое познание, это вы хотели сказать? Я знаю, хозяин Хунар. Вы совершенно правы насчет Юси. Я знаю, что она влюблена в Эстайна Велойна. И пусть, быть может, любовь эта всего лишь отроческая — ничего лучшего мы с вами сделать не сможем. Я отпускаю вам, Хунар, — Брокко уже выпрямился, но отец Лейф снова коснулся его лица своей рукой, даже нажал, — я отпу-

скаю. От этих слез вы свободны, а в отцовской любви к единственной дочери греха быть не может.

«Иного, — подумал Лейф, дожевывая яичницу, — такая спонтанная исповедь подвигла бы к гордыне. А с меня хватило того, что я успокоил человека, симпатичного мне своей искренностью. Никудышный из меня отец-настоятель...»

В окно кухни поскреблись. Аствиц вскочил, глянул — на сером зимнем ветру подпрыгивал, улыбаясь, один из учеников оружейной мастерской Жоса. Лейф тотчас же отпер дверь кухни, впустил парня в тепло и плеснул ему в чашку каплю горячего вина.

— Хозяин велел ждать его у дома пристава, — сообщил юноша. — Дело, как он сказал, решено. Я с коляской, отче. И печку уже разогрел.

— Холодно сегодня? — спросил жрец, надевая плащ.

— Да жуть, — кивнул ученик. — Но вам ничего, я вам печку, говорю, приготовил.

Лейф виновато улыбнулся. Коляску он узнал сразу — она принадлежала вдове Кланси, содержательнице винного погребка и соседке Тролленбока. Очевидно, Жос одолжил ее для поездки в Корво. В двухместной кабинке действительно пылала маленькая медная жаровня; юноша уселся на козлы, взмахнул кнутом, и пара лошадок потянулась в темную еще рассветную улочку.

Тролленбок всегда держал свое слово. У дома пристава он запрыгнул в коляску, стукнул пальцами по передней стенке:

— Едем, Лейф. Купил я на сегодня всех.

— Шустро ты. Значит, к Велойну я пойду только завтра.

— Мне тут о Велойне вдруг подумалось, — Жос тихо рассмеялся, грея пальцы над жаровней, — а как он невесту со второго этажа... да на руки?..

— Ну, знаешь, не надо делать из Юси поросенка! Она девочка плотненькая, но жирной я бы ее не назвал.

Скажу тебе больше — невеста и к сорока будет выглядеть как ее папаша. Широкая да крепкая.

— А Велойн? Щепка?.. Так может, пусть она все же с первого этажа прыгает?

Холодное, розовое солнце цеплялось за острые крыши домов Корви. Лейф вздохнул с некоторым удивлением: мороз здесь был редкостью. Над городком плыли полупрозрачные струи дыма многочисленных печей, изрядно растопленных этой ночью. Всезнайка Жос перебрался на козлы, показывая своему ученику, куда ехать, и вскоре коляска остановилась на знакомой отцу Лейфу улице. Следом за ними встала и тяжелая черная карета господина старшего пристава автономного департамента Возн: сопровождаемый двумя стражниками с короткими магазинными карабинами, он выбрался на покрытую ледяной коркой обочину, размял спину и решительно толкнул незапертую калитку.

— Ищите, хозяин Жос, — пристав, тяжелый и мощный, все же мельчал рядом с Тролленбоком. — Уж не знаю, что вы там хотите найти. Дверь открыть или сами справитесь?

Он коротко кивнул Аствицу и отошел в сторону, с ухмылкой глядя, как Жос вытаскивает из кармана набор отмычек.

— Вам ведь известно, где я служил, не правда ли? — Замок щелкнул, и Тролленбок потянул на себя высокую дубовую дверь.

Пристав хмыкнул.

— Служанка пыталась там прибраться, — сообщил он. — Да не смогла, упала в обморок. Так ее и унесли.

Дом оказался невелик — всего три комнаты да кухня, довольно, впрочем, просторная. Маленькую прихожую действительно вымыли, а вот дальше... проходя через гостиную, увешанную невинными пейзажиками, Аствиц с трудом сдержал стон. Кровь была везде: засохшие брызги на стенах, пятна на коврах и на диване, даже рожки газовых светильников на стенах оказались

усеяны крохотными темными пятнышками. Мебель — старинная, на века сработанная — была по большей части разбита и перевернута.

— А, — произнес Жос, осмотревшись по сторонам. — Ну-ну...

Не заходя в спальни, он сразу же пошел на кухню.

— Господин пристав, — услышал его голос Лейф, — а тела, я так понимаю, волокли к калитке? А следы где?

— Нет, — усмехнулся пристав. — Тела замотали во что-то и пронесли мимо огорода, к оврагу. Есть пара капель, есть...

— Пара капель? И следы множества ног?

— Множества?

— Ну конечно! Или вы думаете, что два тела мог донести один человек?

— Там разрыто, господин Жос. Так, как это всегда делают на Севере. Хорошо поработали граблями. Не дураки здесь были, ох не дураки...

— Это мы сейчас посмотрим, господин пристав...

Зайдя в кухню, Лейф нашел Жоса стоящим на цыпочках. Ладони его шарили по дубовым шкафам сверху; вдруг, хмыкнув, Тролленбок остановился и осторожно потянул что-то на себя.

— Я сперва искал в печи, — непонятно сказал он, — а потом, болван, вспомнил: Кази же был выше меня. Значит... ну, вот!

В пальцах он держал серый мешочек из пропитанной соком лау парусины. Напоминая собой старинную пороховницу, мешочек сужался конусом и оканчивался лакированным деревянным носиком.

— Клистир, — сообщил Жос, нюхая свою находку. — Новейший столичный вариант. Раньше слабительные смеси качали насосиком, а теперь вот, пожалуйста, эластичный мешок... а ну-ка понюхай, Лейф, чем он пахнет?

— Ты шутишь? — отпрянул Аствиц.

— Он пахнет «снежным сонником», — тихо сказал Жос. — Ты, может, о таком растении и не слышал, но я — знаю. Растет оно у нас на северной границе, в горах, и убивает человека легко, без всякой боли и страданий. В прежние времена таким способом избавлялись от ненужных принцесс. Немножко горячего настоя в прямую кишку — и все, никаких тебе криков, никакой рвоты, мучений... Принцесса просто засыпает. Только вот здесь не принцессу убивали, а свинью.

— Кого?! — Лейфа шатнуло.

— Свинью, говорю тебе! Под ноги себе глянь!

Жрец опустил глаза. День случился ясным, холодное солнце поднялось уже достаточно высоко, хорошо освещая кухню через три широких окна. Под самым сапогом Аствица, на грязном, затоптанном стражниками полу, которые размазали подсохшую кровь, отчетливо виднелись неглубокие царапины. Кто-то драл деревянный пол, выкрашенный серо-зеленой масляной краской, драл с немалой силой... возможно, с силой отчаяния.

— Мебель побита только здесь, — Жос заговорил скучным голосом, будто бы читая лекцию. — В остальных комнатах она порублена топором. Господин Кази принялся колоть свинью то того, как та уснула окончательно. Двигаться ей было уже трудно, но испортить пол и покорежить стулья она еще смогла. Да и, кажется, по дому немного побегала — чем здорово облегчила задачу хозяевам. Кази — мужчина немаленький и весьма тяжелый. Решив, что свинья уснула, он на нее сел и нанес удар. Чем? Не знаю, это уже не важно. Важно, что колоть свиней он не умеет. Свинья задергалась, поцарапала пол, сбросила с себя убийцу и понеслась в гостиную. Где-то в комнатах она все же умерла...

— Но зачем?

— ...Потом они с женой оттащили ее в повозку, которая уже стояла за огородом, — та, задняя, улочка выходит на пустырь, за которым начинается общинный

сад. Дальше — городская благотворительная больница, которая просыпается всегда после рассвета, и дорога в сторону моря. Славно придумано! Плохо то, что никаких бумаг мы тут уже, пожалуй, не найдем. Все, что представляло хоть какую-то ценность, господа Кази явно забрали с собой. Учитывая, что мебель старики рубили минут двадцать... да уж, подготовились они хорошо. Для нашего захолустья, Лейф, дело это незаурядное, и я совершенно не представляю себе, чем оно может кончиться!

Жос махнул рукой, забросил клистир в жерло давно остывшей печи и вышел из кухни.

— Нашли? — ехидно спросил у него пристав, доставая из кармана большую серебряную флягу.

— Вы же сами говорили мне, что бумаг в доме не осталось, — развел руками Тролленбок.

— Деньги ваши, — хмыкнул пристав. — Обыск был проведен по всей форме. Не было там ничего — да вы ведь сами знаете, все ценности старики обычно в банке держат. Чему удивляться? Ну так что, едем? Или вы еще доплатите за беспокойство?

— Едем, — задумчиво согласился Тролленбок. — Единственное, о чем я хочу попросить вашу милость: пусть стража поинтересуется у селян да у того мельника, что в сторону моря живут, — не попадалась ли им где дохлая свинья в овраге?

— Чего-о? — выпучил глаза пристав.

Всю обратную дорогу они провели в молчании и не глядя друг на друга.

Жос разомкнул губы лишь тогда, когда его ученик остановил коляску у дома лейтенанта Велойна:

— История дурная, Лейф.

— Угу.

— Мы идем говорить о деле, не так ли? Значит, соберись с духом и превратись в отца-настоятеля...

— Я, по-твоему, мороженный цыпленок?

Офицер, не столько удивленный, сколько обрадованный визитом, встретил их в дверях.

— Скорее, скорее, господа! Сегодня что-то уж так похолодало, я такого и не припомню. Три ведра угля в печку всадил, и все кажется холодно.

В светлой кухне, обставленной скромно, но вполне уютно, и вправду гудела огнем большая печь. Велойн живо бросил на сковородку несколько ломтей сала, разбил десяток яиц и достал из шкафа какие-то маринады.

— Я тут, господа, привык по-холостяцки, — извинился он, — так что прошу строго не судить. Есть тростниковая, сладкая. Есть вишневая — та покислее будет. Горькой, простите, не пью, а на вино сейчас денег нет.

— Чепуха, старина, — Жос запустил руку в здоровенную кожаную сумку, которую прихватил с собой, и достал две высокие темные бутылки, обвязанные по горлышкам серебристыми лентами. — Мы ж теперь официальные сваты, а значит — просто так по гостям не ходим.

— Пришли, значит, сватать, — рассмеялся Велойн. — Ну-ну...

— Не просто сватать, — поднял палец Тролленбок, — а договариваться о похищении невесты.

— Ого!

Хозяин приправил яичницу специями, накрыл крышкой и сел за стол.

— С чего такие сложности?

— Да хорошо б со свадьбой поспешить, — озабоченно кивнул Жос. — А то на вас, мой лейтенант, желающих хватит с избытком. А вы, простите, к похищениям вообще как относитесь? Положительно, я надеюсь?

— Нормально, — растерялся Велойн. — Нормально отношусь. Надо — значит, надо. Но вот только в такой холод...

— Дня через три ветер переменится, вам не кажется?

— Есть такое... И ветер переменится, и шторм в заливе утихнет. Вчера как раз болтал тут в таверне с рыбаками — так те злы порядком. Но то, что скоро потеплеет, это точно.

— Вот как потеплеет — тут же и за дело! Крепкую лошадь мы вам найдем, не волнуйтесь. Главное — договориться о деталях, а потом уж действовать решительно и храбро. Окрутит вас отец Лейф, а я возьму на себя обязанности наемного стражника жреца, чтобы ему одному на побережье страшно не было.

— Одна из моих тетушек по материнской линии рассказывала забавную историю, — Велойн снял сковороду с огня, поставил на толстую доску, — про дядьку, отца брата. Был он жрецом, настоятелем столичного храма Айвона. Однажды к нему обратился молодой моряк, офицер, давно влюбленный в дочку какого-то вельможи. И с ней, и с родителями все было решено, но старый дед невесты возьми да и заяви: без похищения, мол, дела не будет. Зачем нам зять, который невесту похитить не может? Пришлось моряку жреца искать. Дядька мой помялся для виду, но все же согласился. Назначили ночь. Приехал он куда-то в северное предместье, стоит на берегу, ждет. Один... Ждет, ждет, смотрит — какие-то люди едут. Он и думает: неужели братья невесты жениха опередили? Непорядок! Бросился к ним — а то никакие не братья, а шайка разбойников, в тех краях известная. Им что жрец, что купец — все добыча. Так бы они его и порешили, да тут из-за холма жених с невестой вылетают. А невеста не из робких, с саблей не расставалась. Втроем они разбойничков так прижали, что те от досады чуть в море не утопились! Братья в итоге примчались раньше, чем дядюшка обряд закончил, и пришлось им за дюнами маяться. Вот так оно в моей семье бывало. Так что со стражником и впрямь надежнее.

— Ваш дядя был настоятелем храма Айвона? — удивился Лейф.

— Моя семья поклоняется не только Эльту, — развел руками Велойн. — У дяди была сложная жизнь, — лейтенант вздохнул. — Говорят, я — его копия... одно лицо буквально.

— Так бывает, — кивнул Жос Тролленбок и раскупорил бутылку с крепким вином. — Видел я внука, что был копией деда в молодости, и случилась однажды с ним дурная история...

— Дяде тоже здорово не повезло. Его обманул какой-то мошенник — взял храмовые деньги на закупку материалов для ремонта, а дело повернул потом так, будто храм якобы переводил средства в королевские векселя. И печати, мерзавец, подделал! Началось расследование, а дядюшка был сердечник и всего этого попросту не выдержал...

— Что-то я такое припоминаю, — нахмурился Жос. — Слышал я эту историю. А мошенника потом вроде как убили, да?

— Пропал, — махнул рукой Велойн. — Подозрение было на убийство, да, но вот — пропал без вести. Хотя следователи пришли к мнению о том, что все-таки убили его. Кто, как?.. Какая мне разница. Дядю ведь не вернешь.

— В Возне тоже не пойми что творится, — вздохнул Лейф, желая перевести разговор в другое русло. — На меня вот напали совсем недавно...

— Кто?! — поразился Жос. — Кто мог напасть на жреца?

— Да меня, как я потом понял, с кем-то перепутали, — скривился в ответ Аствиц. — Рабочие с «канатки», кого-то поджидали, прихватив для верности напильники.

— Кого-то? Уж явно не одного из своих... ну-ка, — Тролленбок навалился на стол, глядя отцу Лейфу в глаза, — не молчите, друг мой отче! Когда это случилось?

— В тот раз... — неохотно признался Лейф. — Ну, когда мы обсуждали с тобой вопрос о похищении — помнишь?

— Простите, господа, — осторожно кашлянул Велойн, — я так понял, что вопрос с похищением моей, э-ээ, невесты, вы обсуждали еще довольно давно?

— Два дня тому, — рявкнул Жос, — и позже я объясню вам, лейтенант, что там и зачем.

— Хорошо, мой капитан, — недоуменно взмахнул руками жених. — Вам-то я доверяю...

— Вот и отлично! Лейф, не молчи, дорогой мой... сколько их было, этих рабочих?

— Трое, — спокойно ответил Аствиц. — С напильниками и, похоже, с ножами. Ждали у задов храма, поздно вечером.

— Ждали?..

— Я уверен. Меня с кем-то спутали, это точно... напил ты меня презрительно, но все же реплики их я слышал достаточно хорошо.

— Ждали они, следовательно, человека хорошо одетого... а может, и вооруженного. Нет?

— Увидев шпагу, они здорово растерялись.

— Погодите, умоляю вас! — вдруг разволновался Велойн. — Это, получается, позавчера вечером?

— Получается, — хмыкнул Жос. — У вас есть что сказать по этому делу, дружище?

— Видимо, да... вспомните, отче, — в день святого Нария мы с вами сидели в таверне у Фоста, и вы обещали мне показать вашу библиотеку. А дату назначили — как раз на позавчера. При этом мы довольно громко рассуждали о преимуществах поэзии эпохи Трех Властителей и сегодняшнем падении нравов... Но потом, когда из таверны мы уже вышли, вы все же предложили перенести мой визит на более удобное время... ну, на потом, после свадьбы? Помните?

— Я хоть и пьяница, однако на память пока не жаляюсь, — закивал Аствиц. — И народу там еще было не

продохнуть, почему я и поспешил домой, а то замучили руку целовать!.. Так что же это, Жос?.. ты хочешь сказать, что меня перепутали с лейтенантом? Но это же чушь какая-то...

— Статью вы схожи, — пробурчал Тролленбок, — а если вспомнить, что на тебе был синий плащ с галуном и широкополая морская шляпа с золотой пряжкой... да уж!

— Но кому я мог понадобиться?! — изумился Велойн. — За всю свою жизнь, господа, я не оскорбил и мухи!

— Однако ж пиратов перерезали сотни две? Впрочем, такого рода месть для Пеллии была бы в новинку... Нет, тут что-то другое... они убежали, а, Лейф?

— Я бил плашмя, — горько вздохнул жрец. — И куда они потом делись, я не знаю. Все-таки не каждый день на меня нападает целая толпа с заточенными напильниками.

— Никогда бы не подумал, что вы носите шпагу, отче, — покачал головой Велойн.

— Он ее не только носит, — задумчиво усмехнулся Жос. — Отец Лейф воспитывался в хорошей семье и вполне владеет оружием, так что за него я как раз особо не опасаюсь. Но вы, дружище Эстайн, — да кому вы в самом деле могли так насолить? На канатной фабрике в достатке бывших каторжников, которые легко возьмутся за такое дело, как подрезать под храмовой кухней тщедушного дворянчика, — это да... и все же заказчик их оказался таким же трусом, как и они сами. Не будь он трусом, стал бы искать серьезного «резника», от которого не очень-то убежишь. Забавная получается у нас картинка!

— Не будь они трусами — стали бы трупами, — мрачно заметил Лейф. — Драться меня учили так долго и так... изощренно, что после твоих вин я готов срубить королевского драгуна — даже вместе с конем.

— В этом я как раз не сомневаюсь. И все же странно мне как-то. Пьяные драки у нас, конечно, не редкость, особенно после открытия проклятых фабрик, но вот историй с наемными убийцами не случилось лет двести. Чуть ли не всякая-то, — Тролленбок пожал в недоумении плечами и взялся наконец за остывшую яичницу.

— Но свадьбу, я думаю, мы откладывать из-за этого не станем? — поинтересовался Лейф, проклиная себя за то, что упомянул об этом инциденте, который и так стоил ему немалых огорчений.

— Ни в коем случае, — жуя, отозвался Жос. — Окажи милость, поищи-ка в моей сумке карту побережья. Сейчас прикинем наиболее удобный для господина похитителя маршрут, договоримся о времени и месте... справим дело как положено, уж не сомневайтесь!

Оказавшись наконец дома — дело уже шло к закату, и приказчики готовились закрывать лавку, — Жос сказал Фильве, принявшей у него теплый плащ:

— Пока они там все не разошлись, отправь кого-нибудь из учеников к господину Керху. Они его знают...

— Да кто его не знает, — с ухмылкой ввернула Фильва, — только и дел у него, как по кабакам шататься!

— То тебя не касается. Вели привести господина Керха ко мне, и чем быстрее, тем лучше.

Когда служанка, недовольно кивая головой, ушла в лавку, Тролленбок поднялся в свой кабинет и достал из ящика стола папку с несколькими листами дорогой писчей бумаги, которую он держал для особых случаев.

«Сим приветствую тебя, о старый друг, хотя вместо приветствий следовало бы в первую голову извиниться за долгое мое молчание...» — начал он и остановился. На губах Жоса появилась грустная улыбка; встав, он подошел к буфету, налил себе стакан вина и вернулся к столу.

— Были, были дела... — прошептал он и снова взялся за перо.

Через несколько минут письмо было закончено. Тролленбок довольно выдохнул, отодвинул от себя исписанный лист и откинулся на спинку кресла. В дверь кабинета постучали — Жос вскинулся, удивляясь столь скорому исполнению своего приказа, но вместо Керха увидел старшего приказчика в сопровождении стражника из околотка королевского пристава.

— Вот, — развел руками приказчик. — Вас, хозяин, требуют...

— Велено передать, — отрывисто произнес стражник, поправляя на себе портупеею, — что свинья найдена.

— И все? — поднял брови Жос.

— Его милость господин пристав, — стражник кашлянул, — возможно, явятся на днях с частным визитом.

— Всегда рад, — поклонился Жос. — Так и передайте его милости — всегда рад!

Не утруждая себе дальнейшей беседой, королевский чин загрохотал каблуками вниз по лестнице. Жос подмигнул недоумевающему приказчику и закрыл перед его носом дверь.

— Я так и думал, — произнес он. — Но по суше он на север не поедет, больно уж труслив... и что тогда ему остается?

Когда он допил вино, мальчишка-ученик, прислуживавший в лавке, привел наконец старого Керха — на удивление трезвого и порядком оттого замерзшего.

— До чего ж шустрые парни у вас служат, — пожаловался Керх. — Бегать-то я уже не мастак...

— Их милость еле шли, — возмутился в ответ отрок. — А я потом виноват буду...

— Не будешь, — успокоил его Жос, протягивая серебряную монетку. — Можешь дуть домой... а вы, дорогой друг, успели все же озябнуть? Идемте вниз, там нас с вами ждет недурной ужин и еще кое-какие дела.

Столицу вы, я так полагаю, знаете лучше многих? И для вас, конечно же, не составит труда найти улицу Осминогов, где проживает ныне один мой старый друг, отставной королевский дознаватель?..

* * *

Неожиданный для Возна мороз сменился привычным теплым туманом уже через два дня, и лейтенант Велойн, как и было договорено, начал готовиться к свадьбе. Рано утром ключ от его дома был отправлен в Корви старому Хунару, который в ответ прислал записку с заверениями в полнейшей готовности исполнить свои обязанности по высшему разряду. К записке он приложил некоторое количество королевских ассигнаций, на которые Фильва, Мила и еще пара кумушек, вечно ошивающихся при храме отца Лейфа, помчались на рынок закупать все необходимое для свадебного стола. Кое-что, впрочем, жених приобрел еще накануне, так что задача была не из сложных.

В обед Жос привел Велойну лошадь из своей конюшни — крепкую, но спокойную нравом, и окончательно уточнил время и место встречи. Было решено, что дело нужно закончить к полуночи, поэтому для выполнения обряда выбрали небольшую бухту в получасе неспешной езды от Возна; Юся ждала жениха вскоре после заката. Все детали они обговорили с такой тщательностью, будто готовились не к веселой потехе, а к военной кампании, немало потешив тем отца Лейфа. Вернувшись домой, жрец немного подремал, потом перекусил и стал собираться. Брачное свидетельство он написал заранее, используя для того официальный королевский бланк на плотной желтой бумаге с гербами Правящего Дома — не хватало только подписей жениха и невесты да печати. Печать, чернильницу и два золотых пера Лейф тщательно упаковал в особый пенал из красного дерева, который привязал красивой лентой

к небольшому тубусу, в котором лежало свидетельство. Так делали все жрецы в классических пеллийских драмах, и отец Лейф не желал ни в чем отступать от традиции. Надев особое свадебное облачение, он накинул на плечи плотный дорожный плащ, но потом, коротко вздохнув, все же сбросил его на стул и потянулся за перевязью. Без шпаги ему теперь было как-то неуютно.

— В конце концов, — пробормотал он, — шпагу я всегда могу снять и отдать тому же Жосу. Почему бы и нет?

Коня Аствицу одолжил один из наиболее богатых прихожан, торговец тканями и большой любитель верховой езды. Коняга был немолод, но, по словам хозяина, способен еще на многое. Раньше на нем ездила старшая дочь торговца, до замужества служившая в личной гвардии одной весьма знатной герцогини, что говорило само за себя. Бони уже ждал хозяина возле конюшни.

— Остаешься один за всех, — с улыбкой сказал ему Лейф, ставя ногу в стремя. — И смотри мне!

— Не извольте беспокоиться, — поклонился слуга. — К вину не притронусь. Доброй вам дороги, отче! Поздравьте там молодых и от меня тоже!

— Непременно! — Аствиц махнул рукой в расшитой кожаной перчатке и тронул бок коня каблуком.

Фонарщики уже давно закончили свою ежевечернюю работу и засели в погребок старухи Кланси, согреваясь вином да тушеными овощами с салом. В тумане, густо укутавшем Возн, окна домов светились как-то по-особенному уютно; из приоткрытых кухонных форточек тянуло жареной рыбой — сегодня рыбаки после вынужденного перерыва снова вышли в море и вернулись с хорошим уловом.

Расстояние, отделявшее храм от дома Тролленбока, отец Лейф преодолел шагом — спешить ему было особо некуда. Большая часть лавок уже закрылась, торговля продолжалась только в винных, и светились покуда

окна пекарни папаши Лаана, не успевшего распродать обеденную выпечку.

Жос открыл ему дверь кухни сразу же, будто стоял рядом, ожидая.

— Я уже готов, — сообщил он с набитым ртом. — Сейчас, только захвачу кое-что в дорогу.

На боку его коня Аствиц не без удивления разглядел магазинный карабин незнакомой системы.

— Ну стражник я или как? — ответил на его взгляд Тролленбок. — Я, как видишь, и саблю не забыл. Старая, проверенная. Ух, сколько голов мы с нею срубили!

— Шутки у тебя... — вздохнул Лейф.

— А если нет? — прищурился Жос. — Много ты про меня знаешь! Держи вот лучше, — и он выудил из набедренной сумки небольшую флягу. — Жрецу положено трястись от страха и запивать это дело старинными монастырскими винами. Так, нет?

— Н-ну да, — согласился жрец. — Но, будь оно все неладно, Жос, — иногда ты умудряешься испортить мне настроение буквально на ровном месте!

— Уж извини. У меня вот настроение самое что ни на есть задумчивое.

— Что так?

— Дошли до меня кое-какие столичные новости, и удивился я им, друг мой, преизрядно. Опасаются, будто бы где-то тут у нас под носом активизировалось одно давно забытое тайное общество, связанное с лавеллерами. И от таких опасений потерял сон и покой не кто-нибудь, а сам господин конюший левой стороны.

— Этого только не хватало! — с ужасом выдохнул Лейф.

— Во-во, — Жос зачем-то обернулся назад, где таяли за его спиной последние огоньки Возна, и продолжил: — Нам тут только агентов Серебряного Покоя не хватало! Недавно при заправке на газовой станции в Хирлахе взорвался новейший воздушный корабль Королевского Флота. Официально объявлено о трагической

случайности — летучий газ, в конце концов, довольно опасен, — но кое-кто говорит о другом... Между тем в нашем тихом, казалось бы, городке хватает личностей с очень туманным прошлым. А в окрестных деревушках проживают уж совсем загадочные экземпляры.

Лейф недоверчиво покачал головой. Он понимал, что осведомленность Жоса выглядит иногда не совсем обычно, но все же... нет, нет, это какая-то чепуха. Тайные общества здесь, в Возне? Ну кто в это поверит? Разве если принять за таковые вечерние сборища кумушек да вдовушек — те, конечно, вполне способны сострять какой угодно заговор!..

Скоро утоптанная грунтовая дорога, по которой они ехали, свернула направо, исчезая меж невысоких, поросших кустарником холмов, Жос же показал рукой на невидимый в плотном тумане берег океана.

— Почти приехали, — сказал он.

— Как бы тут Велойн не заблудился, — озабоченно повертел шеей Лейф. — Собственного носа не найдешь...

— Он моряк, — возразил ему Тролленбок. — Умеет находить дорогу в море — не заблудится и на суше.

Аствиц с сомнением покачал головой. Следуя за своим другом, он обогнул небольшой холмик и спустился почти к самой воде. Под копытами их коней скрипнул влажный песок. Вот Жос разглядел какую-то тропу и, молча взмахнув рукой, велел ехать за ним. Через несколько минут он остановился.

— Вот тебе и романтическая бухта. Велойн появится оттуда, — Тролленбок слез с коня и показал рукой наверх, где в сизой тьме едва угадывались контуры холмов. — Там более чем достаточно ориентиров, которые я обозначил на его карте. От заброшенной мельницы налево, вниз — и не ошибешься!

— А это что? — перебил его Аствиц, напряженно всматриваясь во мрак. — Мне чудится или вон, на берегу, хибара какая-то?

— Рыбаки, как я понимаю, там сети сушат, — хмыкнул Жос, обладавший зрением куда более острым, чем Лейф. — Хочешь погреться?

— Не хочу, — буркнул жрец. — Просто не нравится почему-то, да и все...

Спешившись, он осторожно подошел к самой волне и наполнил морской водой особой формы склянку с длинным гнутым носиком.

— Обряд? — тихо спросил Жос.

— Разумеется.

— Ну, если я что-то понимаю в этой жизни, невеста уже похищена, и жених сейчас мчится по ночной дороге к рокочущему океану...

— Это уже не шутки, — поморщился Лейф. — Не вздумай раскрыть рот во время обряда. Действовать я буду быстро, но пока не закончу — молчок.

— Ясно.

Жос раскурил свою старую трубку и присел на толстое бревно, принесенное морем.

— У тебя хороший слух? — неожиданно спросил он Лейфа, когда тот уже начал придремывать от скуки.

— Не жалуюсь, — вскинулся жрец. — А что?

— Мне чудится или я слышу какой-то плеск?

— Плеск?.. Ага... и скрип — ты слышишь?

— Проклятье, в такое время тут можно ждать только контрабандистов. Хотя надо быть совершенно сумасшедшим, чтобы подходить к берегу нынешней ночью!

— По-моему, удаляется, — Лейф всматривался в туманный мрак океана, но не мог различить решительно ничего. — Да какая нам, собственно, разница?

Жос взмахнул рукой, собираясь что-то ответить, но тут над холмами глухо стукнул выстрел, раздался слабый топот копыт, и из вязкой мути выплыл конь с двумя седоками на спине.

— Вот и мы, друзья! — раздался звонкий голос Велойна.

— Отлично! Где братья похищенной?

— Спешить и не думают.

— Прекрасно. Начинаем!

Лейф скинул с себя плащ, отдал Жосу свою шпагу вместе с перевязью и надел на голову высокую жреческую шапку, богато расшитую жемчугом. Приняв поцелуй от Юси, которая то и дело принималась нервно хихикать, отец Аствиц разжег две небольшие масляные лампы, поставил их на песок и встал перед молодыми. Держа в левой руке подобранную на берегу раковину — как временный, согласно традиции, брачный символ бога Прибоя, — а в правой кропило с морской водой, он хмыкнул и негромко произнес:

— Отвечаем быстро, и только по делу... Итак: ты, Эстайн Велойн, и ты, вдова Юся Брокко, готовы, заключая сей союз, освятить его именем Эльта, святого вседержителя Прибоя, отдавая ему сердца свои на веки вечные?..

— Готовы, — хором ответили жених с невестой.

— Превосходно... беремся за руки...

Лейф ловко начертил кропилом круг над головой жениха, волной плеснул на невесту и, спрятав сосуд, достал брачное свидетельство.

— Перья, — скомандовал он. — Вот чернильница.

Велойн стремительно вывел свое имя внизу документа и подержал бумагу, пока расписывалась Юся.

— Брачный сей союз, именем Эльта, объявляю законным и действительным на всей территории королевства Пеллийского и прочих и прочих... встали, ко мне... печать.

На глазах у молодых Лейф шлепнул на свидетельство большую красную печать и снова наклонился за кропилом.

— Последнее, — прошептал он, — и все. Именем Эльта, — холодные соленые капли брызнули на лицо Юси, — служи, жена, мужу своему... муж же, — он повернулся к Велойну и снова поднял носик кропила, —

★ муж же служи жене своей. На веки вечные. Именем Эльта, бога Прибоя, нарекаю вас мужем и же...

Рядом с ним — так, по крайней мере, ему показалось — что-то стукнуло, и Лейф ощутил непонятный толчок.

— Женой, — договорил он, падая на песок от могучего удара Жоса.

Следующие несколько секунд вокруг него творилось нечто совершенно невообразимое.

— Велойн, бегите! — орал Жос. — Хватайте Юсю, бегите! Он стреляет в вас!!!

— Кто, Жос?!

— Потом! Бегите за холм!

Лейф недоуменно поднял голову. Лейтенант с невестой — точнее, теперь уже женой — уже таяли в тумане. Лампы уже не горели. Рядом с ним стоял на коленях Жос со своим карабином в руках, напряженно глядя куда-то в сторону рыбацкой хижины... вспышка, хлопок! Жос тотчас выстрелил в ответ и хрипло выдохнул:

— Здесь он, здесь... а мы-то его по всем деревьям ищем, весь берег прочесываем! Ну надо ж такому случиться!

— Кто — он? — тихо спросил Лейф, подтягивая к себе свою шпагу, что валялась возле задницы Тролленбока.

— Кази... хотя никакой он не Кази, конечно.

Из мрака снова плеснуло огнем, и Лейф отчетливо услышал, как пуля ударила о камень за его спиной. Карабин Жоса тотчас же бахнул на вспышку — раз, другой, третий.

— Патронов много? — прошептал Лейф.

— Хватит, — плюнул Жос. — А что?

— А то, что рано или поздно кто-то в кого-то попадет. Мне это не нравится. Стреляй в него... чуть левее последней вспышки... время от времени...

— Ты куда? — Тролленбок попытался схватить друга за полу ризы, но тот уже полз по песку, волоча за собой шпагу.

Время шло к полуночи, и туман сгустился настолько, что его чуть ли не приходилось раздвигать руками. Впрочем, увидеть врага Лейф и не рассчитывал. Долгие годы работы в пронзительной тишине библиотек и архивов до того обострили его и так острый от рождения слух, что он был уверен — при следующем перемещении господин покойник обнаружит себя хотя бы шорохом...

Жос выстрелил два раза подряд, и Аствиц замер на песке. Нет, тихо... неужели он уже удрал куда-то? Но вот где-то совсем рядом хлопнул одиночный выстрел, и тотчас же последовали ответные выстрелы Тролленбока: раз, два... три. Лейф напрягся.

— Да вот же он, — беззвучно произнес жрец, удивляясь самому себе.

Кази явно бежал в сторону хижины — однако, пробежав совсем немного, снова упал на песок. Стрелять он почему-то не спешил.

Неужели он кого-то ждет? Лейфа словно ударило. Зажав шпагу под мышкой, он вскочил и со всех ног бросился туда, где, по его представлениям, находился мошенник.

На этот раз он не ошибся. Кази все же увидел его, даже вскинул свое длинноствольное ружье, но подняться уже не успел — жрец ударил его ножнами по голове, повернулся, обнажая клинок, и принял на крестовину шпаги огромный кривой нож, который Кази хранил до срока за голенищем. Невзирая на внешнюю щуплость, мошенник оказался настоящим силачом, и Лейф отпрянул от него, давая возможность подняться.

— А-аа, отче! — зашипел господин Кази, становясь в стойку. — Успели окрутить молодых? Или как?

— Жос! — заорал Лейф. — Он здесь! Я нашел!

— Ах ты... — его противник сделал широкий, очень опасный замах, и отец Аствиц с удивлением понял, что тот когда-то учился фехтованию.

Лейф плавно сместился в сторону, разрывая дистанцию, и в тот же миг, обманчивым шагом уводя клинок Кази за свое плечо, скользнул вниз, чтобы вонзить шпагу в правое бедро противника, но тот, разгадав его замысел, кутнулся, и шпага жреца лишь полоснула воздух.

— Не получится, — заметил Лейф, переходя к фронтальной атаке. — Мой клинок длиннее... и я намного моложе... ну, вот же!

Острые легко прошло через толстую кожу жилета, который был надет на Кази, и тот закричал, не столько от боли, сколько от изумления: Лейф выдернул шпагу, а на плече его противника появилось быстро расплывающееся пятно крови.

— Это еще не все! — зарычал тот.

— Хватит, — Аствиц вышиб нож из его кисти и отшвырнул сапогом в сторону. — Вставайте... вон бежит Жос.

— В хибаре, — Тролленбок на ходу снимал с себя пояс, — должна быть его жена. Быстрее, Лейф, мне кажется, я уже слышу весла на воде... надо сматываться, а то сейчас тут начнется настоящая битва... живее, живее, отче!

... — Настоящее его имя — барон Тойлен, — говорил Тролленбок Лейфу, когда они медленно ехали от околотка вознского пристава, которого пришлось поднимать посреди ночи, — и человек он, кстати говоря, знатный. Так что, кидаясь на тебя с ножом, наш дорогой покойничек имел все основания полагать, что разделается с каким-то там жрецом одной левой. Н-да...

— Так это он, получается, и был тем негодяем, который обворовал настоятеля храма Айвона? Но Велойн?.. проклятье, он-то тут при чем?

— Вокруг Велойна все и закрутилось, — впереди показалась улочка, на которой стоял дом лейтенанта, и Жос остановил своего коня. — «Господин Кази» увидел

лейтенанта во время одного из его визитов к Хунару и испугался до полусмерти. Такой страх не всегда можно объяснить с рациональной точки зрения; впрочем, я видал и похуже... Гнусный мошенник иногда появлялся в столице, его видели — но никто уже не искал, так что опасности ему ждать было неоткуда. А тут вдруг — наш красавчик-лейтенант, который, как мы знаем, весьма похож на своего трагически почившего дядюшку. Кази перепугался и решил проделать трюк, однажды спасший его от королевских галер. Беда вся в том, что резать свиней он, как ни странно, не умеет вовсе. Хотя со шпагой — более или менее... В первый раз он тоже отравил свинью и заколол ее в полусонном виде. Я-то все это помню, понимаешь?

— Ты же вроде моряк? — подозрительно покосился на друга Лейф.

— Да уж такой моряк, что и по суше побегал! В общем, вот, — увидев, что дело пахнет свининой, я отправил в столицу одного своего дружка с письмом к некоему знающему человеку. Тот сразу написал ответ, а я, едва узнав, что мошенника Тойлена видели и видят в столице, немедля пошел к приставу.

— Но почему ты решил, что он спрятался где-то на побережье?

— Потому что имитировать северный акцент он научился от жены. Она у него — горянка, из очень старинной семьи, он тоже похитил ее когда-то, во время службы в саперных частях на северной границе. И бежал он в первый раз именно туда. А отсюда на Пеллийский Север два пути: либо по суше через столицу, либо по морю... конечно, я допускал, что наш Кази рискнет затеряться в столичных трущобах. Однако, видишь, оказался прав почти во всем. Ну а с кем и как он договаривался, какие контрабандисты должны были его вывезти — то уже дело пристава. Нас, боюсь, уже на свадьбе заждались. Похищение-то прошло на славу, а, отче?

ВОРОН И НЕБЕСНЫЕ КАВАЛЕРЫ

старину жил один премудрый алхимик, постигший тайны земли и неба. Игры стихий подчинились ему. Суть вещей он читал, как открытую книгу.

Он мечтал создать совершенство — философский камень. Но сколько ни прилагал он усилий, а мечта его никак не осуществлялась. Алхимик перепробовал сотни способов, поставил тысячи опытов, сжег себе бороду и спалил брови... философский камень добыть ему не удавалось.

Будучи мудрым человеком, он понял: само Небо не дает ему сотворить философский камень. Должно быть, он где-то сбился с верного пути... Что ж, годы его еще позволяли отведать радостей помимо тех, что даруют колбы, реторты и древние манускрипты. И разве хуже дело — встречать старость в одиночку? Мудрец отыскал себе добрую женщину и сделал ее своей супругой. С нею вместе он создал совершенство, хотя и совсем иного рода — не то, о чем мечтал. У них родилась девочка необыкновенной красоты.

Мать умерла родами. Воспитывая девочку, алхимик не уставал любоваться ее лицом, волосами и руками. В конце концов он решил, что дочь поможет ему поставить еще один опыт, последний в жизни. Он давно отринул мечту о философском камне, превращающем обыкновенные вещества в золото. Но в голову ему при-

шла иная идея: выковать душу чище золота, не знающую скверны, злобы и соблазнов.

Он решил спрятать свою дочь так далеко от людей, чтобы никто не загрязнил чистоту ее души. Три дня и три ночи алхимик думал о том, в какие края следует отправить девочку. Наконец он понял, что не сыскать лучшего места, чем один из заброшенных городов на обратной стороне Луны.

Титаны древности жили там без забот, ибо они были существами нечувствительными ни к зною, ни к морозу. Потом люди истребили титанов и заняли их жилища, но долго там не продержались. Слишком уж много дров и угля требовали ненасытные печи на холодной Луне...

Без помощника алхимик не мог выполнить свой замысел и потому отправился в горное княжество, где селились гигантские вороны. Одному из них старик заплатил за службу великую цену. Никто не знал истинного размера той цены, но отрабатывать ее князь Ворон должен был много лет — покуда душа девочки не станет чище золота.

Ворон отыскал на обратной стороне Луны просторные палаты с печью высотой в три человеческих роста. Затем умная птица набила тамошние погреба пищей и перетаскала туда множество нужных вещей, особенно одежды — на вырост девочке. Старый алхимик передал Ворону все свое богатство — сундук с золотыми и сундук с серебряными монетами, которые он заработал, служа королям и герцогам. Огромная птица унесла все деньги на Луну, а когда вернулась, настало время лететь и отцу с дочерью.

Последнюю ночь, когда девочка была на Земле, ее отец, дряхлый старик, почувствовал необъяснимую печаль. Алхимик подошел к ее кровати, поцеловал дочь в лоб и в обе щеки. Потом переложил девочку в люльку, а люльку обернул платком золотого шелка, расшитым черными лебедями. Завязав платок крепким узлом, алхимик отдал драгоценный груз Ворону.

Ворон зажал узел в правой лапе и начал подниматься к Луне. Он летел очень медленно, очень осторожно, стараясь не разбудить маленькую девочку. Дочь алхимика возносилась в люльке и видела странные сны: будто она плывет в лодке по ночной реке, минуя множества маяков. Это Ворон пролетал мимо звезд, служащих фонарями на дороге от Земли к Луне. Иногда ей снилось, что она качается на качелях и видит в отдалении блистающую реку. Это Ворон, утомившись, перекидывал ношу из правой лапы в левую, а хрустальные указатели на его пути поблескивали холодным светом. У самой Луны в сны дочери алхимика явился полупрозрачный единорог. Он преклонил колена и позвал девочку взобраться к нему на спину — скакать, играть и резвиться. Это и был настоящий небесный единорог, бесшабашный вор. Он стоял у кедрового палисада, отделявшего лунную дорогу от вольного неба, беспокойно ржал и косил лукавым глазом на девочку в люльке. Он бы перескочил изгородь и похитил девочку, но побоялся Ворона: уж больно тот был велик и силен.

Ворон устроил девочку в лунных хоромах и вернулся за алхимиком. Но тот не пережил ночи: за час до рассвета ангел явился за душой старика, исторг ее из тела и направил по лестнице мытарств.

Сначала девочка очень тосковала по отцу. Она много дней лила слезы.

Но Ворон развлекал ее: читал умные книжки, показывал в них красивые гравюры, рассказывал нравоучительные истории и вспоминал старые времена. А когда этого оказывалось недостаточно, летал на Землю с двумя серебряными монетками в клюве. На одну он покупал сладости, на другую — игрушки. Постепенно горе оставило маленькую девочку.

На Луне оказалось холодновато: ее сердце давно остыло, в отличие от земного. Ворону приходилось часто летать на Землю и за другим товаром — печь требовала один мешок угля за другим. А дочь алхимика

все равно чувствовала, как лунная стужа забирается к ней под платье. Она знала, что холод — море, а тепло — всего лишь островок в нем. Тепла всегда мало, и холод, отыскав новую трещинку в стенах, обязательно найдет способ ужалить живое существо.

Иногда девочка сбегала из хором и, подобрав длинную юбку, добиралась до края Луны. Оттуда она осторожно выглядывала и, увидев Землю, через подзорную трубу любовалась играми людей...

Земное-то сердце не остыло, грело людей, и оттого в них было столько жизни!

Девочка засматривалась на пестрые ярмарки, следила за течением праздников, куда все являлись в ярких одеждах, со вниманием наблюдала за танцами. Один раз она подглядела, как юный оруженосец прикоснулся своими губами к губам купеческой дочери, но ничего не поняла... Дела людей очень интересовали ее. Однако больше людской суеты дочь алхимика любила медленный ток великих рек, неспешный бег парусников да рябь на лесных озерах, объятых сосновым бором. Иногда она мечтала, что у нее появится дом на таком озере. Только обязательно деревянный — из теплого пахучего дерева, а не из холодного камня, у которого нет запаха. Иногда она могла бы уходить из дому в город и там с кем-нибудь танцевать.

Ворон, заметив пропажу, летел к самому краю лунного диска. Там он находил воспитанницу, подцеплял ее клювом за ворот платья и доставлял домой, хотя бы она и пыталась спорить.

Огромная птица несла маленькую девочку сквозь лунную ночь, величественно взмахивая крыльями. А вокруг них катил беззвучные волны темный океан холода...

Ворон сто раз отбирал у девочки подзорную трубу и прятал опасную вещь в укромных местах. Сто раз девочка находила ее и убегала посмотреть на Землю. Однажды Ворон рассердился очень сильно и захотел разбить под-

зорную трубу. Но девочка так плакала, что он сжалился и всего лишь спрятал подозрную трубу так, чтобы дочь алхимика никогда не отыскала любимую вещицу. И суток не минуло, как девочка нашла ее.

Когда дочь алхимика стала превращаться в девушку, она попросила своего стража донести ее до Земли и позволить ей хотя бы один день провести в гостях у людей и озер. Ворон отказал ей. Лунная девочка молила его много дней, то улыбаясь, то плача. Ворон оставался непоколебим. Тогда дочь алхимика испекла его любимый пирог с корицей и грушей. Но все мольбы, улыбки, слезы и даже чудесный пирог нимало не тронули темной души воспитателя...

Зато вместо игрушек могучая птица стала приносить своей узнице атласные ленты и драгоценности.

На Земле нашлись книжники, догадавшиеся о том, что князь Ворон не просто так покупает лакомства и украшения в дорогих лавках. Отыщи он себе невесту, вряд ли стал бы ублажать ее вещами и яствами, предназначенными для людей. К чему воронам ленты, кольца, взбитые сливки? Среди людей пошла недобрая молва. Поговаривали, будто Ворон похитил у старого алхимика сокровища и дочь, а самого мудреца убил. Теперь он прячет девочку на Луне и принуждает к замужеству, желая вызнать у нее тайны покойного алхимика. Но как освободить бедную пленницу? Дорога до Луны давно заброшена. С тех пор как туда отправился последний торговый караван, сменилось уже три поколения купцов. Кормчие небесных ладей не отваживались посещать лунные гавани, ведь рядом с Луной случались жестокие шторма! Их корабли могли запросто лишиться парусов, даже столкнуться с черными глыбами летучего льда или потеряться в звездной туманности. Даже разбойники опасались бежать на Луну от гнева королей, князей и их подданных: близ Лунного тракта селились древние чудовища, каких уже не пускали в мир людей. Лишь отчаянный смельчак решился бы пройти по нему.

В те времена величайшим государям служили братства крылатых рыцарей. Иначе их именовали небесными кавалерами. Они могли перемещаться по воздуху и летать по звездным трактам. Иногда они даже посещали темные просторы вольных небес. Небесными кавалерами становились самые большие храбрецы. В детстве родители приращивали им крылья из лебединых перьев, сумеречного света и кошачьей дремы. Всякий крылатый рыцарь должен был долгие годы упражняться в искусстве полета. Его также учили биться на мечах, ловко управляться с иным оружием, вести учтивые речи, слагать стихи и разбираться в псовой охоте.

Десять отважнейших небесных кавалеров, узнав о Вороне, сокровищах и девице, затеяли благородное состязание. Сбравшись на пиру, они обговорили правила для рыцарского соперничества. Все они дали клятву вступать в сражение с Вороном поодиночке, без хитрости и обмана, не уповая на помощь друзей. Пусть Господь Бог дарует победу лучшему.

Небесные кавалеры облачились в тонкие кольчуги и теплые плащи, вооружились легкими мечами и тяжелыми щитами. Потом рыцари один за другим взлетали к Лунному тракту, попрощавшись с теми, кто оставался на Земле.

Трудна и длинна дорога до Луны. Лишь немногие одолели ее.

Двое небесных кавалеров, утомив крылья, бесславно вернулись на Землю.

Третий неосторожно поднялся высоко над Лунным трактом. Солнечный вихрь подхватил его, опалил крылья и унес в темные просторы вольных небес.

Четвертый столкнулся с кровожадным альгаррехом у медового колодца. Зверь бросился на рыцаря, и тот вступил в беспощадный бой. Бились они много часов. В конце концов чудовище упокоилось от рыцарского меча. Но и сам небесный кавалер последний раз вострубил в рог на полпути к Луне: слишком много ран по-

лучил он от зубов и когтей альгарреха... Его оплакала и погребла дева Ауреноль.

Пятый услышал песню Гудрун, дочери Рагни, из рода звездных сирен. Подчинившись сладостному ее голосу, рыцарь сошел с пути благородных подвигов и навеки заперся с девой в гроте Торниаф. Так звездные сирены от века добывали себе мужей.

Еще двое побоялись сойтись с Вороном один на один. Они не надеялись выйти живыми из боя с могучей птицей. Поэтому, презрев правила рыцарского соперничества, рыцари отправились на Луну вдвоем. Но их заметил граф Норденхольмский, охотившийся под тою горой, где начинался Лунный тракт. Он изобличил обманщиков. Братство небесных кавалеров отправило за ними гонца в легких одеждах. Тот нагнал тяжелооруженных рыцарей близ креста святого Стефана и с позором воротил их домой.

Восьмой кавалер-сопостыатель преодолел весь путь и отбил от всех напастей. Он достиг Луны и пожелал войти в заброшенный город. Но князь Ворон преградил ему путь. Рыцарь обнажил меч и потребовал отдать ему золото. О девице он даже не вспомнил. Ворон скоро одолел его и сбросил с Луны.

Девятый боец отыскал тайные хоромы, где жила дочь алхимика. Ворон стоял тогда на страже в другом месте и не заметил пришельца. Небесный кавалер явился к девице и сказал, что непременно хочет видеть ее своей женой, а потому готов спасти ее от Ворона. Но все деньги старого алхимика должны перейти к нему, поскольку жена обязана слушаться своего мужа. Дочь алхимика, смутившись, отвечала, что знает Ворона долго и что он — не злой. Она сказала также, что больше страшится самого небесного кавалера и что спасать ее не следует. Рыцарь удивился ее речам и не послушался. Он отыскал стража. Ворон сильно разгневался на непрошеного гостя. Еще больше рассердило его, когда рыцарь дерзко потребовал отдать золото алхимика в ка-

честве приданого для его дочери. По словам небесного кавалера выходило, что лунная узница в скором времени станет его супругой. Ворон расправил крылья и ответствовал грозными словами. Тогда рыцарь вынул меч из ножен, издал клич небесного братства и бросился на стража девицы. Он бился с Вороном весьма долго. Победа клонилась то на одну, то на другую сторону. В конце концов огромная птица сбросила кавалера с Луны.

Десятый небесный кавалер достиг Луны, когда утомленный битвою Ворон отдыхал. Рыцарь прошел через ворота заброшенного города, миновал улицы его и площади, добрался до тайных палат дочери алхимика.

Он постучался в дверь и попросил у девицы разрешения зайти. Трепеща от появления чужого человека, она все же отворила дверь. Небесный высказал ей радость от встречи со столь совершенною красотой, ибо она одним своим существованием славит Бога. Затем он спросил, действительно ли дочь знаменитого мудреца томится в узилище по воле гигантского чудовища и не принуждают ли ее к поступкам, которые она не совершила бы по доброй воле? Рыцарь ни словом не упомянул о деньгах алхимика, и это понравилось хозяйке палат. Преодолев робость, она объяснила, что Ворон — не чудовище, а страж, он никогда не обижал ее, а потому и его самого обижать не надо. Небесный кавалер поклонился ей. Он также молвил, что в этом случае он спокоен за судьбу благородной девицы и может немедленно покинуть Луну. Если же князь Ворон, чей род весьма древен, а слава непобедимого бойца всем известна, пожелает вступить с ним в поединок, он почтет за честь сразиться со столь могучим противником ради чести и доброго имени. Ему отвечали, что Ворон нынче спит, беспокоить его нехорошо. Небесный кавалер снял шляпу перед собеседницей. Он более не видел причин задерживаться на Луне.

Дочь алхимика тоже не видела таких причин. Она вызвалась проводить его до первой мили Лунного трак-

та, начинавшейся на краю лунного диска. Они прошли медленным шагом по городу, и настала им пора расставаться. Но воспитанница Ворона все время задавала рыцарю вопросы о жизни на Земле. Он давно мог бы улететь. Крылья его беспокойно подрагивали за спиной. Однако девица не давала ему покинуть Луну: ни один рыцарь не прекратит разговора с дамой, покуда она сама не пожелает прервать его.

Небесный кавалер со вниманием посмотрел на дочь алхимика и понял, что ей холодно и скучно.

Тогда он подарил ей плащ, подбитый мехом, и предложил глотнуть подогретого вина из фляги.

Поколебавшись, десятый боец небесного братства решил задержаться и развлечь девицу учтивой беседой. Он понимал толк в конях, псах, мечах и молитвах. Он также мог точно сказать, какие специи следует положить в сладкое киррское вино, дабы аромат его усилился. Кроме того, рыцарю ведомы были четыре сонета и две песни о древних царях и героях. Ему редко приходилось вести настоящие учтивые беседы с девицами, которые внимательно слушали бы его. Искусство истинно учтивой беседы состоит в том, чтобы просвещенный муж слушал речи прекрасной дамы и добавлял к ним мудрое слово, как добавляют к кушаньям соль, гвоздику и черный перец — ради услаждения вкуса. Небесный кавалер скоро исчерпал все, чему был научен, ему оставалось рассуждать лишь о псах и мечах, ибо свойства их неисчерпаемы. Но даже столь скудные цветы красноречия беседы понравились дочери алхимика гораздо больше, чем скрипучие воспоминания Ворона. Она сказала, что хотела бы спуститься с Луны на Землю и готова бежать от пригляда Ворона.

Небесный кавалер призадумался. Как рыцарь, он обязан был исполнить ее желание. Как человек, дорожащий честью, он не видел доброго в том, чтобы похитить девицу, избежав честного боя. Как муж зрелый, он чувствовал в себе пыл, рожденный ее красотой и благо-

нравием. Как умудренный воин, он понимал, сколь ненадежна удача в ратном деле. Но честь все-таки взяла верх. Поразмыслив, он сказал собеседнице, что не может уйти, не бившись со стражем.

Дочь алхимика жалела Ворона и потому упрашивала рыцаря оставить мысли о поединке. К чему гибнуть Ворону или ему самому, если никто из них не совершил ничего подлого? Рыцарь вновь погрузился в мысли.

Наконец он объявил, что законы благородных людей позволяют поступиться малой толикой чести ради любимой или жены, но только ради них. Дочь алхимика смутилась и долго молчала. Потом, отведя взор, она сообщила: для нее нет ничего более желанного, чем стать женой кавалера. Рыцарь возрадовался и назвал ее своей невестой. Тут она прикоснулась своими губами к его губам — так, как видела прежде в подзорную трубу.

А еще сказала, что у нее есть большое приданое, целый сундук с золотом. Но вот беда: небесный кавалер был далеко не столь велик и силен, как Ворон, а потому не мог одновременно унести и девицу, и золото. Безо всяких сомнений он выбрал девицу, и это ей пришлось по душе. Кавалер обнял девицу крепко и бережно. Затем он прочитал краткую молитву и привел крылья в действие.

Не успели рыцарь и его невеста пролететь половину пути до Земли, как Ворон нагнал их. Птица набросилась на кавалера, тот обнажил меч и храбро защищался.

Дочь алхимика вскричала, что не хочет возвращаться на Луну и надо бы Ворону оставить ее в покое: пора ей на Землю, там она сделается женой избранника. Если же Ворон не согласен с нею, то пусть знает — смерть ей милее одиночества в хоромаш! Ее слова утишили неистовый гнев стража.

Обратясь к ее жениху, Ворон грозно щелкнул клювом и обещал наблюдать за ним через подзорную трубу. Если рыцарь станет обижать девочку, Ворон явится без

промедления, жестоко накажет его, а воспитанницу заберет обратно.

Кавалер, ужасно усталый, доставил дочь алхимика на Землю. В тот же день рыцарь и воспитанница Ворона обвенчались.

Став женой рыцаря, лунная девочка родила ему сына, не менее сильного и отважного, чем он сам, и дочь, не менее красивую, чем она. У кавалера был большой тесный дом в сосновом бору у лесного озера. Там их семья жила счастливо.

С течением времени кавалер сделался слишком стар, чтобы сражаться за короля, а сын его был еще слишком молод, чтобы заменить отца в королевском войске. Лишь изредка рыцарю доверяли какую-нибудь простую службу, не связанную с дальними походами, и платили за нее самое маленькое жалованье. Крылья его сделались неподъемными, ныли в сырую погоду и отказывались повиноваться. Многие помнили о прежних подвигах и победах небесного кавалера. Поэтому его не гнали с королевского двора. Давняя доблесть, явленная во многих битвах, добывала пропитание для семьи рыцаря гораздо лучше, нежели нынешняя немощь его...

Жена постаревшего воина готова была терпеть бедность ради любви к нему. Она души в нем не чаяла. Больные крылья рыцаря она лечила целебной мазью из винного корня, ароматов цветущего папоротника и августовской жары, запасенной впрок. А по праздникам делала пирог с корицей и грушей.

Но сам кавалер печалился. Ему все чаще мерещился шум огромных крыльев... А ну как явится проклятый Ворон и заберет его жену? Ведь она теперь живет в скудости и заботах!

Однажды ночью дом кавалера задрожал. С крыши послышался скрежет огромных когтей, шелканье огромного клюва разнеслось по округе, огромный глаз заглянул в окно. Клинок давно стал слишком тяжелым для рук небесного кавалера. Но поседевший боец выта-

щил меч из ножен и бесстрашно вышел с ним на двор. Напрягши крылья, почти разучившиеся летать, он поднялся на крышу столь же стремительно, как во времена юности. Гигантская птица ждала его там.

Небесный кавалер объявил Ворону, что не отдаст жену и будет сражаться за нее насмерть. Он ничуть не обижает ее и очень любит... А когда сын подрастет, дела их опять наладятся!

Ворон слушал его, ничего не говоря. Казалось, он остался таким же молодым и могучим, как много лет назад. Суровый страж, нанятый алхимиком, не пытался напасть на рыцаря, но и не улетал.

Жена рыцаря, приставив лестницу, проворно забралась на крышу. Увидев ее, Ворон заволновался. От крыльев его изошел великий вихрь, и по водам озера прошла волна высотой в полторы сажени. Преодолев страх, дочь алхимика молвила гостю: хотя муж ее и немолод, хотя и живут они небогато, но она любит его и ни за что не разлучится с супругом; пусть бы Ворон убил ее, ведь она не уйдет из своего земного дома.

Тогда Ворон подвинул к ним лапой сундук с золотом и сказал: «Теперь вижу: служба моя окончена. Отныне я свободен».

Здесь завершается чудесная история о Вороне и небесных кавалерах.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

 сли твоя жена — этноантрополог, причем не кабинетный ученый, а начальник Специальной, мать ее, Экспедиции, «семейная» жизнь сводится к тому, что ты сам воспитываешь ребенка, постоянно наступаешь на горло собственной песне, жертвуешь своей карьерой, в общем, живешь совсем не так, как хотелось бы. Лет этак через пяток тебе все это смертельно надоедает, но птичка уже увязла по самый клюв. Нет, ты еще дергаешься и психуешь; во время ваших редких встреч и совместных отпусков (да-да, пару раз бывало и такое) ты качаешь права, взываешь к справедливости и материнскому инстинкту, напоминаешь, что ребенок растет без женской ласки, а сам ты медленно стареешь... и что ты видел в этой жизни? Да ни хрена. Она-то — другое дело; она повидала многое, побывала почти на всех континентах, вот только в Антарктиде еще не была — только потому, что там пока не обнаружено какое-нибудь долбаное племя морозоустойчивых пингвиноедов. А ты по шесть, двенадцать, восемнадцать месяцев вынужден обходиться без бабы — редкие случайные контакты не в счет; честно говоря, в первый раз и с незнакомками у тебя получается не очень. А годы летят; ты уже в разряде мужчин, лучшее время которых миновало; тебе остается скрежетать зубами, глядя на то, что другие, не столь преданные мужья и отцы устроились гораздо, гораздо удобнее, они ухожены и благополучны, они имеют время на хобби, развлечения

и путешествия... короче, ты еще не старик, а тебе уже «мучительно больно»... и где-то глубоко внутри появилось пятнышко какой-то черноты — сначала совсем маленькое, потом становящееся все больше и больше, — черноты, о которой ты предпочитаешь не думать и тем более не говорить, потому что не так-то легко признаться себе в чувстве настолько диком, далеком от морали и вообще всего человеческого, что тебе самому немного страшно. Ты догадываешься, что может случиться (вернее, что неизбежно случится), когда эта бомба с часовым механизмом сработает... Внутри тебя тлеет ад, незаметный для окружающих. Хорошо еще, что ты фрилансер и можешь работать дома, присматривая за шестилетней дочерью, которая часто болеет, отстаёт в развитии и которую невозможно оставить дольше чем на несколько минут нигде и ни с кем, даже с бабушкой и бабушкой — родителями твоей сучки, которой, скажем, австралийские аборигены племени анангу дороже мужа и ребенка. Твои родители, кстати, давно мертвы, и тебе некому поплакаться в жилетку, но, с другой стороны, ты, пожалуй, избавлен от лишних упреков — справедливых упреков, ведь ты действительно не оправдал ничьих надежд, даже собственных, известных только тебе одному.

* * *

Работая за компьютером, Алик привык прислушиваться к тому, что происходит у него за спиной или в детской. Он даже музыку не мог включить на сколько-нибудь заметной громкости — рано или поздно дочка поднимала в знак протеста оглушительный визг. Как ему объяснил педиатр (один из многих), это было психофизиологическое неприятие некоторых посторонних звуков. И надо же — например, отбойный молоток, долбивший асфальт поблизости, не оказывал на нее подобного воздействия.

Алик пытался сосредоточиться на работе и не свихнуться. День начался плохо, с обосранной постели, и у него имелось предчувствие, что дальше будет еще хуже. Своим предчувствиям он доверял, за шесть лет его интуиция ошибалась куда реже, чем синоптический прогноз. Не ошиблась и на этот раз.

В полдень он решил сделать небольшой перерыв, чтобы накормить девочку. Отбросив одеяло, чтобы проверить памперс, он ужаснулся. Вдобавок к давним вялотекущим хворям у дочери почернели ноги. Полностью — от кончиков пальцев до таза. За шесть лет он видел много неприятных вещей, но это зрелище испугало его по-настоящему. Он не знал точно, как выглядят конечности, пораженные гангреной, однако, судя по попадавшимся в литературе описаниям, столкнулся с чем-то подобным. Это было отвратительно не только на вид, потому что Алик чуял запах. Омерзительный запах разложения. Поражала внезапность произошедшего. Еще утром, когда он мыл дочку, с ее ногами все было в порядке. Нет, не все в порядке — они выглядели как ноги рахитичного четырехлетнего ребенка, — но по крайней мере имели нормальный цвет.

Алик облизнул пересохшие губы, потер заросшее трехдневной щетиной лицо и пересчитал деньги. Денег было недостаточно — и не будем уточнять, для чего именно. Перевод от любящей мамочки ожидался только через две недели.

Алик достал из холодильника початую бутылку водки и приложился к горлышку под заунывный детский плач. Водка в середине дня — это уже стало для него привычным. Алкоголь не то чтобы дарил утешение, но хотя бы делал существование терпимым, компенсировал невыносимый градус психической перегрузки. Однако напиться вдрызг Алик не мог себе позволить — ему вовсе не хотелось взлететь на воздух по причине того, что дочка, оставшаяся без присмотра, откроет газ.

Впрочем, если откровенно, иногда хотелось. Например, сегодня.

Он отхлебнул из бутылки еще пару раз и взял себя в руки. Теплый мерцающий туман, расплзаясь по внутренностям, постепенно обволакивал гнездившуюся в груди ледяную черноту. Благодаря этой блокаде Алик мог быть уверен, что в ближайшее время не сунет голову в петлю и не сорвется, когда дочка в очередной раз обделается... а он уже не раз был очень близок к срыву.

Алик уселся, закрыл ладонями уши и попытался думать. Для начала — хотя бы связать пару мыслей. Что делать? К кому обращаться? У кого искать помощи? «Скорая» — это первое, что приходит на ум, но если вызываешь «Скорую» в среднем пару раз в месяц, очень хорошо знаешь, чем заканчиваются эти вызовы, и заранее угадываешь, будет ли от них толк...

Плач девочки все равно был слышен и становился все более истеричным. Алик начал перебирать в уме врачей, к которым обращался когда-либо ранее. Сбился, достал записную книжку, перелистал и в ярости швырнул на пол. Психологи. Гомеопаты. Невропатологи. Логопеды. Мануальные терапевты. Рефлексологи. Даже один стоматолог затесался. Кажется, тот самый, в которого дочка плюнула гноем и кровью. Вряд ли захочет разговаривать. За любые деньги.

Да пошел он на х...! Алику пришлось напомнить себе, какая у него сегодня проблема. Далеко не стоматологическая. Похоже, дочка гнила заживо.

Он ощутил холодок внизу живота. Алкогольная блокада с этим холодком не справилась. Алика осенило: а ведь никто не поверит, что еще утром у дочки ничего не было. Его посадят. У того, кто распорядился его судьбой, дерьмо покуда не закончилось и — Алик был в этом абсолютно уверен — не закончится никогда. Он уже ни на что не надеялся. Чудес не бывает; свобода и счастье — не для него. И в качестве последней издева-

тельской насмешки — отсидка за жестокое обращение с ребенком и доведение до смерти. Да, отсидка светила ему ярко, как прожектор на сторожевой вышке. Конец анекдота. Он думал, что у него черная полоса? Есть еще масса возможностей, чтобы он убедился: эта полоса была всего лишь серой.

Он сделал несколько глотков подряд. В бутылке осталось совсем немного. Водка его не брала. По крайней мере, не сразу. Только кровь тяжело билась о череп изнутри — такое у него было впечатление. Он уставился на растерзанную записную книжку. Ему казалось, что на одной из страниц промелькнул телефонный номер, по которому он обещал себе никогда не звонить... но не зачеркнул его и не вырвал страницу. Может, попробовать? А если будет хуже? «Ну ты и мудака, — сказал он себе. — Что может быть хуже?»

Он набрал номер под плач, переходящий в визг. Пришлось прикрывать трубку рукой. В последний момент он подумал: «А что, если никто не ответит?» — и почувствовал отчаяние, окончательное, как приближающийся при падении с двенадцатого этажа асфальт.

Но ему ответили. Тот, кто ответил, даже сразу узнал его, хотя с момента их последней встречи прошло много лет.

Алик сказал:

— Извини, что беспокою, это в первый и последний раз. Мне срочно нужен твой знакомый. Ты когда-то рассказывала, помнишь? Человек На Черный День...

На другом конце провода не удивились или не подали виду. Только спросили:

— Все настолько плохо?

— Ты даже не представляешь.

— Тогда записывай.

Алик с трудом записал номер под диктовку. Руки у него тряслись. Он не сумел вписать семь цифр на двух страницах записной книжки, и седьмую пришлось вы-

вести на обороте, прямо поверх прочих имен и номеров. Ничего страшного. Алик знал, что другие номера из прошлой жизни ему больше не понадобятся.

* * *

Человек На Черный День оказался моложе, чем представлял себе Алик по голосу, и явился достаточно быстро. Ничего особенно примечательного в его облике не было. На обыкновенном, гладко выбритом лице застыло выражение скуки и безразличия. Костюм, туфли, галстук и часы были неброскими, но дорогими, из чего Алик заключил, что услуги этого человека стоят немало. Он это, конечно, предвидел и поинтересовался прайсом во время телефонного разговора, на что ему ответили: «Договоримся. Еще никто не жаловался». Алик догадывался, почему никто не жаловался, однако обратного пути уже не было. Да он и не думал идти на попятную — к тому времени его дочь была черной ниже пояса, а трупный запах сделался ощутимым во всех комнатах, несмотря на открытые окна.

Алик выпил много и в какой-то момент не то чтобы утратил ощущение реальности, но реальность стала казаться ему не такой уж важной и весомой. И не такой страшной.

У Человека На Черный День ничего с собой не было. Никаких инструментов, приборов, лекарств или, на худой конец, ритуальных погремушек. Алику это показалось хорошим признаком. Он извел слишком много денег на дешевых и дорогих экстрасенсов, целителей, колдунов, биоэнергетиков, аюрведунов, корректоров кармы и прочих деятелей «нетрадиционной медицины». Во всех без исключения случаях результат был один: отсутствие результата. Они бормотали в свое оправдание что-то невнятное, а один даже вернул деньги. И напоследок попросил у дочери Алика прощения.

Алик так и не понял зачем — она все равно ни черта не соображала.

— Давайте посмотрим, — сказал Человек На Черный День тоном автомеханика, которому смертельно надоело устранять поломки по просьбам недалеких автолюбителей.

Алик провел его в детскую, где по-прежнему раздавались вопли. Несколько долгих минут гость смотрел на корчившуюся в муках девочку, и Алик едва не бросился на него. Но все-таки не бросился, хотя решил про себя, что имеет дело с монстром. Правда, если честно, он точно знал по себе, что чудовищные вещи тихо дремлют в каждом человеке и вопрос лишь в том, раздастся ли однажды звонок будильника.

— Где ее мать? — внезапно спросил Человек На Черный День.

«В Африке», — хотел сказать Алик, но засомневался. Возможно, она уже была где-то на Среднем Востоке. Помнится, что-то такое она говорила ему по телефону. Насчет того, что неплохо бы, наконец, выяснить, где пропал Иисус Христос в самом цветущем возрасте. В том возрасте, который Алик преодолел давно и бесславно.

— Далеко, — ответил он и, слегка обернувшись, покосился на африканские маски, привезенные его благодетельной из предыдущих экспедиций и висевшие в гостиной. Он питал к ним стойкое отвращение и терпел только ради того, чтобы избежать скандалов. Кроме того, следовало признать, что маски придавали унылой квартире хоть какой-то колорит.

— Все ясно, — сказал Человек На Черный День, и Алик подумал, что попал на очередного шарлатана. Суши сухари, доверчивый идиот.

— В кого будем переселять? — спросил посетитель так буднично, словно речь шла об аквариумных рыбках. Или об аскаридах.

— Кого переселять? — тупо переспросил Алик. Чуть раньше сработал психический блок, и он воспринимал страдания дочери просто как фильм, который непрерывно крутят, чтобы он побыстрее сошел с ума. Нет, суки, так легко он не дастся...

Человек На Черный День вздохнул и нехотя пояснил:

— То, что убивает вашу дочь.

— А что ее убивает?

— Поверьте мне, вам лучше не знать.

— Может, я сам решу, что для меня лучше? — сварливо возразил Алик. Он начал заводиться, что было удивительно — он жил на взводе последние шесть лет.

— Вы не можете ничего решить, потому что не понимаете, с чем имеете дело.

— Так расскажите.

— Мне платят не за рассказы. Хотите избавиться от проблемы — да или нет?

— Да!

— Тогда назовите имя.

Алик открыл рот — первое пришедшее на ум имя готово было сорваться с языка, — но вовремя остановился. Нет, так не пойдет. Так он ни от чего не избавится, только создаст себе еще больше проблем. Отсрочка — это не решение, а всего лишь еще одна разновидность ада, ад ожидания.

— А... собака подойдет? — спросил он, не узнавая собственный голос.

— Нет, не подойдет, — ответил Человек На Черный День с некоторым сарказмом. — *Это* не удовлетворится собакой. Оно уже познало вкус сознания.

Алик был слишком пьян, чтобы обдумывать последнюю фразу. Он медлил, перебирая кандидатуры. Сквозь алкогольную завесу до него доходило, что это не игра, он выбирает будущую жертву. Как ни крути, ему предложили побыть дьяволом, и он тянул время, привыкая к этой роли, примеряя ее на себя. Но все же он

не верил до конца, что все будет так, как обещано, что можно запросто сделать обреченного человека здоровым, а в здорового переселить *это*. Значит, и вина его (а он уже ощущал кислотоватый привкус будущей вины) — дело весьма условное. Разве можно наказать за то, что на самом деле является всего лишь согласием клиента на «развод»? Да, так и есть: его разводят. Он платит, Человек На Черный День уходит, дочка умирает, и никто никогда ничего не докажет. Но по крайней мере он сможет сказать: я сделал все, что мог.

На всякий случай он решил назвать какое-нибудь иностранное имя. Если кто-то все-таки умрет (да ладно тебе!), пусть это случится где-нибудь подальше отсюда. Так, чтобы ни слухом ни духом.

— Джордж, — сказал он.

— Хороший выбор, — одобрил посетитель. — Пусть будет Джордж.

Алик, как ни трудился, не углядел в его словах насмешки. После секундного колебания он отдал «экскурцисту» деньги, которые тот небрежно сунул в карман. Затем Человек На Черный День повернулся и направился к выходу.

— Эй, — Алик ошеломленно смотрел ему вслед. — А как же...

— Все будет нормально, — заверил его посетитель. — Разве вы ничего не замечаете?

И тут Алик понял, что дочка больше не кричит.

* * *

Следующие три месяца показались Алику раем и прошли очень быстро. Не то чтобы все стало легко и просто, но разница между жизнью «до» и «после» была неоспоримой.

Наконец наступил день возвращения благоверной. Она позвонила ему и сказала, что встречать ее не нужно, у нее для него сюрприз. Через несколько часов раз-

дался дверной звонок. Алик открыл дверь. На пороге стояла его жена и держала за руку чернокожего мальчика. Наверное, это и был сюрприз. У Алика подкосились ноги.

— Здравствуй, дорогой, — сказала она. — А я не одна. Посмотри, кого мы с тобой усыновили.

«Мы с тобой? *Мы с тобой?!*»

Она легонько подтолкнула мальчика вперед:

— Познакомься со своим папой, Джордж.

ЧУЖАЯ НЕНАВИСТЬ

Ненцине на вид около сорока, возможно, чуть больше. Ощутимо нервничает, такие вещи мы определяем сразу. И даже не по резкому подергиванию уголков рта и не по дрожи в пальцах, а скорее по исходящим от нее флюидам. Делаю приглашающий жест, одновременно кивая на кресло.

— Здравствуйте, доктор, — говорит посетительница.

— Я не доктор.

— Простите.

Что ж, прощаю. Люди привыкли, что их недугами занимаются врачи. В том числе и душевными. К медицине, однако, я имею весьма отдаленное отношение.

— Ничего, — говорю вслух. — Вы уверены, что обратились по адресу? Возможно, вам к дежурной сестре. Как правило, женщины обращаются к сестрам.

— Я пришла из-за сына. Он... Простите, как все же вас называть? Понимаете, мне неудобно...

Я понимаю. Разумеется, называть меня вампиром ей неудобно. Им всем неудобно.

— Мое имя — брат Арчибальд.

Когда-то меня звали Артуром. В детстве. Так звала меня мама. А еще Артуркой и Артиком. Давно, до того, как у меня обнаружили вампирские способности и я вступил в братство, став Арчибальдом. Для сестер и братьев — Арчи. Иногда я ненавижу это имя.

— Спасибо, брат Арчибальд. Вы... вы поможете мне?

Вот опять. Еще до того, как ввести в курс дела. Что ж, мне это знакомо. Последний шанс, когда все другие исчерпаны, — обратиться к вампиру. Через себя, через «не могу».

— Вы знакомы с нашими правилами?

— Да, — говорит визитерша тихо, едва слышно. — Я знаю правила.

«Вампир имеет право отказать в сделке без объяснения причин. Вампир имеет право требовать в качестве компенсации ту цену, которую пожелает. При выполнении условий сделки вампир не обязан соблюдать нормы этики и общепринятой морали».

Три правила вампира. Ставшие притчей во языцех, когда речь заходит о нас. Я частенько задумываюсь над тем, за какое из них нас ненавидят больше всего.

— Слушаю вас.

— Мальчика зовут Алексей, Леша, — лицо у визитерши бледнеет, голос дрожит. — Он, понимаете... Он у меня единственный. Безотцовщина, я все ему отдала. Я...

— Пожалуйста, только по делу, — прерываю я. — Мое время ограничено и дорого стоит. Очень дорого.

— У меня есть деньги, — быстро говорит она. — Не очень много. Но я отдам все, что есть.

— Хорошо, продолжайте.

— Леша... Ему сейчас девятнадцать. Он влюбился. Давно, больше года назад, — в глазах посетительницы появляются слезы. — Не знаю, как вам это сказать.

— Говорите как есть.

— Она проститутка, — женщина перестает сдерживаться, слезы бегут по щекам. — Профессионалка. Как это называется сейчас — эскорт-сервис. Красивая, расчетливая дрянь. Она издевается над ним, глумится, заставляет смотреть, как она... ну, вы понимаете. С другими, с клиентами. Лешенька чистый мальчик, неиспорченный, у него от этого... Вы не представляете, что

творится. Он не спит ночами, не ест. Месяц назад принял снотворное, врачи его едва вытащили. А вчера он сказал мне, что решил окончательно. Не хочет больше жить. Вот фотографии, посмотрите. Это он.

Парнишка на снимках тощ и вихраст, с ясными серыми глазами на узком скуластом лице.

— Вы мне поможете, брат Арчибальд?

— Хорошо, — говорю я. — Это будет стоить двадцать пять тысяч. Долларов.

— У меня нет, — женщина бледнеет лицом, стынет взглядом. — У меня нет таких денег. Столько не будет, даже если продам все. Даже если... Брат Арчибальд, прошу вас, умоляю. Я отдам. Я буду выплачивать, клянусь, я напишу расписку. Буду отдавать вам все. Я...

— Мы не работаем в долг. Извините. Завтра будет дежурить другой брат, вы можете обратиться к нему. Или к сестре. Возможно, вам удастся найти лучшую цену. Только, я думаю, вряд ли.

— Я уже обращалась, — женщина встает. — Мне сказали, что если не возьметесь вы, то не возьмется никто.

— Кто сказал?

— Брат Гарольд. Брат Оскар. Сестра Виктория. Сестра... извините.

Ссутулившись, она направляется к двери. Я смотрю ей вслед.

— Сколько у вас есть? — бросаю ей в спину.

— Десять тысяч, — она оборачивается, голос дрожит. — Может быть, двенадцать, если продать все, что еще не успела. Я могу занять, мне одолжат, я никогда не обманывала. Еще три-пять тысяч. Я одолжу под честное слово. Мне поверят, мне...

— Ладно, — я встаю. — Мальчик сейчас дома?

— Да. Он все время дома. Институт бросил. Сидит, ждет звонка этой.

— Хорошо, поехали. Мальчику скажете, что я ваш знакомый, пусть будет психолог.

— А... А деньги?

— Деньги принесете завтра. Сюда, в Вэмпайр-центр. Отдадите дежурному брату или сестре, вам выдадут расписку. Сумма — десять тысяч долларов.

Возвращаюсь к трем пополудни. Вся процедура заняла две минуты, мальчишка даже не заметил. Никто не замечает, вампир забирает то, за чем пришел, быстро и безболезненно. Минута, две, в критических случаях — три. И — одно из того, за что нас ненавидят. Правило номер два, баснословная плата за пустяковую операцию. С их точки зрения пустяковую. То, через что вампир проходит после нее, клиентам неизвестно. Они даже не представляют, каково это.

Дежурная сестра у себя в кабинете, я отвешиваю церемонный поклон с порога и приглашаю отобедать. Когда-то ее звали Ритой, теперь — Маргаритой, для сестер и братьев — Марго. Она улыбается — мы знаем друг друга со дня основания центра, и, будь мы обычными людьми, давно бы, наверное, поженились и наплодили детишек. Увы, вампирам положено жить в бездетности и безбрачии. Иначе тот, кто рядом с ним, обречен. Он будет опустошен, выпит, его аура растворится в вампирской, затем начнется разрушение личности и, наконец, деграция. И произойдет это помимо воли вампира, а скорее вопреки ей.

В ресторане, что напротив Вэмпайр-центра, нас знают так же, как и наши вкусы. И, соответственно, боятся, маскируя страх угодливостью. Официант мигом заставляет столик съестным, откупоривает бутылку «Кагора» и исчезает.

— Как ты? — спрашиваю я, пригубив вино. — Есть груз?

— Один, — Марго едва заметно улыбается. — Прожитых лет. А у тебя?

— Если с учетом прожитых, то уже два. Второй нажил сегодня утром.

Грузом мы называем вновь приобретенное качество, забранное у клиента. Мой груз сегодня — любовь к девице по имени Анжелика Савич, двадцати двух лет, незамужней, бездетной, профессия — шлюха. Я люблю эту сволочь пылко, неистово и безнадежно, готов ради нее на все, включая сдувание пыли с ее следов.

— Как будешь избавляться? — спрашивает Марго.

— Как обычно. Другого способа пока нет.

Марго кивает. От любви избавляться следует разочарованием и ненавистью с последующим безразличием. Осознание того, что моя возлюбленная попросту общественная подстилка, доступная любому и каждому, не помогает. Оно, это осознание, пока всего лишь на холодном, ментальном уровне. Для того чтобы от груза избавиться, следует загнать грязь и похоть в подкорку и в сердце, смешать их там вместе и испоганить, изгадить смесью душу.

— Вот фотография, — говорю я. — Взгляни.

— Н-да, — Марго брезгливо разглядывает снимок. — Породистая сучка.

— Редкостная дрянь, — заставляю себя выговорить, едва сдержавшись, чтобы не заорать: «Не смей называть ее сучкой!»

Фотка мне досталась от Алексея. Прежний владелец растерянно смотрел на запечатленную на ней бестыжую голую девку с нагло целящимися в потолок бледно-розовыми сосками и распахнутой бритой промежностью. Любви в нем уже не было, любовь отошла ко мне вместе с иллюстрирующей ее фотокарточкой.

— И когда будешь избавляться?

— Надо бы сегодня, — говорю я. — Долго с этим не прожить. Чувство такое, словно не вылезает из выгребной ямы.

— Хочешь, приезжай потом ко мне, — говорит Марго тихо. — Я буду ждать. Приедешь?

Я смотрю на нее и молчу. Хрупкая, тоненькая, белокожая. Русые волосы до плеч. Сестра Маргарита, вампир первой ступени, низшей. Той же, что и я.

Я, разумеется, не приеду. Иначе то, что между нами произойдет, запросто может закончиться для одного из нас плачевно, а то и фатально. Или для обоих. Потерявший голову вампир — существо не просто опасное, оно — смертельно опасное. В буквальном смысле слова «смертельно».

Внешне новая посетительница разительно отличается от предыдущей. Яркая молодая женщина, красивая. Вот только нервничает она так же, как ее предшественница, и это так же хорошо ощутимо.

— Здравствуйте, доктор.

— Я не доктор.

— Простите. У меня несчастье, мне необходима помощь. Вы поможете мне? Извините, как вас зовут?

Что ж, сценарий прежний, характерный, типичный и набивший оскомину. Просьба о помощи неизвестно какого рода.

— Можете звать меня брат Арчибальд. Садитесь и рассказывайте. Только самую суть. Мое время стоит крайне дорого.

— Хорошо, — посетительница устраивается в кресле. — Мой муж, понимаете... Он на десять лет старше, но это неважно. Он... — визитерша замолкает.

— Смелее, пожалуйста.

— Он бывший спортсмен. Известный, чемпион страны по боксу, призер двух Олимпиад. Потом у него была травма, после нее он стал пить. Сначала помалу, от случая к случаю. Потом запоями, затем подсел на травку. А за ней и на иглу. Вы не представляете, через что мы прошли. Лечебницы, пансионаты, поначалу добровольно, потом принудительно. Ничего не помогло. Он,

господи, во что он сейчас превратился. А вчера врач сказал, еще тот, прежний, из олимпийской сборной...

— Понятно, — прерываю я. — Ему осталось полгода, не так ли?

— Это максимум. Врач сказал, что, скорее всего, пару месяцев.

Посетительница плачет навзрыд. Я смотрю на нее. Никакие деньги не окупят то, что мне предстоит, пока буду избавляться от груза. Да и ни при чем здесь деньги. Из оплаты за сделку исполнитель не получает ни гроша. Оплату принимает братство, вампир лишь берет, сколько считает нужным, из общего котла. Только вот сколько нужно, чтобы покрыть бесчисленные похмелья и ломки?

— Я не берусь за это. Завтра будет дежурить другая пара. Брат и сестра. Попробуйте попытаться счастья у них.

— Счастья, — повторяет за мной посетительница сквозь всхлипы. — Такое вот выпало счастье. Я пыталась, — она смотрит мне в глаза. — Все как один сказали, что если не возьметесь вы, то не возьметесь никто.

— Кто это «все»?

— Брат Бернар. Сестра Рашель. Брат Джеймс. Сестра Диана. Брат...

— Довольно.

Я закрываю глаза. Прекрасная репутация. Братся за такое дерьмо, от которого все прочие отказались.

— Это будет дорого стоить, — говорю наконец. — Очень дорого.

— У меня есть деньги. Мы собрали. Друзья помогли, и друзья мужа.

— Сколько у вас есть?

— Двадцать тысяч. В долларах, — голос женщины дрожит, срывается. — Этого мало?

— Этого достаточно. Где сейчас ваш муж?

— Добрый вечер, этот телефон мне дали друзья.

— Здравствуйте. Друзья — это прекрасно.

Голос в трубке нежный, томный и обволакивающий.
Голос моей возлюбленной.

— Мне нужна девочка. Прямо сейчас.

— На время или на ночь, котик?

— Как получится. Ты свободна?

— Конечно, котик. Только цены за время и за ночь разные.

— Меня не интересуют цены. Мне нужна девочка.

— Скажи, куда ехать, милый. Я мигом буду у тебя.

— Хорошо, — я диктую адрес. — Меня интересуют некоторые не совсем стандартные вещи.

— Конечно, милый. Орал, анал, садо-мазо, что именно?

— Я вуайерист. Предпочитаю сначала посмотреть что-нибудь пикантное.

— Нет проблем, котик. У меня есть все, что тебе нужно.

В ожидании своей любимой ополовиниваю пол-литра виски. Жизнь — дерьмо, это я знаю точно. Алкоголь — ерунда, дешевка, только доза или, на худой конец, косяк избавит меня от сильнейшего желания немедленно сунуть голову в петлю или сигануть из окна.

Звонок в дверь, я, задыхаясь от нетерпения, бегу открывать. На пороге угрюмый здоровяк в костюме при галстукe, одежда идет ему, как медведю смокинг. Здоровяк, бормотнув «извините, работа» и бесцеремонно отодвинув меня в сторону, проникает в квартиру и споро по ней передвигается.

— Много не пейте, девочка сейчас будет, — бурчит он на прощание.

— Анжела, — жеманно говорит сменившая здоровяка блондинка и, вытянув губы куриной гузкой, влажно чмокает меня в щеку. — Здравствуй, котик.

Это моя возлюбленная, она чудо как хороша. Немалым усилием воли подавляю желание упасть на колени

и целовать ей ладони. Вместо этого угрюмо киваю и бреду в гостиную. На столе — ополовиненная бутылка «Чивас Ригал». Вместо закуски — пять стодолларовых купюр веером.

— Будешь?

— Котик, мне нельзя, я на работе, — блондинка смеет деньги в сумочку. — Ой, какой ты симпатичный мужчина. Я разденусь? У меня красивые грудь и попа, тебе понравится, милый.

— Раздевайся.

Грудь и попа действительно хороши. Все прочее тоже — тонкая талия, стройные ножки, втянутый загорелый живот с пирсингом на пупке. Моя любимая, девушка моей мечты. Если бы не это холодное, водянисто-рыбье выражение в зеленых кошачьих глазах.

— Пойдем в постельку, милый?

«Да, да!» — кричит во мне чужая, отобранная любовь.

— Рано, — угрюмо говорю я. — Ты мне кое-что обещала.

— Конечно, котик, — блондинка достает из сумочки дискету. — Тут есть на что посмотреть, мой хороший. А я пока могу сделать тебе минет. Или, если хочешь, массаж.

Отказываюсь от обеих услуг и вставляю кассету в DVD. Похоть, разнузданная, животная похоть, гадость и грязь обрушиваются на меня. Мою любимую имеют, пользуют, трахают. Лысый толстяк с вислыми казачьи усами и чудовищным пузом. Татуированный качок с дебильной ухмылкой на небритой дегенеративной роже. Тощий вертялый негр. Два смуглокожих бородача одновременно. Моя возлюбленная кричит, стонет, задыхается, только взгляд волшебных зеленых глаз ничуть не меняется — он все такой же холодный и водянистый. Контраст жуткий, чудовищный, он терзает мне сердце и марает душу.

— Тебе нравится, милый?

Меня тошнит. Чужая любовь цепляется за меня, она уюстилась во мне, пригелась, она не хочет, отчаянно не хочет, не желает умирать.

— Котик, что с тобой, тебе плохо? Давай я тебя поласкаю.

— Шлюха! — надрываясь, ору ей в лицо. — Грязная сука. Бл-дь. Пошла отсюда на хрен, паскуда. Вон! Во-ooooooooон!!!

Утреннее похмелье ужасно. Отягощенное ломкой, оно ужасно вдвойне. Меня мутит и корежит, руки ходят ходуном. В отличие от ног, которые ходить не желают вообще. С трудом одеваюсь и плетусь из квартиры прочь. Мне надо выпить, обязательно, непременно, заглотиь стакан, а лучше ширнуться, а еще лучше и то, и другое. По опыту я знаю, что это состояние продержится не одну неделю, пока организм отвыкает от зависимостей. Не подстегивать его наркотиками я, конечно, сумею, и ломка уйдет. С алкоголизмом гораздо труднее.

К полудню я вдребезги, в хлам пьян и не помню, где, как и с кем надрался. Мне надо выговориться, необходимо рассказать все кому-нибудь, кто меня понимает. Излить душу, выплеснуть вместе с перегаром этот мерзкий, мокротный осадок — накипь вываренной в винном бульоне анаши. Я достаю мобильный телефон, чудом удерживая его в трясущейся руке, набираю номер.

— Марго, — говорю я в трубку. — Ты не представляешь, как мне сейчас плохо.

— Я представляю, Арчи. В кафе «Весна» через полчаса?

Марго. Сестра Маргарита. Моя напарница, с которой встречаюсь раз в неделю на дежурстве в Вэмпайр-центре. И еще когда одному из нас плохо. В этом случае на нейтральной территории и на людях. Во избежание. Марго. Самый близкий, нет, единственный близкий

мне... нечеловек. Мы не люди, вступление в братство означает отказ от принадлежности к бывшей расе. Плата за могущество, долголетие и материальную независимость.

— У меня перегруз, Марго. Слишком много на себя взял.

— Расскажешь?

— Бывший боксер-легковес. В детстве я смотрел его матчи. Перенес травму. Спился, потом подсел на наркотики. Я поймал это на последней стадии, неизлечимой. Забрал все, теперь это во мне.

Она кладет руку мне на запястье. Длинные тонкие пальцы, теплые. .

— А та девица?

— Сбросил. Тоже, наверное, не до конца. Марго, зачем нам все это?

— Не знаю. Сама часто думаю: зачем? Правда, сначала казалось, что знаю. Идешь по улице гордая, независимая, псы заливаются брехом, люди шарахаются, чувствуют... Высшая сущность — вампир. Одаренный могуществом забирать то, что пожелает. Или не забирать. Деньги без счета, путешествия, иммунитет к инфекциям, замедленное старение. Да-да, наставники говорят, что за все надо платить. Не слишком ли высока плата?

Наставники. Вампиры третьей ступени, учителя и магистры. Полностью отрешенные от земных проблем, решающие вопросы существования расы. Таких единицы, большинство вампиров не поднимаются выше первой ступени. Сильнейшие достигают второй, они занимаются выявлением и последующим обучением неофитов. Самые сильные забираются на третью и становятся вне правил и вне законов. Увы, мне этого никогда не достичь. Возможно, через много лет поднимусь на вторую. Хотя вряд ли, скорее всего, чужие грехи и пороки меня доконают гораздо раньше.

— Ты должен временно отказываться от сделок, Арчи, — говорит Марго. — По первому правилу — без объяснения причин.

— Какой смысл тогда выходить на дежурства?

— Хочешь, я поговорю с наставником? С братом Эрнстом. Тебе дадут замену. Должны дать.

— Спасибо, Марго. Поговорить я могу и сам. Завтра у меня в любом случае встреча с ним. Только не думаю, что получу поблажку. Да и не за что — сам виноват. Ничего, отмучаюсь как-нибудь. Две-три недели, и все пройдет. Должно пройти.

— Ты пил сегодня?

— Да. Много. Иначе бы уже, наверное, загнулся. Завтра постараюсь воздерживаться. Не знаю, правда, сумею ли. Должен суметь. К брату Эрнсту надо явиться трезвым, он слишком далек от дел насущных и не станет принимать во внимание обстоятельства. Хотя... иногда я думаю, что это, возможно, выход.

— Что «это», Арчи?

— Изгнание из братства.

— Не выход. Обратного пути нет. В одиночку любой из нас просто утаснет или погибнет.

— Мне часто кажется, что смерть — не худший вариант.

Мы прощаемся, я церемонно целую ей руку. Выходим из кафе, подсаживаю ее в такси. Надо выпить, вот напротив как раз ларек.

Внезапно я обнаруживаю, что выпивать мне не хочется. Прислушиваюсь к себе. От одной мысли об алкоголе меня мутит. Ошарашенно замираю на месте, потом до меня доходит. Выхватываю из кармана мобильник.

— Зачем ты сделала это, Марго?

— Тебе надо отдохнуть, Арчи. Мне проще с этим справиться, я женщина. — Она делает паузу. — Была женщиной.

Короткие гудки в трубке. Я механически прячу телефон обратно в карман. Она забрала его. Мой груз. Эту поганую, мокротную, алкогольно-наркотическую накипь.

— Я недоволен вами, брат Арчибальд. — Я сижу в вычурном кресле стиля ампир, наставник, заложив руки за спину, меряет шагами громадную роскошную гостиную. — Правила вампира писаны не для вас? Вы вольны назначать свою цену за сделки, а не соглашаться на предложенную. Вам известно, за счет чего существует братство?

— Да, конечно, брат Эрнст. Только ведь у этих людей не было больше, чем они могли предложить.

— Это, во-первых, не факт, люди лживы и прижимисты. Во-вторых, какое вам дело до них, брат Арчибальд? Предназначение людей — служить нам, а вовсе не наоборот. И, в-третьих, потакая просителям, вы роняете престиж. Престиж нашей расы. Эдак вскорости любой нищий, приди ему в голову такая блажь, будет бегать за помощью к вампиру.

Я молчу. Сказать мне, в сущности, нечего, наставник прав.

— Братство нуждается в средствах, — продолжает он. — Думаю, не надо объяснять почему. Я давно присматриваюсь к вам, брат Арчибальд, и, не скрою, сделал некоторые выводы относительно вас.

— Могу я спросить какие?

— Вы уже спросили. В вас осталось слишком много человеческого. Чересчур много. Вы растрчиваете себя без пользы для братства, которое о вас заботится и вас содержит. Или, по крайней мере, без особой пользы. То же относится и к вашей напарнице. Сестре Маргарите, если не ошибаюсь. Рекомендую вам задуматься об этом. Вам обоим. Теперь ступайте.

В отличие от большинства посетителей, этот не нервничает. Взгляд уверенный, жесткий, стремительная спортивная походка, дорогой костюм, галстук.

- Здравствуйте, доктор.
- Я не доктор.
- Виноват, привычка. Вы позволите?
- Садитесь. Слушаю вас.

Визитер усаживается в кресло, протягивает мне белый картонный прямоугольник. Визитная карточка. Золотое тиснение, витиеватая, красным по белому, надпись. Вчитываюсь: Смоленский Виктор Глебович, предприниматель. Номера телефонов, факс. И все.

Что ж, имя знакомое, примелькавшееся в новостях и на газетных страницах, объяснить, что значит «предприниматель», не требуется. Владелец банков, заводов, телеканалов, известный меценат и благотворитель, таких еще называют олигархами.

— Узнали? Предвосхищая возможный вопрос: охрана осталась внизу. Я могу приступить к делу?

— Приступайте.

— Хорошо, я буду краток. Моя жена больна, ее смотрели лучшие специалисты и признали неизлечимой. Болезнь прогрессирует, быстро, очень быстро, с каждым днем ей все хуже. Она уже перестала узнавать людей, забыла мое имя и имена детей. Иногда не может вспомнить свое. У нее болезнь Альцгеймера, доктор.

— Я не доктор.

— Знаю. Я предлагаю вам им стать. Деньги — любые. Столько, сколько выговорит ваш рот.

— Вы знаете наши правила?

— Разумеется. Изучил их досконально. Вампир имеет право и так далее. Для меня не существует правил, но я согласен с вашими. Вы избавляете мою жену от напасти. Я плачу любую цену. Вы можете пренебречь моралью и этикой. Я обеспечу вас до конца жизни, так, как вашему братству и не снилось. Все, что захотите. Любое желание, любой каприз. Без исключения.

— Сожалею, — говорю я. — Вы не найдете никого, кто бы согласился на сделку. Ни один брат, ни одна сестра не пойдет на это. От болезни Альцгеймера не избавиться, забравший ее обречен на то, что сейчас происходит с вашей женой. Извините.

Он молчит, долго, потом говорит:

— Я слышал, вампиры высшей ступени способны на многое.

— Так и есть. Вы можете обратиться к наставнику. Его зовут брат Эрнст. Если хотите, я свяжусь с ним, и, думаю, он примет вас. Но дела это не решит. Ни он, ни кто-либо иной из братства не пойдет на такую жертву. Для этого надо быть сумасшедшим.

— Что ж, — визитер встает. — Спасибо. Никто не пойдет, говорите? Я мог бы поспорить с вами, но принципиально не заключаю пари, которые не могу проиграть. Свяжите меня с братом Эрнстом, скажите ему, что я хочу увидеться с ним завтра. До свидания.

— Меня зовут Сергей.

Впервые за последнее время меня не называли доктором. Мужик в возрасте, основательный, плечистый, держится уверенно, строго.

— Проходите, садитесь. Я — брат Арчибальд.

— А вам не противно носить такое имя?

Хорошенькое начало. Что ж, тон задан не мной.

— Не ваше дело, — отвечаю я грубостью на грубость.

— Как знать. Значит, так, — посетитель усмехается, — Арчибальд. Я предлагаю вам сделку. Бесплатно, вам она не будет стоить ничего.

Такой наглости в этих стенах мне еще слышать не приходилось.

— До свидания, Сергей, — говорю я. — Дверь прямо за вашей спиной.

— Сначала вы меня выслушаете. Заключить сделку в ваших же интересах. Хорошо, пускай в обоюдных.

— Вот как? — я ловлю себя на том, что заинтригован. — Что ж, говорите.

— Около двадцати лет назад один из ваших кое-что забрал у меня. Тогда я этого не понял, но позже, проанализировав, пришел к выводу, что было похищение. Однозначное.

— Конкретней, пожалуйста. Кто и что забрал и чего вы хотите?

— Конкретней так конкретней. Я военный, потомственный. Работал тогда в аналитическом отделе при одной государственной организации. Какой именно, вам ни к чему. Был в звании капитана и подавал немалые надежды. Меня ждала быстрая и удачная карьера. До тех пор, пока в один прекрасный день я внезапно не обнаружил, что аналитические способности исчезли. Пропали как не бывало. Я перестал разбираться в предмете, который знал как свои пять.

— И что же?

— В то время вокруг меня увивался один малый. Лстил, поддакивал, не упускал случая помозолить глаза. А потом он пропал, и я потерял его из виду на долгие годы. Нечего говорить, что карьера пошла прахом, с работы меня выперли, надежды и жизненные планы рухнули. Так вот, я много и безуспешно думал над тем, что случилось. Но ни к чему не пришел. До тех пор, пока случайно не столкнулся с тем малым. Я навел о нем справки. И выяснил, что этот тип возглавляет местное отделение вашей поганой секты. Называя себя «брат Эрнст».

— Вы полагаете нас сектантами?

— А кем еще? Секта воров и бездельников. Но неважно, вы можете называть себя как угодно. А важно то, что я ненавижу вас. Всех, а особенно ту сволочь, воспользовавшуюся моим умом и талантом, чтобы вами, баранами, править. А вы, стадо, даже не понимаете, что

он использует вас. Мне иногда становится противно от того, что я ненавижу такую мелкую дрянь.

— Вы не одиноки, — говорю я насмешливо. — Нас ненавидит каждый второй, если не каждый первый. Им всем противно, что мы есть. Не суть. Вам знакомы наши правила?

— Клал я на них. Вампир, видите ли, вне морали и этики. И украсть принадлежащее другому в порядке вещей. Знаете что, как вас там, Арчибальд. Я ненавижу вас так, что это мешает мне жить. Поедает меня изнутри и грызет по ночам, превратившись в навязчивую идею.

— Обратитесь к врачу.

— Обращался. Даже пробовал лечиться от этого. В общем, так, Арчибальд. Вы забираете мою ненависть, делайте с ней что хотите. Я в ответ отказываюсь от попытки сквитаться с этой сволочью Эрнстом. Устроит?

Я улыбаюсь. Ничего более нелепого я не слышал. С минуту мы молчим.

— Неужели вы думаете, что ваша угроза хоть что-нибудь стоит? — прерываю я паузу. — Между вами и братом Эрнстом — пропасть. Вам никогда ее не перешагнуть.

— Вы — глупец, — коротко говорит он. — Недоумок. Пропасть не перешагивают, через нее перелетает пуля. Я — стрелок, снайпер. Любые виды стрельбы, из любого оружия и любого положения. Я не прикончил эту мразь лишь потому, что не хотел угодить в тюрьму за такую сволочь. Однако более терпеть я не намерен, попросту смертельно устал от всего этого. Неважно. Я сказал, вы услышали. Что, не желаете выручить своего дружка?

— Убирайтесь отсюда.

— Что ж, — он встает. — Вот телефон. Надумаете, позвоните. И ради своего же упырька — не мешкайте.

Телефонный звонок раздается под утро. Я не сразу понимаю, что звонят из больницы. А когда наконец понимаю, лихорадочно натягиваю на себя одежду, выскакиваю из дома и мчусь туда.

— Она ничего не помнит, — говорит врач. — Вообще. Болезнь Альцгеймера, последняя стадия. Наступила, видимо, скоростижно, очень редкий случай, считай, единичный. У нее нашли письмо, адресованное вам. Оно запечатано, но на конверте ваше имя и номер телефона. Письмо вот. Хотите увидеть больную?

— Да. Хочу.

— Пойдемте. Только приготовьтесь, она вас не узнает.

Сестра Маргарита лежит на больничной койке, безразличным взглядом уставившись в потолок.

— Марго, — говорю я. — Марго.

Она не отвечает, я склоняюсь над ней, беру за руку. Единственный близкий мне человек. Или нечеловек. Или все же...

Выхожу из палаты и вскрываю конверт. В нем лист бумаги. Три строки.

«Прощай, Артур. В том, что случилось, ничьей вины нет. Кто-то должен был это сделать для братства. Брат Эрнст выбрал меня. Твоя Рита».

Не помню, как провел следующие несколько суток, они слились в один непрерывный кошмар. На исходе третьего дня я набрал телефонный номер.

— Сергей?

— Да.

— Это брат Арчибальд. Я... Я согласен.

— Что ж. Приезжайте и забирайте, — голос в трубке издает короткий смешок. — Или, может быть, вам привезти?

— Я приеду, диктуйте адрес. Мне нужно будет кое-что еще, в придачу.

- Что же?
- У вас есть пистолет?
- Смешок в трубке повторяется.
- Этого добра сколько угодно.

Не раз хоженным путем я иду по ночному городу. Меня провожает собачий брех, псы чуют чужака на расстоянии. Редкие прохожие шарахаются, они тоже чуют, только не знают что. Рука в кармане плаща сжимает шершавую рифленую рукоятку. Я ненавижу. Ненавижу нас всех, включая себя самого. Но в особенности одного из нас, того, к чьему дому сейчас направляюсь. Того, кто искорежил мою жизнь, похитив у меня разум, украв мою сущность, искалечив мою подругу. Того, кто нас использует.

Я останавливаюсь. Марго лишь выполнила свой долг, говорю я себе. Мой разум не похищали, мою жизнь не корежили, это не мою, это его, того военного, снайпера.

Мою, понимаю я в следующий миг. Мою жизнь, мой разум, мою подругу. Я купил чужую ненависть, купил осознанно. Ненависть сменила хозяина, она больше не чужая, она стала моей.

«При выполнении условий сделки вампир не обязан соблюдать нормы этики и общепринятой морали». Негодяй, один из узаконивших это правило, наверняка не думал, что оно обернется против него самого. Между нами всего две ступени. На преодоление которых уходит жизнь. Две ступени — пропасть. Пропать не перешагивают, через нее перелетает пуля.

У меня есть еще полчаса. Тридцать минут осознанной жизни.

«Я, брат Арчибальд, — аккуратно пишу я на листе бумаги в линейку, — признаюсь в том, что преднамеренно застрелил своего наставника, вампира третьей ступени, именующего себя братом Эрнстом. Убийство

совершенно в результате сделки, оглашать подробности которой я не намерен».

Сестра Маргарита лежит на той же больничной койке, так же безучастно глядя в потолок. Я подхожу и беру ее за руку.

— Прощай, Рита, — говорю я. — Или, если угодно, здравствуй.

Смотрю ей в глаза. Мне осталось две минуты. Через сто двадцать секунд Альцгеймер перейдет ко мне, и я перестану ее узнавать. И все забуду.

ЛИЛОВЫЕ СВЕЧИ ИИРДА

 иловые свечи Иирда невозможно за-
дуть! — бледное лицо торговца исказила
гримаса напускной обиды. — Это луч-
ший товар в Безнадеге!

— А как насчет залить: вода... кровь? — Клиент был облачен в долгополый серый плащ. Из-под капюшона едва выглядывал глянцевый край церемониальной маски.

— Ни залить, ни засыпать. Свеча прогорает до конца, как... — тут черные глаза торговца впились в покупателя, — как душа.

— Что вы такое говорите?! Хотите меня оскорбить?

— Не кипятись. Ты же тот самый. На костях толчен, на крови мешен. Под капюшоном такое не спрячешь.

— И что с того? — покупатель воинственно шагнул вперед.

— Да ничего. Я продаю — ты покупаешь, — торговец почесал обезображенный язвами лоб.

— Тогда назовите цену, и покончим с этим!

— Цена слишком высока. У тебя столько нет.

— Время потрачено впустую! — покупатель собрался уходить.

— погоди! — торговец выполз из-за прилавка, с трудом ворочая тяжелым хвостом. Он приблизился к собеседнику, стараясь заглянуть под капюшон, и вдруг захрипел и заклекотал, обнажая в припадке злобного смеха короткие острые зубы.

— Ты хочешь сбежать! Бездна и клешни! Сбежать отсюда?! — смех уродца достиг закопченных фасадов зданий и возвратился обратно многократным каркающим эхом.

— Да, хочу! Мне не по душе быть главным блюдом на пиру чудовищ.

— На пир явятся все Большие со Стола и с Равнины. Тебе не дадут уйти. Разве что улететь. Но как? Все, что здесь есть, до последней песчинки принадлежит Деду. Он жаден — не отдаст ничего. Тем более тебя. Малым не дано покинуть Безнадегу.

— Не все, — тихо ответил покупатель, — у меня есть то, что не принадлежит Деду. Потому и будет пир. И придут Большие, чтобы есть и пить меня.

— Неужели? — торговец прищурился, разглядывая клиента. Затем стремительно расстегнул пуговицы старенького пальто — показалась впалая грудь, покрытая черной сетью татуировок. Под левым соском виднелась ржавая заглушка. Тонкие пальцы торговца принялись откручивать болты. Когти противно скребли по металлу. Вскоре дверца открылась. Торговец сунул руку в свою грудную клетку и медленно извлек оттуда нечто черное, пузырящееся, бесформенное. Он поднял сочащийся сгусток перед собой, почти прикоснувшись к плащу собеседника. Мгновение ничего не происходило, но затем двое увидели, как из черной жижи медленно пробивается зеленый ус ростка. Вот по краям расправились трубочки-листья, а тонкий стебель набух изумрудным шаром бутона.

— Так вот для чего тебе свечи, — торговец резко отдернул руку и воровато оглянулся. Росток тут же скукожился и почернел. В мгновение ока сочащийся сгусток гнили был упрятан в тайник. Крышка встала на место.

— Что... что это значит?

— Это значит, что мы договоримся. Я отдам тебе свечу в обмен на одну услугу.

— Чего ты хочешь?

— Вот, — торговец отодрал от хвоста чешуйку и протянул покупателю. Тот повертел матовую пластинку в пальцах. На хитиновой поверхности медленно проступил чернильный знак «птар», похожий на птицу с треугольным хвостом.

— Там, куда ты пойдешь, это поможет тебе вспомнить. Расскажи обо мне первому торговцу, которого встретишь на пути.

— Зачем тебе это?

— Не ты один желаешь уйти отсюда.

— Хорошо, я запомню, — клиент спрятал сверток под плащ и собрался уходить, но торговец схватил его за руку.

— Запомни еще вот что: Серые — глупы, древний — одинок, вышняя — похотлива.

— Что это?

— Просто запомни, и все. Это должно помочь.

* * *

По дороге к Краю он встретил Шляпницу. Она выплыла из-за немой колокольни. Здоровенная, словно дом, и несчастная, словно тысяча вдов. Синие слезы струились из ее тусклых близоруких глаз, тонкими струйками поднимались на лоб, смешивались со слезью на огромной плоской голове и затем устремлялись вниз шипящим кислотным душем. Малые из тех, что слонялись по улицам, бросились наутек. Резвым удалось спастись. Прочие остались лежать израненные. Великанша достала из ридикюля монокль и, близоруко щурясь, принялась подбирать с земли вопящих от боли малых. Одна за другой маленькие фигурки, размягченные кислотой, скрывались в черной трещине плямкающего беззубого рта. Вскоре все, кто лежал на мостовой, были съедены. Старуха убрала монокль, промокнула окровавленный рот платком и вновь извергла потоки слез. Она все еще была голодна. Шляпница — самая не-

значительная из Больших и все же гораздо опаснее, чем любой малый. Покупатель в плаще не стал дожидаться, пока едкая жижа доберется до него, приподнял крышку ближайшего люка и спрыгнул вниз.

Под городом была вотчина частей. Мешанина из конечностей и органов пребывала в вечном движении и постоянно испытывала голод. Большую часть времени она прекрасно справлялась, пожирая сама себя, но когда что-нибудь случайно падало сверху, части торопились насытиться редким деликатесом.

Бушующая волна рук, глаз, клешней накатила, стиснула со всех сторон. Он не стал бороться, сразу произнес формулу, которую знал с рождения.

— На крови замешен, на костях толчен, в печи обожжен. Я хозяин на час и жертва навеки. Расступитесь!

Части прынули в стороны, словно их ошпарили. Он не ждал такой покорности. Подумал: примени он формулу к торговцу, отдал бы тот свечи без разговоров и условий? Однако времени на размышление не было. Слезы Шляпницы начали просачиваться вниз.

Город на краю Стола казался больным и каким-то недоработанным, ущербным. Здесь давно никто не жил, а главное — не умирал. Кровь малых хорошо питала центральные районы, и дома там выглядели ухоженными, хотя за ними и не думали следить. А здесь: стены в трещинах, кривятся дверные проемы, на крышах и заборах угнездился черный плющ. Вдобавок ко всему принялся накрапывать мелкий холодный дождик. Еще несколько шагов, и улица кончилась. Впереди виднелся неровный край обрыва. Далеко внизу исходила ядовитым паром Равнина. В желтом тумане что-то двигалось, плакало и вздыхало.

Он скинул плащ, оставшись обнаженным. Медленно принялся цедить верные слова. Его кожа отозвалась. Нанесенные загодя татуировки налились тугой жгучей

силой. Линии, углы и окружности раздались в стороны, увлекая за собой сотрясаемое дрожью тело. Он расширился, надуваясь, приближаясь к правильной форме, и только тогда воспользовался свечой. Восковой цилиндрик выстрелил жалом лилового пламени. То, что было спрятано в груди, задрожало, отзываясь, и тогда он сказал последнее слово, самое сильное из тех, что знал. В тот же миг его ступни расстались с холодными камнями Безнадеги.

Он уже поднялся высоко, когда внизу заворочался Дед. Содрогнулись здания, улицы утратили свои очертания. Вервия и гвозди, деревянные и железные балки со стоном покидали отведенные им места, выстраиваясь в ряды, сплетаясь и склеиваясь, они формировали каркас чудовищной суставчатой руки. Из разверзстой клоаки канализации выплеснулись части. Они обволакивали нагромождения мусора, превращаясь в подобие кожи. Конечность все удлинялась, тянулась за беглецом, а внизу обнажились жерла огромных печей, из которых он некогда вышел под дождь. Яростное рыжее пламя рвалось из этих страшных пылающих глаз. Даже на такой высоте он ощущал жар Дедова гнева. Скрип и скрежет звучали повсюду. Город потянулся изо всех сил, тщась схватить ускользящую жертву. Скрюченные пальцы исполина прошли совсем близко, и он успел заметить копошение частей и вплавленных в материю Деда малых. Тысячи глаз уставились на него. Где-то среди них — торговец.

«Помни меня!» — был ли крик на самом деле? Или это игра воображения?

Дед оплошал. Не сумел достать беглеца, и теперь тот парил над равниной. Большие внизу разразились горестными воплями. Они так долго ждали этого пира. И вот жертва навек не состоится. Не будет эпохи радо-

сти и процветания, и небеса из серых не станут золотыми. Стол и Равнина будут стареть, растворяясь в собственной желчи.

На горестные вопли тварей из серых туч спустилась Бабба.

Он ни разу не видел ее до этого. Только слышал страшные легенды о чудовище, сторожащем небо. Бабба походила на гигантский бутон цветка, лепестки которого выполнены из зазубренных стальных лезвий, а сердцевина поросла костяными клювами, клешнями и крючьями. Она рванулась к нему, огромная и смертоносная. Тогда Беглец поднял свечу повыше и принялся мочиться на нее. Жидкость его тела, достигнув пламени Иирда, обратилась густым паром. Облако все увеличивалось, и Бабба потеряла свою жертву в этой завесе. А он поднялся еще выше. Туда, где небо вытягивалось воронками и раскачивалось, словно трава. Торговец не обманул. Свеча горела все так же ровно. Он повернул ее таким образом, чтобы достичь одной из воронок. Внизу раздался яростный клекот. Это Бабба наконец обнаружила беглеца. Она рванулась изо всех сил, превзошла себя в скорости, но не успела. Шар его тела уже погрузился в воронку. Неистовый ветер возносил беглеца все выше и выше. Внизу затихал обиженный шепот Равнины и тоскливый скрип Стола. Он покинул Безнадегу.

* * *

Беглец вынырнул из облаков и оказался в странном туманном пространстве. Его наполняли огромные извитые плети. Не то щупальца, не то окаменевшие змеи. Вскоре стало светлее. Оказалось, что он плывет среди огромных корней. Ажурный лабиринт простирался во всех направлениях. Казалось, что ему нет конца. Безбрежная тишь окутала беглеца.

Сначала он не решался приблизиться к корням. Ведь в Безнадеге любой предмет таил в себе опасность. Од-

нако здесь все было иначе. Корни просто росли, равнодушные и безмолвные.

Прошло много времени, прежде чем он услышал первый звук. словно множество маленьких молоточков били по дереву. Тут-тук-туки-тук. Звук приближался, и вот он увидел скользящие по корням серые тени.

Он решил не испытывать судьбу и усилил пламя свечи, ускоряя полет. Однако те, кто гнались за ним, двигались слишком быстро. Обманчивая пустота неожиданно наполнилась мельтешением серых тел. Они настигли его вблизи широченного корня. У них были сильные ноги с короткими тупыми когтями, невероятно длинные уши и вытянутые зубастые морды. Головы и тела охотников покрывали глаза. Десятки выпуклых наростов создавали странные асимметричные узоры на шкурах серых бегунов. Белесые бельма равнодушно пялились на мир. Пустые и безучастные ко всему. Существа были совершенно слепы и, похоже, ориентировались в пространстве исключительно благодаря своему острому слуху.

— Так-так, что это нам попало? — пропыхтел самый крупный из серых.

— Ах! Это, наверное, добыча. Что же еще? — отвечал другой бегун.

«Добыча, добыча», — возбужденно залопотала стая.

— Но с другой стороны, — продолжал первый, — это может быть что-то другое. Не добыча.

«Может, может! Брысак умный», — отозвались серые.

— Спросим Старого! — предложил оппонент Брысака. — Старый, скажи свое слово!

Из рядов длинноухих выступил дряхлый бегун. Его зубы почернели и искрошились, а шерсть на загривке была редкой и седой.

— Вы все бездари и разгильдяи, — прокаркал старик. — В мое время серые были куда умнее. Ну да что

с вас взять. Вот скажите мне, откуда оно появилось, сверху или снизу?

«Снизу, снизу. Оно явилось снизу», — разразилась криками стая.

— Добыча никогда не приходит снизу, — веско сказал старый бегун.

— И?.. — прервал патриарха Брысак.

— Что «и»?! Он не добыча, идиот!

— И что нам с ним делать, старый болван?! — не выдержал Брысак.

— Дерзишь? Молодой выскочка! Мои зубы истерлись, а лапы уже не те, что раньше, но я легко разорву тебя в клочки!

«Серые — глупы», — вспомнил беглец слова торговца, собрался с силами и заговорил громко, подражая голосу Брысака.

— Могучие охотники, не ссорьтесь! Отнесите меня наверх. Тогда я смогу прийти к вам с нужной стороны и стану добычей. Ваш спор мигом разрешится.

«Недобыча говорит дело! — заволновалась стая. — Отнесем ее наверх! Отнесем сейчас!»

— Тогда за дело! — не желающий терять инициативу Брысак схватил беглеца и бросился вверх по стволу. Стая неслась за ним.

Туман начал рассеиваться. Сверху струился желтоватый свет. Корни стали шире и росли реже. Брысаку приходилось делать затяжные прыжки. Вскоре они выбрались на свободное пространство. Над бегуном и его пассажиром уходил ввысь колоссальный ствол. Высоко в золотистом небе едва угадывались очертания кроны. Брысак действительно был самым сильным. Стая безнадежно отстала. Едва слышен был стук когтей по дереву.

— Все... давай... спускайся, — пролаял запыхавшийся серый.

— Не торопись, — беглец оттолкнулся от корня и вновь применил свечу.

Он успел подняться высоко, прежде чем остальные члены стаи выбрались из лабиринта корней.

— Эй! Добыча! Ты где? — Брысак поднялся на задние лапы и беспомощно вертел своей ушастой головой.

— Я не добыча! — выкрикнул беглец. — Я на костях толчен, на крови мешен, от Деда сбежал и от Баббы ускользнул! Оставайтесь ни с чем, глупцы!

* * *

Он поднимался все выше и выше, обиженные вопли серых почти стихли, а крона совершенно не приблизилась.

Ствол дерева длился и длился. Равномерный, скучный, огромный. Время от времени беглец замечал, как по коре пробегают какие-то юркие твари. Очевидно, это была «добыча» серых. Он не стал приближаться. Рисковать было незачем. Прошло еще много времени, прежде чем равномерный золотистый свет начал тускнеть. В стремительно густеющем мраке ствол дерева расцвел миллионами крошечных синеватых огоньков. Светлячки медленно двигались вдоль вертикальной поверхности, собирались вместе и вновь разбредались. Их неторопливое движение завораживало. И вот беглецу уже казалось, что твердь дерева распалась, оставив только этот мерцающий хоровод. И сам он, замешенный на крови и толченный на костях, не более чем маленький светлячок, затерявшийся в первобытной тьме.

Впервые с рождения в печах Безнадеги беглец зазнул.

Его разбудил долгий и протяжный стон. Это был плач плачей. Крик криков. Столько боли и невыразимого страдания было в нем.

Беглец открыл глаза. Он по-прежнему двигался вдоль ствола. Густой синий сумрак, окружавший его, тщился утаить в своем бездонном чреве детали пейза-

жа. Однако силы его были на исходе. Тьма истончалась и отступала. Беглец огляделся вокруг, совершив полный оборот вокруг своей оси. Равномерность коры перед ним нарушал причудливый нарост. Лишь спустя мгновение беглец понял, что это живое существо. Великан был прикован к дереву колоссальной цепью. Покрытые изморозью стальные звенья глубоко врезались в могучее тело. Правый бок гиганта чудовищно раздулся. Внутри под кожей что-то ворочалось и сияло, высвечивая причудливый узор напряженных сосудов. Прикованный издал еще один долгий стон. Внезапно его плоть треснула, раздалась в стороны. Из глубин естества страдающего великана ударил сноп белого света. Сияние усиливалось, медленно нарастало, и вот, наконец, показался источник света. Косматый шар белого огня неторопливо вознесся над своим окровавленным узилищем. Помедлил, словно говоря «прощай», и величаво поплыл, медленно огибая ствол по широкой дуге.

Тут только беглец обратил внимание на то, что его собственное продвижение вверх сильно замедлилось. Пока он спал, свеча прогорела. Неужели ему так и суждено дрейфовать в этом необозримом бесприютном пространстве? Шар его тела содрогнулся от ужаса. Нет! Все будет еще хуже. Со временем заклинание невесомости утратит силу, и он постепенно обретет свою прежнюю форму. Ему предстоит затяжное падение и неминуемая гибель. Что, если это произойдет прямо сейчас?

Тем не менее пока беглец продолжал хоть и медленно, но подниматься вверх и постепенно достиг лица великана. Он не ожидал, что гигант обратит на него внимание, но тот неожиданно открыл глаза и втянул огромными ноздрями воздух. От этого могучего вдоха беглеца стремительно повлекло к стволу. Огромный рот гиганта приоткрылся, и родился голос, пленивший в своих шершавых перекатах неистовую мощь первого урагана и рев первобытных чудовищ. Беглец испугался,

что от этого всеохватного, неотвратимого шепота, печати, что он наложил на себя, вскроются до срока.

— Вижу тебя я, — изрек великан. — Чувствую запах я. Вонь нижнего мира, и едкий пепел волшебной свечи, и еще... знакомый аромат. Беглая душа! Давно не встречал здесь таких.

— А я никогда не видел таких, как ты. — Беглец немного помедлил. — Что с тобой приключилось?

— Крокодил зовусь я. Был среди Первых, кто творил мир из темноты и грез. Создали существ, и то, что растет и говорит, и то, что безгласно. И воду создали и твердь. Свет желал творить я, но не дано было мне. Другим доверили создать лучезарный сосуд. Гнев испытал я и проглотил светоч. Тогда мрак окутал землю и ужас воцарился. Наказан был я. Прикован к стволу. Из чрева моего выходит утра свет и, древо обогнув, воротится назад. Тогда глотаю его и наступает ночь. Так длятся дни.

— Когда же ты освободишься?

— Скрыта истина. Вечность прозреваю я. Без конца, без края.

— Как ты поступишь со мной?

— Мог бы съесть тебя я.

— Тогда ты не услышишь моей истории, о могучий.

— Одиночество гложет меня, а не голод. Расскажи мне, что знаешь. Потом посмотрим.

— Я на костях толчен, на крови мешен. Владыка на час и жертва на век... — начал беглец. Он старался рассказывать подольше с подробностями, только бы отсрочить смертный час. Гигант слушал. Глыбы его век легли на глаза, и казалось, что чудовищный страдалец дремлет. Вокруг царила тишина. Ничто не двигалось. И только новорожденный светоч медленно смещался, огибая ствол древа.

— Но вот я очнулся и понял, что свеча Иирда прогорела, а крона еще далеко. Тогда мне и посчастливилось встретить тебя, о могучий, — беглец замешкался, не

зная, стоит ли пересказывать гиганту сцену рождения светоча. В тот же миг глаза Крокодила открылись.

— Изрядная история. Теперь вижу, что похожи мы. Ты и я.

— Ты по-прежнему хочешь съесть меня?

— Это было бы неплохо... но нет. Помогу тебе я. Рок да не сбудется!

Крокодил сделал могучий вдох, и беглецу показалось, что сейчас он все же окажется в желудке великана. Шар его тела приблизился к огромным, точно створки ворот, губам. Из глубин естества гиганта исходил ровный сухой жар. Беглец живо вспомнил родильную печь в Безнадеге. Шар его тела вращался и кувыркался, покуда в груди великана рождался неистовый ветер. А затем Крокодил выпятил нижнюю губу и дунул. Жаркий вихрь родился от его усилий. Он закружил беглеца и понес все выше, выше.

— Прощай! — загремел ему вдогонку голос Крокодила. — Судьбу создай свою!

Крона стремительно приближалась. Беглец испугался, что поранится о нижние ветви. Однако этого не случилось. Вихрь ослаб и, достигнув листвы, раскололся на тысячу теплых ветерков. Вокруг простирался удивительный мир, наполненный легкомысленным шорохом листвы, ажурными тенями и неярким светом. Ветви дерева казались столь же длинными и неохватными, что и корни. Они бесконечно расходились в стороны, истончаясь и дробясь, создавая невероятный асимметричный узор. Иные из них были тоньше волоса, а другие столь широки, что на них располагались целые миры. Беглец видел карликовые леса, поля и горы. Из трещин в стволе сочилась влага, образуя самые настоящие реки, что струились серебряными нитями вдоль великанских ветвей и порой обрушивались невероятной красоты водопадами. Некоторые из ветвей были обжиты. Над корич-

невой твердью коры поднимались островерхие шпильи колоколен, стены крепостей, пестрели крыши городов и селений. По дорогам двигались крохотные путники. На одной из ветвей шла война. Тысячи блестящих блох сходились на бранном поле, от сожженных домов и угодий поднимались столбы черного дыма.

Чем выше поднимался беглец, тем плотнее сплетались ветви. Вскоре он достиг того места, где полет был невозможен. Беглец снял печати и принял свою прежнюю форму, мягко опустившись на одну из ветвей. Он принялся карабкаться, пробиваясь сквозь плотно растущие древесные руки. Из последних сил он проталкивался в узкие щели и очень удивился, когда поросль резко закончилась.

* * *

Он стоял в зале, полом которому служили туго сплетенные ветви дерева, а крышей — бездонное небо. В чистой синеве медленно плыли огромные сонные рыбы. Их крупная блестящая чешуя отражала крону дерева и маленького растерянного бегльца. Перед ним был предел. Край света. Дальше идти некуда.

Он огляделся вокруг и тут же увидел высокий белый трон и женщину, сидящую на нем. Она была обнажена, ее рыжие волосы струились вниз по плечам, огненными струями осеннего багрянца вплетались в зелень ветвей. Ее руки вросли в подлокотники трона, большая красивая грудь мерно вздымалась, ноги были призывно разведены, и на их перекрестье сияло открытое лоно. Листва перед женщиной раздалась и набухла двумя зелеными наростами. Сотканые из тугих веток коконы лопнули одновременно и на свет вышли два карлика. Приземистые, коренастые, одинаковые, они были обладателями огромных гениталий. Женщина что-то сказала, и один из карликов тотчас набросился на нее. Некоторое время они совокуплялись, а затем карлик издал

протяжный крик, задрожал всем телом, изливаясь без остатка, и вдруг упал навзничь. Он был мертв. В то же мгновение зеленый ковер породил еще одного приземистого любовника, и они вдвоем с оставшимся карликом из первого помета схватили своего мертвого близнеца и потащили его к отверстию в ветвях, раскачали и швырнули вниз. Будет серым пожива!

Карлики вернулись к трону, и один из них немедленно шагнул к женщине, стремительно возбудился и вошел в нее мощно и грубо, резко ускоряя темп.

Беглец вспомнил слова торговца и двинулся вперед. Когда очередные два карлика потащили своего мертвого партнера к обрыву, беглец шагнул к женщине.

— Кто ты? — спросила она и улыбнулась, откровенно разглядывая его достоинства.

— Я на костях толчен, на крови мешен. Король на час и жертва на век.

— Чего ты желаешь?

— Я желаю... тебя.

— Нет ничего проще, — женщина призывно улыбнулась, — но ведь ты знаешь цену?

— Знаю.

— Тогда иди ко мне.

После этих слов беглец испытал сильное возбуждение. Он подошел к рыжеволосой женщине вплотную и соединился с ней. Раз, другой, третий. Позади возмущенно кричали недовольные карлики. Помимо своей воли беглец ускорил темп и уже готов был закончить, без остатка отдавая свои силы Вышней, но вдруг что-то больно укололо его в руку и отсрочило последний спазм. Он продолжал двигаться и теперь мог контролировать себя. Погружаясь раз за разом в зовущее лоно, беглец словно уменьшался в размерах. А прикованная к трону женщина все увеличивалась, неподвижная, словно статуя. Вскоре он уже стоял у подножия гигантского монумента. Там, где минуту назад было неутомимое лоно Вышней, располагались высокие врата, облицованные

розовым мрамором, украшенные огромными кровавыми рубинами. Разведенные в стороны створки стремительно закрывались. Земля содрогнулась. Это очередной карлик пошел на приступ. Беглец бросился вперед, спасаясь от гигантского, будто таран, уда. Он бежал так стремительно, как никогда не бегал. В последний миг он едва успел проскочить между сворками. И оказался во тьме. Но это была не пустая бессмысленная тьма. Это был красноватый влажный мрак начала. А потом был свет, и была боль, давление... Мир кончился и начался заново.

* * *

Фельдшер в белом халате принял кричащего малыша, аккуратно поднес его к мойке. Профессиональным движением омыл новорожденного и, наконец, завернув ребенка в свежую пеленку, передал его на руки матери. Счастливая роженица робко взяла дитя, прижала к груди.

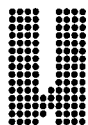
— Посмотрите, какой он милый. Мое солнышко, моя крошка. Ну, разве он не прелесть? — обратилась женщина к врачам и ко всему миру. И врачи немедленно заверили мать, что ее первенец просто прекрасен.

— Смотрите-ка! У него на ладошке родимое пятно. Похоже на птицу, — восхитилась молоденькая медсестра.

— Да, милая, — доктор огладил упругий зад своей ассистентки, — это значит, что у мальчика будет необычная судьба.

СТРОГО ПО РЕЦЕПТУ

з крана текла сладковатая вода.

Уж сколько лет на Вингейте, а все не могу при-
выкнуть.

Я глянул в зеркало, решил не бриться. Говорят, щетина придает мне мужественный вид. Правда, эти слова принадлежат повару Фуджисаки, а он, как и все японцы, не в меру льстив. В зеркале отражался мужчина лет тридцати, с короткой стрижкой и небольшими ушами. Я улыбнулся, затем нахмурился. Дурацкое выражение лица. На фотографиях себя видеть не могу. А девчонкам нравится, и не поймешь — то ли моя морда, то ли статус «владелец бара». И этот самый бар надо через полчаса открыть.

Работа недалеко, погода хорошая, можно и прогуляться. Большую часть пути я иду по набережной, наслаждаясь свечением Риксена и отражением башен в радужной пленке реки Ло. Нравится мне Марианнаполис, тут есть где развернуться: перевалочная база тридцати миров, один из наибольших космопортов, масса туристов, а значит — куча шальных денег. Только успевай.

Передо мной площадь со сквером и круглым фонтаном. Рядом крупная пересадка, народу здесь — завались, а рядышком бар — завалиться. Конечно, пока открыл, от бюрократов натерпелся, но теперь в «Золотом сиянии» свободных мест, считай, не бывает.

По вингайтской традиции дверь отъехала в сторону. Звякнул колокольчик. В полутемном зале японец протирает столы. Увидев меня, он заулыбался и раскланялся:

— Доброго здравия, Кейто-сан. Вы прекрасно выглядите сегодня.

— Спасибо, Фуджисаки-сан. Все ли в порядке?

— Не изворьте беспокоиться, все замечательно.

— Отлично. Отдохни, я закончу.

— Вы очень юбезны, Кейто-сан, — японец раскланялся, бросил тряпку на стол и убежал.

По-моему, он тут и ночует. То есть проводит первые два тайм-сета. Никогда не удавалось прийти раньше него. Ну и ладно.

Я протер барную стойку, насвистывая какой-то мотивчик. Оглядел ряды бутылок: полных, опорожненных наполовину и с жидкостью на доньшке. Вот что плохо на Вингайте — мало настоящих ценителей. «Мохито», «Терра Нову» или «Смерть Терминатора» заказывают едва ли раз в месяц. Зато местное пиво и сцеженный сок айековы идет на ура. И водка тоже. Да и дорого завозить с Терры настоящие калуа, гренадин или бейлиз. Вот и придумываем заменители: водку со сгущенкой, вишневый сок с гвоздикой и полугодовую айекову. Все равно клиент не почувствует разницы. А тот, кто почувствует, пойдет не в «Золотое сияние», а в рестораны Верхнего Яруса.

— Привет, Кейт.

— Привет, Лоли.

Девушка чмокнула меня в щеку и ушла в служебку переодеваться. Парни с ума по ней сходят. Еще бы: высокая брюнетка, носит откровенные черные платья с кружевами, черно-белые гетры и туфли на высокой подошве. Готик Лоли. Ее так и зовут. Неофициально. По айдикоду она Герта Лоли. Но разве это важно?

Пятнадцать часов, время открываться. Начался третий тайм-сет, вечерний. Через два-три часа бар напол-

нится, и я буду вертеться белкой, наливая пиво, водку и айкеову. Но сейчас — расслабляюсь.

Лоли вернулась.

— Отлично выглядишь, Рори-тян, — передразнил я нашего повара. Официантка хихикнула.

— Фудж с комплиментами тебя опередил. А вот ты — не очень хорошо смотришься. Побрился бы.

Вот и верь после этого японцам.

— Да ладно, не пятница. Четверг. Клиенты обойдутся. Все равно только на тебя и смотрят.

— Ну, как знаешь, Кейт. Что там с нашим заказом?

— Оформляют. Должны привезти со дня на день.

— Жду не дождусь. Ты все уши этим кофе прожужжал.

Звякнул колокольчик, и Лоли пошла к первым клиентам. Кофе она ждет. Конечно, и не только она.

Кофе-третипак, очень редкий рецепт. Мало где подается, поскольку требует специального оборудования, кучи ингредиентов и некоторых особых навыков. Ингредиенты я могу найти, навыками обзавелся еще на Терре. Правда, с тех пор прошло лет семь, но сложные рецепты мне все еще по плечу. По крайней мере, я так думаю. Сертификат мастера по кофе-третипаку где-то пылится. А вот оборудование... оборудование надо доставать. Сейчас для бара везут за полцены аппарат с Аршана. Надеюсь, эта рухлядь будет в рабочем состоянии.

Я наливал пиво и подавал мелкие закуски, не особо отвлекаясь от мыслей. Руки сами прекрасно знали, где стоят бокалы и сколько надо держать краник открытым. Один раз пришлось включить мозги — какой-то мелкий зентарвиец решил вкусить «Глубокое бурение». Вкусил. Хорошо, что у нас не одна туалетная кабинка.

— Эй, Хадсон!

Часы показывали семнадцать. Прибыл Капитан Пунктуальность.

— Привет. Тебе как всегда?

— Конечно.

Каждый четверг ровно в семнадцать часов в бар приходит капитан Урусов из разведслужбы Терры. За новостями и просто потрепаться «за жизнь» с соотечественником. Он русский, потому без потрепаться не может. Я крикнул на кухню, чтобы Фудж пошевеливался.

— Слушай, Хадсон, можно вопрос?

— Как будто если я скажу «нельзя», ты не спросишь.

— Так не по службе.

— Ну, валяй.

— Почему тебя все зовут Кейт?

Я даже полотенце уронил.

— Имя такое. Кейт. Кейт Хадсон.

— Извини, конечно, но ведь это — женское имя? Так актрису звали, я проверял.

В общем, сделал вид, что ищу полотенце, а сам тихо под стойкой ругал дотошного русского. Но когда вылез — на лице была улыбка и готовность сотрудничать.

— Это мой папаша учудил. Назвал ребенка в честь любимой актрисы. Ума хватило.

Урусов оторопел.

— Налить?

— Угу.

Водки на два пальца, ломтик лимона. Русский махнул, крикнул, закусил.

— Бедняга.

— Да ничего. Мне повезло — существует и мужское имя Кейт. Пишется только по-другому. Кей-и-ай-ти-эйч. Это в латидзи. Так и записали. В кирите разницы нет.

— Ого. Не знал. Не лингвист.

Не знал он. Все ты знал, капитан, решил на реакцию посмотреть.

— Урусову-сан! — Возле стойки возник японец и мелко закивал. — Специариный брюдо. Вам.

Он поставил тарелку с чем-то жидким, красным и дымящимся перед капитаном. Русский вытаращился на него.

— Это что?

— Это борщи! Табэта... приятного аппетита!

Повар испарился.

— Как он это делает? Ну-с, сейчас попробуем.

— Не боишься?

— После вашего бейлиса? Ни в жизнь.

Капитан ухватил ложку, решительно зачерпнул и отправил в рот. По его виску пробежала капля пота.

— Хадсон... минералки... чего-нибудь...

Я достал из холодильника кусок сыра.

— Съешь. Лучше, чем минералка.

Русский прожевал.

— Это, конечно, борщ. В чем-то. Кроме перца. Ух. Блин.

— Даже не спрашивай, из чего это. Фуджисаки — великий мастер по заменителям.

— Не буду. А спрошу я...

Дальнейший наш разговор малоинтересен непосвященному. Чисто профессиональная беседа о посетителях бара. Зачем капитану эта информация? Все просто: Марианнаполис в качестве базы избрали гиарцы. А они не очень хорошо относятся к Терре. Совсем нехорошо. Вот капитан и выспрашивает о настроениях да происшествиях. С барменами часто беседуют самые разные гуманоиды, особенно в конце четвертого тайм-сета. Любая информация может быть кстати.

Это я так понимаю. Урусов, конечно же, не говорит. Только раз в цикл оставляет сумму — как он выражается «за терпение к своему обществу». Ну и за выпивку расплачивается.

С обязательной программой справились за час и теперь перебрасывались ничего не значащими фразами, наблюдая, как Лоли изящно порхает между столами. Ближе к восемнадцати бар заполнился. Вингейтцев

большинство, остальные из разных уголков союза. Пара терран, зентарвийцы, урикасцы, в уголочке пристроились полугуманоиды с Кталаха. Обычный, хороший вечер, наполненный шумом разговоров, рюмочками фуриосакэ, звоном пивных бокалов и редкими проблемами настоящей работы — коктейлями.

Тут-то они и приперлись.

Дверь сдвинулась, и в бар ввалился десяток парней в ярко-красной форме с белыми нашивками. Этих ребят нельзя спутать с кем-либо еще: длинные ноги, короткое, по сравнению с ними, тело; круглые лица с заостренными подбородками и огромными глазами. Гиарцы.

— Эй, бармен, у тебя есть тут «Кристалл Гиара»? — спросил главный. — В любом приличном заведении он должен быть. Хотя, бармен... ты же терро? Наверняка у терро нет «Кристалла». Что вообще может быть у этих терро?

Собственно, в этом весь Гиар. Полнейшее презрение ко всем, кто не похож на них, особенно к жителям Терры. К нам за то, что хоть чем-то на них похожи.

— За деньги у меня найдется все. За большие — и «Кристалл Гиара» найду, — спокойно ответил я.

— У тебя шумно. Пусть освободят помещение. Мы хотим отдохнуть.

Я пожал плечами.

— Они тоже хотят отдохнуть. Не стоит мешать, уважаемый, мест хватит.

— Терро, ты не понял, — гиарец улыбался. От их улыбок девушки впадали в полубессознательное состояние. Только вот эта ничего хорошего не сулила. — Мы хотим отдохнуть. Без всяких остальных недо...

Тут гиарца перебила Лоли, бросившаяся тому на шею с воплем: «Какой милашка!»

— Кейт, давай им нальем первую за наш счет, Кейт, ну смотри какие лааааапушки!

«Не дури, Хадсон, — читалось в холодных глазах официантки. — За ремонт не расплатимся».

И что еще оставалось делать? Включаем «радушие» и:

— Присаживайтесь, господа, присаживайтесь. За наш счет каждому стаканчик высококачественной трехлетней айековы.

Стоит ли говорить, что талантливый японец делает «трехлетнюю» из полуторагодовой?

Гиарцы перестали шуметь. Это временно, конечно. Сейчас выпьют и придерутся еще к чему-нибудь. Их не изменить. Сложные клиенты.

Впервой, что ли?

Часа полтора спустя к стойке, пошатываясь, привалился их главный.

— Эй, терро, что у тебя есть необычного?

— Смотря откуда. Есть очень редкое виски с Терры, есть совсем чуть-чуть сладкой настойки на дуборезах с Канако, кроме того, могу предложить чистейшую 85% воду с Артезии. После нее любая другая вода кажется затхлой и лишеной божественного вкуса. Из закусок стоит обратить внимание на брисский сыр особого хранения, а также фирменное блюдо нашего шеф-повара — вкуснейший борщ по-восточному.

Сидящий в уголке Урусов содрогнулся. Гиарец уставился на меня огромными глазами.

— А может, ты и кофе-тритипак умеешь готовить?

Его коллеги засмеялись. Я протер барную стойку.

— Испробовать кофе, уважаемый, приходите через неделю. Как раз привезут оборудование, и я с удовольствием приготовлю вам прекрасный тритипак.

Воцарилась тишина. Гиарец икнул.

— Что-что? Ты, терро, будешь готовить кофе-тритипак?

— Приходите и убедитесь.

— Я приду. Уж будь уверен. Готовься, терро. Хаэй-лам, рун!

Солдаты вскочили и выбежали на улицу. Старший гиарец погрозил с порога.

— Смотри мне.

Он вышел. В помещении сразу загомонили. Вооруженные гиарцы надоели хуже стаи муханов, но против них выступать не решались. Урусов пересел ближе.

— Хадсон, ты в своем уме?

— Я сдавал экзамен на Терре. Все для кофе мы давно купили. Оборудование доставят завтра. Подсобишь с таможней, капитан?

— Куда ж деваться. — Русский снял кепку и повертел в руках. — Еще не хватало конфликта между Террой и Гиаром из-за какого-то кофе.

Аппарат привезли только в среду в конце третьего тайм-сета. Дюжие рабочие внесли два здоровых короба с предупреждающими надписями «Хрупкие вещи» и забросили их в угол. Мне стало дурно. Если оборудование по пути с Аршана на Вингейт точно так же швыряли — ему хана. А завтра, когда появятся гиарцы, хана будет и всему бару. И откуда они взялись на наши головы?

Делать нечего, придется как-то выкручиваться. При чем — ночью, сейчас у нас масса посетителей.

Одну коробку я вскрыл и застонал. В ней лежала куча заботливо упакованных деталек и объемная инструкция. Сыграй в конструктор. Если тебе повезет и руки растут из верхней части тела, то на выходе получишь автомат для кофе-тритипака.

Уже после закрытия бара я распаковал все коробки и разложил детальки ровным слоем по столам. На это с любопытством смотрела Лоли:

— Кейт, неужели ты все это соберешь?

— Придется. Когда-то я неплохо решал головоломки.

— Сам справишься?

— Ты иди. Только завтра приходи не к открытию, а к началу второго сета. Вдруг не справлюсь.

— Не проблема. — Она чмокнула меня в щеку. — Молодец, что побрился, — и ушла.

Я заглянул на кухню, повара не нашел. Не беда, сварю кофе сам. Обычный черный, без тритипаков. Вернувшись с чашечкой в зал, я решил почитать инструкцию. Тут и ждал удар под дых: она оказалась на аршанском. А я его, скажем так, понимаю лишь слегка, поскольку знаю родственный карнийский.

«Хоть чертежи есть, и на том спасибо», — подумал я. Допинг в виде кофе оказался более чем кстати. И надо из подсобки вытащить старенький терминал — в Сети полазить.

Эпические подробности сборки оставим за кадром. Скажу лишь, что запас ругательств на всех известных мне языках исчерпался задолго до окончания процесса.

Около девяти пришла Лоли. Оглядела здоровенный пузатый агрегат, возвышающийся на барной стойке.

— Это он?

— Это, трам-та-ра-рам, он, собственной, тара-рам, персоной.

— Вау. Никогда бы не подумала.

— Что?

— Что ты так ругаться можешь.

— Еще бы. Я почти сутки на ногах.

— Пойди домой, отдохни.

— Нет. Тут еще эту махину надо подключить-отладить. Знаешь что, — я нашарил в кармане ключи, — сходи ко мне, принеси диплом по этому тритипаку. Он на полке под бумагами. И подушку прихвати, может, в подсобке передремлю часок.

— Хорошо.

Девушка развернулась и, цокая каблучками, ушла. Я хмыкнул — вот так между делом Готик побывает у меня дома. И меня там нет. Судьба удивительно несправедлива.

Я еще минут пять предавался философским размышлениям, пока не сообразил, что банально туплю и ничего не делаю. Вздохнув, начал проверять основные узлы агрегата — три воронки, коллектор, измельчитель, кипятильник. Вроде бы нигде не напутал.

Вытащил и перебрал ингредиенты. Корица, ваниль, яйца, ром, сироп из ормотара, новогреческий мускат, кофе тарразу, лико и эбер, другие пряности и специи. Разложил все по коробочкам. От усталости и запахов мутило. Еще надо бы найти высокие бокалы, трубочки, зонтики и заказать черный лимон.

Звякнул колокольчик. Лоли.

— Диплом принесла. Подушку тоже. Кейт, — она, прищурившись, смотрела на меня. — Кейт, иди спать. Остальное я сделаю.

— Хорошо. Купи черных лимонов. Все-все, иду.

В коридоре встретился японец:

— Доброе утро, Кейто-сан! Вы отрично выгрядите.

— Спасибо, Фуджисаки-сан.

И когда этот льстец успел появиться?

Спалось плохо. Ко мне приходили скалящие зубы гиарцы, требовали тритипак с морбасианским коктейлем, медом и молоком. Грозил оружием. Во сне я ронял бокал, после чего приходил Урусов и, качая головой, говорил о гибели Терры. Я просыпался через каждые пятнадцать-двадцать минут в холодном поту. Наконец мне это надоело, и я вышел в зал.

Лоли сидела на высоком стуле у бара и листала журнал. Не поднимая глаз, сказала: «Лимоны за стойкой».

Пришло время генеральной репетиции.

Часы показывали начало четырнадцатого. Я снял с полка несколько бутылок. Готик удивилась:

— Столько выпивки? Для кофе?

— Нет. Я давно его не делал, надо потренироваться. Хочу размять кисти, сделать десяток коктейлей.

Шейкер я уронил на четвертом круте. Расслабился, шнорковку потерял. А для тритипака нужна точность до секунды. Вольешь смесь чуть раньше или позже — испортишь вкус, цвет и аромат. Сложный рецепт.

К десятому коктейлю я почувствовал себя увереннее. Руки не дрожали, движения приобрели четкость и плавность. Я выстроил стаканы с разноцветным содержимым.

— Лоли, первым клиентам повезет — раздашь им по коктейлю бесплатно. И себе возьми.

— Который из них «Смерть Терминатора»?

Я указал на широкий стакан с желто-коричневой жидкостью.

— Осветленный коньяк, немного сока, кусочки шоколада и вишенка. Вишенка, правда, в холодильнике. Достать?

— Не надо. — Девушка лихо выпила коктейль, замурилась. — А неплохо. Кофе-то попробуешь сделать?

— Конечно.

— Хочу это видеть.

Стало быть, ингредиенты на бочку. То есть на стол. Аппарат засвистел, нагреваясь. Я сделал первую эберскую смесь, засыпал в воронку, залил пятьдесят миллилитров воды. Теперь у меня есть минута, чтобы соорудить вторую. Она готовится в шейкере из продуктов с планеты Лико. Шейкер в одной руке, вторая наготове.

Через минуту аппарат пыхнул и тоненькой струйкой выдал первую часть. Ее в широкую посуду, добавить содержимое шейкера, засыпать кофе лико. Второй цикл, минута и одиннадцать секунд.

За это время надо прокалить тарразу с корицей, добавить ваниль, а также приготовить третью ромовую смесь. Заранее сделать нельзя, вся тонкость рецепта в последовательном приготовлении.

Вторая смесь, черная и густая, с резким мускатным ароматом. Добавляем ромовую начинку и залитый во-

дой — пятьдесят миллилитров! — тарразу. Теперь — на тринадцать секунд поместить в почти готовый тритипак кусочек черного лимона. Тринадцать — и не больше! Затем быстро-быстро на третий цикл — минута и восемнадцать секунд.

Лоли, округлив глаза, смотрела за манипуляциями.

— Обалдеть. Кейт, ты гений.

— Спасибо, — я ухмыльнулся. — Наконец-то ты это разглядела.

— Тьфу на тебя!

Аппарат пискнул и заморгал оранжевой лампочкой. Я дернул рычаг, и в заранее приготовленный высокий бокал полился кофе. Выглядел он правильно: черновато-коричневый, густой, с мощным ароматом корицы и муската. Последний штрих — тонкий слой белого ликера «Улатрэ» поверх кофе. За счет консистенции слои не смешиваются. Теперь зонтик и трубочка. Кофе-тритипак готов.

— Кажется, получился.

— Кейто-сан, Рори-тян, мясо и овощи привезри. Помогите старому Фуджисаки занести.

— Да, идем.

— Кейт, а кофе? — подняла бровь Готик.

— Ничего с ним не станется. Пойдем.

С продуктами мы провозились довольно долго, оставленный на стойке тритипак остыл. Я подогрел его паром, и мы с Лоли приступили к дегустации. Кажется, навык не потерялся — напиток вышел что надо.

— Это просто... это невероятно! Хадсон, ты точно гений.

— Теперь ему цену надо сложить.

Мы посмеялись. Звякнул колокольчик. В «Золотое сияние» пришел первый клиент.

Ровно в семнадцать явился капитан Урусов. Чуть более подтянутый и чуть более нервный, чем обычно.

— Оно? — русский ткнул пальцем в сверкающий бок кофе-машины.

— Как есть оно.

— Сделаешь чашечку?

— Двести восемьдесят талеров.

Капитан сел неестественно прямо.

— Нет, спасибо. Я скорее ваш «борщ» съем.

— Как угодно. Эй, что там за шум? — крикнул я.

В углу зала Готик Лоли ругалась с кталаханцем. Девушка, услышав мой голос, прибежала к барной стойке. Кталаханец, размахивая щупальцами, увязался за ней.

— Эта... эта, — голос Лоли дрожал, — эта сволочь распускает щупальца и белькочет что-то. Я не понимаю! Да отвянь ты!

Полугуманоид вился за спиной официантки, поглаживая открытый участок кончиками щупалец. Как раз в том месте, где у Готик красовалась татуировка на пиратскую тему: кракен, утаскивающий парусник в воду.

Я прислушался к бормотанию.

— Лоли, он говорит, что узнал родственника на картинке.

— Что? — девушка оторопела. Любвеобильный полугуманоид забормотал еще быстрее, татуировка полностью скрылась за тентаклями.

— Он спрашивает, не согласишься ли ты продать портрет его пра-какого-то-там-дедушки, — перевел я сквозь смех. — Этот кусочек хитина с гравировкой?

— Да как!.. Скажи этому склизкому вонючему уродливому обдолбышу, что я...

Лоли не договорила. Дверь отъехала, звякнул колокольчик, и в бар вошли гиарцы. Хотя правильнее будет сказать «заняли помещение».

Длинноногие парни рассыпались по залу, держа оружие напоказ. От дверей к стойке образовался живой коридор. Разговоры в баре утихли. Кталаханец убрался в уголок и не отсвечивал.

В дверях появился мальчишка в белоснежном костюме. Он, поигрывая стеклом, шел ко мне. Капитан Урусов мигом пожелтел и выпучил глаза.

Возраст гварца сложно определить по внешнему виду. Этот мальчик мог с равным успехом быть как учеником второй ступени, так и заканчивать пятую. Судя по наглости вторжения и подобострастным взглядам, на кофе в «Золотое сияние» пожаловала хоть и юная, но немалая шишка.

Парнишка залез на барный стул и уставился на меня огромными синими глазами.

— Это ты делаешь кофе-тритипак? Редкое умение. Мне доложили, что ты настоящий мастер с дипломом. — У парня оказался мелодичный голос, журчащий, чуть повышающийся в конце фразы. Его глаза цепко осмотрели бар, впились в рамочку с сертификатом. — Отрадно, что не солгали. Что же ты молчишь?

— Прошу прощения. Рад приветствовать ценителя, прибывшего с такой помпой.

— Ах, это, — парнишка махнул рукой, — это мои подчиненные. Не обращай внимания. По статусу положены, понимаешь? Я представляюсь. Реуш Осори, командую местным флотом.

Крупная шишка, говорите? Слышал я об этом юном страте... Но чтобы вот так, запросто, в мой бар? Даже спина взмокла.

— Какая честь, — пробормотал я. — Ваше Превосходительство...

— Бармен, не стоит. — Реуш подпер голову ладонью. — Ну же, я хочу попробовать этот чудо-напиток. Приготовь его.

— Дело в том, господин Осори, что этот напиток — алкогольный. Возможно...

— Это что-либо меняет? Я же сказал — приготовь его.

— Сию минуту.

— И рассказывай, что ты делаешь.

— Всенепременно.

Кажется, я превратился в трех маленьких Кейтов Хадсонов. Первый рассказывал рецепт гиарскому стратегу, второй ловко управлялся со смесями, а третий порывался упасть в обморок. Мало ли, сейчас как отравлю пацана. Вдруг у него аллергия на алкоголь или на какие-то ингредиенты тритипака? Потом межрасовый скандал, флот Гиара на орбите Терры, ультиматумы... Страшно, аж жуть. Но руки-то делают.

Перед Реушем возник высокий стакан, наполненный черно-коричневой жидкостью с белой полосой сверху.

— Прекрасный кофе-тритипак на основе чистой-шей воды с Артезии. Пьется через трубочку. Вуаля!

Юный гиарец «прищурился» — его глаза стали чуть меньше.

— Бармен, я пью кофе с сахаром. Подай сахар.

— Но тритипак...

— Баааар-мееен.

— Прошу. — Из-под стойки я достал прозрачную сахарницу с мерной крышкой. — По вашему вкусу.

Гиарец четыре раза наклонил емкость. Небольшая кристаллическая горка медленно проваливалась сквозь ликер. Реуш Осори задумчиво помешивал напиток трубочкой. Белые полосы ликера завертелись в черном кофе. Я сжал зубы. Спокойно, лучше молчать.

— Какой интересный напиток. Бармен, надеюсь, ты не собирался меня отравить?

— Конечно же, нет.

— Тогда выпей. — Синие глаза смотрели очень требовательно. В их глубине виднелись белые искорки. Охранники за плечами гиарца выросли раза в два.

— С удовольствием.

Очень вязкий и густой кофе, приторно сладкий вкус, почти не чувствуется мускатного аромата. Что-то не так! Что-то очень не так!

Я открыл глаза. Знакомая подсобка. Коробки, упаковочный материал, старые журналы. Под головой подушка. Ее принесла Лоли из квартиры. Уфф, кажется, вся история с Реушем Осори — всего лишь сон. И примерещится же такое — пацан, командующий флотом.

Внимание привлек толстый пакет, лежащий на столе. Запечатан. Сверху изящным почерком написано мое имя. Я разорвал упаковку.

Бумага с гербом Гиарской Республики. Очень плотная, с голограммами защиты.

«Сим удостоверяется, что гражданин Федерации Терра, Луна и сопредельные планеты Кейт Дэвид Хадсон, айдикод по требованию, вступает в право собственности Третьим Дальним Флотом Республики Гиар. Право передается Реушем Осори на основании...»

Я выронил бумагу и заорал:

— Кто мне объяснит, что тут происходит?!

На крик в подсобку зашли Урусов и Лоли.

— Пришел в себя, красавец? — капитан был зол и смущен одновременно.

— Да. Но, черт возьми, что творится?!

— Ты совсем ничего не помнишь? Совсем-совсем? — спросила Готик.

Она была не в платье, а в футболке и брюках. Странности продолжают. Глянул на часы — восемь ноль восемь. Только что начался второй тайм-сет.

Сделал шаг назад, запнулся о коробку, повалился на кушетку. Схватился за голову.

— Что? Что тут было?

— Вот мы бы тоже хотели знать.

Лоли присела рядом со мной. Капитан устроился на ящике.

— Визит этого парня, Осори, не сон? — спросил я.

— Никак нет.

— Тогда помню, как делал ему кофе. Он туда еще сахара вбухал. Потом Реуш заставил меня выпить его порцию. И дальше — провал.

— Ты постоял со стеклянными глазами и начал делать вторую чашку, — Лоли погладила меня по голове, — я видела, что ты вроде как не в себе, но держался очень уверенно, четко все сделал. Пацан выпил кофе и захотел еще. Вот только ему обстановка не нравилась.

— И?

— И он пригласил тебя к себе. Ты согласился. Пока солдаты грузили кофе-машину, ты объяснял Урусову, как наливать пиво. И уехал.

— Уехал? О Господи...

— Кейт, вспомни, что было дальше?

— Да ничего я не помню! Или нет, постоите-ка...

Панорамное окно во всю стену. Я стою за водруженной на огромный стол кофе-машинной и колдую со смесями. Огромный зал скудно освещен, лампочки горят лишь у моего стола. Реуш Осори и его адъютант, милая синеволосяя девушка, сидят в креслах, развернутых к окну. Гиарец любит вид Мариианнаполиса.

Я приношу им кофе и ставлю чашки на стеклянный столик. Журчащий голос юноши предлагает мне сделать еще чашечку и присоединиться к созерцанию...

— Я действительно сидел у этого Осори. Мы пили кофе втроем, еще с какой-то барышней, и трепались о чем-то...

— О чем, Хадсон? — Урусов профессионально навострил уши. — Ты просидел там несколько часов. О чем шла речь?

— Сейчас, я постараюсь вспомнить. Сейчас...

— «Куомачи». — Синие глаза Реуша смотрят на меня. — Прекрасная игра, вершина стратегической мысли. Гиарское изобретение, конечно же. В нее могут играть только прирожденные лидеры гиарского народа. Я — один из лучших игроков в «Куомачи». Только гиарец в состоянии понять совершенство и тонкость правил. Хочешь сыграть, бармен?

Девушка хохочет, как будто Осори сказал что-то смешное.

— Мы говорили об игре.

— О какой?

— Черт подери, Урусов, не торопи! Господи, пить-то как хочется...

Лоли наклонилась и вытащила из коробки бутылку минеральной воды. Я глотнул — и в животе разорвалась горячая бомба.

Гиарец вертит в руках бокал.

— В «Куомачи» играют втроем. Главная цель — победить соперников либо поодиночке, либо вынудив одного из игроков присоединиться в качестве союзника. По доброй воле альянс не заключается. Ну что, готов рискнуть?

— Я же ничего не теряю?

Осори задумывается.

— Нет, так неинтересно. Мы всегда играем на ставку.

Я поднялся и чуть не упал. Урусов и Лоли с тревогой смотрели на меня.

— Мы играли в безумно сложную гиарскую игру. Она там вроде аттестата. Играли полным комплектом фигур и карт — это высший пилотаж. У них единицы так играют. Реуш предложил сделать ставки.

— И?

— Что «и»? Я поставил себя. Если проиграю, то буду до конца жизни варить мелкому засранцу кофе-тритипак. Девчонка поставила родовое имение. А Осори — свой флот. Он был уверен в победе.

— Ты хочешь сказать...

— Похоже, я его обыграл...

— Невероятно! — орет гиарец, разбивая стеклянный стол. — Этого быть не может! Невозможно!

Фигуры летают по комнате, карты ворохом рассыпаются по баснословно дорогому ковру. Синеволосая девушка, визжа, прячется за диваном.

— Я требую пересмотра игры! Переигровка! Ты заставил ее! Ты вынудил... Ты унизил... ты унизил меня, Реуша Осори!!!

— Честь имею, господин Осори, — холодно говорю я. — Имейте честь и вы.

— Постой. — Юный стратег берет себя в руки. — Подожди. Отука! — кричит он в интерком. — Отука, вызовите сюда Увекару. Надо составить один... документ. — Последнее слово он выплевывает с ненавистью и ожесточением.

Лоли, Урусов и я сели в зале за столиком. Вездесущий японец принес нам чай и бутерброды.

— Я все понимаю, но что же произошло?

— Единственная версия — странное воздействие кофе-тритипака, — сказал Урусов, отхлебывая напиток. — Между прочим, прекрасный чай. Лучше, чем борщ.

— Что в нем может быть странного?

— Хадсон, ты откуда кофе-машину заказывал?

— С Аршана. А что? — недоумеваю я.

Лоли вздохнула:

— Кейт, пока тебя не было, мы с Игорем навели справки в управлении...

— Каком управлении? Не понимаю.

— Хадсон, скоро ты познакомишься с ним, так сказать, изнутри. Сам понимаешь, теперь ты по уши завяз в большой политике, — капитан вздохнул. — Бар останется за тобой, но управлять им будет Лоли. Решение уже принято.

Я оторопел.

— Лоли?

Девушка чуть-чуть покраснела и торопливо заговорила:

— Так вот, Кейт, у аршанцев другая температурная шкала. И кофе-тритипак, приготовленный в их машине, должен быть «воасту хума».

— Что дословно означает «холодное блюдо», — встрял Урусов. — Идиома, понимаешь? В словарь пришлось лезть. В общем, кофе надо было охладить. А затем — согреть заново.

— В терранских машинах этот процесс автоматизирован, — добавила Лоли. — А в аршанских, тем более старых моделей, — нет.

— Но... — проблеял я, — но мы же первую чашку с тобой выпили — и все было нормально...

— Так она же остыла.

— Черт. Черт, точно, Фуджисаки нас позвал на кухню.

— И еще ты использовал вингайтскую воду вместо артезианской. И сахар.

Сахар. Реуш Осори перед каждой чашкой требует положить сахар. И каждый раз все больше и больше.

— Видимо, сыграло роль такое необычное сочетание. Теперь химики и физиологи будут разбираться, почему гиарец начудил, а у тебя проснулось незауряд-

ное стратегическое мышление. — Урусов потер лоб. —
Никогда бы не подумал, что конфликт между Террой и
Гиаром решит чашечка кофе.

— Черт. Черт. Что же мне делать?

— Иди переоденься и побрейся, — Лоли нежно похлопала меня по плечу. — Скоро репортеры появятся. Негоже командующему Третьим Дальним Флотом ходить в заляпанном фартуке и со щетиной.

Я встал. Кейт Хадсон, спаситель родины.

Прибил бы папашу за имя!

КОРОЛЕВА

 онкие пальцы стремительно метались над прозрачной столешницей, разноцветные льдинки входили в пазы с легким перестуком. Вытраж рос на глазах. Иногда на него с потолка падала капля.

И застывала.

— Он ушел?

— Да, моя Королева... — Керелинг почтительно склонил голову. — Но он вернется. Так было, так будет...

Пальцы заметались быстрее, гробное стаккато льдинок лишь подчеркнуло ледяную неподвижность прекрасного лица. Молодая — слишком молодая! — Королева чуть склонила голову, и Керелингу на миг показалось, что лед ее прозрачных глаз дал трещину, — но нет, белое лицо оставалось бесстрастным.

— Он не вернется.

Керелинг позволил себе легкую усмешку — Королева была юна и многого не понимала.

— Он возвращался уже дважды. Они всегда возвращаются. Стоит лишь подождать...

— Не в этот раз. Я сама выжгла ростки шиповника в его крови. Он больше не выживет здесь. Он даже дороги найти не сможет...

— Жаль, — Керелинг пожал плечами. Значит, не показалось и на белых пальцах действительно темнеют следы ожогов. — Он был неплохим в своем роде. Мог бы еще долго...

Кусочек мозаики упал и покатился по полу. Королева не подняла головы.

— Трех раз вполне достаточно.

Керелинг опять пожал плечами, но ничего не сказал. Это был ее выбор и право, выбор и право Королевы, пусть даже и очень юной. Как и тогда, три раза назад, когда этот странный кай умирал в ее сагу, добрую половину которого он все-таки умудрился разворотить своим изломанным кораблем, к тому времени уже окончательно мертвым.

Он явился незванным и неподготовленным и тоже очень скоро бы умер, даже рук марать не пришлось — энергия утекала из его поврежденного скафандра, как снежная пыль сквозь пальцы. И Керелинг уже обдумывал, в какой уголок сага поместить его замерзшее тело в качестве очередного украшения, пусть и не совсем трофея... Но право и выбор Королевы все изменили.

— Я ведь не гля того тогда... просто он умирал... Я не хотела, чтобы — так...

Керелинга пробрала внезапная дрожь. Перехватило дыхание.

Она, конечно же, слишком юна, слишком неопытна, и это многое объясняло, но не настолько же... Она что — пытается оправдаться? И перед кем — перед ним?

Королева??!!..

— Пусть лучше — так. Пусть... живет. А мы найдем кого-нибудь... другого. Правда, Керелинг?

— Как будет угодно моей Королеве... — Керелинг снова склонился в глубоком поклоне.

— Мы обязательно найдем...

На почти законченный витраж снова упала капля.

С потолка.

Королевы не плачут, даже самые юные...

Из «Легенды о Юной Королеве
и ее Первом Керелинге»

Девочка шла хорошо. Быстро так шла, красиво — Керелинг даже залюбовался, глядя, как длинная тень скользит за ней по белой равнине. Натыкаясь на неровности льда, тень ломалась и дергалась, словно живая. Тяжелый глайдер девочка оставила у границы льдов — над полюсами этой планеты электроника дохла быстро и надежно. Оленя пришлось бросить у первой гряды, лезть в торосы он отказался категорически — жалобно верещал, тряс лобастой башкой и упирался всеми шестью лапами, выпучивая глазки на стебельках и нервно сворачивая хоботок. Правильный был олень, хорошо обученный. Умница Вингельд — и зверя правильного подобрал, и про лыжи не забыл. Девочка не опоздает.

Вторую гряду она прошла, почти не сбавив хода, плазмобой пару раз чавкнул, подсвеченные изнутри торосы засияли гирляндой праздничных фонариков — и вот тебе готовый тоннель на ту сторону. И снова скольжение по белой равнине.

Керелинг нахмурился

— Ей не хватит заряда, если и дальше будет так неэкономно...

— Хватит! — Скильт разулыбался и пояснил, не отрывая глаз от следящего кристалла: — Она нашла три кармана. А-8, Б-14 и... Е-9.

Теперь ясно, почему Скильт довольный такой, — один-два кармана на А и Б находили практически все, третий — редко, тем более на линии Е...

— Мастерская работа.

Лицо Скилта позеленело от удовольствия, уши сложились, но он тут же принял вид как можно более серьезный и независимый. И спросил озабоченно:

— Как думаешь, к восходу Второй Луны дойдет?

— Раньше. — Керелингу даже не надо было смотреть на экран, чтобы ответить. Лишний вопрос. Она хорошо идет.

Осталось немного. Скоро все будет позади, кончится безумное напряжение последних дней. И будет боль-

шой праздник — самый главный праздник уходящего века, праздник, которого так долго ждали.

Еще совсем немного — и эта девочка избавит Королеву от очередного кая...

Королева умеет все.

В ее саду самые вкусные льдинки и самые прекрасные гальдэоусы, никому больше из клана таких не вырастить, как ни старайся. В ее саду снег белее и лед прозрачней. И даже зеркальный шипоцвет растет у нее в саду, а все знают, какой он капризный.

Королева умеет все. В том числе и дарить красоту — прикосновением, а поцелуем — бессмертие. Ее безукоризненно белая кожа и ослепительно снежные волосы никогда не меняют оттенка, а глаза ее темны, холодны и прозрачны, словно весенний лед на глубокой реке.

Королева умеет все. Даже летать в междумирье, и не просто летать — поднимать за собою других, тех, чьи глаза способны увидеть и оценить красоту такого полета.

Королева умеет все.

Вот только изгонять каев она не умеет. Да и не королевское это дело, на то у каждой Королевы есть свой Керелинг.

Королевский сад прекрасен в любое время и при любом освещении — на то он и королевский. Даже днем, когда безжалостное солнце пытается уничтожить его хрупкую красоту. Зря пытается. Это ведь сад Королевы, а что против Королевы какое-то там солнце? Его лучи разбиваются вдребезги о тонкие льдинки ветвей, режутся острыми гранями прозрачных арок и беспомощно бьются в ловушке кристаллической паутины, осыпая все вокруг сверкающей пылью. Днем Королевский сад ослепителен, на него нельзя долго смотреть, если не хочешь потерять зрение.

Но самому Керелингу больше нравился этот сад на закате одной из лун, вот как сейчас. День Керелинг вообще не любил, и хорошо, что он бывает так редко... Напомнить Скильту, чтобы его ребята восстановили беседку у поворота к ажурной горке — девочка не церемонилась, плавил все подряд. А Королеве нравилась та беседка.

Выстрел из плазмобоя хорош высокой скоростью заряда. Шарики перегретой плазмы крохотные, а скорость их такова, что распространиться в стороны энергия почти не успевает, и потому в этот раз сад мало пострадал, есть чем гордиться. Лишь обрезало кроны деревьев вдоль дорожки, спалив серебристое кружево веток до самых стволов. Покровитию самой дорожки повезло меньше. Ледяные плитки под ногами оплавлены, от бывшей мозаичной структуры и следа не осталось. Да еще и непривычно гладкие, почти скользкие. Впрочем, пока убирать не стоит, а местами неплохо бы еще и подплавить, пригодится для намеченного на завтра праздника. Пусть молодежь развлекается.

Завтра будет праздник, танцы на льду мертвого озера, песни и состязания в ловкости — например, кто быстрее залезет на дерево, не потревожив на нем ни одной снежинки? Завтра откроют окно между мирами, и самые достойные юноши будут стрелять в него иглами зеркального шипоцвета. И испорченная дорожка завтра окажется как нельзя кстати, еще одно украшение праздника, игровая площадка. На ней можно устроить катания на дальность. А вот беседку все же надо поправить...

Керелинг шел по краю дорожки легко, почти не оставляя следов, и рассматривал то, что осталось от ледяной мозаики. Ничего не осталось — во всяком случае, там, где прошла девочка. Впрочем... В этих разноцветных и совершенно лишенных внутренней логики цветных переливах что-то есть. Может быть, Королеве понравится, и она сохранит этот странноватый узор не

только на время праздника. Как сохранила зеркальную горку, прошитую сотней узких извилистых туннельчиков — у позапрошлой девочки оказалось странное оружие и чувство юмора не менее странное. Зеркальную горку теперь называют Ажурной, и она — одно из главных украшений сада.

В царстве острых граней и прямых линий проплавленная дорожка с текучим разноцветным узором смотрелась чужеродно, но от этого не менее завораживающе. словно непокорный стебель цветка, не желающий подчиняться законам симметрии — кажется, в одном из прошлых миров были такие. И венчалась она тоже своеобразным цветком с неровными лепестками — проплавленной дырой в ледяной стене дворца.

Силовую защиту с наиболее ценных участков сада уже сняли, и Керелинг свернул направо, не доходя до дворцовой стены, — он шел не сюда, просто сделал крюк, чтобы оценить нанесенный ущерб. Оценил и остался доволен. Зря предусмотрители беспокоились, ущерб не слишком велик, да и дорожка красивая получилась. Позже можно будет поставить вопрос и об эксперименте с четырьмя карманами...

Стоило отойти от оплавленного участка на пару шагов, и первая же тронутая ветка осыпала серебристой пылью — льдынки цвели, и эльфийские проблемы им были до пестика.

А вот на деревьях у пострадавшей дорожки пыльца спеклась, покрыв уцелевшие веточки тонким панцирем, глянцевым и прозрачным, с веселыми искорками. Тоже красиво, но как-то печально. Оставлять, скорее всего, не стоит. Единичное дерево будет смотреться жалко, а если сохранить всю дорожку целиком, вместе с деревьями вдоль нее... красиво, кто спорит, только вот не много ли чести обычной девочке с горячей кровью и плазмобоем наперевес? Впрочем, плазмобой себя оправдал, гуманное оружие. Пожалуй, стоит именно

его подсунуть и следующей, а то мало ли что она с собою притащит догадается?

Здесь мозаика была в полном порядке. И деревья с полупрозрачными стволами и пушистым кружевом веток. И ледяные скульптуры под ними. Галерея трофеев — это место всегда защищали особо. Вряд ли еще у какой Королевы наберется столько, и Керелинг по праву мог гордиться — больше половины скульптур здесь только благодаря его усилиям. Это ведь именно он сумел организовать их эвакуацию, когда Королева бросала клич: «Мы улетаем». Уже четыре раза.

Королева была умна и всегда знала, когда пора улетать. Вот только больше ее ничего не заботило. Будет новый мир, будет новая жизнь, а значит, и новые трофеи, остальное все мелочи и не стоит внимания. Но на то и есть у каждой Королевы личный Керелинг, чтобы подумать о мелочах. И он не намерен был ничего оставлять наглым захватчикам. Не их это трофеи. Сами пусть добывают...

Открывала галерею массивная фигура в меховом плаще, в лед были искусно вплавлены соцветия льдинок, и от этого плащ казался пушистым и даже слегка шевелящимся на ветру. Заросшее до глаз густым волосом лицо слегка смазано — то ли следы времени, то ли так он и выглядел, теперь уже не узнать. Это было задолго до Керелинга, он ведь не первый Керелинг у своей Королевы и, скорее всего, не последний.

Почти все ледяные фигуры стояли в ряд, как бойцы на параде. Дань уважения и тонкая насмешка в одном кристалле — из ряда выбивались лишь те, с которыми пришлось повозиться.

Вот, например, как с этим...

Керелинг усмехнулся и удовлетворенно дернул кисточками на ушах, рассматривая скульптуру своего отца — распластавшегося по ледяной глыбе, напряженного, застывшего в вечной готовности к броску. Отцом Керелинг гордился — тот прочно вошел в легенды

клана, доставив прежнему Керелингу немало головной боли. Четыре раза его уводили, и четыре раза он возвращался — замерзший, израненный, полудохлый, ведь для каев никаких промежуточных станций поддержки и карманов не предусмотрено, а пятьдесят градусов ниже точки замерзания воды — это многовато даже для эльфа. Если, конечно, эльф не из Ледяного Клана.

Отец Керелинга был эльфом, но эльфом городским. Кажется, темным. И почему-то считал, что это дает ему преимущество. Поначалу так и выходило, целых четыре раза. А на пятый предшественник нынешнего Керелинга догадался использовать девочку.

Керелинг зацепился взглядом за маленькую фигурку, сидевшую на большом ледяном кубе спиной к дорожке, и содрогнулся. Это был один из самых ужасных каев, им до сих пор пугают молодежь темными послезакатными часами. И этого кая Керелинг помнил очень хорошо, поскольку это был его первый кай.

Капризный, эгоистичный и глупый. Все ему предоставленное принимал как должное, даже ни разу не поблагодарил, и, разумеется, ничего не хотел давать взамен. Самовлюбленный и эгоистичный маленький уродец. Конечно же, он не хотел покидать дворца Королевы — а кто из каев захочет, пока сок шипоцвета течет вместо крови по венам? Для того и нужны девочки с горячей кровью, потому и отбирают при финальном контроле в кай лишь тех, у кого девочки — есть. Лишний повод для нынешнего Керелинга гордиться отцом — поправку об обязательном наличии девочки внесли в правила как раз благодаря ему.

Но девочка этого кая оказалась под стать своему дружку. «Кай умер и больше не вернется!» — сказала она себе и продолжала жить, словно ничего не случилось. Пришлось серьезно, хотя и очень локально, вмешаться в биологию ее мира, задействовав сначала модифицированные цветы, а потом и птиц, поскольку цветам эта ленивая дура верить не захотела. Станции

поддержки — они тоже как раз для нее организованы были, ее приходилось буквально тащить за шиворот, сдавая с рук на руки и пресекая ежеминутные попытки повернуть обратно с подороги, потому что, мол, путь слишком сложный и все равно ничего не получится. А времени на поиск другой девочки уже не оставалось, слишком они тогда затянули, и росток шиповника в сердце кая не просто прижился — он побеги пустил. Еще чуть — и было бы поздно, никакими слезами и никакой кровью не вытравишь, даже горячей.

Позже, когда все обошлось и паника отступила, Керелинг гадал, была ли та девочка так уж глупа и нерешительна на самом деле — или просто знала цену своему каю, потому и не спешила забирать такое сокровище?

Как бы то ни было, случившееся послужило хорошим уроком. Больше Керелинг никогда не затягивал. А станции поддержки сделал постоянными, позже добавив к ним и наполненные всякими полезными штучками карманы-захоронки по наиболее вероятным маршрутам...

Керелинг шел по дорожке все медленнее и медленнее. В паре шагов от арки в небольшой павильон и во все остановился.

Павильончик выглядел ледяным фонариком или резной шкатулкой со светлячками внутри. Маленький и изящный, он ничем не напоминал монументальную величавость дворца. Дворец — он для кая и праздников, а здесь Королева жила. И восхитительный запах ее кружил голову, легко проникая сквозь ажурные стены.

— Все в порядке, моя Королева? — спросил Керелинг негромко — Ты сыта?

— Да, мой Керелинг. Входи.

Ритуальный вопрос — и не менее ритуальный ответ. Голос спокойный и удовлетворенный. И — да, кажется, — сытый голос.

Керелинг осторожно поклонился и не менее осторожно вошел, гадая — сумеет ли он вовремя понять и отпрыгнуть, если вдруг когда-нибудь сказанная Королевой ритуальная фраза окажется ложью.

Королева сидела за столом-фонариком — прозрачная столешница толщиной в полтора-два локтя была пустотелой, и внутри нее роились мелкие световые бабочки. Очень удобно, когда собираешь витраж, а Королева занималась именно этим. Двигались только пальцы — металась над столом, длинные острые ногти выбивали стремительную дробь, сдвигая разноцветные льдинки, узор на глазах рос и ширился. Белое лицо прекрасно, как всегда, и, как всегда, неподвижно, улыбка безупречна, в прозрачных глазах мелькают разноцветные отблески, волосы подняты вверх и заморожены прической-короной так, что даже ушей не видно. Она вся была такой — застывшей и стремительной. Керелинг всегда восхищался своей Королевой. Но иногда предпочитал бы восхищаться ею издалека.

Королева была огромна — даже сейчас, когда она сидела, Керелингу приходилось смотреть на нее снизу вверх.

— Как результаты, моя Королева?

— Прекрасно. — Острый серебристый язычок быстро облизнул белые губы, улыбка стала чуть более довольной.

— Слепок для галереи готов?

— Конечно. Можешь забрать.

Слепок так себе. Рядовой. Так ведь и в кае этом ничего особенного. Его корабль — другое дело, красивый был кораблик, жаль, что разбит сильно и в украшения сада никак не годится. И название красивое — «Синяя чайка». А в самом же кае — ничего примечательного. Обычный мужчина, три ноги, шесть рук, капитанские нашивки на кителе.

Вживую Керелинг его не видел — как и всех прочих каев. Это слишком опасно, общаться с каями мо-

жет только Королева, да и то через одну из Принцесс, еще не обретших разум. А с ними так легко ошибиться, с Принцессами. Подготовишь слишком много — и сам не заметишь, как одна из них успеет обрести ненужное и победит — молодые всегда побеждают. И не успеешь ты оглянуться, как окажешься под властью новой Королевы. Далеко не все старые Королевы умеют вовремя осознать опасность и кинуть клич «Мы улетаем!», они и летать-то в большинстве своем давно разучились. Молодые же Королевы прожорливы и агрессивны, Керелинги при них долго не живут. А если наоборот, тоже ничего хорошего. Принцесс мало или кай попадетсЯ активный — и вот уже у прежней Королевы новый Керелинг...

Но сейчас все нормально — в стену вмуровано только двенадцать уже начавших закукливаться фигур, а подготовлено было шестнадцать. Королева действительно сыта. Можно расслабиться.

Феромоны кружили голову.

Двенадцать куколок. Даже если из каждой выльется всего по три малька — все равно очень неплохое прибавление. Но три — это минимум, Принцессы были хорошие, упитанные, можно смело рассчитывать на четырех от каждой.

— Спасибо, моя Королева. Я пришлю за трофеем.

Завтра откроют окно между мирами. И сотни юношей выстрелят иглами шипоцвета — в небо, в молоко, в непрозрачный туман междумирья. Никому не известно, сколько они будут лететь, эти зеркальные и тонкие до невидимости иглы-семена, зачарованные на живое. Никому не известно, куда они попадут, если попадут вообще. Большинство поразит неразумную цель — и не прорастет. Но какой-то части должно повезти. Так всегда было. Так всегда будет.

И проклюнется росток, и сок шипоцвета проникнет в кровь, и человеку захочется странного — или не человеку, но какая разница, все равно ведь захочется. И будет мерещиться ему даже наяву серебристая паутина ветвей на фоне черного неба, прозрачные острые шпильки и льдистые купола. И глаза цвета весеннего льда, обманчивого и коварного.

И будет новый брачный полет Королевы в поисках нового кая.

Так было.

Так будет.

УЖАСНЫЙ ЗВЕРЬ ЛИМБО

Лимбо живет за горами в стальной пещере. У него сто пастей и отравленные когти. Нет человека в мире, чтобы мог одолеть ужасного зверя Лимбо, — только легендарный герой Ахмандыбутулук.

Лимбо живет так далеко, что ему никогда не добраться до нас. У нас сильные мужчины и прекрасные женщины, с гор бегут чистые воды, а в лесу вокруг нашей деревни полно прекрасной дичи.

Но примерно раз в год, в новолуние, звери видят сны, и тогда какому-нибудь кролику обязательно снится, что он зверь Лимбо.

У него отрастают сто пастей и напитываются ядом железные когти. Он встает и, ревя, идет в деревню — от этого рева сотрясаются деревья.

Но в ту же ночь наши охотники спят, и один из них видит сон, что он — легендарный герой Ахмандыбутулук. Тогда он тоже встает, подпоясывается косой столетней колдуньи, берет в руки копьё из кости дракона, смазанное слезами убийцы, и идет сражаться с Лимбо.

Они сходятся, и дрожит земля. Герой бьет чудовище копьём, и от этого сон кролика схлопывается, он снова становится собой и забывает о Лимбо. И сон охотника улетает, герой падает на траву и долго протирает глаза, пытаясь вспомнить, что пил вчера.

И так наша деревня благоденствует много веков в безопасности, не боясь зверя Лимбо и не страшась его ста пастей.

ЗАВЕТНЫЙ ПЛОД

маленькой Темурайзии нечего делить. Нет у яблочного края ни ответвлений экзотических, ни территорий подневольных, ни скарбов золотых, на которые глазастый сосед вдруг позарится. Да и народ, в общем-то, пусть не всем, но доволен. Бунтовать, смутничать не собирается.

Вот только беспокойно на душе у Ларика Вислоухого, пушистого попрыгунца-опылителя в третьем поколении. Уж которую ночь толком не спит Ларик, все сны страшные смотрит. Хотя какие ж это сны? Вот опять сорока-крикунья — клюв бы ей оторвал, да разве ж это поможет? — новости распевает. Неймется соседям. То одному краю тесно в своих кордонах стало — расширяется все, то другой заскучал — решил перестановку территорий сделать. Мнения самих территорий спросить позабыл, разумеется. Вот уже и спокойная доселе Розелия моде поддалась — развернуться решила на 30 градусов. А попробуй развернись, никого не зацепив, когда розелинские шипы торчат во все стороны, цепляются за что ни попадя...

Рушатся границы, городятся новые, и летят, летят во все стороны щепки пресловутые.

Кровавые.

Ну, и деревянные — тоже.

В маленькой Темурайзии нечего делить. Не за яблоки ж драться, в самом деле? Этого добра всем хватает — еще и соседям остается. Да и разворачиваться нет смысла — весь край круглобокий, что твое яблоко! Только изо дня в день бегут толпы попрыгунцев-миротворцев, крылатов-летописцев и клыкунов... просто клыкунов, бегут на восток, запад, север... Туда, где трещат границы и судьбы.

Бегут, торопятся, машут крыльями, щелкают клыками, видя себя Великими Полководцами, бесстрашными освободителями. Кого освобождать? Кем полководить?

Не важно.

Дети играют в игры. Дети хотят побеждать.

И смотрят им вслед матери-старушки, хохлят пушистую макушку. Моргают украдкой. Боятся проморгать. Авось обернутся. А вдруг — воротятся?

В маленькой Темурайзии нечего делить... Впрочем, вранье! Был бы край, а разделочный нож найдется! Нахлынуло из детства — помнит Ларик, уже и сам отцом стал, а все забыть не может, как мать даже самую крохотную клубнику-ягоду, завалившуюся на дне лукошка (на десяток яблок выменянное), пополам разрежала — ему и сестре. Чтобы поровну было!

А вы говорите — делить нечего.

Вышел на крыльцо Ларик, окинул взглядом сады яблочные, вздохнул невесело. Покосился на гору пограничную. Там, за горой Демирджилер, уже край Розелия начинается. Тот самый, ворочающийся.

А на горе...

— Кудыть-то вы собрались? — проскрипело за спиной.

— Дык, говорят, на горе уже Маркиз появился!

— А раз Маркиз появился, то скоро и Лорд объявится!

— А он где?

— Под горою! Маркиз всегда вверху, а Лорд...

— Лорд, Лорд! Собрались кудыть???

Ларик не оборачивался. Незачем. И так понятно «кудыть». Уже месяц по яблочной Темурайзии слухи ходят. О Маркизе-Исполнителе да о Лорде-Избавителе.

И бегут-летят-скачут толпы ловцов удачи, карабкаются на манящий Демирджилер. На поклон к Маркизу. Дети играют в игры. И их можно понять — скучно же все время одни лишь яблоки выращивать. Дети мечтают о славе. Дети ждут Исполнителя. И спускаются от него с загадочной улыбкой в хитрых глазах. Иногда. Но все чаще — смурные. А порой и вовсе не возвращаются.

— О-о-а-ахх! — полусонный вздох дерзко посягнул на утреннюю тишину. Ларик всмотрелся в яблочные ветви, скользнул ласковым взглядом по спящей дочери — Чундре-рыжухе. Красавица златовласая! Гордость его! Рыжие попрыгунцы — редкость большая. Они все больше белые (как, собственно, Ларик) или серебристые (как его благоверная). Кусяки клыкастые — те красные. А рыжий — цвет крылатов — залетных гостей Темурайзии. И Чундры! Доченька... Всю ночь яблоньки опыляла, притомилась к утру. Отец улыбнулся. Ухватил за хвост разрезвившегося солнечного зайца — скачи отсюда, еще, глядишь, дочь разбудишь! Лети, вон, лучше на Демирджилер, вслед за героями нашими...

Герои.

«Дома вам не сидится! — топнул вдруг Ларик ногой. Сплюнул сердито. — Что ж, если у вас есть желания высокие, сокровенные, то и у меня найдется, чем Маркиза озадачить». И, прикрыв осторожно калитку, поскакал к горе.

— А ты куды-ы-ыть? — ветер швырнул в спину скрип соседской Бабульки-попрыгуньи. Именно так, с большой буквы «Б», потому как имя Бабулькино давно потерялось в пыльных садах. Совсем старенькая стала. Шерстка, некогда цвета темного серебра, поседела, вы-

цветла. Даже прыгать Бабулька не может, бедолашная. Только скрипеть. В спину.

Впрочем, Ларик больше ничего не слышал. Прыгал старательно по откосу. Торопился. Прыг! Дрыг! Скок! Бух! Ой! Снова — прыг! На ушибленной ножке — ковыль-ковыль! Главное, добраться и спуститься, пока жена с опылений не вернулась. Докажи потом, что у Маркиза был...

— Хи-хи! Попрыгун вислоухий!

— И хромоногий!

Две полевые царевны-крылатки прошелестели мимо, тут же скрывшись из вида.

— Злые вы! И скучные, — пробурчал Ларик, растерянно распрямляя уши. Вечно с ними проблемы! У всех попрыгунцев — острые, всегда кверху торчат задорно, а у него — так и норовят повиснуть мокрой тряпкой. Ух, окаянные! Хоть бы перед Маркизом не оконфузиться.

— Еще один! Сколько вас там? — Демирджилер закончился как-то совсем внезапно. — А тебе-то чего надо? — Исполнитель лениво ковырялся в зубах деревянной щепкой. — Парочку новых ушей?

— Э-э-э... Вообще-то нет... — Ларик машинально ущипнул себя за мочки. — Я тут...

— Вижу, что тут. Надо чего? — его шерстка цвета темного серебра (почти как у Бабульки в молодости) подозрительно оцетинилась.

Ларик, вздрогнув, осознал вдруг, что даже не поприветствовал хозяина горы.

— Я сбил колени в кровь и напоил твои владенья! — брякнул попрыгун первое, что пришло в голову, а потом совсем уже робко добавил: — Хочешь, и тебя напою?

— Ты псих, да? — Маркиз устало поморщился.

— Н-нет, — Ларик зажмурился, пригладил шерстку, умоляя себя сосредоточиться. — Нет, я... Подожди, я вспомнил! Вот: приветствую тебя, о Исполнитель! Посмотри, чего я стою, и скажи, сможешь ли дать мне... — Засвистел приبلудный ветер, зашелестели горные

травы, закружились в хороводе солнечные зайцы-весельчаки, скрывая от всего мира желание заветное. Отшатнулся Маркиз от гостя. Фыркнул насмешливо:

— Ты и правда псих! Где это видано, чтоб Маркизу такое загадывали? — И, посерьезнев враз, добавил: — Ты многого стоишь, безумный попрыгунец. Хочешь, дам тебе то, в чем другим отказал? Власти хочешь? Славы? Вся Темурайзия твоей станет. Могущественней Лорда вашего обожаемого будешь! Ну, чего ты желаешь?

— Я сказал, Маркиз, — прошептал Ларик. — Если достоин я, дай мне...

— Нет же! Глупец! Никто не достоин...

Печально побрел вниз попрыгунец.

— Где тебя целый день носит?!

— Целый день? Да я ж только... — Ларик протиснулся между женой и Бабкой-скрипуньей.

— В лорды заделаться решил? Или в полководцы? А меня — вдовой?!

— Я ему кричу: «Куды-ы-ыть?» Дык хуч бы обернулся!

— О дочке подумал?

— О ней и думаю! — огрызнулся Ларик, поворачиваясь к соседке. — Скажите, Бабушка, а Лорд умеет желания исполнять?

— Лорд? Желания? Не-е, енто только Маркиз. Все он. Когда-ть Лорд прибудет, станет ужо не до желаний... Хош желаний — поспеши к Маркизу, пока еще не...

— Бабуля! Вы на что мужа толкаете?!

— Ах, да! Кудыть-то ты собрался?!

— Тьфу на вас!

Ларик вышел.

— Джец, не отставай! Шевели прыгалками!

— Прыгалками! Спина у меня! Нельзя было до завтра подождать?

— Нельзя. Время Маркиза вот-вот выйдет!

— Куда это оно выйдет?

Ларик прислушался, выглянул из-под кустистой мини-яблоньки, провел взглядом троих односельцев и снова в тенок свалился. Целое утро скакал он вокруг горы Демирджилер — ни на сантиметр вверх не сдвинулся! Правду, стало быть, старики бают — один лишь раз можно к Маркизу подняться. А потом — хоть скачи, хоть лети, дальше подножия горы не сдвинешься.

— А вот туда! — голос Бари-собиравателя гудел пустой кастрюлей, на пол уроненной. — Захочется вскоре Исполнителю нашему вниз по горке прогуляться, а тут его Лорд и прихлопнет!

— Это еще с каких перепагов?

— Ты что, книг не читаешь? Эх, темнота непросветная! Сказано же: «Раз в 300 лет, во время смуты приходит на гору Маркиз-Исполнитель. День за днем поднимаются к нему жители края прилежащего, а спустя еще несколько дней идет Он к народу САМ! Вот только на земле он чужих желаний не исполняет, только свои, а потому ждет его Лорд у подножия с мечом в руках!»

— Да не с мечом, а с дубинкой!

— Неважно, побеждает-то кто?

— Лорд, вестимо! На то он и Избавитель!

Голоса затихли вдали. Ларик поежился, сжался бесхозной пружинной. Что ж, если Лорд будет ждать здесь Маркиза, значит, он, Ларик, тоже подождет. Обоих. И заставит исполнить желание. А потом пусть себе дерутся.

— Пап, ты бы поел, — из вечернего полумрака выпрыгнула рыжеволосая Чундра. — Вот держи, олады! Мать только-только испекла!

Ларик дернул ушами. И то верно — битый день голодный сижу! Эх, Чундра, душа золотая, сердце оксамитовое...

— Чундра... душа... — Шальная мысль взорвала приунывшее сознание. — Идем! Быстрее! — Он схватил дочь за руку. — Ты — впереди, я — за тобою! Несовершеннолетние должны с провожатым идти!

— Куда идти?

— Наверх! К Маркизу!

— Но я не хочу к нему!

— Вперед!

— Но папа!

— Быстрее!

В этот раз Демирджилер закончился еще быстрее обычного: только вроде у подножия стояли, и тут — р-раз! — уже вершина. И Маркиз с неизменной щепкой в зубах.

— Ты, что ли, псих? — Исполнитель прищурился. — Какими такими путями?

— Вот, дочка...

— А ты хитер, безумец-попрыгунец!

— Дочка моя, о Исполнитель! Чистейшее сердце, добрейшая душа. Посмотри на нее. Хватит ли нас обоих, чтобы...

— Душа, говоришь, чистейшая? У этой опылительницы? Знал бы ты, папаша, скольких за ночь она — хе-хе! — опыляет!

Маркиз расхохотался. Чундра испуганно спряталась за обескураженного отца.

— Да и потом. Все это уже не имеет смысла. — Маркиз задумчиво вертел в руках щепку. А Ларику подумалось невпопад, что утренняя троица так и не спустилась с горы.

— Пап, пойдем отсюда, — зашипела Чундра. — Он же пол нашего селения сожрал!

— Не имеет значения! — повторил Исполнитель, словно не слыша рыжухи. — Потому как у Карнаша уже поспели яблоки...

— Что за... Да они у всех спеют! — Ларик подпрыгнул на месте. — Крутлый год плодоносят, окаянные...

— И одно уже упало на землю...
— Пап, ну пошли!
— Ох, что-то проголодался я нынче!
Ларик с Чундрой кубарем покатались вниз.

— Пап! Пап! Как такое может быть? Уже день! А был же вечер! А ведь мы совсем недолго...

— Тс-с-с! Тише! Что-то происходит...

Темурайзия бурлила. Хлопали крылья, щелкали зубы, отбивали дробь ботинки. Со всех сторон булькало, трещало, клокотало.

— Ты за кого: за Карнаша или за Фьюна? — прокричали Ларику прямо в лицо.

— Э-э-э... — но крикун уже унесся прочь. Ларик, сжав руку дочери, попрыгал к главной площади. Что, впрочем, было не так уж просто — на каждый «прыг» вперед приходилось два вбок, а то и вовсе назад. Да здравствует стадно-пихательный инстинкт в отдельно взятом крае! И к площади не подлезешь — заполонили все. Эх!

— Сотни лет все яблони Темурайзии давали плоды абсолютно одинакового размера. Лишь у правителя...

Ларик подпрыгнул, сияясь увидеть хоть что-нибудь. Увидел. В центре площади по небольшой сцене метался клыкастик-крикун. За его спиной топтались оседлые крылаты — Карнаш и Фюн. Недобро так топтались.

— И вот впервые за много лет созрело яблоко в два раза больше правительственного. А это значит...

— Я новый правитель! — завопил Карнаш, воинственно топорща крылья.

— Поче-е-ему-у-у это ты? — растягивая слова, спросил Фюн. — Яблочко-то у меня-я-я!

— Вор ты паршивый, вот почему! Оно на МОЕЙ яблоне выросло! Я к Маркизу ходил. Просил! Вот и выросло!

— Не один ты просил! Упало-то оно на МОЮ землю! Стало быть, я правитель!

— Фиг тебе!

— Это мы еще посмотрим, кому фиг, а кому плод заветный!

— Вор!

— Бей!

— Стоять!

— Кто за Карнаша?

— Кто за Фьюна?

— Вперед, родимая!

Печально развернулся Ларик. «Сволочь ты, Маркиз!» — пробормотал в сердцах.

— Па-ап, а что случилось? — Чундра наконец освободила руку от отцовской хватки и теперь уныло скакала рядом.

— Зайди в дом. И дверь запри! — Ларик остановился у родного порога.

— А ты?

— Иди, сказал!

Сам не зная зачем, поплелся к горе попрыгунец. Свалился у подножия, обхватил голову руками. Заплакал потихоньку. От злости. От бессилия.

«Ну, Лорд, ну, Маркиз, встречу я вас! Разве о многом я просил? О мире в крае родном! На ближайший век-другой хотя бы... Яблоко вырастить, значит, можем, а это...»

— А «это» зависит от воли слишком многих из вас, — Маркиз присел возле Ларика. — И потом, не в моих это традициях — миротворчеством заниматься.

— Сволочь ты, Маркиз! — выдохнул попрыгунец.

— Ладно, черви-лысые с тобой! Все еще не передумал? — Ларик вскочил, не веря ушам своим повисшим. — Что ж, будь по-твоему!

Маркиз взмахнул руками, рисуя в воздухе лишь ему понятные знаки:

— Пожми же длань мою, и да исполнится тобой задуманное!

Не помня себя от радости, попрыгунец вцепился в ладонь Исполнителя. Сверкнуло перед глазами, сотни игл пронзили тело, расплавился воздух, сжимая легкие. Без сил рухнул Ларик под ноги Маркизу. Тот, впрочем, даже не глянул в его сторону, в селение пошел, насвистывая.

— Маркиз!

— Черви-лысые, сам Исполнитель!

— Неужто спустился?

— Не справился Лорд! Пропали мы!

— Караул! Спасайся!

Молча поднялся на сцену Исполнитель. Притих озадаченный народ.

— Маркиз, значит, ты Лорда... того... этого... — неуверенно подал голос Карнаш.

— «Того... этого...», — передразнил Маркиз. — Договорились мы! Впервые за века! И вам бы не мешало... — Исполнитель щелкнул пальцами, со свистом шлепнулось в его руки громадное яблоко, спелое, краснобокое.

— Ваше? — кивнул в сторону Фьюна и Карнаша.

— Наше, — кивают в ответ.

— Вот и отлично! — протянул Маркиз, смачно захрустев заветным плодом. — А недурное яблочко, — икнул, проглатывая огрызок. — Ну все, решена проблемка. Пошел я...

Народ ошарашенно смотрел вслед Исполнителю. Затем встрепенулся удивленно.

— А чего это мы?

— Ой, я тут торчу, а дома варенье небось сгорело!

— И что на нас нашло? Яблоко не поделили. Во-он их сколько!

— Идем домой?

— Идем!

А под горой Демирджилер, все еще ни о чем не догадываясь, пришел в себя Лорд-Избавитель...

v

НОФ

ОЧЕРКИ И ЭССЕ

ПОСЛЕДНИЙ КОСМИЧЕСКИЙ ШАНС

Очерк из цикла
«Образы космической экспансии»

1

Днажды мой десятилетний сын поспорил со своим одноклассником по сакраментальному вопросу: есть ли жизнь на Марсе? При этом, что примечательно, оба полагали, что жизнь на Марсе безусловно есть, однако каждый в своем воображении видел ее по-своему. Сын утверждал, что там обитают микробы (от папы, разумеется, нахватался). Его приятель с пеной у рта доказывал, что на самом деле марсиане — это известные чудища из фильма Джеймса Кэмерона «Чужие» («Aliens»): когда земляне прилетели на Красную планету, чудища выбрались из коконов и поселились в телах отважных космонавтов. Обосновывая столь необычное утверждение, приятель уверенно говорил: но ведь по телевизору показывали, а микробов твоих не показывали!..

В этом итоге детского спора нет ничего удивительного и даже ничего смешного. Десятилетние подростки зачастую не видят разницу между вымыслом и действительностью. Для них сказочные персонажи и существа из фантастических фильмов столь же реальны, как папа с мамой. Пройдет всего пара лет, и они сами разберутся и увидят — в этом им помогут накопленный опыт и средняя школа. К сожалению, разберутся далеко не все.

В молодости я тоже увлекался фантастикой и горячо верил, что где-то существует Великое Кольцо, объединяющее сотни разумных рас, а наступление коммунизма на Земле неизбежно. И многие мои друзья по клубам любителей фантастики в это верили. Сегодня, перечитывая старые книги, я удивляюсь, какими наивными мы были. Даже тщательно прописанные миры Ивана Ефремова, Аркадия и Бориса Стругацких, Станислава Лема, Сергея Павлова кажутся легковесными конструкциями, построенными из заведомо вымышленных образов в заведомо вымышленных обстоятельствах. Это не отменяет других достоинств прозы названных авторов — перед нами Настоящая Литература, что и говорить! Но воспринимать сегодня всерьез гипотетические построения о грядущем коммунизме или о жизни на Марсе могут только очень инфантильные люди. И ведь такие, что характерно, есть среди нас, и они даже пытаются оказывать влияние на умы.

Есть, например, известный футуролог Максим Калашников, который утверждает, что утопический Мир Полдня, созданный воображением братьев Стругацких, вполне реализуем, если «продажное» правительство и олигархов посадить на нары, возвести «железную стену» с Западом, наклепать побольше оружия и поставить на службу психотронику. Есть, например, не менее известный футуролог Сергей Переслегин, который утверждает, что Мир Полдня уже существует, но как одна из граней многовариантной реальности, и достаточно всего лишь приложить волевое усилие, чтобы этот вариант стал главенствующим, а наша унылая жизнь — одним из «нереализованных» вариантов. Что характерно, тот и другой футурологи любят порассуждать о величии советского космического прорыва и абсолютно уверены, что если бы не враги снаружи и предатели внутри, то все пророчества советских фантастов о сроках покорения Марса, Венеры и организации Первой межзвездной экспедиции стали бы реальностью. Им

вторят неосоветские патриоты, ностальгирующие по «великой державе», и откровенные фашисты, готовые ради торжества своих идей одну половину человечества спалить в ядерном пламени, а вторую — загнать в лагерь. Инфантильное неумение отделить выдумку от реальности внезапно обретает злоещее наполнение.

Понятно, что эти и подобные им рассуждения доморощенных футурологов никак не способствуют развитию космонавтики в нашей стране. Наоборот, они искусственно маргинализируют любое серьезное обсуждение проблем в данной сфере. Сколько уже говорилось, что космонавтика — самая подходящая платформа для Большого Дела, которое вполне способно вытащить нашу экономику и нашу культуру из перманентного кризиса. Однако речи об этом звучат все тише и тише — вряд ли компетентный и наделенный полномочиями человек захочет оказаться в одном ряду с дряхлыми коммунистами и бритоголовыми фашистами. Тем не менее оспорить мнение знатоков «марсианских пиявок» необходимо — хоть бы для того, чтобы понять, чего нам самим ждать от космоса и что нам рассказывать о космонавтике своим детям.

2

Начнем, пожалуй, с фундаментальной гипотезы — о сроках космической экспансии.

Напомню, что уверенность основоположников космонавтики в скором покорении землянами Солнечной системы основывалась на двух заблуждениях. Первое заблуждение — на Венере и Марсе условия мало отличаются от земных; там можно быстро и без особых затрат развернуть обитаемые колонии. Второе заблуждение — атомные и термоядерные технологии дадут ключ к построению большегрузных межпланетных кораблей, которые позволят перебросить к тому же Мар-

су многочисленные экспедиции, снабженные всем необходимым.

Оба заблуждения подкреплялись научно-популярной и научно-фантастической литературой, которая в обилии издавалась с середины 1950-х годов. Унылых скептиков, которые писали, что марсианские «каналы» — не более чем оптическая иллюзия, что хитроумно поставленные астрономические эксперименты не выявили на Венере и Марсе признаков кислорода и воды, что атомные и термоядерные реакторы требуют совсем иного уровня производства, никто не читал. Зато читали многочисленные статьи о том, как могучий корабль «Восток» на огромной скорости преодолевает пространство, как советские вымпелы прибывают на Луну, Венеру и Марс, как отправляется в путешествие первая искусственная планета. Большинству читателей не приходило в голову посмотреть, сколько весят этот самый «Восток» или «первая искусственная планета» — настолько завораживал сам факт прорыва, превращающего мечту в будни. А ведь вес (масса) — это, пожалуй, самое главное в космонавтике. И максимальный вес (массу), который была способна вывести ракета-носитель «Восток» на орбиту, не превышал пяти тонн, а к Луне — полторы тонны. По тем временам — невероятно много, но очень мало, чтобы открывать межпланетную навигацию.

Опытные советские популяризаторы еще подливали масла в разгорающийся огонь энтузиазма, рассказывая о выдающихся способностях кораблей «Восток» и «Восход», которые якобы могли маневрировать и выводить в космос большие экипажи. При этом реальные схемы кораблей и все проблемы, связанные с их запусками, были строго засекречены, посему возникла иллюзия, будто бы человечество и впрямь на пороге эры межпланетных полетов. И в самом деле, кто бы мог представить, что в тот же шарик «Востока», в котором летал Юрий Алексеевич Гагарин, конструкторы умудрились зафик-

нуть сразу трех космонавтов (полет «Восхода-1»)?! Никто не мог представить. Как и подумать о том, что столь рискованный рейс осуществим только в ближнем космосе.

Гонка за рекордами дорого обошлась отечественной космонавтике. На них были потрачены ресурсы и главный из них — время, которого не хватило, чтобы добраться до Луны первыми. Ну а Марс в начале 1970-х был столь же далек, как и в начале XX века. Наступил период разочарования, резкого снижения ожиданий, который советские политики пытались скрасить новыми рекордами — по продолжительности пребывания в космосе. На орбиту выводились одна орбитальная станция за другой («Салюты» и «Мир»), экспедиции посещения сменяли друг друга, число космонавтов неуклонно росло, однако мало кто уже понимал, зачем все это надо. Разумеется, строительство этих станций имело не только идеологический и оборонный смысл — без кропотливой работы на орбите невозможна многолетняя экспедиция к тому же Марсу, но как раз реальные марсианские проекты, разрабатываемые в недрах ракетно-космической отрасли, привычно засекречивались — может быть, еще и потому, что не было внятного ответа на вопрос: а зачем нам Марс? Ведь благодаря открытиям, сделанным американскими аппаратами «Маринер» и «Викинг», даже школьники с середины 1970-х годов знали, что Красная планета пуста и безжизненна.

Проиграв лунную «гонку», Советский Союз потерял космическую инициативу, неуловимым образом превратившись из передового государства во второсортное, а таких на Земле более чем достаточно. И никакие заклинания о «самом прогрессивном обществе» не могли никого убедить, включая самих советских граждан. «Луноход» — это вам не Юрий Гагарин. Итог всем хорошо известен: самой дорогой в истории космонавтики космический корабль «Буран» создавался без видимой цели, по принципу «у американцев есть, и у нас должен

быть». И как бы ни изошрялись неосоветские патриоты по поводу мотивации космической экспансии, толкового объяснения, что давал ей «Буран», они придумать не в состоянии. Красивый корабль. Да, красивый. Очень красивый. И что?..

3

Проигрыш в лунной «гонке» подорвал еще один фундаментальный столп советской идеологии. С определенного времени — где-то сразу после сталинского Великого Перелома — в Советском Союзе стало подразумеваться по умолчанию, что поскольку марксизм-ленинизм-сталинизм является не просто еще одним диалектическим учением, а строгой наукой, обладающей предсказательной функцией, то истинные коммунисты, познавшие его, могут в прямом смысле видеть будущее. Скоро они окончательно разработают «теорию исторических последовательностей» и смогут предсказывать события с точностью до пары лет. И, разумеется, не вызвало сомнений, что как бы оно там ни развивалось на местах, но в конце «исторической последовательности» находится коммунизм.

Применить эту идею к проблематике инопланетных цивилизаций догадались не сразу. Долгое время преобладало мнение Алексея Толстого, высказавшего в «Аэлите» (1923) гипотезу, что большевистская революция — достояние исключительно земное, что на Марсе, скорее всего, царит унылая технократия фашистского образца, с которой нам не по пути. Мнение было настолько популярным, что даже в 1940 году мы находим повесть Бориса Анибала «Моряки вселенной», фактически повторяющую идеи, изложенные в «Аэлите».

Пожалуй, первым, кто додумался до гипотезы, что если цивилизации на других планетах появились раньше земной, то они давно должны прийти к коммунизму, был Сергей Беляев — в небольшой повести «Десятая

планета», опубликованной в 1945 году, он описывает инопланетный мир, в котором, преодолев фашистов, гуманоиды построили коммунизм. Однако достоянием широких масс эта гипотеза стала после романа Ивана Ефремова «Туманность Андромеды», публикация которого удачно совпала с запуском первого искусственного спутника Земли (1957). Фантастика вдруг стала реальностью — в романе описываются огромные искусственные спутники, и вот один такой спутник уже попискивает над планетой, запущенный не где-нибудь, а именно в СССР. Кто может устоять от того, чтобы провести линию между двумя точками и экстраполировать эту прямую в будущее? В Советском Союзе уж точно никто не устоял. Даже Ефремов, который, как любой фантаст, знал истинную цену вымыслу, не удержался и в последующих переизданиях «Туманности...» приблизил описываемый мир к родному XX веку на пару тысяч лет.

Нельзя сказать, что гипотеза Беляева—Ефремова стала магистральной (мы помним самых разных инопланетян в советской фантастике послевоенного периода: зловещих диктаторов и вороватых олигархов, бездушных похитителей тел и отвязных авантюристов), но отказать ей в главенстве вряд ли вправе. Ведь помимо фантастики мы читали напичканные восклицательными знаками и идеологическими клише статьи, в которых многократно повторялось, что поскольку советский народ — самый прогрессивный народ в мире, он скоро покорит чужие миры. А в реальности — вот вам «Аполлон-11» и вот вам Нейл Армстронг с его «гигантским скачком для человечества».

Впечатляющие победы на орбитах, казалось, намертво спаяли советскую космонавтику и советскую идеологию, но коварные американцы вбили между ними большой звездно-полосатый флаг.

История всегда повторяется — и часто как фарс.

Сегодня отечественные фантасты пишут о космонавтике намного больше, чем во времена СССР. Но что это за космонавтика? Если отбросить отдельные «альтернативно-исторические» тексты, в которых Юрий Гагарин первым высаживается на Луну, а инженер Лось вторично летит на Марс, то можно уверенно сказать, что в современной русскоязычной фантастике преобладает «космическая опера» (space opera) — то есть поджанр приключенческой фантастики, придуманный и значительно развитый коварными американцами еще в первой половине XX века. Собственно, сам термин ввел Уилсон Такер в 1940 году, однако к тому времени существовали целые эпопеи, которые можно было отнести к означенному поджанру (романы Эдгара Р. Берроуза о Джоне Картере, циклы Эдварда Э. «Дока» Смита о «Космическом жаворонке» и «Ленсменах», романы Эдмонда Гамильтона о «Межзвездном патруле» и тому подобное).

«Космическую оперу» традиционно относят к научной фантастике (видимо, за традиционное наличие звездолетов), однако по сути она может быть отнесена к чему угодно, но только без приставки «научный». В классической «звездной опере» действие происходит в отдаленном будущем и обычно на других планетах. Земляне расселились по Галактике, повстречав по дороге «братьев по разуму» — с одними у них сложились дружеские и экономически выгодные отношения, с другими, наоборот, пришлось вести войну на полное уничтожение. Сюжет классической «звездной оперы» обычно прост, уступая в этом даже народным сказкам, и вертится вокруг какого-нибудь конфликта, обретающего ближе к финалу поистине вселенские масштабы. В центре повествования — положительный мужественный герой в компании забавных приятелей; среди них

почти всегда присутствуют великий ученый, отвечающий за спецэффекты, и «дама сердца», которую периодически приходится вытаскивать из разных передраг, что позволяет герою продемонстрировать свои лучшие качества. Имеет ли «космическая опера» хоть какое-то отношение к реальной космонавтике? Разумеется, нет. Как правило, в описываемой вселенной даже элементарные законы физики не соблюдаются — автор без труда жертвует ими ради спецэффектов. «В моем фильме планеты бабахают!» — гордо заявил Джордж Лукас, снявший культовые «Звездные войны», и был, несомненно, в своем праве.

О технологической достоверности тут можно и не говорить. По таким же лекалам строится и жанр фэнтези — но с тем принципиальным отличием, что действие происходит в волшебном мире, функции ученого выполняет маг, а нишу звездолетов занимают драконы. Посему «космическую оперу» часто относят к «антуражной» фантастике, ведь, в сущности, при своей примитивности она привлекает только антуражем, построенным на гиперболизации достижений землян, которую ограничивают разве что пределы фантазии автора — если этот антураж заменить на фэнтезийный, в самом тексте мало что поменяется.

Я хорошо помню, как ругали «космическую оперу» советские литературные критики. За «легковесность», за «малодушие», за желание «перенести Дикий Запад на галактические просторы». В те времена подобные филиппики вызывали у любителей фантастики смех: сначала дайте нам почитать «космическую оперу» (публикации даже классических произведений этого поджанра находились в СССР под твердым цензурным запретом), а потом мы сами решим, хорошо оно или плохо. Однако нынче стало не до смеха. «Космическая опера» практически вытеснила в России фантастику о «реальной» космонавтике — то есть такую, где законы физики стоят нерушимо, где распространение челове-

ческой цивилизации не выходит за границы Солнечной системы, где описываются технологии настоящего или ближайшего будущего, где действуют современные нам персонажи, а не супергерои в экзоскелетах на межзвездных дредноутах. Причем российская «космическая опера» умудрилась позаимствовать все родимые пятна западной и прежде всего — тенденцию к архаизации будущего.

Разумеется, в общем вале романов и эпоей довольно часто попадаются откровенные дубликаты, на грани плагиата копирующие западные образцы «космической оперы». Но нас в данном случае интересуют прежде всего тексты, в которых так или иначе представлены соотечественники, то есть персонажи, говорящие на русском языке и соотносящие себя с русской культурой. И, разумеется, имеет смысл рассматривать не худшие, а лучшие образцы жанра.

Из множества «космических опер», издаваемых сегодня в России, я выделил бы четыре эпических цикла: Александра Зорича «Завтра война» (2003—2008), Дмитрия Володихина «Мир Лабиринта» (2003—2007), Генри Лайона Олди «Ойкумена» (2006—2011) и Николая Романова «Избранник» (2006—2011). Все это, подчеркну, довольно качественная фантастика с интересными вселенными и оригинальными сюжетами, читать которую не стыдно.

Во вселенной Александра Зорича описано человечество XXVII века, вышедшее на просторы Галактики (Сфера Великорасы) и вступившее в контакты с инопланетными цивилизациями. Причем несомненным лидером является Российская Директория, за которой остальные земные нации следуют в кильватере. Конечно же, очень скоро начались межзвездные войны — причем главным врагом человечества оказались не инопланетяне, а религиозные фанатики из Конкордии, которая некогда отделилась от Объединенных Наций. Надо отдать должное Зоричу — он с иронией относит-

ся к этим гипотетическим построениям, что подчеркивается введением в ткань повествования некоего объективного «феномена ретроспективной эволюции», оказывающего влияние на идеологию и мировоззрение землян. В крайних случаях действие феномена приводит к курьезным последствиям: например, в Сфере Великорасы можно найти планету Большой Муром, общество на которой карикатурно слеплено по образу и подобию язычески-старообрядческой Руси.

Мир, придуманный Дмитрием Володихиным, выглядит более «наспуленным», поскольку автор намеревался написать не веселый боевик, а полноценную утопию. Только вот получилась она довольно своеобразной. Действие происходит в XXII веке, и вновь человечество осваивает чужие миры при активном участии Российской Империи, восстановленной в 2039 году. И вновь приходится воевать — с Аравийской лигой, которая претендует на внеземные территории. Причем описанные баталии больше напоминают морские сражения Второй мировой, нежели реальный космический бой. Но куда важнее, что, колонизируя землеподобную Терру-2, русские тут же устраивают средневековое «Чистое княжество». А еще важнее и примечательнее, что автор не видит положительных персонажей вне православной или католической церкви.

Цикл романов, объединенных под названием «Ойкумена», его автор Генри Лайон Олди с намеком представляет как «космическую симфонию». На этот раз перед нами не просто отдаленное, а очень далекое будущее. Земляне расселились по Галактике с помощью досветовых технологий, а затем был открыт — догадайтесь с трех раз! — «гиперпереход». Колонии, выросшие в полноценные цивилизации, начинают устанавливать связи друг с другом, и быстро выясняется, что все они в той или иной степени деградировали, спустившись по лестнице социальной эволюции на много ступенек вниз: во многих мирах процветает рабовладение, есть планеты,

застывшие в античности, средневековье и монархии самого кондового образца, имеется и своя Великая Помпилианская (ака Римская) Империя. И, конечно же, во вселенной Ойкумены можно отыскать дорогие нашему сердцу осины, пустившие корни на планете Сечень, — патриархальная «идиллия» начала XIX века с прогрессивными помещиками и добродушными крепостными. При этом имперско-рабовладельческий уклад легко сочетается с высокими технологиями за счет магических манипуляций — оказывается, люди будущего научатся конвертировать «внутренний огонь» в энергию движителей. От реальной науки и космонавтики такая техномагия столь же далека, как от нас Туманность Андромеды, но опять же все привычно списывается на специфику жанра, и с этим, увы, не поспоришь.

В эпопее «Избранник», предложенной вниманию читающей публики Николаем Романовым, мы видим Галактику, покоренную Росской Империей (это не опечатка!), которая противостоит Великому Мерканскому Ордену (тоже не опечатка — куда ж нам без коварных мерканцев?). В центре многотомного повествования — судьба спецназовца Остромира (Осетра) Приданникова, который бодро дорос до императора, и его возлюбленной княжны Яны. Антураж — антигравитационные двигатели, глайдеры, защитные поля, межзвездные фрегаты на фоне светских раутов, балов, аудиенций, подковерных интриг знати и прочих «гимназисток румяных, от мороза чуть пьяных». И опять же автор имеет полное право на такое представление будущего — в конце концов, он честно сообщает, что пишет фантастику, а не футурологический трактат.

Как видите, современные русскоязычные фантасты подводят, осознанно или нет, читателя к мысли, что если когда-нибудь россияне приступят к колонизации иных миров, они будут раз за разом воспроизводить архаичные общественно-политические уклады: от языческой Руси до монархической Российской империи.

И все бы ничего — в конце концов, в рамках обсуждаемого поджанра подобное не только допустимо, но и приветствуется, — если бы «космическая опера» не доминировала в нашей «научной» фантастике, оттеснив на задворки все остальное. Причина доминирования проста: молодому читателю, к которому обращена «космическая опера», хочется верить в лучшее будущее; он мечтает о наступлении эпохи, в которой Россия преодолет кризисы и станет ведущей державой, распространившей свое влияние на дальний космос. И за это обещание он готов принять любую, сколь угодно архаичную, форму грядущего мироустройства, благо фантасты постарались добавить к своим умозрительным схемам призрачное очарование романтики.

Получается, на наших глазах формируется новая утопическая иллюзия, в которой образы жесткого будущего умело заменены на патриархальную пастораль, с той лишь поправкой, что роль пастушков в ней играют brave космические пилоты и космодесантники, — однако суть-то от поправки не меняется.

Совершенно очевидно, что популярная «космическая опера» никак не способствует развитию российской космонавтики в смысле идеологической поддержки. Подобно тому, как советские фантасты подогревали завышенные ожидания читающей молодежи, рисуя грядущий космический прорыв, русскоязычные писатели XXI века открыто постулируют тезис о неизбежности грядущего триумфа за счет «ретроспективной эволюции». Вместо прогресса в качестве путеводного маяка утверждается регресс. «Да здравствует феодализм — наше светлое будущее!»

И после этого фантасты еще смеют негодуяще вопрошать, почему ракеты взрываются все чаще, а спутники падают все ближе!

Какую же модель можно предложить в качестве альтернативы искусственной архаизации будущего в фантастических романах? И существует ли такая модель?

Строить футурологические концепции — хотя и очень увлекательное, но в большинстве случаев совершенно бесплодное занятие. Слишком часто футурологи ошибаются. Хрестоматийной стала история о французском футурологе XIX века Альбере Робиде, который предсказал, что с развитием гужевого транспорта в XX веке улицы европейских столиц будут завалены конским навозом. Прогресс всякий раз обманывает таких прорицателей, предлагая качественное решение количественных проблем — в конкретном случае лошадей сменили автомобили и электротранспорт. Но иногда удается сделать удивительно точный прогноз.

В качестве примера удачной прогностической системы можно привести теорию «больших циклов экономической конъюнктуры», разработанную российским экономистом Николаем Дмитриевичем Кондратьевым в 1920-х годах. Анализируя большой массив исторических данных, накопленных за полтора века, ученый обнаружил, что любая экономика, основанная на товарно-денежных отношениях, развивается с циклом в 40—60 лет. Завершение цикла сопровождается мощнейшим экономическим кризисом, который сотрясает основы государственности всех вовлеченных в рыночную экономику держав. Благодаря этой эмпирической теории Кондратьев сумел очень точно предсказать Великую депрессию 1929—1933 годов и мировой кризис 1973—1975 годов. В настоящее время мы входим в очередной «кондратьевский» кризис, пик которого придется на 2013—2015 годы, что уже становится очевидным: к тому времени внешние и внутренние долги развитых государств достигнут таких астрономических величин,

что потрясений и дефолтов не избежать. То есть теория работает.

Впрочем, паниковать не надо — цивилизация пережила все предыдущие кризисы, переживет и текущий. Нас в этой связи интересует другое. Кондратьев разделил циклы на две фазы: «повышательную» и «понижательную», каждая из которых имеет свои особенности. В частности, «повышательная» фаза начинается сразу после кризиса и характеризуется глубоким изменением всей жизни капиталистического общества. Одной из причин изменений становятся научно-технические нововведения.

В «повышательной» фазе первого цикла, выявленного Кондратьевым, это были развитие текстильной промышленности и производство чугуна, изменившие уклад общества. В «повышательной» фазе второго цикла началось строительство сети железных дорог, которые позволили освоить новые территории и преобразовать сельское хозяйство. В «повышательной» фазе третьего цикла произошло широкое внедрение электричества, радио и телефона.

Кондратьев сделал предположение, что вскоре грядет «нефтяная» революция — именно она станет движущей силой цивилизации в четвертой «повышательной» фазе. Сегодня мы знаем, что он был прав: начиная с середины 1940-х годов автомобили, двигатели внутреннего сгорания и нефтепереработка уверенно захватили все сферы жизни, нефть стала кровью цивилизации, обеспечивая не только транспортные, но энергетические нужды. Самое важное — нефть сделала возможными и космические полеты.

Обратите особое внимание на этот факт. Теория космических полетов зародилась в конце XIX века, и уже в 1903 году Константин Циолковский показал, что углеводороды могут быть использованы в качестве топлива для космических ракет, но только возникновение развитой «нефтяной» цивилизации на «повышательной»

фазе четвертого «кондратьевского» цикла привело к тому, что от теории конструкторы перешли к практике. Однако к концу цикла, то есть к началу 1970-х годов, ее возможности в этой сфере оказались исчерпаны — американская лунная программа «Аполлон» проходила на пределе технических возможностей того времени. Выше своей головы «нефтяная» цивилизация прыгнуть попросту не могла.

Дело в том, что именно тогда во весь рост встали проблемы автоматического управления, надежной связи и обработки информации. Технологические системы усложнились настолько, что громоздкие ламповые компьютеры, которые ко всему прочему еще и часто перегорали, в принципе не удовлетворяли возросшим требованиям. Но тогда же появились и предпосылки для качественного решения количественных проблем: в 1964 году появился первый серийный микрокомпьютер PDP-8; в 1967 году корпорация IBM выпустила первую дискету; в 1968 году родилась компания «Intel» и была запатентована компьютерная «мышь»; в 1969 году заработала первая компьютерная сеть ARPANET; в 1971 году создан первый микропроцессор Intel-4004 на полупроводниковом кристалле. Все это были единичные и очень дорогие образчики, представлявшие интерес только для ученых и узких технических специалистов. А потом грянул «кондратьевский» кризис, мировая экономика рухнула, доллар обесценился, утратив золотое «содержание», и тут же началась новая научно-техническая революция, которая через много лет получит название «информационной».

Сегодня мы всю пользуемся плодами этой революции: «мобильники», GPS-приемники, домашние компьютеры, планшетные компьютеры, карманные компьютеры, ноутбуки, нетбуки, электронные платежные карточки, вездесущий Интернет, цифровое телевидение на тончайших жидкокристаллических экранах, накопители информации на миниатюрных флешках —

список можно продолжать и продолжать. На повестке дня — «облачные» серверы, бесплатная высокоскоростная связь, квантовые компьютеры и домашние роботы. Кое-кто уже переживает, что мы используем информационные технологии с малой эффективностью. Дескать, стандартный айфон по вычислительной мощности давно обошел лунную программу «Аполлон», а обыватели не придумали для него ничего умнее бессмысленных игр типа «Тетриса». На самом деле то, что могла дать информационная революция космонавтике, она ей уже дала. Из всех достижений последнего времени я выделил бы одно, но весьма значимое. Летом 2003 года на Марс отправились американские планетоходы «Спирит» и «Оппортьюнити». Планировалось, что в лучшем случае они проработают на поверхности Красной планеты 90 дней, однако «Спирит» проработал шесть лет, а «Оппортьюнити» продолжает функционировать до сих пор! Планетоходы передали с Марса терабайты информации, десятки тысяч прекрасных снимков, которые с небольшой задержкой выкладывались в Интернет, что позволило привлечь к их изучению сотни сторонних специалистов и миллионы простых пользователей. Научное исследование Солнечной системы в одночасье стало доступным даже для тех, кто никогда не собирался в космос. Разве это не революция? Да, революция, однако это и та самая «голова», выше которой информационным технологиям не прыгнуть. Конечно, еще будут интересные миссии с использованием межпланетных аппаратов. Благодаря им мы недавно увидели с близкого расстояния спутники Сатурна, Меркурий и астероиды, скоро увидим Цереру и Плутон. Только вот ничего принципиально нового межпланетные аппараты уже не сделают — они будут работать все дольше и передавать информации все больше, они картографируют планеты и доберутся до самых дальних «уголков» Солнечной системы и, возможно, отыщут какие-то иноземные формы жизни, они невероятно расширят наши

знания о Вселенной. Однако чего стоят все эти знания, если сам человек останется на Земле?..

Давайте взглянем на межпланетные аппараты с высоты стратегии космического развития нашей цивилизации, оставив их научную ценность в стороне. Мы увидим, что по сути они нужны только для решения двух главных задач: разведка «местности» и отработка технологий связи и управления на больших дистанциях. Решение первой задачи необходимо для того, чтобы четко понимать, куда и зачем человеку лететь в первую очередь, с какими трудностями он там встретится. Решение второй — для того, чтобы снабдить пилотируемый корабль всеми необходимыми в таком рейсе системами, надёжность которых будет гарантирована предшествующей эксплуатацией аналогов.

Увы, приходится признать: человек пока не готов лететь к соседним планетам. Нефтяная и информационная революции много дали космонавтике, но мы пока в самом начале трудного пути. Должны произойти еще как минимум два потрясения основ человеческого общества, случиться еще две научно-технические революции, прежде чем земле смогут приступить к планомерному освоению Солнечной системы. К счастью, прогресс не стоит на месте, а циклы Кондратьева неумолимы. Новый дивный мир уже не за горами.

6

Конечно, хочется, чтобы новая научно-техническая революция решила раз и навсегда проблему дешевой энергетики, которая остро стоит перед человечеством и которая явно тормозит наше продвижение в космос. Много надежд возлагалось на термояд и солнечную энергию. Однако работы в этих областях далеки от завершения: первая экспериментальная термоядерная станция ITER и гелиостанции в Сахаре пока находятся на стадии технических проектов, и что получится на

выходе, пока не знает никто. Еще важнее, что их появление и даже начало эксплуатации не приведет к революции, ведь преобразование энергии там ничем не отличается от того, которое использовалось полтора века назад: все так же греется вода в котле, потом пар поступает в турбины, а они вырабатывают электричество. Традиционная тепловая схема космонавтике не подходит: слишком низкий КПД, слишком много избыточного тепла, которое надо как-то утилизировать, слишком громоздкие и тяжелые конструкции. Космонавтике нужны эффективные термоэмиссионные преобразователи, гибкие легкие солнечные «батареи», сверхъемкие аккумуляторы. Впрочем, они всем нужны — только вот серьезных подвижек по этим направлениям нет.

Зато намечается настоящий прорыв в другой сфере. И, скорее всего, именно под его флагом состоится переход с «понижательной» фазы на «повышательную». Речь идет о биотехнологиях.

Когда читаешь новости с научных сайтов, то даже волосы шевелятся на голове от легкого (пока еще легко!) ветерка из будущего. «Начались первые испытания напыляемой кожи». «Искусственный вирус убил раковую опухоль». «У мыши заново вырастают отрезанные лапки». «Электронная сетчатка помогла прозреть шестерым пациентам». «Биопринтер создал действующий кусок сердечной мышцы». «Впервые удалось воспроизвести энергетически эффективный процесс фотосинтеза в лабораторных условиях». «Машина эволюции ускоряет разработку генномодифицированных микроорганизмов». «Мясом из пробирки можно накормить все человечество». «Создан первый гибрид электронного устройства и живой клетки». «Парализованный научился управлять роботу силой мысли». «Найден метод превращения всей донорской крови в универсальную». «Генетики запишут на бактерии петабайты данных».

Выглядит как строчки из научно-фантастических романов. Но это уже реальность! Единичные и очень дорогие образчики, но всего лишь сорок лет назад процессор Intel-4004 был таким же образчиком, а сегодня он кажется чем-то доисторическим, сродни динозаврам. Биотехнологическая революция грядет, и она совершенно преобразит известный нам мир.

Что она способна дать космонавтике? Самое важное достижение биоинженеров, сопоставимое по значимости с выпуском серийного микропроцессора в 1971 году, я оставил на закуску. Весной 2010 года группа ученых под руководством американца Джона Крейга Вентера объявила, что многолетний кропотливый труд завершился полным успехом: впервые в истории из элементарных химических соединений была собрана живая клетка — «биосинтетический организм», которому его создатели присвоили имя Синтия. На наших глазах произошел поистине «божественный» акт творения. Хотя клетку собирали по готовому образцу, в качестве которого использовалась природная бактерия *Mycoplasma mycoides*, в нее сразу внесли «улучшения», избавившись от «генетического мусора» и закодировав в полученном геноме имена участников проекта и три классические цитаты. Сейчас Институт генетических исследователей работает над синтетическим микроорганизмом, который сможет перерабатывать промышленные отходы в топливо — надо полагать, выбор Вентера обусловлен чисто коммерческими соображениями.

Нет сомнений, что синтетическая биология даст толчок появлению самых фантастических проектов. Одним из них может стать (и, думаю, станет) создание искусственной биосферы, которая будет обеспечивать человека всем необходимым для жизни (кислородом, водой, белками и углеводами), а также перерабатывать отходы человеческой жизнедеятельности с большей эффективностью, чем это делают природные аналоги. До сих пор все усилия создать такую сбалансирован-

ную биосферу, которую можно было бы разместить на борту межпланетного корабля или под куполом внеземной колонии, провалились. Синтетическая биология предоставляет реальный шанс преодолеть эти трудности. А через пятьдесят лет, надеюсь, подтянется и энергетика.

7

Давайте посмотрим правде в глаза. В нефтяную революцию наша страна успела вписаться, что позволило ей стать космическим лидером на первом этапе ракетно-космической гонки. Информационную революцию успешно профукали, и теперь не умеем изготовить хотя бы конкурентоспособный «мобильник». Отставание немедленно сказалось на космонавтике, и с 1988 года ни один отечественный аппарат так и не вышел на межпланетную трассу (последними стали советские станции «Фобос-1» и «Фобос-2»). Есть основания полагать, что точно так же мы пропустим и биотехнологическую революцию. И не потому, что у нас нет талантливых генных инженеров (если они вдруг кончились, их еще можно успеть подготовить) или нет соответствующего оборудования и сырья (его всегда можно купить), а потому, что само российское общество все быстрее архаизируется, спускаясь вниз по лестнице социальной эволюции.

Криминализация сознания, чудовищное расслоение по имущественному признаку, социал-дарвинизм в качестве господствующей идеологии, всепоглощающий цинизм на словах и в делах, насаждение дремучего мракобесия, религиозная нетерпимость, шовинизм, расизм — все это характерные приметы нашего времени. Готово ли такое общество к вызовам будущего, которые неизбежно породит новая «повышательная» фаза? Думается, что нет.

Вообразите себе мир, в котором человеческое тело можно будет легко модифицировать, причем измене-

ние пола или цвета кожи станет одной из самых легких и рутинных операций. Мир, в котором не будет калек, врожденных патологий, неизлечимых болезней. Мир, в котором любой орган и любую конечность можно вырастить из клеток пациента или «напечатать» на биопринтере. Мир, в котором геномодифицированные бактерии и синтетические существа будут трудиться на благо человека, создавая комфортную управляемую среду обитания, где бы он ни находился. В этом мире расовые, религиозные и культурные различия быстро утратят значение — ведь приобретая подобные возможности, придется отказаться от многих замшелых догматов. Но способна ли Россия принять такие преобразования с учетом того, что уже сегодня женщине отказывают в праве распоряжаться своим телом, сограждане «кавказской национальности» вызывают страх и отвращение, а вольности в одежде или принадлежность к атеистам осуждаются как страшный порок? Боюсь, что все ограничится тем, что импортные плоды биотехнологической революции будут использованы элитой в личных целях, а вымирающему населению достанется молитва, пост и радио «Радонеж».

Если наша страна архаизируется настолько, что не сможет войти в биотехнологическую эпоху наравне с другими развитыми государствами, то вместе с тем мы потеряем и последний шанс остаться космической державой. Земляне будут летать в космос, возведут колонию на Луне, преобразуют Марс, оседлают астероиды и когда-нибудь построят первый звездолет. Но все это произойдет вне России и без России. Мы просто исчезнем как народ и культура, сметенные бурей перемен.

Парадоксальный факт, но фантасты — то есть именно та когорта писателей, которая призвана обсуждать в своих текстах будущее, формулировать гипотезы, предупреждать об угрозах и придумывать решение проблем, которые еще даже не сформулированы, —

отказываются этим заниматься, сосредоточившись на описании давно выученных уроков.

Можно сказать, что от фантаста ничего не зависит. Но это не так. Достаточно вспомнить вполне проходной роман Жюль Верна «С Земли на Луну» (1865), который вызвал полемику среди молодых инженеров и ученых, что в конечном итоге привело к закладке основ теоретической космонавтики. И, заметьте, роман этот не забыт — его продолжают читать и экранизировать в XXI веке, ведь он был о дерзком вызове перед лицом грядущего, который до сих пор будоражит воображение.

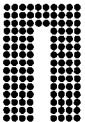
Можно сказать, что фантаст никому ничего не должен. На самом деле — должен, но не своему поколению, а своим детям и детям своих детей. Они прочтут, они усвоят, для них эти книги станут не просто развлечением, а частью жизненного опыта, из которого позднее произрастут убеждения. Стоит ли тиражировать архаику, навязывая молодым древние рецепты? А может, вам, коллеги, просто не хватает литературной смелости?

Отказываясь обсуждать проблемы ближайшего будущего, подменяя их игрой фантазии, российские фантасты отказываются и от статуса творцов этого будущего. Но зачем тогда браться за перо или запускать текстовый редактор на персональном компьютере, если боишься серьезного разговора?..

ЮПИТЕР А-ЛЯ РЮС: НЕСТРАШНАЯ БОЛЬШАЯ ПЛАНЕТА

*(памяти
Аркади Натановича Стругацкого
посвящаетс)*

 олучатель: Жюстин Волянецкая-Бовэ, Тулуза, Франция, Земля.
Отправитель: Чеслав Сэмюэль Волянецкий, космическая база «Юпитер-Россия».

Здравствуй, моя милая Жюстин!

Как ты уже поняла, пишет тебе твой непутевый прапрадед Чеслав.

Конечно, мы могли бы пообщаться с тобой по космотелео или посредством е-майла — так, как обычно это и делали в последние две декады во время моего межпланетного перелета. Но я решил, что в написанном от руки письме, которое я хочу переслать тебе с оказией — русский скоростной лайнер «Алексей Леонов» уходит от Юпитера завтра утром и через недельку будет уже на Земле, — есть своя прелесть. Так, наверное, обменивались посланиями наши предки всего сто-двести лет назад, отсылая письма, к примеру, из Америки в Европу с попутным кораблем. Согласись, в этом простеньком по своей сути действе отправки весточки за тридевять земель — а теперь и планет! — чувствуется что-то романтическое и слегка даже сентиментальное. Кроме того, у меня есть маленькая новость, которую я хотел бы сообщить тебе лично и не хочу доверять ее электронной почте или телесвязи.

Но об этой новости — в конце письма. А в первую очередь хочу поделиться с тобой своими впечатлениями о российской космической базе в окрестностях Юпитера. Думаю, что для тебя — ученицы космического колледжа в Тулузе — они окажутся небезынтересными.

Русская орбитальная станция «Юпитер-Россия», которую здешние аборигены уже давно называют просто «ЮРос», — это огромное, несколько сотен, не меньше, скопище различных по своим функциям, форме и размерам космических модулей, платформ и кораблей. Большая их часть состыкована в единый общий массив, внешне напоминающий многокилометровый, разросшийся лучами во все мыслимые стороны кристалл звездчатой формы. Этот «кристалл» из орбитальных конструкций насажен на штангу-ступицу коридора скоростного лифтового сообщения, на другом конце которой висит похожий на гигантскую бочку из стекла и металла жилой комплекс «Полдень-22». В отличие от сложного пространственного «кристалла» из научных и производственных модулей, на «Полдне» есть тяготение — он вращается вокруг собственной продольной оси. Здесь у русских располагается жилая зона: детские сады и школы, больницы и оранжереи, зоны отдыха и постоянные квартиры обитателей «ЮРоса».

Кроме орбитальной инфраструктуры, «ЮРос» включает в себя сеть исследовательских и промышленных планетных баз. Многочисленные станции — купола всевозможных размеров — расположены на крупных спутниках полосатого гиганта: Ганимеде, Европе, Ио, Каллисто и остальных.

Конечно, я знал о масштабном строительстве, затеянном русскими в системе Юпитера. Но знать по фильмам и выпускам новостей — это одно, а увидеть космический форпост России воочию — это совершенно иное. Признаюсь тебе, милая моя девочка, что я уже несколько дней пребываю в совершеннейшем восторге от этого величественного зрелища торжества челове-

ского гения. «Юрос» до сих пор кажется мне прекрасной сказкой, фантастической картиной, созданной в пространстве неведомым художником. Разум отказывается верить, что в системе Юпитера сегодня живут и трудятся свыше полумиллиона человек!

Ты не поверишь, Жюстин, но это космическое чудо, по существу, рождалось и росло у меня на глазах. Сегодня выходной день, я могу предаться воспоминаниям и рассказать тебе в этом письме о том, как происходило становление космического человечества за минувшую сотню лет.

Я закончил инженерный факультет в университете Нантера в год, когда Президентом Российской Федерации стал Даниил Строгов. В наследство Строгову досталась возродившаяся после лихолетья девяностых годов двадцатого века экономика, сориентированная не только на торговлю природными ресурсами, добытыми в недрах необъятных просторов российского государства, но и на стремительно развивающиеся машиностроительный и нанотехнологический комплексы.

Да, в военном отношении Российская Федерация в те годы все еще уступала Соединенным Штатам Америки. Огромный и вооруженный до зубов заокеанский динозавр по-прежнему держал в своих цепких лапах всю планету, содрогаясь лишь от участвовавших в начале двадцать первого века общемировых экономических кризисов. США могли потерять свое общепланетное влияние только из-за социальных и политических конфликтов внутри самой страны. Как ты знаешь, дорогая Жюстин, именно это и случилось в середине прошлого столетия.

Несмотря на глобальное военное доминирование Америки, в некоторых сферах науки и техники россияне не только сохранили свое лидерство, но и шли много впереди крупнейших мировых держав. Так, в области орбитальной пилотируемой космонавтики еще сто лет назад, в 2011 году, Россия стала фактически техно-

логическим монополистом: единственным реальным средством для доставки космонавтов на околоземную орбиту остался проверенный и надежный российский транспортник «Союз». По российским же технологиям создания долговременных станций у Земли была построена и Международная космическая станция.

Президент Российской Федерации Даниил Денисович Строгов вступил в должность в марте 2024 года. Он был человеком действия. Ему хотелось новых решений, нестандартных ходов, впечатляющих побед. Ему очень хотелось придать России новую динамику развития. А для этого нужна была яркая, захватывающая, глобальная идея. Только такая идея могла получить не формальную, а сознательную поддержку всего населения страны, потянуть людей за собой, увлечь до самых глубин человеческих душ. Именно тогда Строгов обратил внимание на ту область, в которой Россия еще с середины двадцатого века смогла бесспорно стать первой и при всех политических завихрениях, перестройках и перестрелках сумела сохранить свои лидирующие позиции.

12 апреля 2024 года Президент Российской Федерации Даниил Строгов выступил на совместном заседании Совета Федерации и Государственной Думы с программной речью, поставив перед страной цель на следующее столетие. Устами своего лидера Россия заявила о намерении начать практическое освоение не только ближнего космоса, но и всей Солнечной системы. Строгов предложил россиянам создать не обычные космические базы для нескольких космонавтов-исследователей, а настоящие межпланетные поселения на тысячи и десятки тысяч человек. Причем создавать космические поселения предлагалось сначала на околоземной орбите, а потом сразу в системах планет-гигантов Солнечной системы: около Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна.

Увы, российский политиком сначала выступление Президента Строгова всерьез не воспринял. Народ, как

★

всегда, загадочно безмолвствовал и отстраненно взирал на первые шаги новоизбранного Президента. Общественное мнение склонилось к тому, что президентская космическая инициатива закончится очередным распилом бюджетных средств под натужный рев труб масштабной пропагандистской кампании.

Но не тут-то было, моя милая Жюстин.

Строгов взялся за «космическое дело» со всей серьезностью. Уже в июне 2024 года состоялся общероссийский референдум всего лишь по одному вопросу — поддерживают ли россияне предложение Президента Российской Федерации о начале масштабного освоения космического пространства?

Трудно поверить, дорогая Жюстин, но тот президентский референдум тоже никто всерьез не воспринял. Левые нарекли его «глупой затеей». Управленческая вертикаль страны демонстрировала Президенту внешнюю лояльность, но в разговорах между собой скептически фыркала. А народ... Народ, — в массе своей так и не разобравшись толком в том, что задумал Строгов, — традиционно поддержал власть. В итоге за активное освоение космического пространства на референдуме высказалось свыше девяноста процентов россиян.

Загадочная русская душа! Еще не понимая толком, что их ожидает в будущем, люди практически единодушно поддержали новый курс своего Президента. Купили kota в мешке, как любят говорить сами русские о подобных ситуациях.

Воодушевленный даже такими итогами всенародного плебисцита, Строгов начал действовать. Основное поле борьбы за воплощение в жизнь президентской программы оказалось вовсе не на небесах, а на земле.

Президент начал с реформирования российской космической промышленности. На совещании руководителей всех «космических» фирм и производств Даниил Строгов сформулировал новые критерии работы для

отрасли — «простота, надежность, дешевизна». И тут же зачитал текст президентского указа о создании Специального совета по космическому развитию. Во главе ССКР стал сам Даниил Строгов.

Президент Строгов оказался не доверчивым прощачком, которого можно было «развести на деньги» под космические программы сомнительной свежести и качества. Не прошло и месяца, как в работавшие на космонавтику конструкторские бюро пришли первые заказы из ССКР на технику, которую требовалось создать для реализации президентской программы. Одновременно во все космические службы нагрянули с комплексной проверкой опытные инспектора из очень «интересной» структуры внутри Спецсовета — финансово-контрольного управления. Через две недели президентской ревизии выяснилось, что в среднем стоимость создания ракетно-космической техники в России была завышена в три-четыре раза, а по некоторым космическим аппаратам — даже в десятки раз! Скандал получился шумным. Полетели головы...

Даниил Строгов перекрыл все каналы для выкачивания денег из государственного бюджета и отмывания их посредством дорогостоящих космических программ. Одновременно Экономическая группа ССКР разработала условия, которые делали привлекательным инвестирование в российскую космическую промышленность. И деньги пошли — не только из отечественных источников, но и из зарубежных. Крупнейшие мировые промышленные гиганты старались выйти на российский космический рынок.

ССКР не замкнулся только на совершенствовании ракетной и космической техники. Постепенно к выработанной системе работы стали подключаться и другие отрасли промышленности — смежники, которые обеспечивали поступление для российских космических программ новейших разработок в области нанотехнологий, генетики, компьютерной техники и связи.

Космическая программа стала серьезно влиять на всю экономику страны и в целом на систему управления промышленностью, постоянно модернизируя их и делая более эффективными.

Одновременно с реформой космической и смежных отраслей СССР под водительством Президента Строгова развернул мощнейшую пиар-кампанию по пропаганде освоения космоса. Книги, фильмы, компьютерные игры с космической тематикой буквально сыпались на головы потребителей, простых обывателей. Космос и его освоение снова стали у всех на слуху, снова оказались в центре внимания миллионов людей как в России, так и в зарубежье.

Уже к 2030 году в космос по несколько раз в день начали стартовать так называемые «каталеты» — название произошло от русского глагола «катать». Эти простейшие, но весьма надежные многоместные космические корабли по баллистической кривой поднимались до самых границ космоса — на высоту порядка 100—150 километров. Их пассажиры на несколько минут оказывались в состоянии невесомости, могли посмотреть на Землю почти с высоты космической орбиты, почувствовать на себе все «прелести» настоящего ракетного старта — перегрузку, вибрацию, эмоциональную встряску. Количество людей, «прикоснувшихся» к космосу и «заболевших» им навсегда, росло день ото дня. Милая Жюстин, свой первый полет в космос я совершил именно на российском «каталете» и, вернувшись на Землю, твердо решил посвятить свою жизнь космическим исследованиям.

Кстати, «каталеты» вскоре стали использоваться не только для развлекательных и туристических целей, но и для пассажирских и грузовых сообщений. Полет с подмосковного ракетододрома до порта «Гагарин» на Сахалине занимал несколько десятков минут.

Следующим шагом в массовом проникновении человечества в космос стало создание инфраструктуры

относительно небольших отелей на низких околоземных орбитах. Как правило, эти простейшие космические аппараты представляли собой надувные герметичные конструкции, в которых туристы могли достаточно комфортно прожить семь-десять дней. Это было так здорово: слетать в космос на Рождество, встретить Новый год на космической орбите, паря в усеянном точечками звезд пространстве над бело-голубым шаром Земли!

Но, конечно, главными событиями в первое десятилетие реализации программы Президента России Даниила Строгова стали не запуски баллистических «каталетов» и орбитальных отелей, а полномасштабное строительство космической промышленности на низких околоземных орбитах. В космос стали подниматься автоматизированные технологические комплексы для плавки металла, выращивания кристаллов и производства новых материалов. Развернули свои гигантские зеркала солнечные электростанции. Обосновались на орбите десятки и сотни спутников связи и управления.

Ты не поверишь, Жюстин, но основы всех этих чудес команда Строгова заложила всего за шесть лет — с 2024 по 2030 год. Могу лично засвидетельствовать, что так все и было. Именно в те годы началась моя космическая карьера: по соглашению между российской «Космоаэро» и Европейским космическим агентством я частенько возил пассажиров и грузы на орбитальные станции россиян на нашем «Жюль Верне». Кстати, именно там, на одной из российских станций, я и познакомился с твоей прапрабабушкой Александрой Макарьевой — она работала сменным бортинженером орбитального комплекса.

В 2030 году в России предстояли очередные выборы Президента. Явная и неявная оппозиция решили дать настоящий бой Президенту Даниилу Строгову. Единственный кандидат от оппозиции Константин Завадский не сходил с экранов телевизоров, практически постоянно

присутствовал в глобальной сети и даже в «Вирте» — системе виртуальных миров, созданных на основе новейших компьютерных технологий.

«Нельзя тратить деньги на космические исследования и освоение Солнечной системы, когда на Земле есть миллионы убогих, больных и нуждающихся, — витийствовал Завадский во время прямого телевизионного чата совместно с Президентом Строговым за неделю до дня выборов. — Это антигуманно и аморально!»

«Константин, знаете, в чем принципиальная разница в наших позициях? — спросил в ответ Строгов с улыбкой на устах. — Вы мне напоминаете человека, который пришел на рынок и собирается купить у заезжего торговца красивую и дорогую вещь. Вещь действительно очень нужна. Но в конце концов она сносится, и вы ее просто выбросите. А я предлагаю построить заводы, которые будут выпускать много новых и красивых вещей. Да, мы получим эти красивые вещи не сегодня, а через несколько лет, но их будет много, и они будут у нас всегда».

Даниил Строгов был переизбран на второй срок с перевесом всего в несколько тысяч голосов...

В следующие шесть лет президентства Строгова программа освоения Солнечной системы прочно стала на ноги. Был создан универсальный межпланетный корабль класса «Прометей», который годился для полетов к самым удаленным планетам Солнечной системы. Российские космонавты совершили первый пилотируемый межпланетный полет. Вопреки ожиданиям, он состоялся не на Марс, а к Венере. Три месяца экспедиция, состоявшая из шести космонавтов, исследовала планету с орбиты, засылая на ее поверхность атмосферные и посадочные зонды. Уже этот первый рейс к «сестре Земли» открыл прямую дорогу к созданию жилых и производственных орбитальных комплексов около Венеры и летающих городов в ее атмосфере.

Как ты уже знаешь из курса истории, милая Жюстин, российские космонавты высадились на астероидах Весте и Церере. Совершили разведывательные полеты к Меркурию и «прогулялись» по его поверхности. Конечно, Луна и Марс тоже не были забыты. Началось строительство Лунограда — города, рассчитанного в перспективе на население не менее двадцати тысяч человек. Чуть позже состоялась международная экспедиция трех пилотируемых кораблей к Марсу. Мы с твоей прапрабабушкой Александрой стали первой семейной парой, сочетавшейся браком на поверхности Красной планеты.

Но основные усилия в те годы Россия сосредоточила в околоземном пространстве. На орбиты вокруг Земли вышли уже не экспериментальные производства, а научно-технологические комплексы для обеспечения постоянного притока созданных в космосе новых материалов на мировой рынок. В развернувшееся в ближнем космосе под российским руководством производство были вовлечены сотни компаний из десятков стран мира. Именно в те годы на околоземной орбите начался монтаж первого орбитального города серии «Полдень». Тысячи людей отправлялись в космос уже не с короткими туристическими визитами, а на постоянное место жительства. На космической орбите испытывались новые энергетические и двигательные установки: ядерные и электрические двигатели, солнечные паруса, фотонные прамоточки.

И все же даже в те годы российского «космического прорыва» главное оставалось на Земле. При высоком уровне мировой конкуренции, при скрытом и прямом противодействии многих правительств и промышленных корпораций оказалось очень непростой задачей выйти с космическими материалами и услугами на мировой рынок. Но российские экономисты справились и с этой задачей. Россия в своем движении к освоению Солнечной системы не замыкалась только на собствен-

ных интересах. Россияне постоянно втягивали в космический проект все новых и новых сторонников, которых привлекала ощутимая экономическая выгода уже в самом ближайшем будущем. Растущая космическая экономика стала постепенно брать верх над привычными земными политическими дрызгами. Космическая программа, в которую были уже втянуты многие миллионы людей из большинства держав мира, существенно повысила политическое влияние России в международных делах.

Критическим для «космического курса» Президента Даниила Строгова стал 2036 год. В этом году предстояли новые президентские выборы. Строгов отработал на своем посту уже два срока и по российскому законодательству баллотироваться снова не мог. Константин Завадский, который снова вышел на выборы в качестве единственного кандидата от объединенной оппозиции всех мастей и расцветок, выиграл избирательную кампанию.

Можешь себе представить, дорогая Жюстин, как ликовали противники космической экспансии России: в Кремль пришел их ставленник, а значит, «космический курс» Президента Строгова доживает последние дни. Очень скоро все должно вернуться на прежние рельсы: с распилом бюджетных денег, с возвращением к сытным кормушкам тех же людей, которых от них оторвали двенадцать лет назад.

Любимая моя праправнучка, если ты откроешь любой учебник по истории российской космонавтики, то обнаружишь, что на их страницах фотографии Даниила Строгова и Константина Завадского расположены рядом. Это потому, что Константин Завадский — ярый оппонент Даниила Строгова до выборов, — став Президентом Российской Федерации, фактически продолжил его дело.

Да, Завадский был в оппозиции к президентскому «космическому курсу», но он вовсе не был заиклен на состоянии вечного оппонирования. Уже полностью

шла работа по строительству орбитальных городов, уже начали давать прибыль космические производства, а международный бизнес стал серьезно зарабатывать «на космосе». Политическая команда Константина Завадского еще раз оценила выгоды «космического курса» для будущности России и приняла решение не резать «куруцу, которая способна нести золотые яйца».

Российская политическая элита была шокирована, когда действующий Президент Константин Завадский пригласил к себе бывшего Президента Даниила Строгова и после обычных «пристрелочных» вопросов о здоровье, планах на будущее и т. д., и т. п. в лоб предложил ему снова лично возглавить ССКР, но уже с прямым подчинением только одному человеку — Президенту Российской Федерации. Даниил Строгов после двенадцати лет президентства вполне мог сослаться на личные обстоятельства и усталость, надменно посчитать, что после поста президента огромной страны становиться администратором в нижестоящей структуре, да еще и под началом бывшего оппонента, — явный политический моветон. Он мог гордо удалиться на свою дачу в Подмосковье, заведовать каким-нибудь общественным благотворительным фондом. Но Строгов был человеком дела и... мечтателем. Даниил Строгов согласился на предложение Завадского, не раздумывая ни секунды.

И ССКР продолжил работу по освоению Солнечной системы, по продвижению России в космос. Строительство космоградов и заводских комплексов на околоземной орбите стало массовым. Появились космические базы на Марсе и в Поясе астероидов. Стартовала первая разведывательная экспедиция к Юпитеру. А потом российские космонавты достигли систем Сатурна, Урана, Нептуна, создали научные базы на Плутоне и в поясе Койпера. В 2060 году россияне за орбитами планет-гигантов «оседлали» комету Галлея и триумфально прошли на ней по петлеобразной траектории через всю Солнечную систему.

Конечно, моя родная Жюстин, все эти достижения России были сделаны с международным участием — иначе и быть не могло. В этом-то и состоял «план Строгова»: вовлечь в освоение Солнечной системы, в космический бизнес максимальное число стран, множество промышленных корпораций и фирм. По инициативе России в 2055 году при Организации Объединенных Наций было создано и Международное управление космических сообщений. В результате ко второй половине минувшего века Российская Федерация доминировала в космосе, и, как следствие растущего влияния космического сектора мировой промышленности, резко усилила свои политические позиции и на самой Земле.

Оглядываясь назад с позиций сегодняшнего дня, я могу констатировать: успех России принесли четко определенный путь развития, удешевление производства и жесткая борьба с коррупцией, политическая стабильность и преемственность власти, внедрение передовых технологий и в космосе, и на Земле, экономически выгодное международное сотрудничество и кооперация.

Дорогая моя Жюстин, сегодня в космосе постоянно живет и трудится более пяти миллионов человек. Конечно, как генеральный инспектор МУКСа, я могу тебе сказать откровенно — далеко еще не все ладно во Внеземелье. Есть и социальные, и этнические, и культурные проблемы. Но в целом «внеземляне» — это одна большая и сплоченная семья. Милая моя девочка, в космосе взаимоотношения между людьми меняются кардинально. Здесь не выжить в одиночку. Космос по-прежнему суров, беспощаден и враждебно настроен к человеку. Что поделаешь, таковы его суть и природа. Поэтому в этих суровых условиях просто невысказано существование без крепкой дружбы, взаимопонимания, человеческого участия. И все эти качества присутствуют у подавляющего большинства «внеземлян». Ты

сможешь убедиться в этом уже во время своей первой космической практики.

Да, люди здесь, в космическом пространстве, стали немножко другими. Растет уже четвертое поколение «внеземлян», и я все больше замечаю, что эта их «инаковость» постепенно начинает проникать и в земное сообщество. Как и полвека назад в технике и экономике, космос сегодня стал постепенно оказывать серьезное воздействие на социальный климат Земли. Честно говоря, меня это радует.

Дорогая Жюстин, я счастлив, что в нашем роду Волянецких-Бовэ вновь, после трех поколений земных жителей, появился человек, увлеченный космосом, — ты. Я ни в коей мере не осуждаю земной выбор моих детей, внуков и правнуков — мы с прапрабабушкой Александрой всегда были рады их успехам в науке и медицине, бизнесе и политике, — но все-таки приятно, что наш семейный «космический флажок» мы сможем передать в твои руки.

Желаю тебе счастья, здоровья и успехов в учебе.

Твой прапрадедушка Чеслав Сэмюэль Волянецкий.

20 октября 2111 года

P. S. Да, и в завершение моего письма о той маленькой новости, о которой я уже упоминал в начале этого послания к тебе и о которой — увы и еще раз увы! — совершенно забыл к концу.

Жюстин, душа моя, на днях русские ученые планируют совершить экспедицию с рекордно глубоким погружением в атмосферу Юпитера — как они говорят, «пощекотать полосатика». Предстоит запустить около трех десятков атмосферных и околдонных научных зондов. Экипаж корабля, который отправится к гиганту, будет состоять из пяти космонавтов. Капитан экспедиции Жора Шонин-младший — тот самый, с которым я энное количество лет назад участвовал в высадке на

Европу и в первом контакте с «европейцами», — предложил мне занять кресло второго пилота.

Знаешь, я немного поразмыслил и дал согласие.

Ты, наверное, скажешь, что в мои сто одиннадцать пора бы уже утомониться, каким-то образом остепениться и заняться более спокойным времяпрепровождением. Но, любезная моя Жюстин, я прошел ретро-медицинский курс, нахожусь в отличной физической форме и снова чувствую себя готовым на любые подвиги тридцатилетним жеребцом. Кроме того, у нас в предстоящем полете будут скафандры класса «Грифон» с гравитационными компенсаторами и экзоскелетами, а научно-исследовательский модуль «Аркадий Стругацкий», на котором мы нырнем в атмосферу Юпитера, — это новейший русский космический корабль с очень высокой степенью надежности.

Так что просматривай новости, моя любимая праправнучка, — возможно, что в конце ближайшей декады усатая физиономия твоего предка-сорвиголовы снова замелькает в информационных выпусках космотелео.

P. P.S. Да, и самое главное: прапрабабушке Александре о предстоящей экспедиции на Юпитер — пока ни слова!

РОССИЯ И МИР В 2100 ГОДУ

Человек всегда хочет знать, что его ждет в будущем. То ли потому что не удовлетворен настоящим, то ли потому, что боится неизвестности, то ли из любопытства. А может быть, и то, и другое, и третье вместе. Некоторые индивидуумы полностью погружены в думы о своем собственном будущем, не обращая никакого внимания на то, что происходит с человечеством в целом. В большей степени таким подходом грешат женщины: они ходят к гадалкам и в прямом смысле этого слова гадают на кофейной гуще. Судьбы страны, в которой они живут, а также планеты в целом остаются за рамками «исследования», не представляя никакого интереса для женщины, желающей знать, выйдет ли она все-таки к 2100 году замуж. Мужской пол склонен думать глобально. Если уж передавать по наследству сыну дом и бизнес, то очень желательно быть уверенным в том, что дом не отнимет очередное правительство, а бизнес не рухнет под давлением очередного экономического кризиса. Видимо, по этому гендерному признаку и идут в писатели-фантасты и футурологи в основном мужчины, а в гадалки — женщины.

Несмотря на вышесказанное, я попытаюсь в своем эссе максимально отойти от попыток спрогнозировать собственную личную жизнь и поразмышляю о судьбах человечества на примере одной отдельно взятой страны. Объять необъятное, конечно, невозможно. Поэтому мы остановимся на 2100 году. Во-первых, это круглое,

красивое число. Во-вторых, на небольшое количество лет вперед заглядывать неинтересно. В-третьих, дальше 2100 года заглядывать как-то у автора фантазии не хватает.

В своем эссе я решила остановиться на следующих вопросах:

- концепция «конец света» и как с ним бороться;
- развитие политической ситуации;
- развитие экономики;
- развитие науки и культуры.

Все вопросы непосредственно связаны не только с развитием России, но и с развитием планеты в целом. В своем эссе я исхожу из того, что процессы, обратные процессу глобализации, если и будут иметь место, то в небольшом объеме и в течение небольших отрезков времени.

1. Концепция «конец света» и как с ним бороться

На запрос «конец света» поисковая система Яндекс дает 75 миллионов ответов. Эта концепция весьма противоречива. Кто-то «конец света» воспринимает лишь как огромное количество катаклизмов, происходящих одновременно. При этом количество людей, проживающих на планете, резко уменьшается, но в целом жизнь на Земле сохраняется (пусть и не очень радостная). Другие сторонники концепции считают, что «конец света» — это действительно конец — конец всему живому и неживому. Художественные произведения, эксплуатирующие данную тему, используют оба подхода широко и с большим размахом. При самом пессимистическом раскладе на Земле остается буквально несколько человек, укрывшихся в нужный момент в каком-нибудь бункере и пытающихся в меру своих сил и способностей справиться с создавшейся ситуацией.

До 2100 года конец света должен произойти как минимум шесть раз:

1) в 2011 году 21 октября. Этот конец света назывался «окончательным», так как его автор прогнозирует сие событие уже не в первый раз, но, видимо, настоящий «окончательный» еще впереди;

2) в 2012 году в декабре по календарю майя. Сами представители племени отрещиваются от прогноза как могут, но «слово — не воробей», уже вылетело;

3) в 2018 году — начало ядерной войны (и чемпионат мира по футболу в России — что, не исключено, будет приравнено к концу света);

4) в 2021 году произойдет некий планетарный катаклизм, связанный с магнитным полем Земли (у тех, кто выживет после первых трех «концов», есть реальный шанс погибнуть снова, окончательно и бесповоротно);

5) после 2036 года некий астероид может в любой момент врезаться в Землю;

6) в 2060 году «конец света» наступает по расчётам Исаака Ньютона. Та небольшая группка людей, которая вылезла из бункера после предыдущих пяти апокалипсисов, имеет прекрасную возможность проявить себя на ниве возрождения человечества¹.

Далее следует «конец света» 2242, поэтому до 2100 года те, кто вылез из бункера в 2060 году, могут спать спокойно.

Автор эссе исходит из того, что конец света давно наступил, человечество, само того не заметив, выжило и счастливо существует в постапокалиптическую эру. Поэтому к 2100 году, несмотря на возможность шесть раз исчезнуть с лица Земли, люди будут продолжать «прожигать жизнь», три раза наплевав через левое плечо на все предсказания. Борьба с «концом света» бесполезно, потому что Ванга его предсказывала аж на 5079 год, а некоторые в своих прогнозах считают, что он произойдет через 25 миллиардов лет (непонятно с

---

¹ Даты взяты из сайта Википедия и могут отличаться от дат, приведенных в других источниках.

какого момента отсчитываемых, но, по-моему, это и неважно).

Оба пола, и мужской и женский, проявляют в данном вопросе удивительное единение душ, с радостным предвкушением ожидая очередную дату. Если человечеству мало Хеллоуина, то пусть себе регулярно празднует еще и очередной «конец света».

2. Развитие политической ситуации

Недаром обсуждение мы начали с концепции «конца света» — если его не случится до 2100 года, то можно смело переходить к другим вопросам. Итак, представим себе, что «на троне» в 2100 году сидит женщина. Да, да, президентом будет не представитель секс-меньшинств, не человек иной расы, а внучка той самой барышни, что в начале века гадала на мужа. Заодно уж и ей кинем прогноз — замуж она выйдет. Кстати, наша современница имеет хороший шанс дожить до тех времен, когда ее внучка станет президентшей всея Руси. Бабуле всего-то стукнет сто с небольшим — даже сейчас не такая и заоблачная цифра...

Сначала ответим на вопрос, почему все-таки женщина. К концу века процессы, которые вовсю идут в наши дни, завершатся и войдут в спокойную стадию. Женщина сильно потеснит мужчину во всех сферах жизнедеятельности. В России мужчины не раз еще будут сменять друг друга у власти. Но в конечном итоге женщина-президент перестанет быть чем-то диковинным. Наша внучка, скорее всего, будет второй, а то и третьей представительницей «слабого» пола, занимающей этот пост.

Что будет происходить в мире в это время? Истинно править миром будут глобалисты — всемирные организации, за спинами которых и будут скрываться настоящие «повелители вселенной» (далее — ПВ). За 89 лет, конечно, будут неоднократно предприниматься попыт-

ки свергнуть ПВ. Дабы потрафить населению, будут громко снимать с постов ничего не значащие фигуры, банкротить крупные фирмы и «дефолтить» отдельные страны. Но к относительной, имевшей место в былые времена независимости государства уже не перейдут никогда.

Россия будет все больше интегрироваться в глобальное мировое пространство, но, как всегда, будет самой темной лошадкой на мировой арене, периодически выкидывая такие коленца, что у ПВ будут волосы вставать дыбом. Политическая ситуация в России вряд ли будет претерпевать какие-то коренные изменения. Многопартийная система, призванная показать другим странам, что и мы не лыком шиты, что и у нас демократия, останется фантомом, раз в несколько лет являющимся народу во плоти.

До 2100 года в России могут произойти как минимум две ситуации, близкие к революционным: примерно в 2030 и 2070 годах. Вероятно, обе будут связаны со сменой правителей, которая в нашей стране всегда происходила болезненно. Мирная передача власти Ельцин—Путин, Путин—Медведев (и обратно) скорее исключение, подтверждающее правило. В будущем просто с экрана телевизора объявить людям о том, кто будет следующим президентом, окажется не так просто. К тому же очередную революцию в России ПВ больше спонсировать не будут, поняв, что для них она поворачивается совсем не так, как хотелось бы, — денежки на ветер. А без спонсоров никакая революция не дотянет до нужной степени накала.

Революционная ситуация, конечно, может зародиться внутри страны по классическому ульяновскому «рецепту». Низы для этого должны перестать мочь жить по-старому, а верхи, соответственно, должны перестать хотеть... Еще у низов не должно ничего остаться, кроме своих цепей. С низами проще — они уже сейчас в большинстве регионов страны не могут. Но вот с верхами

★ — сложнее — они перестают хотеть только при большой финансовой поддержке со стороны все тех же заинтересованных в раскачивании лодки ПВ. Иначе дураков нет, увольте. С цепями тоже все не так просто. Россия впитывает собственнические инстинкты капитализма с огромной скоростью, и даже с пресловутыми цепями становится труднее расставаться.

Можно предположить, что в борьбе за власть схлестнутся две формации (старая и набирающая силу новая), которые попытаются склонить на свою сторону народ. Кто-то по зову предков пойдет в очередной раз на баррикады, но скорее чтобы выпить, поорать и встряхнуться, чем реально свергнуть того или иного правителя. Женщина, находящаяся у власти в конце века, будет стараться не допускать сильных волнений внутри страны. Скорее всего, это будет время очередного застоя, когда и волки сыты, и овцы целы.

Хуже будет обстоять дело с национальным вопросом. Вот где всегда будут находиться деньги на смуту и агрессивно настроенные люди, готовые растерзать любого представителя иной веры или иной национальной принадлежности. До поры до времени ПВ будут оставаться заинтересованными в разжигании национальной розни по всему миру. Таким способом они будут держать в страхе одних, в подчинении других и смогут легко манипулировать общественным мнением.

Границы между странами будут весьма условными, но формально разделение останется, полностью приняв форму нынешнего Шенгенского пространства. Однако перемещение людей будет строго регулироваться — людские ресурсы в некоторых частях света станут на вес золота, в то время как в других местах, наоборот, сохранится их избыток. В России наложат запрет на переселение в крупные города, начнут активное заселение мест, доселе пустынных (или опустевших). Женщина у власти будет проповедовать семейные ценности, привлекая людей в неразвитые районы с помощью огромных бонусов, которые будут выдаваться преимуще-

ственно семейным парам. Эмиграция из России к тому времени резко сократится — у россиян не останется никаких иллюзий относительно того, как живут люди в других странах. Да и президентша будет делать все, чтобы создать нужную «погоду в доме». А иначе, с другой стороны, зачем еще нужна женщина на троне?

3. Развитие экономики

К 2100 году человечество переживет еще не один экономический кризис, пока окончательно не перейдет на иные способы производства товаров, оказания услуг и финансирования. Россия, постоянно плетущаяся в хвосте в области экономического развития, в какой-то момент окажется в золотой середине. Так окончательно и не встав с колен на голову, она, как неваляшка, снова будет стоять на ногах. Это, пожалуй, следствие не нашей прозорливости, а нашей неповоротливости. Уже сейчас мы пользуемся результатами деятельности других стран в экономической сфере. Результатами, которые были достигнуты с помощью не наших усилий, не наших проб и ошибок.

Общество потребления уйдет в прошлое. Экономика будет направлена на выживание и сохранение тех ресурсов, которые еще будут оставаться на планете. ПВ будут, как обычно, грести под себя, но в целом система ценностей радикально изменится. Деньги окончательно выйдут из обращения. Большее значение будет иметь власть, которой обладает человек, а не материальные блага, которыми он владеет. Власть будет предоставлять доступ к новейшим достижениям медицины, науки и техники. Обладающие меньшей властью или не обладающие ею вовсе будут пользоваться этими достижениями в гораздо меньшем объеме.

В России экономические процессы будут некоторое время идти по-прежнему медленно. Уже к 2020 году мы рухнем в такую же пропасть, как и весь остальной мир (сейчас не пропасть, а только ее подобие). А потом вме-

сте со всем миром дружно оттуда вылезем полностью обновленными: с единой компьютерной системой расчетов, едиными на всех природными ресурсами, общим производством. Конечно, каждая страна, обладающая ресурсами, захочет как можно дольше оставлять их в единоличном пользовании. Но после 2020 года это станет невозможным. Россия от этого только выиграет. Ее территории будут развиваться, уровень жизни населения сравняется с уровнем жизни в других странах (в целом наш станет выше, их ниже).

Что принесет женщина в экономику 2100 года? Большее равновесие в системе, преобладание духовного над материальным. Возрожденческие мотивы: в искусстве, образовании, в гуманитарных науках. Культивирование семейных ценностей — построение экономически сильного общества на основе укрепления экономики отдельной его ячейки. Скептики (в основном представители мужского пола) скажут: «Ничего нового». Но развитие общества должно идти по спирали: с одной стороны, возвращаясь на круги своя, с другой стороны, поднимаясь на принципиально новый уровень. XXI век разрушает спираль — с бешеной скоростью идет развитие технологий круто вверх, по прямой; при этом разрушаются традиции и устои, которые всегда сдерживали насилие и агрессию, препятствовали разложению личности, то есть идет резкое падение вниз. Вместо спирали — две параллельные прямые, одна из которых идет вверх, другая — вниз.

На фоне технологического прогресса и значительных изменений в экономике женщина постарается снова совместить две прямые, скрутив их в спираль и направив вверх ту, что со страшной силой падала вниз.

4. Развитие науки и культуры

Самый большой рывок произойдет в медицине, которая будет активно пользоваться достижениями в области компьютерных технологий. Средняя продолжи-

тельность жизни увеличится до ста лет. Довести ее до более шокирующих цифр не удастся: на смену старым болезням, которые в массовом порядке будут уничтожены, придут новые. Например, при внедрении в тело человека микрочипов будут происходить процессы отторжения, будут появляться новые вирусы (похожие на компьютерные), будет претерпевать изменения психика человека.

Люди полетят к другим планетам, но инопланетян так и не найдут — мечта о встрече с внеземными цивилизациями останется мечтой. На некоторых планетах будут по полгода-году жить астронавты, проводя различные эксперименты и испытания. На Земле постараются больше не гадить.

На on-line обучение перейдут школы и университеты. И вообще, в связи с дефицитом реального земного пространства, все «лишние» здания будут снесены (образовательные и развлекательные учреждения, органы государственного и муниципального управления, большинство медицинских учреждений, торговые точки и так далее). Врачи и госслужащие будут вести прием on-line, товары будут заказывать через Интернет. В исключительных случаях больного будут госпитализировать, но в основном все процедуры можно будет проходить, не выходя из дома. К 2100 году люди окончательно забудут выражение «пойти в магазин».

В 2100 году россияне по-прежнему будут говорить на русском языке. Впитав в себя массу иностранных слов, русский язык не потеряет своего неповторимого, индивидуального колорита. Женщина-президент со своими иностранными коллегами принципиально будет говорить только по-русски, не пытаясь произвести на них впечатление с помощью жонглирования иностранными словечками. Впрочем, в 2100 году этим впечатление уже произвести будет трудно: образованные люди будут владеть несколькими иностранными языками. Скорее всего, профессия переводчика исчезнет.

Обычным делом станет разговор, который люди ведут на двух, а то и на трех языках одновременно — каждый будет говорить на своем родном языке и при этом отлично понимать собеседника.

Книги не исчезнут, они лишь полностью преобразуются в цифру. И только некоторые коллекционеры будут упорно покупать дорогие экземпляры, отпечатанные на бумаге. Писатели и поэты, как и столетия до этого, будут привлекать внимание общественности. Просто так скачать из Интернета книгу станет невозможно. Интернет-сайты в принципе станут более закрытыми. Поток информации резко уменьшится, увеличится цензура. То есть, с одной стороны, большинство услуг можно будет получать on-line, с другой стороны, доступ в Интернет будет строго регламентирован, поступающая туда информация будет контролироваться.

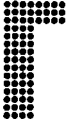
* * *

Пройдут десятки лет, но женщина, как и раньше, будет с замиранием сердца слушать предсказания гадалки. Мужчина будет ругать правительство и читать экономические прогнозы экспертов. Появятся новые даты, определяющие наступление конца света, и новые фильмы, показывающие, как с ним бороться. Проскочив через очередную дату, человечество будет радоваться словно ребенок, безнаказанно прогулявший школу...

Автор эссе надеется, что так все и будет, а также свято верит в то, что положительная динамика в развитии нашей страны и всей планеты зависит все-таки от счастья каждого отдельного гражданина, будь то мужчина или женщина. Так что пусть граждане будут счастливы!

Я Б КУЛАКОМ ГАРМОНИЮ ПОВЕРИЛ...

од назад в Партените на «Созвездии Аю-Даг» мы выступали с докладом «Сценичность образа», где проводили параллели между своим театральным опытом и литературным: как создается и формируется персонаж в театре — и как формируется персонаж у писателя. После доклада подошел к нам Максим Хорсун, если мне память не изменяет, и сказал: «А слабо ли вам прочитать такой же доклад на параллелях литературы и каратэ, которым вы занимаетесь тридцать лет?» Мы сначала восприняли это как шутку. Потом задумались: а может, получится? И сегодня мы представляем вашему вниманию доклад «Я б кулаком гармонию поверил». Олег Ладыженский возьмет на себя боевой аспект, а Дмитрий Громов возьмет на себя аспект литературный.

1. Три возраста

Олег Ладыженский: В боевых искусствах существует три возрастных этапа, в течение каждого из которых человек делает акцент на разных моментах. Организм с возрастом меняется, и это диктует определенные условия. Первый этап длится до двадцати пяти, в редких случаях до тридцати лет. В этом возрасте человек развивает СИЛУ — «ли» по-китайски. Что мы понимаем под силой? Это физические кондиции организма.

Каратист качает мышцы, бегают кроссы, подтягивается на турнике, работает с тяжестями. Растяжки, гибкость; сухожилия, связки. В молодости очень хорошо восстанавливаешься после травм. В молодости отлично растет мышечная масса, потому что метаболизм активный; все, что ни съешь, — все перекачивается. В молодости тактическое ведение боя — агрессивное, напористое, с большими энергозатратами. Неделю отдохнул — и опять здоровый, бодрый. Короче, период силы.

Дмитрий Громов: В литературном творчестве, если проводить аналогию, возрастные периоды сдвигаются. Все-таки есть разница между физической и интеллектуальной нагрузкой. Первый период — период силы — для писателя может сдвинуться еще на несколько лет. Тут индивидуальный разброс намного больше. Но принцип остается тот же. Период силы — в переложении на литературу это период наработки первичных ремесленных навыков. Подчеркиваю: речь идет о наработке РЕМЕСЛА, а не МАСТЕРСТВА. Как, кстати, и в случае с каратистом. Формируется связность и динамика сюжета, интрига, первичные языковые навыки — не изыски, а внятный русский язык. В фантастике это безудержный полет фантазии, яркие герои и, как правило, обилие экшена. Последнее соответствует агрессивному стилю ведения боя в каратэ. Если же, скажем, взять для примера любовные романы, то здесь экшен заменит кипение страстей.

Олег Ладыженский: Но человек взрослеет. И после тридцати он понимает, что заниматься с утра до вечера силой — это калечить себя и укорачивать срок своей жизни. Он вдруг с интересом выясняет, что потянутые мышцы болят гораздо дольше, чем это было пять лет тому назад. Он понимает, что увеличить мышечную массу теми способами, которыми он пользовался рань-

ше, невозможно: метаболизм другой. Организм гораздо хуже восстанавливается после травм. Надкостницу повредил — болит! Сломал запястье — чинится полгода. Если продолжать в том же духе, станешь инвалидом. И тут начинается второй период, который длится до пятидесяти лет, плюс-минус пятилетка. Это период ЭНЕРГИИ — по-китайски «ци». У нас энергию понимают неправильно: ты лежишь на диване, а она в тебе циркулирует. Каратист понимает перспективу иначе — он начинает заниматься ЭКОНОМИЧНОСТЬЮ движения. Как достичь того же результата, которого ты достигал раньше, прилагая массу усилий при гораздо меньшей затрате сил? Для сравнения представьте удар дубиной и укол рапирой. Укол рапирой слабее по затратам, но если проколоть насквозь печень или сердце... Начинается период мастерства. Все тренировки — силовые, скоростные, технические, тактические — затачиваются под экономичность. Каратист начинает смотреть, где можно *не тратить силу*. Всерьез встает проблема правильного расслабления. Каратист напрягается только в нужных моментах. Тратит все меньше и меньше, но все больше набирает результативность — и безопасность для себя самого. Потому что любая травма в сорок пять лет, любые сверхусилия чреваты тем, что после них неделю проваляешься в постели. Этот период, как по мне, самый изящный. Силы еще есть, но экономичность достигает такого уровня, что мастер лишнего шага не делает, а результат налицо.

Дмитрий Громов: В литературном труде — это углубленная работа с языком, выработка индивидуального стиля. Кстати, в этом же возрасте индивидуальный стиль вырабатывается и у бойцов каратэ. Персонафикация речи персонажей, работа над характерами и их развитием, построение нелинейных сюжетов. Если брать конкретно фантастику, это зачастую упор на ори-

гинальность фантастического допущения. Если раньше можно было брать просто ярким миром, драйвом, экшеном, то здесь уже берешь авторской оригинальностью. При минимуме выразительных средств достигается максимальное воздействие на читателя. Точность каждого слова, каждой фразы. Фактически исчезает шквал ударов, а идет работа «по точкам». Раньше лупил «по площадям» — что-то да попадет! — а сейчас уже знаешь, куда надо.

Олег Ладыженский: Но человек взростает дальше. Пятьдесят, шестьдесят лет... У нас в группе есть ветераны, которым около семидесяти. И не дай бог с ними встретиться в темном переулке. Но речь не об этом. С возрастом энергии начинает не хватать, как раньше не хватало чистой силы. Экономичность? Как ни экономь, какую-то часть расходовать надо. И экономить приходится больше, чем хотелось бы. Начинается третий период, когда в первую очередь культивируется не сила, не энергия — ДУХ. Человек продолжает заниматься, его движения становятся все мягче и мягче, потому что он старается тратить все меньше и меньше. В семьдесят лет он не может тратить на тренировки столько, сколько в двадцать пять. А тренировки-то интенсивные... Поэтому движения скругляются, становятся малозаметны. Он «внутри себя» двигается. Со стороны бывает непонятно молодому каратисту, что старик делает. Тресь в макивару — та вся задрезжала! Старик вроде бы ничего особенного не сделал, а макивара все равно почему-то дребезжит. Дух, внутренний огонь, позволяет скругленную экономичность, уже доведенную до вынужденной экономности, оживлять по необходимости. Когда надо — редко! — этот человек вдруг загорается. Видели таких? Он сделал одно движение, но оно горит! Он не может десять таких ударов подряд сделать. Но один сделает так, как дай бог нам всем... Это ДУХ. Осо-

бое психофизическое состояние. За это на Востоке стариков уважают. За дух, а не за двадцать черепиц, которые он может расколоть в семьдесят лет — или не может, потому что, извините, кости не те.

Дмитрий Громов: В литературном творчестве — это более умелое использование творческого состояния, которое высокопарно именуется вдохновением. Тот же самый дух фактически. Вдохновение теперь используется осознанно, а главное, сформировано умение вызывать его в нужный писателю момент... Далее — это построение многослойных аллюзий. В молодости это зачастую неинтересно, да и не умеешь, в среднем возрасте только пробуешь, а сейчас уже научился и пользуешься вовсю. Это многофункциональность диалогов — кроме прямой информации они несут массу полутонов, намеков, дают рост напряжения взаимоотношений героев, то есть активный подтекст. Фактически в трех фразах, кроме информации, которую передают друг другу собеседники, возникают их характеры, взаимоотношения и конфликт. Мудрость опыта применительно к боевым искусствам. Это уменьшение доли внешнего действия — экшена, характерного для юности, — и рост напряженности действия внутреннего. Автор в возрасте, у него есть накопленный жизненный опыт. Ему, во-первых, самому интересны изменения характеров и взаимоотношений, а во-вторых, он уже умеет это целиком вкладывать в текст. Игра на полутонах — аналог «скругления» движений. И четкая выверенность структуры произведения — каждой главы, каждой части и мелких эпизодов — аналогично выверенности движений у мастера каратэ. Никакого лишнего расхода энергии, одно короткое и четкое движение — и все приходит точно в цель. Все написанное до последней запятой работает на идею и сверхзадачу произведения.

2. Этапы старения

Олег Ладыженский: Когда много лет занимаешься, выясняется этапность старения организма. Первыми стареют ноги. Пожилой человек ходит с трудом. А бегать-прыгать, махи ногами, растяжки — тут еще сложнее. Вторым стареет позвоночник. Это взаимосвязано: как только возникают проблемы с ногами, вскоре начинает болеть спина. Третьими стареют мышцы пресса. Руки и плечи стареют последними. Кто это знает, тот строит свои занятия, основываясь на понимании такой перспективы. Скажем, я утреннюю разминку начинаю с комплекса упражнений для ног. Раз они первыми старятся, значит, их надо все время «строить», чтобы работали подольше. Вторым начинаю «строить» позвоночник — еще один комплекс. Наклоны, прогибы, качи, кручение торсом, шея. После этого уже можно работать с прессом, с плечевым поясом; можно отжаться от пола и так далее... Но начинать с кручения кистей и отжиманий не стоит. Иначе вы не успеете оглянуться, как будете со своими сильными плечами-руками ходить на полусогнутых. Я сейчас говорю о возрастной разминке. В молодости, в двадцать пять лет, разминка может проходить иначе.

Дмитрий Громов: Речь идет об изменении методики и направленности тренировок в связи с возрастными изменениями. Старение ног — человеку трудно бегать. Соответственно, в книгах становится меньше — чего? — правильно, экшена. Герои начинают меньше бегать и больше думать. Психология взаимоотношений, развитие характеров, мировоззрение, философия, аллюзии, эстетика литературного слога. К сожалению, с возрастом падает живость фантазии — стареет спина. Увы, это так. Фонтанирование мирами, какое бывает в юности, у людей пожилых случается редко. Книги, с

одной стороны, становятся более зрелыми, глубокими, многослойными, но, с другой стороны, может упасть их увлекательность и динамика внешнего действия. Глубина — это хорошо, но увлекательность (не РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ, а именно УВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ, когда читаешь, не отрываясь) — прекрасное качество, которое хорошо бы сохранять и в зрелом возрасте. Борьба со «старением» можно двумя путями, причем один не исключает другого. Первое: пока автор молод и фонтанирует идеями — пришедшие в голову наброски сюжетов, фантастические допущения, какие-то идеи и эпизоды стоит конспектировать и сохранять. Что-то вы потом возьмете и примените. Когда с фантазией возникнет некоторая проблема, зато мастерства станет побольше, можно брать из запасов зажигательные, молодые идеи, сюжеты и наброски — и с позиций опыта их развивать в цельное, законченное произведение. Так хороший боец в молодости нарабатывает коронные удары и связки, а потом, будучи опытным, добавляет дух и мастерство возраста. Зрелость опыта писателя плюс молодой задор, который сохранился в давних идеях и сюжетах, тоже могут дать хорошую комбинацию — чтобы получилось и глубоко, и увлекательно. Второй вариант, который не исключает первого, — это специально следить за увлекательностью своих произведений. Не забывать про нее при всех мудрых идеях и аллюзиях. Создавая даже не слишком динамичные сцены, делать так, чтобы диалог или размышление читались с интересом. Собственно, прием, проведенный мастером, внешне неэффективен. Но он предельно эффективен. Этого и надо добиваться.

3. База стиля

Олег Ладыженский: На первых периодах обучения в каратэ есть целая куча упражнений, цель которых ученику непонятна. Какие-то дыхательные комплексы,

«стояние столбом...». Учитель говорит, что это база, что это энергетика стиля. А зачем оно надо? Драться вроде не помогает, да и не похоже на драку. Зачем тратить столько времени на эту ерунду? Шипишь, хрипишь, сопишь... Когда-нибудь ученику объяснят, что это, скажем, переход с грудного на диафрагмальное или «брюшное» дыхание. А разные типы дыхания — это разное снабжение крови кислородом. Разная химия процессов. Лет через тридцать, когда ученик перестанет быть молодым, он поймет, что вот эти годы, когда он шипел странным образом и шевелил руками, позволяют ему заниматься дальше. Он бодрее, он здоровее, он энергичнее сверстников именно за счет упражнений, которые в юности были ему абсолютно непонятны. Он ругался, бухтел, говорил, что мой сенсей — полный придурок. Зачем мы этим занимаемся? Мне бы грушу побить! Вот грушу — это да! Но грушу побил — и ладно. А базовыми комплексами позанимался — смотришь, в шестьдесят лет еще живой. И грушу продолжаешь бить. Но чтобы это делать в шестьдесят, надо начинать гораздо раньше.

Дмитрий Громов: Часто молодые писатели, которые добились успеха, полагают, что они уже всему научились. Зачем еще чему-то учиться, когда меня и так издают-переиздают?! Тиражи высокие, читатели в восторге (а те, которые не в восторге, завистники и дураки!), гонорары приличные... Все в шоколаде. А если начну делать какие-то малопонятные изыски — тиражи упадут. Рациональное зерно в этом есть. Как и в каратэ: я молод, крут, силен, спокойно бью ногой в голову, разбиваю груды кирпичей, побеждаю на соревнованиях, получаю медали и гонорары. Вот силу я буду дальше качать и растяжку совершенствовать, а странные дыхательные упражнения и медленные движения — ерунда какая-то. Зачем оно мне надо? Вот кирпичи ломать —

другое дело. Да, тиражи могут упасть: шибко умных массовый читатель не любит. Но долго продержаться только на забойном сюжете, куче приключений и «студенческом» юморе удастся единицам. В спортивных единоборствах — то же самое: сила, скорость и безумные растяжки с возрастом уходят. А что остается? Со временем, когда автор взрослеет и умнеет, его начинает интересовать нечто большее, нежели просто приключения героев. Новые приоритеты вольно или невольно отражаются в книгах — и вот тут-то и сказывается былое нежелание работать над собой.

По-старому писать автору больше неинтересно (или уже просто не может — возраст не тот, как у «выходящего в тираж» спортсмена), а по-новому он просто не умеет. В итоге вместо глубины и новых смыслов в его текстах начинают проявляться занудность и морализаторство. Попытки же «снова войти в ту же реку» к успеху не приводят. Если же автор с самого начала «создавал основу»: работал над стилем, характерами персонажей, разнообразием литературных приемов, стройностью композиции, темпоритмом — над тем, о чем большинство молодых авторов не задумывается, — то в литературную зрелость он вступит во всеоружии. Он сумеет создать новую адекватную форму для рождающегося в нем нового содержания.

4. Легенды

Олег Ладыженский: Для новичка или для случайного человека каратэ полно легенд, которые дилетант считает истинной правдой. Итак:

— Каратэ — это когда бьют ногами по голове.

В старых комплексах (по-японски «ката») ноги выше солнечного сплетения не поднимаются. Удары наносятся в колени, в пах, в живот, по почкам и ребрам;

делаются подсечки. Голова далеко! По ней удобнее бить руками.

— Каратэ придумали окинавские крестьяне.

Откуда у крестьянина время на регулярные много-часовые тренировки?! Каратэ разработало окинавское воинское сословие. Только они назывались не самураи, потому что Окинава долгое время была китайским протекторатом, а *пэйтины*. Само слово «каратэ» одним из первых ввел в обиход Мацумура Сокоя, личный телохранитель трех окинавских королей!

— Каратэ — «пустая рука». А китайское ушу — это совсем другое!

Кара-тэ вначале значило «китайская рука». Позже Гитин Фунакоши, по настоянию японских «ястребов»-националистов, подобрал иероглиф, который тоже читается «кара», только означает не «китайская», а «пустая». Каратэ превратилось в «пустую руку».

— Подручным оружием каратэ (нунчаки, серпы и т. п.) можно остановить самурая с катаной.

Нельзя. Деревянные нунчаки, серпы из плохого металла — слабая защита от хорошо вооруженного, профессионально обученного воина. Все это вспомогательное оружие было рассчитано не на самурая, а на бандита с большой дороги.

— Каратэ — это здоровенные дуболомы. После ста килограммов любой прием катит!

— Каратэ однородно, стили похожи друг на друга.

— В каратэ нет борьбы. Я видел в кино!

— Каратэ — фигня! Вот бокс (айкидо, кунфу, боевой гопак) — это да!

Короче, список легенд можете продолжить сами.

Дмитрий Громов: Вокруг книг и литературного творчества также создано немало легенд. В них верят многие читатели и писатели, особенно начинающие. Итак:

— Лучше всего продаются забойные боевики!

— Все «замороженные» книги пишутся «под кайфом»; их авторы активно употребляют «траву», героин, «кокс» и алкоголь.

— Фантастика — «недолитература»; это плохие книги про эльфов и роботов, которые пишутся для детей-дебилов.

— Фантастика — самая литература из всех литератур, а все остальное — занудная фигня для пальцегнутых эстетов.

— Можно написать три-пять-семь книг на заказ, наступив на горло собственной песне, заработать имя — а потом спокойно ваять и издавать «нетленку».

— Литературные конкурсы помогают наработать литературное мастерство.

— Писателю не надо ничему учиться: русский язык в школе выучил — и хватит.

— Главное — писать быстро: пять-шесть книг в год. Тогда будут и тиражи, и популярность, и гонорары.

— Главное — искренность; все остальное — неважно.

— Попадание даже в лонг-лист литературной премии — это круто!

— Литературные премии ничего не значат и раздаются по договоренности.

— Сетевое «пиратство» — это благо, «пираты» бесплатно рекламируют автора.

— Сетевое «пиратство» — корень всех бед, именно оно скоро убьет литературу.

— Напечататься в «толстом» литературном журнале типа «Нового мира» — это круто! Это признание в мире Большой Литературы!

— При помощи рекламы можно «впарить» любую книгу большим тиражом и «раскрутить» любого бездаря.

— Есть «рецепт бестселлера», узнав который любой автор может бестселлер написать; но этот секрет скры-

вают от литературных масс авторы бестселлеров и их издатели.

— Надо всячески защищать свой текст от воровства; а то в издательстве откажут — а потом издадут втихаря под другой фамилией.

5. СМЫСЛЫ И ПОДТЕКСТЫ

Олег Ладыженский: В каратэ существуют ката. Это комплексы движений, которые кодируют знание и передают его из поколения в поколение. Своеобразные «книги» с множеством смыслов и подтекстов. И каждому в зависимости от его уровня подготовки раскрывается разное. Если, скажем, взять первую связку действий из комплекса Сайфа, то на разных этапах отработки, от ученика до мастера, можно воспринять следующие, все более сложные акценты:

— Срыв захвата.

— Срыв захвата и уход с линии атаки.

— Не срыв захвата, а контрзахват и болевой прием на руку.

— Не срыв захвата, а сбив удара в корпус с про-скальзыванием вперед.

— Боковой удар кулаком при необходимости превращается в удар локтем сверху вниз.

— Умение при агрессии противника не отступить назад, а пойти вперед, в близкий контакт.

— Техника «журавля»: общие принципы. «Птичьи» перемещения, боковой взгляд и расположение к противнику. Бережем собственное тело от повреждений, руки-крылья, резкие смены уровня стойки (взлет-приземление).

— Жесткость перерастает в мягкость, экономя силы. Мягкость опасней жесткости.

Дмитрий Громов: В любой хорошей книге также «архивируется» несколько пластов смыслов и аллюзий:

— Увлекательный сюжет, интересные герои. В случае фантастики — оригинальное фантастическое допущение, яркий мир. Активное и понятное действие, яркая «картинка».

— Неожиданные повороты сюжета. Уход от линейной фабульности.

— Эмоциональное сопереживание. Работа по эмоциональным «болевым точкам» читателя.

— «Не баг, а фича». То, что ряду читателей поначалу кажется ошибкой писателя, оказывается не ошибкой, а, наоборот, интересной находкой, логичной и обоснованной.

— Сопоставление сюжета и коллизий книги с реальной жизнью читателя. Общие принципы и аналогии: «жизнь — книга». «Примерка на себя» книжных ситуаций.

— Аллюзии на другие книги, произведения искусства и реальные исторические события. Постановка книги в общекультурный и исторический контекст, возникновение новых, дополнительных смыслов и параллелей.

— Эстетика языка и стиля. «Приемы» проводятся не только эффективно, но и максимально «чисто», можно сказать — «красиво».

— Интересные идеи: философские, социальные, научные.

— Пища для собственных размышлений и подспудные, не прописанные явно выводы, которые читатель может для себя сделать по прочтении книги.

Чем опытнее писатель, тем больше слоев и смыслов он может заархивировать в свою книгу и тем большему числу разных читателей она будет интересна.

6. Реализм

Олег Ладыженский: Старое окинавское каратэ имеет серьезнейшие отличия от спортивного и «киношного» каратэ. Оно незрелищно, практично и очень жестоко. Тычок в глаза, ребром ладони по кадыку — и травматичный пинок в колено. Удар в пах, удар коленом в лицо согнувшегося противника, захват и сворачивание шеи. Удар основанием ладони в нос, удушающий захват сбоку, бросок с добиванием. Удар лбом в переносицу, удар ладонями по ушам, захват «когтями» кадыка с рывком. Минимум затрат при максимуме поврежденных. Минимум морали и угрызений совести. Глухой реализм. Если смотреть со стороны — выглядит очень противно и нехудожественно.

Дмитрий Громов: В литературном творчестве внешняя «красивость» и «забойность» — как правило, удел легковесных книг. Один раз прочел, следя за сюжетом и приключениями героев, — и больше перечитывать не тянет. При чтении такой книги сразу чувствуется, что в ней все «не взаправду». Эффектно, но не эффективно.

Жесткость и реалистичность придает книге больше достоверности. Такой книге читатель верит, несмотря на все фантастические допущения. Воздействие такой книги значительно сильнее. Если привести примеры из Шолохова или вспомнить «Искру жизни» Ремарка — куда там хоррору и «мясным боевикам»! Некрасиво, зато — правда. Эмоциональное воздействие и сопереживание намного выше. Как некрасивый внешне удар зачастую оказывается наиболее эффективным.

7. Летящая крыша

Олег Ладыженский: В реальной драке побеждает тот, у кого быстрее «летит планка». Размышления, мораль, прикидки, как бы половчее ударить, боязнь уголовного кодекса, воспоминания о недавно изученных приемах, желание выглядеть настоящим мужчиной — все это ваша смерть. Интеллигентская рефлексия — смерть. Поэтому урка, мгновенно впадающий в блатную истерику, стократ опасней боксера, отягощенного рефлексией.

Быстрый переход в состояние зверя — обязательная часть подготовки бойца.

Дмитрий Громов: В литературном творчестве также важно «творческое состояние», вхождение в материал и в образ, «аура» книги — когда писатель работает не только на ремесленных навыках и мастерстве, а на интуиции и вдохновении. Он чувствует сюжет, героев, настроение книги, специфику каждого конкретного момента, темпоритм — и умеет передать эти ощущения читателю через текст.

Даже при невысоком уровне мастерства вхождение в творческое состояние помогает «зацепить» читателя. И выиграть у «технаря», пишущего «без души». Но когда в том же состоянии работает профессионал, хорошо владеющий и ремеслом, и мастерством, — эффект выходит намного сильнее. Т. е. оптимальное сочетание: это ремесленные и мастерские навыки + работа в творческом, расширенном состоянии.

8. Цели и задачи

Олег Ладыженский: Человек, занимающийся каратэ, ставит себе самые разные цели:

— Научиться драться.

- Стать чемпионом Европы.
- Стать профессиональным спортсменом и заработать много денег.
- Я — полисмен или солдат, это полезно для моей службы.
- Хочу поправить здоровье, фигуру, осанку.
- Я — «ботаник», это повышает мою самооценку.
- Это круто, мистично и загадочно.
- Драка — не важно, каратэ держит меня в форме и тонусе.

Мы для себя сформулировали собственную цель:

- Каратэ позволяет мне сохранить «статус хищника» на максимально долгий срок. Статус хищника — определенный комплекс психофизических кондиций. Хочется поддерживать его, несмотря на возраст.

Дмитрий Громов: Человек, начинающий писать художественные тексты, также ставит перед собой разные цели и задачи:

- Прорваться в «обойму» издающихся авторов.
- Получить литературную премию (выиграть конкурс).
- Стать профессиональным писателем и зарабатывать себе на жизнь.
- Самореализоваться.
- Поделиться с миром тем, что волнует и властно просится на бумагу.
- Быть писателем — это круто, престижно и возвышенно.
- Повысить свою самооценку.
- Публикации, тиражи и гонорары — не главное; я так самовыражаюсь, писательство придает смысл моей жизни.
- Писательство — побег от «серых будней», отдушина в этом скучном мире.

Разумеется, часть этих мотиваций может присутствовать у одного и того же писателя одновременно, в

большей или меньшей степени. Лично мы придерживаемся известной максимы: «Можешь не писать — не пиши». Кроме того, литература позволяет держать ум и душу «в форме», чувствовать себя живым интеллектуально, эмоционально и эстетически.

9. Особые качества

Олег Ладыженский: Каратэ — не только техника и «физиуха». Даже не только тактика и стратегия. Это еще и целый набор психологических, крайне важных качеств. Управляемая агрессивность, умение «сорвать себе крышу» и «вернуть крышу на место», собранность, скорость реакции на угрозу, сдержанность, миролюбие, вежливость, мобильность поведения, взгляд и выражение лица, чувство психодистанции... Это воспитывается сложнее, чем умение отжаться от пола 50 раз. Это требует более долгого времени. Это не достигается в детстве и юности. Но без этого вы или социально опасный зверь, или здоровенный неконтролируемый тюха, или жертва того, чья психика мощнее, или постоянный объект агрессии со стороны, или «сиделец на зоне».

Дмитрий Громов: Литература — это тоже не только умение связно рассказать историю. Литературу делает литературой собственно то, что находится в тексте *сверх* рассказанной истории. Это и чувство слова, и темпоритм; точность акцентов, аллюзии и ассоциации, многофункциональность диалогов, персонификация речи персонажей, стилизация, заложенные в текст идеи, сверхзадача... Умение входить в творческое состояние, умение использовать в книге жизненные ситуации и собственные переживания (даже негативные). Наблюдательность, нестандартность мышления, умение собраться и сесть за работу, даже когда нет настроения. Все это сразу развить невозможно. Как и в любом ис-

кусстве, необходимы долгие годы практики, накопления опыта и его осмысления. Содержание и форму следует развивать параллельно. Совершенствуя форму, наполнять ее все более глубоким содержанием.

10. Занятие и путь

Олег Ладыженский: В каратэ есть два определения: каратэ-дзюцу и каратэ-до. «Дзюцу» — по-японски «ремесло» или «искусство». Японцы не делают большой разницы. То есть это ЗАНЯТИЕ. Человек, занимающийся каратэ-дзюцу, учится максимально эффективно защитить жизнь и достоинство, свое или других людей. Он может служить в армии или полиции. Каратэ-дзюцу — прикладное умение, которое дает возможность обезвредить или уничтожить противника.

«До» — по-японски «путь». Каратэ-до — путь каратэ. Это личное совершенствование на базе каратэ-дзюцу. Это магистральный путь жизни. Сюда входит место в социуме, поведение, моральные качества. Это жизнь, превратившаяся в постоянную тренировку. Даже когда мастер пьет чай, он по-прежнему тренируется. Потому что с пути не сойти.

Дмитрий Громов: «Дзюцу» и «до» есть в любом искусстве. Нельзя сразу стать мастером. Сначала требуется овладеть основами ремесла, потом — ремеслом в полном объеме и затем подниматься вверх по ступеням мастерства. Сначала — построение фабулы, сюжета и композиции произведения. Идея, интрига, яркие персонажи, их характеры, литературный язык. Для фантастики — еще и оригинальное фантастическое допущение или оригинальное обыгрывание уже известного. Развитие характеров героев, выработка индивидуального стиля, появление многослойности, аллюзий, дополнительных смыслов. И лишь затем — работа с акцентами

и полутонами, использование общекультурного контекста, шлифовка индивидуального стиля. Разумеется, без потери приобретенных ранее ремесленных навыков.

Так занятие становится путем.

11. Травмы

Олег Ладыженский: Как ни крути, а с годами травмы накапливаются. Речь не о серьезных травмах, требующих категорического прекращения занятий (хотя и такое бывает), а о мелких и средних. Часть из них остается с тобой навсегда. Привыкаешь работать (драться, тренироваться), сберегая при этом не вполне работоспособный сустав, или старый перелом. Привыкаешь помнить, что эта нога поднимается лучше другой, а на дождь ноют кости...

Это — будни. Это мало кто замечает со стороны.

Дмитрий Громов: Увы, у всех нас умирают близкие люди. У всех случаются большие и мелкие неприятности. Бывает, что текст «не идет» или новую книгу не берут издатели. Накатывает хандра, облом, похмелье, нервный срыв или депрессия. Все это неприятно, мешает работать, но все это поправимо. Главное, с одной стороны, не опускать руки, а с другой — не заикливаться, не наступать раз за разом на большую мозоль. Собраться — и работать. Если переработался (такое тоже бывает) — устройте себе отпуск, отдохните, развеяться, сменить род деятельности, набраться новых впечатлений. Не ждать прихода «вдохновения», а научиться «генерировать» его. Нарботать «коронные» литературные приемы, которые лично у вас работают безотказно. Но при этом пробовать и новые приемы, иные подходы; не решать задачу «в лоб» — если не решается, — а зайти с другой стороны. Как известно: «Нормальные герои

всегда идут в обход». Не с первого, так со второго, третьего раза все получится.

Травма — не повод бросить литературу. И кропать об этом заметки в ЖЖ тоже не стоит. С травмой надо жить дальше, ища способы обойти повреждение.

12. Методика

Олег Ладыженский: В каратэ важна методичность обучения. Стратегия ставит цель, тактика выстраивает пути к цели. Выстраивает заранее, еще до того, как мы двинулись вперед. Ступенчатость и планировка обучения; аналогично — тактика и стратегия поединка. Без этого цели не достигнуть. Не начинают ни обучение (на любом этапе), ни схватку, не выстроив методический или тактический рисунок (план). Даже если схватка застала вас внезапно — ваш прошлый опыт, ваше умение и мастерство, тело и психика должны в считанные доли секунды, на уровне рефлексов выстроить тактическую схему боя. Исходя из параметров противника, почвы под ногами, времени года, степени угрозы...

Без этого — поражение или гибель.

В каратэ обязательна постепенность обучения. Нельзя требовать максимальной резкости или силы от начинающего — он порвет связки, травмирует мышцы, повредит суставы. Нельзя неконтролируемо увеличивать мощность набивок — ученик повредит себе кости и никогда больше не сможет заниматься единоборствами. Нельзя выпускать в свободный спарринг человека, не имеющего технической базы и психической устойчивости, — он получит серьезную травму или нервный срыв. Нельзя давать опасное оружие в руки дураку или хвостуну — он покалечится сам или покалечит других.

Только в кино (и в скверной фантастике) ученик приходит к мастеру — и через полгода участвует в крутых соревнованиях или бьет морду агенту ЦРУ.

Дмитрий Громов: Та же методичность, стратегия и тактика важны и в литературе — как при написании книги (аналог поединка в каратэ), так и в процессе творческого развития писателя (аналог обучения в каратэ).

Если говорить о написании книги — композицию, фабулу, сюжет, тему, идею и финал (на стратегическом уровне) стоит продумать заранее, прежде чем садиться за работу. «Накопать» нужный материал, «вжиться» в него, чтобы чувствовать себя в материале свободно и уверенно. Если же говорить о становлении писателя — нельзя «с нуля» достичь мастерства. Есть редкие исключения — гении, — они развиваются в разы быстрее, чем самые талантливые их коллеги. Но даже гениям необходимы время и опыт, чтобы раскрыться в полную силу.

Всему свое время. Видя перспективу, надо методично строить дороги к ней.

13. Секреты

Олег Ладыженский: В каратэ нет секретов. Нет великих тайн и загадочных приемов, известных лишь посвященным. Вернее, как сказал Морио Хигаонна, 10-й дан Годзю-рю, в каратэ есть три великих секрета. Это:

- Внимательно смотреть;
- Внимательно слушать;
- Очень много потеть.

Дмитрий Громов: Разумеется, талант в литературе необходим — как, кстати, и в боевых искусствах. А в остальном, что касается великих секретов... Внимательно смотреть — наблюдать за жизнью вокруг нас, накапливать впечатления и опыт, которые пригодятся в будущем, ибо одной фантазии недостаточно. Много читать хорошую художественную литературу — для наработки стиля и литературного вкуса; подмечать чужие приемы и творчески их переосмысливать. Читать

★ _____

специальную литературу — как по технике литературного творчества, так и по рабочим областям, что нужны для написания конкретных книг. Внимательно слушать советы более опытных коллег, но применять их осмысленно и к месту. Ну и, разумеется, очень много «потеть» — т. е. много работать.

А больше секретов нет.

ПРЕДИСЛОВИЕ. *Александр Железняков.*
 Будущее человечества — освоение космического
 пространства 5

ОТКРЫТЫЙ КОСМОС. НАДЕЖДА ЕСТЬ!

Мария Гинзбург. ЗАПЕЧАТАННАЯ КОЛЫБЕЛЬ. *Повесть* 19
Елена Красносельская. ЛОВУШКА ДЛЯ МЭРИ. *Рассказ* 126
Павел Мешков. ПРОСТО ЧУЧА. *Рассказ* 144
Рагий Рагутный. ПРИНЦЕССА СТОИТ ПОГОНИ. *Рассказ* 154
Дмитрий Феготов. РОБИНЗОНЫ МАРСА. *Рассказ* 183
Константин Ситников. МАРС ЖЕСТОК. *Рассказ* 209
Сергей Чебаненко. КОСМОЛЕТ «ОЧУМЕЛЫЕ
 РУЧКИ». *Рассказ* 224

ЗАКРЫТЫЙ КОСМОС. НАДЕЖДЫ НЕТ!

Дарья Зарубина. ЛЕТИ С ПРИВЕТОМ. *Повесть* 251
Тим Скоренко. ОДИН МОЙ ДРУГ. *Рассказ.* 291
Максим Тихомиров. ПЕРВЫЕ НА ЛУНЕ. *Рассказ* 305
Владимир Марышев. М-100. *Рассказ* 314
Наталья Болдырева. ГЕНЕРАТОР СЛУЧАЙНЫХ
 ЧИСЕЛ. *Рассказ* 331
Вячеслав Шторм. СОТАЯ МЕДАЛЬ. *Рассказ.* 346

МЫ В ГОСТЯХ У НИХ, ОНИ В ГОСТЯХ У НАС

Степан Вартанов. ИГРА. *Рассказ* 361
Андрей Бочаров. ИНСТРУКЦИЯ К КОНСТРУКЦИИ,
 ИЛИ ТЕХНИКА ВОЕННАЯ — СЕРЬЕЗНАЯ! *Рассказ* 372

<i>Ярослав Веров. ПРИВЕТ ИЗ ПРОШЛОГО. Рассказ</i>	390
<i>Вячеслав Шторм. МИСТЕР ДЖ. ИЗ ЛОНДОНА. Рассказ</i>	406
<i>Константин Ситников. КАРАМЕЛЬКА. Рассказ</i>	418
<i>Андрей Бочаров. ЧАСТОТА 100,0 МГЦ FM. Рассказ</i>	438
<i>Игорь Минаков. ПРИШЕЛЕЦ. Рассказ</i>	449
<i>Николай Степанов. БОКОВОЙ ОТСКОК. Рассказ</i>	466

СКАЗКИ ЗЕМНЫЕ И НЕБЕСНЫЕ

<i>Алексей Бессонов. ДОСПЕХ КОРОЛЯ. Повесть</i>	479
<i>Алексей Бессонов. ПОХИЩЕНИЕ ВДОВИЦЫ. Повесть</i>	513
<i>Дмитрий Володихин. ВОРОН И НЕБЕСНЫЕ КАВАЛЕРЫ. Рассказ</i>	558
<i>Андрей Дашков. ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ. Рассказ</i>	570
<i>Майкл Гелприн. ЧУЖАЯ НЕНАВИСТЬ. Повесть</i>	580
<i>Николай Калинин. ЛИЛОВЫЕ СВЕЧИ ИИРДА. Рассказ</i>	600
<i>Олег Силин. СТРОГО ПО РЕЦЕПТУ. Повесть</i>	615
<i>Светлана Тулина. КОРОЛЕВА. Рассказ</i>	636
<i>Марина и Сергей Дяченко. УЖАСНЫЙ ЗВЕРЬ ЛИМБО. Миниатюра</i>	648
<i>Юлиана Лебединская. ЗАВЕТНЫЙ ПЛОД. Рассказ</i>	650

ОЧЕРКИ И ЭССЕ

<i>Антон Первушин. ПОСЛЕДНИЙ КОСМИЧЕСКИЙ ШАНС. Очерк</i>	663
<i>Сергей Чебаненко. ЮПИТЕР А-ЛЯ РЮС: НЕСТРАШНАЯ БОЛЬШАЯ ПЛАНЕТА. Очерк</i>	686
<i>Виктория Балашова. РОССИЯ И МИР В 2100 ГОДУ. Эссе</i>	701
<i>Генри Лайон Олди. Я Б КУЛАКОМ ГАРМОНИЮ ПОВЕРИЛ... Эссе</i>	711

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА — 2012

Ответственный редактор *И. Минаков*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Л. Козлова*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректоры *Э. Казанцева, Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 18.04.2012.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «BalticaСТТ».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,64.
Тираж 3000 экз. Заказ № 4202135

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в филиале «НИЖПОЛИГРАФ»,
ОАО «Первая Образцовая типография»
603950, г. Нижний Новгород, ГСП-123, ул. Варварская, 32 .

ISBN 978-5-699-56892-5

9 785699 568925 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanс@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanс-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2012

Громадному космическому кораблю-ковчегу угрожает гибель. А ведь он почти достиг цели...

Российский солдат несет нелегкую службу на далекой планете. Единственная отдушина — письма любимой девушке, которые никогда не будут доставлены по адресу...

Великий писатель, великий режиссер и... космический пришелец, который рядом с ними кажется таким неприметным...

Генри Лайон Олди, Марина и Сергей Дяченко, Алексей Бессонов, Андрей Дашков, Ярослав Веров и другие в традиционном сборнике, собранном по результатам международного фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг».

skOmm.ru
снежный ком

